

1235

И. А. КРЫЛОВ

СОЧИНЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1934

84(210-150)1

к 85

43	ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
----	-------------------------------------

МУК "Муниципальная система муниципальных библиотек г. Омска"
--

190249-1

ОТ РЕДАКТОРА

Цель настоящего однотомного издания сочинений И. А. Крылова — дать читателю тщательно проверенный по первоисточникам текст полного собрания басен Крылова, а также избранных его произведений других жанров. Сочинения, не включенные в данное издание, перечислены в примечаниях. Примечания (выноски в тексте — также от редактора) — по преимуществу библиографического и текстологического характера, с краткими указаниями на достоверные историко-литературные факты, окружающие то или иное произведение Крылова. Опыт анализа основных проб-

лем творчества Крылова дан в статье В. М. Саянова.

Считаем необходимым выразить благодарность Рукописному Отделению Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде и Рукописному отделению Библиотеки Академии Наук СССР, предоставившим нам для просмотра рукописи и редкие издания сочинений Крылова, И. А. Бычкову и Л. К. Ильинскому, помогавшим нам во время редакторской работы полезными указаниями, а также С. А. Коппан-Шахматовой, И. А. Кубасову и Е. П. Казанович, взявшим на себя труд чтения первых корректур.

КРЫЛОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Канонический образ Крылова, замечательно запечатленный в статуе Клодта, до сих пор еще бытует в литературе.

При упоминании о Крылове, неизбежно приходят на память анекдотические черты его характера, которые, давая много интересного для понимания облика Крылова в быту, весьма мало уясняют его литературную роль и его значение в развитии русской литературы.

Канонический образ писателя вообще принадлежит к тем явлениям литературного быта, которые с легкой руки современников или ближайшего потомства, раз навсегда установившись, закрепляются в памяти поколений и не так-то легко перемещаются в дальнейшем. Канонический образ писателя долго еще живет после того, как новые факты опровергают старую обрисовку характера, после того, как новые материалы, ненапечатанные документы, заново исследованные тексты, показывают нам писателя с новой и раньше еще совершенно неизвестной стороны. Ю. Н. Тынянов утверждал однажды, что мы до сих пор живем традиционным подбором имен в русской классической литературе, подбором, сделанным давно отжившими направлениями литературно-общественной мысли. В значительной мере это относится и к литературной биографии отдельных писателей прошлого. Существование легенды о Крылове — бесспорный и совершенно очевидный факт для каждого исследователя, пытающегося по-новому понять характер литературного движения конца XVIII века.

Канонический образ Крылова, несмотря на то, что за время, протекшее со дня его смерти, появилось много материалов, по-

новому освещающих личность знаменитого баснописца, и в наши дни остается почти таким же, каким он был в последние годы его литературной деятельности. Между тем, жизнь и деятельность Крылова принадлежат к примечательнейшим явлениям в нашей литературной истории. Немногие писатели из той многочисленной плеяды, которая стояла на рубеже XVIII и XIX веков, представляют такой интерес, как Иван Андреевич Крылов.

В силу ряда причин объективного характера, эволюция жанра, в котором преимущественно работал Крылов, не исследована еще до сих пор. И в наши дни басню ощущают как один из второстепенных жанров классической литературы. Составитель известного сборника «Русская Муза» народоволец П. Я., в свое время, подбирая наиболее значительные произведения русской поэзии, не дал места ни Крылову, ни А. Е. Измайлову, ни Хемницеру, ни Дмитриеву, как баснописцу. Очевидно им руководило в данном случае традиционное представление о басне, как о жанре второстепенном, не заслуживающем места в сборнике лучших достижений русской поэзии. Подобное же традиционное представление о басне очень часто встречается и в наши дни. В отношении басен Крылова большинство историков литературы сходитя на том, что это басни сугубо реалистические, исполненные «здравого смысла» и правоучительные, но кроме этих утверждений никаких других указаний на характер крыловских басен почти не дается. Между тем это, кажущееся бесспорным, положение, если попробовать его детально проанализировать, не окажется верным на все 100%. В самом деле, в отношении «здравого смысла» басни Крылова зача-

стю весьма невыдержаны. Это мало ощущается нами, с самого детства привыкшими к басням Крылова, но это живо чувствовали современники. После появления французских переводов басен критик Э. Геро в «Revue encyclopédique», сравнивая басни Крылова и Лафонтена, указывал, что в баснях Лафонтена «больше правдоподобия действия и что в его баснях не встречается ничего подобного тому, например, чтобы щука вместе с котом пошла на ловлю мышей».¹

Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил легопный оброк собрать с овец.
(«Слон на вовводителъ».)

«На что волкам тулупы и разве надобны им овечьи кожи?» — лукаво спрашивал Каченовский в 1812 году на страницах «Вестника Европы».

Александр Ефимович Измайлов в исследовании «О рассказе басни»² дал следующую характеристику отдельных басен Крылова в отношении их правдоподобия:

Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что зайцу дан клочок медвежьего
ушка.
(«Заяц на ловле».)

«Как волки не едят капусты, так и зайцы не питаются мясом животных».

Пошли, засели
(«Щука и кот».)

«Щука ходить не может»

Из кожи лезут вон, а возу нету ходу:
Поклажа бы для них казалась и легка,
Да лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а щука тянет
в воду.
(«Лебедь, Щука и Рак».)

«Если действительно поклажа была легка, то лебедь мог поднять на воздух и воз и щуку и рака».

Журавль свой долгой нос по шею
Засунул волку в пасть...
А это ничего, что ты свой длинный нос
И с глупой головой из горла цел унес.
(«Волк и Журавль».)

«Судя по величине волчьего горла и журавлиного носа, последний должен был пройти гораздо далее и повредить у волка внутренности».

«Впрочем сии ошибки отчасти извинительны, — утверждает Измайлов, — и, так сказать, едва приметны в хороших стихах; но погрешности против правдоподобия наших баснописцев-рифмачей бросаются тотчас всякому в глаза и заставляют против воли смеяться. Некоторые из таковых нелепых погрешностей весьма забавно описаны в следующих стихах Остолопова:

Хочу ли испытать я в притчах дарованья.
Бюффон передо мной — вот список всех зверей:
Вот птички, мотыльки, чудовища морей.
Любых беру, а все мученье со скотами!
То голубь у меня является с зубами,
То уж с коленами, то прыгает паук,
То мухе смерть пришла от ласточкиных рук.
Недавно и с ослом я до поту пробился:
Лишь начал я — а он в ослицу превратился и т. д.

Действительно, поверять баснописца Бюффоном — труд тяжелый и неблагодарный. Некоторые критики утверждали, что основным достоинством классической басни является расширение познаний о естественной истории животных. Приведенные выше примеры наглядно показывают неверность этого утверждения. Какими причинами объясняется «неправдоподобие» у Крылова, мы увидим ниже. Пока же учтем приведенный материал, как подтверждающий неверность некоторых традиционных представлений о басне Крылова.

Разборы Измайлова нельзя признать достаточно глубокими и серьезными. Утверждение Кеневича о том, что «заметки Измайлова» в статье «О рассказе басни», по своей мелочности не могли иметь заметного влияния на баснописца, следует признать правильным.³ Сам Крылов писал как-то совсем по другому поводу:

Полезен ли другим о басне сей урок,
Не знаю, а творцу бедняжке он не впрок.

Однако значение высказываний Измайлова и ряда других критиков для нас в другом: утверждения о правдоподобии и «здравом смысле», которыми,

¹ Э. Геро был не совсем прав: и у Лафонтена есть немало отступлений от правдоподобия.

² Сочинения, т. 2. Спб. 1849, стр. 649—730.

³ Библ. и ист. прим. к басням Крылова. Составил В. Кеневич. Спб. 1878, стр. 111.

будто бы, целиком проникнуты басни Крылова, оказываются не совсем верными с точки зрения теории «рассказа басни», существовавшей в те годы. У Крылова нет таких явных отступлений от правдоподобия, какие есть у «отца зубастых голубей» графа Д. И. Хвостова, происходящих от бесталанности автора, так как его «отступления» объясняются совершенно другими причинами: Крылов вносит в басню принципы сатирической прозы. «Неправдоподобие» отдельных деталей — зачастую даже сюжетных мотивировок с точки зрения здравого смысла — при общем реалистическом направлении повествования — характерный признак ряда крупных произведений этого жанра. Эти принципы сатирической прозы — в свое время так основательно разработанные Крыловым — зачастую вносились им в басню.

G. Lanson «Histoire de la littérature française (Paris, 1901, p. 557) писал о Лафонтене: «La vérité psychologique, le sentiment poétique, la délicatesse rythorique, voilà les parties essentielles de la fable, telle que La Fontaine l'a faite». (Психологическая правда, поэтическое чувство, ритмическая тонкость — вот основные качества созданной Лафонтеном басни.) Такое определение баснописца характерно не только для французской истории литературы.

Таковыми же общими, ничего не значащими определениями ограничиваются и наши историки литературы, едва разговор зайдет о басне Крылова. Значение поэтической работы Крылова до сих пор неясно даже серьезным исследователям. Так, например, П. Н. Сакулин вслед за Пыпиным утверждает, что «басня Крылова осталась как бы вне литературного движения». Не приходится и говорить о том, что это утверждение совершенно бездоказательно. Тем не менее, до сих пор нет ни одного исследователя, показывающего, почему Крылов был последним русским баснописцем, какова была роль басни в развитии русской литературы, какими путями смыкалась басня Крылова с литературным движением восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Краткие размеры предисловия не позволяют поставить этот вопрос во всей

его широте, и поэтому я ограничусь только теми сторонами литературной деятельности поэта, которые представляются мне наиболее значительными, помогают уяснению характера литературного движения XVIII и XIX веков.

II

Русская литература XVIII века еще ждет своего марксистского анализа. До сих пор еще нет общего исследования об этой эпохе, богатой социальными противоречиями и чрезвычайно значительной с точки зрения литературного развития. До сих пор еще зачастую встречается утверждение об исключительно, будто бы, придворном и дворянском характере этой литературы. До сих пор еще нет достаточно глубокого учета тех движущих социальных сил, которые определяли литературное движение XVIII века. Между тем, для всякого не предубежденного исследователя изучение литературы этого времени даст исключительный по значению материал. XVIII век был веком ожесточенной экономической борьбы. Борьба буржуазных и феодальных начал в политике и экономике не могла не отразиться в литературе. «Выдвижение» в литературу новых по социальному составу писательских кадров в это время шло более быстрым темпом, чем, скажем, в первые годы Александровской эпохи.

Здесь не место говорить об общем характере литературы XVIII века. Отдельные черты литературного движения этого столетия, непосредственно связанные с творческой деятельностью Крылова, будут освещены дальше, и поэтому я ограничусь указанием на то, что русская литература того времени по социальному составу создававших ее писателей была сравнительно демократической. В самом деле, процент самоучек был в ней исключительно велик. Выходцы из низших социальных слоев тогдашнего общества являлись зачастую крупнейшими писателями эпохи. Достаточно указать, например, что Тредьяковский — сын попа, Ломоносов — сын купца из крестьян, Аблесимов — настолько малограмотен, что А. Веселовский («Западное

вливание в русской литературе) утверждает: «трудно объяснить себе странное соприкосновение, хотя-бы в общем смысле, двух [очень похожих друг на друга. В. С.] опер «Мельника-колдуна» и «Le devin du village» Руссо». Крылов был сыном бедного мелкого дворянина, уже с ранней юности он был вынужден зарабатывать на пропитание личным трудом. Фонвизин упрекал «русского Детуша» Лукина в том, что «предки Лукина никаких чинов не имели.» Отец Державина был дворянином, но у него было только десять крестьян, цифра по тому времени очень незначительная. Происхождение Кострова из крепостных крестьян было так «унизительно» с дворянской точки зрения, что замечательный переводчик Гомера выдавал себя за сына дьячка, выходя из такой социальной среды, которая, как известно, тоже особым аристократизмом не отличалась.

Социальная борьба, нашедшая свое отражение в общественных движениях эпохи, поднявшая восстание такого громадного размаха, как Пугачевское, не могла не определить столкновение идеологических систем конца XVIII века.

Судьба русского материализма этого времени, по справедливому замечанию некоторых исследователей, была трагической. И. Луппол, характеризуя материализм Радищева, указывает, что «раздвоенность, выстраданная Радищевым, быть может не делает чести ему, как философу. Последовательным, законченным материалистом он не был. Но он и не мог быть таковым. Для этого нужна была иная обстановка, иная группировка классов и иная личная судьба. Радищева, пожалуй, больше чем кого другого необходимо брать не только в связи его идей, но и в связи с той почвой, на которой он рос и которая его питала». Материализму Радищева, являющемуся логическим следствием той социальной позиции, которую занимал автор «Путешествия из Петербурга в Москву», сопутствуют и аналогичные явления в области художественной литературы. Подобно тому, как намечающаяся русская буржуазия не смогла в XVIII веке создать стройной материалистической системы, она не сумела в этом столетии

поднять и такого литературного движения, которое было бы явно буржуазным. Первые зародыши буржуазной литературы в России можно отнести к XVIII столетию, но до сих пор еще не ясно, какими путями шел этот подготовительный процесс исключительного исторического значения. Будущему исследователю предстоит многочисленные открытия, по-новому объясняющие характер литературного движения этой эпохи, но очевидно, что зарождающаяся буржуазная литература шла причудливыми и прихотливыми путями, редко где закрепляясь в кристаллически ясных классовых формах.

Развитие буржуазной идеологии в литературе XVIII века трудно наметить в наши дни, так как соответствующий историко-литературный материал только еще начинает подвергаться исследованию и обработке. Однако, какое бы явление литературной истории мы ни взяли, всюду, при вдумчивом отношении к материалу, мы найдем черты, характерные с этой точки зрения. Будут ли это споры о народности, завершение которых было дано уже в Пушкинскую эпоху, или появление мешанской драмы 70-х годов, будет ли это историческое развитие басни или литературные выступления «сантиментальной» школы, всюду мы увидим, — подчас очень тонко завуалированные, — классовые корни, без особого труда мы почувствуем отражение в литературе той борьбы буржуазных и феодальных начал, которая характерна для восемнадцатого столетия.

После нескольких десятилетий споров о «народности» Пушкин в 1825 году писал: «С некоторого времени у нас вошло в обыкновение говорить о народности, жаловаться на отсутствие народности, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность. Один из наших критиков кажется полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории. Другие видят народность в словах, оборотах, выражениях, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения. Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть

оценено одними соотечественниками: для других оно или не существует, или даже может показаться пороком».

Попытки Пушкина внести терминологическую ясность в вопрос о народности заранее были осуждены на неудачу: каждая социальная группировка вкладывала в понятие «народности» свое отличное от других содержание. Терминологическая ясность в данном вопросе, четкое и для всех обязательное определение этого понятия, означало бы примирение борющихся социальных групп и поэтому указанные выше попытки были заранее осуждены на неудачу. Понятно, что черты «народности» должны были особенно привлекать писателей, хотя бы отдаленно близких начинающей формироваться буржуазной идеологии. Низшая демократическая линия XVIII века носила в себе черты этого нового социального содержания. Ее пародийный характер, новые демократические герои, выступающие в литературных произведениях данного толка,¹ сугубая реалистичность рассказа при пародийной сказочности мотивировок; все это было отражением сложных социальных сдвигов.

В истории любой литературы много легенд, происходящих от того, что представители господствующего в литературном движении класса извращают события под углом своего классового зрения на вещи. Меринг разрушил когда-то буржуазную легенду о Лессинге. Марксизм в целом разрушил много легенд в области истории литературы.

Давно пора разрушить дворянскую легенду о карамзинской школе. Готовая схема, шпаргалка, по которой изучали литературу предшествующие поколения, довлеет над нами в данном вопросе. «Дней Александровых прекрасное начало», Пушкин, поэты его времени, зарождение русской прозы, все это совершенно заслонило от нас XVIII век, его движущие силы, его социальные и литературные устремления. Греч в «Северной Пчеле» (1857, № 147) писал: «Литературная дея-

тельность Крылова представляет редкое явление. Она делится широким промежутком на два неравные периода. В первом видим умного писателя, ничем не возвышающегося, ни талантом, ни слогом над своими современниками, связанного тяжелыми узами безвкусыя, подражательности, варварского слога старинной эпохи; в другом — оригинального, гениального, образованного поэта. Умри он в одно время с товарищем своим Клушиным (1804 г.), никто не догадался бы ныне, что когда-либо существовал Крылов». «Старинная эпоха» XVIII века, «ложноклассицизм», — все эти определения характерны не только для Греча, который здесь цитируется лишь как один из многочисленных примеров смазывания социальных противоречий эпохи, но даже и для радикально-демократической журналистики сороковых годов. В самом деле, как относился к XVIII веку Белинский? «Итак, что же мы видим в этом периоде русской литературы? — пустое и бесплодное подражание, схоластическое, враждебное обществу и жизни направление и случайные проблески дарований — не больше. Видим словесность, но не видим литературы. Ломоносовский период русской литературы сменился карамзинским. Вместо подражания римлянам и немцам XVII века и первой половины XVIII века мы стали подражать французам. Язык сверг с себя латинско-германские вериги и вместо их облекся в шитый французский кафтан прошлого века. Это было шагом вперед: язык приблизился к языку живому, общественному; литература из надутно-героической сделалась сантиментально-общественной и современной». («Русск. литер. в 1841 г.» — Собр. соч., 1896, т. 2.) Таким образом и для Белинского появление карамзинской школы характерно именно как повлекшее за собой зарождение «общественной и современной» литературы.

Между тем утверждение Белинского в значительной мере неверно. Дворянская легенда о карамзинской школе оказала влияние и на его взгляды. Попробуем хотя бы в основных чертах наметить принципы, которые вели к смене школ в литературном движении XVIII века.

¹ В поэме В. И. Майкова «Елисей» в числе героев фигурируют: извозчики, работница кирпичного завода, откупщики, мужики: зимогорцы и волдайки; и т. д., и т. д.

Произведением, наиболее характерным для эпохи сатирических журналов, следует признать «Путешествие» Радищева, подобно тому, как для карамзинской школы наиболее примечательным документом в том же жанре являются «Письма русского путешественника». Достаточно сравнить эти произведения, чтобы почувствовать, насколько различны социальные силы, питавшие творчество Радищева и Карамзина. Как и Радищев, Карамзин формально зависел от Стерна, но вместо общественной сатиры у Карамзина зазвучали нотки социального примирения, общественной успокоенности, отвлечения от освободительных устремлений русских просветителей XVIII столетия. Очевидно, здесь сказались не только разница темпераментов и некоторых литературных влияний. Для исследователя, пытающегося марксистски истолковать события литературной истории, подобные объяснения всегда останутся нерешительными и шаткими, поскольку противоположным оказываются социальные устремления писателей.

Есть причины гораздо более глубокого социального характера, определившие эти расхождения. Для того, чтобы их понять, следует обратиться к работам по русской истории и хотя бы в общих чертах уяснить, по каким путям шло общественное развитие этого времени.

М. Н. Покровский в «Русской Истории» прекрасно разоблачил политический либерализм Александровской эпохи.

«Для того чтобы нарисовать себе во весь рост российский либерализм «дней Александровых прекрасного начала», понадобилось знакомство с подлинными дневниками Строганова, опубликованными лишь в начале текущего столетия. Но уже мемуары Чарторыйского, напечатанные еще в 80-х годах прошлого века, давали полную превосходную характеристику «топтанья на одном месте», что после них говорить серьезно о «реформах первых лет царствования Александра I» можно было лишь при очень большой предвзятости в пользу всяких реформ, хотя бы они ограничивались переобмундированием русских чиновников на английский лад. Не нужно за-

бывать, что Чарторыйский принадлежал к числу ближайших сотрудников Александра в этих реформах, а по уму был самым крупным из этого кружка, не исключая, конечно, и самого императора. Если этот человек, вовсе кругом не желавший злословить, стремившийся, напротив, представить злосчастные «реформы» в возможно более выгодном свете, не мог припомнить ни одного факта в их пользу, кроме того, что «теперь лучше была организована продажа соли», и в конце концов должен был признаться, что «дело шло», главным образом, о том, чтобы «вести в новую администрацию молодых друзей императора», то, значит, вообще сказать было нечего» (цитирую по изд. Т-ва «Мир», т. III, стр. 277).

Кружок, в котором духовно рос Карамзин, в миниатюре напоминал кружок молодых друзей императора. В нем был достаточно крупный человек Ленц, друг Гете, один из видных участников литературного движения эпохи «бури и натиска». «В этом кружке сначала боготворили Руссо, рвались на волю и в одиночество, потом поэтизировали французскую революцию, американскую войну, швейцарскую свободу. Карамзин считал своими любимыми героями Франклина и Вильгельма Телля» (Алексей Веселовский, Зап. влиян. в русск. литер. М., 1883, стр. 104). Однако этот беспредметный либерализм был недолговечным. Постепенно Карамзин «все более и более отрешается от прежних надежд, отдается сладкогласному и бессодержательному стихотворству или безобидным философским рассуждениям, которые слагает по указке западных деиств, издает невинные альманахи, которые, несмотря на то, цензура находит возможным обезобразивать, впадает в прежнюю сентиментальность, задыхается в своей роли и часто стыдится ее» (ib., стр. 105).

Как видим, социальная судьба Карамзина отлична от социальной судьбы Радищева и Крылова. Эволюция Карамзина вправо привела его постепенно к вере в

Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Крылов впоследствии, отказавшись от взглядов своей молодости, тоже ушел вправо. Но он был только попутчиком в дворянской литературе. Карамзин же был органическим дворянским писателем. Он стал одним из идеологов дворянской реакции. «Сантиментальная» школа осуществляла ее социальный заказ.

Социально-политические корни Радищева были совсем другими. И. Луппол в статье, посвященной «трагедии русского материализма XVIII в.» («Под знаменем марксизма», 1924, кн. 6 — 7, стр. 27) дает следующую, на наш взгляд совершенно правильную характеристику Радищева: «Он стоял не над классами, как полагает новейший исследователь В. И. Семенников, а во главе только намечающейся русской буржуазии. Эта классовая оценка Радищева идет вразрез с установившимся на него взглядом историков-идеалистов как на поборника вообще «народного правления», стоявшего вне классов. Радищев — «рабства враг», горячий поборник освобождения крестьян, говоривший только от их имени, сторонник свободы вообще, демократии вообще и т. д. и т. д. В таких взглядах налицо недооценка общественной роли буржуазии как революционного класса конца XVIII века. Маркс говорил, что в буржуазных революциях революционная группа, меньшинство, выступает как носительница интересов всего общества. Так и французская буржуазия выступала вовсе не как группа, отстаивающая групповые интересы, но интересы общества в целом. Аналогичную роль играл и Радищев»¹.

Как видим, социальные характеристики Радищева и Карамзина совершенно различны. Значит, дело здесь не просто в разнице темпераментов и литературных влияний. Карамзинисты смазывают социальные противоречия, Радищев и сотрудники сатирических журналов 80-х

¹ З. И. Чучмарев в интересной статье «Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени» («Наукові записки Науково-Дослідної Катедри іст. європ. культ.» Д. В. У. 1927), возражает против точки зрения И. Луппола; однако, на наш взгляд утверждения Чучмарева никак не опровергают доводов Луппола.

годов заостряют их. За плечами каждого стоят совершенно отличные социальные формации — в первом случае явно реакционные, во втором — по тому времени — освободительные. Таким образом сантиментальная школа — не проводник прогресса, а одна из составных сил дворянской реакции, тесно сомкнувшейся с самодержавным абсолютизмом эпохи. Крылов в молодости, конечно, примыкает к Радищеву.

Для выяснения вопроса о близости Крылова к Радищеву громадное значение имеет исследование журнальной деятельности Крылова. Уже несколько десятилетий в научной литературе ведутся споры о том, действительно ли являлся Радищев сотрудником крыловских журналов, на чем настаивают некоторые исследователи. Теперь, после опубликования указанной выше работы З. И. Чучмарева, вопрос этот следует считать окончательно решенным. Подробный стилистический анализ, сделанный Чучмаревым, доказывает, что 17 писем, опубликованных в «Почте Духов», принадлежат Радищеву. Редактором «Почты Духов» был Крылов. Он был моложе Радищева, сравнительно малокультурен, и поэтому влияние Радищева на него следует считать бесспорным.

Между Крыловым и Радищевым была однако большая разница в принципах личного поведения. Когда Екатерининская реакция — политическим продолжением которой была в целом политика Александра I — разгромила передовую общественную группу того времени, Радищев имел в себе достаточно силы, чтобы заявить

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек.
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страхе
В острог Илимский еду.

У Крылова не хватило общественной выдержки, чтобы пойти по пути, указанному Радищевым. Это чувствуется и по его позднейшим признаниям: «Ах мой милый, со мной был случай, о котором, теперь смешно говорить; но тогда я скорбел и не раз плакал, как дитя. Журналу не повезло и еще одно обстоятель-

ство... Да кто не был молод и не делал на своем веку проказ» (Быстров. Отрывки из записок моих о Крылове, «Сев. Пчела», 1845 № 203). Путь, на который стал Радищев, путь изгнания и борьбы, оказался непосильным Крылову. Однако он был вынужден прекратить занятия литературой. Те годы, которые следовали затем, были годами совершенного отхода Крылова от литературного движения. Он стал приживальщиком и карточным игроком. Он опускался до самых низов современного ему общества. Но это сближение с социальными низами не дало ему воли к борьбе. Наоборот, он постепенно все больше и больше отходил от радикальных идей своей молодости. К началу александровской эпохи относится возобновление его литературной деятельности. Единственными жанрами, в которых могли развернуться его старые навыки, были — комедия и басня. Что к басне он шел без охоты, доказывает хотя бы свидетельство о том, что Дмитриев заставил его «преодолеть отвращение от этого рода поэзии» (Шлетнев, Соч. I, 344). Басни были напечатаны в «Московском Зрителе» — с этого времени начинает расти известность Крылова, как баснописца.¹

Крылов отказался от взглядов своей молодости, отказался от борьбы за те принципы, во имя которых умер Радищев, он пошел на сближение с литературой дворянской реакции. Однако еще не сразу признали его своим новым литературные круги. Сантиментальная басня Дмитриева больше отвечала требованиям новой эпохи, чем сатирическое повествование Крылова. Общественный темперамент баснописца, уже и после того, как он перешел в лагерь воинствующей реакции, давал себя чувствовать. Именно в его басне, больше чем в чьей бы то ни было другой, пробивались черты по-

литического памфлета. Правда, этот памфлет делал нужное дворянству дело, но в целом басня Крылова напоминала о предшествовавшей эпохе, а литературные ее корни, ее близость к тому направлению в русском стихе, которое связывалось с такими произведениями, как «Елисей», как «Ломберный игрок», как басни Измайлова, как вся «низшая», демократическая линия XVIII в., её «попутничество», все это заставляло относиться к ней настороженно. Вот одно из свидетельств современника (Вяземский, сочин. т. VIII, стр. 53): «Блудов сказал о новом собрании басен Крылова, что вышли новые басни Крылова со свиной и с виньетками — «Свинья на барский двор когда-то затесалась» и пр. Строгий и несколько изысканный вкус Блудова не допускал появления Хавроньи в поэзии». Сам Блудов в «Мыслях и замечаниях гр. Блудова» (Спб., 1866 г.) пишет: «Что это за басня», вскричал Крылов, прочитав «Пьяницу» А. Измайлова, «какие отвратительные картины и какой площадный, подлый слог». «Да, — сказал ему Д., — это ваша свинья в платье квартального». Хороший урок для писателей, имеющих талант и славу. Их пример заразителен.

Выступления кн. Вяземского против Крылова были далеко не случайны. Поклонники таланта Крылова воспринимали эти нападки Вяземского болезненно. Например в письмах Н. Языкова к брату («Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период жизни», т. I, Спб. 1913, стр. 113) находим следующее упоминание об этом. «Слышно, что у Булгарина откроется война с Вяземским: ибо последний (каналья) в биографии Дмитриева предпочитает его Крылову; это безбожно и безвкусно, как мне кажется, и может быть сказано только одним Вяземским, который Дмитриеву или кум или сват».

Поддержка, оказанная Булгариним имени Крылова, его «война» с Вяземским объясняется — как это ни покажется странным читателю — некоторой сходностью литературных позиций Булгарина и Крылова. Имя Булгарина в настоящее время настолько однозвучно, что до сих пор не появлялось еще ни одной

¹ По свидетельству М. Лобанова («Сын Отеч.» 1847, № 1, стр. 4—5) первым опытом Крылова в стихах были переведенные на 14-м году (1781—82 г.) басни из Лафонтена, которую знатоки того времени и между прочим И. И. Бецкой хвалили, но время истребило ее. Ф. А. Витберг указал на басни Крылова, напечатанные еще в 1788 г., однако, по настоящему Крылов занялся басней только в начале восьмисотых годов.

работы, по-настоящему освещающей личность этого писателя. Между тем, этот проходимец и провокатор, навсегда заклеянный эпиграммами Пушкина и традицией русской демократической журналистики, был незаурядным литературным деятелем и журналистом. Его социальная судьба прекрасно сформулирована Пушкиным:

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве — мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он? Он в мещанской дворянин.

Традиции русской сатирической прозы 80-х годов были ему близки. Влияние прозы Крылова на его романы было несомненно. Материал сатирических романов Булгарина тесно примыкал к кругу житейских наблюдений Крылова. Недаром Булгарин впоследствии вспоминал: «И. А. Крылов любил рассказывать об этой неопределенной (период картежной игры. В. С.) полосе своей жизни, он сообщил мне несколько игрецких анекдотов и справедливых происшествий, которые я поместил в Иване Выжигине».

Прошло значительное количество лет прежде, чем дворянская литература в целом сочла Крылова своим. Зато потом он был превознесен ею. Тот же Вяземский, который когда-то третировал баснописца, в 1838 году, в день семидесятилетия Крылова, иначе оценил его литературную деятельность:

На радость полу-вековую
Скликает нас веселый зов.
Здесь с Музой свадьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.
На этой свадьбе все мы сватья
И ве к чему тайть вину,
Все вадно, все без пзьятья,
Мы влюблены в его жену.

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль.
Он баснями себя прославил,
И басни эти — папа былъ.
И не забудут этой были
Пока по-русски говорят:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердят.

Социальная природа карамзинской школы намечена выше. Дело здесь было не только и не столько в Карамзине, сколько в общих социальных явлениях

времени. Говоря современными определениями, Карамзин выполнял определенный социальный заказ. Общие же устремления, родственные карамзинской школе, подготавливались еще задолго до Карамзина. Это отмечают даже такие исследователи, которые чужды классовому истолкованию событий литературной истории. Л. Н. Майков, например, указывает, что «направлением литературного вкуса, стремящимся удалить из словесности все грубо-реальные черты народности, подготавливается то отвлеченное и сантиментальное изображение русской жизни, которое мы видим в «Бедной Лизе» и «Фроле Сплине» Карамзина. Василий Майков застал это литературное направление только в период его зарождения, но не имел достаточно силы таланта, чтобы устоять против его влияния.¹

Не следует понимать приведенного мною материала, как попытку умалить значение Карамзинской школы в общем развитии русской литературы. Моей задачей было лишь доказать, что пути ее развития были другими, чем принято предполагать.

Характерно, что и в вопросе о «народности» карамзинская школа имела собственную позицию. Здесь не место выяснять ее подробно, мне хочется лишь отметить попытку новой школы содействовать созданию нужной — с точки зрения карамзинистов — народной литературы. Уже в двадцатых годах XIX столетия И. И. Дмитриев следующим образом определяет направление работы крестьянского поэта самоучки — Слепушкина. «Теперь остается пожелать ему, чтобы он, продолжая стихотворствовать, ознакомился с учебными книгами и к описательной поэзии присоединял иногда и нравственные поучения поселянам, соразмерив с их состоянием». (Соч. И. И. Дмитриева, ред. Флоридова, т. II стр. 293.) «Московский Телеграф», занимавший другую общественно-литературную позицию), в 1830 г. указывал, что «г. Слепушкин, родившись в крестьянском быту, почти

¹ Л. Н. Майков, Оч. из ист. русск. литер. XVIII и XIX вв., стр. 308, Спб. 1889.

не был селянином и едва ли мог любить сельскую жизнь, с молодых лет живя возле Петербурга, и, занимаясь молочной торговлей, описывать сельскую природу и крестьянские занятия он вздумал не сам, а последовал в этом совету людей, желавших развить его поэтический дар. Самое исполнение его стихотворений отзывается чем-то чуждым и как будто не крестьянской рукой». Но творчество Слепушкина было объективно выгодно дворянству. В то время, как в деревне росли сложные классовые противоречия и крестьянство изнемогало от социального гнета, Слепушкин, говоря словами одного современного ему поэта,

... войдя в свой огород,
Под тенью пел уединенной,
Красу лугов, долин, полей,
Жизнь мирную своих собратий.

Идиллизация деревни, деревенского труда, утверждения о сытой и счастливой жизни крестьянства — вот основной лейт-мотив книги Слепушкина.

Слава богу, хлеба много, тем богат мужик
Из того он делит всюду и доволен и живет —
вот обычное утверждение Слепушкина. Не случайно именно «Московский Телеграф» «разоблачал» оторванность Слепушкина от современной ему деревенской действительности. «Народность» карамзинская школа организовала в нужном направлении ей. Ей были в этом отношении близки и многие поэты пушкинской поры.

Деревенские идиллии Дельвига, описания деревни у Пушкина — все это стоит в одном ряду, все это разветвления одной социально-литературной традиции.

«Народность» Измайлова была всегда неприятна карамзинистам. «Народность» Крылова на первых порах тоже не особенно их привлекала. Но по мере того, как социальная позиция Крылова менялась, по мере того, как он реакционными баснями десятых и двадцатых годов отказывался от передовых идей своей молодости, Крылов делался все более и более приемлемым. «Народность» была нужна для дальнейшего утверждения школы. Именно поэтому изменилось отношение к Крылову.

Может быть кое-кому это утверждение покажется странным, но есть черты сходства в литературной деятельности Пушкина и Крылова. Основная черта этого сходства заключается в том, что оба они были завершителями некоторых литературных жанров, бытовавших в литературе XVIII века. Крылов — завершил басню, Пушкин — эпическую поэму. В самом деле, XVIII век не только век лирической поэзии, но и век, в который создавались крупнейшие эпические поэмы. От «Россиады» до «Елисея» проходит блестящая линия развития повествовательного стиха. XIX век был лирическим по преимуществу —

Умчался век эпических поэм
И повести в стихах давно приплыли
в упадок...

писал впоследствии Лермонтов. В самом деле, большая форма не удавалась таким крупнейшим поэтам столетия, как Фет, Баратынский, Тютчев, Языков. Поэмы Лермонтова — последняя (зачастую неудачная) попытка пробиться в этой области дальше Пушкина. Только у Некрасова намечается эпическая поэма, но в конце концов и он в лучших местах своих оказывается исключением, только подтверждающим общее правило. Подобно тому, как Пушкин завершил поэму, Крылов завершил басню. Попытки его подражателей продолжить жанр оказались неудачными. В силу каких же причин произошло это вырождение басни? Главными причинами, на мой взгляд, были две: первая была связана с вопросом о развитии литературного героя, вторая — с общими социальными причинами эволюции и разрушения жанра.

В соответствии с меняющейся социально-экономической обстановкой, с изменением очередных задач данного класса, изменяется и отношение представляющих его писателей к методам показа литературного героя. Переноса термины современных споров в области истории литературы, следует отметить, что споры наших критиков о «живом» и «штампованном» человеке являются лишь продолжением и логическим развитием тех дискуссий, которые с достаточной полнотой отражены в литературе XVIII и XIX веков. К сожалению, мы зачастую

забываем об опыте, накопленном в данном вопросе предшествовавшим литературным развитием. В мою задачу никак не входит постановка вопроса о литературном герое во всей его широте, однако, я считаю, что изучение «судеб» литературного героя может чрезвычайно помочь выяснению тех путей, по которым шло развитие русской басни в XIX веке.

Школьное деление литературных героев на «положительных» и «отрицательных» очень шаблонно и провинциально. Однако, в наше определение должно войти немало черт из данной характеристики героев. «Положительные» герои, социально-психологически близкие автору, чаще всего строятся по другому принципу, чем герои «отрицательные». Образ «положительного» героя в литературе каждого класса проходит один и тот же путь: сначала это схема, штамп, возведение отдельных характеристических черт в главный принцип построения характера. Герои в такую эпоху нередко даже носят фамилии, происходящие от добродетелей сугубых, а решающих с точки зрения данного класса. Герой несет основную авторскую агитационную нагрузку. Он чаще всего — резонер. По мере того, как первоочередные задачи класса оказываются выполненными, агитационных средств воздействия становится недостаточно. Намечается поворот к показу «живого человека». Наконец в момент упадка общественного значения класса преобладающее значение получают лирические жанры, менее чем повествовательные, объективирующие действительность. Конечно настоящая схема условная; на построение характера зачастую оказывают влияние не только непосредственные социальные причины, но и литературные реминисценции. Однако, вопрос о литературном герое всегда остается центральным вопросом литературы. Поэтому, в известный момент некоторые жанры переживают процесс неожиданного возвышения и не менее быстрого упадка, в зависимости от того, могут ли они выполнять те требования, которые предъявляет непосредственная социально-литературная обстановка к показу литературного героя.

Совершенно не верно, что схематический герой — герой не реалистический. Задача писателя-реалиста конструировать характер так, чтобы те коллизии, сквозь которые проходит герой, наиболее объективировали конкретную действительность. При том условии — «схематический» герой очень часто оказывается интересней, чем некоторые «живые люди». Герои басен Крылова — всегда схема и штамп. В самом деле, может ли быть что-нибудь упрощенней и схематичней, чем то представление о характере людей, которое дает Крылов. На каждого из его героев надета маска. Чаще всего — это маска животного. Характер животного следует раз навсегда установленным схемам. Лиса — хитра, волк — жаден, свинья — глупа и неблагодарна и т. д. и т. п. Стало быть, центр здесь не в «герое», а в тех объективно-действительных противоречиях, в которые Крылов ставит своих героев. Развитие басни показывает нам, что значение жанра, несмотря на этот «условный» характер героев, в течение столетий было исключительно велико. Басня является одним из тех жанров, на которых всегда с особенной силой отражалось изменение социально-общественной обстановки. Даже популярные работы по истории литературы сохраняют свидетельство о том, как изменялась композиция басен Эзопа в течение средних веков. Монахи, переписывавшие Эзопа, постепенно сокращали жанровые зарисовки и усиливали элемент поучения. В известные эпохи композиция басен перестраивалась настолько, что жанровая часть ее почти пропадала вовсе. Вот для примера басня Голберга, переведенная Фонвизиным.

О Терновнике

1. Терновник жаловался Юпитеру, для чего дал он ему столь дурной вид, на что Юпитер так ему отвечивал: ты для терновника создан довольно хорошо.

2. Басня доказывает, что всякая тварь в своем роде совершенна. Человек не может жаловаться, для чего он не так создан, как ангел, ибо он для того и создан, чтобы быть человеком. Лошадь не может негодовать на то, для чего не имеет крылья

и не летает так, как птица, потому что она создана быть лошадю, и свинья в своем роде довольно хороша.

Учительный агитационный характер басни прекрасно объясняет, например, почему расцвет ее в Германии был в эпоху просветительства. Басня Крылова была не столько учительной, сколько сатирической, не столько агитационным документом, сколько памфлетом.

Причины, по которым выродилась басня, как жанр, совершенно ясны социально. После прекращения сатирических журналов, после того как сатирическое направление, ведшее передовые умы столетия, было разгромлено политически правительством и литературно-дворянской сантиментальной школой, после этого развитие социальной сатиры долгое время могло идти только в басне.

Вполне естественен поэтому переход Крылова от сатирической прозы «Почты духов» и ранних его пьес — к басне. Именно в басне могло хотя бы отчасти развернуться то, что раньше звучало в письмах к волшебнику Маликульмульку. Возможно, что в том случае, если бы сатирические журналы не были разгромлены, Крылов не занялся бы басней, и дворянская басня И. И. Дмитриева осталась бы высшим достижением жанра.

Однако возвышение басни могло быть только временным. Новая русская проза, подготовленная журналами XVIII века, сатирической прозой Крылова, натуралистической прозой А. Измайлова, рядом других отечественных и заграничных источников, все больше и больше склонялась к социальной сатире. Пока дворянская реакция была сильна, пока «Бедные Лизы» господствовали в прозе, затрудняя доступ обличению социальной несправедливости в повести и романе, басня могла существовать и развиваться. Едва дворянская проза выпустила повод из своих рук, и новые силы, обличая и поучая, хлынули в литературу, подготавливая буйное торжество натуральной школы, роль басни как жанра была сыграна: басню били на ее же позициях.

Социальная сатира снова стала переключаться в прозаические произведе-

ния. Многие элементы басни вошли прямо в некоторые произведения русской прозы, иногда в почти совершенно не переработанном виде, — например, в знаменитые сказки Салтыкова-Щедрина, но в основном поток русской прозы шел уже мимо басни и дальше ее. Поскольку в прозе социальная сатира могла быть выявлена полнее, развитие басни должно было непосредственно прекратиться.

Таким образом историческое предназначение басни как жанра было выполнено. Попытки подражателей Крылова были обречены заранее. Басня уже не могла существовать на русской почве. Требования времени изменились.

«Je me sers d'animaux pour instruire les hommes» могли повторить вслед за Лафонтеном русские баснописцы, но «les animaux» уже не интересовали литературу. Литература требовала живых героев. Стародумы и Правдины — эти ипостаси крыловских героев, эти маски людей, становились уже недостаточными для выявления все более и более усложняющихся противоречий общественной жизни. Попытки подражателей Крылова уже не могли возродить басню. Естественно, что это «падение» басни никак не означает, что кончилось влияние басни на судьбы литературного движения и что была исчерпана ее историческая роль. Басня ушла в подполье, она пошла новыми путями, но вернуться в литературу ей уже не было суждено. Но зато, растворившись в других жанрах, она оказала громадное влияние на развитие смежных областей литературы, она определила во многом направление интереснейших поисков в стихе и прозе.

Басня же, как таковая, могла существовать только в двух планах. Один из них более известен — это план пародии на басню, бытующий в поэзии второй половины XIX века. Нравоучительная, социальная сторона басни уже не ощущалась как действительная, мораль басен становилась старомодным переложением ходячих житейских истин, никак не интересных для передовых читательских кругов. С другой стороны, после «Евгения Онегина» и «Домика в Коломне» трудно было оценить и значение басни как повествовательного жанра. Отсюда

пародии, которых так много было в русских журналах того времени. Вот одна из них — пародия Кузьмы Пруtkова — «Незабудки и запятки»:

Трясься Пахомыч на запятках
Пук незабудок вез с собой.
Мозоли натерев на пятках,
Лечил их дома камфорой.

Читатель! В басне сей откинув незабудки,
Здесь помещенные для шутки,
Ты только это заключи:
Коль будут у тебя мозоли,
То, чтоб избавиться от боли,
Ты, как Пахомыч наш, их камфорой лечи.

«Нравоучение» Кузьмы Пруtkова всегда ироническое и основано совсем на других принципах, чем нравоучение, скажем, крыловской басни: чаще всего басня Пруtkова имеет в основе своей каламбур. Задачей же «нравоучения» является только подчеркивание этого каламбура.

Оказия сия по мне уж не нова:
Антонов есть огонь; но нет того закона,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону
(«Помещик и трава», И. С. С., Спб.
1912, стр. 51).

Пусть всяк садовника такого называет,
Который понимает,
Что «значит прозябает».
(«Помещик и садовник», ib., стр. 39).

Иногда «нравоучение» у Пруtkова несет функции, подобные тем, которые выполняет «неожиданный конец» в воровских рассказах О. Гейри:

Пастух, молоко и читатель

Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.
Читатель? Он тебе не попадался?

Во всяком случае — развитие басни в пародию никак не означало, что басня продолжала существовать как жанр. Композиционное совпадение классической и пародийной басни было обманчивым. Функция, которую несла каждая из этих систем, их социальная направленность, были совершенно различными. Тем не менее, именно через пародию данного типа басня подготовила многое в развитии русской юмористической и сатирической поэзии, но чем дальше, тем процесс «растворения» басни шел быстрее.

Однако не только по этому пути шла

Сочинения И. А. Крылова.

русская басня после Крылова. Другим путем был путь переключения басни в повествовательную балладу с юмористической окраской. Современник Крылова Александр Ефимович Измайлов уже при жизни Крылова подготовлял этот выход басни в новые области стиха. В басне данного типа элемент пародийности был совершенно необходим, и, действительно, некоторые измайловские басни были подчеркнута пародийны; так, например, очень ощущаются моменты пародии в басне «Кошка, превращенная в женщину».

Был в старину такой дурак,
Что в кошку по уши влюбился.
Не мог он жить без ней никак;
С ней вместе ночью спать ложился,
С одной тарелки с нею ел,
И наконец на ней жениться захотел.
Он стал Юпитеру молиться с теплой верой,
Чтоб кошку для него в девицу превратил.
Юпитер вынул мольбу и чудо сотворил.
Девицу красную из кошки Машки серой!
Чудак от радости чуть не сошел с ума,
Ласкает милую, целует, обнимает,
Как куклу наряжает.
Без памяти невеста и сама,
Охотно руку дать и сердце обещает.
Жених не стар, богат, пригож еще при том:
Какая разница с котом!
Скорей к венцу; и вот они уж обвенчались;
Все гости разошлись, они одни остались.
Супруг супругу разделял,
То лапывки у ней, то шейку целовал
Она сама его, краснея, целовала,
Вдруг вырвалась и побежала...
Куда же? Под кровать? увидела там мышь.
Природной склошности ничем не истребишь.
(Сочин. Измайлова, Спб. 1849, стр. 6.)

Однако не такой тип басни был преобладающим у Измайлова. Его сказки, написанные в духе поэтики басен, характерны тем, что прокладывают пути выхода басни в другие повествовательные жанры. Композиционное их строение уже совершенно другое: в основе большинства сказок лежит анекдот с неожиданной развязкой. Значение нравоучения в сказках этого типа уже чисто второстепенное: оно остается или как рудиментарный придаток к повествованию, или несет ту же функцию, что в пародийной басне: подчеркивание каламбура, подготовка неожиданной развязки и т. д.

Малознаменная традиция, которую поднимают сказки Измайлова, как-то

соприкасается с такими поэмами, как «Граф Нулин», с её анекдотическим сюжетом, неожиданными развязками, прозаическим нравоучением в конце:

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

(«Граф Нулин».)

Мы наметили уже два пути, по которым пошло развитие русской басни после Крылова.

Но кроме путей в пародию и повествовательную балладу с юмористической окраской был еще и третий путь басни, справедливо отмеченный Н. О. Котляревским: «Как мастер речи паш баснописец (речь идет о Крылове В. С.) был прямой предшественник и, пожалуй, учитель Грибоедова». (Н. Котляревский, литер. направления Александр. эпохи, 1917, стр. 292.) Действительно, если мы установим возможность влияния Крылова на Грибоедова, несомненно, что мы установим и те пути, по которым шла экспансия басни, теряющей собственные области материала, в другие жанры. Установление влияния басни на «Горе от ума» требует, конечно, подробного исследования и не может быть осуществлено в небольшой по размерам статье, однако и сейчас уже можно утверждать, что многочисленные признаки этого влияния налицо. Несмотря на то, что стих, которым написано «Горе от ума», и многочисленные нравоучения в тексте комедии, подчас самые приемы показа людей, в силу специфических законов драматического жанра, зачастую разнятся от русской классической басни, тем не менее именно они подтверждают близость многих мест «Горе от ума» поэтике басни. Такая близость совершенно понятна и с общественной точки зрения. Социальная направленность комедии Грибоедова нередко совпадает с политическими лозунгами крыловской басни (см. напр. борьбу против галломании, классовые корни которой общезвестны).

Следует отметить, что до тех пор, пока басня не была окончательно разработана Крыловым, пока изменившаяся общественная обстановка не уничтожила

значения басни, стало быть до тех пор, пока жанр мог существовать «на своей территории», подобное вторжение басни в драматические жанры было почти невозможным. Лучше всего подтверждают это пьесы самого Крылова. В самом деле, «Горе от ума» гораздо ближе к басням Крылова, чем ранние пьесы знаменитого баснописца.

Наименее ясен пока четвертый путь влияния басни — вопрос о проникновении ее принципов в прозаические произведения. «Сказки» Салтыкова-Щедрина и некоторые другие произведения подтверждают, что в этой области басня оказала свое влияние.

Таким образом, мы проследили вкратце те пути, по которым пошло влияние басни на другие жанры. Судьба басни в различных жанрах была различна: в комедии грибоедовского типа ее социальная направленность подчеркивалась с особой силой, в повествовательной балладе измайловского толка элементы общественной сатиры почти пропадали вовсе. Басне было суждено возродиться впоследствии в творчестве Демьяна Бедного, но это возрождение шло уже на совершенно новой основе, и поэтому не может быть освещено в настоящей статье.

Приведенный в настоящей главе материал подтверждает неправильность отмеченного выше утверждения П. Н. Сакулина о том, что «басня Крылова осталась как бы вне литературного движения». Наоборот, значение ее в развитии русской литературы было исключительно велико, и пути ее влияния на смежные области многочисленны и разнообразны.

III

Преимущественный интерес в литературной работе Крылова вызывает, конечно, басня. Однако несправедливо было бы забывать об его деятельности и в других областях литературы. Крылов сыграл заметную роль в развитии русской прозы, его пьесы одно время пользовались успехом, наконец, для исследователя представляют интерес и его немногочисленные выступления в области критики. В области прозы Крылов работал недолго. Его деятельность в этом направле-

нии была искусственно прервана. Между тем, он выступал в эпоху подготовки русской прозы. Многие задачи, которые ставил перед собой Крылов - прозаик, были окончательно разрешены только в девятнадцатом веке.

Еще в 1825 г. Пушкин писал в статье по поводу предисловия Лемонте к переводу басен Крылова:

«Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, ползника и философия еще по-русски не объяснялись. Метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотно выражается на языке чужом, которого механические формы давно готовы и всем известны».

Традиционность языкового мышления, которую в применении к прозе отмечает Пушкин, объясняется причинами глубокого характера. Несомненно, что русский язык восемнадцатого века еще мало был приспособлен к тому широкому кругу понятий и новых слов, которые шли в Россию вместе с быстрым экономическим развитием. Совершенно очевидно, что сложная терминология, которая начинала входить в обиход, требовала соответствующих слов, новых форм языкового мышления. Этот процесс некоторого отставания литературного русского языка от требований быстро развивающейся действительности не мог не сказаться прежде всего на прозе. Проза требует больше, чем поэзия, твердых и устойчивых языковых форм. Она более традиционна по своему языковому складу. Наиболее сильные формальные изменения в литературе чаще проходили по линии стиха или стихотворной драмы (Державин, Пушкин в России, романтическая драма Гюго во Франции, символисты в России и Франции, футуристы и т. д.)

В развитии прозы эпохи сатирических журналов большую роль сыграли такие

классики европейской литературы, как Лесаж и Стерн. Однако влияние это шло очень причудливыми и прихотливыми путями. Жанр сатирической прозы, который был развит, например, Стерном в его «Сантиментальном Путешествии», в России пережил процесс сильной деформации. В то время, как в Англии проза Стерна, являвшаяся завершением многолетнего развития социальной сатиры, уже была лишена элементов общественного обличения в той степени, которую они имели у более ранних сатириков, у нас форма, разработанная Стерном, наполнялась гораздо более острым социальным содержанием. В этом отношении характерна хотя бы история с книгой Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Несомненно не только общее влияние книги Стерна на работу Радищева, но и отдельные немалочисленные замечания, сделанные Радищевым у знаменитого английского романиста. В показаниях, данных Радищевым во время следствия, указывается, что в значительной мере создание «Путешествия» зависело от книги Стерна.

Не приходится и говорить о том, как неправ был Радищев, утверждая это. Конечно никак не следует думать, что он хотел обмануть допрашивавших его чиновников. Но несомненно, что дело здесь было не в Стерне, — может быть и самому Радищеву это было неясно. Влияние Стерна на радищевское «Путешествие» было гораздо меньшим, чем влияние просветительной философии столетия, одним из насадителей которой в России явился Радищев.

От Стерна Радищев заимствовал только принцип построения вещи, но как сильно деформировалась эта формальная схема на русской почве. Подробное текстуальное и композиционное сравнение двух «Путешествий» показывает, что весь тот обличительный материал, весь тот освободительный пафос, которым проникнута вещь Радищева, пришел из других источников и только случайно закрепился в формах, разработанных Стерном.

Точно так же, как и Стерн, сильно влиял на прозу современников Радищева Лесаж. Влияние этих писателей в зна-

чительной мере отразилось и на прозе Крылова, причем по отношению к западным источникам Крылов обнаружил сходную с Радищевым позицию. Точно так же формы западно-европейского романа не просто переносились в конкретную действительность, а наполнялись совершенно новым социальным содержанием, преимущественно того обличительного толка, который был так популярен в русских журналах конца восьмидесятых годов. Основным отличием, которое отделяло, однако, Радищева от Крылова, было то, что Крылов в подходе к этим заимствованным с запада формам обнаружил гораздо больше художественной самостоятельности, чем Радищев. В то время как у Радищева обновление западной прозы идет не по линии художественного углубления вещи, а скорее всего по линии поучительно-просветительской, в то время, как Радищев больше рассуждает и абстрагирует отрицательные бытовые детали, подводя их к широким социальным обобщениям, никак, однако, не оправданным художественно, Крылов в своей прозе дает больше черт современного ему быта. Если он уступает Радищеву в умении обобщить социальные явления, то как бытописатель он значительно превосходит автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Обобщая, Крылов не забывает показать все конкретные детали в современной ему жизни; он гораздо лучше знает живую русскую речь, и поэтому проза Крылова читается в наше время с большим интересом, чем проза Радищева, несмотря на то, что личная судьба автора «Путешествия из Петербурга в Москву» заставляет внимательно относиться к его литературным высказываниям.

Нельзя отрицать некоторую зависимость Пушкина в таких вещах, как напр. «Евгений Онегин», от сатирической литературы XVIII столетия. Некоторые места из прозаических произведений Крылова кажутся иногда очень близкими соответствующим главам «Евгения Онегина».

«Будь насмешлив, сколько можно. Молодой человек, умеющий осмеять и подшутить, считается как клад в луч-

шем обществе. Злословие не может быть дурно — вот определение модного света. Старайся его заслужить и ты будешь взыскан. Но не будь низок и не шути над тем, что в самом деле достойно осмеяния. Это знак слабого воображения, если молодой человек смеется над смешными или людьми или вещами». Это место из крыловских «мыслей философов по моде» напоминает ту главу «Онегина», где Пушкин показывает запас знаний и житейского опыта, необходимый для светского молодого человека в начале его жизненной карьеры. Таких совпадений можно найти немало.

Основная форма «Почты Духов», переписка гнома Зоры с волшебником Маликульмульком, т. е. та основная часть «Почты Духов», которую можно безусловно приписать Крылову, своим построением опять-таки напоминает тот французский тип романа, который был введен Лесажем. Основной чертой такой, например, вещи, как «Хромой бес», является соединение некоторой сказочности завязки (появление всяких загадочных духов, чертей и т. д.) с необычайно точным и подробным описанием быта, с натуралистическим введенным отдельных бытовых деталей. На пути к дальнейшему развитию русской прозы сатирические журналы, а стало быть, и проза Крылова сыграли свою значительную и выдающуюся историческую роль. Несмотря на то, что «Почта Духов» выходила недолго, что тираж ее был незначителен, нельзя отрицать, что работы Крылова оставили значительный след в литературном движении эпохи. Недаром, говоря об этом времени, Булгарин писал впоследствии, что «тогда достаточно было напечататься однажды в журнале, чтобы получить известность («Сев. Пчела», 1845, Восп. об И. А. Крылове), а стало быть, и некоторое влияние на формирование литературных вкусов».

Деятельность Крылова в драматургии была менее значительна. Однако не совсем справедливо мнение о ней В. Перетца (Крылов, как драматург, Спб. 1893, стр. 54): «Драматическая деятельность Крылова показывает только одно: как великий талант может быть бессильным в чуждой ему области творчества».

В семидесятых годах восемнадцатого века начинали намечаться некоторые пути в развитии русской драматургии.

Только еще намечающаяся буржуазная мысль оказывала некоторое влияние на литературные жанры предшествующей эпохи, с одной стороны, выступая с критикой старой трагедии, с другой — с созданием новой «мещанской» драмы. Если в отношении прозы основной линией, определяющей заимствования русских писателей той эпохи, была английская и французская проза, то в драматургических жанрах громадное влияние оказывали литературы немецкая и французская.

«Мещанская» драма, которая во второй половине XVIII столетия начинала победить на сценах Франции и Германии, пришла к нам в Россию, конечно, не в такой форме, которая была характерна для запада. Слишком большие изменения претерпела она, пока попала в Россию.

Если в прозе элементы социальной сатиры были углублены, то в драматургии того времени они почти совершенно исчезли. Для русской «мещанской» драмы этого времени всего характерней обращение к «народности». Бой новой классовой идеологии это прежде всего бой за «народность».

Один из предшественников Крылова, Луткин, в предисловии к своей пьесе, «Мот, любовью исправленный», писал: «Принимаюсь я за перо, следуя единому только сердечному побуждению, которое заставляет меня искать понимания и своего собственного в добродетели удовольствия и пользы моим согражданам. Не знаю того, принесет ли им моя комедия желаемую пользу, но так твердо верую, что многие люди, как скоро прочтут мое намерение, так скоро и скажут, что для сделания писанием пользы общественной надлежит иметь весьма превосходные достоинства. Возражение сих господ будет неоспоримо».

Таим образом, здесь явно показывается та общественная установка, которую ставила себе русская «мещанская» драма 70-х и позднейших годов. Пьесы Крылова «Уроки дочкам» и некоторые другие вос-

принимались современниками не просто как художественное произведение, но и как двигающее общественность в известном направлении. Так, например, граф Хвостов, упрекая Крылова

«Для дочек написав уроки,
Крылов, ты скоро замолчал,
И света модного пороки
Своим пером не обличал»,

указывает на практические результаты драматургической деятельности отдельных писателей конца XVIII и начала XIX веков.

Наиболее удачными следует признать пародийные пьесы Крылова. Из этого ряда особенно выдается «Трумф». Конечно эта вещь никак не была яркой общественной сатирой. Цензурное ее запрещение следует признать случайным и никак не говорящим о том, что она критиковала устои дворянского общества. Она была написана уже в те годы, когда общественная установка Крылова была изменена, когда он отказался от идей свой молодости и становился одним из попутчиков дворянской литературы. Достаточно указать, что цензурное запрещение касалось зачастую писателей, приверженность которых строю не подлежала сомнению. Так, например, в более позднюю эпоху, в 40-х годах, цензор не разрешил печатания сборника религиозно-нравственных статей Жуковского. Жуковский недоумевал. «По моему направлению философскому я строгий христианин. Я теперь вполне убежден, что не может быть другой философии, кроме основанной на откровении». Немудрено, что несколько раньше была запрещена комедия Крылова, тоже не ставившая перед собою никаких широких общественных целей. «Трумф» интересен, однако, для нас как одна из наиболее ярких пародий на классическую драму. Она подтверждает критическое отношение драматурга к принципам старой русской трагедии, но показывает в то же время, что классическая традиция не была им окончательно изжита.

Мы наметили бегло вопросы, связанные с творчеством Крылова. Конечно не в краткой статье можно дать характеристику литературной деятельности та-

кого малоисследованного писателя, как Крылов. Назначение этой статьи — не монографически-исследовательское. Ее основная задача — наметить некоторые, сравнительно мало исследованные стороны творчества Крылова.

Имя Крылова — одно из наиболее

значительных в истории русской литературы, и несомненно, что еще не одно читательское поколение будет заучивать наизусть его басни. Именно поэтому необходимо всестороннее изучение литературной деятельности великого баснописца.

В. Саянов.

Июль 1929 г.

БАСНИ В ДЕВЯТИ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не
впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздлась,
Позавтракать-было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лисе остановил:
Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели,
сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньиная с похвал векружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

2

ДУБ И ТРОСТЬ

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
— «По истине, роптать ты в праве на
природу.»
Сказал он: «воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабость
И так нагнешься спотливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж-тем, как, наравне с Кавказом,
горделиво.
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеаяся и вихрям, и грозам,
Стою и тверд, и прям.
Как будто б огражден не нарушимым миром:
Тебе все бурей — мне все кажется
зефиром.¹
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова² владенья:

Конечно, нет совсем у ней о вас раденья.»
— «Ты очень жалостлив», сказала Трость
в ответ:
«Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва-ль не более тебе они грозят!
То правда, что еще до селе их свиреость
Твою не одолела крепость,
И от ударов их ты не склонял лица;
Но — подождем конца!»
Едва-лишь это Трость сказала,
Вдруг мчитя с северных сторон
И с градом, и с дождем шумящий аквилон.³
Дуб держится, — к земле Тростиночка
припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел, и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главою касался
И в области теней пятою упирался.

¹ Зефир — легкий ветерок.

² Эол — бог ветров.

³ Сев.-вост. ветер.

3

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
 Но умысел другой тут был:
 Хозяин музыку любил,
 И заманил к себе соседа певчих слушать.
 Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
 И у кого что силы стало.
 В ушах у гостя затрепало,
 И закружилась голова.
 — «Помилуй ты меня,» сказал он
 с удивленьем:

«Чем любоваться тут? Твой хор
 Горланит вздор!»
 — «То правда,» отвечал хозяин
 с умиленьем:
 «Они немножечко дерут:
 Зато уж в рот хмельного не берут,
 И все с прекрасным поведением».
 А я скажу: по мне уж лучше пей,
 Да дело разумей.

4

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,¹
 Противу дерзости искусством вооружась,
 Вандалам новым² сеть поставил,
 И на погибель им Москву оставил:
 Когда все жители, и малый, и большой,
 Часа не тратя, собралися,
 И вон из стен Московских поднялися,
 Как из улья пчелиный рой.
 Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
 Спокойно, чпстя нос, глядит.
 — «А ты что ж, кумушка, в дорогу?»
 Ей с возу Курица кричит:
 «Ведь говорят, что у порогу
 Наш супостат.»
 — «Мне что до этого за дело?»
 Вещунья ей в ответ: «Я здесь останусь
 смело.

Вот, ваши сестры как хотят;
 А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
 Так мне с гостями не мудрено ужиться,
 А, может-быть, еще удастся поживиться
 Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
 Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
 Ворона подлинно осталась;
 Но, вместо всех поживок ей,
 Как голодом морить Смоленский стал
 гостей —
 Она сама к ним в суп попалась.
 Так часто человек в расчетах снеп и глуп.
 За счастьем, кажется, ты по пятам
 несешься:
 А как на деле с ним сочтешься —
 Попался как ворона в суп!

5

ЛАРЧИК

Случается не редко нам
 И труд и мудрость видеть там,
 Где стóит только догадаться,
 За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
 Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;

Ну, всякой Ларчиком прекрасным
 любовался.
 Вот входит в комнату Механики мудрец.
 Взглянув на Ларчик, он сказал: —
 «Ларец с секретом;

Так; он и без замка;
 А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
 Не смейтесь так исподтишка!
 Я отыщу секрет, и Ларчик вам открою:
 В Механике и я чего-нибудь да стою.»
 Вот за Ларец принялся он:

¹ М. И. Кутузов-Смоленский.

² Французам 1812 г.

Вертит его со всех сторон
 И голову свою ломает;
 То гвоздик, то другой, то скобку
 пожимает.
 Тут, глядя на него, иной
 Качает головой;
 Те шепчутся, а те смеются меж собой.

В ушах лишь только отдается:
 «Не тут, не так, не там!» Механик пуще
 рвется.
 Потел, потел; но наконец устал,
 От Ларчика отстал,
 И как открыть его, никак не догадался:
 А Ларчик просто открывался.

6

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
 Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
 Она завистлива была.
 И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
 «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я
 с него?»
 Подруге говорит. — «Нет, кумушка,
 далеко!»
 — «Гляди же, как теперь раздуюсь я
 широко.
 Ну, каково?»

Пополнилась ли я?» — «Почти-что ничего.»
 — «Ну, как теперь?» — «Все тож.»
 Пыхтела, да пыхтела,
 И кончила моя затейница на том,
 Что, не сравнившись с Воллом,
 С натуги лопнула и — околела.
 Пример такой на свете не один:
 И диво ли, когда жить хочет мещанин,
 Как именитый гражданин,
 А сошка мелкая, как знатный дворянин.

7

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха;
 Тут нет еще греха,
 Да вот что грех: она была спесива.
 Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умён,
 И в лентах, и в чести, и молод был бы он
 (Красавица была немножко прихотлива):
 Ну, чтобы все имел — кто ж может все
 иметь?
 Еще и то заметь,
 Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
 Хоть чудно, только так была она счастлива,
 Что женихи, как на отбор,
 Презнатные катили к ней на двор.
 Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
 Такие женихи другим невестам клад;
 А ей они на взгляд
 Не женихи, а женишонки!
 Ну, как ей выбирать из этих женихов?
 Тот не в чинах, другой без орденов;
 А тот бы и в чинах, да жаль, карманы
 пусты;
 То нос широк, то брови густы;
 Тут этак, там не так;
 Ну, не придет никто по мысли ей ни как.

Посмозгли женихи, годка два перепали;
 Другие новых свах заслали:
 Да только женихи средней уж руки.
 «Какие простаки!»
 Твердит красавица: «по них ли я невеста?»
 Ну, право, их затей не у места!
 И не таких я женихов
 С двора с поклоном проводила;
 Пойду ль я за кого из этих чудаков?
 Как-будто б я себя замужеством торошила,
 Мне жизнь девическа ни чуть не тяжела:
 День весела и ночь я, право, сплю спокойно;
 Так замуж кинуться ни чуть мне не
 пристойно.»
 Толпа и эта уплыла.
 Потом, отказы слыша те же,
 Уж стали женихи наворачиваться реже.
 Проходит год,
 Никто нейдет;
 Еще минул годок, еще уплыл год целый:
 К ней свах никто не шлет.
 Вот наша девушка уж стала девою зрелой.
 Зачнет считать своих подруг
 (А ей считать большой досуг):

Та замужем давно, другую сговорили;
 Ее как-будто позабыли.
 Закралась грусть в красавицыну грудь.
 Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
 Что каждый день, а что-нибудь
 Из прелестей ее лихое время крадо.
 Сперва румянца нет; там живости в глазах;
 Умильны ямочки пропали на щеках;
 Веселость, резвости, как-будто ускользнули;
 Там волоска два-три седые проглянули:
 Беда со всех сторон!
 Бывало, без нее собранье не прелестно;

От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
 А ныне, ах! ее зовут уж на бостон³!
 Вот тут спесивица переменяет тон.
 Рассудок ей велит замужеством торопиться:
 Перестает она гордиться.
 Как косо на мужчин девица ни глядит,
 А сердце ей за нас всегда свое твердит.
 Чтоб в одиночестве не кончить веку,
 Красавица, пока совсем не отцвела,
 За первого, кто к ней присватался, пошла:
 И рада, рада уж была,
 Что вышла за калеку.

8

ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов,
 И по мирянам их делить поместья стали,
 Кому-то и Парнас¹ тогда отмежевали;
 Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
 Ослы, не знаю как-то, знали,
 Что преемде Музы тут жилали,
 И говорят: «Не даром нас
 Пригнали на Парнас:
 Знать, Музы свету надоели,
 И хочет он, чтоб мы здесь пели.
 «Смотрите же», кричит один: «не унывай!
 Я затяну, а вы не отставай!
 Друзья, робеть не надо!
 Прославим наше стадо,
 И громче девяти сестер²
 Подыдем музыку и свой составим хор!
 А чтобы нашего не сбили с толку братства,

То заведем такой порядок мы у нас:
 Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
 Не принимать тех на Парнас.»
 Одобрили Ослы ослово
 Красно-хитро-слетенно слово:
 И новый хор певцов такую дичь занес.
 Как-будто тронулся обоз.
 В котором тысяча немазанных колес.
 Но чем окончилось разно-красиво пенье?
 Хозяин, потеряв терпенье,
 Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
 Весьма старинное напомнить мненье:
 Что если голова пуста,
 То голове ума не придадут места.

9

ОРАКУЛ

В каком-то кашине был деревянный бог,
 И стал он говорить пророчески ответы,
 И мудрые давать советы.
 За то, от головы до ног
 Обвешан и серебром и златом,
 Стоял в наряде пребогатом,
 Завален жертвами, мольбами заглушен,
 И фимиамом задушен.
 В Оракула все верят слепо;
 Как-вдруг, — о чудо, о позор! —

Заговорил Оракул вздор:
 Стал отвечать нескладно и нелепо;
 И кто к нему зачем ни подойдет,
 Оракул наш что молвит, то соврет;
 Ну так, что всякий дивовался,
 Куда пророческий в нем дар девался!
 А дело в том,
 Что идол был пустой, и саживались в нем
 Жрецы вещать мирянам.
 И так,
 Пока был умный жрец, кумир не путал враг:

¹ Мифическая гора, на которой восседали Аполлон и Музы.

² Муз,

³ Карточная игра.

А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

10

ВАСИЛЕК

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины,
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между-тем он жалобно шептал:
— «Ах, если бы скорее день настал,
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть-может, и меня оно бы оживило?»
— «Уж как ты прост, мой друг!»
Ему сказал, вблизи копаясь, жук:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты, или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет;
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает,
И удивительно красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:

Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
А ты ни пышен, ни пахуч:
Так солнца ты своей докукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину¹ рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно,
Былинке ль, кедру ли — благотворит
равно,
И радость по себе и счастье оставляет;
За то и вид его горит во всех сердцах —
Как чистый луч в восточных хрусталах,
И все его благословляет.

11

РОЩА И ОГОНЬ

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы
кроет,
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басеньки моей.

Зимою Огонек под Рошей тлился;
Как-видно, тут он был дорожными забыт.
Час-от-часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит,
И, видя свой конец, так Роще говорит:
— «Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,

Что на тебе не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсем нагая?»
— «Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу
Огню так Роща отвечает.
— «Бездельца!» Огонь ей продолжает:
«Лишь подружись со мной; тебе я пом
Я солнцев брат, и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и выюга¹мя,
Там все или цветет, или зреет:
А все за все спасибо мне.

¹ Флора — богиня растительного мира,

Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солищу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег:
А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желашь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот, дело слажено: уж в Роде Огонек

Становится Огнем, Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Лубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютое всю Роцу вдруг объемлет.
Погибло все в конец, — и там, где в знойны
дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружиться?

12

ЧИЖ И ЕЖ

Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал ему хотелось,
И не за что; так как-то пелось!
Вот, в блеске и во славе всей,
Фоб¹ лучезарный из морей
Поднялся.
Казалось, что с собой он жизнь принес всему,
И в сретенье ему
Хор громких соловьев в густых лесах
раздался.

Мой Чиж замолк. — «Ты что ж,»
Спросил его с насмешкой Еж:
«Приятель, не поешь?»
— «За тем, что голоса такого не имею,
Чтоб Феба я достойно величал»,
Сквозь слез Чиж бедный отвечал:
«А слабым голосом я Феба петь не смею.»

Так я крушуся и жалею,
Что лиры Пиндара² мне не дано в удел:
Я б Александра³ пел.

13

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью
напиться;

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Чричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым
рылом

Здесь чистое мутить питье
Мое

С песком и с илом?»

Зава,
За дерзость такую
Я голову с тебя сорву».

В
К
—
дно
Всегда светлейший Волк позволит,
Клюсь я донести; что ниже по ручью
ветлости его шагов я на сто пью;
гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу.»
— «Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость
в свете!

Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!»

— «Помилуй, мне еще и от-роду нет году,»
Ягненок говорит. — «Так это был твой брат.»

— «Нет братьев у меня.» — «Так это кум
иль сват,

И словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите,
И, если можете, то мне всегда вредите:

Но я с тобой за их разведаюсь грехи.»
— «Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал
я слушать.

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать.»
Сказал, и в темный лес Ягненка поволок.

² Греческий одописец.³ Пми. Александра I.¹ Бог солища.

ОБЕЗЬЯНЫ

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
 И пользу от того сыскать;
 А без ума перенимать,
 И боже сохрани, как худо!
 И приведу пример тому из дальних стран.
 Кто Обезьян видал, те знают,
 Как жадно все они перенимают.
 Так в Африке, где много Обезьян,
 Их стая целая сидела
 В сучьям, по ветвям на дереве густом,
 И на ловца украдкою глядела,
 Как по траве в сетях катался он кругом.
 Вдруг каждая тут тихо толк подругу,
 И шепчут все друг-другу:
 — «Смотрите-ка на удалца;
 Завис у него так, право, нет конца:
 То кувырнется,
 То развернется,
 То весь в комок
 Он так сберется,
 Что не видать ни рук, ни ног.

Уж мы ль на все не мастерицы,
 А этого у нас искусства не видать!
 Красавицы-сестрицы!
 Не худо бы нам это перенять.
 Он, кажется, себя довольно позабавил;
 Авось уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
 Он подлинно ушел, и сети им оставил.
 «Что ж,» говорят они: «и время нам терять?
 Пойдем-ка попытаться!»
 Красавицы сошли. Для дорогих гостей
 Разостлано внизу премножество сетей.
 Ну в них они кувыряться, кататься,
 И кутаться, и завиваться;
 Кричат, визжат — веселье хоть куда!
 Да вот беда,
 Когда пришло из сети выдираться!
 Хозяин между-тем стерег,
 И вида, что пора, идет к гостям с мешками,
 Они, чтоб на-утек,
 Да уж никто распутаться не мог:
 И всех их побрали руками.

СИННИЦА

Синница на море пустилась:
 Она хвалилась,
 Что хочет море сжечь.
 Выславилась тотчас о том по свету речь.
 Слых обнял жителей Нептуновой¹
 столицы;
 Летят стадами птицы;
 А звери из лесов сбегаются смотреть,
 Как будет Океан, и жарко ли гореть.
 И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
 Охотники таскаться по пирам
 В первых с ложками явились к берегам,
 Чтоб похлевать ухи такой богатой,
 Какой-де откупщик и самый тароватый
 Не давал секретарям.

Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
 Молчит, и на море глаза уставя, ждет;
 Лишь изредка иной шепнет:
 «Вот закипит, вот тотчас загорится!»
 Не ту-то: море не горит.
 Кипит ли хоть? и не кипит.
 И чем же кончились затеи величавы?
 Синница со стыдом в-своих уплыла;
 Наделала Синница славы,
 А моря не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
 Но ничьего не трогая лица:
 Что делом не сведя конца,
 Не надобно хвалиться.

ОСЕЛ

Когда вселенную Юпитер населял,
 И заводил различных тварей племя,
 То и Осел тогда на свет попал.

Но с умыслу ль, или, имея дел беремя,
 В такое хлопотливо время
 Тучегоицитель² оплошал:

¹ Нептун — бог морей.

² Прозвание Зевса-Юпитера.

А вылился Осел почти как белка мал.
 Осла никто почти не примечал,
 Хоть в спеси никому Осел не уступал.
 Ослу хотелось бы повеличаться:
 Но чем? имея рост такой,
 И в свете стыдно показаться.
 Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой,
 И росту стал просить большого.
 — «Помилуй!» говорит: «как можно это
 снести?»
 Львам, барсам и слонам везде такая честь;
 Притом, с великого и до меньшого,
 Все речь о них лишь, да о них;
 За что ж к Ослам ты столько лих,
 Что им честей нет никаких,
 И об Ослах никто ни слова?
 А если б ростом я с теленка только был,
 То спеси бы со львов и барсов я побил,
 И весь бы свет о мне заговорил.»

Что день, то снова
 Осел мой то ж Зевесу пел;
 И дотога он надоед,
 Что, наконец, моления Ослова
 Послушался Зевес:
 И стал Осел скотиной превеликой;
 А сверх-того ему такой дан голос дикой,
 Что мой ушастый Геркулес¹
 Пораспугал-было весь лес.
 «Что то за зверь? какого роду?
 Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
 Ну только и речей пошло, что про Осла.
 Но чем все кончилось? Не минуло и году,
 Как все узнали, кто Осел:
 Осел мой глупостью в пословицу вошел,
 И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высокость хороша;
 Но что в ней прибыли, когда низка душа?

17

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
 А у людей она слыхала,
 Что это зло еще не так большой руки:
 Лишь стдит завести Очки.
 Очков с полдюжины себе она достала;
 Вертит Очками так и сяк:
 То к темю их прижмет, то их на хвост
 нанижет,
 То их понюхает, то их полнижет;
 Очки не действуют никак.
 «Тьфу пропасть!» говорит она: «и тот дурак,
 Кто слушает людских всех врак:

Все про Очки лишь мне нагнали;
 А проку на-волос нет в них.»
 Мартышка тут с досады и с печали
 О камень такхватила их,
 Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
 Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
 Невежда про нее свой толк всё к худу
 клонит;
 А ежели невежда познатней,
 Так он ее еще и гонит.

18

ДВА ГОЛУБЯ

Два голубя как два родные брата жили,
 Друг без друга они не ели и не шили;
 Где видишь одного, другой уж, верно, там;
 И радость и печаль, все было по-полам.
 Не видели они, как время пролетало;
 Бывало грустно им, а скучно не бывало.
 Ну, кажется, куда б хотеть
 Или от милой, иль от друга?
 Нет, вздумал странствовать один из них —
 лететь
 Увидеть, осмотреть
 Диковинки земного круга,

Ложь с истиной сличить, поверить быль
 с молвой.
 «Куда ты?» говорит сквозь слез ему другой:
 «Что пользы по свету таскаться?
 Иль с другом хочешь ты расстаться?
 Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
 Так вспомни хищных птиц, силки, грозы
 ужасны,
 И все, чем странствия опасны!
 Хоть подожди весны лететь в такую даль:

¹ В смысле — герой.

Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и корм и скуден так, и мал;

Да, чу! и ворон прокричал:

Ведь это, верно, к худу.

Останься дома, милый мой!

Ну, нам ведь весело с тобой!

Куда ж еще тебе лететь, не разумею;

А я так без тебя совсем осиротею.

Силки, да коршуны, да громы только мне

Казаться будут и во сне;

Всё стану над тобой бояться я несчастья:

Чуть тучка лишь над головой,

Я буду говорить: ах! где-то братец мой?

Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»

Растрогала речь эта Голубка;

Жаль братца, да лететь охота велика:

Она и рассуждать, и чувствовать мешает.

— «Не плачь, мой милый.» так он друга
утешает,

«Я на три дня с тобой, не больше
разлучусь.

Все пискоро в пути замечу на полете,

И осмотрев, что есть диковинней на свете,

Под крылышко к дружку назад я ворочусь.

Тогда-то будет нам о чем повесть словечко!

Я вспомню каждый час и каждое местечко;

Все расскажу: дела ль, обычай ли какой,

Иль где какое видел диво.

Ты, слушая меня, представишь все так живо,

Как-будто б сам летал ты по свету со мной.»

Тут-делать нечего — друзья поцеловались,

Простились и расстались.

Вот странник наш летит; вдруг в встречу
дождь и гром;

Под ним, как океан, синее степь кругом.

Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза
попался;

Кой-как угнездился, прижался

К нему наш Голубок;

Но ни от ветру он укрыться тут не мог,

Ни от дождя спастись: весь вымок и

продрог.

Утих по-малу гром. Чуть солнце просияло,

Желанье позывать бедняжку дале стало.

Встряхнулся и летит, — летит и видит он:

В загушши под деском рассыпана

пшеничка.

Спустился—в сети тут попалась наша птичка

Беды со всех сторон!

Трепетается он, рвется, бьется;

По счастью, сеть стара: кой-как ее прорвал,

Лишь ножку вывихнул, да крылышко
помял!

Но не до них: он прочь без памяти несется.

Вот, пуще той беды, беда над головой!

Отколь ни взялся ястреб злой;

Незвидел света Голубь мой!

От ястреба из сил последних машет.

Ах, силы в-коротке! совсем истощены!

Уж когти хищные над ним распушены;

Уж холодом в него с широких крыльев
пашет.

Тогда орел, с небес направля свой полет,

Ударил в ястреба всей силой —

И хищник хищнику достался на обед.

Меж-тем наш Голубь милой,

Вниз камнем ринувшись, прижался под
плетнем.

Но тем еще не кончилось на нем:

Одна беда всегда другую накликает.

Ребенок, черепком наметя, в Голубка

— Сей возраст жалости не знает, —

Швырнул, и раскроил висок у бедняка.

Тогда-то странник наш, с разбитой головою,

С попорченным крылом, с повихнутой
ногою,

Кляня охоту видеть свет,

Поплелся кое-как домой без новых бед.

Счастлив еще: его там дружба ожидает!

К отраде он своей,

Услуги, лекаря и помощь видит в ней;

С ней скоро все беды и горе забывает.

О вы, которые объехать свет вокруг
Желаньем горите!

Вы эту басеньку прочтите,

И в дальний путь такой цускайтесь не вдруг.

Что б ни сулило вам воображенье ваше;

Но, верьте, той земли не сыщите вы краше,

Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

ЧЕРВОНЕЦ

Полезно ль просвещенье?

Полезно, слова нет о том.

Но просвещеннем зовем

Мы часто роскоши прельщенные,

И даже, нравов развращенные:

Так надобно гораздо разбирать,

Как станешь грубости кору с людей сдирать,
 Чтоб с ней и добрых свойств у них не
 растерять,
 Чтоб не ослабить дух их, не испортить
 нравы,
 Не разлучить их с простотой
 И, давши только блеск пустой,
 Бесславья не навлечь им вместо славы.
 Об этой истине святой
 Преважных бы речей на целу книгу стало;
 Да важно говорить не всякому пристало:
 Так с шуткой по-полам
 Я басней доказать ее намерен вам.

Мужик, простак, каких везде не мало,
 Нашел Червонец на земли.
 Червонец был запачкан п в пыли;
 Однако ж пятаков пригоршня трои¹

Червонца на обмен крестьянину дают.
 «Постой же,» думает мужик: «дадут мне
 вдвое»
 Придумал кой-что я такое,
 Что у меня его с руками оторвут.»
 Тут, взяв песку, дресвы и мелу,
 И натолокши кирпича,
 Мужик мой приступает к делу.
 И со всего плеча
 Червонец о кирпич он точит,
 Дресвой дерет,
 Песком и мелом трет;
 Ну, словом, так как жар его поставить
 хочет.
 И подлинно как жар Червонец заиграл:
 Да только стало
 В нем весу мало,
 И цену прежнюю Червонец потерял.

20

ТРОЕЖЕНЕЦ

Какой-то греховодник
 Женился от живой жены еще на двух.
 Лишь до Царя о том донесся слух
 (А Царь был строг и не охотник
 Таким соблазнам потакать),
 Он Многоженца вмиг велел под суд отдать,
 И выдумать ему такое наказание,
 Чтоб в страх привести народ,
 И покуситься бы никто не мог вперед
 На столь большое злодеянье:
 «А коль увижу-де, что казнь ему мала,
 Повешу тут же всех судей вокруг стола».
 Судьям худые шутки:
 В холодный пот кидает их боязнь.
 Судьи толкуют трои сутки,

Какую б выдумать преступнику им казнь.
 Их есть и тысячи; но опытами знают,
 Что все они людей от зла не отучают.
 Однако ж наконец, их надоумил бог.
 Преступник призван в суд, для объявленья
 Судейского решения,
 Которым, с общего сужденья,
 Приговорили: жен отдать ему всех трех.
 Народ суду такому изумился
 И ждал, что Царь велит повесить всех судей;
 Но не прошло четырех дней,
 Как Троеженец удавился:
 И этот приговор такой наделал страх,
 Что с той поры на трех женах
 Никто в том царстве не женился.

21

БЕЗБОЖНИКИ

Был в древности народ, к стыду земных
 племен,
 Который дотога в сердцах ожесточился,
 Который что противу богов вооружился.
 Мятежные толпы, за тысячью знамен,
 Кто с луком, кто с пращей, шумя, несутся
 в поле.

Зачинщики, из удалых голов,
 Чтобы поджечь в народе буйства боле,
 Кричат, что суд небес и строг и
 бестопков;
 Что боги или спят, иль правят безрассудно;
 Что проучить пора их без чинов;
 Что, впрочем, с ближних гор камнями не
 трудно
 На небо дошвырнуть в богов,

¹ В рукописи — трое; потому правильно рифмуется: вдвое.

И заметить Олимп¹ стрелами.
 Смутясь дерзостью безумцев и хулами,
 Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
 Чтобы беду он отвратил;
 И даже весь совет богов тех мыслей был,
 Что, к убеждению бунтующих, не худо
 Явить хоть небольшое чудо:
 Или потоп, иль с трусом² гром,
 Или хоть каменным ударить в них дождем.
 «Пождем,»
 Юпитер рек: «а если не смиратся,
 И в буйстве прекоснят,³ бессмертных не
 боясь,
 Они от дел своих казнятся.»

Тут с шумом в воздухе взвилась
 Тма камней, туча стрел от войск
 богомятежных;
 Но с тысячью смертей, и злых, и
 неизбежных,
 На собственные их обрушились главы.

Плоды неверия ужасны таковы;
 И ведайте, народы, вы,
 Что мнимых мудрецов кощунства толки
 смелы,
 Чем против божества вооружают вас,
 Погибельный ваш приближают час,
 И обратятся все в громовые вам стрелы.

22

ОРЕЛ И КУРЫ

Жела светлым днем вполне налюбоваться,
 Орел поднебесью летал,
 И там гулял,
 Где молнии рождаются.
 Спустившись наконец из облачных вышин,
 Царь-птица отдыхать садится на овин.
 Хоть это для Орла насесток незавидный;
 Но у Царей свои причуды есть:
 Быть-может, он хотел овину сделать честь,
 Иль не было вблизи, ему по чину сесть,
 Ня дуба, ни скалы гранитной;
 Не знаю, что за мысль, но только-что Орел
 Не много посидел,
 И тут же на другой овин перелетел.
 Увидя то, хохлатая наседка
 Толкует так с своей кумой:
 — «За что Орлы в чести такой?
 Неужли за полет, голубушка соседка?»

Ну, право, если захочу,
 С овина на овин и я перелечу.
 Не будем же вперед такие дуры,
 Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
 Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
 Да ты же видела сейчас,
 Что по-низу они летают так, как куры.»
 Орел отвечает, наскуча вздором тем:
 — «Ты права, только не совсем:
 Орлам случается и ниже кур спускаться;
 Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты, —
 Считать их слабости, трудов не трать
 напрасно;
 Но, чувствуя, что в них и спльно, и
 прекрасно,
 Умей различны их постигнуть высоты.

КНИГА ВТОРАЯ

1

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало не угодно
 Правление народно,
 И показалось им совсем не благородно

Без службы и на воле жить.
 Чтоб горю пособить,
 То стали у богов Царя они просить.
 Хоть слушать всякой вздор богам бы и не
 сродно;

¹ Мифическая гора, на которой восседали боги.

² Землетрясение.

³ Станут упорствовать.

Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь
 с небес,
 И плотно так он треспулся на царство,
 Что ходенем пошло трясиною государство:
 Со всех Лягушки ног
 В испуге пометались,
 Кто как успел, куда кто мог,
 И шопотом Царю по кельям дивовались.
 И подлинно, что Царь на-диво им был дан:
 Не суетлив, не ветропрашен,
 Степенен, молчалив и важен;
 Дородством, ростом великан,
 Ну, посмотреть, так это чудо!
 Одно в Царе лишь было худо:
 Царь этот был осиновый чурбан.

Сначала, чтя его особу превысоку,
 Не смеет подступить из подданных никто:
 Со страхом на него глядят они, и то
 Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
 Но так как в свете чуда нет,
 К которому б не пригляделся свет:
 То и они сперва от страху отдохнули,
 Потом к Царю подползть с преданностью
 дерзнули:

Сперва перед Царем ничком;
 А там, кто по-смелей, дай сесть к нему
 бочком;
 Дай попытаться сесть с ним рядом;
 А там, которые еще по-удалей,
 К Царю садятся уж и задом.

Царь терпит все по милости своей.
 Не много погоды, посмотришь, кто захочет,
 Тот на него и вскочит.
 В три дня наскучило с таким Царем житье.
 Лягушки новое челобитье,

Чтоб им Юпитер в их болотную державу
 Дал подлинно Царя на славу!
 Молитвам теплым их внемля,
 Послал Юпитер им на царство Журавля.
 Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
 Не любит баловать народа своего;
 Он виноватых ест: а на суде его
 Нет правых никого:
 За то уж у него,
 Что завтрак, что обед, что ужин, то
 расправа.

На жителей болот
 Приходит черный год.
 В Лягушках каждый день великий
 недочёт.

С утра до вечера их Царь по царству ходит,
 И всякого, кого ни встретит он,
 Тотчас засудит и — проглотит.
 Вот пуще прежнего и кваканье, и стон,
 Чтоб им Юпитер снова
 Пожаловал Царя инова;
 Что нынешний их Царь глотает их как мух;
 Что даже им пельзя (как это ни ужасно!)
 Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
 Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
 — «Почто ж вы прежде жить счастливо не
 умели?»

Не мне ль, безумные,» вещал им с неба глас:
 «Покою не было от вас?
 Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
 Вам дан был Царь? — так тот был слишком
 тих:

Вы взбунтовались в вашей луже;
 Другой вам дан — так этот очень лих:
 Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

2

ЛЕВ И БАРС

Когда-то, в-старину,
 Лев с Барсом вел продолгую войну
 За спорные леса, за дебри, за вертепы.
 Судиться по правам — не тот у них был
 нрав;
 Да сильные ж в правах бывают часто слепы
 У них на это свой устав:
 (Кто одолеет, тот и прав.)
 Однако, наконец, не вечно ж драться —
 И когти притупятся:
 Герои по правам решились разобратся;
 Намерились дела военные прекратить,
 Окончить все раздоры,

Потом, как водится, мир вечный заключить
 До первой ссоры.
 «Назначим же скорей
 Мы от себя секретарей,»
 Льву предлагает Барс: «и как их ум
 рассудит,
 Пусть так и будет.
 Я, например, к тому определяю kota:
 Зверек хоть неказист, да совесть в нем
 чиста;
 А ты осла назначь: он знатного же чина,
 И, к слову молвить здесь,
 Куда он у тебя завидная скотина!

Поверь, как другу, мне: совет и двор твой
 Его копытца вряд ли стоят.
 Положимся ж на том,
 На чем
 С моим котышком он устроит.»
 И Лев мысль Барса утвердил

Без спору;
 Но только не осла, лисицу нарядил
 Он от себя для этого разбору,
 Примолвя про себя (как видно, знал он свет):
 «Кого нам хвалит враг, в том ведро проку нет.»

3

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФ¹

Вельможа, в праздный час толкуя
 с Мудрецом
 — «Скажи мне,» говорит: «ты свет довольно знаешь,
 И будто в книге, ты в сердцах людей читаешь:
 Как это, что мы ни начнем,
 Суды ли, общества ль учены заведем,
 Едва успеем оглянуться,

Как первые невежи тут вотрутся?
 Ужли от них совсем лекарства нет?»
 — «Не думаю,» сказал Мудрец в ответ:
 «И с обществами та ж судьба (сказать меж нами),
 Что с деревянными домами.»
 — «Как?» «Так же: я вот свой достроил
 сими днями;
 Хозяева в него еще не вобрались,
 А уж сверчки давно в нем завелись.»

4

МОР ЗВЕРЕЙ

Дотейший бич небес, природы ужас — мор
 Свиристует в лесах. Уныли звери;
 В ад распахнулись настежь двери:
 Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор:
 Везде разметаны ее свирепства жертвы:
 Неумолимая, как сено, косит их.
 А те, которые в-живых,
 Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
 Перевернул совсем их страх,
 Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
 Не давит волк овец и смирен как монах;
 Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
 Им и еда на ум нейдет.
 С голубкой голубь врознь живет,
 Любви в помине больше нет:
 А без любви какое уж веселье?
 В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
 Тащатся шаг-за-шагом, чуть держатся в них души.
 Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,

Уставили глаза и приложили уши.
 «О, други!» начал Лев: «по множеству грехов
 Подпали мы под сильный гнев богов;
 Так тот из нас, кто всех виновен боле,
 Пускай по доброй воле
 Отдаст себя на жертву им!
 Быть-может, что богам мы этим угодим,
 И теплое усердие нашей веры
 Смягчит жестокость гнева их
 Кому не ведомо из вас, друзей моих,
 Что добровольных жертв таких
 Бывали многие в истории примеры?
 Итак, смиря свой дух,
 Пусть исповедует здесь всякой вслух,
 В чем погрешил когда он вольно, иль невольно.»

Покаемся, мои друзья!
 Ох, признаюсь — хоть это мне и больно —
 Не прав и я!
 Овечек бедненьких — за что? совсем без-винно

¹ В рукописи: философ. Так в старину про-
 зносились это слово, с ударением на конце.

Дирал бесчинно;
 А иногда — кто без греха?
 Случалось, драл и пастуха:

И в жертву предаюсь охотно.
 Но лучше б нам сперва всем вместе
 перечесть
 Свои грехи: на ком их боле есть,
 Того бы в жертву и принести, —
 И было бы богам то более угодно,»
 — «О, царь наш, добрый царь! От лишней
 доброты,»
 Ясица говорит: «в грех это ставишь ты,
 Коль робкой совести во всем мы станем
 слушать,
 То придет с-голоду пропасть нам наконец;
 Притом же, наш отец!
 Поверь, что это честь большая для овец,
 Когда ты их изволишь кушать.
 А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
 Их чаще так учить — им это по-делом.
 Бесхвостый этот род лишь глухой спесью
 дышет,
 И нашим себя везде царями пишет.»
 Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
 Льстецы Льву то же говорят,
 И всякой доказать спешит наперехват,
 Что даже не в чем Льву просить и
 отпущенья.
 За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой
 черёд,
 Во весь народ

Поведали свои смиренно пригрешенья;
 Но их безбожных самых дел
 Никто и шевелить не смел.
 И все, кто были тут богаты
 Иль когтем, пль зубком, те вышли вон
 Со всех сторон
 Не только правы, чуть не святы.
 В свой ряд смиренный Вол им так мычит: —
 «И мы
 Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
 Нам были худы,
 На грех меня лукавый натолкнул:
 Ни от кого себе найти не могли ссуды,
 Из стога у попа я клок сенца стянул.»
 При сих словах поднялся шум и толки;
 Кричат Медведи, Тигры, Волки:
 — «Смотри, злодей какой!
 Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
 За беззаконие его к нам столько строги?
 Его, бесчинника, с рогатой головой,
 Его принести богам за все его проказы,
 Чтوب и телá нам спасть, и нравы от заразы!
 Так, по его грехам у нас и мор такой!»
 Приговорили —
 И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
 Кто по-смирней, так тот и виноват.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном,
 На солнышке Полкан с Барбосом, лежа,
 грелись.
 Хоть у ворот перед двором
 Пристойнее б стеречь им было дом;
 Но как они уж понаелись —
 И вежливые ж псы притом,
 Ни на кого не лают днем —
 Так рассуждать они пустились вдвоем
 О всякой всячине: о их собачьей службе,
 О хуле, о добре, и наконец о дружбе.
 «Что может,» говорит Полкан: «приятней
 быть,
 Как с другом сердце к сердцу жить;
 Во всем оказывать взаимную услугу;
 Не спать без друга и не съесть,
 Стоять горой за дружню шерсть,
 И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
 Чтob только улучшить счастливый час,
 Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,

И в дружном счастье все свое блаженство
 ставить!
 Вот если б, например, с тобой у нас
 Такая дружба завелась:
 Скажу я смело,
 Мы б и не видели, как время бы летело.»
 — «А что же? это дело!»
 Барбос отвечает ему:
 «Давно, Полканушка, мне больно самому,
 Что, бывши одного двора с тобой собаки,
 Мы дня не проживем без драки.
 И из чего? Спасибо господам:
 Ни голодно, ни тесно нам!
 Притом же, право, стыдно:
 Пес дружества слывет примером с давних
 дней;
 А дружбы между псов, как-будто меж людей,
 Почти совсем не видно.»
 — «Явим же в ней пример мы в наши
 времена,»

Вскричал Полкан: «дай лапу!» — «Вот она!» Лишь только ключья вверх летят:
И новые друзья ну обниматься, Насилу наконец их разлили водою.
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться: Свет полон дружбою такою.
«Орест мой! Мой Пилад!»¹ Прочь свары, Про нынешних друзей лъзя молвить, не
зависть, злость! греша,
Тут повар на беду из кухни кинул кость. Что в дружбе все они едва-ль не одинаки:
Вот новые друзья к ней взапуски несутся: Послушать, кажется одна у них душа, —
Где делся и совет, и лад? А только кинь им кость, так что твои
С Пиладом мой Орест грызутся, — собаки!

6

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору, — «Мне две не додано, а вот тут счета ясны,
Какие-то честные торгаши Еще один кричит. — «Нет, нет, мы не
Наторговали денег гору; согласны!
Окончили торги, и делят барыши. Да как, за что, и почему!»
Но в дележе когда без спору? Забывши, что пожар в дому,
Заводят шум они за деньги, за товар, — Проказники тут до того шумели,
Как-вдруг кричат, что в доме их пожар. Что захватило их в дыму,
«Скорей, скорей спасайте И все они со всем добром своим сгорели.
Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «ступайте» В делах, которые гораздо по-важней,
А счета после мы сведем!» Нередко от того погибель всем бывает,
— «Мне только тысячу мою сперва додайте,» Что чем бы общую беду встречать дружней,
Шумит другой: Всяк споры затевает
«Я с места не сойду долой.» О выгоде своей.

7

БОЧКА

Приятель своего приятеля просил, Хозяин бился с ней близ году;
Чтоб Бочкою его дня на три он ссудил. То выпарит, то ей проветриться дает;
Услуга в дружбе вещь святая! Но чем ту Бочку ни нальет,
Вот, еслиб дело шло о деньгах, речь иная: А винный дух всё вон нейдет,
Тут дружба всторону, и можно б отказать; И с Бочкой, наконец, он принужден
А Бочки для чего не дать? расстаться.
Как возвратилася она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только в том: Старайтесь не забыть, отцы, вы басни
Та Бочка для вина брана откупщиком, сей:
И настоялась так в два дни она вином, Ученьем вредным с юных дней
Что винный дух пошел от ней во всем; Нам стбит раз лишь напиться;
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном. А там во всех твоих поступках и делах,
Какое ни будь ты на словах,
А всё им будешь отзываться.

¹ Классический образец дружбы.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
 Попал на псарню.
 Поднялся вдруг весь псарный двор.
 Почуя серого так близко забияку,
 Псы залились в хлевах и рвутся вон на
 драку;
 Псаря кричат: «Ахти, ребята, вор!»
 И вмиг ворота на запор;
 В-минуту псарня стала адом.
 Бегут: иной с дубьем,
 Иной с ружьем,
 — «Огня!» кричат: «огня!» — Пришли
 с огнем.
 Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
 Зубами щелкая и оцетина шерсть,
 Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
 Но, видя то, что тут не перед стадом,
 И что приходит, наконец,
 Ему расцесться за овец, —

Пустился мой хитрец
 В переговоры,
 И начал так: «Друзья! к чему весь этот шум?
 Я, ваш старинный сват и кум,
 Пришел мириться к вам, совсем не ради
 ссоры;
 Забудем прошлое, уставим общий лад!
 А я, не только впредь не трону здешних
 стад,
 Но сам за них с другими грызться рад,
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я...» — «Послушай-ка, сосед»,
 Тут ловчий перервал в ответ:
 «Ты сер, а я, приятель, сед,
 И Волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычной мой:
 С волками иначе не делать мировой,
 Как снявши шкуру с них долой.»
 И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

РУЧЕЙ

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
 Свою беду и свой урон невозвратимый:
 Ягненок у него любимый
 Недавно утонул в реке.
 Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
 — «Река несытая! что, если б дно твое
 Так было, как мое
 Для всех и ясно, и открыто,
 И всякой видел бы на тинистом сем дне
 Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
 Я чай бы, со стыда ты землю сквозь
 прорыла
 И в темных пропастях себя сокрыла.
 Мне кажется, когда бы мне
 Дала судьба обильные столь воды,
 Я, украшаем став природы,
 Не сделал курице бы зла:
 Как осторожно бы вода моя текла
 И мимо хижинки и каждого кусточка!
 Благословляли бы меня лишь берега,
 И я бы освежал долины и луга,
 Но с них бы не унес листочка.
 Ну, словом, делая путем моим добро,
 Не приключая нигде ни бед, ни горя,

Вода моя до самого бы моря
 Так докатилась чиста, как серебро.»
 Так говорил Ручей, так думал в самом деле.
 И что-ж? Не минуло недели,
 Как туча ливная над ближнею горой
 Расселась:
 Богатством вод Ручей сравнялся вдруг
 с рекою;
 Но, ах! куда в Ручье смиренность делась!
 Ручей из берегов бьет мутною водой,
 Книжит, ревет, крутит нечисту пену в клубы,
 Столетние валяет дубы,
 Лишь трески слышны вдалеке;
 И самый тот пастух, за коего реке
 Ценил недавно он таким кудрявым
 складом,
 Погиб со всем своим в нем стадом,
 А хижинки его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смирно,
 гладко,
 И так журчат для сердца сладко,
 Лишь только оттого, что мало в них воды!

10

ЛИСИЦА И СУРОК

— «Куда так, кумушка, бежишь ты без
оглядки!» — Подумай, вспомни хорошенько.»
Лисицу спрашивал Сурок. — «Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху.»

— «Ох, мой голубчик-куманёк!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, кожь слушать
клеветы?»

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?

Иной при месте так вздыхает,
Как-будто рубль последний дожидает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, по-маленьку,
То домик выстроит, то купит деревёнку.
Теперь, как у него приход с расходом
свесть,
Хоть по суду и не докажешь:
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

11

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой,
И дельный разговор вели между собой,
Как — вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбегалось
с полсотни.

Один-было, уже Прохожий камень
взял:
— «И, полно, братец!» тут другой ему
сказал:

«Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю.»
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали по-малу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

12

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:

И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
— «Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
— «Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.

И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу
труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.

И дельно! Это, Шука,
Тебе наука,
Вперед умнее быть,
И за мышами не ходить.

17

ВОЛК И КУКУШКА

«Прощай, соседка!» Волк Кукушке говорил:
«Напрасно я себя покоем здесь манил!
Все те ж у вас и люди, и собаки:
Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
Так не минуешь с ними драки.»
— «А далеко ль соседу путь?»
И где такой народ благочестивой,¹
С которым думаешь ты жить в ладу?»
— «О, я прямехонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают что война;
Как агнцы, кротки человеки,
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья, все друг с другом поступают,
И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают.
Скажи ж сама, голубка, мне,

Не мило ль, даже и во сне,
Себя в краю таком увидеть тихом?
Прости! не поминай нас лихом!
Уж то-то там мы заживем:
В ладу, в довольстве, в неге!
Не так, как здесь, ходи с оглядкой днем,
И не засни спокойно на ночлеге.»
— «Счастливый путь, сосед мой дорогой!»
Кукушка говорит: «а свой ты нрав и зубы
Здесь кинешь, иль возьмешь с собой?»
— «Уж кинуть, вздор какой!»
— «Так вспомни же меня, что быть тебе
без шубы.»

Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и рошчет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернется,
А первый сам ни с кем не уживется.

18

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно,
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят!
А я бы, право, был гораздо боле рад

Зерну ячменному: оно не столь хоть видно.
Да сытно».

Невежки судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

19

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто думает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,

То избавителю от нас же часто худо:
Все в-запуски его ценят;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

¹ Так в изд. 1843 г. (об этом изд. см. в примечаниях) и в рукописи, что дает полную рифму «счастливой».

Старик-Крестьянин с Батраком
Шел, под-вечер, леском,

Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!»
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот, новый Геркулес, ¹ со всей собравшись
сплою,
Что только было в нём,

Отнес пол-черепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилою.
Медведь взревел, и за-мертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй,» говорит: «За что?» — «За что,
болван!
Чему обрадовался с-дуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

20

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь, хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять:
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в-гору,
Или в ночную пору;
А то и под-гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!

Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под-гору она перевалилася,
Воз начал напирать, телега раскатилась:
Коня толкает взад, коня кидает в бок;
Пустился конь со всех четырех ног
На-славу;
По камням, рывинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напраказишь вдвое хуже.

21

ВОРОНЕНОК

Орел
Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягненка;
А вóрон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: «Уж брат, так
брат,
А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягнаты?»

Вот, я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высмагивал, сличал и выбрал, наконец,
Барана, да какого?
Прежирного, прематерого,
Который доброму б и волку был в подъем.
Издадьясь, на него спустился,
И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.

¹ В смысле силач.

Тогда-то он узнал, что добычь не по нем.
 Что хуже и всего, так на баране том
 Тулуп такой был прекосматый,
 Густой, веклокоченный, хохлатый,
 Что из него когтей не вытербил вон
 Затейник наш крылатый,
 И кончил подвиг тем, что сам попал
 в полон.
 С барана пастухи его чиненько сняли;

А чтобы он не мог летать,
 Ему все крылья окарнали,
 И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
 Коль мелкий плут
 Большому плуту подражает:
 Что сходит с рук вора, за то вориншек
 бьют.

22

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
 Да не умен,
 Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
 Хоть, кажется, слонов и умная порода,
 Однако же в семье не без уroda:
 Наш Воевода
 В родню был толст, —
 Да не в родню был прост;
 А с-умыслу он мухи не обидит.
 Вот добрый Воевода видит:
 Вступило от овец прошение в Приказ:
 «Что волки-де совсем сдирают кожу с нас.»

— «О плуты!» Слон кричит: «какое
 преступленье!
 Кто грабить дал вам позволение?»
 А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
 Не ты ль нам к-зиме на тулупы
 Позволил легонький оброк собрать с овец?
 А что они кричат, так овцы глупы:
 Всего-то придет с них с сестры по шкурке
 снять;
 Да и того им жаль отдать.»
 — «Ну то-то ж,» говорит им Слон:
 «смотрите!
 Неправды я не потерплю ни в ком:
 По шкурке, так и быть, возьмите;
 А больше их не троньте волоском.»

23

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья,
 И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
 Ты, сказывают, петь великий мастерище:
 Хотел бы очень я
 Сам посудить, твое услышав пенье,
 Велико ль подлинно твое умение?»
 Тут Соловей являть свое искусство стал:
 Защелкал, засвистал
 На тысячу ладов, тянул, переливался;
 То нежно он ослабевал,
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роце
 рассыпался.
 Внимало все тогда
 Любимцу и певцу Авроры;¹
 Затихли ветерки, замолкли птичек хоры

И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
 И только иногда,
 Внимая Соловью, пастушке улыбался.
 Скончал певец. Осел, уставясь в землю
 лбом,
 «Изрядно,» говорит: «сказать неложно,
 Тебя без скуки слушать можно;
 А жаль, что незнаком
 Ты с нашим петухом:
 Еще б ты боле наострился,
 Когда бы у него немножко поучился.»
 Услыша суд такой, мой бедный Соловей
 Вспорхнул и — полетел за тридевять
 полей.

¹ Богиня утренней зари.

Избави, бог, и нас от этаких судей.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

ОТКУПЩИК И САВОЖНИК

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
Ел сладко, вкусно пил;

По всякий день давал пиры, банкеты,
Сокровищ у него нет сметы.

В дому сластей и вин, чего не пожелай:
Всего с избытком, через край.

И словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,

Что он не досыпает.

Уж божьего ль боится он суда,

Иль, просто, трусит разориться:

Да только всё ему не крепко как-то снится.

А сверх-того, хоть иногда

Он вздремлет на заре, так новая беда:

Бог дал ему певца, соседа.

С ним из окна в окно жил в хижине бедняк

Сапожник, но такой певун и весельчак,

Что с утренней зари и до обеда,

С обеда до-ночи без-умолку поет.

И богачу заснуть никак он не дает.

Как быть, и как с соседом сладить,

Чтоб от пенья его отгадить?

Велеть молчать: так власти нет;

Просил: так просьба не берет.

Придумал, наконец, и за соседом шлет.

Пришел сосед.

«Приятель дорогой, здорово!»

— «Челом вам бьем за ласковое слово.»

— «Ну, что, брат, каково делишки, Клим,
идут?»

(В ком нужда, уж того мы знаем, как
зовут.)

— «Делишки, барин? Да, не худо!»

— «Так от того-то ты так весел, так поешь?

Ты, стало, счастливо живешь?»

— «На бога грех роптать, и что ж за чудо?

Работою завален я всегда;

Хозяйка у меня добра и молода:

А с доброю женой, кто этого не знает,

Живется как-то веселей».

— «И деньги есть!» — «Ну, нет, хоть
лишних не бывает: Я

зато нет лишних и затей».

— «Итак, мой друг, ты быть богаче не
желаешь?»

— «Я этого не говорю;

Хоть бога и за то, что есть, благодарю:

Но сам ты, барин, знаешь,

Что человек, пока живет,

Всё хочет более: таков уж здешний свет.

Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ
мало;

И мне бы быть богатей не мешало».

— «Ты дело говоришь, дружок:

Хоть при богатстве нам есть также

неприятства,

Хоть говорят, что бедность не порок;

Но все уж коль терпеть, так лучше

от богатства.

Возьми же: вот тебе рублевиков мешок:

Ты мне за правду полюбился.

Поди: дай бог, чтоб ты с моей руки

разжился.

Смотри, лишь промотать сих денег не
моги,

И к нужде их ты береги!

Пять сот рублей тут верным счетом.

Прощай!» Сапожник мой,

Схватя мешок, скорей домой

Не бегом, лётom;

Примчал гостинец под полой;

И той же ночи в подземелье

Зарыл мешок — и с ним веселье!

Не только песен пет, куда девался сон

(Узнал бессоницу и он!);

Все подозрительно, и все его тревожит:

Чуть ночью кошка заскребет,

Ему уж кажется, что вор к нему идет:

Похолодеет весь, и ухо он приложит.

Ну, словом, жизнь пошла, хоть кинуться
в реку.

Сапожник бился, бился

И наконец за ум хватился:

Бежит с мешком к Откупщику,

И говорит: «Спасибо на приятстве;

Вот твой мешок, возьми его назад:

Я до него не знал, что худо спят.

Живи ты при своем богатстве:

А мне, за песни и за сон,

Не надобен ни миллион.»

2

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

К Крестьянину на двор
 Залез осенней ночью вор;
 Забрался в клеть и, на просторе,
 Обшаря стены все, и пол, и потолок,
 Покрал бессовестно, что мог:
 И то сказать, какая совесть в воре!
 Ну так, что наш мужик, бедняк,
 Богатым лег, а с голью встал такую,
 Хоть по-миру поди с сумою;
 Не дай бог никому проснуться худо так!
 Крестьянин тужит и горюет,
 Родню сзывает и друзей,
 Соседей всех и кумовей.
 «Нельзя ли,» говорит: «помочь в беде
 моей?»

Тут всякий с мужиком толкует,
 И умный свой дает совет.
 Кум Карпыч говорит: — «Эх, свет!
 Не надобно было тебе по миру славить,
 Что столько ты богат.»
 Сват Климыч говорит: — «Вперед, мой
 милый сват,

Старайся клеть к избе гораздо ближе
 ставить.»

— «Эх, братцы, это все не так»,
 Сосед толкует Фока:
 «Не то беда, что клеть далёка,
 Да надо на дворе лихих держать собак;
 Возьми-ка у меня щенка любого
 От жучки: я бы рад соседа дорогого
 От сердца наделить,
 Чем их топить».

И словом, от родни и от друзей любезных
 Советов тысячу надавано полезных,
 Кто сколько мог,
 А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду
 попадешься,

Отведай сунуться к друзьям:
 Начнут советовать и вкось тебе, и впрям: ¹
 А чуть о помощи на деле заикнешься,
 То лучший друг
 И нем, и глух.

3

ХОЗЯИН И МЫШИ

Коль в доме станут воровать,
 А нет прилики вору,
 То берегись клепать,
 Или наказывать всех сплошь и без разбору:
 Ты вора этим не уймешь
 И не справишь,
 А только добрых слуг с двора бежать
 заставишь,
 И от меньшей беды в большую попадешь.

Купчина выстроил анбары,
 И в них поклат сестные все товары.
 А чтоб мышинный род ему не навредил,
 Так он полицию из кошек учредил.
 Спокоен от Мышей Купчина;
 По кладовым и день и ночь дозор;
 И все бы хорошо, да сделалась

В дозорных появился вор.
 У кошек, как у нас (кто этого не
 знает?),
 Не без греха в надсмотрщиках бывает.
 Тут, чем бы вора подстеречь
 И наказать его, а правых побережь,
 Хозяин мой велел всех кошек пересечь.
 Услыша приговор такой замысловатый,
 И правый тут, и виноватый
 Скорей с двора долой.
 Без кошек стал Купчина мой.
 А Мыши лишь того и ждали, и хотели:
 Лишь кошки вон, они в анбар,
 И в две или три недели,
 Поели весь товар.

¹ «Впрям»: Так в изд. 1843 г., что молно риф-
 причина: муется: «друзьям».

4

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
 Как видно, на-показ —
 Известно, что Слоны в-диовинку у нас —
 Так за Слоном толпы зевак ходили.
 Отколе нивозьмись, на встречу Моська им.
 Увидевши Слона, ну на него метаться,
 И лаять, и визжать, и рваться,
 Ну, так и лезет в драку с ним.
 «Соседка, перестань срамиться.»
 Ей шафка говорит: «тебе ль с Слоном
 возиться?»

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
 Вперед,
 И лаю твоего совсем не примечает.»
 — «Эх, эх!» ей Моська отвечает:
 «Вот то-то мне и духу придает,
 Что я, совсем без драки,
 Могу попасть в большие забияки.
 Пускай же говорят собаки:
 Ай, Моська! знать, она сильна,
 Что ласт на Слона!»

5

ВОЛК И ВОЛЧЕНОК

Волченка Волк, начав по-малу приучать
 Отцовским промыслом питаться,
 Послал его опушкой прогуляться;
 А между-тем велел прилежней примечать,
 Нельзя ль где счастья им отведать,
 Хоть, захвата греха,
 На счет бы пастуха
 Позавтракать, иль пообедать.
 Приходит ученик домой
 И говорит: «Пойдем скорей со мной!
 Обед готов; ничто не может быть вернее:
 Там под горой
 Пасут овец, одна другой жирнее;
 Любую стóит лишь унести
 И съесть;
 А стадо таково, что трудно перечесть.»
 — «Постой-ка,» Волк сказал: «сперва
 мне ведать надо,

Каков пастух у стада?»
 — «Хоть говорят, что он
 Не плох, заботлив, и умен;
 Однако стадо я обшел со всех сторон,
 И высмотрел собак: они совсем не жирны,
 И плохи, кажется, и смильны.»
 — «Меня так этот слух,»
 Волк старый говорит: «не очень к стаду
 манит;
 Коль подлинно не плох пастух,
 Так он плохих собак держать не станет.
 Тут тотчас попадешь в беду!
 Пойдем-ка, я тебя на стадо наведу,
 Где сбережем верней мы наши
 шкуры:
 Хотя при стаде том и множество собак,
 Да там пастух дурак;
 А где пастух дурак, там и собаки дуры».

6

ОБЕЗЬЯНА

Как хочешь ты трудись;
 Но приобрести не лъстись
 Ни благодарности, ни славы,
 Коль нет в твоих руках ни пользы,
 ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
 Над полосой своей трудился.

Трудился так крестьянин мой,
 Что градом пот с него катился:
 Мужик работник был прямой.
 Зато, кто мимо ни проходит,
 От всех ему: спасибо, исполать!
 Мартышку это в зависть вводит.
 Хвалы примащивы, — как их не пожелать!
 Мартышка вздумала трудиться:

Нашла чурбан и цу над ним возиться!

Хлопот

Мартышке полон рот:

Чурбан она то понесет,

То так, то смяк его обхватит,

То поволочет, то покатит;

Рекой с бедняжки льется пот;

И наконец она, пыхтя, силу дышет:

А все ни от кого похвал себе не слышит.

И не диковинка, мой свет!

Трудишься много ты, да пользы в этом
нет.

7

МЕШОК

В прихожей на полу,

В углу,

Пустой мешок валялся.

У самых низких слуг

Он на обтирку ног нередко помыкался;

Как-вдруг

Мешок наш в честь попался,

И весь червонцами набит,

В окованном ларце в сохранности лежит.

Хозяин сам его лелеет,

И бережет Мешок он так,

Что на него никак

Ни ветер не пахнет, ни муха сесть не смеет;

А сверх-того с Мешком

Весь город стал знаком.

Приятель ли к хозяину приходит:

Охотно о Мешке речь ласкову заводит;

А ежели Мешок открыт,

То всякий на него умильно так глядит;

Когда же кто к нему подсядет,

То верно уж его потреплет, иль погладит.

Увидя, что у всех он стал в такой чести,

Мешок завеличался,

Заумничал, зазнался,

Мешок заговорил и начал вздор нести;

О всем и рядит он, и судит:

И то не так,

И тот дурак,

И из того-то худо будет.

Все только слушают его, разинув рот;

Хоть он такую дичь несет,

Что уши вянут:

Но у людей, к несчастью, тот порок,

Что им с червонцами Мешок

Что ни скажи, всему дивиться станут.

Но долго ль был мешок в чести, и слыл
с умом,

И долго ли его ласкали?

Пока все из него червонцы потаскали;

А там он выброшен, и слуху нет о нем.

Мы басней никого обидеть не хотели:

Но сколько есть таких Мешков

Между откушчиков,

Которы некогда в подносчиках сидели;

Иль между игроков,

Которы у себя за редкость рубль видали,

А ныне, по-полам с грехом, богаты стали

С которыми теперь и графы и князья —

Друзья;

Которые теперь с вельможей,

У коего не смели сесть в прихожей,

Играют за-просто в бостон?

Велико дело — миллион!

Однако же, друзья, вы столько не

гордитесь!

Сказать ли правду вам тихом?

Не дай бог, если раззоритесь:

И с вами точно так поступят, как

с Мешком.

8

КОТ И ПОВАР

Какой то Повар, грамотей,

С поварни побежал своей

В кабак (он набожных был правил,

И в этот день по куме тризну правил),

А дома стеречи съестное от мышей

Кота оставил.

Но что же, возвратясь, он видит? На полу

Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,

Припав за укусным боченком,

Мурлыча и ворча, трудится над курченком.

«Ах, ты, обжора! ах, злодей!»

Тут Ваську Повар укоряет:

«Не стыдно ль стен тебе, не только-что
людей?
(А Васька всё-таки курченка убирает).
Как! быв честным Котом до-этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства
кажут —

Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест).
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца правоученью.
Но что-ж? Пока его он пел,
Кот-Васька все жаркое съел.

А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
«Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!
И Ваську-де не только-что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

9

ЛЕВ И КОМАР

Бессильному не смейся,
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва
войною.
Сам ратник, сам трубач, шщит во всю
гортань,
И вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он
трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился,
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на
трубача.
Увертлив наш Комар, да он же и не
трусит!

Льву сел на самый лоб, и Львину кровь
сосет.
Лев голову крутит, Лев гривую трясет;
Но наш герой свое несет:
То в нос забьется Льву, то в ухо Льва
укусит.

Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерет когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; все кроется,
бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как-будто бы пришел потоп, или пожар!
И кто ж? Комар
Надсаял столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он
миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром,¹
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

10

ОГОРОДНИК И ФИЛОСОФ²

Весной в своих грядках так рылся
Огородник,
Как-будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж, и свеж на взгляд;
Под огурцы один он взрыл с пол-сотни
гряд.

Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,

¹ Т. е. из героя — певцом героев.

² В рукописи: филозоф. Стихи 9, 43 и 55 показывают ударение в этом слове на конце; при таком ударении буква з (вместо с) соответствует старинному произношению этого слова.

Великий краснобай, названный друг
природы,

Недоученный Философ.

Который лишь из книг болтал про огороды.
Однако ж, за своим он вздумал сам ходить;

И тоже огурцы садить;

А между тем смеялся так соседу:

«Сосед, как хочешь, ты потей,

А я с работою моею

Далеко от тебя уеду;

И огород твой при моем

Казаться будет пустырем.

Да, правду говорить, я и тому дивился,

Что огородинку твою кое-как идет.

Как ты еще не разорился?

Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?»

«И некогда.» соседу был ответ.

«Прилежность, навык, руки:

Вот все мои тут и науки;

Мне бог и с ними хлеб дает.»

— «Невежа! восставать против наук ты
смеешь?»

— «Нет, барин, не толкуй моих так криво
слов:

Коль ты что путное затеешь,

Я перенять всегда готов.»

«А вот, увидишь ты, лишь лета б нам
дождаться...»

«Но, барин, не пора ль за дело
приниматься?

Уж я кой-что посеял, посадил;

А ты и гряд еще не взрыл.»

— «Да, я не взрыл, за недосугом:

Я всё читал

И вычитал,

Чем лучше: заступом их взрыть, сохой или
плугом.

Но время еще не уйдет.»

— «Как вас, а нас оно не очень ждет.»

Последний отвечал, — и тут же с ним
расстался,

Взяв заступ свой;

А Философ пошел домой.

Читал, выписывал, справлялся,

И в книгах рылся и в грядках,

С утра до вечера в трудах.

Едва с одной работою сладит,

Чуть на грядках лишь что взойдет:

В журналах новость он найдет —

Все перероет, пересадит

На новый лад и образец.

Какой же вылился конец?

У Огородника взойшло все и поспело:

Он с прибылью, и в шляпе дело;

А Философ —

Без огурцов.

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за
страсть

Кур красть?»

Крестьянин говорил Лисице, встретясь
с нею.

«Я, право, о тебе жалею!

Послушай, мы теперь вдвоем,

Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём

Ни на волос добра не видно.

Не говоря уже, что красть и грех, и стыдно,

И что бранит тебя весь свет;

Да дня такого нет,

Чтоб не боялась ты за ужин, или обед

В курятнике оставить шкуры!

Ну, стоят ли того все куры?»

— «Кому такая жизнь сносна?»

Лисица отвечает:

«Меня так все в ней столько огорчает,

Что даже мне и пища не вкусна.

Когда б ты знал, как я в душе честна!

Да что же делать? Нужда, дети;

Притом же иногда, голубчик-кум,

И то приходит в ум,

Что я ли воровством одна живу на
свете?

Хоть этот промысел мне точно острый нож.»

— «Ну, что ж?»

Крестьянин говорит: «коль выравду ты не
лжешь,

Я от греха тебя избавлю,

И честный хлеб тебе доставлю;

Наймись курятник мой от лис ты охранять:

Кому, как не Лисе, все лисьи плутни
знать?

Зато ни в чем не будешь ты нуждаться,

И станешь у меня как в масле сыр
кататься.»

Торг слажен: и с того ж часа

Вступила в караул Лиса.

Пошло у мужика житье Лисе привольно;

Мужик богат, всего Лисе довольно;
 Лисица стала и сытей,
 Лисица стала и жирней,
 Но всё не сделалась честней:
 Некраденный кусок приелся скоро ей;
 И кумушка тем службу повершила,
 Что, выбрав ночь по-темней,

У куманька всех кур передушила.
 В ком есть и совесть, и закон,
 Тот не украдет, не обманет,
 В какой бы нужде ни был он;
 А вору дай хоть миллион —
 Он воровать не перестанет.

12

ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

Льву, Кесарю лесов, бог сына даровал.
 Звериную вы знаете породу:

У них, не как у нас — у нас ребенок году,
 Хотя б он царский был, и глуп, и слаб, и мал;

А годовалый Львенок
 Давно уж вышел из пелёнок.
 Так к году Лев-отец не шуткой думать стал,

Чтобы сына невежей не оставить,
 В нем царску честь не уронить,
 И чтоб, когда сынку придется царством править,

Не стал бы за сына народ отца бранить.
 Кого ж бы попросить, нанять, или заставить

Царевича Царем на-выучку поставить?

Отдать его Лисе — Лиса умна:
 Да лгать великая охотница она;
 А со лжецом во всяком деле мука:
 — Так это, думал Царь, не царская наука.

Отдать Кроту: о нем молва была,
 Что он во всем большой порядок любит:

Без ошупи шага не ступит,
 И всякое зерно для своего стола
 Он сам и чистит, сам и лупит;
 И словом, слава шла,

Что Крот великий зверь на малые дела:
 Беда лишь, под носом глаза Кротовы зорки,
 Да вдаль не видят ничего;

Порядок же Кротов хорош, да для него;
 А царство Львиное гораздо больше норки.

Не взять ли Барса? Барс отважен и силен;
 А сверх-того, великий тактик он;

Да Барс политики не знает:
 Гражданских прав совсем не понимает,

Какие ж царствовать уроки он подает!
 Царь должен быть судья, министр и воин;

А Барс лишь резаться горазд:
 Так и детей учить он царских недостойн.

Короче: звери все, и даже самый слон,
 Который был в лесах почтен,
 Как в Греции Платон,
 Льву всё-еще казался не умен,
 И не учен.

Но счастью, или нет (увидим это вскоре),
 Услышав про царево горе,
 Такой же царь, пернатых царь, Орел,
 Который вел

Со львом приязнь и дружбу,
 Для друга сослужить большую взялся службу,

И вызвался сам Львенка воспитать.
 У Льва как гору с плеч свалило.

И подлинно: чего, казалось, лучше было,
 Царевичу царя в учителя сыскать?

Вот Львенка сварядили
 И отпустили

Учиться царствовать к Орлу.
 Проходит год и два; меж-тем, кого ни спросят,

О Львенке ото всех лишь слышат похвалу:
 Все птицы чудеса о нем в лесах разносят.

И наконец приходит срочный год,
 Царь-Лев за сыном плёт.

Явился сын; тут царь собирает весь народ,
 И малых, и больших сзывает;

Сынка целует, обнимает,
 И говорит ему он так: «Любезный сын,

По мне наследник ты один;
 Я в гроб уже гляжу, а ты лишь в свет

вступаешь:
 Так я тебе охотно царство сдам.

Скажи теперь при всех лишь нам,
 Чему учен ты, что ты знаешь,

И как ты свой народ счастливым сделать

чашь?» — «Папа», ответствовал сынок: «я знаю то,
 Чего не знает здесь никто;

И от Орла до Перепёлки,

Какой где птице боле вод,
Какая чем из них живет,
Какие яца несет,
И птичьи нужды все сочту вам до иголки:
Вот от учителей тебе мой аттестат:
У птиц не даром говорят,
Что я хватаю с неба звезды;
Когда ж намерен ты правление мне
вручить,
То я тотчас начну зверей учить
Вить гнезды».

Тут ахнул царь и весь звериный свет;
Повесил головы Совет,
А Лев-старик поздненько спохватился,
Что Львенок пустякам учился,
И не добро он говорит:
Что пользы нет большой тому знать птичий
быт,
Кого зверьми владеть поставила природа.
И что важнейшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей

13

СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ

Старик садить сбирался дерево.
«Уж пусть бы строиться; да как садить
в те лета,
Когда уж смотришь вон из света!»
Так, Старикуну смеясь в лицо,
Три взрослых юноши соседних
рассуждали.
«Чтоб плод тебе твои труды желанный
дали.
То надобно, чтоб ты два века жил.
Неужли будешь ты второй Мафусаил.¹
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебе ли затевать толь дальние расчеты?
Едва-ли для тебя текущий верен час?
Такие замыслы простительны для нас:
Мы молоды, цветом и крепостью и силой,
А старику пора знакомиться с могилой.»
— «Друзья!» смиренно им отвечает
Старик:
«Издетства я к трудам привык;
А если от того, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю:
То, признаюсь,
За труд такой еще охотнее берусь.
Кто добр, не всё лишь для себя трудится.
Сажая дерево, и тем я веселюсь,

Что если от него сам тени не дождусь,
То внук мой некогда сей тенью насладится,
И это для меня уж плод.
Да можно ль и за то ручаться наперед,
Кто здесь из нас кого переживет?
Смерть смотрит ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лиц?
Ах, в старости моей прекраснейших девиц
И крепких юношей я провожал в могилу!
Кто знает: может-быть, что ваш и ближе
час,
И что сыра земля покроет прежде вас.»
Как им сказал Старик, так после то и было.
Один из них в торги пошел на кораблях;
Надеждой счастье сперва ему польстило;
Но бурю корабль разбило:
Надежду и пловца — все море поглотило.
Другой в чужих землях,
Предавшему порока власти,
За роскошь, негу и за страсти,
Здоровьем, а потом и жизнью заплатил.
А третий, в жаркий день холодного испил
И слез: его врачам искусным поручили,
А те его до-смерти залечили.
Узнавши о кончине их,
Наш добрый Старичок оплакал всех троих.

14

ДЕРЕВО

Увидя, что топор крестьянин нес,
«Голубчик.» Дерево сказало молодое:
«Пожалуй, вырубь вокруг меня ты лес,

Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы;
Такие надо мной он сплесть изволил воды!

¹ Библейский патриарх, проживший 969 лет.

Когда б не от него расти помеха мне,
 Я в год бы сделалось красою сей стране,
 И тенью бы моей покрылась вся долина;
 А ныне тонко я, почти как хворостина.»
 Взаяся крестьянин за топор,
 И Дереву, как другу,
 Он оказал услугу:
 Вкруг Деревца большой очистился простор;
 Но торжество его недолго было!
 То солнцем дерево печет,
 То градом, то дождем сечет,
 И ветром наконец то Деревцо сломило.

«Безумное!» ему сказала тут змея:
 «Не от тебя ль беда твоя?
 Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало:
 Тебе б вредить ни зной ни ветры не могли,
 Тебя бы старые деревья берегли;
 А если б некогда деревьев тех не стало,
 И время их бы отошло:
 Тогда, в свою чреду, ты столько б возросло,
 Уснлилось и укрепилось,
 Что нынешней беды с тобой бы не случилось,
 И бурю, может-быть, ты б выдержать могло!»

15

ГУСИ

Предлинной хворостиной
 Мужик Гусей гнал в город продавать;
 И, правду истинну сказать,
 Не очень вежливо чистил свой гурт гусиной:
 На барыши спешил к базарному он дню
 (А где до прибыли коснется,
 Не только там гусям, и людям достается).
 Я мужлика и не виню;
 Но Гуси иначе об этом толковали.
 И, встретяся с прохожим на пути,
 Вот как на мужика пеняли:
 «Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
 Мужик так нами помыкает,
 И нас, как-будто бы простых Гусей,
 гоняет; А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

А этого не смыслит неуч сей,
 Что он обязан нам почтеньем;
 Что мы свой знатный род ведем от тех
 Гусей,

Которым некогда был должен Рим спасеньем:
 Там даже праздники им в честь учреждены!»
 — «А вы хотите быть за что отличены?»
 Спросил прохожий их. — «Да наши предки...» «Знаю,
 И все читал; но всдасть я желаю,
 Вы сколько пользы принесли?»
 — «Да наши предки Рим спасли!»
 — «Все так, да вы что сделали такое?»
 — «Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?»
 Оставьте предков вы в покое:
 Им по-делом была и честь;
 А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
 Да чтоб гусей не раздражить.

16

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то
 затесалась;
 Вокруг конюшен там и кухонь
 наслонялась;
 В сору, в навозе извалялась;
 В помоях по-уши до-сыта накупалась:
 И из гостей домой
 Пришла свинья-свиньей.
 «Ну, что ж, Хавронья, там ты видела
 такого?»

Свинью спросил пастух:
 «Ведь идет слух,
 Что все у богачей лишь бисер да жемчуг;
 А в доме, так одно богачее другого?»
 Хавронья хрюкает: — «Ну, право, порют вздор.
 Я не заметила богатства никакого:

¹ Гуси своим криком спасли Капитолий от почного нападения галлов.

Все только лишь навоз, да сор;
 А, кажется, уж, не жалея рыла
 Я там изрыла
 Весь задний двор».

Не дай бог никого сравнением мне
 обидеть!
 Но как же критика Х: вро ей не назвать,
 Который, что ни станет разбирать,
 Имеет дар одно худое видеть?

17

МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В Июле, в самый зной, в полуденную пору, Ну, словно откупщик на ярмарке хлопочет,
 Сыпучими песками, в-гору, И только плачется на то,
 С поклажей и с семьей дворян, Что ей ни в чем, никто
 Четверкою рыдван¹ Никак помочь не хочет.
 Тащился. Гуторя слуги вздор, плетутся вездя
 Кони измучились, и кучер как ни бился, шажком;
 Пришло хоть стать. Слезает с козел он, Учитель с барыней шушукают тишком;
 И, лошадей мучитель, Сам барин, позабыв, как он к порядку
 С лакеем в два кнута тиранит с двух нужен:
 сторон: Ушел с служанкой в бор искать грибов на
 А легче нет. Ползут из колымаги¹ вон ужин:
 Боярин, барыня, их девка, сын, учитель. И Муха всем жужжит, что только лишь она
 Но, зная, рыдван был плотно О всем заботится одна.
 нагружен, Меж-тем лошадушки, шаг за шаг,
 Что лошади, хотя его тронули, по-немногу
 Но в-гору по песку едва-едва тянули. Втащились на ровную дорогу.
 Случись тут Мухе быть. Как горю не «Ну.» Муха говорит: «теперь слава богу!
 помочь? Садитесь по местам, и добрый всем вам
 Вступилась: ну жужжать во всю мушину путь;
 мочь; А мне уж дайте отдохнуть:
 Вокруг повозки суетится; Меня на-силу крылья несут.»
 То под носом юлит у коренной,
 То лоб укусит пристяжной,
 То вместо кучера на козлы вдруг садится,
 Или, оставя лошадей,
 И вдоль и поперег шыряет меж людей; просят.

18

ОРЕЛ И ПАУК

За облака Орел
 На верх Кавказских гор поднялся;
 На кедре там столетнем сел,
 И зримым под собой пространством
 любовался.
 Казалось, что оттоль он видел край земли:
 Там реки по степям излучисто текли;
 Здесь рощи и луга цвели
 Во всем весеннем их уборе;
 А там сердитое Каспийско Море,
 Как ворона крыло, чернелося вдали.
 «Хвала тебе, Зевес, что, управляя светом,
 Ты рассудил меня снабдить таким
 полетом,
 Что неприступной я не знаю высоты,»
 Орел к Юпитеру вызывает:
 «И что смотрю оттоль на мира красоты,
 Куда никто не залетает».
 — «Какой же ты хвастун, как погляжу!»
 Паук ему тут с ветки отъедает:
 «Да ниже ль я тебя, товарищ, здесь сижу?»
 Орел глядит: и подлинно, Паук,

¹ Старинный экипаж.

Над самым им раскинув сеть вокруг,
 На веточке хлопочет,
 II. кажется, Орлу заткать оп солнце хочет.
 — «Ты как на этой высоте?»
 Спросил Орел: «и те,
 Которые полет отважнейший имеют,
 Не все сюда пускаться смеют:
 А ты без крыл и слаб; неужли ты доплз?»
 — «Нет, я б на это не решился.»
 — «Да как же здесь ты очутился?»
 — «Да я к тебе же прицепился,
 II снизу на хвосте ты сам меня завёз:
 Но здесь и без тебя умею я держаться;
 II так передо мной прошу не величаться;

II знай, что я...» Тут вихрь, отколе ни
 возьмишь,
 II сдунул Паука опять на самый низ.
 Как вам, а мне так кажутся похожи
 На этаких нередко Пауков
 Те, коп без ума и даже без трудов,
 Тащатся вверх, держась за хвост
 вельможи;
 А надувают грудь,
 Как-будто б силою их бог снабдил
 орлиной:
 Хоть стоит ветру лишь пахнуть,
 Чтоб их унести и с паутиной.

19

ЛАНЬ И ДЕРВИШ

Младая Лань, своих лилась любезных чад,
 Еще сосцы млекою имея отягченны,
 Нашла в лесу двух малых волченят,
 II стала выполнять долг матери священный,
 Своим питая их млекою.
 В лесу живущий с ней одним,
 Дервиш, ее поступком изумленный,
 «О, безрассудная!» сказал: «к кому любовь,
 Кому свое млеко ты расточаешь?
 Иль благодарности от их ты роду чаешь?
 Быть-может, некогда (иль злости их не
 знаешь?)

Они прольют твою же кровь.»
 — «Быть-может,» Лань на это отвечала:
 «Но я о том не помышляла,
 И не желаю помышлять:
 Мне чувство матери одно теперь лишь мило,
 И молоко мое меня бы тяготило,
 Когда-б не стала я питать.»

Так, истинная благодать
 Без всякой мзды добро творит:
 Кто добр, тому избытки в тягость,
 Коль он их с ближним не делит.

20

СОБАКА

У барина была Собака шаловлива,
 Хоть нужды не было Собаке той ни
 в чем: «Послушай,» говорит: «хоть, кажется, ты
 стрг,
 Но ты лишь красть Собаку
 приучаешь,
 Затем, что краденый кусок
 Всегда ей оставляешь.
 А ты вперед ее хоть меньше бей,
 Да кражу отнимай у ней.»
 Едва-лишь на себе Собака испытала
 Совет разумный сей, —
 Шалить Собака перестала.

Иная бы таким житьем
 Была довольна и счастлива,
 И не подумала бы красть!
 Но уж у ней была такая страсть:
 Что из мясного не достанет,
 В-минуту стянет.
 Хозяин сладить с ней не мог,
 Как он ни бился,

* Мусульманский отшельник.

ОРЕЛ И КРОТ

Не презирай совета ничьего,
Но прежде рассмотри его.

Со стороны прибыв далекой
В дремучий лес, Орел с Орлицею вдвоем,
Задумали навек остаться в нем,
И, выбравши ветвистый дуб, высокой,
Гнездо себе в его вершине стали вить,
Надеясь и детей тут вывести на лето.
Услыша Крот про это,
Орлу взял смелость доложить,
Что этот дуб для их жилища не годится,
Что весь почти он в корнѣ сгнил,
И скоро, может-быть, свалится;
Так, чтоб Орел гнезда на нем не вил.
Но кстаги ли Орлу совет принять из норки,
И от Крота! А где же похвала,
Что у Орла
Глаза так зорки?
И что за стать Кротам мешаться смсть в дела
Царь-птицы!
Так многого с Кротом не говоря,

К работе по-скорей, советчика презря,
И новоселье у царя
Поспело скоро для парицы.
Все счастливо: уж есть и дети у Орлицы.
Но что ж? — Однажды, как зарей,
Орел из-под небес к семье своей
С богатым завтраком с охоты торопился,
Он видит! дуб его свалился:
И подавило им Орлицу и детей.
От горести не взвидя свету,
«Несчастный!» он сказал:
«За гордость рок меня так люто наказал,
Что не послушался я умного совету.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Крот совет мог добрый
дать?»
— «Когда бы ты не презрел мною!»
Из норки Крот сказал: «те вспомнил бы,
что рою
Свои я норы под землей,
И что, случаясь близь корней,
Здорово ль дерево, я знать могу верней.»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел,
Да косолапый Мишка,
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альты, две скрипки,
И сели на лужок под липки,
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой!» кричит Мартышка:
«погодите!
Как музыке итти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альты,
Я прима сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдет.
— «Постойте ж, я сыскал секрет,
Кричит Осел: «мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем.»
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдет на лад.
Вот, лучше прежнего, пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось, Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить
сомненье:
— «Пожалуй,» говорят: «возьми на час
терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!»
— «Чтоб музыкантом быть, так надобно
уменьше
И уши ваших по-нежней,»
Им отвечает Соловей: —
«А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь.»

2

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
 Бросая по долине тень,
 Листы на дереве с зефирами шептали,
 Хвалились густотой, зеленостью своей,
 И вот как о себе зефирам толковали:
 «Не правда ли, что мы краса долины всей?
 Что нами дерево так пышно и кудряво,
 Раскидисто и величаво?
 Что б было в нем без нас? Ну, право,
 Хвалить себя мы можем без греха!
 Не мы ль от зноя пастуха
 И стрawnика в тени прохладной укрываем?
 Не мы ль красотью своей
 Плясать сюда пастушек привлекаем?
 У нас же раннею и позднею зарей
 Насвистывает соловей.
 Да вы, зефиры, сами
 Почти не расстаётесь с нами.»

— «Примолвить можно бы спасибо тут и нам.»
 Им голос отвечал из-под земли смиренно.
 — «Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
 Кто вы такие там,
 Что дерзко так сунуться с нами стали?»
 Листы, по дереву шумя, зазеленали.
 — «Мы те.»
 Им снизу отвечали:
 «Которые здесь роясь в темноте,
 Питаем вас. Ужель не узнаете?
 Мы корни дерева, на коем вы цветете.
 Красуйтесь в добрый час!
 Да только помните ту разницу меж нас:
 Что с новою весной лист новый народится;
 А если корень иссушится, —
 Не станет дерева, ни вас.»

3

ВОЛК И ЛИСИЦА

Охотно мы дарим,
 Что нам не надобно самим.
 Мы это басней поясним,
 Затем, что истина споснее вполоткрыта.

Лиса, курятники накушавшись до-сыта,
 И добрый ворошок припрятавши в запас,
 Под стогом прилегла вздремнуть
 в вечерний час.
 Глядит, а в гости к ней голодный Волк
 тащится.
 «Что, кумушка, беды!» он говорит:

Ни косточкой не мог нигде я позавииться;
 Меня так голод и морит;
 Собаки злы, пастух не спит,
 Пришло хоть удавиться!
 — «Неужли?» — «Право так.» —
 «Бедняжка-куманёк!
 Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
 Я куму услужить готова.»
 А куму не сенца, хотелось бы мяснова —
 Да про запас Лиса ни слова.
 И серый рыцарь мой,
 Обласкан по-уши кумой,
 Пошел без ужина домой.

4

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Запущенный под облака,
 Бумажный Змей, приметя с-высока
 В долине мотылька:
 «Поверишь ли!» кричит: «чуть-чуть тебя
 мне видно;
 Признайся, что тебе завидно
 Смотреть на мой высокий столь полет.»
 — «Завидно? Право, нет!
 Напрасно о себе ты много так мечтаешь!»

Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
 Такая жизнь, мой свет,
 От счастья весьма далеко;
 А я, хоть, правда, невысоко,
 Зато лечу,
 Куда хочу;
 Да я же так, как ты, в забаву для другого,
 Пустого,
 Век целый не трещу.»

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет:
 На лад их дело не пойдёт,
 И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак, да Щука,
 Везти с поклажей роз взялись,
 И вместе трое все в него впряглись;

Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
 Поклажа бы для них казалась и легка:
 Да Лебедь рвется в облака,
 Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
 Кто виноват из них, кто прав, — судить
 не нам;
 Да только воз и ныне там.

СКВОРЕЦ

У всякого талант есть свой:
 Но часто, на успех прельщаяся чужой,
 Хватается за то иной,
 В чем он совсем не годеи.
 А мой совет такой:
 Берись за то, к чему ты сроден,
 Коль хочешь, чтоб в делах успешный был
 конец.

Какой то с-молоду Скворец
 Так петь щегленком научился,
 Как-будто бы щегленком сам родился.
 Игривым голоском весь лес он веселил,
 И всякий Скворушку хвалил.
 Иной бы был такой доволен частью;
 Но Скворушка услышь, что хвалят
 соловья, —

А Скворушка завистлив был,
 к несчастью, —
 И думает: «Постойте же, друзья,
 Спую не хуже я
 И соловьиным ладом.»
 И подлинно запел;
 Да только лишь совсем особым складом:
 То он пищал, то он хрипел,
 То верещал козлёнком,
 То не путем
 Мяукал он котёнком;
 И, словом, разогнал всех птиц своим
 пеньём.
 Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль
 в том?
 Пой лучше хорошо щегленком,
 Чем дурно соловьем.

ПРУД И РЕКА

«Что это,» говорил Реке соседний Пруд:
 «Как на тебя ни взглянешь,
 А воды всё твои текут!
 Неужли таки ты, сестрица, не устанешь?
 Притом же, вижу я почти всегда,
 То с грузом тяжкие суда,
 То долговязые плоты ты носишь,
 Уж я не говорю про лодки, челноки:
 Им счету нет! Когда такую жизнь ты
 бросишь?»

Я, право, высох бы с-тоски.
 В сравнении с твоим, как жребий мой
 приятен!
 Конечно, я не знатен,

По карте не тянусь я через целый лист,
 Мне не бренчит похвал какой-нибудь
 гуслист:
 Да это, право, все пустое!
 За то я в илистых и мягких берегах,
 Как барыня в пуховиках,
 Лежу и в неге, и в покое;
 Не только что судов,
 Или плотов,
 Мне здесь не для чего страшиться:
 Не знаю даже я, каков тяжел челнок;
 И много, ежели случится,
 Что по воде моей чуть зыблется листок,
 Когда его ко мне забросит вестерок.

Что беззаботную заменит жизнь такую?
 За ветрами со всех сторон,
 И движась, я смотрю на суету мирскую,
 И философствую сквозь сон.»
 — «А, философствуя, ты помнишь ли закон?»
 Река на это отвечает:
 «Что свежесть лишь вода движеньем
 сохраняет?»

И если стала я великою рекой,
 Так это от того, что, кинувши покой
 Последую сему уставу.
 За то по всякий год,
 Обилием и чистотою вод,
 Пользу приношу, и в честь вхожу и в славу.

И буду, может-быть, еще я веки течь,
 Когда уже тебя не будет и в-помине,
 И о тебе совсем исчезнет речь.»
 Слова ее сбылись: она течет поныне;
 А бедный Пруд год от году всё глож,
 Заволочен весь тиною глубокой,
 Зацвел, зарос осокой,
 И, наконец, совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
 Слабей всякий день,
 Когда им овладеет лень
 И оживлять его деятельность не станет.

8

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
 Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
 По четверти обрезал рукавов —
 И локти заплатил¹. Кафтан опять готов;
 Лишь на четверть голее руки стали.
 Да что до этого печали?
 Однакоже смеется Тришке всяк.
 А Тришка говорит: «Так я же не дурак,
 И ту беду поправлю:
 Длиннее прежнего я рукава наставлю.»
 О, Тришка малый не простой!

Обрезал фалды он и полы,
 Наставил рукава, и весел Тришка мой,
 Хоть носит он кафтан такой,
 Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
 Иные господа,
 Запутавши дела, их поправляют;
 Посмотришь: в Тришкином кафтане
 щеголяют.

9

МЕХАНИК

Какой-то молодец купил огромный дом,
 Да, правда, дедовский, но строенный
 на-славу: И прочность и уют, все было в доме том,
 И дом бы всем пришел ему по нраву,
 Да только то беды —
 И немножко далеко стоял он от воды.
 «Ну, что ж.» он думает: «в своем добре я
 властен;
 Так дом мой, как он есть,
 Мало машинами к реке я перевесть
 (Как видно, молодец механикой был
 страстен!).
 Лишь сани под него подвесь,
 Подрывшись наперед ему под основанье,
 А там уже, излады на катках,

Я вóротом, куда хочу, все зданье
 Поставлю будто на руках.
 И что еще, чего не видано на свете:
 Когда перевозить туда мой будут дом,
 Тогда под музыкой с приятелями в нем,
 Пируя за большим столом,
 На новоселье я поеду, как в карете.»
 Пленясь глупостью такой,
 И к делу приступил тотчас Механик мой.
 Рабочих подрядил, под домом рылся, рылся,
 Ни денег, ни забот ни мало не берёг;
 Однакож дома он перетащить не мог.
 И только до того добился,
 Что дом его свалился.

Как много у людей
 Затей,
 Которые еще опасней и глупей!

¹ Так в изд. 1843 г. В рукописи Публ. Библ. № XIV, № 13): «заплатал».

ПОЖАР И АЛМАЗ

Из малой искры став пожаром,
Огонь, в стремленьи яром,
По зданьям разлился в глухой полночный час.

При общей той тревоге,
Потерянный Алмаз
Едва сквозь пыль мелькал, валяясь по дороге.

«Как ты, со всей своей игрой,»
Сказал Огонь: «ничтожен предо мной!
И сколь навичное потребно зренье,
Чтоб различить тебя, при малом отдалении,
Или с простым стеклом, иль с каплею воды,
Когда в них луч иль мой, иль солнечный играет!

Уж я не говорю, что все тебе беды,
Что на тебя ни попадает:
Бездежка — ленты лоскуток;
Как часто блеск твой затмевает,
Вокруг тебя одни обвинившись, волосок!
Не так легко затмить мое сиянье,
Когда я, в ярости моей,

Охватываю зданье.
Смотри, как все усилия людей
Против себя я презираю;
Как с треском все, что встречу, пожираю,—
И зарево мое, играя в облаках,
Окрестностям наводит страх!»
— «Хоть против твоего мой блеск и беден,»
Алмаз отвечает: «но я безвреден:
Не укорит меня никто ни чьей бедой,
И луч досаден мой
Лишь зависти одной;
А ты блестяшь лишь тем, что разрушаешь;
За то, всей силой соединяясь,
Смотри, как рвутся все, чтоб ты скорей погас.

И чем ты яростней пылаешь,
Тем ближе, может-быть, к концу.»
Тут силой всей народ тушить Пожар
принялся;
На утро дым один и смрад по нем остался:
Алмаз же вскоре отыскался,
И лучшею красой стал царскому венцу.

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинокой,
Вдали от города, в глуши.

Про жизнь пустынную, как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»

— «Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучитя, как не с кем молвить слова.»

Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?

И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потом дружатся,

Потом не могут уж расстаться,
И целые проводят вместе дни.
О чем у них, и что бывало разговору,
Иль приказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнитя,
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям,
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,

И по долам, и по горам;
 А так как человек медведя по-слабее,
 То и Пустынник наш скорее,
 Чем Мишенька, устал
 И отставать ст друга стал.
 То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
 «Приляг-ка, брат, и отдохни,
 Да коли хочешь, так сосни;
 А я постерегу тебя здесь у досугу.»
 Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
 Да тотчас и заснул.
 А Мишка на часах — да он и пе без дела:
 У друга на нос муха села:
 Он друга обмахнул;

Взглянул,
 А муха на щеке; согнал, а муха снова
 У друга на носу,
 И пествячивей час-от-часу.
 Вот Мишенька, не говоря ни слова,
 Увесистый булыжник в лапы сгрэб,
 Присел на корточки, не переводит духу,
 Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя воструху!»
 И, у друга на лбу подкарауля муху,
 Что силы есть — хватя друга камнем
 в лоб!
 Удар так ловок был, что череп врознь
 раздался,
 И Мишин друг лежать на-долго там остался!

12

ЦВЕТЫ

В отворенном окне богатого покоя,
 В фарфоровых, расписанных горшках,
 Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
 На проволочных стебельках
 Качались спесиво,
 И выставляли всем красу свою на-диво.
 Вот дождик начал накрапать.
 Цветы тафтяные Юпитера тут просят:
 Нельзя ли дождь унять;
 Дождь всячески они ругают и поносят.
 «Юпитер!» молятся: «ты дождик прекрати;
 Что в нем пути,
 И что его на свете хуже?
 Смотри, нельзя по члице пройти:
 Везде лишь от него и грязь, и лужи.»
 Однако же Зевес не внял мольбе пустой,

И дождь себе прошел своею полосой.
 Прогнавши зной,
 Он воздух прохладил; природа оживилась,
 И зеленя вся как-будто обновилась.
 Тогда и на окне Цветы живые все
 Раскинулись во всей своей красе,
 И стали от дождя душистей,
 Свежее и пушистей.
 А бедные Цветы поддельные с-тех-пор
 Лишились всей красы, и брошены на двор,
 Как сор.

Таланты истинны за критику не злятся:
 Их повредить она не может красоты;
 Одни поддельные цветы
 Дождя боятся.

13

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Змея к Крестьянину пришла проситься
 в дом,
 Не по-пустому жить без дела,
 Нет, няичить у него детей она хотела:
 Хлеб слаще нажитый трудом!
 «Я знаю,» говорит она: «худую славу,
 Которая у вас, людей,
 Идет про Змей,
 Что все они презлого нраву;
 Из древности гласит молва.
 Что благодарности они не знают;
 Что нет у них ни дружбы, ни родства;

Что даже собственных детей они съедают.
 Все это может быть: но я не такова.
 Я с-роду никого не только не кусала,
 Но так гнушаюсь зла,
 Что жало у себя я вырвать бы дала,
 Когда б я знала,
 Что жить могу без жала;
 И, словом, я добрей
 Всех Змей.
 Суди ж, как буду я любить твоих детей!»
 — «Коль это,» говорит Крестьянин: «и не
 ложно,

Всё мне принять тебя не можно;
 Когда пример такой
 У нас полюбят,
 Тогда вползут сюда за доброю Змеей,
 Одной,
 Сто злых, и всех детей здесь перегубят.
 Да, кажется, голубушка моя,

И потому с тобой мне не ужиться,
 Что лучшая Змея,
 По мне, ни к чорту не годится.»

Отцы, понятно ль вам, на что зресь мечу
 я?...

14

КРЕСТЬЯНИН И РАЗБОЙНИК

Крестьянин, заводясь домком,
 Купил на ярмарке подоиник, да корову,
 И с ними сквозь дуброву
 Тихонько брел домой проселочным путем,
 Как-вдруг Разбойнику попался.
 Разбойник Мужика как липку ободрал.
 «Помилуй,» всплачется Крестьянин:
 «я пропал,

Меня совсем ты доканал!
 Год целый я купить коровушку собирался:
 Насилу этого дождался дня.»
 — «Добро, не плачься на меня,»
 Сказал, разжалобясь, Разбойник:
 «И подлинно, ведь мне коровы не доить;
 Уж так и быть,
 Возьми себе назад подоиник.»

15

ЛЮБОпытный

«Притель дорогой, здорово! Где ты был?»
 — «В Кунсткамере, ¹ мой друг! Часа там
 три ходил;
 Все видел, высмотрел; от удивленья,
 Поверишь ли, не станет ни уменя
 Пересказать тебе, ни сил.
 Уж подлинно, что там чудес намата!
 Куда на выдумки природа таровата!
 Каких зверей, каких там птиц я не видал!
 Какне бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!
 Одни как изумруд, другие как коралл!
 Какие крохотны коровки!
 Есть, право, менее булавочной головки!»
 — «А видел ли слона? Каков собой на
 взгляд!
 Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
 — «Да разве там он?» — «Там.» — «Ну,
 братец, виноват:
 «Слона-то я и не приметил.»

16

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

Собака, Лев, да Волк с Лисой
 В соседстве как-то жили,
 И вот какой
 Между собой
 Они завет все положили:
 Чтоб им зверей съобца ловить,
 И что наловится, все по-ровну делить.
 Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
 Лиса оленя поймала,
 И шлет к товарищам послов,
 Чтоб шли делить счастливый лов:
 Добыча, право, недурная!

Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
 И озираючи товарищей кругом,
 Дележ располагает,
 И говорит: «Мы, братцы, в-четвером.»
 И на четверо он оленя раздирает.
 «Теперь, давай делить! Смотрите же, друзья:
 Вот эта часть моя
 По договору;
 Вот эта мне, как Льву, принадлежит без
 спору;
 Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
 А к этой чуть из вас лишь лапу кто
 протянет,
 Тот с-места жив не встанет.»

¹ Музей редкостей.

КОНЬ И ВСАДНИК

Какой-то Всадник так Коня себе нашколил,
 Что делал из него все что изволил;
 Не шевеля почти и поводов,
 Конь слушался его лишь слов.
 «Таких коней и взнуздывать напрасно,»
 Хозяин некогда сказал:
 «Ну, право, вздумал я прекрасно!»
 И, в поле выехав, узду с Коня он снял.
 Почувствуя свободу,
 Сначала Конь прибавил только ходу
 Слегка,
 И, вскинув голову, потряхивая гривой,
 Он выступкой пошел игривой,
 Как-будто теща Седока.
 Но, сметая, как над ним управа не крепка,
 Взял скоро волю Конь ретивой:
 Вскипела кровь его и разгорелся взор;
 Не слушая слов всадниковых боле,
 Он мчит его во весь опор
 Черезо ¹ все широко поле.
 Напрасно на него несчастный Всадник мой

Дрожащею рукой
 Узду накинуть покушался:
 Конь боле лишь серчал и рвался,
 И сбросил наконец с себя его долой;
 А сам, как бурный вихрь, пустился,
 Не взвидя света, ни дорог,
 Поколь, в овраг со всех махнувши ног,
 До-смерти не убилися.
 Тут в горести Седок,
 «Мой бедный Конь!» сказал: «я стал виною
 Твоей беды!
 Когда бы не снял я с тебя узды, —
 Управил бы наверно я тобою:
 И ты бы ни меня нешиб,
 Ни смертью б сам столь жалкой не погиб!»

Как ни приманчива свобода,
 Но для народа
 Не меньше гибельна она,
 Когда разумная ей мера не дана.

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из теренья
 От разоренья,
 Что речки им и ручейки
 При водополи причиняли,
 Пошли просить себе управы у Реки,
 В которую ручьи и речки те впадали.
 И было что на них донести!
 Где озими разрыты;
 Где мельницы посорваны и смыты;
 Потоплено скота, что и не счесть!
 А та Река течет так смирно, хоть и пышно;
 На ней стоят большие города,
 И никогда
 За ней таких проказ не слышно:

Так, верно, их она уймёт,
 Между собой Крестьяне рассуждали.
 Но что ж? как подходить к Реке поближе
 И посмотрели, так узнали, [стали,
 Что половину их добра по ней несет.
 Тут, по-пусту не заводя хлопот,
 Крестьяне лишь его глазами проводили;
 Потом взглянулись меж собой,
 И покачавши головой,
 Пошли домой.
 А отходя проговорили:
 «На что и время тратить нам!
 На младших не найдешь себе управы там,
 Где делятся они со старшим по-полам.»

ДОБРАЯ ЛИСИЦА

Стрелок весной малиновку убил.
 Уж пусть бы кончилось на ней несчастье
 злос.

Но нет; за ней должны еще погибнуть трое:
 Он, бедных, трех ее птенцов осиротил.
 Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
 Малютки терпят голод,
 И холод,
 И писком жалобным зовут напрасно мать.

¹ Так в изд. 1843 г. и в рукописи Публ. Библ. (F. XIV, № 13). В изд. Каллаша: «чрез».

«Как можно не страдать,
 Малюток этих видя;
 И сердце чье об них не заболит?»
 Лисица птицам говорит,
 На камушке против гнезда сироток сидя:
 «Не киньте, милые, без помощи детей;
 Хотя по зернышку бедняжкам вы снесите,
 Хоть по соломинке к их гнездышку
 приткните:
 Вы этим жизнь их сохраните;
 Что дела доброго святей!
 Кукушка, посмотри, ведь ты и так линяешь:
 Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
 И перьем бы твоим постельку их устлать.
 Ведь по-пусту ж его ты растеряешь.
 Ты, жавронок, чем по верхам
 Тебе кувыряться, кружиться,
 Ты б корму поискал по нивам, по лугам,
 Чтоб с сиротами поделиться.
 Ты, горлинка, твои птенцы уж подрасли,
 Промыслить корм они и сами бы могли:
 Так ты бы с своего гнезда слетела,
 Да, вместо матери, к малюткам села,
 А деток бы твоих пусть бог
 Берёт.
 Ты б, ласточка, ловила мошек,

Полакомить безродных крошек.
 А ты бы, милый соловей, —
 Ты знаешь, как всех голострой прельщает, —
 Меж тем, пока зефир их с гнездышком
 качает,
 Ты б убакивал их песенкой своей.
 Такою нежностью, я твердо верю,
 Вы б заменили им их горькую потерю.
 Послушайте меня: докажем, что в лесах
 Есть добрые сердца, и что...» При сих
 словах,
 Малютки бедные все трое,
 Не могли с-голоду сидеть в-покое,
 Попадали к Лисе на низ.
 Что ж кумушка? — Тотчас их съела:
 И поученья не допела.

Читатель, не дивись!
 Кто добр по истине, не распложая слова,
 В молчаньи тот добро творит:
 А кто про доброту лишь в уши всем жужжит,
 Тот часто только добр на счет другого,
 Затем, что в этом нет убытка никакого.
 На деле же почти такие люди все —
 Сродни моей Лисе.

20

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
 Но если он в руках бессовестных людей,
 Они всегда найдут уловку,
 Чтоб сделать там, где им захочется,
 снаровку.

В овечьи старосты у льва просился волк.
 Стараньем кумушки лисицы,
 Словцо о нем замолвлено у львицы.
 Но так как о волках худой на свете толк,
 И не сказали бы, что смотрит лев на лица,

То велено звериный весь народ
 Созвать на общий сход,
 И расспросить того, другого,
 Что в волке доброго он знает, или худого.
 Исполнен и приказ: все звери созваны.
 На сходке голоса чин чином собраны:
 Но против волка нет ни слова,
 И волка велено в овчарню посадить.
 Да что же овцы говорили?
 На сходке ведь они уж, верно, были? —
 Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
 А их-то бы всего нужней спросить.

КНИГА ПЯТАЯ

1

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
 Пожалуй-ста, покушай.»
 — «Соседушка, я сыт по горло.» —
 «Нужды нет,

Еще тарелочку; послушай:
 Ущица, ей-же-ей, на-славу сварена!»
 — «Я три тарелки съел.» — «И, полно, что
 за счеты;

Лишь стало бы охоты, —
 А то во здравье: ешь до дна!
 Что за уха! Да, как жирна:
 Как-будто янтарем подернулась она.
 И тень же, миленький дружок!
 Вот лепчик, потраха, вот стерляди кусочек!
 Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!
 Так подчивал сосед-Демьян соседа-Фоку,
 И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
 А с Фоки уж давно катился градом пот.
 Однако же еще тарелку он берет:
 Сбирается с последней силой,
 И очищает всю. «Вот друга я люблю!»
 Вскричал Демьян: «зато уж чванных не
 терпело.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
 Тут бедный Фока мой,
 Как ни любил уху, но от беды такой,
 Схватя в охабку
 Купак и шапку, —
 Скорей без памяти домой,
 И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливы ты, коль дар прямой
 имеешь:
 Но если помолчать во время не умеешь,
 И ближнего ушей ты не жалеешь:
 Так ведай, что твои и прозы и стихи
 Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

2

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка? слышала-ль ты добрую молву?»
 Вбежавши, Крысе Мышь сказала: —
 «Ведь кошка, говорят, попалась в когти
 льву?»
 Вот отдохнуть и нам пора настала!»
 «Не радуйся, мой свет»,
 Ей Крыса говорит в ответ:
 «И не надейся по-пустому!

Коль до когтей у них дойдет,
 То, верно, льву не быть живому:
 Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
 Когда боится трус кого,
 То думает, что на того
 Весь свет глядит его глазами.

3

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чиж захлопнула злодейка-западня;
 Бедняжка в ней и рвался, и метался,
 А Голубь молодой над ним же издевался.
 «Не стыдно-ль,» говорит: «среди бела дня
 Попался!

Не провели бы так меня:
 За это я ручаюсь смело.»
 Ах смотришь, тут же сам запутался в спллок.
 И дело!
 Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

4

ВОДОЛАЗЫ

Какой-то древний царь впал в страшное
 сомнение:
 Не более-ль вреда, чем пользы, от наук?
 Не расслабляет ли сердец и рук
 Ученье?
 И не разумнее-ль поступит он,
 Когда ученых всех из царства вышлет вон?
 Но так как этот царь, своей украшая трон,

Душою всей радел своих народов счастьем
 И для того
 Не делал ничего
 По прихоти, иль по пристрастью;
 То приказал собрать совет,
 В котором всякой бы, хоть слогом не
 кудравым,
 Но с толком лишь согласно здоровым,

Свое представил: да, или нет;
То есть, ученым вон из царства убираться,
Или по-прежнему в том царстве оставаться?

Однако ж как совет ни толковал:

Кто сам свой голос подавал,

Кто голос подавал работы секретарской;

Всяк только дело затемнял,

И в нерешимости запутывал ум царской. ¹

Кто говорил, что неученье тьма;

Что не дал бы нам бог ума,

Ни дара постигать вещей небесных,

Когда бы он хотел,

Чтоб человек не боле разумел

Животных бессловесных,

И что, согласно с целью сей,

Ученье к счастью ведет людей.

Другие утверждали,

Что люди от наук лишь хуже стали:

Что все ученье бред,

Что от него лишь правам вред,

И что за просвещеньем вслед,

Сильнейшие на свете царства паки.

Короче: с обеих сторон,

И дело вывода и вздоры,

Бумаги написали горы,

А о науках спор остался не решен;

Царь сделал более. Созвав отсюда он
Разумников, из них установил собранье,

И о науках спор им предложил на суд.

Но способ был и этот худ,

Затем, что царь им дал большое содержанье:

Так в голосах между собой разлад

Для них был настоящий клад;

И если бы им волю дали,

Они б доныне толковали,

Да жалованье брали.

Но так-как царь казною не шутил;

То он, приметя то, их скоро распустил.

Меж-тем час-от часу владал в сомненье боле.

Вот как-то вышел он, сей мыслью занят, в

И видит пред собой [поле,

Пустынного, с седию бородой

И с книгою в руках большой.

Пустынник важный взор имел, но не

угрюмый;

Приветливость и доброта

Улыбкою его украсили уста,

А на челе следы глубокой видны думы.

Монарх с пустынноком вступает в разговор,

И, видя в нем познания несчетны,

Он просит мудреца решить тот важный спор:

Науки более ль полезны, или вредны?

«Царь!» старец отвечал «позволь, чтоб пред

Открыл я притчею простой, [тобой

Что размышленья мне внушили многолетны.»

И, с мыслями собравшись, начал так:

«На берегу, близ моря,

Жил в Индии рыбак;

Проведши долгий век и бедности, и горя,

Он умер, и трюх оставил сыновей;

Но дети, видя,

Что с нуждою они кормились от сетей,

И, ремесло отцовско ненавидя,

Брать дань богачее задумали с морей,

Не рыбой, — жемчугами;

И, зная плавать и нырять,

Ту добычу доправлять

Пустились сами.

Однако ж был успех различен всех трюх:

Один, ленивее других,

Всегда по берегу скитался;

Он, даже, не хотел ни ног мочить своих,

И жемчугу того лишь дожидался,

Что выбросит к нему волной:

А с леностью такой

Едва-едва питался.

Другой,

Трудов нимало не жался,

И выбирать умея

Себе по силе глубину,

Богатых жемчугов нырял искать по дну:

И жил, всечасно богачея.

Но третий, алчностью к сокровищам томим,

Так рассуждал с собой самим:

«Хоть жемчуг находить близ берега и можно,

Но, кажется, каких сокровищ ждать не

должно,

Когда бы удалось мне

Достать морское дно на самой глубине?

Там горы, может-быть, богатств несчетных:

Кораллов, жемчугу и камней самоцветных,

Которы стóит лишь достать

И взять.»

Сей мыслию пленясь, безумец, вскоре

В открытое пустился море,

И, выбрав, где была чернее глубина,

В пучину кинулся; но, поглощенный ею,

За дерзость, не доставши дна,

Он жизнью заплатил своею.

«О, царь!» примолвил тут мудрец:

«Хотя в ученьи эриммы многих благ причину;

Но дерзкий ум находит в нему пучину

И свой погибельный конец,

Лишь с разницею тою,

Что часто в гибель он других влечет с собою.»

¹ Так в изд. 1843 г., что дает полную рифму к: «секретарской».

5

ГОСПОЖА И ДВЕ СЛУЖАНКИ

У Барыни, старушки кропотливой,
 Неугомонной и брхзгливой,
 Были девушки, Служанки, конх часть
 Была с-утра и до глубокой ночи,
 Рук не покладывая, прясть.
 Не стало бедным девкам мочи:
 Им будни, праздник — всё-равно;
 Нет угомона на старуху:
 Днем перевесть она не даст за пряжей духу;
 Зарей, где спят еще, а уж у них давно
 Пошло плясать веретено.
 Быть-может, иногда-б, старуха опоздала:
 А в доме том проклятый был петух:
 Лишь он вспоет — старуха встала,
 Макинет на себя шубейку и треух,
 У печки огонёк вздувает,
 Бредет, ворча, к прядильщицам в покой,
 Расstalkивает их костлявою рукой,
 А заупрямятся, — клюкой,
 И сладкий на заре их сон перерывает.
 Чтò будешь делать с ней?
 Бедняжки морщатся, зевают, жмутся,
 И с теплою постелею своей,
 Хотя не хочется, а расстаются;
 На-завтрее опять, лишь прокричит петух,

У девушек с хозяйкой сказка та же:
 Их будят и морят на пряже.
 «Добро же ты, нечистый дух!»
 Сквозь зубы пряжи те на петуха ворчали:
 «Без песень бы твоих мы верно боле спали;
 Уж над тобою быть греху!»
 И, выбравши случай, без сожаленья,
 Свернули девушки головку петуху.
 Но чтò ж? Они себе тем ждали облегченья;
 Ан в деле вышел оборот,
 Совсем не тот:
 То правда, что петух уж боле не поёт —
 Злодея их не стало:
 Да Барыня, боясь, чтòб время не
 пропало,
 Чуть лягут, не дает почти свести им глаз,
 И рано так будить их стала всякий раз,
 Как рано петухи и с-роду не певали.
 Тут поздно девушки узнали,
 Чтò из огня они, да в полымя попали.
 Так выбратся желая из хлопот,
 Нередко человек имеет участь ту же:
 Одни лишь только с рук сживёт,
 Глядишь — другие нажил хуже!

6

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯК

«Как расшумелся здесь! Какой невежа!»
 Про дождик говорит на ниве Камень, лежа:
 «А рады все ему, пожалуй — посмотри!
 И ждали так, как гостя дорогого,
 А чтò же сделал он такого?
 Всего-то шел часа два-три.
 Пускай же обо мне расспросят!
 Так я уж веки здесь: тих, скромненько всегда,
 Лежу смиРНёхонько, куда меня ни бросят:
 А не слышал себе спасибо никогда.
 Не даром, право, свет поносят»

В нем справедливости не вижу я никак.»
 — «Молчи!» сказал ему Червяк:
 «Сей дождик, как его ни кратко было время,
 Лишнюю засухой сил,
 Обильно ниву напоил,
 И земледельца он надежду оживил;
 А ты на ниве сей пустое только бремя.»

Так хвалится иной, что служит сорок лет
 А проку в нем, как в этом Камне, нет.

7

МЕДВЕДЬ У ПЧЕЛ

Когда-то, о весне, зверьями
 В надсмотрщики Медведь был выбран над
 ульями.

Хоть можно б выбрать тут другого по-верней
 Затем, что к меду Мишка падок,
 Так не было б оглядок;

Да, спрашивай ты толку у зверей!
 Кто к ульям ни просился,
 С отказом отпустили всех,
 И, как на-смех,
 Тут Мишка очутился.
 Ан вышел грех:
 Мой Мишка потаскал весь мед в свою
 берлогу.
 Узнали, подняли тревогу,
 По форме нарядили суд,

Отставку Мишке дали
 И приказали,
 Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
 Решили, справили, скрепили;
 Но меду всё не воротили.
 А Мишенька и ухом не ведет:
 Со светом Мишка распрощался,
 В берлогу теплую забрался,
 И лапу с медом там сосет,
 Да у моря погоды ждет.

8

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой, Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?
 Тихохонько Медведя толк ногой: Ей Мишка отвечал.
 «Смотри-ка», говорит: «кум милый мой! Но Мишенькин совет лишь по-пусту
 Что это там за рожа? пропал.
 Какие у нее ужимки и прыжки!
 Я удавилась бы с тоски,
 Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
 А, ведь, признайся, есть
 Из кумушек моих таких кривляк пять-
 шесть: Что Климыч на руку нечист: все это знают;
 Я даже их могу по пальцам перечесть. Про взятки Климычу читают,
 — «Чем кумушек считать трудиться, А он украдкою кивает на Петра.

9

КОМАР И ПАСТУХ

Пастух под тенью спал, надеясь на псов. Но прежде Комара с-просонья так хватил,
 Приметья то, змея из-под кустов Что бедного его как не бывало.
 Ползет к нему, вон высунувши
 жало; Таких примеров есть не мало:
 И Пастуха на свете бы не стало: Коль слабый сильному, хоть движимый
 Но сжался над ним, Комар, что было сил, добром,
 Сонливца укусил. Открыть глаза на правду покусается,
 Проснувшись, Пастух змею убил; Того и жди, что то же с ним случится,
 Что с Комаром.

10

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимной, Остановился,
 Старик, иссохший весь от нужды и трудов, На землю с плеч спустил дрова долой,
 Тащился медленно к своей лачужке дымной, Присел на них, вдохнул, и думал сам
 Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров. с собой:
 Нес, нес он их и утомился, «Куда я беден, боже мой!

Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,
 А там подушное, боярщина,¹ оброк.....
 И выдался-ль когда на свете
 Хотя один мне радостный денёк?»
 В таком унынии, на свой пеняя рок,
 Зовет он смерть: она у нас не за горами,
 А за плечами:
 Явилась вмиг,
 И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»

Увидевши ее свирепую осанку,
 Едва промолвить мог, бедняк, оторопев:
 — «Я звал тебя, коль не во гнев,
 Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку.»

Из басни сей
 Нам видеть можно,
 Что как бывает жить ни тошно,
 А умирать еще тошней

11

РЫЦАРЬ

Какой то Рыцарь в-старину,
 Задумавши искать великих приключений,
 Собрался на войну
 Противу колдунов и против привидений;
 Вдел латы и велел к крыльцу подвезть
 коня.
 Но прежде нежели в седло садиться,
 Он долгом счел к коню с сей речью,
 обратиться:
 «Послушай, ретивой и верный конь, меня:
 Ступай через поля, чрез горы, чрез дубравы,
 Куда глаза твои глядят,
 Как рыцареки законы нам велят,
 И путь отыскивай в храм славы!

Когда ж Карачунов² я злобных усмирю,
 В супружество княжну китайскую добуду,
 И царства два, три покорю:
 Тогда трудов твоих, мой друг, я не забуду;
 С тобой всю славу разделю:
 Конюшню, как дворец огромный,
 Построить для тебя велю,
 А летом отведу луга тебе поёмны;
 Теперь знаком ты мало и с овсом,
 Ячмень твой будет корм, сыта медова —
 пойло.»
 Тут Рыцарь прыг в седло и бросил поводá,
 А лошадь молодца, не езя никуда,
 Пряমেхонько приччала в стойло.

12

ТЕНЬ И ЧЕЛОВЕК

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
 Он к ней, она вперед; он шагу прибавлять,
 Она туда ж; он, наконец, бежать:
 Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
 Всё не даваясь, будто клад.
 Вот мой чудак пустился вдруг назад;
 Оглянется: а тень за ним уж гнаться стала.

Красавицы! слышал я много раз:
 Вы думаете что? Нет, право, не про вас;
 А что бывает то ж с фортуною³ у нас;
 Иной лишь труд и время губит,
 Стараясь настичь ее из силы всей;
 Другой, как кажется, бежит совсем от ней:
 Так вет, за тем она сама говяться любит.

13

КРЕСТЬЯНИН И ТОПОР

Мужик, избу рубя, на свой Топор озлился;
 Пошел Топор в-худых; Мужик взбесился;
 Он сам нарубит вздор,

А виноват во всем Топор:
 Бранить его, хоть как, Мужик найдет
 причину.

¹ Т. е. — барщина.

² Злых духов.

³ Т. е. со счастьем

«Негодный!» он кричит однажды: «с-этих-
 пор Ты будешь у меня обтесывать тычину,
 А я, с моим умением и трудом,
 Притом с досужестью моею,
 Знай, без тебя пробавиться умею,
 И сделаю простым ножом,
 Чего другой не срубит топором.»

— «Рубить, что мне велишь, моя такая доля,»
 Смирненно отвечал Топор на окрик злой:
 «И так, хозяин мой,
 Твоя святая воля,
 Готов тебе я всячески служить;
 Да только ты смотри, чтоб после не тужить:
 Меня ты по-пусту иступишь,
 А всё ножом избы не срубись.»

14

ЛЕВ И ВОЛК

Лев убирал за завтраком ягнёнка
 А собачонка,
 Вертясь вкруг царского стола,
 У Льва из-под когтей кусочек урвала;
 И Царь зверей то снес, не огорчась ни мало:
 Она глупа еще и молода была.
 Увидя то, на мысли Волку впало,
 Что Лев, конечно, не силен

Коль так смирен:
 И лапу протянул к ягнёнку также он.
 Ан вышло с Волком худо:
 Он сам ко Льву попал на блюдо.
 Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок,
 Напрасно, смотря на собачку,
 Ты вздумал, что тебе я так же дам потачку:
 Она еще глупа, а ты уж не щенок!»

15

СОБАКА, ЧЕЛОВЕК, КОШКА И СОКОЛ

Собака, Человек, да Кошка, да Сокол
 Друг другу поклялись однажды в дружбе
 вечной,
 Нелестной, искренней, чистосердечной.
 У них был общий дом, едва-ль не общий стол;
 Клялись делить они и радость и заботу,
 Друг другу помогать,
 Друг за друга стоять,
 И, если надо, друг за друга умирать.
 Вот как-то вместе все, отправясь на охоту,
 Мои друзья
 Далеко от дому отбились,
 Умаялися, утомилися
 И отдохнуть пристали у ручья.
 Тут задремали все, кто лежа, кто и сидя,
 Как-вдруг из лесу пасть
 На них медведь, разинув пасть.
 Беду такую видя,
 Сокол на воздух, Кошка в лес,
 И Человек тут с жизнью бы простился;
 Но верный Пес
 Со зверем злым барахтаться схватился,
 В него вцепился.

И, как медведь его жестоко ни ломал,
 Как ни ревел от боли и от злости
 Пес, прохватая его до кости,
 Повис на нем и зуб не разжимал,
 Доколе с жизнью всех сил не потерял.
 А Человек? К-стыду, из нас не всякой
 Сравнится в верности с собакой!
 Пока медведь был занят дракой,
 Он, подхватя ружье свое с собой,
 Пустился без-души домой.

На языке легка и ласка и услуга;
 Но в нужде лишь узнать прямого можно
 друга.
 Как редки таковы друзья!
 И то сказать, как часто видел я,
 Что так как в басне сей был верный Пес
 оставлен

Так тот,
 Кто из хлопот
 Был другом выручен, избавлен,
 Его же покидал в беде,
 Его же и ругал везде.

ПОДАГРА И ПАУК

Подагру с Пауком сам ад на свет родил: Но к-рассвету, едва с работою убрался,
 Стух этот Лафонтен¹ по свету распустил. Пришел и щеткою все смел слуга долой.
 Не стану я за ним вывешивать и мерить. Паук мой терпелив: он к печке перебрался,
 На сколько правды тут, и как, и почему; Оттоле Паука метлой.
 Притом же, кажется, ему, Туда, сюда Паук, бедняжка мой!
 Зажмурясь, в баснях можно верить, Но где основу ни натянет,
 И, стало, нет сомненья в том, Иль щетка иль крыло везде его достанет,
 Что адом рождены Подагра с Пауком. И всю работу изорвет,
 Как выросли они, и подоспело время А с нею и его частехонько сметет.
 Пристроить деток к должностям Паук в отчаяньи, и за-город идет
 (Для доброго отпа больше дети—бремя. Увидеться с сестрицей.
 Пока они еще не по местам!), «Чай, в селах,» говорит, «живет она царицей.»
 То, отпуская в мир их к нам, Пришел — а бедная сестра у мужика
 Сказал родитель им: «Подите Несчастней всякого на свете Паука:
 Вы, дедушки, на свет, и землю разделите! Хозяин с ней и сено косит,
 Надежда в вас большая есть, И рубит с ней дрова, и воду с нею носит:
 Что оба вы мою поддержите там честь, Примета у простых людей,
 И оба людям вы равно надоедите. Что чем подагру мучишь боле,
 Смотрите же: отселе наперед, Тем ты скорей
 Кто что из вас в удел себе возьмет— Избавишься от ней.
 Вон, видите вы пышные чертоги? «Нет, братец,» говорит она: «не жизнь мне
 А там, вон, хижины убоги? А брат [в поле!»
 В одних простор, довольство, красота; Тому и рад;
 В других и теснота, Он тут же с ней уделом поменялся:
 И труд, и нищета.» Вполз в избу к мужику, с товаром
 — «Мне хижин ни за что не надо.» разобрался,
 Сказал Паук.—«А мне не надобно палат.» И, не боясь ни щетки, ни метлы,
 Подагра говорит: «пусть в них живет мой брат. Заткал и потолок, и стены, и углы.
 В деревне, от аптек подале, жить я рада; Подагра же, тотчас в дорогу;
 А то меня там станут доктора Простилася с селом;
 Гонять из каждого богатого двора.» В столицу прибыла и в самый пышный дом
 Так смолвясь брат с сестрой, пошли, К Превосходительству седому села в ногу.
 явились в мире. Подагре рай! Пошло житье у старика:
 В великолепнейшей квартире Не сходит с ним она долой с пуховика.
 Паук владение себе отмежевал: С-тех-пор с сестрою брат уж боле не видался;
 По шкафам пышным, расцвеченым Всяк при своем у них остался,
 И по карнизам золоченым Доволен участью равно:
 Он паутину разостлал, Паук по хижинам пустился неопрятным,
 И мух бы вдоволь нахватал; Подагра же пошла по богачам и знатым;
 И, оба делают умно.

ЛЕВ И ЛИСИЦА

Лиса, не видя с-роду Льва, Но уж не так ей страшен показался.
 С ним встретясь, со страстей осталась А третий раз потом
 чуть жива. Лиса и в разговор пустилася со Львом.
 Вот, несколько спустя, опять ей Лев попался;

Иного также мы боимся,
 Поколь к нему не приглядимся.

¹ См. басню Лафонтена: «Подагра и Паук».

18

ХМЕЛЬ

Хмель выбежал на огороде
 И вокруг сухой тычинки виться стал;
 А в поле близко дуб молоденький стоял.
 «Что в этом пользы есть уроде,
 Да и во всей его породе?»
 Так про дубок тычинке Хмель жужжал.
 «Ну, как его сравнить с тобою?
 Ты барыня пред ним одной лишь прямизною.
 Хоть листьем, правда, он одет,
 Да что за жесткость, что за цвет!
 За что его земля питает?»
 Меж-тем едва неделя протекает,
 Хозяин на дрова тычинку ту сломил

А в огород дубок пересадил.
 И труд ему с большим успехом удается:
 Дубок и принялся, и отпрыски пустил;
 Посмотришь, около него мой Хмель уж
 вьется.
 И дубу от него вся честь и похвала!
 Такие ж у льстеца поступки и дела:
 Он на тебя несет тму небылиц и бредней;
 И как ты хочешь, так трудись,
 Но у него в хороших быть не льстись;
 А только в случай попадись, —
 Он первый явится в передней.

19

СЛОИ В СЛУЧАЕ

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
 В-минуту по лесам прошла о том молва,
 И, так как водится, пошли догадки,
 Чем в милость втерся Слон?
 Не то красив, не то забавен он;
 Что за прием, что за ухватки!
 Толкуют звери меж собой.
 «Когда бы,» говорит, вертя хвостом,
 Лисица:
 «Был у него пушистый хвост такой,
 Я не дивилась бы.» — «Или, сестрица,»
 Сказал медведь: «хотя бы по когтям
 Он сделался случайным;

Никто того не счел бы чрезвычайным:
 Да он и без когтей, то всем известно нам.»
 — «Да не вошел ли он в случай клыками?»
 Встушился в речь их вол:
 «Уж не сочли ли их рогами?»
 — «Так вы не знаете,» — сказал осёл,
 Ушами хлопая: «чем мог он полюбитья,
 И в знать добиться?»
 А я так отгадал—
 Без длинных бы ушей он в милость не попал.»
 Нередко мы, хотя того не примечаем,
 Себя в других охотно величаем.

20

ТУЧА

Над изнуренною от зноя стороною
 Большая туча пронеслась;
 Ни каплею се не освежа одну,
 Она большим дождем над морем
 пролилась,
 И щедростью своей хвалилась пред горою.

«Что сделала добра
 Ты щедростью такую?»
 Сказала ей гора:
 «И как смотреть на то не больно!
 Когда бы на поля свой дождь ты пролила;
 Ты б область целую от голода спасла:
 А в море без тебя, мой друг, воды
 довольно.»

¹ Т. е. в милости, в фаворе.

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,
 Что справедливости совсем они не знают,
 А правду тож они нередко наблюдают:
 Я и пример тому здесь приведу.

По случаю какому-то, в аду
 Змея с Клеветником в торжественном ходу
 Друг другу первенства оставить не хотели
 И зашумели.

Кому из них итти приличней наперед?
 А в аде первенство, известно, тот берет,
 Кто ближнему наделал больше бед.

Так в споре сем и жарком и не малом
 Перед Змеею Клеветник
 Свой выставлял язык;
 А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
 Шипела, что нельзя обиды ей снести,
 И силилась его переползти.

Вот, Клеветник было, за ней уж очутился;
 Но Вельзевул ¹ не потерпел того:

Он сам, спасибо, за него
 Вступился,
 И осадил назад Змею,
 Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
 Но первенство ему по правде отдаю:
 Ты зла, — твое смертельно жало;
 Опасна ты, когда близка;
 Кусаешь без вины (и то не мало!),
 Но можешь ли язвить ты так издалека,
 Как злой язык Клеветника,
 От кого нельзя спастись ни за горами,
 Ни за морями?»

Так, стало, он тебя вредней:
 Ползи же ты за ним и будь вперед смирней.»
 С-тех-пор клеветники в аду почетней змей.

ФОРТУНА ² И НИЩИЙ

С истертою и ветхою сумой
 Бедняжка-нищенский под оконьем таскался,
 И, жалуясь на жребий свой,

Нередко удивлялся,
 Что люди, живучи в богатых теремах,
 По горло в золоте, в довольстве и сластях,
 Как их карманы ни набиты,
 Еще не сыты!
 И даже дотого,
 Что, без пути алкая
 И нового богатства добывая,
 Лишаются нередко своего
 Всего.

Вон, бывший, например, того хозяин дому
 Пошел счастливо торговать;
 Расторгвался в-пух. Тут, чем бы перестать,
 И достальной свой век спокойно доживать,

А промысел оставить свой другому, —
 Он в море корабли отправил по-весне;
 Ждал горы золота; но корабли разбило:
 Сокровища его все море поглотило;

Теперь они на дне,
 И видел он себя богатым, как во сне.
 Другой, тот в откупа пустился,
 И нажил-было миллион,

Да мало: захотел его удвоить он,
 Забрался под-уши и вовсе разорился.
 Короче, тысячи таких примеров есть;
 И по-делом: знай честь!

Тут Нищему Фортуна вдруг предстала
 И говорит ему:
 «Послушай, я помочь давно тебе желала;
 Червонцев кучу я сыскала;
 Подставь свою суму;

Ее насыплю я, да только с уговором:
 Все будет золото, в суму что попадет;
 Но если из суммы что на пол упадет,
 То сделается сором.

Смотри ж, я наперед тебя остерегла:
 Мне велено хранить условие наше строго;
 Сума твоя ветха, не забирайся много,
 Чтоб вынести она могла.»

Едва от радости мой Нищий дышет,
 И под собой земли не слышит!
 Расправил свой кошель, и щедрою рукой
 Тут полился в него червонцев дождь
 златой.

Сума становится уж тяжеленька.
 «Дозольно-ль?» — «Нет еще.» —
 «Не треснула б.» — «Не бойсь»,

¹ Сатана, начальник ада.

² Богиня счастья.

— «Смотри, ты Крезом¹ стал.» — «Еще, — «Еще щепоточку.» Но тут кошель
еще маленько: прорвался,
Хоть горсточку прибрось.»
— «Эй полно! Посмотри, сума ползет уж Фортуна скрылася; одна сума в глазах,
врозь.» И Нищий нищенским по-прежнему остался.

23

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕР

Живущая в болоте, под горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла там тинистый в ложине уголок,
И завела домок
Под кустиком, в тени, меж травки, как раёк.
Однако ж им она недолго веселилась.
Настало лето, с ним жары,
И дачи Квакушки так сделались сухи,
Что, ног не замоча, по ним бродили мухи.
«О, боги!» молится Лягушка из норы:
«Меня, вы, бедную, не погубите,
И землю вровень хоть с горою затопите:
Чтобы в моих поместьях никогда
Не высыхала бы вода!»

Лягушка вопит без умолку,
И наконец Юпитера бранит,
Что нету в нем ни жалости, ни толку.
— «Безумная!» Юпитер говорит
(Знать не был он тогда сердит):
«Как квакать по-пусту тебе охота!
И чем мне для твоих затей
Перетопить людей,
Не лучше ль вниз тебе стащиться до болота?»

На свете много мы таких людей найдем,
Которым все, кроме себя, постыло,
И кои думают, лишь мне бы ладно было,
А там весь свет гори огнём.

24

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ

Какой-то Лев большой охотник был до кур;
Однако ж у него они водились худо:
Да это и не чудо!
К ним доступ был свободен через-чур.
Так их, то крали,
То сами куры пропадали.
Чтоб этому помочь убытку и печали,
Построить вздумал Лев большой курятный
двор,
И так его ухитить и уладить,
Чтобы воров совсем отвадить,
А курам было б в нем довольство и
простор.

Вот Льву доносят, что Лисица
Большая строить мастерица —
И дело ей поручено,
С успехом начато и кончено оно:
Лисой к нему приложено
Все, и старанье и умение.

Смотрели, видели: строенье загляденье!²
А сверх-того все есть, чего ни спросишь тут,
Корм под носом, везде натыкано насесток:
От холоду и жару есть приют,
И укромные местечки для наседок.
Вся слава Лисаньке и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчас повеленье:
На новоселье кур не медля перевести.
Но есть ли польза в перемене?
Нет: кажется, и крепок двор,
И плотен, и высок забор —
А кур час-от-часу всё мене.
Отколь беда, придумать не могли.
Но Лев велел стеречь. Кого ж подстергли?
Тое ж Лису-злодейку.
Хоть, правда, что она свела строенье так,
Чтобы не ворвался в него никто, никак,
Да только для себя оставила лазейку.

¹ Т. е. богачом.² В рукописи (в Ак. Наук, IV, л. 36) «Загляденье» составляет самостоятельную стихотворную строку

НАПРАСЛИНА

Как часто что-нибудь мы сделавши худого,
 Владем вину в том на другого,
 И как нередко говорят:
 «Когда б не он, и в ум бы мне не
 впало!»

А ежели людей не стало,
 Так уж лукавый виноват,
 Хоть тут его совсем и не бывало.

Примеров тма тому. Вот вам из них один.
 В Восточной стороне какой-то был Брамин,¹

Хоть на словах и теплой веры,
 Но не таков своим житеём
 (Есть и в Браминах лицемеры);

Да это в сторону, а дело только в том,
 Что в братстве он своем

Один был правила такого,
 Другие ж все житея святого,
 И, что всего ему тошней,

Начальник их был праву прекрутого:
 Так преступить никак устава ты не смей.

Однако ж, мой Брамин не унывает
 Вот постный день, а он смекает,

Нельзя ли разрешить на сырное тайком?
 Достал яйцо, полуночи дождался,

И, свечку вздувши с огоньком,
 На свечке печь яйцо принялся;
 Ворочает его легонько у огня,
 Не сводит глаз долой, и мысленно глотает,
 А про начальника, смеется, рассуждает:
 «Не уличишь же ты меня,
 Длиннобородый мой приятель!
 Яичко съем-таки я вельсть.»

Ан тут тихонько шасть

К Брамину в келью надзиратель,

И, видя грех такой,

Ответу требует он грозно.

Улика на лицо и запирается поздно!

«Прости, отец святой,

Прости, мое ты прегрешенье!»

Так взмолится Брамин сквозь слез:

«И сам не знаю я, как впал во искушенье;

Ах, наустил меня проклятый бес!»

А тут, бесёнок, из-за печки,

— «Не стыдно ли,» кричит: «всегда клепать
 на нас!

Я сам лишь у тебя учился сей же час,

И, право, вижу в первый раз,

Как яйца пекут на свечке.»

ФОРТУНА В ГОСТЯХ

На укоризну мы Фортуне тароваты:

Кто не в чинах, кто не богат;

За все про все ее бранят;

А поглядишь, так сами виноваты.

Слепое счастье, шатаясь меж людей,

Не вечно у вельмож гостит и у царей,

Оно и в хижине твоей,

Быть-может, погостить когда-нибудь

пристанет:

Лишь время не терять умеи,

Когда оно к тебе заглянет;

Минута с ним одна, кто ею дорожит,

Терпенья годы наградит.

Когда ж ты не умел при счастье поживиться,

То не Фортуне ты, себе за то пеняи,

И знаи,

Что, может, век она к тебе не возвратится.

Домишко старенький край города стоял;

Три брата жили в нем, и не могли разжиться:

Ни в чем им как-то не спорится.

Кто что из них ни затевал,

Все остается без успеха,

Везде потеря, пыль помеха;

По их словам, вина Фортуны в том была.

Вот невидимкой к ним Фортуна забрела.

И, тронувшись их бедностью большою,

Им помогать решила всей душою,

Какие бы они ни начали дела,

И прогостить у них все лето.

Все лето: шутка ль это!

Пошли у бедняков дела другой статьей.

Один из них хоть был торгаш плохой;

А тут, что ни продаст, ни купит,

Барыш на всем большош он слушит;

Забыл совсем, что есть наклад,

И скоро стал, как Крез богат.

Другой в Приказ пошел: иною бы порою

¹ Индийский жрец.

Завяз он в писарях с своею головою;
 Теперь ему со всех сторон
 Удача:
 Что даст обед, что сходит на поклон, —
 Иль чин, иль место схватит он;
 Посмотришь, у него деревня, дом и дача.
 Теперь, вы спросите: что ж третий
 получил?
 Ведь, верно, и ему Фортуна помогала?
 Конечно: с ним она почти не отдыхала.
 Но третий брат все лето мух ловил,
 И так счастливо,
 Что диво!

Не знаю, прежде он бывал ли в том горазд:
 А тут труды его не втуне:
 Как ни взмахнет рукой, благодаря Фортуне,
 Ни разу промаху не даст.
 Вот гостя между-тем у братьев нагостилась,
 И дале в путь пустилась.
 Два брата в барышах: один из них богат,
 Другой еще притом в чинах; а третий брат
 Клянет судьбу, что он Фортуной злою
 Оставлен лишь с сумою.

Читатель, будь ты сам судьбою,
 Кто ж в этом виноват?

КНИГА ШЕСТАЯ

1

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
 И видя, сквозь забор,
 Что выбрав лучшего себе барана в стаде,
 Спокойно Пастухи барашка потрашат,

А псы смиреннѣхонько лежат,
 Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
 «Какой бы шум вы все здесь подняли,
 друзья,

Когда бы это сделал я!»

2

КУКУШКА И ГОРЛИНКА

Кукушка на суку печально куковала.
 «Что, кумушка, ты так грустна?»
 Ей с ветки ласково Голубка ворковала:
 «Или о том, что миновала
 У нас весна,
 И с ней любовь, спустилось солнце ниже,
 И что к зиме мы стали ближе?»
 — «Как, бедной, мне не горевать?»
 Кукушка говорит: «будь ты сама судьбою:
 Любила счастливо я внешней весной,
 И, наконец, я стала мать;
 Но дети не хотят совсем меня и знать:
 Такой ли чаяла от них я платы!
 И не завидно ли, когда я погляжу,
 Как увиваются вокруг матери утяты,
 Как сыплют к курице дождем по зву цыпляты:
 А я, как сирота, одним одна сижу,
 И что есть детская приветливость, не
 знаю.»
 — «Бедняжка! о тебе сердечно я страдаю;
 Мня бы нелюбовь детей могла убить,

Хотя пример такой не редок;
 Скажи ж — так-стало, ты уж вывела и
 деток?
 Когда же ты гнездо успела свить?
 Я этого и не видала:
 Ты всё порхала, да летала.»
 — «Вот вздор, чтоб столько красных дней
 В гнезде я, сидя, растеряла:
 Уж это было бы всего глупей!
 Я яйца всегда в чужие гнезды клала.»
 — «Какой же хочешь ты и ласки от детей?»
 Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вам басни сей урок.
 Я рассказал ее не детям в извиненье:
 К родителям в них непочтенье
 И нелюбовь — всегда порок;
 Но если выросли они в разлуке с вами,
 И вы их вверили наемничьим рукам:
 Не вы ли виноваты сами,
 Что в старости от них утехи мало вам?

3

ГРЕБЕНЬ

Дитяти маменка расчесывать головку
 Купила частый Гребешок.
 Не выпускает вон дитя из рук обновку:
 Вспрает, иль твердит из азбуки урок;
 Свза всё кудри золотые,
 Волнистые, барашком завитые
 И мягкие, как тонкий лён,
 Любуясь, Гребешком расчесывает он.
 И что за Гребешок? Не только не тербит,
 Нигде он даже не зацепит:
 Так плавен, гладок в волосах.
 Нет Гребню и цены у мальчика в глазах.
 Случись, однако же, что Гребень затерялся.
 Резвился мой мальчик, заигрался,
 Всклокотил во осы копной.
 Лишь няня к волосам, дитя подымет вой:
 «Где Гребень мой?»
 И Гребень отыскался,
 Да только в голове ни взад он ни вперед:

Лишь волосы до слёз дерет.
 «Какой ты злой, Гребнишка!»
 Кричит мальчишка.
 А Гребень говорит: — «Мой друг, всё
 тот же я;
 Да голова всклокочена твоя.»
 Однако ж мальчик мой, от злости и досады,
 Закинул Гребень свой в реку:
 Теперь им чешутся Няяды.¹

Видал я на своем веку,
 Что также с правдой поступают.
 Псколе совесть в нас чиста,
 То правда нам мила, и правда нам свята,
 Ее и слушают, и принимают:
 Но только стал кривить душой,
 То правду дале от ушей.
 И всякой, как дитя, чесать волос не хочет,
 Когда их склочет.

4

СКУПОЙ И КУРИЦА

Скупой теряет все, желая все достать.
 Чтоб долго мне примеров не искать
 Хоть есть и много их, я в том уверен;
 Да рыться лень: так я намерен
 Вам басню старую сказать.
 Вот, что в ребячестве читал я про Скупого.
 Был человек, который никакого
 Не знал ни промысла, ни ремесла,
 Но сундуки его полнели очевидно.
 Он Курицу имел (как это не завидно!),
 Котора яйца несла,

Но не простые,
 А золотые.
 Иной бы и тому был рад,
 Что по-немногу он становится богат:
 Но этого Скупому мало:
 Ему на мысли вспало,
 Что, взрезав Курицу, он в ней достанет
 клад.
 И так, забыв ее к себе благодеянье,
 Неблагодарности не побоясь греха,
 Ее зарезал он. И что же? В воздаянье
 Он вынул из нее прстые потроха.

5

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали: одна с вином,
 Другая
 — Пустая.
 Вот первая — себе без шуму и шажком
 Плетется,
 Другая векачь несется;
 От ней по мостовой и стукотня и гром,
 И пыль столбом;

Прохожий к стороне скорей от страху
 жметя,
 Ее слышавши издалека.
 Но как та Бочка ни громка,
 А польза в ней не так, как в первой, велика.

¹ Водяные божества, русалки.

Кто про свои дела кричит всем без умолку, Великий человек лишь громок на делах,
 В том, верно, мало толку, И думает свою он крепку думу
 Кто делов ¹ истинно, — тих часто на словах. Без шуму.

6

АЛКИД²

Алкид, Алкмены сын,
 Столь славный мужеством и силою чудесный,
 Однажды, проходя меж скал и меж стремнин
 Опасною стезей и тесной,
 Увидел на пути, свернувшись, будто ёж
 Лежит, чуть видное, не знает, что такое.
 Он раздавить его хотел пятой. И что ж?
 Оно раздулося и стало боле вдвое.
 От гневу вспыхнув, тут Алкид
 Тяжелой палицей ³ своей его разит.
 Глядит,
 Оно страшней становится лишь с виду:
 Толстеет, бухнет и растет,
 Заставляет солнца свет,
 И заслоняет путь собою весь Алкиду.
 Он бросил палицу, и перед чудом сим
 Стал в удивленьи недвижим.
 Тогда ему Афина ⁴ вдруг предстала.
 «Оставь напрасный труд, мой брат!» она
 сказала:
 «Чудовищу сему название Раздор.
 Не тронуть, — его едва приметит взор;
 Но если кто с ним вздумает сразиться, —
 Оно от браней лишь гучнее становится,
 И вырастает выше гор».

7

АПЕЛЛЕС⁵ И ОСЛЕПОК

Кто самолюбием чрез-меру поражен,
 Тот мил себе и в том, что он другим смешен;
 И часто тем ему случается хвалиться,
 Чего бы должен он стыдиться.
 С Осленком встретясь, Апеллес
 Зовет к себе Осленка в гости;
 В Осленке заиграли кости!
 Осленок хвастовством весь душит лес,
 И говорит зверям: «Как Апеллес мне
 скучен,
 Я им размучен:
 Ну, всё зовет к себе, где с ним ни встречаюсь я,
 Мне кажется, мои друзья,
 Намерен он с меня писать Пегаса.» ⁶
 — «Нет,» Апеллес сказал, случаясь близко
 Немеряся писать Мидасов суд, [тут:
 Хотел с тебя списать я уши для Мидаса;⁷
 И коль пожалуешь ко мне, я буду рад.
 Ослиных мне ушей и много хоть
 встречалось,
 Но этаких, какими ты богат,
 Не только у ослят,
 Ни даже у ослов мне видеть не случалось.»

8

ОХОТНИК

Как часто говорят в делах: еще успею.
 Но надобно признаться в том,
 Что это говорят, спросяся не с умом,
 А с леностью своею.
 Итак, коль дело есть, скорей его кончай,
 Иль после на себя ропщи, не на случай,
 Когда оно тебя застанет невзначай.
 На это басню вам скажу я, как умею.
 Охотник, взяв ружье, патронницу, суму,
 И друга верного по нраву и обычю,

¹ Т. е. деловит.² Геркулес.³ В изд. 1843 г. — «палицей».⁴ Богиня мудрости, сестра Геркулеса по Зевсу.⁵ Знаменитый греческий художник.⁶ Крылатый конь Аполлона бога поэзии.⁷ По античному мифу, царь Мидас предпочел игру бога реки Марсия игре Аполлона, за что последний дал Мидасу ослиные уши.

Гектора, — в лес пошел за дичью,
 Не зарядя ружья, хоть был совет ему,
 Чтоб зарядил ружье он дома.
 «Вот вздор!» он говорит: «дорога мне
 знакома,
 На ней ни воробья не видел я родясь:
 До места ж ходу целый час,
 Так зарядить еще успею я сто раз.»
 Но что ж? Лишь вон из жила
 (Как-будто бы над ним Фортуна подшутила),
 По озерку
 Гуляют утки целым стадом;
 И нашему б тогда Стрелку
 Легко с полдюжны одним зарядом
 Убить,
 И на неделю с хлебом быть,

Когда б не отложил ружья он зарядить.
 Теперь к заряду он скорее; только утки
 На это чутки:
 Пока с ружьем возился он,
 Они вскричали, встрепечулись,
 Взвились и — за леса веревкой потянулись,
 А там из виду скрылись вон.
 Напрасно по лесу Стрелок потом таскался,
 Ни даже воробей ему не попадался;
 А тут к беде еще беда:
 Случись тогда
 Ненастье.
 И так Охотник мой,
 Измокши весь, пришел домой
 С пустой сумой;
 А всё-таки пенял не на себя, на счастье.

9

МАЛЬЧИК И ЗМЕЯ

Мальчишка, думая поймать угря,
 Схватил Змею и, вздрившись, от страха
 Стал бледен, как его рубаха.
 Змея, на Мальчика спокойно посмотря,

«Послушай,» говорит: «коль ты умней не
 будешь,
 То дерзость не всегда легко тебе пройдет.
 На сей раз бог простит; но берегись вперед,
 И знай, с кем шутишь!»

10

ПЛОВЕЦ И МОРЕ

На берег выброшен кипящею волной,
 Пловец с усталости в сон крепкий
 погрузился;
 Потом, проснувшись, он Море клясть
 пустился.
 «Ты,» говорит: «всему виной!
 Своей лукавой тишиной
 Маня к себе, ты нас прельщаешь,
 И, заманя, нас в безднах поглощаешь.»
 Тут Море, на себя взяв Амфитриды ¹ вид,
 Пловцу, являя, говорит:

«На что винишь меня напрасно!
 Плыть по водам моим ни страшно, ни опасно;
 Когда ж свирепствуют морские глубины,
 Виною тому одни Эоловы ² сыны:
 Они мне не дают покою.
 Когда не веришь мне, то испытай собою:
 Как ветры будут спать, отправь ты корабли,
 Я неподвижнее тогда земли.»

И я скажу, совет хорош, не ложно;
 Да плыть на парусах без ветру невозможно.

11

ОСЕЛ И МУЖИК

Мужик на лето в огород
 Наняв Осла, приставил
 Ворон и воробьев гонять, нахальный род.

Осел был самых честных правил:
 Ни с хищностью, ни с кражей незнаком;
 Не поживился он хозяйским ни листком,

¹ Богиня морей.

² Бог ветров.

И птицам, грех сказать, чтобы давал
 потачку; Но Мужику барыш был с огорода плох.
 Осел, гоняя птиц, со всех ослиных ног,
 По всем грядам и вдоль, и поперёг,¹
 Таковую поднял скачку,
 Что в огороде все примял и притоптал.
 Увидя тут, что труд его пропал,
 Крестьянин на спине ослиной

Убыток выместил дубиной.
 «И ништо!» все кричат: «скотине по-делом!
 С его ль умом
 За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
 Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),
 Но, кажется, не прав и тот,
 Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

12

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
 Волк, свиши, никогда
 Костей не разбирает.
 За то на одного из них пришла беда:
 Он костью чуть не подавился.
 Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
 Пришло хоть ноги протянуть!
 По счастью, близко тут Журавль случился.
 Вот, кой-как знаками стал Волк его манить,
 И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шю
 Засунул к Волку в пасть, и с трудностью
 большею
 Кость вытащил и стал за труд просить.
 «Ты шутишь!» зверь вскричал коварный:
 «Тебе за труд? Ах, ты, неблагодарный!
 А это ничего, что свой ты долгий нос
 И с глупой головой из горла цел унес!
 Поди ж, приятель, убирайся,
 Да берегись: вперед ты мне не попадайся.»

13

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие края,
 И стали подзывать с собой туда Пчелу:
 Им рассказали попуган
 О дальних сторонах большую похвалу.
 Притом же им самим казалось обидно,
 Что их, на родине своей,
 Везде гоняют из гостей;
 И даже до чего (как людям то не стыдно,
 И что они за чудаки!):
 Чтоб поживиться им не дать счастьями
 За пышными столами,
 Придумали от них стеклянны колпаки;
 А в хижинах на них злодеи пауки.
 «Путь добрый вам,» Пчела на это отвечала:
 «А мне
 И на моей приятно стороне.

От всех за соты я любовь себе ссыкала
 От поселян и до вельмож.
 Но вы летите,
 Куда хотите!
 Везде вам будет счастье то ж:
 Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
 Вы ни почтенны, ни любезны,
 А рады пауки лишь будут вам
 И там.»

Кто с пользою отечеству трудится,
 Тот с ним легко не разлучится;
 А кто полезным быть способности лишён,
 Чужая сторона тому всегда приятна:
 Не бывши гражданин, там мене презрен он,
 И никому его там праздность не досадна.

14

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
 Какой не слыхано ни в древни времена;
 Он, даже (говорит его историк верной)
 Мог поднимать больших ячменных два зерна!
 Притом и в храбрости за чудо почитался:
 Где б ни завидел червяка,

¹ Так в изд. 1843 г.: *Ред.*

Тотчас в него вшивался,
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу —
Он в муравейнике своем,
Что только и речей там было, что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,
Своим он чванством мерил,
И всем им верил;
А ими, наконец, так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво вспола,
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбегится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.

Мой Муравей, то взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ви тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает.»
И со стыдом отправился домой.

Так думает пной,
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит,
А он — дивит
Свой только муравейник.

15

ПАСТУХ И МОРЕ

Пастух в Нептуновом¹ соседстве близко жил:
На взморье, хижини уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель,
И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может-быть, он многих был
царей.
Но, видя, всякой раз, как с Моря
Сокровища несут горами корабли,
Как выгружаются богатые товары,
И ломаются от них анбары,
И как хозяйева их в пышности цвели,
Пастух на то прельстился;
Распродав стадо, дом, товаров закупил,
Сел на корабль и за Море пустился.
Однако же поход его не долог был;
Обманчивость, Морям природну,
Он скоро испытал: лишь берег вон из глаз,
Как буря поднялась;
Корабль разбит, пошли товары кò дну,
И он насплу² спасся сам.
Теперь опять, благодаря Морям,
Пошел он в пастухи, лишь с разницею тою,
Что прежде пас овец своих,
Теперь пасет овец чужих

Из платы. С нуждою, однакож, хоть
большою, —
Чего не сделаешь терпеньем и трудом?
Не снив того, из съев другога,
Скопил деньжов к² он, завелся стадом
снова,
И стал опять своих овечек пастухом.
В т, некогда, на берегу морском,
При стаде он свём
В день ясный сидя
И видя,
Что на Море едва колышется вода:
(Так море присмирело),
И плавно с пристани бегут по ней суда:
«Мой друг!» сказал: «опять ты денег
захотело,
Но ежели моих — пустое дело!
Ищи кого иного ты провесть,
От нас тебе была уж честь.
Посмотрим, как других заманишь,
А от меня вперед копейки не достанешь.»

Баснь эту лишним я почел бы толковать;
Но как здесь к слову не сказать,
Что лучше верного держаться,

¹ Нептун. — бог морей.

² В изд. 1843 г. — «денжонок».

Чем за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастных от нее,
На одного, кто не был ей обманут,

А мне, что говорить ни станут,
Я буду всё твердить свое:
Что впереди — бог весть; а что мое — мне!

16

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

К Крестьянину вползла Змея,
И говорит: «Сосед! начнем жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я,
И кожу нынешней весной переменяла.»
Однако ж Мужика Змея не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: — «Хоть ты и в новой коже,

Да сердце у тебя все то же.»
И вышиб из соседки дух.

Когда извернется в себе ты дашь причину;
Как хочешь, ты меняй личину:
Себя под нею не спасешь,
И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.

17

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,

Да зуб пеймет.
Пробившись по-пусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что !
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь.»

18

ОВЦЫ И СОБАКИ

В каком-то стаде у Овец,
Чтоб Волки не могли их более тревожить,
Положено число Собак умножить.
Что ж? Развелось их столько наконец,
Что Овцы от волков, то правда, уцелели,

Но и Собакам надо ж есть;
Сперва с Овсечек сняли шерсть,
А там по жеребью, с них шкурки полетели,
А там осталось всего Овец пять-шесть,
И тех собаки съли.

19

МЕДВЕДЬ В СЕТЯХ

Медведь
Попался в сеть.
Над смертью из-дали шути как хочешь
смело;
Но смерть вблизи — совсем другое дело.
Не хочется Медведю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и от драки,

Да весь опутан сетью он,
А на него со всех сторон
Рогатины, и ружья, п собаки:
Так драка не по-нем.
Вот хочет Мишка взять умом,
И говорит ловцу: «Мой друг, какой виною
Я преступился пред тобою?»

За что моей ты хочешь головы?
 Иль веришь клеветам напрасным на
 медведей,
 Что злы они? Ах, мы совсем не таковы!
 Я, например, пошлюсь на всех соседей,
 Что изо всех зверей мне только одному
 Никто не сделает упрека,
 Чтоб мертвого я тронул человека.»
 — «То правда,» отвечал на то ловец ему:
 «Хвалю к усопшим я почтение такое;
 Зато, где случай ты имел,
 Живой уж от тебя не вырывался цел.
 Так лучше бы ты мертвых ел,
 И оставлял живых в покое.»

20

КОЛОС

На ниве, зыблемый погодой, Колосок,
 Увидя за стеклом в теплице
 И в неге, и в добре, взлелеянный цветок,
 Меж-тем, как он и мошек веренице,
 И бурям, и жарам, и холоду открыт,
 Хозяину с досадой говорит:
 «За что вы, люди, так всегда несправедливы,
 Что кто умеет ваш утешить вкус, иль глаз,
 Тому ни в чем отказа нет у вас;
 А кто полезен вам, к тому вы нерадивы?
 Не главный ли доход твой с нивы:
 А, посмотри, в какой небрежности она!
 С-тех-пор, как бросил ты здесь в землю
 семена,
 Укрыл ли под стеклом когда нас от ненастья?
 Белел ли нас полоть, иль согревать,
 И приходил ли нас в засуху поливать?
 Нет: мы совсем расти оставлены на счастье.
 Тогда, как у тебя цветы, —
 Которыми ни сыт, ни богатеешь ты,
 Не так, как мы, закинуты здесь в поле, —
 За стеклами растут в приюте, в неге, в холе.
 Что если бы о нас ты столько клал забот?»
 Ведь в будущий бы год
 Ты собрал бы сам-сот,
 И с хлебом караван отправил бы в столицу.
 Подумай, выстрой-ка пошире нам теплицу.»
 — «Мой друг,» хозяин отвечал:
 «Я вижу, ты моих трудов не примечал.
 Поверь, что главные мои о вас заботы.
 Когда б ты знал, какой мне стоило работы
 Расчистить лес, удобрить землю вам:
 И не было конца моим трудам.
 Но толковать теперь ни время, ни охоты,
 Ни пользы нет.
 Дождя ж и ветру ты проси себе у неба;
 А если б умный твой исполнил я совет,
 То был бы без цветов, и был бы я без хлеба.»

Так часто добрый селянин,
 Простой солдат, иль гражданин,
 Кой с кем свое сличая состоянье,
 Приходят иногда в ротанье.
 Им можно то ж почти сказать и
 в оправданье.

21

МАЛЬЧИК И ЧЕРВЯК

Не льстись предательством ты счастье
 сыскать!
 У самых тех всегда в глазах предатель
 низок,
 Кто при нужде его не ставит в грех ласкать;
 И первый завсегда к беде предатель близок.
 Крестьянина Червяк просил его пустить
 В свой сад на лето погостить.
 Он обещал вести себя там честно,
 Не трогая плодов, листочки лишь глотать,
 И то, которые уж станут увядать.
 Крестьянин судит: «Как пристанища не
 дать?
 Ужли от Червяка в саду мне будет тесно?
 Пускай его себе-живет.
 Притом же важного убытку быть не может,
 Коль он листочка два-три сглохнет.»
 Позволил: и Червяк на дерево ползёг;
 Нашел под веточкой приют от непогод;
 Живет без нужды, хоть не пышно,
 И про него совсем не слышно.

Меж-тем уж золотит плоды лучистый Царь ¹,
 Вот в самом том саду, где также спеть все
 стало,
 Наливное, сквозное, как янтарь,
 При солнце яблоко на ветке дозревало.
 Мальчишка был давно тем яблоком пленен:
 Из тысячи других его заметил он:
 Да доступ к яблоку мудрён.
 На яблоню Мальчишка лезть не смеет,
 Ее тряхнуть он силы не имеет,
 И, словом, яблоко достать не знает как.
 Кто ж в краже Мальчику помочь взялся?
 Червяк.
 «Послушай,» говорит: «я знаю это, точно
 Хозяин яблоки велел снимать;
 Так это яблоко обоим нам непрочно;

Однако ж я берусь его достать,
 Лишь поделюсь со мной. Себе ты можешь
 взять
 Противу моего хоть вдесятеро боле;
 А мне и самой малой доли
 На целый станет век глотать.»
 Условье сделано: Мальчишка согласился;
 Червяк на яблоню и работать пустился;
 Он яблоко в-минуту подточил.
 Но что ж в награду получил?
 Лишь-только яблоко упало,
 И с семечками съел его Мальчишка мой;
 А как за долей сполз Червяк долой,
 То Мальчик Червяка расплющил под
 пятой:
 И так ни Червяка, ни яблока не стало.

22

ПОХОРОНЫ

В Египте в старину велось обыкновенье,
 Когда кого хотят пышнее хоронить,
 Наемных плакальщиц пускать за гробом
 вить.
 Вот, некогда, на знатном погребенье,
 Толпа сих плакальщиц, поднявши вой,
 Покойника от жизни скоротечной
 В дом провожала вечной
 На упокой.
 Тут странник, думая, что, в горести
 сердечной
 То рвется вся покойника родня,
 «Скажите,» говорит: «не рады ли б вы были,
 Когда б его вам воскресили?
 Я Маг; на это есть возможность у меня:

Мы заклинанья с собой такие носим —
 Покойник оживет сейчас.»
 —«Отец!» вскричали все: «обрадуй бедных
 нас!
 Одной лишь милости притом мы просим,
 Чтоб суток через пять
 Он умер бы опять.
 В живом в нем не было здесь проку
 никакова,
 Да вряд-ли будет и вперед;
 А как умрет,
 То вить по нем наймут нас, верно, снова.»
 Есть много богачей, которых смерть одна
 К чему-нибудь годна.

23

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
 Их прибыльно сбывает с рук
 (А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
 Медведь задумал жить такими же
 трудами.
 Пошел по лесу треск и стук,
 И слышно за версту проказу.
 Орешника, березника и вяза

Мой Мишка погубил несметное число,
 А не дается ремесло.
 Вот идет к мужику он попросить совета
 И говорит: «Сосед, что за причина эта?
 Деревья таки я ломать могу,
 А не согнул ни одного в дугу.
 Скажи, в чем есть тут главное уменьье?»
 — «В том,» отвечал сосед:
 «Чего в тебе, кум, вовсе нет:
 В терпенье.»

¹ Солнце.

СОЧИННИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИК

В жилище мрачное теней
 На суд предстали пред судьей,
 В один и тот же час: Грабитель
 (Он по большим дорогам разбивал,
 И в петлю наконец попал);
 Другой был славою покрытый Сочинитель:
 Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
 Вселял безверие, укоренял разврат,
 Был, как Сирена¹, сладкогласен,
 И, как Сирена, был опасен.
 В аду обряд судебный скор;
 Нет проволочек бесполезных:
 В-минуту сделан приговор.
 На страшных двух цепях железных
 Повешены больших чугунных два котла:
 В них виноватых рассадили.
 Дров под Разбойника большой костер
 взвалили,
 Сама Мегера² их зажгла,
 И развела такой ужасный пламень,
 Что трескаться стал в сводах адских
 камень.
 Суд к Сочинителю, казалось, был не строг:
 Под ним сперва чуть тлелся огонёк;
 Но там, чем далее, тем боле разгорался.
 Вот веки протекли, огонь не унимался.
 Уж под Разбойником давно костер погас:
 Под Сочинителем он злей с часу на час.
 Не видя облегченья,
 Писатель наконец кричит среди мученья,
 Что справедливости в богах нимаало нет;
 Что славою он наполнил свет,
 И ежели писал немножко вольно,
 То слишком уж за то наказан больно;
 Что он не думал быть Разбойника грешней.
 Тут перед ним, во всей красе своей,
 С шипящими между волос змеями,
 С кровавыми в руках бичами,
 Из адских трех сестер³ явилася одна.
 «Несчастный!» говорит она:

«Ты ль Провидению пеняешь?
 И ты ль с Разбойником себя равняешь?
 Перед твоей ничто его вина.
 По лютости своей и злости,
 Он вреден был,
 Пока лишь жил;
 А ты... уже твои давно истлели кости,
 А солнце разу не взойдет,
 Чтоб новых от тебя не осветило бед.
 Твоих творений яд не только не слабеет,
 Но, разливаясь, век-от-веку лютееет.
 Смотри (тут свет ему узреть она дала),
 Смотри на злые все дела
 И на несчастья, которых ты виною!
 Вон дети, стыд своих семей, —
 Отчаянье отцов и матерей:
 Кем ум и сердце в них отравлены? тобою.
 Кто, осмеляв, как детские мечты,
 Супружество, начальства, власти,
 Им причитал в вину людские все напасти,
 И связи общества рвался расторгнуть? ты.
 Не ты ли величал безверье просвещеньем?
 Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид
 облек

И страсти и порок?
 И вон опоена твоим ученьем,
 Там целая страна
 Полна
 Убийствами и грабежами,
 Раздорами и мятежами,
 И до погибели доведена тобой!
 В ней каждой капли слез и крови — ты
 виной.
 И смел ты на богов хулой вооружиться?
 А сколько впредь еще родится
 От книг твоих на свете зол!
 Терпи ж: здесь по делам тебе и казни
 мера!»
 Сказала гневная Мегера —
 И крышкою захлопнула котел.

ЯГНЕНОК

Как часто я слышал такое рассужденье:
 «По мне пускай что хочешь говорят,

Лишь был бы я в душе не виноват!»
 Нет; надобно еще уменье,
 Коль хочешь в людях ты себя не погубить,
 И добрую наружность сохранить.
 Красавицы! вам знать всего нужнее,
 Что слава добрая вам лучше всех
 прикрас,

¹ Сирены — мифические полуженщины, полурыбы, завлекавшие мореплавателей своим пением и потом губившие их.

² Заведывающая адскими мучениями.

³ Эвмениды — богини мщенья.

2

МЕЛЬНИК

У Мельника вода плотину прососала:
 Беда б не велика сначала,
 Когда бы руки приложить;
 Но кетати ль? Мельник мой не думает
 тужить;
 А течь день-ото-дня сильнее становится:
 Вода так бьет, как из ведра.
 «Эй, Мельник, не зевай! Пора,
 Пора тебе за ум хватиться!»
 А Мельник говорит: «Далеко до беды,
 Не море надо мне воды,
 И ею мельница по весь мой век богата.»
 Он спит, а между-тем
 Вода бежит, как из ушата.
 И вот беда пришла совсем:
 Стал жернов, мельница не служит.
 Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
 И думает, как воду уберечь.

Вот, у плотины он, осматривая течь,
 Увидел, что к реке пришли напиться куры.
 «Негодные!» кричит: «хохлатки, дуры!
 Я и без вас воды не знаю, где достать;
 А вы пришли се здесь вдосталь допивать.»
 И в них поленом хватъ.
 Какое ж сделал тем себе подспорье?
 Без кур и без воды, пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
 Что есть такие господа
 (И эта бассенька им сделана в подарок),
 Которым тысячей не жалъ на вздор сорить,
 А думают хозяйству подпорить,
 Коль свечки сберегут огарок,
 И рады за него с людьми подпять содом.
 С такою бережью диковинка ль, что дом
 Скорёшнько пойдет вверх дном?

3

БУЛЫЖНИК И АЛМАЗ

Потерянный Алмаз валялся на пути;
 Случилось наконец купцу его найти.
 Он от купца
 Царю представлен,
 Им куплен, в золоте оправлен,
 И украшением стал царского венца.
 Узнав про то, Булыжник развозился,
 Блестящую судьбой Алмаза он прельстился,
 И, видя мужика, его он просит так:
 «Пожалуй-ста, земляк,
 Возьми меня в столицу ты с собою!
 За что здесь под дождем и в слякоти
 я пою?

А наш Алмаз в чести, как говорят.
 Не понимаю я, за что он в знать попался?
 Со мною сколько лет он здесь валялся;
 Такой же камень он, и мне набитый брат.
 Возьми ж меня. Как знать? Коль там я
 покажуся,
 То также, может-быть, на дело пригожуся.»
 Взял камень мужичок на свой тяжелый вес,
 И в город он его привез.
 Ввалился камень мой и думает, что разом
 Засядет рядом он с Алмазом;
 Но вышел для него случай совсем иной:
 Он точно в дело взят, но взят для мостовой.

4

МОТ И ЛАСТОЧКА

Какой-то молодец,
 В наследство получа богатое именье,
 Пустился в мотовство и при большом
 раденье
 Спустил все чисто; наконец,
 С одною шубой он остался,

И то лишь для того, что было то зимой —
 Так он морозов псоболялся.
 Но, Ласточку увидя, малый мой
 И шубу промотал. Ведь это все, чай, знают,
 Что ласточки к нам прилетают
 Перед весной:

Так в шубе, думал он, нет нужды никакой: Из труб столбами дым, в оконницах стекло
 К чему в ней кутаться, когда во всей природе Узорами заволокло.
 К весенней клонится приятней все погоде. От стужи малого прошибли слезы,
 И в северную глушь морозы загнаны! — И Ласточку свою, предтечу теплых дней,
 Догадки малого умны; Он видит на снегу замерзшую. Тут к ней,
 Да только он забыл пословицу в пароде: Дрожа, напилу мог он вымолвить сквозь
 Что ласточка одна не делает весны. — «Проклятая! сгубила ты себя;
 И подлинно: опять отколь взялись морозы, А, понадеясь на тебя,
 По снегу хрупкому скрывают обозы, И я теперь не во-время без шубы!»

5

ПЛОТИЧКА

Хоть я и не пророк, Теперь из-под пера сама идет она,
 Но, видя мотылька, что он вокруг свечки И может с пользою тебя наставить.
 вьется,
 Пророчество почти всегда мне удается: Не помню у какой реки,
 Что крылышки сожжет мой мотылёк. Злодей царства водяного,
 Вот, милый друг, тебе сравненье и урок: Приют имели рыбаки.
 Он и для взрослого, хорош и для ребенка. В воде, по близости у берега крутого,
 Ужли вся басня тут? ты спросишь; погоди, Плотичка резвая жила.
 Нет это только побасенка, Проворна и притом лукава,
 А басня будет впереди, Не боязливого была Плотичка нрава:
 И к ней я наперед скажу нравоученье. Вокруг удочек она вертелась, как юла.
 Вот вижу новое в глазах твоих сомненье: И часто с ней рыбак свой промысл клял
 Сначала краткости, теперь уж ты с досады.
 Боишься длинноты. Когда за пожданье он, в чайные награды,
 Что ж делать, милый друг: возьми терпенья! Закинет уду, глаз не сводит с поплавка;
 Я сам того ж боюсь. Вот, думает, взяла! в нем сердце
 Но как же быть? Теперь я старе встрепенется;
 становлюсь: Взмахнет, он удой: глядь, крючок без
 Погода к-осени дождливой, червяка;
 А люди к-старости болтливой. Плутовка, кажется, над рыбаком смеется,
 Но чтобы дела мне не выпустить из глаз, Сорвет приманку, увернется,
 То выслушай: слышал я много раз, И, хоть ты что, обманет рыбака.
 Что, легкие проступки ставя в малость, «Послушай,» говорит другая ей Плотичка:
 В них извинить себя хотят «Не одобровать тебе, сестрица!
 И говорят: Иль мало места здесь в воде,
 За что винить тут? это шалость; Что ты всегда вокруг удочек вертишься?
 Но эта шалость нам к паденью первый шаг: Боюсь я: скоро ты с рекой у нас
 Она становится привычкой, после — простишься.
 страстью, Чем ближе к удочкам, тем ближе и к беде.
 И, увлекая нас в порок с гигантской властью, Сегодня удалось, а завтра — кто порука?»
 Но глупым, что глухим разумные слова.
 Нам не дает опомниться никак. «Вот,» говорит моя Плотва:
 Чтобы тебе живей представить, «Ведь я не близорука!
 Как на себя надеянность вредна, Хоть хитры рыбаки, по страх пустой ты
 Позволь мне басенькой себя ты позабавить; брось!»

Я вижу хитрость их насквозь.
 Вот видишь уду! Вон закинута другая!
 Ах, вот еще, еще! Смотри же, дорогая,
 Как хитрецов я проведу!»
 И к удочкам стрелой пустилась:

Гванула с той, с другой, на третьей
 зацеплась,
 И, ах, попалася в беду!
 Тут поздно бедная узнала,
 Что лучше бы бежать опасности сначала.

6

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Когда почтен быть хочешь у людей, —
 С разбором заводи знакомства и друзей!

Иль угостить жена вас не умела?
 Или хлеб-соль моя вам надоела?»
 — «Нет, кум,» Матвей ² сказал ему

Мужик с Змеею подружился.
 Известно, что Змея умна:
 Так вкралась к Мужику она,
 Что ею только он и клялся и божился.
 С-тех-пор все прежние приятели, родня,
 Никто к нему ногой не побывает.
 «Помилуйте,» Мужик пеняет:
 «За что вы все покинули меня!

в ответ:
 «К тебе бы рады мы, сосед;
 И никогда ты нас (об этом слова нет)
 Не огорчил ничем, ни опечалил:
 Но что за радость, рассуди,
 Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
 Чтобы твой друг кого, подползши, не
 ужалил?»

7

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под дубом вековым
 Населась жолудей до-сыта, до-отвала;
 Насвшись, выспалась под ним;
 Потом глаза продравши, встала
 И рылом подрывать у дуба корни стала.
 «Ведь это дереву вредит,»
 Ей с дубу ворон говорит:
 «Коль корни обнажишь, оно засохнуть

Хоть век его не будь, ни чуть не пожалею;
 Лишь были б жолуди:ведь я от них жирею.»
 — «Неблагодарная!» промолвил Дуб ей тут,
 «Когда бы вверх могла поднять ты рыло:
 Тебе бы видно было,
 Что эти жолуди на мне растут.»

может.»
 — «Пусть сохнет,» говорит Свинья:
 «Ни чуть меня то не тревожит;
 В нем проку мало вижу я;

Невежда также в ослепленье
 Бранит науки и ученье,
 И все ученые труды,
 Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

8

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне таланты те негодны,
 В которых Свету пользы нет,
 Хоть иногда им и дивится Свет.
 Купец на ярмарку ¹ привез полотна;
 Они такой товар, что надобно для всех.
 Купцу на торг пожаловаться грех:

Покупщиков отбою нет; у лавки
 Доходит иногда до давки.
 Увидя, что товар так ходко идет с рук,
 Завистливый Паук
 На барыши купца прельстился;
 Задумал на продажу ткать,

¹ В рукописи: «ярмонку».

² Так в изд. 1843 г. и в рукописи. В изд. В. В. Каллаша: «Нет», кум Матвей сказал,,

Купца затеял подорвать,
И лавочку открыть в окошке сам решился.
Оснóву основал, проткал насквозь всю ночь,
Поставил свой товар на-диво,
Засел, надувшись, спесиво,
От лавки не отходит прочь
И думает: лишь только день настанет,
То всех покупателей к себе он переманит.
Вот день настал: но что ж? Проказника
метлой

Смели и с лавочкой долой.
Паук мой бесится с досады.
«Вот,» говорит: «жди праведной награды!
На весь я свет пошлюсь, чье тонсе
ткашь:
Купцово, иль мое?»
— «Твое: кто в этом спорить смеет?»
Пчела отвечает: «известно то давно;
Да что в нем проку, коль оно
Не одевает и не греет?»

9

ЛИСЦА И ОСЕЛ

«Отколе умная бредешь ты, голова?»
Лисица, встретяся с Ослом, его спросила.
— «Сейчас лишь ото льва!»
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти бегом,
Куда глаза глядят, от этого урода;
А ныне в старости и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх.
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо льва ни шел, всяк вымещал ему

По-своему:
Кто зубом, кто рогами...»
— «Но ты коснуться льву, конечно, не
дерзнул?»
Лиса Осла перерывает.
«Вот-на!» Осел ей отвечает:
«А мне чего робеть? и я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты:
От первых жди от них обиды и досады.

10

МУХА И ПЧЕЛА

В саду, весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя,
И на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
С-утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоим я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житье!
За мною только лишь и дела,
Летать по балам, по гостям:
И молвить, не хвалясь, мне в городе
знакомы
Вельмож и богачей все дома.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины, —
Из первых я уж верю тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,

И пью из хрусталей блестящих сладки
вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей;
Притом же, жалуя пол нежной,
Вкруг молодых красавиц вьюсь
И отдыхать у них сажусь
На щечке розовой, иль шейке
белоснежной.»
— «Все это знаю я,» отвечает Пчела:
«Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирах лишь морщится от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом.»
— «Вот,» Муха говорит: «гоняют! что ж
такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое.»

11

ЗМЕЯ И ОВЦА

Змея лежала под колодой,
И злилася на целый свет;
У ней другого чувства нет,
Как злиться: создана уж так она
природой.
Ягненок в-близости резвился и скакал;
Он о Змее совсем не помышлял.

Вот, выползши, она в него вонзает жало:
В глазах у бедняка туманно небо стало;
Вся кровь от яду в нем горит.
«Что сделал я тебе?» Змее он говорит.

— «Кто знает? Может-быть, ты с тем сюда
забрался,
Чтоб раздавить меня,» шипит ему Змея:
«Из осторожности тебя караю я.»
— «Ах, нет!» оп отвечал, — и с жизнью
тут расстался.

В ком сердце так сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствует оно
И ненависть одну ко всем питает,
Тот всякого своим злодеем почитает.

12

КОТЕЛ И ГОРШОК

Горшок с Котлом большую дружбу свел,
Хотя и по-знатней породю Котел,
Но в дружбе что за счет? Котел горой за
свата;

Горшок с Котлом за-панібрата;
Друг без друга они не могут быть никак;
С-утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И, словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.

Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,
И друга он с собой зовет;
Горшок наш от Котла никак не отстает,
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются в телеге меж собой.

Где горки, рытвины, ухабы —
Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
От каждого толчка Горшку большой
наклад;

Однако ж он не думает назад,
И глиняный Горшок тому лишь рад,
Что он с Котлом чугунным так
сдружился.

Как странствия их были далеки,
Не знаю; но о том я точно известился,
Что цел домой Котел с-дороги воротился,
А от Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство в любви и дружбе вещь
святая.

13

ДИКНЕ КОЗЫ

Пастух нашел зимой в пещере Диких Коз;
Он в радости богов благодарит сквозь слез:
«Прекрасно,» говорит: «ни клада мне не
надо,

Теперь мое прибудет вдвое стадо;
И не доем и не досплю,
А милых Козочек к себе я прикормлю,
И паном заживу у нас во всем полесье.
Ведь пастуху стада, что барину поместье:
Он с них оброк волной¹ берет;

И масла и сыры скопляет.
Под-час он тож и шкурки с них дерет.
Лишь только корм он сам им промышляет,
А корму на зиму у пастуха запас!»

Вот от своих овец к гостям он корм таскает;
Голубит их, ласкает;

К ним на день ходит по сту раз;
Их всячески старается привадить.
Убавил корму у своих,
Теперь, покамест, не до них,
И со своими ж легче сладить:
Сенца им бросить по клочку,

¹ Шерстью,

А станут приступить, так дать им по толчку,
 Чтoб мeнee в глaзa сoвaлиcь.
 Дa тoлькo вoт бeдa: кoгдa пришлa вeснa,
 Тo Кoзы Дикie вce в гoрy рaзбeжaлиcь,
 Нe пo утeсaм жизнь кaзaлacь им грyстнa;
 Свoe жe стaдo зaхирeлo,
 И вce пoчти пeрeкoлeлo:

И мoй пaстyx пoшeл c сумoй¹
 Хoтa вимoй
 Нa бapышнa в умe рaссчитывaл пpeкpacнo.
 Пaстyx! тeбe тeпeрь я мoлвлю рeчь:
 Чeм в Диких Кoз тeрять свoй кoрм
 пaпpacнo,
 Нe лyчшe ли бы кoз дoмaшних пoбeрeчь?

14

СОЛОВЬИ

Кaкoй-тo птицeлoв
 Вeснoю нaлoвил пo рoщaм Сoлoвьeв.
 Пeвцы рaссaжeны пo клeткaм, и зaпeлн,
 Хoть лyчшe б пo лeсaм гyлять oни хoтeли:
 Кoгдa сидишь в тюрeмe, дo пeсeн ли уж
 тyт?

Нo дeлaть нeчeгo: пoкyт,
 Ктo с-гoрa, ктo oт сyкyи.
 Из них oдин бeднaжкa Сoлoвeй
 Тeрпeл вceх бoлe мyкy:
 Oн рaзлyчeн c пoдpyжкoй был свoeй.
 Eмy тoшнee вceх в нeвoлe.
 Сквoзь слeз из клeтки oн пoсмaтривaeт
 в пoлe;

Тoскyeт дeнь и нoчь;
 Oднaкo ж дyмaeт: «злy грyстью нe пoмoчь:
 Бeзyмный плaчeт лишь oт бeдствa,
 A yмный ищeт срeдствa,

Кaк дeлoм гoрю пoсoбить;
 И, кaжeтcя, бeдy мoгy я c шeи сбьть;
 Вeдь нaс нe c тeм пoймaли, чтoбы сyкyшaть.
 Хoзяин, вижy я, oхoтник пeснe слyшaть.
 Тaк eсли гoлoсoм eмy я yгoжy,
 Бьть-мoжeт, тeм сeбe нaгрaдy зaслyжy,
 И oн мoю нeвoлю oкoнчaeт.»
 Тaк рaссyждaл — и нaчaл мoй пeвeц:
 И пeснью oн зaрy вeчeрню вeличaeт,
 И пeснямнa вoсхoд oн сoлнeчный встpeчaeт.
 Нo чтo жe вышлo нaкoнeц?
 Oн тoлькo oтaгчил свoю тeм злyю дoлю.
 Ктo хyдo нeл, для тeх дaвнo
 Хoзяин oтвoрил и клeткy и oкнo,
 И рaспyстил их вceх нa вoлю;
 A мoй бeднaжкa Сoлoвeй,
 Чeм пeл пpиятнeй и нeжнeй,
 Тeм стeрeгли eгo плoтнeй.

15

ГОЛИК²

Зaпaчкaнный Гoлик пoпaл в бoльшyю
 чeсть —
 Уж oн пoлoв нe бyдeт в кyхнях мeсть:
 Eмy пoрyчeны гoспoдские кaфтaны
 (Кaк виднo, слyги бьли пьяны).
 Вoт рaзвoзилcя мoй Гoлик:
 Пo плaтью бaрeкoмy бeз-yстaли кoлoтит,
 И нa кaфтaнax oн кaк бyдтo рoжь мoлoтит
 И пoдлиннo, чтo тpyд eгo вeлик.
 Бeдa лишь в тoм, чтo сaм oн гpязeн,
 нeoпpятeн.

Чтo ж пoльзy oт eгo тpyдa?
 Чeм бoльшe чистит oн, тeм тoлькo бoльшe
 лятeн.
 Бывaeт стoлькo жe вpeдa,
 Кoгдa
 Нeвeждa нe в свoи дeлa вплeтeтcя,
 И пoпpавлять тpyды yчeнoгo вoзмeтcя.

¹ Так в изд. 1843 г. В др. изданиях: «И мой пастух пошел к весне с сумой».

² Веник.

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин позвал в суд Овцу;
 Он уголовное взвел на бедняжку дело;
 Судья — Лиса: оно в-минуту закипело.
 Запрос ответчику, запрос истцу,
 Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
 Как было дело; в чем улика?
 Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
 Поутру, у меня двух кур не досчитались:
 От них лишь косточки да перышки остались;
 А на дворе одна Овца была.»
 Овца же говорит: она всю ночь спала,
 И всех соседей в том в свидетели звала,
 Что никогда за ней не знали никакого
 Ни воровства,
 Ни плутовства;

А сверх-того она совсем не ест мясного.
 И приговор Лисы вот, от слова и до слова:
 «Не принимать никак резонов от Овцы:
 Понеже хоронить концы
 Все плуты, ведомо, искусны;
 По справке ж явствует, что в сказанную
 ночь —
 Овца от кур не отлучалась прочь,
 А куры очень вкусны,
 И случай был удобен ей;
 То я сужу, по совести моей:
 Нельзя, чтоб утерпела
 И кур она не съела;
 И вследствие того казнить Овцу,
 И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу.»

СКУПОЙ

Какой-то домовый стерег богатый клад,
 Зарытый под землей; как-вдруг ему наряд
 От демонского воеводы,
 Лететь за тридевять земель на многи годы.
 А служба такова: хоть рад, или не рад,
 Исполнить должен повеленье.
 Мой домовый в большом недоуменье,
 Как без себя сокровище сбереж?
 Кому его стеречь?
 Нанять смотрителя, построить кладовые:
 Расходы надобно большие;
 Оставить так его; так может клад пропасть;
 Нельзя ручаться ни за сутки;
 И вырыть могут и украсть:
 На деньги люди чутки.
 Хлопочет, думает и вздумал наконец.
 Хозяин у него был скряга и скупец.
 Дух, взяв сокровище, является к Скупому,
 И говорит: «Хозяин дорогой!
 Мне в дальние страны показан путь
 из дому;

А я всегда доволен был тобой:
 Так на прощанье, в знак приязни,
 Мои сокровища принять не откажись!

Пей, ешь и веселись,
 И трать их без боязни!
 Когда же придет смерть твоя,
 То твой один наследник я:
 Вот все мое условие;
 А впрочем, да продлит судьба твое
 здоровье!»
 Сказал, и в путь. Прошел десяток лет,
 другой.
 Исправя службу; домовый
 Летит домой
 В отечески пределы.
 Что ж видит? О, восторг! Скупой с ключом
 в руке
 От голоду издох на сундуке —
 И все червонцы целы.
 Тут Дух опять свой клад
 Себе приевонил,
 И был сердечно рад,
 Что сторож для него ни денежки не стоил.

Когда у золота, скупой не ест, не пьет, —
 Не домовому ль он червонцы бережет?

18

БОГАЧ ¹ И ПОЭТ

С великим Богачем Поэт затеял суд,
И Зевса умоляя он за себя вступиться.
Обоим велено на суд явиться.
Пришли: один и тощ, и худ,
Едва одет, едва обут;
Другой весь в золоте и спесью весь раздут.
— «Умилосердися, Олимпа самодержец!
Тучегонитель, громовержец!»
Кричит Поэт: «чем я виновен пред тобой,
Что с-юности терплю Фортуны злой
гоненье?»
Ни ложки, ни угла: и все мое именье
В одном воображенье;
Меж-тем, когда соперник мой,
Без выслуг, без ума, равно с твоим
кумиром,

В палатах окружен поклонников толпой,
От роскоши и неги заплыл жиром.»
— «А это разве ничего,
Что в поздний век твоей достигнут лиры
звуки?»
Юпитер отвечал: «а про него
Не только правнуки, не будут помнить
внуки.
Не сам ли славу ты в удел себе избрал?
Ему ж в пожизненность я блага мира дал.
Но верь, коль вещи бы он боле понимал,
И если бы с его умом была возможность
Почувствовать свою перед тобой
ничтожность, —
Он более б тебя на жребий свой роптал.»

19

ВОЛК И МЫШЕНОК

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего не
мог;
Оставил к ужину запас и подле лёг
Понежиться, вздохнуть ст жирного обеда.
Вот, близкого его соседа,
Мышонка запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,

Схватил кусок мяса, и с ним скорей
убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча судьи часишки вор стянул,
И он кричит на вора: караул!

20

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум
Егор!» — «Да так! О Рождестве была у нас
пирушка;
— «Ну, каково, приятель, поживаешь?»
— «Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не
знаешь!»
Бег посетил меня: я сжег до-тла свой двор,
И по-миру пошел с-тех-пор.»

— «Как-так? Плохая, кум, игрушка!»
Я со свечей пошел дать корму лошадям:
Признаться в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам;
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать бог:

¹ В первоначальной редакции в рукописи: «Вельможа». См. в примечаниях.

Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я, то ж о Рождестве пошел в ледник за

пивом,
И тоже через-чур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;¹

А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан бес меня в потьмах так с лестницы
толкнул,

Что сделал из меня совсем не-человека,
И вот я с-той-поры калека.»
— «Пеняйте на себя, друзья!»

Сказал им сват Степан: «коль молвить
[правду, я

Совсем не чту за чудо,
Что ты сожгел свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечью худо;
Да вряд, не хуже ль и в потьмах.»

21

КОТЕНОК И СКВОРЕЦ

В каком-то доме был Скворец,
Плохой певец;
Зато уж философ презнатный,
И свел с Котёнком дружбу он.

Котёнок был уж котик презрядный,
Но тих и вежлив и смирен.
Вот как-то был в столе Котёнок обделен.
Бедняжку голод мучит:

Задумчив бродит он, скуачаючи постом;
Поводит ласково хвостом,
И жалобно мяучит.

А философ Котёнка учит,
И говорит ему: «Мой друг, ты очень прост,
Что терпишь добровольно пост;

А в клетке под носом твоим висит щеглёнок:
Я вижу, ты прямой Котёнок.»
«Но совесть...» — «Как ты мало знаешь
свет!

Поверь, что это сущий бред,
И слабых душ одни лишь предрассудки,
А для больших умов — пустые только
шутки!

На свете кто силен,
Тот делать все волен.
Вот доказательства тебе и вот примеры.»

Тут, выведя их на свои манеры,
Он философию всю вычерпал до дна.
Котенку на-тошак понравилась она:
Он вытащил и съел щеглё ка.

Разлакомил кусок такой Котёлка,
Хотя им голода он утолить не мог.
Однако же второй урок
С большим успехом слушал,

И говорит Скворцу: «Спасибо, милый кум!
Наставил ты меня на ум.»
И, клетку разломав, учителя он скушал.

22

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу пёс,
Увидел старую свою знакомку,

Жужу, кудрявую белонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как-будто бы к родне,

Он, с умиленья, чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.

«Ну, что, Жужутка, как живешь,

С-тех-пор, как господа тебя в хоромы
взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто
голодали.

Какую службу ты несешь?»
— «На счастье грех роптать», Жужутка
отвечает:

«Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;

Резвлюся с баринном; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?» — «Я,» отвечал Барбос,
Хвост плетью опустил и свой повесил нос:

¹ Плохо очищенная водка.

«Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под
дождем;

А если невпопад залаю,
То и побой принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,

Меж-тем, как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот
прекрасно!»

С насмешкой отвечал Жужу: —
«На задних лапках я хожу.»

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках
ходят!

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят,
И с лучшими певцами рядом ставят.

Мне говорит Лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.

Хотела б очень я, сама,
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг,
упрям;

Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам,
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю,
И часто, про себя, мурлыча, засыпаю.»
Меж-тем мой бедный Соловей

Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну, что же?» продолжает Кошка:
«Пропой, дружок, хотя немножко.»
Но наш певец не пел, а только-что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал!»
С насмешкою она спросила:
«Где ж эта чистота и сила,
О коих все без-умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пеньке ты вовсе не
искусен.

Все без начала, без конца,²
Посмотрим, на зубах каков-то будешь
вкусен!»

И съела бедного певца —
До крошки.

Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

РЫБЬИ ПЛЯСКИ

Имея в области своей
Не только-что леса, но даже воды,
Лев собрал на совет зверей:
Кого б над рыбами поставит в воеводы?
Как водится, пошли на голоса,¹
И выбрана была Лиса.
Вот Лисынька на воеводство села.
Лиса приметно потолстела.
У ней был мужичок, приятель, сват и кум;

Они вдвоем взялись за ум:
Меж-тем, как с бережку Лисица рядит,
судит,

Кум рыбу удит
И делит с кумушкой ее, как верный друг.
Но плутни не всегда удачно сходят с рук.
Лев как-то взял по слухам подозренье,
Что у него в судах скривились весы,
И, улуча свободные часы,

¹ Этот стих пропущен в изд. 1843 г.; в других прижизненных изданиях он имеется.

² Этот стих пропущен в изд. 1843 г. В первоиздательном тексте (в «Соревнователе» 1824 г. II, с. 128), он имеется.

Пустился сам свое осматривать владенье. — «Ну, как здесь идет суд? Доволен ли
Он идет берегом; а добрый куманёк, ваш край?»
Наудя рыб, расклат у речки огонёк, — «Великий Государь, здесь не житье пм,—
И с кумушкой пошировать сбирался; рай:
Бедняжки прыгали от жару, кто как мог; Только-только б дни твои бесценные
Всяк, видя близкий свой конец, метался. продлились.»
На мужика разинув зев, (А рыбки между-тем на сковородке бились.)
«Кто ты, что делаешь?» спросил сердито Лев. — «Да отчего же,» Лев спросил: «скажи
— «Великий Государь!» отвечает ты мне,
плутовка Хвостами так они и головами машут!»
(У Лисыньки всегда в запасе есть уловка): — «О, мудрый Лев!» Лиса отвечает:
«Великий Государь!» «оне
Он у меня здесь главный секретарь: На радости, тебя увидя, пляшут.»
За бескорыстие уважен всем народом; Не могли боле тут Лев² явной лжи
А это, карати, всё жители воды: стерпеть,
Мы все пришли сюды Чтоб не без музыки плясать народу,
Поздравить, добрый Царь, тебя с твоим Секретаря и воеводу
приходом. В своих когтях заставил петь.

25

ПРИХОЖАНИИ

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений, и писатель,
Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой,
Не только, чтоб от них похвал себе
дождаться,
В нем красоты они и чувствовать бояться.
Хоть, может-быть, я тем не много досажу,
Но вместо басни, былъ на это им скажу.

Во храме проповедник
(Он в красноречии Патона¹ был наследник),
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мед, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без
искусства,
Как цепью золотой,

Возьмемля к небесам все помыслы и чувства,
Сей обличала мир, исполненный тщетой
Душ пастырь кончил поученье:
Но всяк ему еще внимал, и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар!»
Из слушателей тут сказал один другому:
«Какая сладость, жар!»
Как сильно он влечет к добру сердца
народа!
А у тебя, сосед, знать черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» — «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая статья:
Ведь я не здешнего прихода.»

26

ВОРОНА

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.

¹ Митрополита московского (1737—1812).² Так в изд. 1843 г. В изд. В. В. Каллаша: «Лев тут».

Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
 Ворона с Павами пошла гулять спесиво,
 И думает, что на нее
 Родня и прежние приятели ее
 Все заглядятся, как на диво;
 Что Павам всем она сестра,
 И что пришла ее пора
 Быть украшением Юнонина ¹ двора.
 Какой же вышел плод ее высокомерья?
 Что Павами она ошипана кругом,
 И что, бежав от них, едва не кувырком,
 Не говоря уж о чужом,
 На ней и своего осталось мало перья.
 Она-было назад к своим; но те совсем
 Заклеванной Вороны не узнали,

Ворону вдосталь ошипали,
 И копчили ее затеи тем,
 Что от Ворон она отстала,
 А к Павам не пристала.

Я эту басенку вам библюю поясню.
 Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
 Чтоб в знатную войти родню.
 Приданного за ней пол-миллиона.
 Вот выдали Матрену за Барона.
 Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
 Попрёком, что она мешанкой родилась,
 А старая за то, что к знатным приплелась:
 И сделалась моя Матрена
 Ни Пава, ни Ворона.

КНИГА ВОСЬМАЯ

1

ЛЕВ СОСТАРЕВШИЙСЯ

Могучий Лев, гроза лесов,
 Постигнут старостью, лишился силы:
 Нет крепости в когтях, нет острых тех
 зубов,
 Чем наводил он ужас на врагов,
 И самого едва таскают ноги хилы.
 А что всего больней,
 Не только он теперь не страшен для зверей,
 Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,
 Наперерыв ему наносит оскорбленье:
 То гордый конь его копытом крепким бьет,
 То зубом волк рванет,
 То острым рогом вол боднет.

Лев бедный в горе том великом,
 Сжав сердце, терпит все, и ждет кончины
 злой,
 Лишь изъясняя ропот свой
 Глухим и томным рыком.
 Как видит, что осел туда ж, натужа грудь,
 Сбирается его лягнуть,
 И смотрит место лишь, где б было по-больнее.
 «О, боги!» возопил, стеная, Лев тогда:
 «Чтоб не дожить до этого стыда,
 Пошлите лучше мне один конец скорее!
 Как смерть моя ни зла:
 Всё легче, чем терпеть обиды от осла.»

2

ЛЕВ, СЕРНА И ЛИСА

По дебрям гнался Лев за Серной;
 Уже ее он настигал,
 И взором алчным пожирал
 Обед себе в ней, сытный, верный.
 Спасись, казалось, ей нельзя никак:
 Дорогу обоям пересекал овраг;
 Но Серна легкая все силы натянула
 Подобно из лука стреле,

Над пропастью она махнула,
 И стала супротив на каменной скале.
 Мой Лев остановился.
 На эту пору друг его вблизи случился:
 Друг этот был — Лиса.
 «Как!» говорит она: «С твоим проворством,
 силой,
 Ужели ты уступишь Серне хилой!
 Лишь пожелай, тебе возможны чудеса:
 Хоть пропасть широка, но если ты
 захочешь,

¹ По мифическому представлению, павлины посвящены Юноне.

То, верно, перескочишь.
 Поверь же совести и дружбе ты моей:
 Не стала бы твоих отваживать я дней,
 Когда б не знала
 И крепости, и легкости твоей.»
 Тут кровь во Льве вскипела, заиграла;
 Он бросился со всех четырех ног;
 Однако ж пропасти перескочить не мог:

Стремглав слетел, и — до-смерти убилися.
 А что ж его сердечный друг?
 Он по-тихохоньку в овраг спустился
 И, видя, что уж Льву ни лести, ни услуг
 Не надо боле,
 Он, на просторе и на воле,
 Справлять поминки другу стал,
 И в месяц до костей он друга оглодал.

3

КРЕСТЬЯНИН И ЛОШАДЬ

Крестьянин засевал овес;
 То видя, Лошадь молодая
 Так про себя ворчала, рассуждая:
 «За делом столько он овса сюда принес!
 Вот, говорят, что люди нас умнее:
 Что может быть безумней и смешнее,
 Как поле целое изрыть,
 Чтоб после рассорить
 На нем овес свой по-пустому?
 Стравил бы он его или мне, или гнедому;
 Хоть курам бы его он вздумал разбросать,
 Все было б более похоже то на стать;
 Хоть спрятал бы его: я видела б в том

А по-пусту бросать! Нет, это просто
 глупость.»
 Вот к осени, меж-тем, овес тот убран был,
 И наш Крестьянин им того ж Коня
 кормил.

Читатель! Верно, нет сомненья,
 Что не одобришь ты конева рассужденья;
 Но с самой древности, в наш даже век,
 Не так ли дерзко человек
 О воле судит Провиденья,
 В безумной слепоте своей,
 Не ведая его ни цели, ни путей?

4

БЕЛКА

У Льва служила Белка,
 Не знаю, как и чем; но только дело в том,
 Что служба Белкина угодна перед Львом;
 А угодить на Льва, конечно, не безделка.
 За то обещан ей орехов целый воз.
 Обещан — между-тем всё время улетает;
 А Белочка моя нередко голодает,
 И скалит перед Львом зубки свои сквозь
 слез.
 Посмотрит: по-лесу то там, то сям мелькают
 Ее подружки в вышине;
 Она лишь глазками моргает, а оне

Орешки, знай-себе, щелкают да щелкают.
 Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
 Глядит — нельзя никак:
 На службу Льву ее то кличут, то толкают.
 Вот Белка наконец уж стала и стара,
 И Льву наскучила: в отставку ей пора.
 Отставку Белке дали,
 И точно, целый воз орехов ей прислали.
 Орехи славные, каких не видел свет;
 Все на-отбор: орех к ореху — чудо!
 Одно лишь только худо —
 Давно зубов у Белки нет.

5

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
 Что от нее житья в пруде не стало;
 Улик представлен целый воз,

И виноватую, как надлежало,
 На суд в большой лохани принесли.
 Судьи невдалеке сбирались;

На ближнем их лугу пасли;
 Однако ж имена в архиве их остались:
 То были два Осла,
 Две Клячи старые, да два иль три Козла;
 Для должного ж в порядке дел надзора,
 Им придана была Лиса за Прокурора.
 И слух между народа шел,
 Что щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
 Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
 И то сказать, что Щукиных проказ
 Удобства не было закрыть на этот раз.

Так делать нечего: пришло писать указ,
 Чтоб виноватую предать позорной казни,
 И, в страх другим, повесить на суку.
 «Почтенные судьи!» Лиса тут приступила:
 «Повесить мало: я б ей казнь определила,
 Какой не видано у нас здесь на веку:
 Чтоб было впредь плутам и страшно и
 опасно —
 Так утопить ее в реке.» — «Прекрасно!»
 Кричат судьи. На том решили все согласно,
 И Щуку бросили — в реку!

6

КУКУШКА И ОРЕЛ

Орел пожаловал Кукушку в Соловьи.
 Кукушка, в новом чине,
 Усевшись важно на осине,
 Таланты в музыке свои
 Выказывать пустилась;
 Глядит — все прочь летят,
 Одни смеются ей, а те ее бранят.
 Моя Кукушка огорчилась,
 И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.

«Помилуй!» говорит: «по твоему веленью
 Я Соловьем в лесу здесь названа;
 А моему смеяться смеют пенью!»
 — «Мой друг!» Орел в ответ: я царь, но я
 не бог.
 Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.
 Кукушку Соловьем честить я мог
 заставить;
 Но сделать Соловьем Кукушки я не мог.»

7

БРИТВЫ

С знакомцем съехавшись однажды я в
 дороге,
 С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
 Поутру, чуть-лишь я глаза продрал,
 И что же узнаю? — Приятель мой
 в тревоге:
 Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
 Теперь я слушаю — приятель стал не тот.
 То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
 «Что сделалось с тобой? мой милый!.. Я
 надеюсь,
 Не болен ты.» — «Ох! ничего: я бреюсь.»
 — «Как! только?» Тут я встал — гляжу:
 проказник мой
 У зеркала сквозь слез так кисло морщит
 рожу,
 Как-будто бы с него содрать собирались
 кожу.
 Узнавши наконец вину беды такой,
 «Что дива? я сказал: «ты сам себя тиранишь.

Пожалуй, посмотри:
 Ведь у тебя не Бритвы — косари;
 Не бриться — мучиться ты только с ними
 станешь.»
 — «Ох, братец, признаюсь,
 Что Бритвы очень тупы!
 Как этого не знать? Ведь мы не так уж
 глупы;
 Да острыми-то я порезаться боюсь.»
 — «А я, мой друг, тебя уверить смею,
 Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
 А острою обрешься верней:
 Умей владеть лишь ею.»

Вам пояснить рассказ мой я готов:
 Не так ли многие, хоть стыдно им
 признаться,
 С умом людей — боятся,
 И терпят при себе охотней дураков?

8

СОКОЛ И ЧЕРВЯК

В вершине дерева за ветку уцепясь,
 Червяк на ней качался.
 Над Червяком Сокол, по воздуху носясь,
 Так с высоты шутил и издевался:
 «Каких ты, бедненький, трудов не перенёс!
 Что ж прибыли, что ты высоко так заполз?
 Какая у тебя и воля, и свобода?

И с веткой гнешься ты, куда велит погода.»
 — «Тебе шутить легко,»
 Червяк отвечает: «летая высоко,
 Затем, что крыльями и силен ты, и крепок;
 Но мне судьба дала достоинства не те:
 Я здесь на высоте
 Тем только и держусь, что я, по счастью,
 цепок!»

9

БЕДНЫЙ БОГАЧ

«Ну, стоит ли богатым быть,
 Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спать,
 И только деньги лишь копить?
 Да и на что? Умрем, ведь все оставим.
 Мы только-лишь себя и мучим
 и бесславим.
 Нет, если б мне далось богатство на удел,
 Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
 Чтоб жить роскошно, пышно,
 И о моих пирах далеко б было слышно;
 Я, даже, делал бы добро другим.
 А богачей скупых на муку жизнь похожа.»
 Так рассуждал Бедняк с собой самим,
 В лачужке низменной, на голой лавке

И что ж? — Чуть вернется ему, что то
 не сон:
 Едва червонец вынет он,
 Уж в кошельке другой червонец
 шевелится.
 «Ах, пусть лишь до утра мне счастье
 продлится!»¹
 Бедняк мой говорит:
 «Червонцев я себе повытаскаю груды;
 Так, завтра же богат я буду,
 И заживу как сибарит.»
 Однако ж поутру он думает другое.
 «То правда», говорит: «теперь я стал
 богат;

лежа;
 Как-вдруг к нему сквозь щелочку
 пролез,
 Кто говорит — колдун, кто говорит — что
 бес;
 Последнее едва-ли не вернее:
 Из дела будет то виднее,
 Предстал — и начал так: «Ты хочешь быть
 богат,
 Я слышал, для чего; служить я другу рад.
 Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
 Но вынешь лишь один, уж там готов
 другой.

Да кто ж добру не рад!
 И почему бы мне не быть богаче вдвое?
 Неужто лень
 Над кошельком еще провести хоть день!
 Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
 Но если закупить могу я деревень,
 Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
 Так, удержу чудесный кошелек:
 Уж так и быть, еще я поговеею
 Один денёк,
 А, впрочем, ведь пожить всегда успею.»
 Но что ж? Проходит день, неделя, месяц.
 год —
 Бедняк мой потерял в червонцах счет;
 Меж-тем он скудно ест и скудно пьет;
 Но чуть лишь день, а он опять за ту ж
 работу.
 День кончится, и, по его расчёту,
 Ему всегда чего-нибудь не достаёт.
 Лишь кошелек нести сберется,

Итак, приятель мой,
 Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
 Возьми ж, и из него без счета вынимай,
 Доколе будешь ты доволен;
 Но только знай:
 Истратить одного червонца ты не волен,
 Пока в реку не бросишь кошелька.»
 Сказал — и с кошельком оставил Бедняка.
 Бедняк от радости едва не помешался;
 Но лишь опомнился, за кошелек принялся,

¹ Этот стих пропущен в изд. 1843 г. В других изданиях и в рукописи он имеется.

То сердце у него сожмется:
 Придет к реке, — воротится опять.
 «Как можно», говорит: «от кошелька
 отстать,
 Когда мне золото рекою само льется?»
 И, наконец, Бедняк мой поседел,
 Бедняк мой поухдел;
 Как золото его, Бедняк мой пожелтел.

Уж и о пышности он боле не смекает:
 Он стал и слаб и хил; здоровье и покой,
 Утратил все; но всё дрожащею рукой
 Из кошелька червонцы вон таскает.
 Таскал, таскал... и чем же кончил он?
 На лавке, где своим богатством любовался,
 На той же лавке он скончался,
 Досчитывая свой девятый миллион.

10

БУЛАТ

Булатной сабли острый клинок
 Заброшен был в железный хлам;
 С ним вместе вынесен на рынок,
 И мужику за-даром продан там.
 У мужика затей не велики:
 Он отыскал тотчас в Булате прок.
 Мужик мой насадил на клинок черенок
 И стал Булатом драть в лесу на лапти лыко,
 А дома, за-просто, лучину им щепать;
 То ветви у плетня, то сучья обрубать,
 Или обтесывать тычины к огороду.
 Ну, так, что не прошло и году,
 Как мой Булат в зубцах и ржавчине кругом
 И дети ездят уж на нём
 Верхом.
 Вот ёж, в избе под лавкой лежа,
 Куда и клинок брошен был,

Однажды так Булату говорил:
 «Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
 И если про Булат
 Так много громкого неложно говорят:
 Не стыдно ли тебе щепать лучину,
 Или обтесывать тычину,
 И, наконец, игрушкой быть ребят?»
 — «В руках бы война врагам я был
 ужасен,»
 Булат отвечает: «а здесь мой дар
 напрасен;
 Так, низким лишь трудом я занят здесь
 в дому:
 Но разве я свободен?
 Нет, стыдно то не мне, а стыдно лишь тому,
 Кто не умел повясть, к чему я годеи.»

11

КУПЕЦ

«Поди-ка, брат, Андрей!
 Куда ты там запал? Поди сюда, скорей,
 Да подивуйся дяде!
 Торгуй по-мдему, так будешь не в накладе.»
 Так в лавке говорил племяннику Купец:
 «Ты знаешь польского сукна конец,
 Тот который у меня так долго залежался,
 Затем, что он и стар, и подмочен, и гнил:
 Ведь это я сукно за английское сбыл!
 Вот, видишь, сей лишь час взял за него
 сотняжку:
 Бог олушка послал.»

— «Все это, дядя, так,» племянник отвечал:
 «Да в олухи-то, я не знаю, кто попал;
 Вглядись-ко: ты ведь взял фальшивую
 бумажку.»
 Обманут! Обманул Купец: в том дива нет;
 Но если кто на свет
 Пovyше лавок взглянет, —
 Увидит, что и там на ту же стать идет;
 Почти у всех во всем один расчет:
 Кого кто лучше проведет,
 И кто кого хитрей обманет.

ПУШКИ И ПАРУСА

На корабле у Пушек с Парусами
 Восстала страшная вражда.
 Вот, Пушки, выставясь из бортов ¹ вон
 носами, Насушилось и почернело море;
 Роптали так пред небесами: Покрылись тучею тяжелой небеса;
 «О, боги! видано ль когда, Валы вздымаются и рушатся как горы;
 Чтобы ничтожное холстинное творенье Гром оглушает слух; слепит блеск молний
 Равняться в пользах нам имело взоры;
 дерзovenье? Борей ревет и рвет в лоскутья Паруса.
 Что делают они во весь наш трудный путь? Не стало их, утихла непогода;
 Лишь-только ветер станет дуть, Но что ж? Корабль без Парусов
 Они, надув спесиво грудь, Игрушкой стал и ветров, и валов,
 Как-будто важного какого сапу, И носится он в море, как колода;
 Несутся гоголем по Океану, А в первой встрече со врагом,
 И только чванятся; а мы — громим в боях! Который вдоль его всем бортом страшно
 Не нами ль царствует корабль наш на грянул,
 морях! Корабль мой недвижим: стал скоро
 Не мы ль несем с собой повсюду смерть и решетом,
 страх? И с Пушками, как ключ, он ко дну канул.
 Нет, не хотим жить боле с Парусами; Держава всякая сильна,
 Со всеми мы без них управимся и сами; Когда устроены в ней все премудро части:
 Лети же, помоги, могущий нам Борей, ² Оружием — врагам она грозна,
 И изорви в клочки их по-скорей!» А паруса — гражданские в ней власти.

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел,
 И так себя, казалось, смирно вел,
 Что мужику нельзя им было нахвалиться;
 А чтобы он в лесу пропасть не мог —
 На шею прицепил мужик ему звонок:
 Надулся мой Осел: стал важничать,
 гордиться
 (Про ордена, конечно, он слышал),
 И думает, теперь большой он барин стал;
 Но вышел новый чин Ослу, бедняжке,
 соком
 (То может не одним Ослам служить уроком).
 И кости у Осла остались лишь, да кожа.
 Сказать вам должно наперед:
 В Осле не много чести было;
 Но до звонка ему все счастливо сходило:
 И у людей в чинах
 С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
 То плут не так еще приметен;
 Но важный чин на плуте, как звонок:
 Звук от него и громок, и далек.

¹ В изд. 1843 г. — «портов», что не подходит по смыслу.

² Северный ветер.

14

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
 Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих
 наполнить; И нищему не то, чтоб пить иль наедаться,—
 Нет, этаких людей не худо имя помнить. Дай бог, здоровому с двора убраться.
 На богача кричат со всех сторон Меж-тем Мирон пошел едва не во святых.
 Соседи; а едва-ль соседи и не правы, Все говорят: «Нельзя Миرونу надивиться;
 Что будто у него в шкатулке миллион — Жаль только, что собак таких он держит
 А бедным никогда не даст копейки он. злых,
 Кому не хочется нажать хорошей славы? И трудно до него добиться:
 Чтоб толкам о себе другой дать оборот, А то он рад последним поделиться.»
 Мирон мой распустил в народ,
 Что нищих впредь кормить он будет
 по субботам. Видать случалось часто мне,
 И подлинно, кто ни придет к воротам— Как доступ не легок в высокие палаты;
 Они не заперты никак. Да только всё собаки виноваты —
 «Ахти!» подумают: «бедняжка разорился!» Мироны ж самп встороне.¹

15

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

Лиса Крестьянину однажды говорила: А ведь из всех зверей
 «Скажи, кум милый мой, Едва-ль она не всех глупей.»
 Чем лошадь от тебя так дружбу заслужила, — «Эх, кумушка, не в разуме тут сила!»
 Что, вижу я, она всегда с тобой? Крестьянин отвечал: «Все это суета.
 В довольстве держишь ты ее и в холе; Цель у меня совсем не та:
 В дорогу ль — с нею ты, и часто с нею Мне нужно, чтоб она меня возила,
 в поле; Да чтобы слушалась кнута.»

16

СОБАКА И ЛОШАДЬ

У одного крестьянина служба, Ни днем, ни ночью я не ведаю покою:
 Собака с Лошадью считается как-то стали. Днем стадо под моим надзором на лугу;
 «Вот,» говорит Барбос: «большая госпожа! А ночью дом я стерегу.»
 По-мне хоть бы тебя совсем с двора согнали. — «Конечно,» Лошадь отвечала:
 Велика вещь возить или пахать! «Твоя правдива речь;
 Об удалстве твоём другого не слышать; Однако же, когда б я не пахала,
 И можно ли тебе равняться в чем со мною? То нечего б тебе здесь было и стеречь.»

17

ФИЛИН И ОСЕЛ

Слепой Осел в лесу с дороги сбился И зрячему бы тут не выйти из хлопот;
 (Он в дальний путь-было пустился). Но Филин в близости, по счастью, случился,
 Но к-ночи в чащу так забрел мой сумасброд,
 Что двинуться не мог ни взад он, ни
 вперед, ¹ В рукописи (Публ. Библ.): «Мироны ж сами — в стороне».

И взялся быть Ослу проводником.
 Все знают, Филины как ночью зорки:
 Стремнины, рвы, бугры, пригорки,
 Все это различал мой Филин будто
 И к-утру выбрался на ровный путь
 с Ослом.
 Ну, как с проводником таким расстаться?
 Вот просит Филина Осел, чтоб с ним
 И вздумал изойти он с Филином весь свет.
 Мой Филин господином

Уселся на хребте Ослином,
 И стали путь держать; счастливо ль только?
 Нет:
 Лишь солнце на небе поутру заиграло,
 У Филина в глазах темнее ночи стало.
 Однако ж Филин мой упрям;
 Ослу советует и вкось и впрям —
 «Остерегись!» кричит: «направо будем
 в луже.»
 Но лужи не было, а влево вышло хуже.
 «Еще левой возьми, еще левее шаг!»
 И — бух Осел, и с Филином, в овраг.

18

ЗМЕЯ

Змея Юпитера просила,
 Чтоб голос дать ей соловья.
 «А то уж.» гворит: «мне жизнь моя постыла.
 Куда ни покажуся я,
 То все меня дичатся,
 Кто по-слабей;
 А кто меня сильней,
 Дай бог от тех живой убраться.
 Нет, жизни этакой я боле не снесу;
 А если б соловьем запела я в лесу,
 То, возбуда бы удивленье,
 Снискала бы любовь п, может-быть,
 почтенье,
 И стала бы душой веселых я бесед.»
 Исполнил Юпитер Змея прошение;
 Шипенья гнусного пропал у ней и след.

На дерево вползая, Змея на нем засела,
 Прекрасным соловьем Змея моя запела,
 И стая, было, птиц отвсюду к ней подсела;
 Но, возряся в певца, все с дерева дождем.
 Кому понравится такой прием?
 «Ужли вам голос мой противен?»
 В досаде говорит Змея.
 — «Нет», отвечал скворец: «он звучен,
 дивен,
 Поешь, конечно, ты, не хуже соловья;
 Но, признаюсь, в нас сердце задрожало,
 Когда увидели твое мы жало:
 Нам страшно вместе быть с тобой.
 Итак, скажу тебе, не для досады:
 Твоих мы песен слушать рады —
 Да только ты от нас по-дале пой.»

19

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
 Не в гости, но живот спасая;
 За шкуру он свою дрожал:
 Охотники за ним гнались и гончих стая.
 Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота —
 Да то лишь горе,
 Что все ворота на запоре.
 Вот видит Волк мой, на заборе
 Кота,
 И молит: «Васенька, мой друг! скажи
 скорее,
 Кто здесь из мужичков добрее,
 Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?

Ты слышишь лай собак и страшный звук
 рогов!
 Все это ведь за мной.» — «Проси скорей
 Степана;
 Мужик предобрый он.» Кот-Васька говорит.
 — «То так; да у него я ободрал барана.»
 — «Ну, попытайся ж у Демьяна.»
 — «Боюсь, что на меня и он сердит:
 Я у него унес козленка.»
 — «Беги ж, вон там живет Трофим.»
 — «К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться
 я с ним:
 Он на меня с-весны грозитися за ягненка!»

— «Ну, плохо ж! — Но, авось тебя укроет
Клим!» «Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
— «Ох, Вася, у него зарезал я теленка!» Нет, в наших мужичках не столько мало
— «Что вижу, кум! Ты всем в деревне толку,
насолил!» Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, — сам себя вини:
Сказал тут Васька Волку: Что ты посеял — то и жни.»

20

ЛЕЩО

В саду у барина в пруде,
В прекрасной ключевой воде
Лещи водились.
«Помилуй, что ты затеваешь?
Какого ждать от щук добра:
Ведь не останется Лещей здесь ни пера.
Иль жадности ты щук не знаешь?»
Станицами они у берегу резвились,
И золотые дни, казалось, им катились.
— «Не трать своих речей.»
Как-вдруг Боярин отвечал с улыбкою: «все знаю:
К ним барин напустить велел с полсотни щук. Да только ведать я желаю,
«Помилуй!» говорит его, то слыша, друг: С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

21

ВОДОПАД И РУЧЕЙ

Кипящий Водопад, свергаясь со скал,
Целебному ключу с надменностью сказал
(Который под горой едва-лишь был
приметен,
К тебе зачем идут?» — «Лечиться,»
Но силой славился лечебною своею): Смиренно прожурчал Ручей.
«Не странно ль это? Ты так мал, водой так беден,

22

ЛЕВ

Когда уж Лев стал хил и стар,
То жесткая ему постеля надоела:
В ней больно и костям; она ж его не грела.
И вот сзывает он к себе своих бояр,
И говорит: «Друзья! для старика,
Постель моя уж через-чур жестка:
Мне шерсти пособрать,
Чтоб не на голых камнях спать.»
«Светлейший Лев!» ответствуют
вельможи: «Кто станет для тебя жалеть своей,
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у нас мохнатых здесь зверей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не плотят дани;
Набрать с них шерсти по-скорей:
От этого их не убудет;
Напротив, им же легче будет.»
И тотчас выполнен совет премудрый сей.
Лев не нахвалится усердием друзей;
Но в чем же то они усердие явили?
Тем, что бедняжек захватили
И до-чиста обрили;
А сами вдвое хоть богаче шерстью были—
Не поступились своим ни волоском;
Напротив, всяк из них, кто близко тут случился,
Из той же дани поживился —
И на-зиму себе запасаю тюфяком.

ТРИ МУЖИКА

Три Мужика зашли в деревню ночевать. — «Какой набор?» — «Да так. Есть слух— война с Китаем: Здесь, в Питере, они извозом промышляли; Поработали, погуляли, Наш Батюшка велел взять дань И путь теперь домой на родину держали. с Китайцев чаем.» А так как Мужичок не любит тощий спать, Тут двое принялись судить и рассуждать То ужинать себе спросили гости наши. (Они же грамоте, к-несчастью, знали: Газеты и, под-час, реляции читали), Поставили пустых им чашку щей на стол, Как быть войне, кому повелевать. Пустились мои ребята в разговоры, Да хлеба подали, да, что осталось, каши. Пошли догадки, толки, споры; Не то бы в Питере, — да не о том уж речь; А наш того, лукавец, и хотел: Всё лучше, чем голодным лечь. Пока они судили, да рядили, Вот Мужички перекрестились Да войска разводили, И к чаше приютились. Он ни гугу — и щи и кашу, все приел. Как тут один, по-сметливей из них, Иному, до чего нет дела, Увидя, что всего немного для троих, О том толкует он охотнее всего, Смекнул, как делом тем поправить (Где силой взять нельзя, там надо полукавить). Что будет с Индией, когда и от чего, Так ясно для него; «Ребята,» говорит: «вы знаете Фому, А поглядишь — у самого Ведь в нынешний набор забреют лоб ему.» Деревня между глаз сторела.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

ПАСТУХ

У Саввы, Пастуха (он барских пас овец), Но отчего ж у Саввушки в печи Вдруг убывать овечки стали. То щи с бараниной, то бок бараний с кашей? Наш молодец (Из поваренков, за грехи, В кручине и печали: В деревню он был сослан в пастухи: Всем плачется и распускает толк, Так кухня у него немножко схожа с нашей). Что страшный показался волк, За волком поиски; клянет его весь свет; Что начал он овец таскать из стада, И беспощадно их дерёт. Обшарили весь лес — а волка следу нет. Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава, «И не диковина,» твердит народ: «Какая от волков овцам пощада!» Вот волка стали стеречи. А ест овец-то — Савва.

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном Помещичьих хором, На Белку в колесе зевал он и дивился. Народ толпился. Вблизи с березы ей дивился тоже дрозд: Так бегала она, что лапки лишь мелькали

И раздувался пышный хвост.
 — «Землячка старая,» спросил тут дрозд:
     «нельзя ли
 Сказать, что делаешь ты здесь?»
 — «Ох, милый друг! тружусь день весь:
 Я по делам гонцом у барина большого;
 Ну, некогда ни пить, ни есть,
 Ни даже духу перевести.»
 И Белка в колесе бежать пустилась
     снова.

— «Да,» улета, дрозд сказал: «то ясно
     мне,
 Что ты бежишь — а всё на том же ты
     окне.»

Посмотришь на дельца иного:
 Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
 Он, кажется, из кожи рвется,
 Да только всё вперед не подается,
 Как Белка в колесе.

3

МЫШИ

«Сестрица! знаешь ли, беда!»
 На корабле Мышь Мыши говорила:
 «Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
     Чуть не хватила
 До самого мне рыла.»
 (А правда, так она лишь лапки замочила).
 «И что диковинки — наш капитан
     Или с-похмеля, или пьян.
 Матросы все, один ленивее другого;
 Ну, словом, нет порядку никакого.
 Сейчас кричала я во весь народ,
 Что кд-дну наш корабль идет:
 Куда! — Никто и ухом не ведет,
 Как-будто б ложные я распускала вести;
 А ясно — только в трюм лишь стóит
     заглянуть,

Что кораблю часа не дотянуть.
 Сестрица! неужли нам гибнуть с ними
     вместе!
 Пойдем же, кинемся, скорее, с корабля;
     Авось не далеко земля!»
 Тут в Океан мой затейницы прыгнули
     И — утонули;
 А наш корабль, рукой искусною водим,
 Достигнул пристани, и цел и невредим.

Теперь пойдут вопросы:
 А что же, капитан и течь, и что матросы?
     Течь слабая, и та
     В-минуту унята;
 А остальное — клевета.

4

ЛИСА

Зимой, ранёхонько, близ жила
 Лиса у проруби пила в большой мороз.
 Меж-тем, оплошность ли, судьба ль
     (не в этом сила),
 Но, кончик хвостика Лисица замочила,
 И ко льду он примерз.
 Беда не велика, легко б ее поправить:
 Рвануться только по-сильней
 И волосков хотя десятка два оставить,
 Но до людей
 Домой убраться по-скорей.
 Да как испортить хвост? А хвост такой
     пушистый,
 Раскидистый и золотистый!
 Нет, лучше подождать — ведь спит еще
     народ;

А между-тем, авось, и оттепель придет,
 Так хвост от проруби оттает.
 Вот ждет пождет, а хвост лишь боле
     примерзает.
 Глядит — и день светает,¹
 Народ шевелится, и слышны голоса.
 Тут, бедная моя Лиса
     Туда-сюда метаться;
 Но уж от проруби не может оторваться.
 По счастью, Волк бежит. — «Друг милый!
     кум! отец!»
 Кричит Лиса: «спаси! Пришел совсем
     конец!» —

¹ В изд. В. В. Каллаша: «сверкает», отлично от изд. 1843 г. других изданий и рукописи.

Вот кум остановился —
И в спасенье Лисы вступился.
Прием его был очень прост:
Он на-чисто отгрыз ей хвост.
Тут, без хвоста, домой моя пустилась дура.

Уж рада, что на ней цела осталась шкура.
Мне кажется, что смысл не тѣмен басни сей.
Щепотки волосков Лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

5

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,
Правительство зверей благие меры взяло,
Вступиться в спасенье Овец, —
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были
Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких волков, и многократ:
Примеры эти не забыты, —
Которые ходили близко стад
Смирнѣхонько — когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот, заседание в глухом лесу открыли;

Судили, думали, рядили
И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как-скоро Волк у стада забуянит,
И обижать он Овцу станет:
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот, и в суд тотчас
представить,
В соседний лес иль бор.»
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до-этих-пор —
Хоть говорят: Волкам и не спускают —
Что будь Овца ответчик иль истец:
А только Волки всё-таки Овец
В леса таскают.

6

КРЕСТЬЯНИН И СОБАКА

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточного дома
Собака нанялась и двор стеречь,
И хлебы печь
И, сверх-того, полоть и поливать россаду —
Какой же выдумал он вздор,
Читатель говорит — тут нет ни складу,
Ни ладу.
Пускай бы стеречи уж двор;
Да видано ль, чтоб где собаки хлеб пекали,
Или россаду поливали?
Читатель! я бы был не прав кругом,
Когда сказал бы да—да дело здесь не в том,
А в том, что наш Барбос за все за это
взялся,
И вымолвил себе он плату за трюх:

Барбосу хорошо: что нужды до других.
Хозяин между-тем на ярмарку собрался,
Поехал, погулял — приехал и назад,
Посмотрит — жизни стал не рад
И рвет и мечет он с досады:
Ни хлеба дома, ни россады,
А сверх-того к нему на двор
Залез и клеть его обкрал на-чисто вор.
Вот на Барбоса тут посыпалось руганье;
Но у него на все готово оправданье;
Он за россадою печь хлеб никак не мог,
Россадник оттого лишь-только не удался,
Что сторожѣ вокруг двора он стал без ног;
А вора он затем не устерег,
Что хлебы печь тогда сбирался.

7

ДВА МАЛЬЧИКА

«Сенюша, знаешь ли, покаместь, как
баранов Пыхтел, весь потом обливался,
И Феде, наконец, вскарабкаться помог.
Взобрался Федя на приволье:
Как мышка в закроме, вверху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съесть, —
Не перечесть!
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Найдется чем и поживиться
Тебе, ни мне туда не взлезть,
И с другом поделиться.
И нам каштанов тех не есть!»
Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
Он, бедный, на низу облизывал лишь
— «И, милой, да на что ж догадка!
Губки;
Где силой взять нельзя, там надобна
ухватка. Федюша сам вверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.
Я все придумал: погоди!
На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудрится,
И до-сыта каштанов наедимся.»
Вот к дереву друзья со всех несутся ног.
Видал Федюш на свете я, —
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
А после уж от них — скорлупки не видали!

8

РАЗБОЙНИК И ИЗВОЩИК

В кустарнике залегши у дороги,
Злодея встретил мостовиной,
Разбойник под-вечер добычи нажидал,
Стал за добро свое горой,
И, как медведь голодный из берлоги,
И моему герою
Угрюмо даль он озирает.
Пришлось брать поживу с бою —
Посмотрит, грузный воз катит как вал.
И долго и жесток был бой на этот раз.
«О, го!» Разбойник мой тут шепчет: — «знать
Разбойник с дюжины зубов не досчитался,
с товаром Да перешиблена рука, да выбит глаз;
На ярмарку; чай все сукно, камки, парчи.
Но победителем однакож он остался,
Кручина, не зевай — тут будет на харчи:
Убил Извощика злодей.
Не пропадет сегодня день мой даром.»
Убил — и к добыче скорей.
Меж-тем подъехал воз — кричит
Что ж он завоевал? — Воз целый пузырей!
Разбойник: «стой!»
И на Извощика бросается с дубиной;
Как много из пустого
На лих схватился он не с олухом-детиною:
На свете делают преступного и злого.
Извощик малый-удалой;

9

ЛЕВ И МЫШЬ

У Льва просила Мышь смиренно
Хоть в силе Льву никто не равен,
позволения, И рев один его на всех наводит страх;
По-близости его в дупле завести селенье,
Но будущее кто угадывать возьмется —
И так примолвила: «хотя-де здесь, в лесах,
Как знать? кому в ком нужда доведется?
Ты и могуч и славен;
И как я ни мала кажусь,

А, может-быть, под-час тебе и пригожусь.»
 — «Ты!» вскрикнул Лев: — «Ты, жалкое
 создание!

За эти дерзкие слова
 Ты стоишь смерти в наказанье,
 Прочь, прочь отсель, пока жива —
 Иль твоего не будет праху.»
 Тут Мышка бедная, не вспомняся от страху,
 Со всех пустилась ног — простыл ее и

след.
 Льву даром не прошла однако ж гордость
 эта:

Отправяся искать добычи на обед,
 Попался он в тенета.

Без пользы сила в нем, напрасен рев и стон,
 Как он ни рвался, ни метался,
 Но всё добычею охотника остался,
 И в клетке на-показ народу увезён.
 Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
 Что бы помочь она ему сумела,
 Что сеть бы от ее зубов не уцелела
 И что его своя кичливость съела.

Читатель — истину любя,
 Примолвлю к басне я, и то не от себя —
 Не ид-пусту в народе говорится:
 Не плюй в колодезь, пригодится
 Воды напиться.

10

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко,
 важно!»
 — «А ты, Кукушечка, мой свет,
 Как тянешь плавно и протяжно:
 Во всем лесу у нас такой певички нет!»
 — «Тебя, мой куманёк, век слушать я
 готова».

— «А ты, красавица, божусь,
 Лишь-только замолчишь, то жду я, не
 дождусь,

Чтоб начала ты снова...
 Отколь такой берется голосок?
 И чист, и нежен, и высок!..

Да вы уж родом так: собою не велички,
 А песни, что твой соловей!»
 «Спасибо, кум; зато, по совести моей,
 Поешь ты лучше райской птички.
 На всех ссылаюсь в этом я.»

Тут Воробей, случась, примолвил им:
 «Друзья,
 Хоть вы, охрипните, хваля друг дружку!
 Всё ваша музыка плоха!...»

За что же, не боясь греха,
 Кукушка хвалит Петуха?
 За то, что хвалит он Кукушку.

11

ВЕЛЬМОЖА

Какой то, в древности, Вельможа
 С богато-убранного ложа
 Отправился в страну, где царствует
 Плутон¹.

Сказать простее, — умер он;
 И, так, как встарь велось, в аду на суд явился.
 Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где
 родился?»

«Родился в Персии, а чином был сатрап;²
 Но, так-как, живучи, я был здоровьем слаб,
 То сам я областью не правил,
 А все дела секретарю оставил.»

— «Что ж делал ты?» — «Шил, ел и спал,
 Да все подписывал, что он ни подавал.»
 — «Скорей же в рай его!» — «Как! где же
 справедливость?»

Меркурий³ тут вскричал, забывши всю
 учтивость.

— «Эх, братец!» отвечал Эак:⁴
 Не знаешь дела ты никак,
 Не видишь, разве, ты? Покойник — был
 дурак!

Что, если бы с такою властью
 Взялся он за дела, к-несчастью?
 Ведь погубил бы целый край!..
 И ты б там слез не обобрался!
 Затем-то и попал он в рай,
 Что за дела не принимался.

Вчера я был в суде и видел там судью:
 Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

¹ Бог Аида, царства теней.

² Правитель области.

³ Бог торговли и покровитель воров, проводник
 в Аид.

⁴ Адский судья.

ОСТАЛЬНЫЕ БАСНИ И ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

БАСНИ

1

ПАВЛИН И СОЛОВЕЙ

Невежда в физике, а в музыке знаток,
Услышал соловья, поющего на ветке,
И хочется ему иметь такого в клетке.

Приехав в городок,
Он говорит: хотя я птицы той не знаю

И не видал,
Которой пением я мысли восхищал,
Которую иметь я столь желаю;
Но в птичьем здесь ряду,

Конечно, много птиц найду.

Наполняясь мыслию такою,
Чтоб выбрать птиц на взгляд,
Пришел боярин мой во птичий ряд,
С набитым кошельком, с пустою головою.
Павлина видит он, и видит соловья,
И говорит купцу: не ошибаюсь я,
Вот мной желанная прелестная певица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо петь;
Купец, мой друг! скажи, что стоит эта птица?

Купец ему в ответ:
«От птицы сей, сударь, хороших песней нет;
Возьмите соловья, сидяща близ павлина,

Когда вам надобно хорошего певца,
Не мало то дивит невежду Господина,
И, быть бояся он обманут от купца,
Прекрасна соловья негодной птицей числит,

И мыслит:
Та птица перьями и телом так мала,
Не можно, чтоб она певицею была.»
Купив павлина, он покупкой веселится,
И мыслит пением павлина насладиться.

Летит домой,
И гостье сей отвел решетчатый покой;
А гостейка ему за выборы в награду,
Пропела кошкою разов десяток сряду,
Мяуканьем своим невежде давши знать,
Что глупо голоса по перьям выбирать.
Подобно, как и сей боярин заключая,
Различность разумов пристрастно
различая,
Не редко жалуем того мы в дураки,
Кто платьем небогат, не пышен волосами;
Кто не обнизан вокруг перетнями и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

2

ЛЕВ И ЧЕЛОВЕК

Быть сильным хорошо, быть умным лучше
вдвое.

Кто веры этому немет,
Тот ясной здесь пример найдет,
Что сила без ума сокровище плохое.

Раскинувши тенета меж дерев,
Ловец добычи дожидался:
Но как то, оплошав, сам в лапы льву
попался.

«Умри, презрена тварь!» взревел
свирепый лев,
Разинув на него свой зев. —

«Посмотрим, где твои права, где сила,
твердость,

По коим ты в тщеславии своем
Всей твари, даже льва, быть хвалишься
царем,

И у меня в когтях мы разберем,
Сразмерна ль с крепостью своей такая
гордость!»

— «Не сила — разум нам над вами верх
дает.»

Был человека льву ответ: —
«И я хвалиться смею,
Что я с умением то препятство одолею,

От коего и с силой, может быть,
 Ты должен будешь отступить.»
 — «О вашем хвастовстве устал я сказки
 слушать.»
 — «Не в сказках доказать, я делом то могу;
 А, впрочем, ежели солгу,
 То ты еще меня и после можешь скушать.
 Вот посмотри: между деревьев сих,
 Трудов моих
 Раскинуту ты видишь паутину.
 Кто лучше сквозь нее из нас пройдет?
 Коль хочешь, я пролезу наперед;
 А там посмотрим, как и с силой в свой
 черед
 Проскочишь ты ко мне на половину.
 Ты видишь: эта сеть не каменна стена;

Малейшим ветерком колеблется она;
 Однако, с силою одною,
 Ты прямо сквозь нее едва ль пройдешь
 за мною.»
 С презрением тенега обозрев,
 «Ступай туда.» сказал надменно лев:—
 «Вмиг буду я к тебе дорогою прямою.»
 Тут мой ловец, не тратя лишних слов,
 Нырнул под сеть, и льва принять готов.
 Как из лука стрела, лев вслед за ним
 пустился;
 Но лев подныривать под сети не учился:
 Он в сеть ударился, но сети не прошиб —
 Запутался (ловец тут кончил спор и дело)—
 Искусство силу одолело,
 И бедной лев погиб.

3

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых не взлюбил овец.
 Их просто бы ему перевести не трудно;
 Но это было бы несправедливо:
 Он не на то в лесах носил венец,
 Чтоб подданных душисть, но им давать
 расправу;
 А видеть пеструю овцу терпенья нет!
 Как сбыть их и сбересть свою на свете
 славу?

И вот к себе зовет
 Медведя он с лисою на совет,
 И им за тайну открывает,
 Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
 Глазами целый день страдает,
 И что придет ему совсем лишиться глаз,
 И, как такой беде помочь, совсем не знает.
 «Всесильный лев!» — сказал, насуляся,
 медведь: —

«На что тут много разговоров?
 Вели без дальних сборов
 Овец передушить. — Кому о них жалеть?»
 Лиса, увидевши, что лев нахмурил брови,

Смирненно говорит: — «О, царь! наш добрый
 царь!
 Ты, верно, запретишь гнать эту бедную
 тварь

И не прольешь невинной крови.
 Осмелюсь я совет иной произнести:
 Дай повеленье ты луга им отвести,
 Где б был обильный корм для маток,
 И где бы поскакать, нобегать для ягнят;
 А так как в пастухах у нас здесь
 недостаток,

То прикажи овец волкам пасти.
 Не знаю, как то мне сдается,
 Что род их сам собой переведется.
 А между тем пускай блаженствуют оне;
 И что б ни сделалось, ты будешь в стороне.»
 Лисицы мнение в совете силу взяло,
 И так удачно в ход пошло, что, наконец,
 Не только пестрых там овец —
 И гладких стало мало.

Какие ж у зверей пошли на это толки?
 Что лев бы и хорой, да все злодеи волки

4

ПИР

В голодной год, чтобы утешить мир,
 Затеял лев богатой пир.
 Разосланы гонцы и скороходы,
 Зовут гостей:

Зверей
 И малой и большой породы.
 На зов со всех сторон стекаются ко льву.
 Как отказать такому зву?

Пир дело доброе и не в голодные годы.
Вот пришлелись туда ж сурок, лиса и крот,

Да только часом опоздали,
И за столом гостей застали.

У кумушки лисы хлопот
На ту беду случился полон рот;
Сурок прохолодился, промылся,
А крот с дороги сбился.

Однакож натошак никто домой нейдет,
И, место подле льва увидевши пустое,
Все на него хотят продраться трое.

«Послушайте, друзья!» сказал им барс:
«То место широко, да только не про вас.
Тут придет слон и вас сойти заставит,
Иль хуже: вас он передавит.

И так,
Когда не хочется домой вам натошак,
Так оставайтесь у порогу:

Вы сыты будете — и это слава богу. —
Места не ваши впереди:

Их берегут зверям лишь крупного покроя;
А кто из мелочи не хочет кушать стоя,
Тот дома у себя сиди.»

6

СТЫДЛИВОЙ ИГРОК

Случилось некогда мне быть в шумливом мире;
Сказать ясней, мне быть случилось

в трактире;
Хотя немного там увидеть лъзя добра,
Однако ж тут велась изрядная игра.

Из всех других по удалее,
Один был рослой удалец,
Беспутства был он образец

И карты ставил он и гнул смелее;
И вдруг

Спустил все деньги с рук.

Спустил, а на кредит никто ему не верит,
Хоть кажется в божбе Герой не лицемерит.
Озлился мой болван

И карту с транспортом поставил на кафтан.
Гляжу чрез час, Герой остался мой в камзоле,

Как пень на чистом поле;
Тогда к нему пришел
От батюшки посол,

И говорит: отец совсем твой умирает,
С тобой проститься он желает,
И приказал к себе просить.

Скажи ему, сказал мой фаяля,¹
Что здесь бубновая сразила меня краля;
Так он ко мне сам может быть.

Ему сюда придти ни мало не обидно;
А мне по улице идти без сапогов,
Без платья, шляпы и чулков,
Ужасно стыдно.

6

СУДЬБА ИГРОКОВ

Вчераш приятеля в карете видел я;

Бедняк приятель мой, я очень удивился,
Чем столько он разжился?

А он поведал мне всю правду, не тая,
Что картами себе имение он доставил,

И выше всех наук игру картежную ставил.
Сегодня же пешком попался мне мой друг.
Конечно, я сказал, спустил уж все ты с рук?

А он, как философ, гласил в своем ответе:
Ты знаешь, колесом вертится все на свете.

7

НЕ ВО ВРЕМЯ ГОСТИ

У Рифмократа
Случилась гостей полна палата;
Но он, имея много дум,
На прозе и стихах помешанный свой ум,

И быв душой немного болел,
Гостями не очень был доволен,

¹ Простак.

И спрашивал меня, как горю пособить,
 Чтоб их скорее проводить:
 Сбеситься надобно, коль дома их оставить,
 А честно их нельзя отправить

Из дому вон.
 Но только стал свою читать он оду,
 Не стало вдруг народу,
 И при втором стихе один остался он.

8

ШУТОЧНЫЕ БАСНИ В ПРИЮТИНЕ

I

ПАУК И ГРОМ

Перед окном
 Был дом,
 Ударил гром,
 И со стены паук
 Вдруг стук.
 Упал, лежит,
 Разинул рот, оскалил зубы
 И шепотом сквозь губы
 Вот что кричит:
 «Когда б ослом
 Я создан был Зевесом,
 Ходил бы лесом,
 Меня бы гром,
 Тряся окном
 И дом,
 С стены не мог стряхнуть.»

Нас чаще с высоты стараются сопхнуть.

II

ОСЕЛ И ЗАЯЦ

Осел не птица.
 Он не горазд летать,
 Однако ж для него не в первой раз
 Мычать хвастать.
 И род зверей все уверять,
 Что молодец и он летать,
 Что он под облака взовьется, как синица,
 Или цаплица

Орлица.

А заяц тут: «ну, ну-тка, полети!
 Ах, ты косой трусиха!»
 Осел рычит: «летаю, как орлиха,
 Но не хочу!» — «Пожалуй, захоти!»
 Так мудро заяц отвечает,
 Осел бежит, скакает,
 И в яму — хлоп!
 Не суйся в ризы, коль не поп!

III

КОМАР И ВОЛК.

Комар
 Жил у татар
 Иль у казар.
 Вдруг волк
 К ним в двери толк.
 Давай кричать
 И комара кусать.
 Комар испугался,
 На печку забрался.
 Тут волк ему:
 «С печи тебя стяну!»
 А тот: «нет не достанешь,
 Устанешь,
 Отстанешь!»
 А волк
 Вдруг скок
 К нему тут на полати,
 Да вот его и проглотил,
 А сам таков и был.
 И мне пришлось сказать тут кстати,
 Что сильный слабого недавно погубил.

II

Любви Марбёфовой с Летицией приплод, Кутузовым сменить благоволил Барклая,
 Досель был Герострат,¹ стал ныне скороход, А чтобы русской — нос не слишком
 С тех пор, как русскую страну господь поднимал,
 спасаая, Бог Адмирала дал.

5

ЭПИТАФИИ

I

Под камнем сим лежит прегнусной Все состоянни расстроил, разорил,
 корсиканец,² А, наконец, и сам для смертных всех
 Враг человечества, враг бога, самозванец, в отраду
 Которой кровию полсвета обагрив, Открыл себе он путь через Россию к аду.

II

Французской маршал Ней И прежде был Можайск отличен
 В Можайске принцем возвеличен. Породою свиней.

6

Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ³

За милую прелестну кружку, И так люблю,
 Которой отвожу свою от жажды душку, Как маленькой дитя игрушку.
 С которой только что не сплю

7

П. Н. ЛЬВОВОЙ

Счастливы басенки мои в руках твоих! Улыбкою своей ты скрадь их недостатки:
 Люби и жалуй их — И слабые стихи в устах красавиц сладки —
 И, если иногда стихи мои не гладки, Так мил нам на груди у них простой
 Читая их в кругу друзей под вечерок, цветок.

8

ЭПИГРАММА⁴

Полезен ли другим о басне сей урок —
 Не знаю, а творцу бедняжке он не в прок!

9

ЭПИГРАММА РЕЦЕНЗЕНТУ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Напрасно говорят, что критика легка. Хоть у меня довольно силы,
 Я критику читал «Руслана и Людмилы»: Но для меня она ужасно как тяжка!

¹ Ради славы Герострат сжег храм Дианы Эфесской.

² Наполеон.

³ При поднесении ей экземпляра басен.

⁴ На гр. Д. И. Хвостова.

10

ЭПИГРАФИЯ

Как утром на цветах весенняя роса,
Едва она на сей земле блеснула,

С улыбкою на здешний мир взглянула
И вознеслась к себе на небеса.

11

ЭПИГРАММА

Ест Федька с водкой редьку,
Ест водка с редькой Федьку.

12

ЭПИГРАММА

Мой друг, когда бы был ты бог,
Ты б глупости такой сказать не мог!

13

НА ПЕРЕВОД «АЛЬЗИРЫ»

Как Карабанов взял «Альзиру» перевесть,
И в аде слух о том промчался,
Тогда Вольтер, вздохнув, признался,
Что точно грешникам по смерти мука есть!

14

ЭПИГРАММА¹

«Ты ль это, Буало?... Какой смешной — «Молчи! нарочно я Графовым нарядился:
наряд! Сбираюсь в маскарад.»
Тебя узнать нельзя: совсем переменялся!»

15

ЭПИГРАММА

Федул твердит, что Фока плут,
Его позорит и ругает;

Но я не вижу толку тут:
Кто уголь сажею марает.

¹ На перевод поэмы: L'art poétique.

16

ШУТОЧНЫЕ ЭПИТАФИИ

I

Игнашку чтоб зарыть, немного хлопотали, И чтобы знали все, кого сразил здесь рок,
Покрыли фартухом и пудрой заметали, То в кучу пудрину воткнули гребешок.

II

ОБЩАЯ НАДГРОБНАЯ

Прохожий, посмотри: вот у сего пригорка
Ленивец * схоронен, а подле ** Тараторка.

III

Здесь бедная на-век сокрыта Тараторка —
Скончалась от насморка!

IV

Для доброго Крылова, И снизу положить, не сверху, монумент,
Потребен камень нам не менее Петрова,¹ Но ах, Кулибина² уж нет!

17

ПОСЛАНИЕ О ПОЛЬЗЕ СТРАСТЕЙ

Почто, мой друг, кричишь ты так на страсти
И ставишь их виной всех наших зол?
Поверь, что нам не сделают напасти
Любовь, вино, гульба и вкусный стол.
Пусть мудрецы, нахмуря смуры брови,
Журят весь мир, кладут посты на всех,
Бранят вино, улыбку ставят в грех
И бунт хотят поднять против любви:
Они страстей не знают всей цены,
Они вещам дать силы не умеют;
Хотя твердят, что вещи все равны,
Но воду пьют, а пива пить не смеют.
По их словам, полезен ум один;
Против него все вещи в мире низки;
Он должен быть наш полный властелин;
Ему лишь в честь венцы иobeliski.
Он кажет нам премудрые пути:
Спать на жестке, не морщась пить из лужи,
Не преть в жары, не мерзнуть век от стужи
И, словом, быть бесплотным во плоти,
Чтоб, навсегда расставшись с заблуждением,
Презря сей мир, шитаться — рассуждением.

Но что в уме на свете без страстей?
Природа здесь для нас, ее гостей,
В садах своих стол пышный, вкусный ставит,
Для нас в земле серебро и золото плавит;
А мудрость нам, нахмуря бровь, поет,
Что здесь во всем для наших душ отравя,
Что наши все лишь в том здесь только права,
Чтоб нам на все смотреть, разинув рот.
На что ж так мир богат и разнообразен?
И для того ль везде природа льет
Обилие, чтоб только делать вред?
Величеству ее сей суд обиден.
Поверь, мой друг, весь этот мудрый шум
Между людей с досады сделал ум,
И если б мы ему дались на волю,
Терпели бы с зверями равну долю,
Не смели бы возвесть на небо взор,
Питались бы кореньями сырыми,
Ходили бы нагими и босыми
И жили бы внутри глубоких нор.
Какие мы не видим перемены
В художествах, в науках, в ремеслах,
Всему виной корысть, любовь иль страх,

* И. А. Крылов.

** М. П. Сумарокова. Примеч. И. А. Крылова.

¹ Т. е. который под «Медным Всадником».² Известный изобретатель-самоучка.

А не запачканны бесстрастны Диогены ¹.
 На что б вино и ткани дальних стран?
 На что бы нам огромные палаты,
 Коль были бы, мой друг, мы все Сократы? ²
 На что бы плыть за грозный океан,
 Торговлею соединять народы?
 А если бы не плыть нам через воды,
 С Урашией ³ на что б знакомство нам?
 К чему бы нам служили все науки?
 Ужли на то, чтоб жить, поджавши руки,
 Как встарь живал наш праотец Адам?
 Под деревом в шалашике убогом
 С праматерью не пекся он о многом.
 Виньол ему не строивал палат,
 Он под ноги не слал ковров Персидских,
 Ни жемчугов не нашивал Бурмитских,
 Не иссекал он яшму иль агат
 На пышные кубки для вин превкусных;
 Не знал он резьб, альфрексов, позолот
 И по стенам не выставлял работ
 Рафаэлов и Рубенсов искусных.
 Восточных он не нашивал парчей;
 Когда к нему ночь темна приходила,
 Свечами он не заменял светила,
 Не превращал в дни ясные ночей.
 Обедывал он просто без приборов
 И не едал с фаянсов иль фарфоров.
 Когда из туч осенний дождь ливал,
 Под кожами зуб об зуб он стучал
 И, шуряся на пасмурность природы,
 Переживал конца дурной погоды,
 Иль в ближний лес, за легким тростянком,
 Ходил нагой и, верно, босиком;
 Потом, расклав хворостнику берема,
 Он сиживал с женой у огонька
 И проводил свое на свете время
 В шалашике не лучше Калмыка.
 Все для него равно на свете было,
 Ничто его на свете не манило:
 Так что ж его на свете веселило?
 А все-таки золотят этот век,
 Когда труды природы даром брали,
 Когда ее вещам цены не знали,
 Когда, как скот, так пасся человек.
 Поверь же мне, поверь, мой друг любезной,
 Что наш златой, а тот был век железной,
 И что тогда лишь люди стали жить,
 Когда стал ум страстям людей служить.
 Тогда пути небесны нам открылись,
 Художества, пауки водворились;

Тогда корысть пустилась за моря,
 И в ней весь мир избрал себе царя.
 Тщеславие родило Александров, ⁴
 Гальенов ⁵ страх, насмешливость
 Меландров, ⁶
 Среди морей явились корабли;
 Среди полей богатыри-полканы.
 Там башни вдруг, как будто великаны,
 Встряхнулись и встали из земли,
 Чтоб вдаль блистать верхами золотыми.
 Расстались с зверями люди злыми,
 И нужды, в них роями разродясь,
 Со прихотями умножили их связь:
 Солдату стал во брани нужен Кесарь,
 Больному — врач, скупому — добрый
 слесарь.

Страсть к роскоши связала крепче мир;
 С востока к нам шоль, яхонты, рубины,
 С полудня шлют сыры, закуски, вина,
 Сибирь дает меха, агат, порфир,
 Китай — чай, Левант нам кофе ставит;
 Там сахару гора чрез океан,
 В Европу мчась, валы седые давит.
 Искусников со всех мы кличем стран.
 Упомнишь ли их всех, моя ты Муза?
 Хотим ли есть? Дай повара француза.
 Британца дай нам школить лошадей.
 Женился ли, и бог дает детей?
 Им в нянюшки мы ищем Англичанку.
 Для оперы поставь нам Италичанку;
 Джонсон, ⁷ обуи; Дюфо ⁷, всчеши нам лоб;
 Умрем, и тут — дай Немца сделать гроб.
 Различных стран изделия везутся,
 Меняются, дарятся, продаются.
 Край света плыть за ними нужды нет!
 Я вкруг себя зрю вкратце целый свет.
 Тут легка шаль Персидска взор пленяет,
 И белу грудь от ветра охраняет.
 Там Англинской кареты щегольской
 Чуть слышен стук, летя по мостовой.
 Все движется и все живет меной,
 В которой нам указчик первой страсти.
 Где ни взгляну, торговлю вижу я;
 Дальнейшие знакомятся края:
 Знакомщик их — причуды, роскошь, сласти.
 Ты скажешь мне: «но редкие умы?»
 Постой! Возьмем людей великих мы:
 Что было их душою? Алчность славы
 И страсть, чтоб их делам весь ахал мир.

¹ Т. е. философы-цивико.

² Т. е. мудрецы.

³ Муза астрономии.

⁴ Т. е. завоевателей.

⁵ Врачей.

⁶ Комических писателей.

⁷ Повидимому, известные в те времена в Петербурге иностранцы — сапожник и парикмахер.

Там с Музами божественной Омпр,¹
 Гораций² там для шуток и забавы,
 Там Апеллес³ вливает душу в холст,
 Там Пракситель⁴ одушевляет камень,
 Который был нескладен, груб и толст,
 А он резцом зажег в нем жизни пламень.
 Чтоб приобрести внимание людей,
 На трех струнах поет богов Орфей,⁵
 А Диоген⁶ пагой садится в кадку.
 Не деньги им, так слава дорога,
 Но попусту — не делать ни шага
 Одну и ту ж имеют все повадку.
 У мудрецов возьми лишь славу прочь,

Скажи, что их покроет вечна ночь,
 Умолкнут все Платоны, Аристоты⁷,
 И в школах вмиг затворятся ворота.
 Но страсти им движение дают:
 Держася их, в храм славы все идут;
 Держася их, людей нередко мучат;
 Держася их, добру их много учат.
 Чтоб заключить в коротких мне словах,
 Вот что, мой друг, скажу я о страстях:
 Они ведут — науки к совершенству,
 Глушца ко злу, философа к блаженству.
 Хорош сей мир, хорош, но без страстей
 Он кораблю б был равен без снастей.

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ ЖЕЛАНИЙ

Наскуча век желаньями терзаться,
 Препятством чтя их к благу моему,
 Сжал сердце я и волю дал уму,
 Чтобы от них навеки отвязаться.
 Все суета, — так пишет Соломон;
 Хоть ныне мы учены древних стали,
 Но и они не все же вздор болтали —
 Так думал я, едва не прав ли он.
 Все суета, все вещи точно равны —
 Желанье лишь им цену наддает,
 Иль их в число дурных вещей кладет,
 Хотя одни других не боле славны.
 Чем худ кремень? чем дорог так алмаз?
 Коль скажут мне, что он блестит для глаз —
 Блестит и лед не менее под-час.
 Так скажут мне: поскольку вещи редки,
 Постольку им и цены будут едки.
 Опять не то — здесь Римска грязь редка;
 Она лишь к нам на их медалях входит;
 Но ей никто торговли не заводит,
 И Римска грязь — как наша грязь, гадка.
 Редка их грязь — но Римские антики
 Не по грязи ценю велики;
 Так, стало, тут оценщик есть другой —
 Желанье? Да, оно — никто иной,
 И, верьте мне, оценщик предупрой.
 Ему-то мы привыкнув слепо верить,
 Привыкли все его аршином мерить;
 Оно-то свет на свой рисует лад;

Оно-то есть томящий сердце яд.
 На эту мысль попав, как на булавку,
 Желаньям всем я тотчас дал отставку.
 Казалось, во мне остыла кровь:
 Прощай, чины, и слава, и любовь.
 Пленясь моих высоких дум покром,
 Все вещи я своим поставил строем,
 И мыслил так: все счастья вдальке
 Пленяют нас; вблизи все скоро скучит;
 Так все равно (не ясно ль это учит?),
 Что быть в венце, что просто в колпаке;
 Что быть творцом прекрасной Энеиды⁸,
 От нежных муз почтенье заслужить,
 Князей, царей и царства пережить;
 Что быть писцом прежалкой героиды⁹,
 Иль, сократя высоких дум расход,
 Писать слегка про свой лишь обиход;
 Что на полях трофей славны ставить,
 С Румянцевым¹⁰, с Каменским¹⁰ там греметь;
 Отнять язык у зависти уметь
 И ненависть хвалить себя заставить;
 Что, обуздав военный, пылкий дух,
 Щадя людей, бить, дома сидя, мух.
 Пускай же свет вертится так, как хочет;
 Пускай один из славы век хлопочет,
 Другой, копя с червонцами мешки,
 На ордена, на знанье не няля глаза,
 Одним куском быть хочет сыт два раза
 И прячет рай за крепкие замки:
 Все это — вздор, мечтанье, пустяки!

¹ Гомер — греческий эпический поэт.

² Римский лирик.

³ Греческий живописец.

⁴ Греческий скульптор.

⁵ Мифический поэт.

⁶ Греческий философ-циник.

⁷ Греческие мудрецы-философы.

⁸ Вергилия.

⁹ Элегия, изображающая неудовлетворенную любовь богов и героев.

¹⁰ Знаменитые полководцы XVIII в.

Не лучше ли своих нам нужд не множить,
 Спокойно жить и света не тревожить?
 Чем мене нужд, тем мене зла придет;
 Чем мене нужд, тем будет счастья боле;

А нужды все желанье нам дает.
 Так, стало, зла умалить в нашей воле.
 Так точно! ключ от рая я сыскал,
 Сказал — и вдруг желать я перестал.

Противник чувств, лишь разуму послушен,
 Ко всем вещам стал хладен, равнодушен;
 Не стало нужд; утихли страсти вдруг;
 Надежда, мой старинный, верный друг,
 В груди моей себе не видя дела,
 Другим сулить утехи полетела;
 Обнявшись с ней, ушли улыбки в след —
 И кровь моя преобразилась в лед.
 Все скучно мне и все постыло стало;
 Ничто во мне желанья не рождало.
 Без горести, без скуки я терял;
 Без радости я вновь приобретал;
 Равно встречал потери и успехи;
 Оставили меня и грусть и смехи;
 Из глаз вещей пропали дурноты,
 Но с ними их пропали красоты —
 И, тени сняв желая прочь с картины,
 Оставил я бездушный вид холстины.
 Или, ясней — принявши за закон,
 Что в старину говаривал Зенон,¹
 Не к счастью в палаты я ворвался,
 Не рай вкусил; но заживо скончался —
 И с трех зарей не чувствовать устал.
 Нет, нет! вскричал: он точно рай сыскал —
 И, что чудней, на небо не взлетая.
 А я скажу, что это мысль пустая.
 Коль это рай, так смело я стою,
 Что мы в аду, а камни все в раю.

Нет, нет, не то нам надобно блаженство;
 С желанием на свет мы рождены.
 На что же ум и чувства нам даны?

Уметь желать — вот счастья совершенство!
 К тому ль дан слух, чтобы глухими быть?
 На то ль язык, чтоб вечно быть немыми?
 На то ль глаза, чтобы не видеть ими?
 На то ль сердца, чтоб ими не любить?

Умей желать и доставай прилежно:
 С трудом всегда приятней приобрести;
 Умей труды не даром ты понести —
 Дурачество желать лишь безнадежно.
 Препятство злом напрасно мы зовем;
 Цена вещей для нас лишь только в нем:
 Препятством в нас желанье возрастает;
 Препятством вещь сильней для нас блистает.
 Нет счастья нам, коль нет к нему помех;
 Не будет сук, не будет и утех.
 Не тот счастлив, кто счастьем обладает:
 Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает.

Послушайте, я этот рай узнал:
 Я камнем стал и три дня не желал:
 Но целый век подобного покою
 Я не сравню с минутою одною,
 Когда мне, сквозь несчастья мрачных туч,
 Блистал в глаза надежды лестный луч —
 Когда, любя прекрасную Анюту,
 Меж страхами и меж надежды жил.
 Ах, если б лъзя, я б веком заплатил
 Надежды сей не год, не час — минуту!
 Прочь, школами прославленный, покой,
 Природы враг и смерти брат родной!
 Из сердца вон — и жди меня во гробе!

Проснитесь вновь, желанья, вы во мне!
 Явись при них скорей, надежда мила!
 Так — только в вас и важность и вся сила:
 Блаженство дать вы можете одне.

Пусть мудрецы системы счастья пишут:
 Все мысли их лишь гордостию дышут.
 На что сердцам пустой давать закон,
 Коль темен им и бесполезен он?
 Системы их не выучишь в три века:
 Они ведут к бесплодным лишь трудам.
 А я, друзья, скажу короче вам:
 Желать и ждать — вот счастье человека.

¹ Основатель стоической философской школы.

ИЗБРАННЫЕ ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПОДЩИПА

Шуто-трагедия в двух действиях, в стихах

(1800)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

В а к у л а, царь.
П о д щ и п а, царица, его дочь.
Т р у м ф, немецкий принц.
С л ю н я й, князь, жених Подщипы.
Д у р д у р а н, гофмаршал двора царя Вакулы.
Ч е р н а в к а, наперсница Подщипы.
Ц ы г а н к а.
П а ж.
Б о я р ь, члены Совета царя Вакулы.

Действие происходит в палатах царя Вакулы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Подщипа и Чернавка.

Ч е р н а в к а.

Престанете ль, княжна, крушиться

И молодость губить?

П о д щ и п а.

Увы! Увы!! Увы!!!

Ч е р н а в к а.

Ах! сжалятесь над собой! и так уж вы,
как спичка,

И с горя в неглиже, одеты, как чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней уж шесть;
Не чешетесь, ни пить не просите, ни есть.

Склонитесь, наконец, меня, княжна
послушать:

Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

П о д щ и п а.

Чернавка милая! петиту¹ нет совсем;
Ну, что за прибыль есть, коль я без вкуса ем?
Сегодня поутру, и то совсем без смаку,
Насилу съесть могла с енгом я кулебяку.
Ах! в горести моей до нищи-ль мне теперь!
Ломает грусть меня, как агнца лютый зверь.

Ч е р н а в к а.

Лишь меру надо знать. Увы! и я не спорю,
Что много есть для вас причин законных
к горю,

С тех пор, как Трумф немчин, красой твоей
пленась,
Проклятых свах заслал и, за отказ
взбесясь,

А более за то, что любишь ты Слюняя,
Вошел войною к нам, все грабя и пленяя;
Премудрый твой отец Вакула, светлый царь,
В Сенате будучи, спускал тогда кубарь,
Когда о близкой толь беде ему сказали.

Все меры приняты: указом приказали,
Чтоб шить на армию фуфайки, сапоги,
И чтоб пекли скорей к походу пироги.
По лавкам в тот же час за тактикой послали,
Намазали тупей, подкоски подвязали,²
Из старых скатертей наделали знамен,
И целый был постав блинами завален.

Но ах! уж поздно все! Трумф под город
пробрался,
Как вихрь в полях взвился и в город он
ворвался.

Ах! сколько видела тогда я с нами бед!
У нас из-под носу сожрал он наш обед,

¹ Аппетиту.

² При Петре III и Павле I солдаты носили парики с косами, намазанными салом и присыпанными мукой.

Повыбил окна все; из наших генералов
Наделал он себе конюших, да капралов,
По бешеным домам министров рассадил,
Всем графам и князьям затылки подобрил,
И ах! — как не пришиб его тогда Никола!
Он бедного царя линком спихнул с престола!
Что делать в крайности и гибели такой?
Вакула, наконец, спастись хотел тобой
И немцу вдруг твою он руку предлагает.
Любовь и зверские сердца превозмогает!
Согласен Трумф за то корону возвратить,
И к свадьбе пиво он скорей велел варить.

П о д щ и п а.

А бедный князь Слюпай, с его жестокой
страстью,
Колико поражен такую стал напастью!
Увы! из детских я к нему привыкла лет,
И с ним заветного у нас друг другу нет.
Как вспомнить я могу без слез его все ласки,
Щипки, пики, рывки и самые потаски!
Делили все мы с ним забавы меж собой:
Катанья в масляну, качели о святой;
Друг без друга, увы! мы в жмурки не играли
И вместе огурцы по огородам крали...
А нынче, ах! за весь его любовный жар
Готовится ему несносный столь удар!!

Ч е р н а в к а.

Не спорю, что его опасно то здоровью:
Как резом в животе, он мучится любовью;
Но если спасть должна ты царство п отца,
Княжна! поступком сим ты все пленишь
сердца,
И скажут все, что ты героев всех не ниже.

П о д щ и п а.

Да, да, рассказывай: рубашка к телу ближе.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тебе и Дурдуран (с каплуном в руках).

Д у р д у р а н (кланяясь низко).

Княжна! родительский узнай к тебе приказ,
И будь готова ты венчаться через час.
Сейчас лишь каплуна я сам купил на рынке
И нанял на вечер гудок, да две волюнки.

П о д щ и п а.

Что слышу!... Ой, умру!... ой тошно!... ой
живот!... (упадает в кресла).

Ч е р н а в к а.

Страшусь! она себя с печали надорвет!

Д у р д у р а н.

Я знаю всей ее великой жертвы цену...

(к Чернавке)

Понюхать бы дала царевне ты хоть хрену.

Ч е р н а в к а.

О бедная княжна! злощастная любовь!
Хотя б рождённую скорей пустить ей кровь.

Д у р д у р а н (ощупывая княжину).

Смотри: кошна-кошной, не можно с места
сдвинуть.

Не лучше ль на живот горшка ей два
накинуть?

П о д щ и п а (несколько опаматовавшись).

Где я?... Скажите мне: теперь ночь иль
день?

Ч е р н а в к а (щупая ее голову).

Царевна? что у вас?

П о д щ и п а.

Вапёры, да мигрень.

Д у р д у р а н.

Скрепитесь, о княжна! и давши Трумфу
руку...

П о д щ и п а.

Нет, нет! не вытерплю такую злую муку!
Зарежусь, утоплюсь...

Ч е р н а в к а.

Опомнитесь, княжна!
(Дурдурану).

Ну, если в подлинну утопитесь она?

Д у р д у р а н.

Царь все предвидел то и, страхом отчим
движим,

Велел ей пузыри носить на место фижем,
Чтоб, если кинется в реку, наверх ей

всплывать;

А за столом велел лишь жеванным кормить,
Да чтоб, спустя чулки, ходила без

подвязок....

Но пропадайте вы! Мне с вами не до сказок!
Мне нынче случай есть явить весь разум мой:

Кухарка, чай, давно в стряпушье ждёт за
мною,

А чтоб гофмаршальский мой сан достойно
справить,

На кухню каплуна я сам бегу доставить
(Уходит.)

П о д щ и п а.

Не сон ли это все? — Не брежу ль я?..

Ч е р н а в к а.*Ах, нет!*

Но укрепишь, княжна! се твой жених

*грядет!***П о д щ и п а** *(встает)*О царский сан! ты мне противней горькой
редьки!
Почто, увы! не дочь конюшого я Федыки!**ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.**

Теже и Трумф.

Т р у м ф.

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой
княшон!
Для плапалушна нас, кахта мой пудешь
шон,
Мой ноши весь не спит и серса польна
сшотся;
Прелесна тфой фикур на мой туша
шифется.
Курит-ли трупка мой, — из трупка тфой
пихтишь.
Или мой кафе пил, — тфой в шашешка
сидишь;
Фезте мой фидит тфой — на поля и на
пушка,
И кочет auf ein Mal¹ уфидеть на катушка.
Карона, скиптра, трон и слафа растелить
И фместе на слатей из пушешка палить.

П о д щ и п а.

Конечно, государь! мне много б было славы!
Но вспомни, что у нас совсем различны
нравы:
Ты любишь устрицы, а я их не терплю;
Противны слизи вам, а я их смерть люблю;
Привык ты на войне сносить и жар и
холод,
И к пице всякой там тебя привадит голод;
А я лишь выборный люблю везде кусок:
Петушьи гребешки, у курочки пупок.
Ты всяку дрянь рад есть, находишь вкус
в лягушках,
А я у матушки выросла лишь на ватушках;
Ты храбр, но с нежностью и вкусом не
знаком,
И за версту, о князь, воняешь табаком.
Помысли ж, какво мне быть твоей женою,

Подумай, — государь, — и сжался надо мною.**Т р у м ф.**

Фай! што тут шалиться? нам путет шить
утешна,
Кахта на цепки нас Амур сафяшет фешна:
Из крушешка отна мы путем пифа пиль,
Из трупешка одна тапах с тапой куриль;
Не путет мала твой ни томик, ни палатка,
Ни платбиса пахат, ни санка, ни лошатка:
Все это путит таль. Не тушь, mein Herz,²
не тушь!
Шесна пароль тебе: мой путет топра муш.

П о д щ и п а.

Нет, нет, о государь! не льсти себя
напрасно!
Боюсь, с тобою мне супружество ужасно!

Т р у м ф.

Паись со мной? кафо? — На всех стреляй
фелит!
Не пось! не там тепе, красафис мой, ф опит;
На карнафаль к тепе подсунься лишь
тетинка,
Мой псарь тотчас тафай он фухтеля на
спинка.
Мой стелай, штоп ништо на твой не мох
клядить,
И в спальна сареска к нам ништо не смеи
кадить:
Ни крафа, ни министр, ни сама генерала,
Отна фельдфебель мой und³ два иль три
капрала.

П о д щ и п а.

Я музыку люблю.

Т р у м ф.

О мусик слафпа наш!
На кларинет тепе икрай я путит марш;
Тва топка флейтошка, та тольста тва
тимпана,
Симфонья на опет нам стелай с парапана.

П о д щ и п а.

До танцев страстна я.

Т р у м ф.

Мой путет пал тафаль,
И станет пиль тафо, кто не буль тансофаль.
Мой люпит фесел шить: скакать, плясать,
ресфиться,

¹ сразу.² душевнчка.³ и

И палькой на дворца сконянт феселиться.
Фикляра, покуса тебе на кашта шас,
Каметья, кукла, фсе, фсе путет пиль у нас!

П о д щ и п а.

Я не люблю тебя, мне вид противен твой!

Т р у м ф.

Не люпишь?... Этофа стерпель не мошна мой!
Протифна Трумф?... фай, фай! такая

поруканья
Тастойна саслушить тяшола накасання.
Некотна тефка! твой протифен мой фикур,
Кохта сфетлейша ей принсеса телай кур!
Мой снает фсе: Слюняй тфон так мысли

латит;
Но мерска сей рифаль мой вмк на кол
посатит.

Смотри, я не шути, кохта пуфай сертит.
Люпи мене, коль пиль не хошеш польна
пит!

Рукаться на мене!... Не там тепе поташка;
Коль пиль не хошеш шон, так мой ты
путеш прашка!

П о д щ и п а.

Тиран! не устрашишь ты сердце тем мое:
В моем несчастьи мне сноснее мыть белье,
Когда бы только князь Слюняй носпл мне
воду.

Чем быть супругою столь скверному уроду.

Т р у м ф.

Der Teufel!¹ Мой урот?...терпель нет
польша мош!

Ну фот саплат са фесь моя люповь!...
Карош!
Мольши! на кород стесь не путет шиф ни
тушка:

Сей-шае пашел фелеть на фсех стреляй из
пушка. (*Уходит.*)

П о д щ и п а.

Ступай, тиран! твоих я ядер не боюсь,
О князе бедном лишь своим слезами льюсь!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Подщипа, Чернавка и Слюняй.

С л ю н я й (*крадется тихонько из-за кулис*).

Князьна! усей и он? Ну, бьят, какой сей-
дитой?

Он съядит хоть бы с кем, хоть с кучием
Никитой.

Пьеесная! как я бояйся за тебя,
Уз так за двейю там езем я сзай себя,
Ну, так и думаю: убьет ее до смейти.
На-сию побьяи ево отсюда пейти!

П о д щ и п а.

Чтоб сделал ты, мой князь?

С л ю н я й.

Ну, так бы и завый!
Без миенькой князны куда б я годен бый?

П о д щ и п а.

Ужели-б сим мечом ты не сразил злодея?
Сказки, любезный князь, утешь меня

скорея!

С л ю н я й.

Да, да! подсунься-ка к его ты паясю:
Вить деевянную я спагу-то носю.

Ч е р н а в к а.

Возможно ль, государь?

С л ю н я й.

А как бы ты хотела?
Мне матуска носить зезной не веся.

Ч е р н а в к а.

Но если, князь, на вас напасть дерзнул бы
кто...

П о д щ и п а.

Что б сделал ты тогда?

С л ю н я й.

А логи-то на сто:
Не бось, как дам съецка, так поминай как
звал!

П о д щ и п а.

Увы, любезный князь! с тобою мы пропали.

С л ю н я й.

Ой! как мне бить, как ты с дьюгим пойдешь
к венцу!

Я так юбю тебя... ну пусде еденцу.
Ты знаесь, мияя, моей веикость стьясти;
Подумай, как бы нам спастися от напасти.
Кой выйдесь за него, — не быть со мной
добью.

П о д щ и п а.

От нажимацни² одной лишь я умру.

² Вместо имагинации (*l'imagination* — воображение).

¹ Чорт возьми!

Чернавка милая! беги, беги скорее —
 Сказать родителю, что жизнь мне смерти
 злее,
 Когда с Слюняем я любезным разлучусь,
 Что вечно Трумфовой я быть не соглашусь;
 Скажи родителю, чтоб он со мной скорее
 Увиделся сей час тихонько, хоть в сарае,
 Чтоб нам придумать, как Немчина
 обмануть.
 И голову ему, как петуху, свернуть.
 Беги, лети к нему!

ЧЕРНАВКА.

Бегу, но все напрасно!
 (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Теже, кроме Чернавки.

Подщипа.

Так, так! напрасно все! и я то вижу ясно.
 Но есть еще одно прибежище у нас,
 И смерть от хищника спасет нас сей же час.
 Скажи, мой князь, в любви ты мне не
 лицемеришь?

Слюняй.

Хоть пьнесягнуть готов! Узби ты мне не
 веишь?

Подщипа.

Готов ли вместе ты со мною умереть?

Слюняй.

Позаяю!

Подщипа.

Вместе нам приятна будет смерть.

Пойдем же, бросимся сейчас стремглав
 в окошко,

И слошим головы. (Тащит его за руку.)

Слюняй.

Постой, постой немносько!

Отсей вить высоко. Позалой, бьёсюсь я,
 Но тойко, знаеся сто: из низнего зийя.

Подщипа.

Я вижу: смерти род такой тебе ужасен.
 Но менее-ль, скажи, злодей для нас опасен?
 Вить умирать же нам, а может, нас убьют.
 Пойдем же, бросимся с тобою вместе

в пруд,

И Трумфу нашему тем досадим злодею.

Слюняй.

Позаяю, — тойко я вить пьывать не умею.

Подщипа.

Жестокый! робостью ты бед моих не множь!
 Ну, хочеш ли: вот я украла в кухне нож...
 Зарежемся!... Мы тем от бед себя избавим,
 И наши имена навек с тобой прославим!

Слюняй.

Извой.

Подщипа (подавая ему нож).

Начни ж.

Слюняй.

Гьяди.

Подщипа.

Увы! я вся дрожу!

Слюняй (отдавая нож).

Князна! заезься ты, я пьезде погьязю.

Подщипа.

О варвар! так-то ты в любви своей мне
 клялся?

Где нежность вся твоя, где пламень твой
 девался?

Прочь, прочь! я более тебя уж не люблю,
 И вида твоего, Слюнявый, не терплю!

Прости!... Быть нежным ввек ты счастья не
 вкусишь.

Прямой Слюняй, когда зарезаться ты
 трусишь. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Слюняй (один).

Слюняй.

Да, видися, бьят! насья, небось, ты дуйка!
 Заезься-ка сама, кош юка ехка;

И я не пьёмах вить, меня ты не обманеся.
 Цейкнуться дойго и, а посье и не встанеся.

Нет, сто ни говои, я смейти не юбью,
 Хотя от миенькой и гнев за то тейшью;

Но посье поминось, пьвьюся, пьняскаюся,
 И сто я зить хоцу, — ей истинно пьязнаюся.

Ну, пьяво, как она ни спой себе со мной,
 А все-таки вить я — утеснее зивой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Слюняй, Вакула, Дурдурал, паж с кубарем,
 вельможи.

Вакула.

А, слышь ты, госнода! мы стол возем

поставить,

Чтоб царский мой совет, как надобно
Да, слышь, подумаем.

исправить,

Д У Р Д У Р А Н.

Скорей внесите стол.
Боюсь лишь, чтоб Немчин нас не всадил на
кол.

В А К У Л А.

Нет, в рынок он пошел теперь за
башмаками,
Чтоб, слышь ты, танцевать уже на бале
с нами;
А у меня меж тем подкуплен уж звонарь...

П а ж.

Велите ли теперь спустить себе кубарь?

В А К У Л А.

Тотчас, слышь, погоди! Ну, слышь, чтоб
с колокольни
Звонарь, как сыч, смотрел на все места
окольные,
И дал бы знать, когда воротится Немчин.
Молчи: мы, слышь, ему сготовим добрый
блин.

Садитесь же. *(Все садятся. Вакула берет
первое место.)*

Ну, вот, бояре, в чем все дело:
Нас семья вражье здесь Немчинско одолело;
Вить, слышь, сказать — так стыд, а утаить
так — грех:

Я, царь, и вы, вся знать. — мы курам стали
в смех.

Нам, слышь, по улицам ребята все смеются;
Везде за нами гвалт — бес знает, где
берутся!

Частехонько — ну срам! — Немчина
веселя,

Под царский, слышь ты, зад дают мне
кнселя,

Сам Трумф, ругаться вам став заражен
повадкой,

Слышь, вам велит носить кафтаны вверх
подкладкой.

И уж задумал, слышь, содрать с вас парики,
Чтоб лошадям своим свалять их в потники.

Так, знашь, нельзя ль самим содрать с него
нам кожу,

Иль, слышь, хоть, отманя к сторонке,
треснуть в рожу,

Да вон и с челядью его отсель прогнать.
Ну, так ли, господа? — Так, слышь, сбрем
мы рать.

С л ю н я й.

Надезя - госудай! вить я в совет не нузен?

В А К У Л А.

Ты зелен еще, князь! Ступай и будь на ужин.
Подципа, слышь ты, мне теперь сказала
все...

С л ю н я й.

Пьяпай я!

В А К У Л А.

Я с тобой уж помирил ее.
Небось, лишь погоди, я с басурманом слажу.

С л ю н я й.

Езон! Так я пойду на гоюбятню съезю.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Те же, кроме Слюняя.

В А К У Л А *(встает и подходит к одному
из вельмож).*

Ну что ж придумал ты, мой дорогой Совет?
А, слышь, и в помощи нам недостатка нет.
(Подает бумагу.)

Прочти, какую нам сосед дает помогу.
Не без кумов-то вить и я здесь, слава богу!
Ну, что ж? Прочел ли ты?

Д у р д у р а н *(привстает).*

Он слеп, о государь!

В А К У Л А.

Так, слышь ты, не прочтет...

П а ж.

Прикажете ль кубарь?

В А К У Л А.

Тотчас, слышь. *(Подходит ко второму.)* Ну
так ты скажи свое, слышь, мнение,

И докажи свое и знание и уменье.
С чего бы заговор нам лучше свой начать,
Умненько произвесть и славно окончать?

Ну, что же думаешь? Скажи хотя ты слово.

Д у р д у р а н *(привстает).*

Он нем, о государь!

В А К У Л А.

Ну, вот тебе здорово!

(Подходит к третьему.)

Скажи же ты хотя, как горю пособить.

А я, ну, право, слышь, не знаю, как п быть.

Эх, слышь! Ну что ж ты стал?..

(Толкает его в бок.)

Дурдуран (привстает).

Он, государь, не слышит!

Вакула (К четвертому).

Хоть ты!

Дурдуран.

За старостью, о царь, едва он дышит!

Вакула.

Ну, брат, слышь...

Паж.

А у меня кубарь готов, навит совсем.

Вакула.

Ну, ладно-же, так мы в столовую пойдем.

(К Совету.)

Вы, слышь-те, вздумайте, да не сходя со стула,

А я, знашь, подмахну вам тотчас: царь

Вакула. (Уходит с пажом.)

Дурдуран.

Молчите ж, ни гу-гу! и думать мы начнем;

А что придумаем, царю то донесем.

(Один после другого начинают зевать и дремать. Все засыпают и храпят. Занавес опускается.)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Вакула и Подщица.

Вакула.

'Ну, ну, не видывал такой беды я с роду!

Подщица.

Что, что ты, отче мой?

Вакула.

Ну, ну, рад, знашь, хоть в воду!

Подщица.

Какою новою грозит нам рок бедой?

Не новою-ль злодей идет на нас войной?

Вакула.

Вот вздор бы, слышь, какой! На то вить есть солдаты!

Пускай бы и дрались они себе из платы.

Подщица.

Или против твоей особы заговор?

Вакула.

Нет, нет, совсем не то! Ты, слышь, болтаешь вздор.

Подщица.

Какое ж новое нас горе одолело?

Не хлеба ль недород?

Вакула.

А, мне, слышь, что за дело?

Я разве даром царь? — Слышь, лежа на печи,

Я и в голодный год есть буду калачи.

Да дело все не в том, моя беда сильнее;

Ну, слышь ты, ничего мне не было больше...

Подщица.

Так верно Трумф.....

Вакула.

Ах, нет!

Подщица.

Так что ж, о, государь?

Вакула.

Ну, слышь, проклятый паж мой изломал кубарь.

Я им с ребячества до ныне забавлялся,

А, знашь, теперь хоть кинь. Ну, так бы разорвался!

Подщица.

Я думала другой печали сей предмет,

И, зная, государь, что собрал ты Совет...

Вакула.

То дело иишее! Чтоб им придать охотки, Так я послал в Совет салакушки да водки, Пускай их думают; авось придет черед И нам, Подщицушка, у немца взять перед. Когда б не паж, и я бы, может, что затеял; Да он, проклятой, слышь ты, мысли все рассеял.

А вот и Дурдуран! Слышь, что-то он несет?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Теже и Дурдуран.

Вакула.

Ну, что же сделал, слышь, премудрый мой Совет?

Дурдуран.

Штоф роспил вейновой,¹ разъел салакуш
банку,
Да присудил, о царь, о всем спросить
цыганку,
Котора на мосту премудростью живет
И знает наизусть, что будет за сто лет.
Как отымалками², бесами помыкает,
И часто за усы пх старшего таскает.
И словом, приговор Совета был таков,
Что голова ее всех вместе их голов
Умнее во сто раз, а, может быть, и боле.

Вакула.

Ну, что же? Вить за ней послать-то в нашей
воле.

Пошли-ка поскорей!

Подщица.

Пошли, душа моя!
Поворожитесь-ка, кому достанусь я.

Вакула.

Да если б занял ты мне для нее полтинник...
Скажи-тка, будто я... ну, знашь ты,
именник,
Так мне подарками тут с рубль перепадет;
А между тем она пускай, слышь, подождет.

Дурдуран.

О всем придумал я и трудность опрокинул.
На кашель, государь, я пошлину накиннул;
А за цыганкою послал уж ходока.

Вакула.

Да вот, слышь, и она. Эк на помин легка!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Теже и Цыганка (вбегая).

Цыганка.

О чем кручинен, царь, и что на сердце, знаю!
Ой, дай же рубличек, на ручке загадаю,
Все про хорошенько и добренько скажу.
Ой, дай же рубличек, царю поворожу.

Подщица (подает руку).

Скажи, цыганка, мне, да будь лишь
справедлива....

Цыганка.

Ой, все я знаю, все! То рученька счастлива....

Вакула (выдергивает руку Подщицы и
подает свою).

Постой-ка! руку-то и после можешь дать.
Тут, слышь, о царственных делах хотят
гадать.
Скажи-ка — от тебя я света ожидаю....

Цыганка.

Да дай же рубличек, добренько загадаю.

Подщица.

Ах, мне о женихе!

Вакула.

Нет, нет, слышь! мне
скажи...

Дурдуран.

Вот рубль. (Дает деньги.)

Вакула.

Да вот, слышь, рубль — так
мне поворожи.

Цыганка (смотря на руку
Вакулы).

Богата рученька, разумная головка!
Ой, много мозгу в ней.

Вакула.

Ну, слышь, пряма колдовка.

Цыганка (смотря на руку
Вакулы).

Кручины много есть.

Вакула.

Ну, то-то ж. Как же быть?
Не вздумаешь ли ты, как горю пособить?
Отворожи-ка нам отсюда ты Немчина.

Цыганка.

Черноволосый он, такой большой детина
На сердце у тебя.

Вакула.

Как жернов, слышь, лежит.

Цыганка.

Он худо думает.

Вакула.

Чтоб взял его, слышь, жид!

Цыганка.

Все загадала я; да всем болтать не стану,
А за секрет скажу лишь только Дурдурану.

¹ Пенник.

² Тряпка для вынимания из печи горшков.

Когда исполнит он совет мой точно весь,
Так вмиг и с челядью не будет Немца здесь.

В а к у л а (*Дурдурани*).

Слышь, слушайся-ж ее!

Д у р д у р а н.

Хоть то мне и обидно,
Но если царь велит, так мне ни чуть не
стыдно.

П о д щ и п а.

Скажи, любезная, и мне ты поскорей
И худо и добро об участи моей.

Ц ы г а н к а.

Прекрасна рученька, талантлива,
счастлива;

А есть кручинушка....

П о д щ и п а.

Ох, типе! я стыдлива.

Ц ы г а н к а.

Сердечушко твое, княжна, заножено,
Ну, хочет, кажется, вон выпрыгнуть оно.
Прекрасный молодец! как яблочко
наливно....

П о д щ и п а.

Ох, стыдно, стыдно мне!

Ц ы г а н к а.

Однако-ж не противно?

П о д щ и п а.

Ну, нет... Да буду ли сегодня я за ним?

В а к у л а.

Княжна! слышь, надо дать подумать время
им.

Ц ы г а н к а.

Да, дай же рубличек!

В а к у л а.

Молчи! Когда отщипу злодею,
Так, слышь, сошью тебе кумачну телогрею.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Теже и Трумф (*вбега в бешенстве*).

Т р у м ф.

Фай, фай! проклята тфарь! сабашья
скферна тел! Твой тотшас пудет сут и палощка на спян.
Как мощно тумаль так, униль меня фелел?
Прекрасна та прошект! Мой ошень
плакатарит!

Но прешде фся ваш рот на фертель мой
исшарит!

В а к у л а.

Помилуй, государь, я слышь...

Т р у м ф.

Помилуй — нет!

Проклята фаша тух, как стерфа пропатет.
Я снай вся умысла и фаша сакофора:
Сейшас я тфой пояр потелюшал у сапера.

Д у р д у р а н (*в сторону*).

Пропали мы!

В а к у л а.

Беда!

П о д щ и п а.

О, ты, жестокий рок!

Т р у м ф.

Да, прат: и на моя калофка былъ умок;
Мой снает плютня тфой, и са такая шапня
Мой путет фас сашай на сепи и на пашня,
Да на рапоший дом фас путет посылатъ,
И кроме клеи та фот вам кушать не тафать.

В а к у л а.

Помилуй, государь! Я, слышь, вперед не
буду.

Попутал бес меня.

Т р у м ф.

Фон, стара пес, отсюда!
(*Вакула уходит*).

П о д щ и п а.

Ужели нет и мне пощады никакой?

Т р у м ф.

О, китра польно тфой! Мольши, красафис
мой!

Пошель, пошель! Теперь мой даст на фсе
указа. (*Подщипа уходит*).

Д у р д у р а н.

Ни телом, ни душой....

Т р у м ф.

Ти, клупая прокаса!

Ти много финофат! Марш, марш, мой
каспатин!

Д у р д у р а н.

Позвольте выдти мне.

Т р у м ф.

Пашель, такой сапака! На фешер нуту таль вам топра перетряка.
(*Дурдуран уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Трумф и Цыганка.

Цыганка.

Во мне, вить, нужды нет?

Т р у м ф.

Постой, красафис мой! Скажи-ка, тля шево твой присван на пакой?

Цыганка.

Хороший молодец! Царевна присылала И о тебе со мной все утро прогадала.

Т р у м ф.

А што каталь такой? мой скоро ль шорт
восьмет,
И скоро ль князь Слюняй на сфадьпа с ней
пойтет?

Цыганка.

Ой, нет! лишь о тебе одном она тужила,
И любишь ли ее, о том проворожила;
Милее никого тебя ей, барин, нет,
И с нетерпением она день свадьбы ждет.

Т р у м ф.

Не лшот тфой?

Цыганка.

Кстати ли? Подумай сам ладненько;
Ну, где есть личико другое так беленько,
Где губки толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?
Где есть такой носок, глазок, роток,
бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну, есть ли девушка иль мужняя жена,
Чтоб, на тебя взглянув, не ахнула она?

Т р у м ф.

Мой тумаль так, та князь Слюняй мне тут
сатится. (*Показывает на затылок*.)

Цыганка.

Ну, вот великий страх! Я рада побожиться,
Что, может, до того казался он ей мил;
Но ныне ты ее все мысли полонил.
Подай-ка рученьку. Ой, тут сидит девчка,
И по тебе с ума царева сходит дочка.

Т р у м ф.

Са фестошка така не шаль полтинка даль,
Какта пы прафта мне, сиканошка, скасаль.

Цыганка.

Я с роду не лгала.

Т р у м ф.

Так тфой не лицемеришь?

Цыганка

Взглянись лишь в зеркало, так лучше мне
поверишь.

Т р у м ф.

Та, та! Тфой прафта есть: мой фашна есть
фикур!

Поти ше, кралишка! Какта моя амур
Успеха полюшит, я кликну тфой в палата,
И накраштенья там фелпка и поката.
Поти, красафис мой, на том себе теперь.

Цыганка.

Спасибо, барин мой! (*В сторону*) Вперед
цыганкам верь!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Т р у м ф (*один*).

Она скасаль не лошь: умен, снать, эта
тефка...

Я, прафо, потштутилъ: молотшик не
в истефка.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Трумф и Слюняй.

Слюняй (*вбежал и не видя Трумфа*).
Ну вот и я пьисой!

Т р у м ф (*схватывает его*).

Поти-ка, прат, сюта.

Слюняй.

Ой, смейть!

Т р у м ф.

Мне ната ти!

Слюняй.

Пьисья моя беда!

Помиюй, дядюска!

Т р у м ф.

Нет, милуй мой не мошпа.
Смерть тфой.

- С л ю н я й.
Пьянай.
Т р у м ф.
От тфой пришел мне польно тошно.
- Отец!
Фай!
С л ю н я й.
Т р у м ф.
С л ю н я й.
Гьяфцик!
Т р у м ф.
Фстор.
С л ю н я й.
Сокьовиспе мое!
- Сиятейный!
Мольшать!
С л ю н я й.
Светейсий!
Т р у м ф.
Ну! не крипать!
- Помной!
Т р у м ф.
Нет, тебе там топра перепяки.
- С л ю н я й.
Ах, батюски! пьянай на место я собаки!
- Т р у м ф (*вынимая шагу*).
Катофя умирай!
- С л ю н я й.
Ой! смеитюська моя!
- Помной! цем тебя пьязневай стойко я?
- Т р у м ф.
Не путет польше тфой Подщипа телай кур,
Я коншу ф сей минут тфой шашнь и вся
амур.
- С л ю н я й.
Ой, ой?
- Т р у м ф.
Но нет! Хоть тфой нефеша и урот,
Я кошет пошитай в теле тфой княша рот.
(*Вкладывает шагу.*)
- С л ю н я й.
И в подыну, я — князь, не тойко
бьягоёдный;
А ты со мной сеутий поступок стой негодный.
(*В сторону*) Авось он стьюсит.
- Т р у м ф (*вынимает пару
пистолетов*).
Так фьпери-ш люпой!
- С л ю н я й (*особо*)
Смotifyка, усь даит! (*Трумфу*)
Спасибо, гьяфцик мой!
- Да не заязен-ьи?
Т р у м ф.
Та, та! Он саряшона!
Сейшас тафай стреляй — княшон шей
пудет шона.
- С л ю н я й (*особо*)
Есть егце! (*Трумфу*) Дядюска, я с еду
не стьеай.
- Т р у м ф.
Ну, ну! не то тотшас я пуля посылай.
Стой там.
- С л ю н я й.
С умом-и ты? застьеис вить
до смейти.
- (*Особо*) Князну, любовь, тебя — стоб все
побьян цейти!
- Т р у м ф.
Фай, фай! какой тфой, княсь? Тфой потла,
мерека трус!
- С л ю н я й (*кланяясь низко*).
Сто хочес! Виноват, а смейти я боюсь!
- Т р у м ф.
Стреляй!
- С л ю н я й.
Ой, нет!
- Т р у м ф.
Так тфой со мной не кошет
питься?
- С л ю н я й.
Ну, сам ты ясеуди: где мне с тобой возиться.
- Т р у м ф.
Я люнит тфой княшон.
- С л ю н я й.
Ись тойко не убей!
Я отступюсь совсем, вядей позяной ей!

Т р у м ф.

Так слюшай ше, Слюняй! Коль смерти тфой
поится,

Так пить рифалем мне тепе стесь не катится.
Смотри ше, вишлю я к тепе княшон в минут;
Но пуля в лоп тотшас, кокта тфой путет
плют.

Княшна укафари тотшас со мной пениться;
Или на шпака мой котофа тут сатиться...
Но фот итет княшон... Красафис мила мой!
Смотри тотшас феншать, иль прош калофка
тфой. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Слюняй (*один*).

С л ю н я й.

Когда б она есче со мной не поминаясь,
Иль хоть опять бы вновь тепея побьяняиясь!
А то беда пьисья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Слюняй и Подщипа.

П о д щ и п а (*вбегая*).

Мпр, мир, любезный князь!
Прости, коль дерзко я сказала, рассердясь.

С л ю н я й (*особо*).

Ахти! она меня есче сийнее юбит!

П о д щ и п а.

Слюняюшка, мой друг!

С л ю н я й (*особо*).

Ну, ну! совсем погубит!

П о д щ и п а.

Жестокий! ты молчишь! Того-ль достойна я,
Когда сильней огня любовь к тебе моя?

С л ю н я й (*особо*).

Того-то и боюсь!

П о д щ и п а (*плачет*).

Тронись же хоть слезами,
Вгляни ты на меня умильными глазами.

С л ю н я й.

Князна! когда ко мне ты истинно незна,
Так Тьюмфу юку дать севодни-з ты дойзна.

П о д щ и п а.

Ты-ль это мне сказал?... Душа летит из
тела!

С л ю н я й.

Но мне вить гоёва моя не надоея!
Тьюмф именно скажай: кой сдеяись отказ,
И не пойдесь к венцу с ним сей-зе самый
час,

Так он... ну, видись-и... все это мне
отпьятит,

И гоёву с меня, как коцеиску, схватит.
Так яссуди-з сама....

П о д щ и п а.

Умри-ж, любезный мой,
И понеси во гроб любовь мою с собой!

С л ю н я й.

Так ты намеена?...

П о д щ и п а.

Тебя хоть мертвым видеть,
И мертвого любить, а Трумфа ненавидеть!

С л ю н я й.

Ах! он убьет меня!

П о д щ и п а.

Мой князь, спокоен будь:
Душа твоя ко мне переселится в грудь.
Ты в мыслях у меня и в сердце будешь вечно!
Я буду вспоминать...

С л ю н я й.

Бьягодаю сейдечно!
Позяюста, князна, кой юбись ты меня,
Так выйди за него...

П о д щ и п а.

Как! как! чтоб вышла я?
Ах, нежности моей ты меры всей не знаешь,
Когда поступок мне столь гнуемый
предлагаешь!

С л ю н я й (*особо*).

Ну, вот тебе юбовь! (*Подщипе*)

Пьеесная, увы!

За вейность эдаку мне быть без гоёвы:
Застьеит он меня, отказ его твой взбесит.

П о д щ и п а.

Пусть он тебя убьет, застрелит иль повесит,
Но нежности к тебе не применит моей.

С л ю н я й (*особо*).

Стобы ты тьеснюя и с незностью своей!

П о д щ и п а.

Чтоб я оставила тебя — избави боже!
Люблю, люблю тебя, — ты мне всего дороже.

С л ю н я й.

Ах! беда моя! хоть тисе говои:
Ос быско. Стъястью ты меня не умои.
Задусит он меня.

П о д щ и п а.

Пусть он тебя задусит,
Но верности моей ни мало не нарушат.
Чем я горжусь, о том чтоб стала я молчать!
Люблю, люблю тебя,— и буду то кричать!

С л ю н я й.

Ей, ей, конец пьисой! надезды бойсе нету!

П о д щ и п а (громче).

Люблю, люблю тебя! будь то известно свету!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Теже и Паж.

П а ж.

Княжна! немедленно ступай ко алтарю!
Уж велено звонить к вечерне звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куралесить,
Так есть приказ за то Слюняя вмиг повесить.

С л ю н я й.

Гоубуська!.. поиди, кьясавица моя!

П о д щ и п а (Пажу).

Скажи, что никогда....

С л ю н я й (зажимая ей рот).

Опомнись.... умей я...

(Пажу) Скажи: идет.

П о д щ и п а.

Нет, нет! скажи тирану....

С л ю н я й (зажимает ей рот).

Помню!...

П о д щ и п а.

Что любить Слюняя не престану,
Что может он его повесить сей же час;
Но не ослабит тем любви взаимной в нас.

С л ю н я й.

Пьекьясная любовь!

П о д щ и п а.

Скажи, что им пылаю!

С л ю н я й.

Я эдакой юбви зьядею не зьяю!....

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Теже и Трумф.

Т р у м ф (вбегая в бешенстве).

Нет моши польш терпель! Скафор тфой коль
нейтет,
В минута сей Слюняй от рук моя умрет.

П о д щ и п а.

Нейду, нейду, нейду! Ты бесишься напрасно:
(обнимая Слюняя) Им вся пылаю я, им
сердце нежно, страстно!

Т р у м ф (вырывая из рук ее Слюняя и вы-
нимающая шпагу.)

Умри ше!

С л ю н я й.

Каяуй! из тея идет дух!

Т р у м ф.

Фай! скферна тух какой! как тфой фонает
фтрук!

С л ю н я й.

Не знаю.

Т р у м ф.

Как не снай?... фэй, нос моя упила!

С л ю н я й.

Сто деать? со стьястей зивот мой покывивя.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Теже и Вакула.

В а к у л а (вбегая).

Ура, ребяташки! а наша, слышь, взяла!

Т р у м ф.

Што, што такой?

В а к у л а.

Да что, слышь, вся беда прошла.
Не бойтесь, детки! Эх немецкий, слышь,
проказник!
А слышь ты, уж теперь на нашем поле
праздник.

Т р у м ф.

Мольши, некотна тфарь! Я фас!... К рушья!
к рушья!

В а к у л а.

И, слышь, как не к ружья? — Сам бойся
батожья!

А все, слышь, сделала премудрая цыганка,
Свертела дело вмиг, прямая басурманка!

Подщипа.
Да как?
Слюняй.
Пьютовка!
Вакула.
Ну, слышь, с шайкою своей
По челяди его рассыпалася всей,
Да подпустила всем заряда два чихотки,
Да во ши пурганцу поболее щепотки; —
Так, слышь, у них теперь такая чихотья,
А что еще смешней — такая беготня,
Что наши молодцы их только окружили,
Так немцы, слышь ты, все и ружья
положили.

Подщипа.¹
О день, счастливый день. Итак, любезный
мой,
Сегодня свадебку отправим мы с тобой.

Слюняй¹ (*прыгает и поет*).
Тья-я-я! тья-я-я! Я весей, как с похмейя
Сто дейать с ядости? Такого я весейя
И сьйоду не видай!

Трумф.
Пропаль я!
Слюпяй.
Сто, не бойсь, тепей-то пить ты есиб.
Подсунься-ка ко мне, цюхонский стайй гьиб!

Трумф.
Молшать!
Слюняй (*отскакивая*).
Ай! экой зьой!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.
Теже, Чернавка, Цыганка и Дурдуран.
Цыганка.
Вот, на моем сбылося!
Дурдуран.
Все войско Трумфово, о царь, вам
поддалося.
Вакула (*цыганке*).
А, слышь, будь фрейлшиной у дочери моей.

¹ Этих стихов в Лобановском списке нет; они взяты из Берлинского издания.

Чернавка.
Княжна, вас в церковь ждут, — спешите
поскорей.

Трумф.
Што путет с мой?...
Вакула.
А, слышь, разведаяюсь с тобой:
(*Дурдурану*) Чтoб парикмахер, слышь,
гребенкою большою
Сейчас, ты знашь, его в пять пуколь
причесал;
Одел бы франтом, слышь, жабо бы подвязал,
Чтoб прыгать козачка Трумф к вечеру
явился.

Трумф.
О петна кдлоф мой! (*Дурдуран его уводит*).
Слюняй.
Езон! за то, сто зьийся!

Подщипа.
Ну, что-ж, к венцу?
Вакула.
Пойдем.
Слюняй.
Готов, но погоди.

Подщипа.
Чего-ж годить?
Слюняй.
Я в пойминутоцки!

Подщипа.
На что же уходить?
Вакула.
На что же медлить, слышь?
Подщипа.
Иль тщетно я пылаю?
Слюняй.

Пьестная княжна! Я медьить не зяю,
И в дейковь я тотчас вас всех пегоню,
Да тойко напейд кой-сто пеемену.

МОДНАЯ ЛАВКА

Комедия в трех действиях

(1806)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Сумбуров.
 Сумбулова, жена его.
 Лиза, дочь его от первой жены.
 Лестов, любовник ее.
 Маша.
 Аннушка.
 Мадам Каре, француженка, хозяйка лавки
 Мосье Трише.
 Андрей, слуга Лестова.
 Антропка, слуга Сумбуровых.
 Полицейский офицер со служителями.

Действие в модной лавке:

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Театр представляет внутренность модной лавки, наполненной богатыми уборами и товарами последнего вкуса.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Лестов и Маша, которая сидит, занимаясь работою.

Лестов.

Ну! скажи ж, Машенька, разжилась ли, разбогатела ль ты без меня и скоро ли откроешь свою модную лавочку? Такой пригоженькой и проворной девушке давно бы уж пора из учениц самой в мастерицы!

Маша.

О, сударь! я не довольно знатного происхождения...

Лестов.

Как? чтоб содержать модную лавку?

Маша.

А вы этим шутите? И тут также на порогу смотрят; и если не называешься или мадам ла Брош, или мадам Бошар...

Лестов.

Бедняшка! неужели тебе не на что купить мужа-француза?

Маша.

Ну столько-то бы я смогла, да сестрица ваша согласится ли дать мне отпускную?

Лестов.

Тыфу пропасть! я вечно забываюсь и думаю, что ты вольная. Для чего, Маша, ты мне на удел не досталась? Сестра совсем не смыслит, какое у ней сокровище. У меня был бы тебе один только приказ — мной повелевать, душа моя! —

Маша.

Ох, сударь, да отвяжитесь! Вы все портите, что я ни зачинаю. Знаете ли, что вы оскорбляете мою честность?

Лестов.

Ага! Разве между ваших товаров и это иногда навертывается?

Маша.

Вы, как я вижу, все тот же повеса, какковы были и до походу.

Лестов.

О нет! нет! Ты не поверишь, как меня в один год перевернуло; я стал совсем иной человек.

Маша.

Уж будто и не мотааете?

Л е с т о в .

Ни малехонько.

М а ш а .

Давно ли?

Л е с т о в .

С тех пор, как ничего не дошарюсь в карманах.

М а ш а .

А страстишка к игре?

Л е с т о в .

Фи!

М а ш а .

В самом деле не играете?

Л е с т о в .

Ни во что, кроме карт, да в бильярд, между делья.

М а ш а .

Будет путь! — А сердечные то обстоятельства, волокитства ваши, небось все идут по-прежнему?

Л е с т о в .

Ах, Маша! что ты мне напомнила!

М а ш а .

Ба! это что значит? Какой же протяжный вздох! какой томный и печальный взгляд! Уж не урок ли вы передо мною вздумали протвердить?

Л е с т о в .

Нет, я в самом деле влюблен, и влюблен страстно, отчаянно!

М а ш а .

Вы влюблены, страстно, отчаянно? А во многих ли, смею спросить?

Л е с т о в .

Ветренца! Год тому назад, идучи походом, остановились мы в одном богатом селении, что было за Курском; помещик пригласил меня обедать...

М а ш а .

Ах, сударь, вы не поверите, какой мне праздник, коли сюда кто-нибудь вернет из такой дали, а особливо щеголек или щеголиха: я уж в эту неделю слона смотреть не хожу.

Л е с т о в .

Жаль же, ты не видала моих хозяев. Господин Сумбуров старик, правда, добрый, но вспыльчивый и горячо привязанный к дедовским русским обычаям; тот день только и счастлив, когда удастся ему побранить или моды, или иностранцев, и такой чудак, что даже маленькое дурачество, сделанное в его родне, мучит его, как уголовное преступление, наносящее стыд всему роду. Ну, а на его глазах около двадцати женщин самой близкой родни, так сочти, сколько ему спокойных минут остается. Госпбжа Сумбурова, вторая его жена...

М а ш а .

Как! там на двух женятся?

Л е с т о в .

Какой вздор! Он, как порядочный человек, наперед овдовел.

М а ш а .

А, а! — Ну, жена его?..

Л е с т о в .

Степная щеголиха, которая лет 15 сидит на 30 году; в добавок, своенравная, злая, скупая, коварная, бешеная; зато Лиза, дочь г-на Сумбурова от первой жены...

М а ш а .

Голос ваш стих, лицо сделалось вдруг так умильно... Ах, сударь, эта Лиза, эта чародейка! она то, знать, вас околдовала!

Л е с т о в .

Прекрасна, как ангел, мила, умна; все достоинства, все совершенства...

М а ш а .

Ну уж, разумеется, что все это природа обобрала у всех женщин и пожаловала ей одной!

Л е с т о в .

Я влюбился, открылся ей в том и узнал из ее глаз мое счастье. Если бы зависело только от воли Лизы, то бы уже давно...

М а ш а .

Те, постойте, сударь!

Лестов.

Что такое?

Маша.

Постойте, постойте! переведите немножко дух и начните в порядке второй том вашего романа: гонение, разлука, тысячу препятств: пожалуйте, ничего не позабудьте, у меня под вашу сказочку работа пойдет скорее.

Лестов.

Какая ж ты верченая, Маша! — Ну, слушай же: я позабыл тебе сказать, с первых слов моих с господином Сумбурым вышло, что он и покойный мой старик водили хлеб-соль; в глуши на это памятливы, и потому-то я был очень им обласкан. Старик даже заметил нашу взаимную склонность с Лизой не морщась; я с ним объяснился, и он вполонину был уже согласен; но жена его, проча падчерицу за своего родственника, который обещал ей за то добрую поживку, испортила все дело и, под видом, что я не довольно богат, мне отказано. В отчаянии оставил я с Лизой мой покой, мое счастье, и вот уже год, как, не имея о ней никакого известия, потерял свою надежду, а страсть моя только что умножается.

Маша.

Целый год! Это уж, подлинно, из шутки вон. Да какое ж ваше намерение?

Лестов.

Любить и...

Маша.

И воздыхать! и терзаться!.. какая жалость! В таких летах, с такими хорошими качествами, лучшее свое время проплакать! Однако ж, сударь, если уж это необходимо, так приезжайте тосковать в нашу лавку: такой молодой и чувствительный человек здесь в редкость — в двинку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Маша, Лестов, г-жа Сумбутова и Антроп.

г-жа Сумбутова (*входя, отдаст салон Антропу, который зазывает на лавку и не принимает его*).

Ротозей! распусти бельмы-то!

Лестов (*особо*).

Сумбутова!

Антроп.

Виноват, боярыня, глаза разбежались!

Маша (*в полголоса*).

Ага! это гости, верно, из степных пожаловали.

Лестов (*в полголоса*).

Какое счастье! так, я не ошибаюсь...

г-жа Сумбутова.

Матушка, мадам! покажи-тко, что у вас есть хорошенького?

Маша.

У нас ничего нет худого, сударыня! (*Особо*) Ты, моя голубушка, заплатишься нам с поклонами за все, что мы на тебя ни нацепляем. (*Громко*) Что вам угодно?

г-жа Сумбутова.

Ах, боже мой! что это значит? Антропка, мошенник, поди сюда!

Антроп.

Барыня, чепцов-то, чепцов-то здесь! у нашей городничихи столько нет!

г-жа Сумбутова.

Он свое несет! Не приказывала ли я тебе, мерзавцу, везти меня во французскую лавку? Куда это вы меня завезли, скверные уроды?

Маша.

Он прав, сударыня. Это в городе первая французская лавка; спросите, у кого изволите, про нашу хозяйку, мадам Каре! Лучшие и знатнейшие шеголихи имеют честь у нас проматываться.

г-жа Сумбутова.

Право так? Виновата, душа моя! Услыша, что ты говоришь по-русски, я уж было испужалась; мои скоты ведь ничего не смыслят; они в самом деле готовы завести в русскую лавку, а мне надобны лучшие товары; я сряжаю приданое падчерице!

Лестов (*про себя*).

Приданое? Какая ужасная весть! Верно выдают Лизу! Надобно все узнать и,

во что бы то ни стало, разбить эту свадьбу. (*К г-же Сумбуровой*) Позвольте, сударыня, изъяснить вам мою радость...

Г-ЖА СУМБУРОВА.

Я, батюшка, радуюсь вашей радости, хотя и не ведаю, что б это была за радость. (*Про себя.*) Так, это Лестов!

ЛЕСТОВ (*про себя*).

Прием не горяч. (*Громко*) Прошедшего года в короткое время бытности моей с полком в вашей деревне...

Г-ЖА СУМБУРОВА.

А! виновата, мой батюшка! Я было вас и не узнала; да и не диковинка: через наше село почти вся армия проходила; так где всех упомянуть. (*К Маше*) Покажи-тко мне, душа моя, самых лучших льно-петинетов¹ и кружев.

ЛЕСТОВ.

Позвольте, сударыня, чтоб я приехал к вам с моим почтением.

Г-ЖА СУМБУРОВА.

Напраевой труд, мой батюшка: мы скоро отсель уедем. (*К Маше*) Правда ли, душа моя, будто здесь стали сарафаны носить?

МАША.

Здесь, сударыня, совершенная свобода, и одевается всякой, как ему угодно.

ЛЕСТОВ.

Вы, конечно, не одни изволили приехать?

Г-ЖА СУМБУРОВА (*про себя*).

Не отстанет! (*К Лестову*) С мужем, мой батюшка, с мужем. Я без Артамона Никифорыча не люблю вдаль пускаться: не знаешь, долго ли пробудешь.

АНТРОП.

И ведомо, барыня: едешь на день, а хлеба запасай на неделю.

Г-ЖА СУМБУРОВА.

Тебя кто просит рот розевать, — скотина, молчи!

АНТРОП.

Эка беда, и так уж от молчапья-то на запятках в целый день из сил выбьешься, инда к утру кости все разломит.

ЛЕСТОВ.

Прелестная падчерица ваша, конечно, с вами?

МАША (*про себя*).

Бедняжка! никак тропинки не отыщет!

Г-ЖА СУМБУРОВА.

С нами, сударь! (*Маше*) Кружева совсем мне не нравятся. Покажи-тко мне тули² и петинеты.

ЛЕСТОВ.

Позвольте, сударыня, спросить, чье щастие хотите вы устроить, чью свадьбу сряжаете?

Г-ЖА СУМБУРОВА.

Это, батюшка, дела семейные! Вам их долго и скучно будет слушать. (*Про себя*) Он выживет меня! (*Маше*) Мне ничто не нравится; да, кажется, у вас нет ничего хорошего, голубушка; поехать в другую лавку.

МАША (*особо*).

Голубушка! ах, она стешная! Молчи же, не выезжать тебе отсель. (*Громко*) Посмотрите, сударыня, эти накладочки: мы их с последними кораблями прямо из Парижа получили.

Г-ЖА СУМБУРОВА.

Из Парижа?

ЛЕСТОВ.

Маша, ради бога вымани ее отсель, не могу ли я через слугу...

МАША.

Постойте, постойте! Вы увидите, как она сбавит спеси. Аннушка! Аннушка!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

Г-жа Сумбурова, Лестов, Маша, Аннушка и Антроп.

АННУШКА.

Что угодно?

¹ Батист.

² Тюля.

М а ш а.

А готово ль платье для графини Тимо-
вой; ты знаешь, ведь ей надобно его к
балу, который скоро будет при дворе.

А н н у ш к а.

Оно поспеет сегодня жевместе сплатьем
фрейлины Розиной.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Так вы и на фрейлин шьете? Нельзя
ли, душа моя, мне посмотреть...

М а ш а (*Аннушке*).

Там на окне картон с петинетовыми
воаями; отошли его к баронессе Фи-
линбах: она очень кланялась.

Г - ж а С у м б у р о в а (*про себя*).

Кланялась! Баронесса! (*Маше*) По-
слушай, жизнь моя... (*Про себя*) Что
ты будешь делать! никак я ей досадила;
она уже и не смотрит на меня.

М а ш а (*Аннушке*).

Да не забудь сказать мадам Каре, что
генеральша Тушинская после завтра пред-
ставляет дочерей своих ко двору, и три
раза заезжала сюда упрашивать, чтобы
мы согласились одеть их из своей лавки.

Г - ж а С у м б у р о в а (*про себя*).

Экой грех! экой грех! (*Маше*) Жизнь
моя! ангел мой! я надеюсь, что вы не от-
кажете сделать мне крайнее одолжение
и одеть меня на тот же манер, как ваших
графинь, княгинь и фрейлин; я уж об
деньгах ни слова!

М а ш а.

А мы об нарядах ни слова; у нас в лав-
ке обычай такой: госпожи просят, что им
угодно, а мы с них берем, что нам угодно.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Ангел мой! хоть покажите мне пока их
уборы; я попрошу, может быть, наделать
мне таких же. Да где ж ваша мадам? нель-
зя ли мне с ней.

М а ш а.

Никак, сударыня: она кушает чай, и
я не смею доложить.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Уж и доложить, моя жизнь? ведь это
только у знатных!

М а ш а.

И, сударыня! тот уж знатен, до кого
многим нужда.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Позволь же, красавица, мне уборов-то,
уборов-то посмотреть!

М а ш а.

Аннушка, покажи госпоже, что там есть
побогате; я тотчас за вами буду.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маша, Лестов и Антроп.

Л е с т о в.

Милая Маша, это самая та...

М а ш а.

Уж вы думаете, что во мне никакой
сметливости нет! Я все прочла, как будто
в книге.

Л е с т о в.

Слушай, примись прилежно помо-
гать моей любви. Ты знаешь, как сестра
дружна со мною; естьли ты доставишь
способ получить Лизу — отпускная —
3 000 рублей на приданое! Ну, соблаз-
няет ли это тебя?

М а ш а.

О, сударь, соблазняет! Надобно толь-
ко, чтоб мадам Каре вошла в наш заго-
вор, ведь вы у ней в большой милости
и вход имеете без доклада, — забегите ж
к ней; вы знаете, как легко ее сердце
разжалобить любовными вздохами: она,
верно, позволит, чтоб я вам покровитель-
ствовала, — и тогда вся наша лавка...
Ведь я уверена, что намерения ваши
честны..

Л е с т о в.

Можешь ли ты сомневаться?

М а ш а.

А барышня вас любит, — ну так я почти
ручаюсь за успех.

Л е с т о в.

Как? ты надеешься?

М а ш а.

О! это бы не первая девушка поехала из нашей лавки к венцу.

Л е с т о в.

Поди же туда, я уж примусь за него. Только, Маша, он что то таким оборотнем смотрит.

М а ш а.

Ничего, ничего; пошарьте хорошенько в карманах: деньгами и не таких слуг закупают.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Лестов и Антроп.

Л е с т о в (*особо*).

Надобно лучше притвориться равнодушным, чтоб он не догадался. Как это для меня важно! и под видом обыкновенного знакомства... Да, да, точно.

А н т р о п.

Ну уж, парень, в царских палатах, чай, не краше! На что ни погляди, диковинка диковинки лучше.

Л е с т о в.

Скажи, мой друг, своей барышне, что Лестов ей кланяется и очень желает... Друг мой, я тебе говорю!

А н т р о п.

Мне, боярин? Не погневайтесь, ваша речь впереди. Ведь это, я чаю, товары-то заморские?

Л е с т о в (*про себя*).

Вот очень нужно знать! (*К нему*) Да, заморские! Мне бы очень хотелось, чтобы ты поклонился от Лестова...

А н т р о п.

Так сюда-то наши бояра из такой дали деньги возят!

Л е с т о в (*про себя*).

Да он... (*К нему*) Скажи, ради бога, барышне своей...

А н т р о п.

Не погневайтесь, боярин, перебыю я вашу речь: неужели эти наряды в будни носят, что их наделано так много?

Л е с т о в (*про себя*).

Вот новая попытка! (*К нему*) Да выслушай, ради самого бога, мне крайняя нужда. чтоб ты сказал...

А н т р о п.

Ну, нечего! Я те скажу, у нас и по большим праздникам эдак не наряжаются!

Л е с т о в.

О, мучитель! Согласишься ли ты мне сделать большую милость, и только два слова...

А н т р о п.

Не прогневайтесь, барин, ваша речь впереди. Какне ж праздничные-то наряды?

Л е с т о в (*про себя*).

Нечего делать! пришло пускаться в приятельской разговор, авось скорей отстанет. (*К нему*) Здесь, мой друг, этого различия не знают, не так, как у вас, в глуши; здесь одеваются, пьют, едят и живут в будни так же точно, как в праздник; одним словом: здесь город такой, что и в будни праздник. Ну вот, я тебе все рассказал. Выслушай же и ты меня: мне очень хочется, чтоб ваша барышня узнала...

А н т р о п.

Экой обычай! экой обычай! Ну да коли, барин, здесь на страстной масленицу справляют, так не приходится ли иногда сочельник-то о Святой?

Л е с т о в (*про себя*).

Чтоб тебя чорт взял с твоими примечаниями! (*Громко*) Я бы хотел, чтоб ты сказал своей барышне от Лестова, что он...

А н т р о п.

Не погневайтесь, барин, ваша речь впереди...

Л е с т о в (*про себя*).

О варвар! я думаю, в нем, на досаду мне, сам сатана поселился!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Маша, Лестов и Антроп.

А н т р о п (*увидя Машу*).

Так, не дадут рта розинуть, благодать было добрый барин сыскался; вот и стоя там опять, как вкопанный. Уж куда, о

чай, весело жить, кому говорить-то не мешают!

М а ш а.

Ну, сударь, сладили ли вы?

Л е с т о в.

Я? Ты видишь, с меня пот льет градом; этот злодей душу из меня вытянул, — и я ничего не мог...

М а ш а.

Оставьте его; я проворнее вас. Теперь уйдите и приезжайте часа через два, ваша милая будет здесь.

Л е с т о в.

Как! неужели? Ах, как ты любезна, Маша! надобно, чтоб я тебя расцеловал...

М а ш а.

Тише, сударь, тише, оставьте что-нибудь вашей любезной. Посмотрим еще, каков то ваш вкус. Уйдите ж, уйдите, чтобы не подать подозрения.

Л е с т о в.

Машенька, я обещаю тебе...

М а ш а.

Ох! не обещайте, сударь! Я слышала от деловых людей, что это очень дурная примета для тех, кому обещают.

Л е с т о в.

Прощай же. В госпоже не пощастливилось, в слуге не удалось, — пойду и подошлю лавутчика к кучеру.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Г-жа Сумбулова, Маша и Антроп.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Все прекрасно, моя милая!

А н т р о п.

А! барыня! Ну вот тебе раз!

Г - ж а С у м б у р о в а (*Антропу*).

Что там еще?

А н т р о п.

Да вить это барин-то тот, что, помните, прошлого года... а нам было сказали, что он убит, и бедная барышня так плакала. То-то я гляжу, стало, он жив.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Перестань врать и поди лучше к карете; ты что рот розинешь, то соврешь.

А н т р о п.

Ну, да уж я точно догадался, что его не убили.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Г-жа Сумбулова и Маша.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Скажи ж, моя голубушка, своей мадаме, что мне много, очень много надобно будет самых модных уборов и материй в кусках. Я падчерицу хочу нарядить, как куколку; она у нас первая невеста по всему уезду, да и выдаю же ее за своего родственника, так чтоб, знаешь, не ударить лицом в грязь.

М а ш а.

Извольте уже с ней приехать; мы возьмем мерку, и я смею уверить, — вы будете довольны нашим искусством.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Да, да, душа моя, мы таки сами сюда приедем; я бы и на дом за вами прислала, да у меня муженек такой брюзгливый и упрямый, что с ним не сладить. Ну, что с ним делать! Ни французских лавок, ни французских товаров, да не здесь будь сказано: и француз-то терпеть не может; ему вот все дай русское; а что у нас хорошего-то сделать умеют? — Кабы не ваши мадамы, так, прости господи, хоть совсем без платья ходи.

М а ш а.

С вашим тонким вкусом, вам бы быть знатною барынею!

Г - ж а С у м б у р о в а.

Я таки, душа моя, по всей нашей округе первая помещица.

М а ш а.

Не надобно ли чего будет вам и для вашего зятя? В нашей лавке для мужчин есть прекрасные товары, а вы ведь выбрали, верно, зятя с таким же хорошим вкусом, как и у вас.

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

Как же, моя милая! — Уж чего-то я за него от муженька не вытерпела, однако поставила таки на своем. Зятюшка то мой, г. Недошетов, будет у меня загляденье; он, моя жизнь, был в Лондоне, в Париже и заезжал в Европу! Уж нечего сказать, ученый человек, да эконоом какой! И теперь, для экономии, остался в деревне; знаешь, все на иностранный манер, и сеет и жнет все по немецкому календарю; да, полно, земля-то у нас такая дурацкая, что когда ему надобно лета, тут то, как на смех, и придет осень; разорение, да и все тут! Ну так я приеду, ангел мой. Мне еще будет до тебя кровная нужда!

М а ш а .

Что такое, сударыня?

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

Не можешь ли ты меня к отъезду ссудить выкроечками? У меня бы все дома свои девки перешили, и я бы в уезде-то всегда одевалась по последней моде.

М а ш а .

Образчик моды везти за полторы тысячи верст? и, сударыня!

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

Экая беда! По крайней мере, уж вы поторопитесь нас обшить. Ну, право, боюсь, чтоб муженек не узнал; оборони бог греха; — это выдет такая кутерьма, что и святых вон понеси!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Г-жа Сумбулова, г. Сумбулов и Маша.

Г . С У М Б У Р О В .

Так, сударыня женушка! прекрасно! Стало, все мои слова на ветер. У меня сердце слышало, что ты не удержишься от дурачества. К чему изволила сюда пожаловать?

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

Постыдись, батька мой, хоть при людях-то!

Г . С У М Б У Р О В .

При людях? здесь люди? нет, это шиваицы, которые сосут нашу кровь, обма-

нывают нас, разоряют, и после, уехавши с нашими деньгами, нам же смеются.

М а ш а .

Судя по обращению, муженек ваш, кажется, человек не придворный.

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

И так, мой батюшка, ты ведь только русским и бредишь. Я право, советовала с людьми, которые не менее твоего толк знают. Племянница моя Нецетова...

Г . С У М Б У Р О В .

Почти уже все свои и мужнины деревеньки по таким магазинам размытарила.

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

Невестушка моя Хопрова...

Г . С У М Б У Р О В .

Им же пол имнем челом стукнула.

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

Мой братец человек умный...

Г . С У М Б У Р О В .

На умного человека столько векселей и щетов поступило из этих лавок, что умному человеку придет скоро жить одним умом.

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

И! батюшка, да полно за своих русских! Ну ты ведь знаешь, что Судьбин и Тагаев, свояки твои, люди знающие и степенные, а они говорят...

Г . С У М Б У Р О В .

Ох, они уж мне уши наколотили своим враньем; только тем и хвалятся, что у них все не русское, все выписное из Франции, да из Англии. Я думаю, они скоро будут к нам пузыри с английским воздухом выписывать! а ты затеваешь, чтоб и мы пошли по их следам. Нет, нет! этого не будет, и я даю честное слово, что ни одна французская душа моей копейки в глаза не увидит!

Г - Ж А С У М Б У Р О В А .

Ну, да если их вкус...

Г . С У М Б У Р О В .

О, в них его очень много к нашим день-

гам. Да что ты думаешь, без них бы мы нагими ходили?

Г - Ж А С У М Б У Р О В А.

И, греховодник! Да что же тебе хочется, чтоб мы одевались, как наши бабушки, пужать народ?

Г. С У М Б У Р О В.

Полно врать, жена: естли б наши бабушки только что пужали народ, так нынешнего бы народу и на свете не было. Хорошая женщина без помощи французских торговек хороша, — на что ж они ей?

М а ш а.

На то, сударь, чтоб не быть смешной.

Г. С У М Б У Р О В.

Смешною? у кого? у вертопрахов и ветрениц? — вот великой грех!

М а ш а.

Не грех, сударь, а в большом городе хуже всякого греха.

Г - Ж А С У М Б У Р О В А.

И ведомо, мой батюшка! во грехах-то мы перед богом в ответе; а уж как смешон человек, так в люди нельзя показаться.

Г. С У М Б У Р О В.

Пустое ты мелешь, свет мой! Посмотри, как я из русских лавок снаряжу мою Лизаньку... Тыфу пропасть, я и позабыл, что она дожидается в карете.

М а ш а.

Ах, естли б Лестов увидел!

Г - Ж А С У М Б У Р О В А.

Как! в карете?

Г. С У М Б У Р О В.

Да, здесь, у крыльца. Я, едучи с нею мимо, увидел Антропку и пошел только сам вытащить тебя из этой западни. Ну, пойдем же.

Г - Ж А С У М Б У Р О В А.

Да позволь хоть что-нибудь...

Г. С У М Б У Р О В.

Ни одной ленточки, ни одной булабочки; да не советую и впредь по таким ме-

стам таскаться, естли не хочешь... Ты понимаешь меня? Я ведь за модой не гонюсь и муж старинного русского разбора, так хочу, чтоб жена меня слушалась! Антропка, салоп барыне!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Теже и Антропка (пьяный). Антроп подает салоп. Г-жа Сумбулова надевает его и завязывает очень медленно.

Г. С У М Б У Р О В.

Ну, жаль расстаться! не поворотишь. Ступай, сударыня, ступай! (*Антропу*) Ты, розозей, что стоишь? Иди, отвори двери!

А н т р о п.

Которые прикажете, сударь?

Г. С У М Б У Р О В.

Эге, да ты уж натянулся!

Г - Ж А С У М Б У Р О В А.

Когда успел?

А н т р о п.

Виноват, сударь, давишний приятель изволил пожаловать нам с Сенькой на водку, да указал кабак; так знаешь, как будто совестно было не выпить.

Г. С У М Б У Р О В.

У вас везде друзья, да приятели; а Сенька где?

А н т р о п.

Скоро кончит, сударь!

М а ш а (*особо*).

Это наш молодец спроворил!

Г - Ж А С У М Б У Р О В А.

Экие пьяницы! на минуту нельзя из глаз выпустить! Уж не Лестов ли это негодный?

Г. С У М Б У Р О В.

Ступай, сударыня, ступай! Да как же в двух каретах с одним лакеем?.. Добро, бездельники!

А н т р о п.

Ничего, сударь барин, я один за обеими каретами стану; Сенька и пешком дорогу найдет.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Маша и г. Сумбуров.

М а ш а.

Вперед прошу жаловать. *(Про себя)*
Ну, плохо же Лестову! этот проклятый
камчадал все наши замыслы расстроит.

г. С у м б у р о в.

Э! постой-ка, душенька, ты, мне ка-
жется, русская?

М а ш а.

Ах, сударь, по несчастью.

г. С у м б у р о в.

По несчастью! Ну, а как это по не-
счастью?

М а ш а.

Как?

г. С у м б у р о в.

Да, мне пришло в голову... Ну, да те-
перь некогда! время еще не уйдет; на-
добно это обдумать. Прощай.

М а ш а.

Чего он хочет? что говорит, прошу по-
нять! К этим дикарям, как будто к тата-
рам, не скоро применишься. Пойти, сла-
дить это дельцо с мадам Каре!

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Маша и Андрей.

М а ш а *(читает письмо)*.

«Я был у Сумбуровых». Проворен!—
«Старик было мне обрадовался и просил
меня, как сына своего доброго приятеля,
ездить к нему чаще». — Счастливо!.. «Но
негодная жена его все испортила и вы-
сказала на меня, что я дагеча отправил
слуг пить и говорил с Лизою». — А! а,
дружок, попался! — «Сумбуров взбе-
сился, отнял у меня всю надежду полу-
чить Лизу и выкурил меня вон своими
правоучениями. Я в отчаянии...» *(Ан-
дрею)* А где твой барин?

А н д р е й.

Приехал домой и с горя лег спать.

М а ш а.

Стало, беда — ге смертельна! Ба, еще

не все. — «Хочу ехать драться с сопер-
ником.» — Прекрасно! — «Потом приеду
драться с Сумбуровым!». — Еще лучше!—
«Потом сам застрелюсь!». — Вот затей-
ливо! — «Не придумала ль ты чего ум-
нее? приезжай посоветовать». Это уж
всега благогазумнее.

А н д р е й.

Приказал просить об ответе!

М а ш а.

Скажи ему поучтивее: вы, дискать, су-
дарь, с ума сопли. Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

М а ш а *(одна)*.

Хорош! добр! а все-таки шутит, как
барин!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТНЕ.

Маша и Мусье Трише.

Т р и ш е.

Eh! bonjour, ma chère¹ Машенька!
Сторов ли, мой ангел?

М а ш а.

Ба, мосье Трише! Что за счастливый
день! все старые знакомства мои отыски-
ваются: давича один из походу явился,
а вы, мосье Трише, ведь, верно не за
славою гонялись, что мы с полгода вас
не видали?

Т р и ш е.

О, нет, нет! я любит, што потяжель—
солидна, проста деньга.

М а ш а.

Вольно ж не носить к нам помады; за
нами, кажется, деньги не стояли; за что
прогневался, бог знает!

Т р и ш е.

О! мой помад большь не делай, та
chère enfant,² мой уж боли не расно-
шник — мой шесна и багада купес.

М а ш а.

Поздравляю, мусье Трише, поздрав-
ляю! Да клад что ли ты нашел?

¹ А! Здравствуй, дорогая.² Дитя мое.

Т р и ш е.

Гляд? — не понимай, что это знаши, мой нашол гароши каспадин, малада seigneur,¹ шадна на деньга! мой ушил ему коммерс et конес нашот, малада шелвек шиста, совсем шиста — et monsieur² Трише на верку пошоль.

М а ш а.

Я думаю, мусье Трише, за такое прекрасное ремесло вам бы уж не худо и остаться на верьху.

Т р и ш е.

О! мой надейс, надейс. — Е мадам Каре на свой комнат?

М а ш а.

Дома! На что тебе ее?

Т р и ш е.

Превашна affaire³ мой знайт на верна шелвек, што ваш полушил товар, на ктур забуль таможна пешатка палаши: панимайш, што мой гаварит?

М а ш а.

Как же? ты городишь ахиною!

Т р и ш е.

Што; што? акинией?

М а ш а.

То есть вздор.

Т р и ш е.

А, га, разумей! нет вздор! Я верно знайт, когда пришол, е где палажилъ товар. — Eh bien⁴, я имей на сто тысьяшь вексель от мосье Недошьетов, богата Курска бояр — е как мене нужна деньга ou bien⁵ товар, — мой кошет сделал proposition⁶ мадам Каре на маленька уступка от вексель, я надейс, што мадам, старая моя приятельнис, еще на франсуски земля сделайт пудит тле мене такой отолжен...

¹ Господин.

² И господин.

³ Дело.

⁴ И вот.

⁵ Или же.

⁶ Предложение.

М а ш а (*про себя*).

Недошчетов? Недошчетов!... Ах, да это жених Лизы! Прекрасно! как бы на этот вексель уткнуть Сумбутовых; может быть, это бы немножко порасстроило их желание выдать Лизу за... (*К Трише*) Мосье Трише, я вам хочу дать добрый совет.

Т р и ш е.

Зает, мой красавис?

М а ш а.

У меня есть на примете... (*Про себя*) Ба! да это... так точно Сумбуров — и прямо сюда. Очень, очень кстати. (*Громко*) Оставайтесь здесь, мосье Трише, вы спасибо мне скажете.

Т р и ш е.

Карош, мой тушеньк!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маша, Трише и г. Сумбуров.

М а ш а (*тихо про Сумбурова*).

Уж не околдован ли он? и бормочет про себя!

г. С у м б у р о в (*про себя*).

Да! естлиб эта девушка согласилась пойти в горничныя к жене или дочери... Пусть их одеваеь хоть на китайский манер, да деньги мои будут в руках христианских.

М а ш а (*к Трише*).

Этот господин из Курска, он богат и охотно купит ваши векселя.

Т р и ш е.

Прекрасна! (*К Сумбурову*) Monsieur...

г. С у м б у р о в.

Слуга ваш! (*Маше*). Я, друг мой, хотел бы с тобой словца два перемолвить...

М а ш а (*про себя*).

Со мной? — Не понимаю!

г. С у м б у р о в (*про себя*).

Только нет, она одета и смотрит барынею, — мне уж совестно и говорить ей...

Т р и ш е (*Сумбурову*).

Каспадин, гаварьи на франсуски?

г. Сумбууров.

Я, мусье? Когда я соберусь ехать во Францию жить, то, верно, наперед выучусь по-французски; а кто сюда на житье едет, тому бы не худо уметь с нами говорить по нашему; впрочем, я не готовился для такого дорогого гостя — грубиян!

Трише (*Маше*).

Ma chère Машенька, кашись, мосье маленька шоска?

г. Сумбууров (*Маше*).

Мне бы хотелось уговорить тебя, душа моя... (*Про себя*) Ну, право, она не согласится.

Маша (*про себя*).

Уговорить? — неужель... Да нет, нельзя стать!

Трише.

Я осмелюсь на вас адна тел, ваше Снятельство!...

г. Сумбууров (*Трише*).

Я совсем не сияю! (*Про себя*) Чорт бы придавил этого француз! (*К Маше*) Как бы мне, красавица моя, с тобой с глазу на глаз — перемолвить; есть такое дельцо...

Маша (*про себя*).

С глазу на глаз? Да нет, нет, он не так смотрит.

Трише (*Сумбуурову*).

Мой бы шелал, каспадин мой...

г. Сумбууров (*бросаясь к нему*).

Ну, да сказывай! — Чего ты от меня хочешь?

Трише.

Ай, ай! mon cher monsieur, для шево так горяш? я нишево не бросил, е только катель показайт, не укодна ль кушил вексель на молода seigneur ваша провинс, мосье Недошету.

Маша (*про себя*).

Ну, камень брошен, ловко ли то стукнет?

г. Сумбууров.

Что, что? На Недошетове? Так и он был у них в переделе! — Ох, жена! отвела ты меня от Лестова: не ошибиться бы

нам! — (*К Трише*). Да что это за вексели?

Трише.

Oh monsieur! мой знает политес и не кошит вас мешант...

г. Сумбууров.

Мусье француз! я вижу, что ты ни молчать, ни говорить в пору не мастер. — Да покажи мне их... (*Про себя*) Вексели у этих живодеров; а про Лестова я ничего худого не слышал. (*К Трише*) Ну что ж за вексели?

Трише.

Безделис, — зовершенной безделис для багата каспадин, как мосье Недошету..

г. Сумбууров.

Правда, и я думал, что неважное что-нибудь. Он, кажется, у нас большой эконоом.

Трише.

О эта денья пошла на добра дел! (*Подает векселя*).

г. Сумбууров.

Как, в двадцать! в тридцать! в пятьдесят тысяч! — хорош эконоом! Ну! да когда это он у вас намотал?

Трише.

O pardonnez moi¹, мосье не матаит; мосье многа раз кушил: галанска бешка е коровка, англиска парашка, е шпанска овешка на завог.

г. Сумбууров.

Тут есть плутни; я у него ничего этого не видал.

Трише.

Жутна нет? тьяжель климать! е куда сматрень, болвин пропал, е болвин сконшался, однако мой верно знаит, што мосье Недошету шкурка исправно полушал.

г. Сумбууров.

Шкурки? на племя! (*Про себя*) Хороша экономия! Как подумаю, так и жаль Лестова, и отец его был мне хороший приятель! Полно, и Лестов повеса: вздумай спойть слуг, чтоб говорить с Лизово.

¹ Простите.

Гадко! скверно! однако вселучше, нежели надавать векселей на сто тысяч, и кому же?..

Трише.

Укодна, мосье?

г. Сумбу ров.

Спроси у лакея об нашей квартире, да побывай через полчаса ко мне. (*Особо*) Разведать о том попристальнее.

Трише.

Слуга ваш! я толк на один минут к мадам Каре...

Маша.

Зачем же еще?

Трише.

О мой красавис! на бельша кород не одна мосье Недошету, я имеет много другой вексель.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Г. Сумбу ров и Маша.

Маша (*про себя*).

Старик задумался! не подует ли ветер на нашу сторону?

г. Сумбу ров.

Да! Надобно еще посоветовать с женою, не погубить бы мне дочери. Эти господа ссудчики очень чисто обирают наших молодцев и, кажется, в Недошетова далеко кохти запустили!

Маша.

Вы никак о векселях изволите думать?

г. Сумбу ров.

То-то! человек-то мне близкой! Ну да полно, это еще не уголовная беда, и поправить будет можно! Спалил, вперед наука! Кто бабе не внук? Дело то зашло далеко; ну да это в сторону. — (*К Маше*) Послушай-ко, ты, мне кажется, девушка добрая и мне очень понравилась...

Маша (*про себя*).

О, го! старый беззаконник! так вот и развязка! (*К Сумбу рову*) Я, сударь, очень счастлива...

г. Сумбу ров.

Скажи ж, душа моя, что б ты, эдак, взяла в год жалованья?

Маша (*про себя*).

Жалованья? да он дело-то ведет чип чинном (*Ему*) Неужели вы думаете?..

г. Сумбу ров (*про себя*).

Знал, что не сгласится! (*К ней*) Выслушай, моя красавица: чем тебе здесь на целый город работать, ведь ты согласишься, что у меня в доме работы тебе будет меньше; я, право, тебя не изнурю... Да что ты так на меня чудно смотришь? Неужели тебе это обидно?

Маша (*про себя*).

Коли он с ума не сошел...

г. Сумбу ров.

Подумай-ко хорошенько, девушка; ты такая умненькая, такая миленькая и такая хорошенькая, что, нечего, я б не советовал тебе на таком юру оставаться, где всякой повеса...

Маша (*ему*).

Как, сударь, имея жену и дочь?...

г. Сумбу ров.

Ну да, для них то ты мне и нужна. Что ж делать с ними, когда они с ума сошли на модах?

Маша (*про себя*).

А! так вот что! Бедный старик! поклепала было я его совсем безвинно!

(*Входит г-жа Сумбу рова*).

г. Сумбу ров.

Ну, так-то, моя голубушка, размысли-ко хорошенько; я, право, тебе дам жалованье и содержание хорошее, и ты у меня будешь как сыр в масле кататься.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

г. Сумбу ров, г-жа Сумбу рова и Маша.

г-жа Сумбу рова (*особо*).

Прекрасно, любезный муженек! Я теперь догадываюсь, зачем он меня из французских лавок гоняет!

М а ш а (*про себя*).

Нет, не откажу! — чтоб как-нибудь их привадить. (*К нему.*) Мне, сударь, надобно подумать!..

г. С у м б у р о в.

Подумай, подумай! Уж я награжу тебя не хуже твоей мадамы, и замуж выдам. А, га! тут и ушки зарумянились! (*Берет ее за руку.*) Подумаем о добром приданом.

г - ж а С у м б у р о в а (*становясь между их*).

О добром приданом? надобно подумать! Ах ты старая мартышка! да что ты это затеял, о своем ли ты уме?

г. С у м б у р о в.

Остойся! стойся! (*Про себя.*) Да отколь ее нелегкое принесло?

г - ж а С у м б у р о в а.

Как, распутная твоя душа, ты от живой жены, греховодник! а я чтоб стала терпеть? Нет, нет, я хочу кричать, пускай все добрые люди соберутся и видят...

г. С у м б у р о в (*про себя*).

Страм с ней, да и все тут. (*К ней.*) Полуумная, да послушай!

г - ж а С у м б у р о в а.

Яуж выслушала! При мне изволил притворяться, что не терпит французских лавок, ругает их, а без меня так, видно, дела идут совсем другой статью!

М а ш а (*про себя*).

Надобно это повернуть в нашу пользу! (*К Сумбуровой.*) Вот, сударыня, как иногда терпит напраслину самая невинность; ну, а как еще, вместо ссоры, как есть за что поблагодарить барина?..

г. С у м б у р о в.

Уж, конечно, есть за что!

г - ж а С у м б у р о в а (*к Маше*).

Может быть! только не мне, а тебе, голубушка! Не слыхала я, как он говорил о приданом?

М а ш а.

Ну, да, о приданом, сударыня, — для своей дочери!

г. С у м б у р о в.

Что?

г - ж а С у м б у р о в а.

Для Лизаньки?

М а ш а.

Да. — Он было вздумал обрадовать вас нечаянно, и отобрал уже множество прекрасных товаров, а особливо для вас.

г - ж а С у м б у р о в а.

Уж и для меня?

г. С у м б у р о в (*Маше*).

Что? что ты говоришь?

М а ш а (*тихо Сумбурову*).

Говорите, пожалуйста, другое, ежели не боитесь страму и ссоры.

г. С у м б у р о в (*про себя*).

Страму? — Она права! — Это лучший способ от него избежать.

г - ж а С у м б у р о в а (*Маше*).

Неужели? да нет, я не могу поверить!

М а ш а.

А вот вы тотчас поверите. Девушки! подите ктонибудь сюда, возьмите эти два куска шитой кисеи и отдайте их человеку.

г. С у м б у р о в (*Маше*).

Я, помнится мне, только один...

М а ш а (*Сумбурову*).

Вот прекрасно! вы забыли... (*Девушке.*) Возьмите ж эти кружева и две коробки цветов, и оставьте их там хорошенько!

г - ж а С у м б у р о в а.

Сокровище мое! ну я бы век не подумала...

г. С у м б у р о в (*про себя*).

И я, право, так же мало думал. (*Маше.*) Головы что ли ты моей ищешь, проклятая?

М а ш а (*к г-же Сумбуровой*).

Ну уж, видно, вас барин страстно любит, сударыня. (*Девушке.*) Возьми, пожалуйста как можно осторожнее оставить этот фарфоровый дежене¹.

¹ Сервиз для завтрака.

Посмотрите, сударыня, какая живопись! какой вкус! Это для вас.

Г-жа Сумбулова (*Сумбурову*).

Бесценный мой! Да что же ты не весел? Не правда ли, что в русских рядах таких товаров не отыщешь?

М а ш а.

Уж, конечно, сударыня! Чему в них быть доброму? ничего не найдете.

Г. Сумбуров (*Маше*).

Негодная! я бы хотел в них купить хорошую веревку, чтоб ею тебя удавить.

Г-жа Сумбулова.

Что, что он говорит?

М а ш а (*Сумбурову*).

О, виновата, сударь! (*К Сумбуровой*). Изволит говорить, чтобы снять с вас и с падчерицы вашей мерку, ца нашить платья побогатее.

Г. Сумбуров.

Как? как? будто я это сказал? ты не велушалась. Подитко сюда, послушай, голубушка, ты, наконец, выведешь меня из терпения...

М а ш а.

Угрозы! О, это примета бессильных. Да кто вам мешает говорить свое? Отвечайте со мною разбиться в словах.

Г-жа Сумбулова.

Да что? что вы там? Верно, еще что-нибудь затеваете.

М а ш а.

Уж какой нетерпеливый! Изволит жаловаться, что нет здесь барышни, вашей падчерицы: ну вот захотелось, чтоб теперь же снять мерки!

Г. Сумбуров (*К Сумбуровой*).

Ну что ж, моя жизнь, мы лучше в другое время с Лизанькой вместе приедем. (*Про себя*.) Лишь бы мне ее выманить. (*Маше*.) Что, плутовка, попалась ты сама на свою уду?

Г-жа Сумбулова (*Сумбурову*).

Нет, нет, ангел мой! Лизанька тотчас будет! Я, увидя твоего лакея у крыльца,

хотела только узнать, что ты здесь делаешь: вить мне и в голову не входили твои проказы! А Лизаньку оставила с теткой: они хотели только один конец по гулянью пройти и в одну минуту будут сюда; у меня как сердце слышало, что ты в разум войдешь.

М а ш а.

Ах! так это очень кстати! Я в сию минуту доложу о вас мадам Каре. (*Про себя*.) Сказать ей, что она здесь, и отыскать Лестова... (*К Сумбуровой*.) Она сама постарается вам угодить. (*г. Сумбурову*.) Ну, сударь, кто же из нас на свою уду попался?

Г. Сумбуров (*про себя*).

Какое мучение! надобно уж дожидаться, а то хуже будет. (*Маше*.) Добро ты, негодяйка! Я думаю, меня сам лукавой сюда занес!

(*Маша уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Г. Сумбуров, г-жа Сумбулова, Каре и Трише.

К а р е.

Non, non, monsieur!

Т р и ш е.

Я не каварит на французски, я шелаит что monsieur et madame слышал будит, как ваш неблагодарна!

Г-жа Сумбулова (*Каре*).

Я, матушка мадам...

К а р е.

Et vous osez ... ¹

Т р и ш е.

Не кошет мой франсуски! Извольте послушать, каспадин: мадам знай мене польна близка; мне нушна деньга безделис, я имейт вексель на заклад, е мадам такой невьеж, такой груб, не кошет мне вериль.

К а р е.

Eh bien: не кошет! Мой нет деньга на всякой бродят!

¹ И вы смеете...

Т р и ш е.

Бродяг? — Сам твой бродяг, никодня женщин! Твой забудь, как на Париш без башмак пегал на улис, е нинше спесив, как знатна барин!

К а р е.

Et ваша, мосье, помнит, карош Париш?

Т р и ш е.

Allons, soyez discrète! ¹

К а р е.

Ah! теперь мой не кошет на ффрансуски. — Ваш мосье забул, как на Париш на тшюжа карман деньги ловил, et monsieur давно был мотать на воздух, mais monsieur браворна, monsieur ушла от Париш — le scélérat! ²

г - ж а С у м б у р о в а.

Я, жизнь моя...

Т р и ш е.

Мадам помнишь, как от мой rеcommеndation ³ взят ушительнис в русска богата фамиль, ушить малада девушка на корош повиедень, et мадам за свой карош повиедень сколько раз в Париш гулял на Салпетрина завод ⁴.

К а р е.

Негодна шелвек! Мой будь невинна et имел сильна неприятель!

Т р и ш е.

Да! да! ваш невинность буль на вешна сор с Паришка полис.

К а р е.

Et monsieur помнит, как после мой дал ему места ушитель на богата дом, et ваш такой невьеж et такой мерзка, что не дворенска детки доброй собак ушить! — Негодна!

Т р и ш е.

Кадка креатур ⁵, богади немношко, мой знай тобра манер; сделай тебе такой ниша е продяг, как был и до русска семля.

К а р е.

Comment? ⁶

Т р и ш е.

Ни слова на ффрансуски; мой кошет, што мосье слышал, как ваш негодна et мерска шеншин, как ваш обманшик, et как ваш таргавал на контрабанд. — Еге? што, ваш от эта смирна стал, мой наверно это знает! — (К Сумбурову.) Monsieur! мой отсель пошел на ваш квартал, дожидайся; я имею велик дел на вас доложиль.

г. С у м б у р о в (Трише).

Ступай, ступай! (Жене.) Пойдем, жена, мне, право, есть еще дело тебе сказать!

г - ж а С у м б у р о в а.

Да дождемся же Лизаньки!

г. С у м б у р о в.

Что ты с ней будешь делать?

Т р и ш е.

Adieu! ⁷ ваш от меня услышит, скоро услышит, бездельнис!

К а р е.

Traître! ⁸

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

г. Сумбуров, г-жа Сумбурова и Каре.

г. С у м б у р о в.

Поедем-ко, поедем, сударыня, мне с тобой есть важное дело переговорить.

г - ж а С у м б у р о в а.

Постой же, батюшка, вот идет Лизанька: дай снять мерки!

г. С у м б у р о в.

Уж надо дотерпеть! — Только, ради бога, поскорей кончите. О, негодная! если бы я мог...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Теже и Лиза.

Л и з а.

Батюшка, вы еще здесь? Я уж боялась опоздать, да тетюшка так устала, что мы

¹ Ну, будьте скромны.

² Злодей.

³ Рекомендация.

⁴ Селитряный завод, потом — тюрьма.

⁵ Два.ь.

⁶ Как?

⁷ Прощайте.

⁸ Изменник.

на-силу дотащились, и она, проводя меня сюда, поехала...

КАРЕ.

Ваш не кавари на франсуски?

Г-жа Сумбурова.

Виновата, жизнь моя, не умею. — Вот, батюшка, как я у твоей-то роденьки была воспитана, что стыдно в порядочные люди глаза показать, а ты и дочку то свою так воспитал.

Г. Сумбуров.

Я воспитал ее быть доброю женою, доброю хозяйкою и доброю матерью, а не по-сорочью шекотать. Успел я здесь увидеть много твоих приятельниц; хороши! стыдно не учиться музыке, стыдно не уметь танцевать, стыдно очень не лепетать по-французски; а не стыдно, сударыня... сорвалось было у меня с языка, да полно, — я скромн.

КАРЕ.

Ваш, конечно, из дальна провинс?

Г. Сумбуров.

А что? разве здесь эдак и думать в диковинку?

Г-жа Сумбурова.

Матушка мадам, мне и падчерице надобно нашить платья.

Г. Сумбуров.

Жена, опомнись, надо честь знать, сшей им по платью, да и полно; лавку что ли ты всю поднять хочешь?

КАРЕ.

Пожалуй сюда, сутаринь, я будет для вас вибирай сама карош материя et ваша только тенга плати.

Г-жа Сумбурова.

Хорошо, ангел мой! — Слышишь ли ты, жизнь моя? она сама хочет выбирать; уж какая добрая! Побудь здесь, Лизанька!

КАРЕ.

Машенька, Машенька!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Теже и Маша.

КАРЕ.

Извольте останес с mademoiselle: — я пошел выбрать товар для мадам.

Г. Сумбуров.

Естьли за ней не пойти, так она всю лавку скупит. Пойдем, друг мой, Лиза, туда, что тебе здесь оставаться?

МАША.

Вот беда! — Пойдемте, пойдемте, сударыня, там-то самые лучшие и дорогие товары вы увидите, и я вам обоим помогу выбрать их столько...

Г. Сумбуров.

Нет, нет! останьтесь лучше здесь; я уж один пойду. — Эта бездельница рада разорить меня.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Лиза, Маша и Каре.

КАРЕ.

Ma chère enfant, вы пудит здесь видит одна малада каспадин, котора вас очень лубит.

ЛИЗА.

Сердце во мне так сильно бьется...

КАРЕ.

Не бойсь, mademoiselle, мадам Каре свой дел снаит карашо и будит ваш старику держал на задня комнат. Машенька, ваш не позабуль сказать мосье Лесту, что мой лавка рискуй свои réputation для ему rendez-vous с пригожа мамзель et што она должна платить мене добра монет!

МАША.

Подите, подите, уж ничего не забуду!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Лиза, Лестов и Маша.

ЛЕСТОВ.

Лиза, друг мой! повтори мне еще, что ты меня любишь!

ЛИЗА.

Мог ли ты в этом сомневаться? я воспи-

тана в деревне, вдали от больших гор-
дов...

М а ш а.

Полно-те, полно-те, оставьте ваши неж-
ности к венцу, вам будет для них доволь-
но досугу, лишь бы не пропала охота, ре-
шитесь лучше, как помочь горю.

Л и з а.

Ну чтож я должна делать? довольно
ли тебе моего слова: не быть ни за кем,
кроме тебя, или умереть в девках!

М а ш а.

Нет, нет, мы совсем не того хотим: нам
надобно все или ничего — не правда ли
сударь?

Л е с т о в.

Так, конечно; без тебя не могу я быть
счастлив, жизнь моя будет мне в тягость;
или ты должна быть моею, или...

М а ш а.

Или он поживет, поживет, да умрет;
скальтесь, сударыня...

Л е с т о в.

Согласись уехать со мною к сестре моей.
У ней село отсель в трех верстах; там мы
обвенчаемся — и тогда уже никто нас не
разлучит.

Л и з а.

Боже мой! что ты мне предлагаешь?

М а ш а.

Куда какая беда, сударыня! любовное
похищение; сколько комедий, сколько ро-
манов этим кончаются; да и в самом деле,
сколько девушек увозится, что не скоро
перечтешь; а сколько еще таких, которые
бы ради, чтоб их увезли, да никто не уво-
зит.

Л и з а.

Чего ты требуешь от меня?

Л е с т о в.

Это мне нужно, чтоб оживить хотя не-
много мои надежды.

Л и з а.

Жестокая мачиха, ты будешь причи-
ною...

Л е с т о в.

Я только одного слова от тебя тре-
бую... Ты молчишь? Прости ж навек...

Л и з а.

Постой! (*бросается в креслы*). Лестов,
как я несчастлива!

Л е с т о в.

Маша, она лишается чувств!

М а ш а.

Ну да вить вы видите, что дело идет
своим порядком. (*Сумбуров показы-
вается*).

Л е с т о в (*бросаясь на колени*).

Лиза, любезная Лиза! Что делать?
Маша! Лиза!

М а ш а.

И брошусь за спиртом, и! у вас уж
голова завертелась? Да неужели, сударь,
сроду для вас это первый обморок?

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

г. Сумбуров, Маша, Лиза, Лестов и потом г-жа
Сумбурова.

г. С У М Б У Р О В.

Как! как! что это значит? Перед до-
черью моею на коленях!... В лавке! се-
реди целого города! среди белого дня!..
О страх, о стыд!.. Беззаконники!

Л и з а.

Батюшка!

Л е с т о в.

Новое несчастье!

г. С У М Б У Р О В.

Бесстыдная дочь! ты стоишь, чтоб я
тебя удавил на этом же месте.

г-ж а С У М Б У Р О В А.

Какой шум! какой крик! Что такое
здесь делается?

г. С У М Б У Р О В.

Поди, сударыня, посмотри, полюбуйся;
всем этим я тебе обязан! Естли б не
твоя дьявольская охота таскаться по
этим проклятым лавкам...

Г-жа Сумбурова.

Да что такое?

Г. Сумбуров.

А то, что я застал его мглою на коленях перед дочерью! Понимаешь ли ты, глупая голова? — Какой это стыд всему нашему роду — на коленях в публичном месте...

Г-жа Сумбурова.

Ну вот, батюшка? — ты ведь первый всегда был за него заступник; по делом тебе! А вы, сударь, как осмелились?

Г. Сумбуров (*передразнивая*).

А вы, сударь, как осмелились? Почему и не осмелиться, коли дура попалась. Езди только почаще сюда, так, наконец, кто-нибудь осмелится и с тобою то же сделать.

Лестов.

Простите, сударь, моей страсти...

Г. Сумбуров.

Нет, нет, сударь! этого страму никогда вам не прощу! Как!.. ты мог?.. А я! я уж было передумывал в твою пользу. Первый твой гостинец, что ты услал слуг пить и остался говорить с дочерью, не щадя моего имени, не размыслив, что скажут прохожие, видя девушку в карете одну, не видя при ней никого, кроме молодого повесы, — что подумают о ней и о тех, чья она дочь! — Ну да я было и это простил: отнес это на счет молодости, на счет нерассудливости; намеревался, было, помня дружбу отца твоего... а ты, ты подкупил здесь этих плутов помогать тебе...

Маша.

И, сударь...

Г. Сумбуров.

Молчи, молчи, голубушка! — я не так прост и слеп! Ты подкупил, говорю я, этих плутов обмануть нас и доставить тебе свидание; ты не пожалел чести и доброго имени друга отца твоего — и перед этой ветреницею, на поношение мне, и чтоб видел малый и больший, конный и пеший!.. Нет, нет, мы более не знакомы!

Лестов.

Я умоляю вас...

Г. Сумбуров.

Я слушать ничего не хочу!

Лестов.

Я клянусь вам...

Г. Сумбуров.

Двора моего не знайте; да забудьте, коли можете, и то, что я был друг вашему отцу, а то вам совесть не даст покою после вашего поступка. Поедем, сударыня!

Лестов.

Итак, ни мои просьбы, ни мои обещания поправить...

Г. Сумбуров.

Я мало об этом забочусь...

Лестов.

Прощайте же, сударь, и ждите всего от моего отчаяния!

Г. Сумбуров.

Бесстыдник! Вот тебе, сударыня, французские лавки! вот тебе французские мастерицы! — смастерили было они добрую игрушку. О стыд! о поношение! Какого с начала света в роде Сумбуровых не бывало! Вон отсель, вон из этого дьявольского гнезда! (*Сумбурова уходит.*)

Маша.

Да наша ли вина?..

Г. Сумбуров.

А ты, моя голубушка, ты поди к своей мадаме да скажи ей, что она негодница, и ты с ней вместе; что она плутовка, и ты с ней вместе; что она за свои добрые промыслы заслуживает сидеть в рабочем доме, и ты с ней вместе; и что я бы желал, чтоб она, проклятая, и с лавкою своею сквозь землю провалилась, и ты с ней вместе!

(*Выталкивает Машу и уходит.*)

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Лестов, Маша и Аннушка.

Лестов.

Прекрасная мысль, Андрей! — Да выслушай, Маша!

М а ш а.

Проклятый француз! Все ли оттоль вы-
брано, что нужно, Аннушка?

А н н у ш к а.

Начисто, и остались такие вещи, что
полиция может только полюбоваться, а
придраться будет не к чему.

Л е с т о в.

Да что там у вас сделалось? Плюнь на
все, Маша, и похвали лучше мою выдум-
ку. — Андрей!

М а ш а.

Да постоит на-час, и наперед посове-
туемся; вить вы видите, что мне не до
вас! — Ну бронзы?

А н н у ш к а.

На чердаке.

Л е с т о в.

Да что за дьявольщина! у вас всех мед-
ных богов и богинь туда потаскали.

М а ш а.

Ничего, сударь, ничего, на них при-
шла маленькая беда, они от полиции сбе-
жали на чердак.

Л е с т о в.

Да разве что-нибудь дошло до ваших
ушей? Вздор, Маша! с сильными друзья-
ми бояться нечего; послушай-ко лучше...

М а ш а.

Ох! в одну минуту... а кружева?

А н н у ш к а.

О! я их запрятала в такое место, ко-
торое только мне известно, и куда уж,
конечно, дороги полицейскому я не по-
кажу.

М а ш а.

Ну подите ж пока, да осмотритесь еще
хорошенько.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Маша, Лестов, потом Андрей.

Л е с т о в.

Да что эта суматоха значит?

М а ш а.

Гонение на нашу невинность. Есть не-
кто негодный француз Трише, который
грозил донести, будто у нас есть контра-
банда.

Л е с т о в.

И в самом деле есть?

М а ш а.

Ну нет; хоть мы и правы, однако ж
осторожность в таких случаях не порок.

Л е с т о в.

Трише! Трише! да что это за Трише?

М а ш а.

Года за два он был то разнощиком, то
нанимался в камердинеры и назывался
Дюпре, а теперь разбогател и пожаловал
себя в мосье Трише.

Л е с т о в.

Дюпре, ах! да этот бездельник был у
меня камердинером, обокрал меня кру-
гом и бежал.

М а ш а.

Он-то, проклятый, грозитя на нашу
лавку.

Л е с т о в.

Вздор! я его усмирю, когда хочу. По-
смотри наперед, что я вздумал... Андрей!..
никак его чорт унес!

А н д р е й.

Чего изволите, сударь?

Л е с т о в.

Беги, и как можно скорей, отыщи
Сумбурову и тихонько, чтоб никто не
знал, скажи ей... (*Шепчет.*) Да лети
же стрелой.

А н д р е й.

Лечу, сударь!

Л е с т о в.

Андрей!

А н д р е й.

Чего изволите?

Л е с т о в.

Ты ведь догадался, что моим лакеем
позываться не должен, а будто отсель,
из лавки.

А н д р е й.
Как же, сударь!

Л е с т о в.
Ступай же. — Андрей!

А н д р е й.
Я, сударь!

Л е с т о в.
Да чтоб старик, пуще всего, тебя не видал никак.

А н д р е й.
Знаю, сударь!

Л е с т о в.
Андрей!

А н д р е й.
Еще, сударь!

Л е с т о в.
Проворство и осторожность!

А н д р е й.
Слышу, сударь!

Л е с т о в.
Андрей!

А н д р е й.
Еще!

Л е с т о в.
Смотри ж, или синенькую в руки и позволение двое суток пить без просыпу, или добрый солдатский прием, понимаешь? Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Маша и Лестов.

Л е с т о в.
Ну, Маша, посол в дороге, теперь подумаем.

М а ш а.
За делом ли он послан? Не правда ли?

Л е с т о в.
Вот ведь какая самолюбивая! Уж коли не ты вздумала, так и дурно.

М а ш а.
Вот ведь какие самолюбивые! Уж коли вы вздумали, так и хорошо. Посмотрим же этого хорошего!

Л е с т о в.
Да, конечно, не худого. Слушай же

обеими ушами и удивляйся моей замысловатости: я послал Андрея к Сумбуровой сказать, от имени мадам Каре, будто у вас есть запрещенные товары для нарядов, что она может купить их за бесценок, и чтоб нынешний же вечер, по-позже, сюда приехала. Как ты думаешь, соблазнит это ее?

М а ш а.
Легко станется, что приедет. Ну, а там что ж?

Л е с т о в.
Она приедет с Лизой от старика тайком; ты уведешь ее в другую комнату: Лиза знает, что нам уже не осталось другой надежды, после давишной разлуки, как уехать, — она на это согласится.

М а ш а.
А если Сумбурова приедет без падчерицы?

Л е с т о в.
Без падчерицы!.. это мне в голову не пришло. Ну, так что ж, я употреблю все силы, чтоб Сумбурову склонить на свою сторону; просьбы, слезы...

М а ш а.
А как она не согласится? и увозить будет некого.

Л е с т о в.
Некого! я ее увезу.

М а ш а.
Ха, ха, ха! Прекрасная мысль! Разве вы новую кунст-камеру заводите?

Л е с т о в.
Нет, право, не шутя, увезу за город, в село, к сестре, а потом уж пушусь с Сумбуровым в мирные переговоры; и если дело пойдет на лад, так выдам ее при размене пленных; а себе возьму престелную Лизу.

М а ш а.
Божеественно! Теперь послушайте меня. Мачиха не приедет, или приедет, да без падчерицы. Склонить ее невероятно, увезти старуху через весь город. Это хорошо в романах, а не на яву. Теперь, как вы думаете? не лучше ль бы было по-

советовать прежде, нежели отправлять Андрея?

Л е с т о в.

Ты меня как разбудила, негодная, и совсем не к стати! Но по крайней мере я воображением был счастлив. Для чего ж ты мне не хотела отвечать, когда я тебя звал на совет?

М а ш а.

Всякому, сударь, своя голова дорога. Вот как я себя обеспечила, так могу и за вас подумать. Только как ни раздумываю, а все выходит, что ваше посольство ни к стати, ни к месту.

Л е с т о в.

Едва ли ты не права, Маша! Однако ж Андрей уж далеко. Как бы придумать, чтоб это посольство не пропало?

М а ш а.

Из него разве та польза может выйти, что я могу вкрасться в доверенность Сумбуровой, и там современем...

Л е с т о в.

Современем! с ума ты сошла!

М а ш а.

А вам бы, сударь, хотелось роман свой на первой странице кончить, — какая нетерпеливость! Правда, у меня есть одна мысль. Да, да, пусть только приезжает Сумбурова... прекрасно! надобно сказать правду: у нас, женщин, в робенке более хитрости, нежели в самом остром мушине.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лестов, Маша и Аннушка.

А н н у ш к а.

Мадам Каре прислала сказать, что точно скоро будет сюда Трише с полицейскими. Все ли чисто?

М а ш а.

Кажется, мы готовы принять дорогих гостей. Ах, боже мой! я совсем забыла про этот шкаф! Ради бога, помогите мне поскорей выбрать...

А н н у ш к а.

Идут!

М а ш а.

Сумбуров! — Уйдите, уйдите... Ах, какое несчастье! Сам дьявол принес его на эту пору!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Маша и г. Сумбуров.

М а ш а.

Ба, сударь, это вы! — Совсем нечаянный гость!

г. С у м б у р о в.

Да, моя душа! надеюсь однако ж, что это в последний раз. — Я приехал расчеститься с вами за все драгоценности, которые ты давеча, по милости своей, мне на шею навязала.

М а ш а.

Боже мой! а счет еще не сделан, и мадам Каре нет дома. Помилуйте, сударь, разве мы вас торопили?

г. С у м б у р о в.

Нет, нет, я хочу неотменно с вами как можно скорей развязаться; до тех пор душа моя не будет на месте. Разочтись, а там останется уж только одна забота, чтоб, если можно, и в улицу вашу не заглядывать.

М а ш а.

Да разве не успеете завтра?

г. С у м б у р о в.

Как завтра! Опять сюда? Сохрани бог!

М а ш а.

Теперь, сударь, право, не до того; да мы придем к вам со счетом.

г. С у м б у р о в.

Тьфу пропасть! да слышишь ли ты, что я ни лавки вашей, ни из лавки вашей видеть никого не хочу... Да мне кажется, у вас здесь что то суматошно!

М а ш а.

Я вам, сударь, должна признаться, что счет вашим покупкам не сделан мадамою; а она уехала со двора; так вам будет долго...

г. С у м б у р о в.

Я здесь готов почевать, лишь только бы развязаться с вами... Да что ты, голу-

бушка, так оторопела? никак я вам мешаю?

М а ш а.

В чем, сударь?

г. Сумбуров.

О! почему мне знать, ведь у вас много промыслов; и если француз Трише говорил мне правду...

М а ш а.

Он бездельник!.. О, негодный Трише!

г. Сумбуров.

А! а! ну так я буду рад; пусть вас добрым порядком проучат; а то ваши лавки уж не путем скоро богатеют. Молчите, молчите! Трише готовит вам добрый гостинец.

М а ш а.

Мы его не боимся.

г. Сумбуров.

Это ваше дело. Мне счет мой! счет я спрашиваю!

М а ш а.

Позвольте, не найду ль я его там? О, негодный старик! (Особо.) Если б его отсель выжить!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

г. Сумбуров (один).

Да! она что-то в большом угаре; видно, француз говорил правду, что они пресмышляют запрещенными товарами; хотя бы, поймавши на этом, выместили им все пакости, которые они здесь делают! Неосторожные матушки, возя дочерей по таким благодатным местам, я, чай, не один раз плакали от этих лавок. А бедные мужья... о! видно, что они еще худо знают, что здесь покупается и продается.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

г. Сумбуров и Маша.

М а ш а.

Какое несчастье! она еще не приехала.

г. Сумбуров.

Ну что ж! мой счет? Иль в самом деле мне за ним здесь почевать? Я не думаю,

чтоб вы ради были такому гостю, — а особливо теперь.

М а ш а.

Мне очень жаль, что вы можете долго прождать; без мадамы счету сделать нельзя. Неужли вы намерены...

г. Сумбуров.

Намерен дожидаться до завтра. Вот видишь ли ты эту книжку, — она мне теперь тяжеле пудовой гири, только для того, что в ней есть ваши деньги.

(Бросает книжку на стол).

М а ш а.

Я боюсь вам, что мы теперь очень заняты.

г. Сумбуров.

Что, видно, давшинские угрозы француза не на ветер? Скажи ты правду! есть товаришки, которые мимо таможни прокрадываются?

М а ш а.

Нет, сударь, мы торгуем честно.

г. Сумбуров.

И прилежно. — Ведь, посмотри, теперь уж все русские лавки заперты, а у вас так и ночи даром не пропадают; а, сверх того, таки есть и товары по прибыльнее других. Трише мне все рассказал.

М а ш а.

Трише! Он, сударь, у нас никогда поверенным не был.

г. Сумбуров.

Ну, а как он знает, и от верных людей, куда пришли и куда положены товары? если он слышал от тех, которые их переносили и укладывали... Например: в этой самой комнате нет ли, полно, шкафа, в котором бы были запряваны... Ну, что ж ты вдруг присмирела?...

М а ш а.

Мне, право, больно за свою хозяйку... Ваше подозрение... В этой комнате такие же товары, как и в других.

г. Сумбуров.

Ну нет, они поприбыльнее. Ведь товару не указывает. Ха! ха! ха! рад бы,

рад бы я был, как бы при мне незваные-то гости к вам пожаловали!

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

г. Маша, г. Сумбуrow и Антроп.

А н т р о п.

Барин, сударь! плохо!

г. С у м б у р о в.

Ну что там сделалось? карету что ль вы изломали?

А н т р о п.

Куды, сударь! совсем не то! больно плохо!

г. С у м б у р о в.

Тьфу к чорту! да что же такое? кучера что ли лошади понесли?..

А н т р о п.

Нет, сударь, и то нет, а крепко плохо!.. наша барышня...

г. С у м б у р о в.

Дочь моя? что с ней сделалось?

А н т р о п.

Да плохо, барин, уж и я смекнул, что очень плохо.

г. С у м б у р о в.

Бездельник! да скажешь ли ты? или я...

А н т р о п.

Тотчас, сударь, тотчас. Вить вот как загоропите, так пуще замешаюсь... Послушайте же. Сижу я здесь у крыльца; вот подъехала карета и оттоль так тоненько спрашивает меня: «Антроп! Антроп! ты это?» Я, знаешь, и догадался, что кто-нибудь в карете есть... Что, мол, надо? — «Разве батюшка в лавке? с ним что ли ты?»

г. С у м б у р о в.

Дочь моя!

А н т р о п.

Догадался и я, барин, что это, верно, барышня.

С у м б у р о в.

Ну! да жена с ней была?

А н т р о п.

То-то и плохо, барин, что нет... А давиш-

ний-то Офицер, что у нас в деревне с полком был, он высунулся ко мне по пояс, и я очень узнал его к фонарю: «Поклонись де», сказал он, «своему барину, и скажи, что он меня довел до этого»... Уж бог знает, до чего, боярин, а там барышня то говорит: «Уж теперь, душенька, заедем мы в другое место нанять для тебя горничную» — да и по лошадям. — Ну, вот, я и смекнул, боярин, что плохо... стало, барышня то с ним уехала.

г. С у м б у р о в.

О страм! о, поношение! — Бездельник! да для чего ты не закричал в ту минуту?

А н т р о п.

Власть ваша, сударь, да кто же нам запретит? Пойдем на улицу, да закричим караул: вдвоем-то мы еще сильнее кричать станем.

г. С у м б у р о в.

Карета моя тут?... О негодная дочь!

А н т р о п.

Как же, сударь, я уже догадался, что вы здесь не останетесь, и кучеру велел на козлы сесть.

г. С у м б у р о в.

Брошусь домой, не успею ли отыскать их следов и узнать, куда за ними ехать... Ступай на квартиру и вели скакать во весь опор.

А н т р о п.

Ну, как же, сударь, я уж смекнул, что теперь шагом не езда.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Маша, Лестов и потом Аннушка.

Л е с т о в.

Маша! Маша! одна ты тут?

М а ш а.

Одна. — Старик щегольски попался и уехал домой отыскивать ваших следов! — Ба! да он, в хлопотах, забыл шляпу, трость и книжку! Да какая же полненькая! видно, что в степных деревнях откормлена. — Аннушка, выберите все из этого шкафа.

Л е с т о в.

Ха, ха, ха! я прекрасно сыграл эту роль; а Аннушка, как ангел! Какой робкой, какой тихонький голосок! — Бедняжка Антроп, услыша, что она его называет по имени и спрашивает про бабышку, не задумался принять ее за бабышку, не задумался принять ее за бабышку. Мы с ним распрощались чин чинном, ударили по лошадам — да с другой улицы в ворота, — и сюда вошли задним крыльцом. Ну! довольна ли ты, сударыня, моим рапортом?

М а ш а.

Нельзя быть довольнее! — Естьли бы вы знали, что теперь у меня в голове... Скажите, воротился ли Андрей?

Л е с т о в.

Давно. Сумбулова хотела приехать тотчас, да что нам в этой старой колдунье, я и, ведомо, давича вздор затеял

М а ш а.

О! естьли б вы знали, как этот вздор может для вас счастливо кончиться.

Л е с т о в.

Как!

М а ш а.

Тотчас, тотчас, дайте обдумать. (*Аннушке.*) Эти картоны приберите в свой сундук. (*Особо.*) Точно! (*Аннушке.*) Платья можете оставить тут в комнате... постойте, постойте... (*Особо.*) Старик таков, как нам надобно. (*Аннушке.*) Эти вещи отнесите к мадам и велите подалее припрятать; мы хоть и невинны, однако чем далее от прицепок, тем душа спокойнее. (*Особо.*) Ничего нет вероятнее, естьли бы только нам ее залучить!

Л е с т о в.

Я думаю, ты помешалась, Маша, и несешь горячку.

М а ш а.

Да, да! Только эта горячка прибыльна мне, а не лекарям. Теперь подите сюда и не входите до тех пор, пока не придет сюда мадам Каре; тогда обегайте кругом и войдите сюда с улицы.

Л е с т о в.

Если я что-нибудь понимаю...

Сочинения Н. А. Крылова.

М а ш а.

Подите, подите отсель... чу, идут! Смотрите ж, чур, держаться слова, естьли достанем невесту!

Л е с т о в.

Коли не веришь, вот тебе поцелуй за датку.

М а ш а.

Тьфу, какой бешеный! С ним будь осторожна, как журавль, и тут тебя подстережет.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

М а ш а (*одна*).

Ну, Маша, отпускная и 3000 рублей в приданое, — это прекрасно! Трудись, мой друг. Недостает только безделицы... мужа! Ба, и подлинно безделица: не такой ныне век, чтоб с приданым жениха не сыскать.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Маша и г-жа Сумбулова, потом Сумбуров.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Ну, моя голубушка, опять я помирилась с вами; признаться, давичняя история...

М а ш а.

Поверьте, сударыня, что я совсем в ней невиновата. Вы знаете, сколько у нас хлопот: то разверни, другое положи; мне и в голову не пришло посмотреть за этим повесою. Полно, мы ему начисто сказали, чтоб он в лавку к нам более жаловать не изволил. И подлинно, бог знает, что про нас подумают, — а у нас, право, сударыня, настоящее монастырское благочиние.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Однако, душа моя, поговорим о деле. Запри-ка теперь лавку, чтоб кто из знакомых меня не увидел, и до мужа бы не дошло.

М а ш а.

Я заперла дверь; не бойтесь ничего.

Г - ж а С у м б у р о в а.

Ничего, я уже и карету с человеком сажу за двадцать отсель оставила: хоть правда, что на дворе темно, да все-таки,

обороны бог, греха, мой то старик узнает, так с ним и не разделась. Ну что ж, душа моя, вы присылали, что у вас есть такие товарцы...

М а ш а.

Прекрасные, сударыня, и вы можете получить их за бесценок. Мы боимся, чтоб их здесь в городе не подметили. Так как вы ездите вдаль, то там на здоровье изложите. Вот не угодно ли для вашей падчерицы?

г-жа Сумбулова.

Нет, нет, моя милая! и подлинно, вить моего старика не во всем сердить надобно; мы и там ей уборов нашьем. Выберитко ты мне побольше да получше. Уж то-то наши шеголихи, глядя на меня, будут беситься от зависти, а я то перед ними и на балах, и на гуляньях нава-павой,— пусть их терзаются. *(Стучат)* Кто-то стучит. Посмотри, жизнь моя, да, коли можно, не пускай.

М а ш а *(подходя к двери)*.

Боже мой, это ваш муж!

г-жа Сумбулова.

Мой муж? Ах, пропала я! Что мне делать?

М а ш а.

Что за шум, что за стук! Они, кажется, хотят двери выломить!

г-жа Сумбулова.

Жизнь моя! ангел мой! нет ли куда спрятаться? Ради бога, пока он будет здесь, я войду в эту комнату.

М а ш а.

Ах! какое несчастье! Дверь захлопнула оттоль, а тут никого нет; надобно будет за ключом бежать.

Г о л о с.

Отоприте! отоприте!

г-жа Сумбулова.

Как кругом! сюда? сохрани боже! Сокровище мое! пропала я, если ты не сжалишься; это будет такой страм... сам лукавый меня сюда занес!

М а ш а *(отпирая шкаф)*.

Ах! вот есть способ: спрячьтесь пока

тут; я ключ положу в карман, — и вы можете переждать эту грозу.

г-жа Сумбулова.

Хорошо, хорошо, моя милая; только выпроводи поскорее его отсель.—Экой грех! экой грех!

(Садится в шкаф.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Маша, г. Сумбуров и Лиза.

г. Сумбуров.

Какая глупая история! Книжка моя?

М а ш а.

Вот, она, сударь, в совершенной целости.

г. Сумбуров.

Это хорошо, похвально! Полно, за вами столько проказ, что про вас можно не греха сказать пословицу, что дехтю, дехтю...

М а ш а.

Вы хотите сказать, что бочка меду, да ложка дехтю?

г. Сумбуров.

Нет, нет бочка дехтю, да ложка меду! вот это можно о вас и о ваших лавках сказать. Однако ж я давеча совсем растерялся: вот и шляпа, и трость моя.— Преглупая выдумка! еще и теперь опомниться не могу.— В каретке самому крыльцу подвезжашь ты с Лестовым, он приказывает Антропке... что за чертовщина! да это, видно, остаток хмелю.

Л и з а.

Неужели вы могли подумать, батюшка?..

г. Сумбуров.

Я ничего не думаю. Да ведь, впрочем, большого худа нет, что я тебя теперь дома одну не оставил... Да куда взмыла жена? Ну, да, добро, мы только разочтемся, да и домой. Я неотменно хочу ныне кончить свой щет.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

г. Сумбуров, Лиза, Маша, Трише и Фвартальпый со служителями.

Т р и ш е.

A monsieur! мой рад, што нашоль вас

здесь; ваш изволит сам глядит, ежели мой не лгал. Каспадин офицер, пожалуй за меня на та комнат напашь большой дел.

М а ш а (особо).

Да, да, подите — испустя лето, да в лес по малину!

г. Сумбу ров.

Уж не обманулся ли ты, мусье? Они что то здесь очень спокойно вас встречают.

Т р и ш е.

О нет, нет! — вот эта шкаф, извольте видеть, каспадин, тут добра товар лежит! Мне сказал, кто сго палажи. Подождите, подождите, вы тошас увидеть, если мой прав.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

г. Сумбу ров, Маша и Лиза.

г. Сумбу ров.

Что, моя красавица, теперь ты веришь, что я не насбалмашь говорил о французе; да и он, собака, время не потерял! Посмотрим, как то вы отделааетесь! А га! госпожи плутовки, конец вашим праздникам! Не будете вы больше разорять и обманывать наших простячков; не будете расторговываться запрещенными товарами; не будете в своей дьявольской лавке давать свиданий, — по делом вам!

М а ш а.

О, сударь, вы видите, как я спокойна; право, нам это посещение не страшно. — Да что вы так вскинулись на нашу лавку? Ведь здесь сотня других, в которых точно такие ж товары, как и у нас.

г. Сумбу ров.

Нет, мой свет! Ну, полно скромничать! Таких барышних товаров, как в этом шкафу, не скоро найдешь.

М а ш а.

Да что ж тут за товар?

г. Сумбу ров.

Все знаю, моя красавица! Скажи-тко на ушко, есть ли, полно, на нем таможенная печать? — Мы посмотрим.

М а ш а.

Вот еще, сударь, посмотрите! Да какое право вы имеете?

г. Сумбу ров.

Не торопись, душа моя, я, пожалуй, гальцом не дотронусь; только тут найдутся люди в мундирах, должностные, которые тихонько да скромненько пошарят да посмотрят!

М а ш а.

Нечего смотреть!

г. Сумбу ров.

Нечего смотреть? дерзкая! Так я не введу отсель, пока своими глазами не увижу, как вы из этого вывернетесь. Жаль только, что жены нет; я бы ее привез полюбоваться на своих приятельниц: пусть бы видела, каковы они честны.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Маша, г. Сумбу ров, Трише, Лиза, Квартальный офицер с полицейскими и мадам Каре.

Т р и ш е.

Ваше высокоблагородь, извольте дел ваш продолжайте: это еще не конес; я наверно знайт...

К а р е.

Это шутна, очень шутна, как можно сумневайсь на такой шесна персон, как мадам Каре!

М а ш а.

Вы нас обижаете.

О ф и ц е р.

Не беспокойся, душа моя: если мы ничего не сыщем, так и опасаться вам нечего.

К а р е.

Ах, боже мой! боже мой! што за гатка история... c'est vous...¹

М а ш а.

Не бойтесь.

Т р и ш е.

Мой не снаит по франсука — извольте, мадам, говоря по-русска; мой кошет, штоб всека мог разумел, как ваш плут.

¹ Это вы...

Каспадин офисие, извольте только продолжать ваш *perquisition*.¹

Офицер.

Не беспокойся, я свое дело знаю. (*Осматривает.*)

Г. Сумбуров.

Шкафа-то не позабудьте.

Офицер.

Здесь я ничего не нахожу подозрительного.

Г. Сумбуров.

О! будет, будет еще, погодите только!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Г. Сумбуров, Лиза, Трише, Каре, Маша, полицейские и Лестов.

Лестов.

Ба! какая богатая беседа! Слуга ваш! Что за собрание?

Г. Сумбуров.

Ничего, сударь, приятельское посещение от полиции вашим знакомым. Порадуйтесь, у них нашли контрабанду; не даром вить скоро богатеют!

Лестов.

Как нашла?

Г. Сумбуров.

Ну не нашла, так найдут тотчас, вот тут, близехонько; посмотрите-ка, посмотрите, что выдет!

Лестов.

Что это, Маша?

Маша (*шепчет ему*).

Ну каково!

Лестов.

Я думаю, тебя сам чорт надоумил.

Офицер.

Я нигде не нашел ничего.

Трише.

Monsieur, пожалуйста на эта шкап, —

¹ Роашски.

ah! Лесту! нишево — нишево, allons tricher de l'audace.²

Г. Сумбуров.

Да, да, тут хранится бесценное то сокровище. Эх, жаль, что жены нет! Дорого бы я дал, что б она здесь была; она вечная их заступница, пусть бы ее показывалась на них глядя.

Офицер.

Пожалуйте прикажете отпереть этот шкап.

Каре.

Машенька, каво ключи от эта шкапа?

Маша.

Вот он; только я уверяю вас...

Г. Сумбуров (*вырывая ключ*).

Подай-ка, подай, голубушка, дорогой своей ключик! — Так совесть ваша чиста, и за этим ключом мы не найдем ничего непозволенного? Прекрасно! Только кажется, будто вы не совсем ради, что выпустили ключик из рук. — Мадам душа моя! ты мне сегодня сослужила добрую службу, — и ты бы стоила, чтоб я подлинно своими руками за нее отместил. Да полно, я и отплачу ее своими руками: сам отшпру драгоценный шкапик. — Да, да, посмотрим ваших редких товаров. Ха! ха! ха! что-то на них за узоры? Куда жаль, коли печати не найдем! (*Идет к шкафу*.)

Маша (*останавливая его*).

Постойте, сударь!

Г. Сумбуров.

Пустое, чего стоять! Полюбujemyся, что тут за диковинки. Из-за каких-то морей приплыли? Ха! ха! ха!

Маша.

Постойте, я вам сказываю... знаете ли, что вы хотите делать?

Г. Сумбуров.

Ну!

² Игра слов: tricher — обманывать, и Trichet — фамилия; если tricher поставить в запятых, перевод будет таков: ну, Трише, смелее; без запятых — фраза грамматически неправильна и может быть переведена приблизительно так: обманем дерзость (или смелость).

М а ш а.

Вы себя острамите.

г. С у м б у р о в.

Как, как! с ума ты сошла, дерзкая!

М а ш а.

Тут сидит...

г. С у м б у р о в.

Тут лежит...

М а ш а.

Я вам говорю, что тут сидит...

г. С у м б у р о в.

Я тебе говорю, что тут лежит запрещенный товар.

М а ш а.

Так я вам сказываю, что тут сидит — ваша жена.

г. С у м б у р о в.

Что, что ты говоришь?.. Как?..

М а ш а.

Ваша жена, говорю я вам; посмотрите сверху в стекло, коли мне не верите.

г. С у м б у р о в.

Уф! не брежу ли я? — нет, точно она... О, преступница!.. О, злодейка! Ну хорош товар! вот тебе контрабанда!

М а ш а.

Ну что ж вы не отпираете, сударь?

г. С у м б у р о в.

Какое бешенство! о, негодная!

О ф и ц е р.

Государь мой, я не могу долго ждать!

г. С у м б у р о в.

Ради бога погодите, я голову потерял! Экой стыд! экой страм! государь мой, нельзя ли до завтра?

Т р и ш е.

На што на завтра, *mais que diable*,¹ ваш так конфузна; пожалий мой кляуши, мой сам отперит.

¹ Но что за чорт.

г. С у м б у р о в.

Ключ! чтоб тебе околеть, бусурману, прежде нежели ты до него дотронешься! О богоотступница!

О ф и ц е р.

Да пожалуйте ключ!

г. С у м б у р о в.

Ключ! какой ключ! что вам надо? у меня никакого ключа нет!

М а ш а.

И, сударь, опомнитесь, вы в руках его держите.

г. С у м б у р о в.

Ах! это правда, я бы хотел проглотить его и пм подавиться, чтоб избежать этого страму. О, негодная жена! Я думаю, что тебя сам сатана, на стыд мне, усадил в этот проклятый шкаф.

Л е с т о в.

Государь мой! я знаю вашу беду.

г. С у м б у р о в.

Те! ради бога молчите. Так вы знаете? а еще кто знает? Ах! верно уж целому городу известен мой стыд, мое поношение! Лестов, друг мой! помоги мне, спаси меня от этой гнусной истории.

Л е с т о в.

Вы чувствуете, какой стыд, что вашу жену вынут из шкапа.

г. С у м б у р о в.

Те! ради бога тише! о ты, пребеззаконная!

Л е с т о в.

И об этом отнесутся формально Правительству...

г. С у м б у р о в.

И напечатают в газетах? Пропала моя голова!

Л е с т о в.

От всего этого могу я вас спасти. Но прошу вас, вспомните дружбу вашу с моим отцом, вспомните, что я никаких причин вам не подал гнать меня; что ваша дочь разделяет любовь мою со мною...

Г. Сумбуров.

Понимаю, понимаю. Так ты спасешь меня? Добро, бесстыдница! Это будет первое твое наказание! Ты не хотела Лестова, я рад, что принужден отбойрить твоего мота Недошотова. Дочь, поди сюда, дай руку, вот тебе жених!

Лиза.

Какое счастье! Батюшка! кому я обязана такую перемену?

Г. Сумбуров.

Моей негодной жене.

Лиза.

Ах! я готова кинуться к ногам ее! Где матушка?

Г. Сумбуров.

Тише, тише, что тебе до этого, где она? не твое дело!

Трише.

Eh bien, каспадин мой, ваше не хоти дать клюшь, но мой никак не уступит.

Лестов.

Дюпре, узнаешь ли ты меня?

Трише.

Каспадин, конешна, ошпбайсь; мой не иметь шесть ваш знай; мой нег Дюпре, мой называйсь мосье Трише.

Лестов.

Прекрасно! только не позабудь, Дюпре, или мосье Трише, что я могу наказать тебя за шалости, которые ты три года тому назад наделал у меня, бывши моим камердинером. — Явошную о твоём побеге еще и теперь можно отыскать в полиции.

Трише.

А! каспадин, ради бог не погушть меня и мой репутасион! Уж три кот, как я шесна шалвек и теперь поката купес; я сделаю вам все, што угодна...

Лестов.

Ну так сей же час... (*шепчет*).

Трише.

Шаль! очень шаль, но дле мене вошь ваш свят.

(*Идет и шепчет офицеру*)

Офицер.

Как? вы точно отступаетесь от своего доносу и признаете свою ошибку и невинность мадам Каре?

Трише.

Правда, каспадин мой, и очень виноват: мадам Каре самой невинность: мне мой неверна сказал.

Каре.

О, я кошет показал свой иносанс е наказать некодна Трише!

Лестов.

Оставьте это, вы не будете раскаяваться.

Каре. —

Eh bien, некодна шельвек; я вас прощай.

Офицер.

Стало, мне и делать нечего. Советую вперед быть осторожнее в своих доносах! Слуга ваш!

(*Уходит*).

Лестов.

Ступай и ты вон, Трише! Я все забыл, прощай, будь спокоен!

Трише.

Бок меня убей, коли мой што маленька понимаешь. Serviteur, какая нешасья! кароша поживка из рук ушол!

(*Уходит*).

Лестов (*мадам*).

Подите и вы в свою комнату; я с вами после сочтуса.

Каре.

Я уверен, што мосье кавалер шесна. Топр ношь!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ.

Мама, Лиза, г. Сумбуров, г-жа Сумбутова и Лестов.

Маша.

Ну! сударь, теперь отоприте благополучно шкаф; да ради бога не горячитесь. Бедная барыня потерпела и так довольно от страха.

Г. Сумбуров (*отпирая шкаф*).

Бесстыдница! безбожница! губительница ты моя! какая дьявольская сила тебя тут угнездила?

М а ш а.

Ободритесь, сударыня; дело все счастливо кончилось.

Г. Сумбуров (*выталкивая ее*).

Да вылезешь ли ты, негодная! жить, что ль, тебе тут полюбилось?

Г - ж а Сумбурова.

Батюшка! Артамон Никифорыч! согрешила я, окаянная!

Г. Сумбуров.

Как, как, бездельница?

Г - ж а Сумбурова.

Бес меня попутал, что тайком от тебя...

Г. Сумбуров.

Что еще такое?

Г - ж а Сумбурова.

Кинулась на дешевые товары; не успела и пересмотреть, как ты изволил приехать.

Г. Сумбуров.

Уф, от сердца отлегло! Я уж думал, что она и чорт знает что напроказила. Бесстыдная! бессовестная! я, по милости твоей, был на краю пропасти. Ну, гслубушка моя! за то вот тебе зять; люб ли, не люб ли, береги его да жалуй; а родственнику своему, моту, ищи другой невесты!

Г - ж а Сумбурова.

Как! боже мой! о я несчастная! можно ли это, батюшка мой?

Г. Сумбуров.

А вот как можно. Лиза, поцелуй своего жениха. Теперь вы видите, что мое намерение чистосердечно: кроме жениха, никому не позволил бы я целовать дочь свою.

Л и з а.

Батюшка, вы мне жизнь возвращаете!

Л е с т о в.

Чем могу изъяснить вам свою благодарность! Лиза, любезная Лиза! какое счастье! (*Тихо Маше.*) Маша! тебе я одолжен многим; но я надеюсь наградить тебя достаточно. Сестра меня любит и послушает. Через два дни явись ко мне за отпускною и за тремя тысячами, которые я тебе обещал!

М а ш а.

Какое счастье! Еще бы свадьбы две, три, так бы и Маша пошла в люди.

Г - ж а Сумбурова.

Я не знаю, где я? У меня голова кружится.

Г. Сумбуров.

На-силу ты это заметила, негодная! Но добро, бог тебя простит. Я хочу, чтоб меж нами был всеобщий мир; только с тем условием, чтоб вперед на версту не подъезжать к французским лавкам.

К о в е ц.

УРОК ДОЧКАМ

Комедия в одном действии

(1806—1807)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

В Е Л Ъ К А Р О В, дворянин.
 Ф Е В Д А, } его дочери.
 Л У К Е Р Ъ Я, }
 Д А Ш А, их горничная.
 В А С И Л И С А, няня.
 Л И З А, девушка на сених.
 С Е М Е Н, слуга.
 С И Д О Р К А, деревенской конторщик.
 С Л У Г А.

Действие в деревне Велькарова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Даша, Семен и потом Лиза.

С Е М Е Н.

Ну, думал ли я, скавав по почте, как угорелой, за 700 верст от Москвы наехать дорожную мою Дашу?

Д А Ш А.

Ну чаяла ли я увидиться так скоро с любезным моим Семеном?..

С Е М Е Н.

Да как тебя занесло в такую глушь?..

Д А Ш А.

Да тебя куда это нелегкая мчит?

С Е М Е Н.

Как ты здесь?

Д А Ш А.

Что ты здесь?

С Е М Е Н.

Ведь ты оставалась в Москве?..

Д А Ш А.

Ведь ты поехал-было в Петербург?..

С Е М Е Н.

Где ж ты после была?

Д А Ш А.

Что с тобой сделалось?

С Е М Е Н.

Постой, постой, Даша.—постой!—мы

этак ничего не узнаем до завтра; надобно, чтоб сперва из нас один, а там другой рассказал свое похождение с тех самых пор, как мы с тобой в Москве разочли, что нам, несмотря на то, что мы, кажется, люди вольные и промышленные, а нечем жениться, и пустились каждый в свою сторону добывать денег — мы увидим, кто из нас был проворнее, а потом посмотрим, тянут ли наши кошельки столько, чтоб нам возможно было вступитъ в почетное супружеское состояние.—Итак, если хочешь, я начну...

Д А Ш А.

Пожалуй, хоть я сперва тебе расскажу. — Я в Москве...

С Е М Е Н.

Ты чудеса услышишь — я из Москвы...

Д А Ш А.

То-то ты удивисься,—я в Москве...

С Е М Е Н.

Постой же, уж я кончу—выехавши из Москвы...

Д А Ш А.

Да выслушай меня; оставшись в Москве...

С Е М Е Н.

Мне очень хочется подробно...

Д А Ш А.

Ну вот, так и горю, как на огне, рассказать тебе...

С Е М Е Н.

Тфу пропасть, Даша, у тебя во рту не язык, а маетник: не дашь слова выговорить—ну рассказывай, коли уж тебе не терпится...

Д а ш а.

Вот еще какой! да пожалуй, болтай себе, коли охота пришла...

С Е М Е Н.

Ох! зачинай, пожалуй-ста, я слушаю.

Д а ш а.

Сам начинай... видишь какой!

С Е М Е Н.

Ну, ну! полно гневаться, мой ангел—неужли тебе это слаще, нежели говорить?

Д а ш а.

Я не гневаюсь—говори.

С Е М Е Н.

Ладно, так слушай же обоими ушами; ты ахнешь, как порасскажу я тебе все чудеса...

Л и з а (*выглядывая из другой комнаты*).

Даша! Даша!—Господа идут с гулянья.

Д а ш а.

Ну вот дельно! много мы с тобой узнали.

С Е М Е Н.

Кто ж виноват?

Д а ш а.

Послушай—по этой лестнице...

Л и з а (*показываясь*).

Даша! господа поворотили на птичий двор.

Д а ш а.

Не прогляди ж, как они воротятся.

Л и з а.

Не бойся, разве это в первой?.. (*Уходит.*)

С Е М Е Н (*почесывая лоб*).

Так это не в первой у тебя отводные караулы расставлены! Даша, что это значит?

Д а ш а.

То, что ты глух. Мы опять потеряем

время по пустому—они тотчас воротятся—ну рассказывай свое похождение.

С Е М Е Н.

Ты знаешь, что я, в Москве принявшись к Честову, поехал с ним в Петербург—там любовь и карты выпедили кошелек его до дна, и мы, благодаря им, теперь на самом легком ходу едем в армию бить бусурманов. Здесь остановились было переменить лошадей, но барин с дороги несколько занемог, и едва ль не останется до завтра. Он лег заснуть, а я, ходя по деревне, увидел тебя под окном и бросился сюда; вот и все тут.

Д а ш а.

Только всего и чудес?

С Е М Е Н.

А разве это не чудо, Дашенька, что меня на всем скаку сонного сбрасывало с облучка раз десять, и я еще ни руки, ни ноги себе не вывихнул? Нутка, что ты лучше расскажешь?

Д а ш а.

После твоего отъезда, принялась я к теперишним своим господам Велькаровым, и мы поехали в эту деревню; вот и все тут.

С Е М Е Н.

Даша! коли тебя с облучка не сбрасывало, так у тебя чудес то еще меньше моего—да обрадуй меня хоть одним чудом! Есть ли у тебя деньги?

Д а ш а.

А у тебя?

С Е М Е Н.

В моих карманах хоть выспись — такой простор.

Д а ш а.

Ну, Семенушка, и мне не более твоего посчастливилось — так свадьба наша опять затянулась—горе, да и все тут — сколько золотых дней потеряно!..

С Е М Е Н.

Эх, Дашенька! дни-то бы ничего—да и ты не изворотлива; ведь люди богатеют же как-нибудь...

Д а ш а.

Да неужли таки твой барин...

С Е М Е Н.

Мой барин? его теперь хоть в жом, так рубля из него не выдавишь. А твои господа?

Д а ш а.

О! в городе мои барышни были бы клад — они с утра до вечера разъезжают по модным лавкам; то закупают, другое заказывают; что день, то новая шляпка; что бал, то новое платье; а как меня часто за уборами посылают, то бы мне от них и от мадамов что-нибудь перепало...

С Е М Е Н.

Что-нибудь — шутишь ты, Даша! да такие барышни для расторопной горнишной подлинно — клад. Дождись только зимы и, коли будешь умна, так мы будущей жевесною домком заживем!..

Д а ш а.

Ох, Семенушка, то-то и беды, что чуть ли нам здесь не зимовать!..

С Е М Е Н.

Как?..

Д а ш а.

Да так—видишь ли что? барышни мои были воспитаны у их тетки на последний манер. Отец их со службы приехал, наконец, в Москву и захотел взять к себе дочек — чтоб до замужества ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утешили же они старика! Лишь вошли к бабушке, то поставили дом вверх дном; всю его родню и старых знакомых отвадили грубостями и насмешками. Барин не знает языков, а они накликали в дом таких не-русей, между которых бедной старик шатался, как около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что говорят и чему хохочут. Вышедши, наконец, из терпения от их проказ и дурачеств, он увез дочек сюда на покаяние, — и отгадай, как вздумал наказать их за все грубости, непочтение и досады, которые в городе от них вытерпел?

С Е М Е Н.

Ахти! никак заставил модниц учиться деревенскому хозяйству?

Д а ш а.

Хуже!

С Е М Е Н.

Что ж? посадил за книги да за пяльцы?

Д а ш а.

Хуже!

С Е М Е Н.

Тьфу пропасть! Неужли вздумал изнурять их модную плоть хлебом да водою?

Д а ш а.

И того хуже!

С Е М Е Н.

Ах, он варвар! неужели?... *(Делает знак, будто хочет дать пощечину)*.

Д а ш а.

И это бы легче; а то гораздо хуже.

С Е М Е Н.

Чорт же знает, Даша, я уж хуже побой ничего не придумую!

Д а ш а.

Он запретил им говорить по-французски! *(Семен хохочет)* Смейся, смейся, а бедные барышни без французского языка, как без хлеба, сохнут. Да этого мало — немилосердой старик сделал в своем доме закон, чтоб здесь никто, даже и гости, иначе не говорили, как по-русски; а так как он в уезде всех богате и старе, то не мудрено ему поставить на своем.

С Е М Е Н.

Бедные барышни! то-то, чай, натерпелись они русского-то языка!..

Д а ш а.

Это еще не конец. Чтоб и между собой не говорили они иначе, как по-русски, то приставил к ним старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятам, строго это наблюдать; а естли заупрямятся, то докладывать ему. Они было сперва этим пошутили, да как няня Василиса доложила, то увидели, что старик до шуток не охотник — и теперь, куда ни пойдут, а няня Василиса с ними — что слово скажут не по-русски, а няня Василиса тут с носом, так что от няни Василисы приходит хоть в петлю.

С Е М Е Н.

Да неужели в них такая страсть к иностранному?

Д А Ш А.

А вот она какова, что они бы теперь вынули последнюю сережку из ушка, лишь бы только посмотреть на француза!

С Е М Е Н.

Да щедры ли твои барышни? скажитка, вот — как бы тебя спросить — легко ли их разжалобить?

Д А Ш А.

Легко, только не русскими слезами; в Москве у них иностранцы пропасть денег выманывают.

С Е М Е Н *(в задумчивости)*.

Деньги — палки — палки — деньги, как будто вижу и то и другое — чорт знает, как быть; и надежда манит — и страх берет.

Д А Ш А.

Семен, что ты за горячку несешь?

С Е М Е Н.

Славно! божественно! прекрасно! Даша! жизнь моя!..

Д А Ш А.

Семен! Семен! с ума ты сошел!

С Е М Е Н.

Послушай, как скоро барышни воруются...

Л и з а *(показываясь)*.

Даша! Даша! господа идут, уж на крыльце... *(Уходит)*.

Д А Ш А.

Сбеги по этой лестнице...

С Е М Е Н.

Прости, сокровище! прости, жизненок! прости, ангел! ты будешь моя! Жди меня через пять минут! *(Убегает)*.

Д А Ш А.

Ну право, он в уме помешался. *(Садится за шитье)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Фекла, Лукерья, Даша и няня Василиса, которая ставит стул и, на нем сидя, вяжет чулок, вслушиваясь в разговоры барышень.

Ф Е К Л А.

Да отвяжешься ли ты от нас, няня Василиса?

Л У К Е Р Ь Я.

Няня Василиса, да провались ты сквозь землю.

н я н я В а с и л и с а.

С нами бог, матушки! Вить я господскую волю исполняю. Да и вы, красавицы мои барышни — что вам за прибыль батюшку гневать! — неужли у вас язычок болит говорить по-русски?

Л У К Е Р Ь Я.

Это несносно! сестрица, я выхожу из терпения!

Ф Е К Л А.

Мучительно! убивственно, оторвать нас ото-всего, что есть милого, любезного, занимательного, и завезти в деревню — в пустыню...

Л У К Е Р Ь Я.

Будто мы на то воспитаны, чтоб знать, как хлеб сеют...

Д а ш а *(особо)*.

Не бойсь для того, чтоб знать, как его едят.

Л У К Е Р Ь Я.

Что ты бормочешь, Даша?

Д А Ш А.

Не угодно ль вам взглянуть на платье?

Ф Е К Л А *(подходя)*.

Сестрица миленькая, не правда ли, что оно будет очень хорошо!

Л У К Е Р Ь Я.

И, мой ангел! будто оно может быть сносно!.. Мы уж три месяца из Москвы; а там, еще при нас, понемножку стали грудь и спину открывать.

Ф Е К Л А.

Ах! это правда! Ну вот! есть ли способ нам здесь по-людски одеться? В три месяца, бог знает, как низко выкройка спустилась. Нет, нет! Даша, поди кинь

это платье—я до Москвы ничего делать себе не намерена.

Д а ш а (уходя, особо).

Я приберу его для себя—в приданое.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Фекла, Лукерья и няня Василиса.

Лукерья.

Eh bien, ma soeur...¹

няня Василиса.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски, батюшка гневаться будет.

Лукерья.

Чтоб тебе оглохнуть, няня Василиса!

Фекла.

Я думаю, право, еслиб мы попались в полон к туркам, и те с нами б поступали вежливее батюшки, и они бы не стали столько принуждать нас русскому языку

Лукерья.

Прекрасно, божественно! с нашим вкусом, с нашими дарованиями, зарыть нас живых в деревне? Нет, да на что ж мы так воспитаны? к чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую девушку в городе — какая райская жизнь! По утру, едва успеешь делать первой туалет, явятся учителя — танцевальной, рисовальной, гитарной, клавиной; от них сейчас узнаешь тысячу прелестных вещей! тут любовное похищение, там от мужа жена ушла; те разводятся, другие мирятся; там свадьба навертывается, другую свадьбу расстроили; тот волочится за той, другая за тем, — ну, словом, ничто не ускользнет, даже до того, что знаешь, кто себе фальшивой зуб вставит, и не увидишь, как время пройдет. — Потом пустишься по модным лавкам; там встретишься со всем, что только есть лучшего и любезного в целом городе; подметишь тысячу свиданий; на неделю будет что рассказывать; потом едешь обедать, и за столом с подружками ценишь бабушек и тетушек; после, домой — и снова займешься туале-

том, чтоб ехать куда-нибудь на бал, или в собрание, где одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьего с ума сводишь равнодушием; для забавы давишь старушкам ноги и толкаешь под бока, а они-то морщатся, они-то ворчат!.. Ну, умереть надо со смеху! (Хохочет.) Танцуешь, как полумертвая; и когда случисься в первой паре, то забавляешься досадою девушек, которым иначе не удастся танцевать, как в хвосте. Словом, не успеешь опомниться, как уж рассветает, и ты полумертвая едешь домой. А здесь, в деревне, в степи, в глуши... — ах! я так зла, что задыхаюсь от бешенства; так зла, так зла, что... ah, si jamais je suis...²

няня Василиса.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гневаться по-русски!

Лукерья.

Да исчезнешь ли ты от нас, старая колдунья!

Фекла.

Не убивственно ли это, миленькая сестрица? не видать здесь ни одного человеческого лица, кроме русского, не слышать человеческого голоса, кроме русского... Ах! я бы истерзалась, я бы умерла с тоски, если б не утешал меня Жако, наш попугай, которого одного во всем доме слушаю я с удовольствием. — Милой попинька! как чисто говорит он мне всякой раз: Vous êtes une sottise.³ — А няня Василиса тут, как тут; так что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ах! если бы ты чувствовала всю мою печаль! — Ah! ma chère amie! —⁴

няня Василиса.

Матушка, Фекла Ивановна, извольте печалиться по-русски, — ну, право, батюшка гневаться будет.

Фекла.

Надоела, няня Василиса!

няня Василиса.

Ах, мои золотые! ах, мои жемчужные!

² Ах, если я когда-нибудь...

³ Вы — дура.

⁴ Ах, мой дорогой друг! —

¹ Ну, сестра...

злодейка ли я! У меня у самой, на вас глядя, сердце надорвалось; да как же быть? — воля барская! Вить вы знаете, каково прогневить батюшку! Да неужели, мои красавицы, по-французскому то говорить слаще? Кабы не боялась барина, так послушала бы вас, чтой-то за наречье!

Фекла.

Ты не поверишь, няня Василиса, как на нем все чувствительно, ловко и умно говорится!

няня Василиса.

Кабы да не страх обуял, право бы послушала, как им говорят.

Фекла.

Ну да вить ты слышала, как говорит наш попугай Жако?

няня Василиса.

Ох, вы, мои затейницы! А уж как он, окаянный, речисто выговаривает — только я ничего-то не понимаю.

Фекла.

Вообрази ж, миленькая няня, что мы в Москве, когда съезжаемся, то говорим точно, как Жако.

няня Василиса.

Такое дело, мои красавицы! Ученье свет, а неученье тьма. Да вот погодите, дождетесь своей вольки, как выдете за муж.

Лукерья.

За кого? за здешних женихов? сохрани бог! мы уж их с дюжину стбоярили добрым порядком; да и с Хопровым и с Таниным, к т рых теперь нам батюшка прочит, не лучше поступим; куда он забавен, естли думает, что здесь кто-нибудь может быть на наш вкус!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Велькаров, Фекла, Лукерья и няня Василиса, которая вскоре уходит.

Велькаров (за театр.).

Скажи: милости-де прошу, дорогие соседушки! Ну что, няня Василиса, не выступили ли дочери из моего приказанья?

няня Василиса.

Нет, государь! (Отводя его). Только, батюшка мой, не прогневись на рабу свою — и прикажи слово вымолвить!

Велькаров.

Говори, говори, что такое? (Видя, что дочери хотят уйти). Постоите!

Лукерья.

Ах!

Фекла (тихо).

Hélas! ¹

Велькаров (няне).

Ну что ты хотела сказать?

няня Василиса.

Не умори ты, государь, барышен то; вить господь знает, может быть, их натура не терпит русского языка, — хоть уж не вдруг их приневоливай!

Велькаров.

Не бойся, будут живы—поди и продолжай только наблюдать мое приказание.

няня Василиса.

То-то, мой отец, — видишь, они такие великатные! Я помню, чего стоило, как их и от груди отнимали! (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Велькаров, Лукерья, Фекла.

Велькаров.

А вы, сударыни! будьте готовы принять ласково и вежливо двух гостей, Хопрова и Танина, которые через час сюда будут. Вы уж их видели несколько раз; они люди достойные, рассудительные, степенные и притом богатые; словом: это весьма выгодное для вас замужество... Да покиньте хоть на час свое кривлянье, жеманство, мяуканье в разговорах, кусанье и облизыванье губ, полусонные глазки, журавлиные шейки — одним словом, всю эту дурь — и походите хоть немножко на людей!

Лукерья.

Я, право, не знаю, сударь, па каких людей, хочется вам, чтоб мы походили?

¹ Увы!

С тех пор, как тетушка стала нас выводить, мы сами служим образцом.

Фекла.

Кажется, мадам Григри, которая была у тетушки нашею гувернанткою, ничего не упустила для нашего воспитания.

Лукерья.

Уж коли тетушка об нас не пеклась, сударь!.. Она выписала мадам Григри прямо из Парижа.

Фекла.

Мадам Григри сама признавалась, что ее родные дочери не лучше нашего воспитаны.

Лукерья.

А они, сударь, на Лионском театре первые певицы—и весь партер ими не нахвалятся.

Фекла.

Кажется, мадам Григри всему нас научила.

Лукерья.

Мы, кажется, знаем все, что мадам Григри сама знает.

Валькеро (Лукерье).

Мое терпенье...

Фекла.

Воля ваша, да я готова сейчас на суд, хоть в самой Париж!

Велькаров (Фекле).

Знаешь ли ты...

Лукерья.

Да сколько раз, сестрица, в магазинях принимали нас за природных французенок!

Велькаров (Лукерье).

Добьюсь ли я...

Фекла.

А помнишь ли ты этого пригожего эмигранта, с которым встретились мы в лавке у Дюшеньши? Он и верить не хотел, чтоб мы были русские.

Велькаров (Фекле).

Позволишь ли ты...

Лукерья.

Да вить до какой глупости, что уверял клятвой, будто видел нас в Париже, в Пале-Рояль, и неотменно хотел проводить до дому.

Велькаров (Лукерье).

Будет ли конец?..

Фекла.

Стало, благодаря мадам Григри, наши манеры и наше воспитание не так-то дурны, как...

Велькаров (схватя их обеих за руки).

Молчать! молчать! молчать! тысячу раз молчать! Вот воспитание, что отцу не дадут слова вымолвить! Чем боле я вас слушаю, тем более сожалею, что вверил вас любезной моей сестрице. Стыдно, сударыни, стыдно! Девушки, вы уж давно невесты, а еще ни голова ваша, ни сердце не запасено ничем, чтоб могло сделать счастье честного человека: все ваше остроумие в том, чтоб перецыганывать и пересмеивать людей, часто почтеннее себя; вся ваша ловкость, чтоб не уважать ни летами, ни достоинствами человека и делать грубости тем, кто вас старше. В чем ваше знание? — как одеться, или, лучше сказать, как раздеться, и над которой бровью поманернее развесить волосы. Какие ваши дарования? — несколько песенок из модных Опер, несколько рисунков учительской работы и неутомимость прыгать и кружиться на балах! А самое то главное ваше достоинство то, что вы болтаете по-французски; да только уж что болтаете, того не приведи бог рассудительному человеку ни на каком языке слышать!

Фекла.

В городе, сударь, нас иначе чувствуют; и когда мы ни говорим, то всякой раз около нас кружок собирается.

Лукерья.

Уж кузинки ли наши, Мастишковы, не говоруньи, а и тем не досталось при нас слова сказать!

Велькаров.

Да, да! смотрите, и при гостях-то уже

поголяйте таким болтаньем; это бы
уж были не первые женишки, которых
вы язычком своим отпугали.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Велькаров, Фекла, Лукерья и слуга.

СЛУГА.

Какой-то француз просит позволения
войти.

ВЕЛЬКАРОВ.

Спроси, кто и зачем? *(Слуга уходит)*.

ЛУКЕРЬЯ *(тихо)*.

Сестрица душенька, француз!

ФЕКЛА *(также)*.

Француз, душенька сестрица! уж хоть
бы взглянуть на него! Пойдем-ко!

ВЕЛЬКАРОВ.

Француз, ко мне? зачем бог принес?
(Увидя, что дочери хотят идти). Куда?
Будьте здесь, еще посмотритесь. *(Слуге,
который входит)*. Ну што?

СЛУГА *(возвращаясь)*.

Его зовут Маркиз!

ЛУКЕРЬЯ *(тихо сестре)*.

Сестрица душенька, Маркиз!

ФЕКЛА *(также)*.

Маркиз, душенька сестрица! верно, ка-
кой-нибудь знатной...

ВЕЛЬКАРОВ.

Маркиз! все равно—спроси, зачем, и
кого ему надобно. *(Слуга уходит)*.

ЛУКЕРЬЯ.

Кабы он у нас погостил!

ФЕКЛА.

Я чай, какие экипажи! какая пыш-
ность! какой вкус!

ВЕЛЬКАРОВ.

Ну!

СЛУГА *(входя)*.

Его точно зовут Маркизом, по отече-
ству как, не знаю, а пробирается в Мо-
скову пешком.

ОБЕ СЕСТРЫ.

Бедной!

ВЕЛЬКАРОВ.

А! понимаю, это другое дело; тотчас
выду. *(Слуга уходит)*.

ФЕКЛА.

Батюшка, неужели не удержите у нас
Маркиза хоть на несколько дней?

ВЕЛЬКАРОВ.

Я русской и дворянин—в гостеприим-
стве у меня никому нет отказа! Жаль
только, что из господ этих многие худо
за то платят... да все равно.

ЛУКЕРЬЯ.

Я надеюсь, что вы позволите нам го-
ворить с ним по-французски. Если Мар-
кизу покажется здесь что-нибудь стран-
но, то по крайней мере он увидит, что
мы совершенно воспитаны, как должно
благородным девицам.

ВЕЛЬКАРОВ.

Да, да! Если он по-русски не говорит,
то говорите с ним по-французски, я даже
этого требую. Есть случаи, где знание
языков употребить и нужно, и полезно.
Но русскому с русским, кажется, всего
приличнее говорить отечественным язы-
ком, которого, благодаря истинному про-
свещению, начинают переставать стыди-
ться. Василиса! *(Василиса входит)*. Будь
с ними, а я пойду и посмотрю, что за
гость?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса.

ЛУКЕРЬЯ.

Сестрица! я чай, мы уроды-уродами!
Посмотри, что за платье, что за рукавчи-
ки... как мы Маркизу покажемся?

ФЕКЛА.

Накинем хоть шали. Даша! Даша!

ДАША.

Чего изволите?

ЛУКЕРЬЯ.

Принеси мне поскорей пунцовую шаль.

Ф Е К Л А.

А мне мою полосатую.

Д а ш а.

Тотчас... (*Хочет уйти*).

Л у к е р ь я.

Даша! постой! Сестрица, полно, носят ли уже в Париже шали?

Ф Е К Л А.

Нет, нет! останемся лучше так... Даша, дай румяны. (*Даша исполняет приказание*). Кажется, в Париже румянятся! Нарумянь меня, миленькая сестрица!

Л у к е р ь я.

А ты, между тем, растрепли мне хорошенько на голове. (*Они услуживают друг другу*).

Д а ш а.

Что с ними сделалось?

Ф Е К Л А.

Как бы нам его принять? — Как будто мы ничего не знаем!.. Займемся работою.

Л у к е р ь я.

Даша! подай нам какую-нибудь работу... Зашипль мне тут, сестрица... так... немножко более плеча открой...

Д а ш а.

Да какую работу, сударыня? Вы никогда ничего не работаете; разве кликнуть людей да втащить наши пальцы... Ну, право, они одурели!

Л у к е р ь я.

Ох нет! им не надо, знаешь ли что, сестрица? сядем, как будто бы мы что-нибудь читали. (*Бросаются в креслы*).

Ф Е К Л А.

Ах, это прекрасно! — Даша, дай нам две книжки. Сестрица, миленькая надвинь мне хорошенько волосы на левой глаз!

Л у к е р ь я.

Так?

Ф Е К Л А.

Постой-ка, нет, нет! еще, чтоб я им ничего не видала... очень хорошо. Даша, что же книги?

Д а ш а.

Книги, сударыни? Да разве вы забыли, что у вас только и книг было, что модной журнал, и тот батюшка приказал выбросить; а из его библиотеки книг вы не читаете, да и ключ у него. — Няня Василиса, скажи, право, не помешались ли они?

н я н я В а с и л и с а.

И, мать моя! Бог с тобою! они все в одном разуме.

Ф Е К Л А.

Нет, эдак не ловко; лучше встанем, сестрица! Посмотри-ко, как я присяду. (*Приседает низко и степенно*.) А! Маркиз! хорошо так?

Л у к е р ь я.

Нет, нет, это принужденно... учтиво... надо так, как будто мы век были знакомы! Мы лучше чуть кивнем. (*Приседает скоро и кивает голою*). Ах! Маркиз! Вот так!

Д а ш а.

Комедию что ль они хотят играть? Да что такое сделалось, сударыни? что за суматоха?

Ф Е К Л А.

К нам приехал из Парижа знатный человек, Маркиз!

Л у к е р ь я.

Он будет у нас гостить. Даша! ты, чай, с роду Маркизов не видала?

Ф Е К Л А.

Ах, миленькая сестрица! если бы он не говорил по-русски!

Л у к е р ь я.

Фи! душа моя, какой глупой страх! он, верно, в Париже весь свой век был в лучших обществах!

Ф Е К Л А.

Когда я вображу, что он из Парижа, что он Маркиз, так сердце бьется, и я в такой радости, в такой радости... je ne saurois vous exprimer.¹¹ Я не смогла бы вам изъяснить.

няня Василиса.

Матушка Фекла Ивановна! извольте радоваться по-русски!

Лукерья.

Добро, няня Василиса, не долго тебе нас мучить: на зло тебе наговоримся мы по-французски до сыта — нам батюшка позволит.

няня Василиса.

Его господская воля, моя красавица!

Даша (особо).

Что за гость! что за Маркиз! (Увидя Семена.) Ах, это негодной Семен! Боже мой, что такое он затеял?

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса. Велькаров и Семен во фрачке.

Велькаров.

Хоть, кажется, у нас смирно, и никаких грабежей не слыхать, по ничему нет невозможного; мы тотчас дадим знать, куда должно — и все способы будут употреблены сыскать воров и возвратить вам ваши вещи и ваши бумаги. Вы, между тем, останьтесь у меня, отдохните и потом, коли время не терпит, отправьтесь в ваш путь. Вы не будете раскаяваться, что ко мне зашли. Но помните твердо наше условие: ни слова по-французски.

Даша (особо).

Да он ни бельмеса и не знает!

Семен.

Милостивый государь, я стану сограждать ваше повеление так свято, как будто бы ни слова не умел по-французски, тем более, что, живши прежде время долго в России, я довольно изрядно говорю по-русски, хотя теперь я и прямо из Парижа.

Даша.

О, плут!

Фекла.

Боже мой, сестрица! он по-русски умеет!

Лукерья.

Надо быть нашему несчастию! Я думаю, на зло нам, судьба всех французоз по-русски переучит.

Велькаров.

Оставьте излишние церемонии! мы здесь в деревне! Вот мои дочери; останьтесь пока с ними, а я пойду и прикажу для вас комнату очистить; да только помните: — ни слова по-французски!

Семен.

Я невыступлю изволивашей... (Особо) Хоть бы и хотел, да не могу. (Откланивается очень учтиво Велькарову)

Фекла (тихо сестре).

Сестрица душенька! видно, в Париже теперь учтивы: присядем пониже... (Приседают очень низко и перекланчиваются с Семеном.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса и Семен.

Семен.

Милостивые государины, вы видите пред собою утифительного маркиза, которого злополучные нешасия, и несчастные горести, сопряженные на подобие, когда великие туши, с приткою молниєю несносные для всякого чувствительного сердца, которое сердца подобно большой шлюбке на морских волнах катается, кидается и бросается... из педы на горе, из горя на нешасие, из нешасия на погибель, из погибели... очень, очень жалко, сударины, што не могу я вам этого рассказать по-французски.

Фекла.

Ах, маркиз! мы просим у вас прощения за батюшку...

Лукерья.

Извините нас, если вы видите в нем еще остаток варварского века!..

Фекла.

Он для того не позволяет говорить по-французски, что воспитан на старинный манер...

Лукерья.

И по-французски не знает!..

Семен.

Не снаст! Боже мой! это ужасно. не

простительно, неблагородно!.. Так и ви, сударини, говорите только по-русски?

Ф Е К Л А.

Ах, нет, нет! мы клянемся вам, что до самого приезде сюда иначе не говорили мы, как по-французски, даже до того, что по-русски худо знаем... О! мадам Григри за этим очень смотрела!

Л У К Е Р Ь Я.

Не в похвалу себе скажу, маркиз, только я, право, двух строк по-русски без двадцати ошибок не напишу; зато по-французски...

С Е М Е Н.

Это похвально, очень похвально! и я жалею, што ви имеете такого батюшку, которой...

Л У К Е Р Ь Я.

Если бы чувствовали, как нам стыдно, что он так странен...

С Е М Е Н.

Не знать по-французски... я вообразить этого не могу! я бы умер!..

Л У К Е Р Ь Я.

Нам, право, даже совестно перед вами, что мы его дочери.

Ф Е К Л А (*приседая*).

Ах, маркиз, извините нас в этом!

С Е М Е Н.

Нишего, судариня, нишего... я охотно верю, што ви этому не виновати; но позволте мне хотя по-русски пересказать вам свои обстоятельства: я имею надежду, што ваша щедрость и ваше доброе серсе...

Ф Е К Л А.

Мы жадно хотим их слушать... Даша! подвинь креслы маркизу. (*Даша исполняет приказание.*)

С Е М Е Н (*сидясь*).

Милостивие государини, всякому, конечно, странно будет видеть знатного шеловека, каков я, пешком; видеть, што знатной шеловек, каков я, имеет крайнюю нужду в деньгах; но когда вы узнаете мои обстоятельства...

Ф Е К Л А.

Так вы недавно из Франции? Я думаю, там хорошо, как в раю; не правда ли, Маркиз, что когда вы сравните ее снапею варварскою землею...

С Е М Е Н.

Какое зравнение, сударини! какое зравнение! Слезы из меня текут всякой раз, когда вспомню о Франции! Я вам скажу только одну безделису, но любопытно видеть, точно любопытно... совершенно любопытно... поверите ли ви, што там все большиегорода вистроени на больших дорогах?

Л У К Е Р Ь Я.

Ах, боже мой!

Ф Е К Л А.

Ах, сестрица! как это должно быть весело!

С Е М Е Н.

Я вам после подробнее об этом расскажу, а теперь позволте мне о моих обстоятельствах...

Л У К Е Р Ь Я.

Сестрица, маркизу низко... Даша! подай лучше стул. (*Даша исполняет приказание.*)

С Е М Е Н (*пересаживаясь с поклонами*).

Мне очень приятно видеть ваше мягкое серсе, сударини— и я надеюсь, что мои обстоятельства...

Л У К Е Р Ь Я.

А в самом-то Париже, сколько удовольствий, сколько забав!

Ф Е К Л А.

Я думаю, там время ужасно коротко.

Л У К Е Р Ь Я.

А особливо против нашего... здесь, право, не знаешь, когда сутки кончатся; а там, Маркиз, не правда ли?..

С Е М Е Н.

Это правда ваша!.. Там зутки по крайней мере шестью шасами короче, нежели в России!..

Ф Е К Л А.

Вы чудеса нам рассказываете!

С Е М Е Н.

О это еще безделиса! Но позвольте штоб теперъ изъяснил я вам моя жалкие обстоятельства...

Л У К Е Р Ь Я.

Как это приятно, что живши там, можно получать несравненно скорее, нежели здесь, все новые романы и песенки; скажите, маркиз, кого там теперъ более читают?

С Е М Е Н.

Фи! фи! как это неблагородно! Ми все, кто познатнее, никого не читаем. —

Ф Е К Л А.

Ну вот, сестрица; а батюшка вечно гневается, что мы мало сидим за книгами. Видишь ли, что и в Париже по-французски только говорят, а не читают...

С Е М Е Н.

Мало ли есть прекрасних упрашней, кроме книг, для молодого, знатного шеловека. Например: можно нишего не делать, можно гулять, можно петь, можно играть комедию... Я вам после обо всем расскажу; теперъ позвольте представить вам мои жалкие обстоятельства...

Л У К Е Р Ь Я.

Сестрица, маркизу жестко... Даша, подай подушку!

Д а ш а (*исполняя приказание*).

Усядется ли мой маркиз?

С Е М Е Н (*пересаживаясь*).

Покорно благодарствую, сударини! Ви не поверите, как приятно иметь дело с простими душами, как ваши, но согласитесь, ради бога, изъяснить вам мои обстоятельства... Выслушайте меня!

Ф Е К Л А.

Мы слушаем, маркиз!

С Е М Е Н.

Нешасия мои такови, что, слушая их, можно утонуть в слезах.

Л У К Е Р Ь Я.

Бедной маркиз!

С Е М Е Н.

Мои жалкие приключения достойны...

Д а ш а.

Несчастной маркиз!.. Ах! ах!

С Е М Е Н.

Ах! боже мой! дозвоьте только, штоб я изъяснил вам...

Л У К Е Р Ь Я.

Злополучный маркиз!.. Ах! ах!

С Е М Е Н.

Естьли вы сжалитесь...

Ф Е К Л А.

Ах, сестрица! ах, Даша!.. какя жалость!.. Ах! ах! ах!

С Е М Е Н.

Естьли вы хотя несколько имеете шеловешества...

Л У К Е Р Ь Я.

Ах Даша! ах, сестрица... можно ль не терзаться? хи! хи!

Д а ш а.

Ах сударини, подлинно жалко! ох! ох! (*Все плачут около Маркиза*).

няня В а с и л и с а (*которая все глядела на них, вдруг плачет на-взрыд*).

О! о! хо! хо! хо! согрешила я, окаянная, по грехам меня бог наказывает!

Л У К Е Р Ь Я.

Ну ты что развылась, няня Василиса?

няня В а с и л и с а (*со слезами*).

Так, золотые мои! глядела на вас, глядела, индо меня горе разобрало... я вспомнила про внука Егорку, которого за пьянство в рекруты отдали; ну такой же был статной, как его милость.

Ф Е К Л А.

Куда ты глупа, няня Василиса!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса, Семен и Сидорка (*несет платье*).

С и д о р к а.

Петровна! какой у нас француз, которой по русски говорит?

ияня Василиса (*указывая на Семена*).

Вот он, мой батюшка.

ЛУКЕРЬЯ.

Неуч! да говори вежливее!

ФЕКЛА.

Извините его, маркиз!.. Куда ты глуп, Сидорка! ну простительно ли говорить так грубо: француз! француз! не мог ты сказать учтивее?

СИДОРКА.

Виноват, сударыня! я не знал, что это бранное слово; только, воля ваша, барин не в брань изволил его сказать, а, напротив того, он хочет уже показывать, как чудо, француза, который по-русски говорит почти так чисто, как наш брат крещеной, и для того прилепал к нему с своего плеча новую пару платья, да 200 рублей денег, и велел, чтоб он неотменно теперь же оделся.

ДАША (*особо*).

Помоги, любовь, моему маркизу!

СЕМЕН (*особо*).

Ура! маркиз! (*Сидорке*.) Скажи, мой друг, своему господину, што маркиз его благодарит.

ЛУКЕРЬЯ.

Ах боже мой! что это значит? право, батюшка выходит из благопристойности... взгляните, маркиз, что за кафтан: я думаю, на нем одних галунов полпуда!.. Поди, поди вон с платьем!

СЕМЕН.

Полпуда!.. нет, нет, надобно иногда угождать старим людям.

ФЕКЛА.

Нет, маркиз, коли в батюшке нет человечества, так по крайней мере мы жить умеем — Поди, Сидорка, вон с платьем! Оно вас задавит...

СЕМЕН.

Нет, нет, постой, слуга! — О мучительницы, они грабят меня!

ЛУКЕРЬЯ.

Вы шутите, маркиз! Это бы было убийство!..

ФЕКЛА.

Это грех, беззаконие! — Поди, Сидорка, вон!

СЕМЕН (*схватя за платье*).

Позвольте мне, сударыня, этот грех на себя взять! (*Берет платье*)

ДАША.

И подлинно, сударыни, неровно батюшка прогневается! Войдите, маркиз, в эту боковую комнату, вы тут можете одеться.

ЛУКЕРЬЯ.

Право нам стыдно, маркиз!

СЕМЕН.

Вы увидите, сударыни, што я во всяком кафтане тот же я. (*Сидорке*.) Пойдем, слуга!.. Голубчик кафтан! чуть было нас не разлучили!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Фекла, Лукерья, Даша, няня Василиса.

ЛУКЕРЬЯ (*вслед Семену*).

Какой ум! какая острога!

ФЕКЛА.

Какое благородство! какая чувствительность!

ДАША (*особо*).

Благодаря маркизетву.

ЛУКЕРЬЯ.

Как видна ловкость во всяком пальчике маркиза!

ФЕКЛА.

В каждом суставчике приметно что-то необыкновенное, привлекательное...

ДАША (*особо*).

Куда все это денется, как узнают, что он — Семен?

ФЕКЛА.

Приметила ль ты, как он был в креслах: ну, можно ли свободнее лежать у себя в постеле? Ах! наши молодые люди долго на него походить не будут — все еще отзываются чем-то русским...

ЛУКЕРЬЯ.

Чему же дивиться, сестрица, коли батюшки да матушки сами изволят впуты-

ваться в воспитание; они, конечно, все перепорят: посмотри на многих из тех молодых людей, которых воспитание совершенно доверено было гувернерам: похожи ли они на русских?

Ф Е К Л А.

Ну! воля твоя, сестрица, я нашего маркиза между тысячи русских узнаю: манеры не те, ухватки не те, взгляд не тот, а притом как несчастлив! Ах! я чуть не изорвалась с тоски, слушая его приключения.

Л У К Е Р Ь Я.

Веришь ли, сестрица душенька, как он меня тронул, что я сквозь слезы ничего не могла расслушать.

Ф Е К Л А.

Ну как же не мучительно, когда видишь, что есть такие достойные люди — и сравнить с ними здешних необразованных животных!

Л У К Е Р Ь Я.

А особливо таких, как наши любезные женишки, Хопров и Танин!

Ф Е К Л А.

Куда это умно! Ты, сестрица, будешь маиоршею, а я ассессоршею!

Л У К Е Р Ь Я.

Маиорша, ассессорша! фи! гадость! Нет, нет, как изволит батюшка, я лучше в девках останусь!

Ф Е К Л А.

Я, миленькая сестрица, хоть в девках и не останусь, только уж, воля его, ни маиоршею, ни ассессоршею быть, право, не намерена.

Л У К Е Р Ь Я.

Ах! для чего мы не рождены во Францию? я бы, может быть, была маркизша...

Ф Е К Л А.

А я виконтесса!—Куда, чай, это весело, миленькая сестрица! Побыла бы хоть неделю маркизшею или виконтессою,—пусть бы после хоть век в девках сидеть!..

Д А Ш А.

Куда это они подбегутся?

Л У К Е Р Ь Я.

Сестрица! — мне пришла в голову прекрасная мысль!..

Ф Е К Л А (*робко*).

Уж не та ли, что и мне, миленькая сестрица?

Л У К Е Р Ь Я.

Верно — я по глазам узнаю; но это нас не поссорит, мой ангел; конечно, природа не даром дала нам тонкие чувства и тонкой ум...

Д А Ш А (*особо*).

Где тонко, тут и рвется.

Ф Е К Л А.

Может быть, судьба и подлинно одну из нас готовила быть маркизшею.

Л У К Е Р Ь Я.

Пойдем ко мне в комнату, ты увидишь, что я сделаю. Даша! останься здесь и скажи маркизу, что мы тотчас выдем... (*Отходя*.)

Ф Е К Л А (*отходя*).

Ma chère amie, il faut d'abord...¹

няня В А С И Л И С А.

Матушка Фекла Ивановна, извольте говорить по-русски!

Л У К Е Р Ь Я.

Сгинешь ли ты когда-нибудь от наших глаз, няня Василиса.

Д А Ш А.

Право, у барышень моих что-нибудь непутное на уме! Ну, дорогой Семен! затеял ты дело; посмотрим, каково то концы сведешь!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Даша, потом Семен, разряженный в Велькарова кафтан и распудренной, и Сидорка.

С Е М Е Н.

Ну да, приятель, ты и в расходную свою книгу запишешь, што 200 рублей изволил принять маркиз, то есть я. Скажи, девушка, где твои барышпи?

¹ Милый друг, нужно сперва...

ДАША.

Тотчас выдут, маркиз! Они просят, чтоб вы их подождали.

СИДОРКА.

Ну да коли маркиз то чин, так как же прозвание то ваше? Вить мне надо толком записать и показать барину; а он и так ворчит, что я не умею порядком в расход занести.

СЕМЕН.

Мое прозвание! прозвание... Послушай, девушка! *(Тихо)* Даша! не помнишь ли ты какого-нибудь французского прозванья? Злодей мучит меня уже час, а на ветер сказать боюсь, чтоб старику себя не оболтать.

ДАША.

Хоть убей, право, ни одного не помню! Смотри, Семен, не напутай на себя!

СИДОРКА.

Так, уже ничего не видя, и к девкам нашим изволят подлипать! Что ж, сударь, мусье маркиз, как ваше прозвание?

СЕМЕН.

Прозванье? стало, это надобно? *(Тихо)* Дай бог памяти! Даша, да помоги!

ДАША.

Будто я знакома с маркизами? Кроме похождения маркиза Глаголь,¹ которого 3-й том у меня в сундуке валяется, я ни одного маркиза не знаю.

СЕМЕН.

Славно! чего этого лучше... *(Громко)* Так ты, миленькая девушка, будешь чинить мои манжеты?

СИДОРКА *(особо)*.

Вот дурака нашол! чинить манжеты! Мне, сударь, право, некогда: скажите, как вас зовут?

СЕМЕН *(гордо)*.

Меня как зовут? Изволь, мой друг... меня зовут маркиз Глаголь.

СИДОРКА.

Маркиз Глаголь!

ДАША.

С ума ты сошел!

СЕМЕН *(Даше)*.

Коль есть печатной маркиз Глаголь, для чего не быть живому? Да, да, маркиз Глаголь,—не забудь, приятель, и запиши, што деньги изволил полушить маркиз Глаголь.

СИДОРКА.

Маркиз Глаголь! слушаю!.. Глаголь... Право, чудно... Маркиз Глаголь! Ахти, мои батюшки... ну, ни дать, ни взять, будто из русской азбуки!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Даша и Семен *(хохочут)*

ДАША.

Ну, мой бесценной маркиз Глаголь!

СЕМЕН.

Ну моя маркизша!

ДАША.

Не свербит ли у маркиза спина?

СЕМЕН.

Смелым бог владеет, королева моя! Нет... да полюбуйся-ка... *(Расхаживает.)* Посмотри-кась! — какова выступка? каков вид? Чем не барин! — чем не маркиз! Что, каково меня одели?

ДАША.

Прекрасно! только каково-то тебя раздевать будут.

СЕМЕН..

Пустого ты боишься.

ДАША.

Надобно быть твоему бесстыдству и дерзости, чтоб назваться французом, не зная ни слова по-французски.

СЕМЕН.

Ничего, ничего; барышни твои точно таковы, как мне надобно — им бы хоть уж имя не русское, далее они не смотрят. Что до старика, то я знал наперед с твоих же слов, что он запретит мне говорить по-

¹ «Приключения маркиза Г. или жизнь благородного человека, оставившего свет» — перевод (Елагина и Лукина; 1-е изд. — Спб. 1756 — 65 гг.) романа Прево: «Les mémoires de l'homme de qualité».

французски, как скоро услышит, что я по-русски говорю; а без него надежда моя на премудрую няню Василису... Видишь ли, как я дело то со всех сторон кругло расчел.

ДАША.

Это правда, только я все что то боюсь...

СЕМЕН.

Вадор, посмотри-ко: 200 рублей уж тут, и комедия почти к концу — еще бы столько же, или на столько же хоть выманить от красавиц, то к вечеру сложу маркизство, с барином своим распрощаюсь; чин чином — и завтра ж летим в Москву! Я уж придумал, как и делу быть: открою или цырюльну, или лавочку с пудрой, помадой и духами...

ДАША (*приседая важно*).

Не позабудьте, маркиз, одной бездельницы, прежде нежели изволите отправиться в Москву открыть лавочку.

СЕМЕН (*с комическою важностию*).

Что, душа моя?

ДАША (*приседая важно*).

Со мной здесь же обвенчаться; а то вы, знатные, иногда очень забывчивы.

СЕМЕН (*с комическою важностию*).

Я надеюсь, что вы мне об этом припомните!

ДАША (*приседая*).

Не премину, конечно, маркиз! Те! идут... А, это барышни! Боже мой! и без няни Василисы... пропал ты...

СЕМЕН.

Худо, Даша!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Фекла, Лукерья, Даша и Семен.

ЛУКЕРЬЯ.

Дашенька, поди на крыльцо и стереги: как скоро приедут Холров и Танин, прелестные наши женишки, отдай им эти письма; а мы здесь поговорим с маркизом.

ФЕКЛА.

Не прогляди же их!

ДАША.

Как! вы без няни Василисы?

ЛУКЕРЬЯ (*хохочет*).

Мы ее заперли в нашей комнате. Поди отсель.

ДАША.

Я, право, боюсь...

ЛУКЕРЬЯ.

Ох, поди же!

ДАША.

Естьли батюшка...

ФЕКЛА.

Ну, что ты привязалась, как няня Василиса... Поди, коли говорят!

ДАША.

Беды! совсем беды... Поскорей побегать его выручить!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Фекла, Лукерья и Семен.

СЕМЕН (*особо*).

Ну, до меня дело доходит... Попытаемся как-нибудь отыгратья. (*Им*) Как ви прекрасни, сударини! Верите ли, што, глядя на вас, я забываю мои нешасия; здесь я стал совсем иной шеловек. Смотря на вас, не могу я быть сериозен, — это волшебство! настоящее волшебство! Я думал, што я буду плакать, а вы делаете, что я не могу не смеяться.

ЛУКЕРЬЯ.

Ecoutez, cher marquis...¹

СЕМЕН.

Боже мой! што вы хотите делать? Я дал батюшке вашему слово не говорить по-французски...

ФЕКЛА.

Il ne saura pas...²

СЕМЕН.

Не возможно! не возможно! никак не возможно! услышат...

¹ Послушайте, милый маркиз.

² Он не узнает.

ЛУКЕРЬЯ.

Mais de grace... ¹

СЕМЕН (*убегая от них на другую сторону театра*).

По-русски, по-русски, ради бога по-русски!.. О, няня Василиса!

ФЕКЛА (*гоняясь за ним*).

Je vous en prie. ²

ЛУКЕРЬЯ.

Je vous supplie. ³

СЕМЕН (*убегая*).

Ни одного слова, ни полслова, ни шетверть слова. (*Особо*) Совершенная беда!

ЛУКЕРЬЯ (*гоняясь*).

Barbare!.. ⁴

СЕМЕН (*убегая*).

Не слышу!..

ФЕКЛА (*гоняясь*).

Не понимаю! ⁵

ЛУКЕРЬЯ (*гоняясь*).

Impitoyable!.. ⁶

СЕМЕН (*убегая*).

Не разумею...

ФЕКЛА.

Ingrat!.. ⁷

СЕМЕН (*убегая*).

Напрасно! напрасно!.. О, няня Василиса!

ЛУКЕРЬЯ (*гоняясь*).

Cruel!.. ⁸

СЕМЕН (*убегая и, выбившись из сил, падает в кресло*).

Не могу, совершенно не могу!..

ЛУКЕРЬЯ (*придерживая его*).

Ah! — vous parlerez!.. ⁹

¹ Но ради бога.

² Прошу вас об этом.

³ Я вас умоляю.

⁴ Варвар.

⁵ Здесь, как и в изданиях 1807 г. и 1816 г., повидимому пропущены слова Феклы. «Не понимаю» — должен говорить Семен.

⁶ Безжалостный.

⁷ Неблагодарный.

⁸ Жестокий.

⁹ О — вы заговорите!

ФЕКЛА (*также*).

Ah! le petit traître!.. ¹

СЕМЕН (*барахтаясь*).

Не понимаю, не разумею, не чувствую! (*Особо*) Ах! где ты, няня Василиса!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Лукерья, Фекла, Семен и няня Василиса.

няня ВАСИЛИСА (*входя*).

А! а! красавицы мои, барышни! (*Они бросаются от Семена*).

СЕМЕН.

Уф!.. отдыхаю!..

няня ВАСИЛИСА.

Затейницы! затейницы! что это вы надомной спроказначали; ведь я индо охрипнула кричавши!..

ЛУКЕРЬЯ.

Чтобы тебе охрипнуть еще не кричавши, няня Василиса!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Прежние, Велькаров и Даша.

ДАША.

Я боюсь вам, сударь, что я не знала ни намерения барышен, ни того, что на письме написано; они сами это скажут.

ВЕЛЬКАРОВ.

Бесстыдные! безумные! долго ли вам мучить меня своими дурачествами!.. Что значат эти письма, которые взял у ней (*указывая на Дашу*) и в которых вы изволите так грубо Хопрову и Танину запрещать ездить ко мне в дом?

ЛУКЕРЬЯ.

Воля ваша, батюшка, мы не хотим, чтоб они и надежду имели на нас жениться.

ФЕКЛА.

Ах! не унижайте нас!

ВЕЛЬКАРОВ.

Что, что вы, сумасшедшие! да они благородные, молодые и достойные люди,

¹ Ах, плутишка!

ЛУКЕРЬЯ.

Ах, сударь, если бы они были люди, они бы хоть немножко походили на маркиза.

ВЕЛЬКАРОВ.

Это что еще?

ФЕКЛА *(на коленях)*.

Не будьте так жестоки, не заглушайте в нас благородных чувств; и если уж одна из нас должна носить русское имя, то позвольте хотя другой надеяться лучшего счастья...

ЛУКЕРЬЯ *(на коленях)*.

Не будьте неумолимы! ужели для вас не привлекательно иметь родню в самом Париже?

ВЕЛЬКАРОВ.

Встаньте! встаньте! Боже мой, какое мученье! вас точно надо запереть. *(Особо)* Мой дорогой гость успел вскружить им голову. Я вас проучу...

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ.

Фекла, Лукерья, Велькаров, Даша, Семен, няня Василиса и Сидорка.

СИДОРКА.

Деньги, сударь, в расход занес. *(Семену)*. Маркиз Глаголь, ваша комната готова!..

ВЕЛЬКАРОВ.

Маркиз Глаголь!

ФЕКЛА.

Опомнись, Сидорка!

ЛУКЕРЬЯ.

Вот наши русские порядочно имени не могут затвердить.

СИДОРКА.

Да, помилуйте, я ль ему дал имя? Его милость давеча приказал и в книгу себя занести так... Даша, вить при тебе?

ДАША *(в смущении)*.

Я? когда?.. давеча?.. я что тоне помню!..

ВЕЛЬКАРОВ *(особо)*.

Ба, и Даша в замешательстве!.. Тут, верно, есть обман! Так вас называют маркиз Глаголь?

СЕМЕН.

Милостивый государь, я удивляюсь, что это вас удивляет.

ВЕЛЬКАРОВ.

Господин маркиз Глаголь, ты идут!

СЕМЕН.

Я не смею спорить с вашей почтенной фигурой.

ЛУКЕРЬЯ.

Батюшка, можно ли так обижать честного человека!

ФЕКЛА.

Помилуйте, вы обесславите себя по всей Франции.

ВЕЛЬКАРОВ.

Мы посмотрим его на первом опыте. Г. маркиз, я позволяю, или, лучше сказать, я требую, чтоб ты дочерям моим при мне рассказал по-французски жалкое приключение, как тебя ограбили.

ДАША *(особо)*.

Прощай, маркизство!..

ЛУКЕРЬЯ.

Ах, какое счастье!

СЕМЕН.

Милостивый государь...

ВЕЛЬКАРОВ.

Посмотри-ко, ты уж чище по-русски стал выговаривать; скоренько научился!

СЕМЕН.

Милостивый государь...

ФЕКЛА.

Ах! говорите, говорите, маркиз!

ВЕЛЬКАРОВ.

Ну, говори ж, маркиз Глаголь!

СЕМЕН *(на коленях)*.

Ах, сударь!..

ВЕЛЬКАРОВ.

Полно! полно! не стыдно ль знатному человеку так унижаться! Изволь рассказывать! Пусть дочери мои послушают французского языка..

няня Василиса (*подходя к Семену*).

Уже, мой батюшка, позволь и мне по-судать, — куда давно хотелось...

С Е М Е Н.

Ах! простите кающегося грешника... Я, сударь... ах... я не маркиз, я, сударь... ах!... я и не француз... а просто вольной человек... служу у господина, который, проездом в армию, остановился в вашей деревне... и зовут меня Сенькой!

Л У К Е Р Ь Я.

Бездельник! и ты мог...

С Е М Е Н.

Виноват, сударь... страстная любовь сделала меня маркизом.

Д а ш а (*на коленях*).

Простите нас, сударь!..

В Е Л Ь К А Р О В.

А ты, Даша! — тут же?

С Е М Е Н.

Ах, сударь!.. мы уже давно любим друг друга — и нам не на что жениться... Не могли ничего достать с русским именем, я употребил невинную хитрость и назвался маркизом; но, я, право, не участник в отказе, который барышни сделали своим женихам.

В Е Л Ь К А Р О В.

Нет! нет! твоя спина дорого мне за это заплатит! Вот, госпожи дочки, следствие вашего ослепления ко всему, что только иностранное! Кто меня уверит, чтоб и в городе, в ваших прелестных обществах, не было маркизов такового же покрою, от которых вы набираетесь и ума, и правил...

С Е М Е Н.

Милостивый государь, простите нас!..

Д а ш а.

Сжальтесь над верными любовниками!..

В Е Л Ь К А Р О В (*особо*).

Однако, право, мне и досадна и смешна выдумка этого плута!.. Господин маркиз Глаголь, ты бы стоил доброго увещания, но я прощаю тебя за то, что сегодняшним примером дал ты моим дочкам урок. Встань, возьми свою Дашу, и поезжайте с ней, куда хотите. Сидорка, разочтись с ней; уж и на дорогу прикажу вам дать.

Д а ш а.

Ах, сударь, вы нас оживили!

С Е М Е Н.

Уф! как гора с плеч свалилась! Пойдем, Даша! И другу, и недругу закажу маркизом называться! (*Уходит с Дашей, за ними Сидорка.*)

В Е Л Ь К А Р О В.

А вы, сударыни! я вас научу грубить добрым людям, я выгоню из вас желание сделаться маркизшами! Два года, три года, десять лет останусь здесь в деревне, пока не бросите вы все вздоры, которыми набила вам голову ваша любезная мадам Григри; пока не отвыкнете восхищаться всем, что только носит нерусское имя, пока не научитесь скромности, вежливости и кротости, о которых, видно, мадам Григри вам совсем не толковала, и пока в глупом своем чванстве не перестанете морщиться от русского языка! Няня Василиса! поди, не отходи от них! (*Уходит*).

Н. В а с и л и с а (*в след*).

Слушаю, государь!

Л у к е р ь я (*отходя*).

Ah! ma soeur!¹

Ф е к л а (*отходя*).

Ah! quelle leçon!²

Н. В а с и л и с а (*отходя за ними*).
Матушки барышни! извольте кручиниться по-русски!

К О Н Е Ц.

¹ Ах, сестрица!

² Ах, какой урок!

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПРОЗЕ

ИЗ «ПОЧТЫ ДУХОВ»

ПИСЬМО ПЕРВОЕ,

ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Вот первое письмо, любезный и премудрый Маликульмульк, которое я к тебе пишу после нашей разлуки. Я было хотел тебя поздравить с новым годом; но не знаю, которому ты веришь календарю: Юлианскому ли, или древнему Римскому; а может быть ты и того мнения, что год со всякого нового дня начинается. Я бы желал уверить тебя о моем к тебе дружестве; но мы с тобою столько знакомы, что можем оставить для других такие учтивости, которыми ныне почти все письма наполняются; и так, лучше скажу тебе новость, и какая ужасная перемена делается в Аде!

Вчерась минул срок полугодовому отсутствию Прозерпинину. ¹Плутон с нетерпеливостью ожидал ее возвращения; вдруг предстала перед него одна тень, одетая в скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина прибыть изволила. Минуту спустя Богиня сама входит в нынешнем французском платье, в шляпке с перьями и в прекрасных башмачках, которых тоненькие каблучки придавали ей вершка три росту. Бедной Плутон оледенел, увидя ее в сем наряде. Мы сами несколько оторопели; некоторые из нас говорили очень тихо: «конечно, она сошла с ума»; а другие кричали во все горло: «Богиня еще прекраснее!» Но все с нетерпеливостью ожидали, чем все это кончится.

— Здравствуй, мой ангел! — сказала, подошед к своему мужу, Прозерпина и присела перед ним два раза. — Признайся, — продолжала она, — что я не без пользы возвратилась к тебе с того света! каково тебе кажется это платье,

эта чоска, эта шляпка, эти высокенькие башмачки? Знаешь ли, что все это последней моды и взято из французских лавок?

— Друг мой! — говорил, почти всхлипывая, бедной Плутон, — что тебе сделалось?... Здорова ли ты?... Ах! я ведь говорил, что частая перемена воздуха может повредить мозговую перепонку. Любезная Прозерпина! опомнись, что ты! Ах, зачем ты ездил на тот проклятой свет! Я предчувствовал...

— Как зачем? — перехватила речь его Прозерпина, — знаешь ли ты, что я там в нынешнюю поездку выучилась петь и танцевать; посмотри, как чисто делаю я аглиньские па в контрдансе. —

В минуту подхватила она близь стоящего Сократа и принудила его пропрыгать с собою аглиньские прогулки; Диоген хохотал во все горло и говорил, что это прекрасная пара, а Плутон бесился и не знал, что делать. Он шепнул тихонько Цицерону: не может ли он уговорить жену его отстать от таких дурачеств. Цицерон подошел к ней со всею важностью, достойною римского оратора и сенатора.

— А! здравствуй, дедушка, — сказала она ему, — послушай, мне есть до тебя маленькая просьба, и мне ужасно хочется, чтоб ты ее исполнил; напиши, пожалуй, похвальную речь французским торговкам; ты не поверишь, как я и они будем тебя благодарить; твои филиппические речи стоили тебе головы; а за эту речь, о которой красоте я уверена, подарю я тебе последней моды фрак и аглиньским гарнитуром пряжек. Признайся, что это очень бедная плата. —

¹ Жена Плутона, бога подземного царства.

— Богиня! — сказал Цецерон, — могли я верить своим глазам, чтоб ты, будучи бессмертна, пленилась дурачествами существ, которые едва живыми назваться могут? —

— О! ты скучишь своими правоучениями, жизнь моя, — отвечала Прозерпина, — оставь их. Знаешь ли, что ты был бы нестерпим в нынешнем свете, и разве одними твоими острыми словами мог бы сыскать благосклонность у женщин, которые ныне решают судьбу ученых людей. —

— Богиня, — говорил Цецерон, — сия вредная язва не разохла ли и мое любезное отечество? Ах! я бы лучше желал еще шесть раз быть из него изгнан и двадцать раз быть удушен, по приказанию новых Антониев, нежели видеть такую странную перемену. —

— Ты не поверишь, — отвечала Прозерпина, — в каком совершенстве ныне Италия! Правда, ты не найдешь там ни одного Катона, ни Юлия, ни Брута, ни древнего Тарквиния; но, естлиб ты знал, как там хорошо сочиняют оперы Буффо, то бы ты сделался театральным Буффоном. — Жизнь моя, — продолжала она, оборотясь к Плутону, которой смотрел на нее, вытараща глаза, — сделай милость, заведи здесь оперной театр; я на себя беру выписать актеров, музыкантов и хороших капельмейстеров. —

— Богиня! — вскричал с сердцем Плутон, — ты, наконец, досаждаешь мне своими вздорными предложениями и сама не знаешь, что хочешь делать. —

— Выбрить тебе бороду, радость моя, — отвечала с нежностью Прозерпина, и нарядить тебя во французской кафтан. Ах! ты не поверишь, как прекрасны нынешние мужчины с выбритыми бородами! Я видела своими глазами целые города, наполненные Нарциссами и Адонисами, и я уверена, что ты с выбритою бородою так же прекрасен будешь, как Ганимед; ¹ прибавь же к тому французской

кафтан, тупей, алакросше ², модные пряжки и щегольскую французскую шпагу. О! мужчины так стали хитры, что умели сделать прелестными в глазах женщин и шпаги свои. Ты не увидишь более тех старинных саблищ, которые весом тянули столько же, сколько те, которые их носили, но увидишь маленькие прекрасные шпажки, которые, ничуть не ужасая, делают только украшение и включены в число галантерейных вещей. — Да, в число галантерейных вещей! Лучшие шпаги и лучшие тросточки продаются в аглинских магазинах.

Представь, мудрый Маликульмульк, каково было для нас видеть такое сумасбродство! Радамонт, Эак и Минос ³ жались как можно более, желая сохранить судейскую важность, и чтоб не треснуть от смеха; сам Плутон половину плакал и половину смеялся; однакож ничем не мог уговорить Прозерпину, чтоб скинула она свое фуру, а особливо, чтоб испортила прическу своей головы. — «Как! — говорила она, — я буду ходить с растрепанными волосами, в такое время, когда последняя театральная девка имеет у себя французского парикмахера! Нет, естли ты хочешь, чтоб я осталась здесь, то неотменно выпиши мне парикмахера, портнова и купца с галантерейными вещами, а без того я в спю же минуту еду в Париж. —

Плутон морщился, сердился, смеялся; но, наконец, должен был согласиться на ее требование.

Кого же бы ты думал выбрали доставить таких подобных людей?.. Меня, ученый Маликульмульк! Поздравь меня с должностию модного поверенного Прозерпины. Я скоро еду набирать лучших искусников. Весь Ад теперь в смятении от этой перемены, и я скоро, может быть, уведомя тебя, чем это кончится.

² Накладки из волос.

³ Судьи в аду.

¹ За красоту был похищен богами на Олимп.

ПИСЬМО ТРЕТИЕ,¹

ОТ ГНОМА БУРИСТОНА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Пожалей о мне, любезный Маликульмульк, пожалей о своем бедном Буристоне, узнавая его нещастие; нещастие, которое едва ли с кем-нибудь из моей братьи когда случалось. Но почто удручать тебя моими пустыми жалобами? Они могут в мыслях легковерного увеличить мою беду, но в мыслях премудрого человека останутся одним пустым звоном. Итак, приступлю я к делу и буду требовать твоей помощи: ибо не утешение, но помощь нужна нещастным.

Наш общий знакомец Зор писал к тебе о сумасшествии Прозерпины, но он еще не о всем тебя уведомил. — Богиня вскоре после того вздумала переменить вид своего двора; между тем как Зор полетел в свет набирать разных модных искусников, она новоприбывшему в Ад французскому портному велела на скорую руку обмундировать семь греческих мудрецов и славнейших в древности женщин, как то: Семирамиду, Клеопатру, Лукрецию и прочих; она еще более хотела; она неотменно желала, чтоб они завели между собой любовные интриги, и чтоб, не выключая и важного Солона, все сделались волокитами. Тысячу раз она смеялась над стыдливою Лукрециею и над Виргиниею, что они дичились в новых нарядах и не давали рук своим обожателям; она отдала их под смотрение доброй Клеопатре, которая обещала сделать из них таких придворных вертопрашек, которым бы и лучше европейские дворы завидовали.

Школа началась балом, Богиня сама открыла его с Плутоном, и потом Лукреция с Сократом танцевали менует: говорят, будто он уже за ней и машет.² Радамант, Минос и Эак, которые также приглашены были на сей праздник, потеряли всю свою важность, коль скоро увидели тут Александра Великого, Цесаря, Помпея, Брута, Катона и Фемистокла с римскими весталками, прыгающих галопада, которой искусные музы-

канты играли аллегро престо. Бедные наши судьи, забыв придворную благопристойность, надрывались от смеха, и как им никогда не случалось так долго смеяться, то этот смех превеликою кончился бедою: Минос получил колику, толстой Радамант получил одышку, а у бедного Эака лопнул пузырь, и они, кое-как дошедши до своих постелей, сказались больными. И таким образом заседание адеских судей перервалось, и некому было отправлять суд над ежечасно прибывающими сюда теньми.

На другой день послали Иппократа их освидетельствовать, который донес, что у двух из них лопнули мозговые перепонки, а у третьего разорвалась в ушах барабанная кожица; следственно, двое сошли с ума, а третий оглох и не может выслушивать оправданий. Плутон взбесился, услышав сию ведомость, и чрезвычайно браня свою жену, обвиняя ее в сем нещастии. Прозерпина извинялась, как могла, и старалась доказывать, что сии судьи, несмотря на их повреждение, были еще годны для исправления своих должностей, и что она, путешествуя по свету, никогда не видывала, чтобы отставляли судей, у которых повреждены мозговые перепонки, или у которых лопнули в ушах тамбурные кожицы; но упрямой Плутон, не слушая сих оправданий, решился посадить на место старых новых судей. В сем намерении призвал он меня и велел мне как можно скорее лететь в свет и сыскать трех честных и беспристрастных судей, у которых бы мозг был в хорошем положении и которые притом не были бы глухи. Представь, любезный Маликульмульк, как я остолбенел, услыша такое препоручение! — Ваше адское величество, — сказал я Плутому, — дарования мои так слабы, а должность, налагаемая вами на меня, так трудна, что я не надеюсь отыскать вами желаемых редкостей. Итак, осмеливаюсь просить у вас увольнения от толь тяжкого труда, и поручения оного такому Духу, которой более меня имеет дарований. — Но я только терял слова,

¹ См. в примечаниях.² Ухаживает.

и старик мой был неумолим; он доказывал, что ему неотменно нужно, чтобы продолжалось заседание, и для того надобны три честные человека, искусные в законах и без всякого корыстолюбия.

Вот какая поручена мне должность, любезный Маликульмульк, не несчастливой ли я бес? Где сыщу я три такие чуда? Я бл лучше согласился быть Танталом или Иксионом, нежели искать такое редкости. Однако же с нами шутить дурно; надобно повиноваться, и я намерился через три часа отправиться на землю; а между тем хотел посоветоваться с некоторыми тенями, которые у нас славны мудростию; но заприметь, любезный Маликульмульк, как пример начальников развращает подчиненных! Я уже не нашол здесь ни одной тени, которая бы не старалась подражать Прозерпине и не занималась бы модами и чоскою. Я подошел к Гераклиду, думая, что сей печальный философ может мне подать наставление; но и тот у нас не без дела. Прозерпина по частому его плаканью заключила, что он может быть очень хорошим трагическим актером, и потому я нашел его занятого ученьем какой-то плаксивой роли из новых трагедий. — Ах! — подумал я сам в себе, — сколько на земле в нынешние веки умирает таких людей, которым нужен бы был один слабый пример их владетеля, чтобы сделаться Цицеронами, Катонами и Демосфенами, и которые вместо того проводили всю жизнь свою в вымышлении новых нарядов и над чоскою своих волос! — Я перебирал в уме многих древних государей и видел, что Virgilius, Гораций, Вароны, Расины, Боалы и Молиеры бывали по большей части только тогда, когда жили Титы и Лудовики XIV, или когда они не боялись рассердить тем, что они умны, того, кто может у них отнять умы вместе с головами. Наконец, рассуждения мои кончились тем, что мне надобно было отправиться в Свет, не получа ни от кого никакого совета, о чем я очень печалился, как вдруг увидел пред собой Диогена и Демокрита, которые хотали во все горло.

— Скоро ли ты отправляешься, — спросил меня Демокрит, — искать нам честных судей? —

— Ах! — отвечал я, — в сей же час, но не знаю, каким образом окончится моя поездка; только думаю, что мне вечно в Ад не возвращаться. —

— Не отчаивайся, — сказал Диоген: — ты очень уже худо думаешь о Свете; я, напротив того, от всех новоприбывающих сюда судей слышу, что там ныне в судах все честные люди, и что несколько уже тому назад веков, как бездельники и крючкотворцы выгнаны из приказов. Я советовал бы тебе лететь на Север, там, может быть, найдешь ты надобное тебе число таких судей... —

— Я верю, — сказал Демокрит, — что ныне правосудие не с молотка продается, — и захохотал во все горло... —

— Ах! — отвечал я печально, — и я верю тебе, Диоген; но скажи мне, отчего это, что стого Света большая часть судей приходит к нам в богатых кафтанах, а тени челобитчиков являются сюда нагие; а часто и те самые из них, которые выиграли свой иск, приходят в одних рубашках! —

— Любезной друг, — отвечал Диоген, — ты уже знаешь от Прозерпины, что значит слово мода; и так, может быть, ныне на земле такая мода, чтоб челобитчики ходили полунагие, а судьи в богатых платьях; вить надобно же чем-нибудь различать состояния... —

— Так, так, — перехватил Демократ, — видно, что это самая полезная мода, для того, что она уже давно в употреблении. —

— Оставьте ваши шутки, — сказал я им, — и скажите мне лучше, каким образом могу я отыскать такие редкости. Вы были на земле и можете меня просветить в сем случае. —

— С охотою, — сказал Диоген, — во первых, старайся сыскать такие приказные места, которые слынут нажиточными, и в них ищи судей, которые бы были бедны и имели бы богатых челобитчиков; это первой знак, что судья некорыстолюбив. Потом, как скоро ты увидишь, что его подьячие не пьяны, то это значит, что он умеет ими управлять. И, наконец, ежели ты увидишь, что у него случится дело знатного богача с невинным бедняком и простолюдином, естли богач проиграет свое дело, то я даю тебе со-

вет, не мешкая ни минуты, звать его сюда.

Демокрит ни в одном слове не спорил с словами Диогена, но только говорил, что это найти очень трудно, однако же желал мне всякого счастья, и, смеясь дурачествам Прозерпины и чудному предпринятию Плутона, удалился от меня с Дио-

геном к Прозерпинину уборному столу.

Вот, любезный Маликульмульк, мои обстоятельства. Признайся, не в жалком ли я положении; право, я боюсь, чтоб не расстаться навсегда с Адом. Итак, прощу твоего совета и, надеясь на твой разум, ожидаю от тебя сей помощи!

ПИСЬМО ШЕСТОЕ,

ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Вчерашняго дня, любезный Маликульмульк, вылетел я из своего жилища на свет для набрания надобных людей и для закупки уборов, о которых, при самом моем отправлении из Ада, препоручено мне было. Имея множество денег, при которых, как сказывают, нет ничего в свете невозможного, ты подумаешь, что я в одну минуту мог исполнить желание Прозерпины; но как ты удивилшься, когда узнаешь, что ничего нет труднее таких препоручений.

Вылетов на поверхность земли, устремился я прямо к средоточию роскоши, то есть к большому, великолепному и многолюдному городу Европы.¹ Жители оного могут, по справедливости, почитаться ныне поравнявшимися с самими теми, которые в сей части Света издавна почитаются образцами новых изобретений, и кои стараются весьма искусно выводить истинную добродетель.² Их то философии обязан ныне Свет многими так называющимися людьми без предра с с у ж д е н и я, которые за кусок золота в состоянии продать своих друзей, родню или и все свое отечество, для того только, чтоб посредством оного показаться в хороших нарядах и великолепных колесницах. По таковым подлинникам можно судить и о скалках, не уступающих образцам своим в свойственной им доброте, и наверное угадать, что я, сыскав столь честные селения, не почел за нужное лететь далее, а избрал сей город лавкою своих покупок.

Чтоб знать вкус в нарядах, надобно непременно хорошее знакомство, а чтоб

иметь оное, нужны деньги, почитающиеся всеобщим ключем, которым ныне заводятся большие часы света. Следуя сему правилу, я принял вид молодого и пригожего человека, потому что цветущая молодость, приятности и красота в нынешнее время также в весьма немалом уважении, и при некоторых случаях, как сказывают, производят великие чудеса, а при столь выгодной наружности не позабыл я представить себя в богатом кафтане, в котором, может быть, почли бы меня за какого-нибудь ученого, естлиб не был он весь в золоте. Не успел я показаться в сем виде в одном из тех трактиров, в которых приезжие находят себе пристанище, как премоножество молодых людей кричали мне свои приветствия, и каждый из них предлагал мне тысячу услуг. Петиметр обещевал меня познакомиться с своим портным и парикмахером; пьяница хотел вести в такой трактир, в котором подаются лучшие вина; а картежник шептал мне на ухо, чтобы идти с ним обыгрывать его знакомого навверную, но я проницанием своим узнал, что он, такими услугами, разорил уже не одну дюжину безумцев.

Все вообще спрашивали меня, кто я таков? откуда приехал? и какая моя надобность? — Милостивый государь! — сказал мне один из них, находившийся с растрепанными волосами, который был уже вполпьяна и допивал шестую порцию пуншу, — не тяжба ли какая причиною вашего сюда приезда? Естли так, то я охотно предлагаю вам свои услуги: дядя мой знатной человек, и он за удовольствие себе почтет склонить судей на вашу сторону, были б только худы обстоятельства вашего дела! Вам стоит токмо уступить дядюшке половину иска,

¹ То есть, к Петербургу.

² Французы.

и я вас уверяю, что спорная земля ваша. Вы можете узнать от других, что в 15 лет по вступлении его в свою должность, он тысячу дел поворотил на такую сторону, на какую ему захотелось; впрочем, если вам нужда, то я уверяю вас своим и дядюшкиным честным словом, что он, за весьма сходную цену, согласится умирить в тюрьме ваших соперников. — Я благодарил сего доброго человека и признавался ему, что мне нет нужды в его услугах. Это его несколько рассердило, и он в молчании принялся допивать шестую свою порцию пушну.

Я не успел отблагодарить сего услужливого человека, как вошел в комнату, с опухлыми глазами, с расстегнутым камзолем и с обкусанными губами молодой человек и спросил чашку шоколаду. Я бы почел его за какого-нибудь питомца муз, если бы поданная ему в долг чашка шоколаду не опровергала сего мнения: ибо мне известно от теней, переселяющихся в Ад, что в Свете все ученые весьма малую имеют доверенность. Я сел подле его в намерении свести с ним знакомство, и, подлинно, мы не долго были с ним в молчании. Он первый начал разговор следующим образом:

— По моему мнению, государь мой, нет никакой науки труднее той, которая учит, как жить в Свете! Чорт меня возьми! — вскричал он, — если бы не существовало дурачество делают те, которые предписывают тому правила. —

— Это правда, государь мой! — отвечал я, — ибо правила могут быть непременно в одной только математике, но в повсечасно переменяющихся случаях их соблюсти неудобно, и правила, касательно до общежития, так же способны предписать, как удобно шить кафтаны по одной мерке на весь город. Однако ж, со всем тем, должно в жизни предполагать главнейшие начала, которым следуя, можно приравливать оные к случающимся обстоятельствам, например, если бы кто положил себе правилом быть тем довольну, что имеет, и сносит великодушно случающиеся несчастия, почитая их неизбежными в сей жизни, тот... —

— Эх, государь мой, — перехватил он речь мою, — это то же, как бы кто сказал, что немудрено познать систему

Света, нужно только выучить математику и физику! Слово «выучить математику» произносится очень легко, но в нем замыкается тысяча препятствий, и его не так то удобно можно исполнить. Многие философы говорили, что надобно быть всем довольну, признавая, что в сем общем положении много заключается, но на самом деле не легко оное исполнить, я сам по себе это знаю; взяв от отца 1000 рублей на год, я приезжаю сюда в намерении не желать ничего более и, подлинно, думаю так несколько месяцев; но, наконец, нахожу знакомцев, которые твердят мне беспрестанно, что я беден, что граф Беспутов имеет в десять раз лучшее содержание, нежели я, и все это заслужил только тем, что родился от знатного отца; что молодой Бещетнов имеет лучших лошадей в городе и прекрасную любовницу, а сделал важного для отечества только то, что посредством своих денег надел на себя военной мундир, довольно порядочной степени, и умножил тем число титулярных служивых. После сего говорят мне, чтоб состояние свое поправить картами, и доказывают весьма ясно, что ничего нет легче, как выиграть 10000 рублей в один вечер. Я этому верю, беру карты, меня вводят в один дом, где указывают мне собрание сих счастливых, из которых большая половина сидели в отчаянии, без кафтанов и без камзолов; это меня несколько утрашило, но приятели мои принимаются за убедительные свои доказательства и говорят, что когда двое играют, то неотменно должно, чтоб один из них проиграл, а другой выиграл; сии самые полунагие служат доказательством, что есть счастливы, которые у них все выиграли, после чего я сажусь и проигрываю своей годовой доход, потом на 3000 даю векселей. Теперь скажите, могу ли я быть довольным моими обстоятельствами? Однако ж, сударь, — продолжал он, — если вам угодно, и когда есть у вас деньги, то вы можете сделать и свое, и мое счастье, пойдемте только в тот дом, где пополам, конечно, мы отыграем у сих счастливых, чего они меня лишили, а, может быть, что и во сто раз более у них у самих выиграем. —

Он бы еще далее продолжал свою речь,

естьлибы не вошел тогда один его знакомец, который нечто шепнул ему на ухо, и мой несчастливый картежник бросился стремглав из комнаты, сказав нам, что он идет вновь спорить со щастием. Лишь только он вышел, то его друг, которой на несколько времени оставался с нами, зачал говорить с другими своими знакомцами, и я слышал, как они сговаривались обыграть того молодого человека, за которым тот же час вышли. Вот, ученый Маликульмульк, малая картина людей! — Ныне весь свет играет в карты, и всегда двое продают третьего. Я писал о сем к Диогену и заключил, что можно судить по картам и о политике, но он отвечал мне, что в его время не играли в карты и не знали политики, и потому просит от меня другаго сравнения; но оставим это и возвратимся к моей повести. Лишь только вышла толпа соединенных сих картежников, то вошел в комнату пребогато одетой человек. Вот, думал я сам в себе, тот, кого мне надобно, от него неотменно получаю сведение о модѣх. Ветродум, так он назывался, зачинал говорить о тысячи разных предметах и ни об одном не окончевал; он садился для того, чтобы сделать из себя хорошую фигуру и с намерением пил, чтобы иметь случай делать приятные ужимки. Между сотнею сделанных им мне вопросов был для меня самый нужный: зачем я приехал в город? На что я отвечивал ему сколько мог учтиво, сказав, что я богатой дворянин и

приехал в сей город за тем, чтоб по просьбе моих родственников вывезть им модных уборов и...

— О! что до этого принадлежит, — вскричал он, — то вы ничего лучше не сделаете, как естьли адресуетесь ко мне. Я вас, в два часа, коротко познакомлю с моею тетушкою, которая уже тридцать лет учится науке нравиться и почитается здесь во всем городе первую щеголихою. Вы, кроме ее, не получите ни от кого подробнее наставления о нарядах. Да, это женщина такая, которая делает честь своему полу и живет прямо щегольски: днем спит, ночное время проводит в забавах; туалет ее занимает 4 часа; обеденной и вечерней 5; 9 часов она провождает во сне, а прочее время употребляет для своих веселостей; словом, это беспримерная женщина, и мы завтра у нее обедаем.

После сего он, схватив мою руку, потряс оную и скрылся от меня, как молния, сказав, чтоб я на другой день дожидался его в том же месте. Итак, любезный Маликульмульк, я остаюсь в нетерпеливости сделать сие знакомство, и в первом письме подробнее уведомлю тебя о сей беспримерной женщине и сем молодом ветреннике, которые, может быть, будут служить образцами для всего Ада.

Я повстречал своего брата Буристона, он очень невесело ходит и не надеется, чтоб мог скоро исполнить приказания Плутоновы так, как и я Прозерпинины.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕВНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Кто бы поверил, любезный Маликульмульк, что должность, возложенная на меня Прозерпиною, есть самая трудная из всех должностей! Я мучусь, как Тантал, и, что еще страшнее, то опасуюсь, что и мое мучение не было бы так же бесконечно, как и его. Уже несколько дней тому, как надеялся я по обещанию Ветродума сделать знакомство с его теткою, но, не видя и самого его по сие время, принялся было закупать наряды. Всякой день в великом множестве покупаю их по последней моде, завертываю

и укладываю, но лишь хочу оные отправить, как вдруг услышу, что вышли вновь уборы самого лучшего вкуса и последней моды.

— А те уборы, — спрашиваю я, — которые вчера столь много превозносили?

— О! ничто не может быть их глупее! — отвечивают мне. — Благоразумная женщина нынешнего Света лучше согласится десять раз в день убрать модным образом голову своего мужа, нежели остыдить себя, показавшись в общество во вчерашнем уборе! —

После такой прекрасной ведомости я с досадою кидаю свою посылку и набираю множество новых нарядов, которые на другой день так же становятся негодны, а я остаюсь в отчаянии исполнить желание Прозерпины.

В таких то хлопотах вздумал я загладить свою скуку каким-нибудь веселым препровождением времени, которое бы подало мне лучший способ узнать нравы и обычаи сего государства... Я хотел для сего читать их книги, но во многих писателях нашел или пристрастных льстецов, сокрывающих пороки своих одноземцев, или гнусных сатириков, которые ругают свое отечество без всякой другой причины, как только, чтобы показать остроту своего пера; а потому я оставил сие упражнение и решился не в кабинете своем и не по праву своего трактирщика судить об общем нраве всего государства, по захотел для сего вмешаться сам в общество, чтоб иметь о нем лучшее понятие; и для того выбрал я себе в проводники одного молодого и знатного человека, с которым надежен я иметь вход во многие дома. Ты, может быть, подумаешь, что проводник мой преважная особа: нет, друг мой! это молодой повеса, препровождающий всю свою жизнь в шалостях, которыми утешает он своих родителей, пленяет женщин, разоряет легковверных занемодателей, изнуряет себя, от чего часто бывает болен, и тем хвалится, как заслуженный вопи своими ранами. Ему хотя не более двадцати лет, однако он успел уже более тридцати смуглых женщин сделать столь белыми, как хлопчатая бумага: надобно тебе знать, любезный Маликульмульк, что белый цвет здесь в превеликой моде, и что все молодые люди сего города с великою жадностию его себе приобретают; и в короткое время надеяться должно, что сей белый цвет сделается здесь природным или наследственным, ибо более, нежели две трети из жителей сего города успели уже по сие время записать себя в число сих белолицых. Но, оставя это, возвратимся к моему проводнику.

С такими-то хорошими качествами во многих знатных домах его уважают и удивляются его разуму, учености и да-

рованиям; часто ничего незначащее приветствие, сказанное им, почитают за острое слово, и если он улыбается, то начинают все хохотать во все горло, ожидая с терпеливостию, когда он откроет причину своей улыбки, естлиж кто с подобострастием спросит у него о причине оной, и когда господин сей ответит: так!, тогда начинают удивляться премудрой его молчаливости, а вместо его приходит в замешательство и краснеет сделавший ему вопрос. Припрыжкин (это имя моего знаконца) имеет отменное велеречие; он часто рассказывает то часа по три, что другой на его месте сказал бы в двух словах, ибо он имеет отличное дарование убивать свое время: поутру занят он зеркалом, потом несколько часов занимается столом, после чего развозит вести по городу, а остающееся от сего время играет в карты, предается чувственным забавам, ужинает и ложится опять спать, чтобы на другой день по обыкновению своему встать около полудни и препроводить в таких же упражнениях весь день, в каких препроводил прошедший. Вот, любезный Маликульмульк: важнейшие его дела, от которых однакож не остается ему и столько времени, чтобы мог он вспомнить, что он живет на свете.

Я уже наперед воображаю, что ты или станешь меня бранить за такое худое товарищество, или подумаешь, что в сем городе нет ни одной путной головы; напротив того, ученый Маликульмульк: здешняя земля в произведении хороших умов есть самая обильная, и я могу тебе начесть в сем одном городе человек десятков очень неглупых людей. — Но участь оных почти одинакова во всем свете. — Мне случилось видать в самых знатнейших домах портреты ученых людей, хотя те самые ученые совсем не имели входу и в их прихожия. Здесь в большом свете почитается за невежество, чтоб не знать по названию вновь выходящих творений, или чтоб не знать имен современных писателей, но чтоб читать те сочинения, то считается за потерю времени; а чтоб иметь знакомство с авторами, то почитается подлостью, ибо в сих случаях сравниваются они с ремесленниками, которые однакож несравненно более

выпрыгивают в своей жизни, нежели ученые.

Я уже сказал тебе, любезный Маликульмульк, что надобно деньги, чтоб иметь хорошее знакомство, а ученые вообще почти все бедны; притом же тебе известно, сколь давно они в побранке с Фортуною, которая смотрит на их сатиры и брани точно так, как рослой драгун на бреханье маленькой постельной собачки, и для того почти всегда

Фортуна жалует рассудку вопреки,
 Чтoб были счастливей разумных дураки.

Вот тебе и стихи, любезный Маликульмульк: ожидал ли ты когда от меня оных? Извини, однакож, я теперь в таком городе, где эта язва во всей своей силе свирепствует, а каким образом я сделался стихотворцем, о том я тебе расскажу в свое время, но между тем я должен возвратиться к своей повести.

Молодой Припрыжкин, как новоприезжему, желая показать редкости сего города, возил меня в лучшие агглинские магазины и во французские модные лавки, где, наряду с прочими такими же ветренниками, каков он, платил за дурачества тяжелые подати иностранцам, покупая двухрублевую вещь за десять и за двадцать рублей. Он доставлял мне редкие товары и одевал меня по вкусу искусных торгов.

— Любезный друг, — сказал он мне вчера: — ты еще ничего лучшего здесь не видал, естли не видал наших маскерадов: севодни я тебе покажу подлинно стоящее великопыетства зрелище, соответствующее великопыетству сего обширного города. —

— Я согласен, — сказал я, — и теперь же начну для того одеваться. —

— Оставь, пожалуй, это на мое попечение, — отвечал он, — ты оденешься под моим смотрением, как первый щеголь; я теперь еду к себе и чрез минуту приплю к тебе француза, первого парикмахера в сем городе; но как ты еще человек без опытов в большом свете, то нужно, чтоб я сделал тебе одно замечание: пожалуй, обходись с ним как можно поучтивее; правда, хотя он ремеслом и парикмахер, но он француз, притом же и превеликой богач, имеющий тысяч до девяти в год доходу, а у нас не всякой

и заслуженной генерал столько имеет; прибавь к тому, что многие знатные люди почитают за удовольствие быть вписанными в алфавитную роспись счетной его книги, по которой можно заподлинно видеть, сколько он честен; хотя некоторые и говорят, что сей парикмахер грабит, обирает и обманывает людей, но тем однакож он не менее славен, почему и должно иметь к нему некоторое уважение, особенно за то, что он благодетельствует молодым людям, давая им в долг разные галантерейные вещи, которые потом променивают они, с уступкой трех доль, на наличные деньги; иногда же ссужает он и наличною монетою, разумеется, что под порядочной заклад и с получением умеренных процентов, но лучшее и главнейшее его достоинство состоит в том, что он помогает нам в наших любовных интригах: представь же, если столь полезный человек будет раздражен гордостью простого приезжего дворянина и оставит сей город, то тем заставишь ты осиротеть всех наших молодых щеголей, и наши головы потеряют без него три четверти своих дарований. —

Я обещал молодому Припрыжкину всевозможное уважение к его французскому парикмахеру, и из почтения к оному конечно бы не сел в его присутствии, естлибы искусство его того не требовало. Потом он вышел, и полчаса спустя вошел ко мне ожидаемый француз. Прибор его соответствовал чистоте его ремесла, а его лице изображало важность, приличествующую глубокомысленному министру; и сколько наружность доказывала его состояние, столько поступки опровергали сии доказательства. Мне казалось, что я видел в нем знатнейшего придворного, переодетого в парикмахерское платье.

— Пожалуйте, сударь, уберите мою голову, — сказал я сему почтенному искуснику (приметь, любезный Маликульмульк, хорошо ли я играл лице нововступающего в свет деревенского дворянина), потом сел я без всякой заботы и отдал на его попечение свою голову, ожидая ее перерождения под его гребенкою.

Скорее всего можно познакомиться с французом: в нем нет ни гордости, свой-

ственной гишпанцам, ни врожденной немцам угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая в поступках сопровождает всегда италианцев; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностью, под коею должна храниться истинная добродетель и честнейшая в светедуша, но, напротив того... Однакож оставим это, я не хочу никого вооружать против себя, и если мало могу сказать доброго о французах, так, право, это самому мне досадно. Что касается до сего парикмахера, то признаюсь, что он показался мне знающим во всех частях: едва успел он взять в руки свои гребенку, как заговорил о политике. Он перебирал правительства разных народов, делал заключения, давал решения, и с такою же легкостью вертел государствами, как пудреную кистью. Вся министерия была ему открыта, и когда дело доходило до утверждения каких-нибудь из его решений, тогда сей незастенчивой человек, ни мало не краснеясь, говорил, что с таким его мнением согласен такой-то министр, такой-то сенатор и такой-то генерал, которым он чешет головы. Он уверял о себе бесстыдным образом, что многие вельможи, производя при нем ежедневно сокровеннейшие дела государства, нередко советуются с ним о важнейших пунктах министерии и часто делают свои решения по его мнениям; но сколько для меня ни странен свет, однакож со всем тем я за грех почитаю верить, чтоб здешние министры управлялись французскими парикмахерами. Напоследок кончилась ческа моей головы, с коею кончились и политические разговоры; а все это стоило мне пяти рублей, после чего мы откланялись друг другу с великою учтивостию.

Вскоре потом прибыл ко мне г. Припрыжкин, и я под его руководством одевшись поехал с ним в то собрание, которое он превозносил столько похвалами. Мы остановились у большого освещенного дома, где, вышед из своей кареты, вошли в комнаты, которые наполнены были разного звания и состояния великим множеством людей, вмевших на себе странные одежды, составленные большею частию из некоторого рода лоскутков, а лица их покрыты были бе-

зобразными личинами, в коих многие казались страшилищами, похожими на тех злобных жителей Тартара, которые адским судом определены для истязания человеческих теней, заслуживающих оное. Я не знаю, для того ли они наряжаются таким образом, чтоб показать себя в настоящем своем виде по расположению своих душ, сходствующих, может быть, с тою приемлемою ими безобразностию; или, что они любят быть неузнаваемыми и казаться всегда в другом виде, нежели каковы они есть в самом деле. Если сие замечание справедливо, то можно сказать, что весь свет наполнен чудовищами, или что сей свет есть не что иное, как обширное здание, в котором собрано великое множество маскерованных людей, из коих, может быть, большая часть, под наружную личиною, в сердцах своих носят обман, злобу и вероломство. Но оставим такие замечания, для самого меня неприятные, о истине которых ты сам по прочтении моего письма, может быть, удостоверись, и возвратимся к моей повести.

Не успели мы войти в комнаты, как Припрыжкин, сказав мне, где и как со мной сойтись, скрылся от меня, как молния; а я, оставшись один, начал прохаживаться по обширному залам, в коих, несмотря на безобразные личины людей, веселие и радость повсюду были ощущаемы, и вольность казалась быть душою всего маскерованного собрания, так что сие привело меня в несказанное удивление; мне представилось тогда, что люди не иначе умеют пользоваться своею свободою и удовольствиями, как прикрывая себя такими личинами. Едва кончил я сие замечание, как вдруг услышал шум в ближней комнате, я бросился узнать тому причину, но уже действующие лица были уведены, и оттуда возвращалась толпа молодых людей, которые хохотали во все горло.

— Позвольте спросить, — сказал я первому встретившемуся мне, — что причиною сего шума? —

— Ничего, сударь, — отвечал он, — это сущая безделица, — это небольшая шутка, которую я сделал с моею теткою: добренькая старушка была смертельно влюблена в моего егеря, но, по несчастию,

имеет она ревнивого мужа, который не допускает ее до таких малозначащих вольностей. Приметя любовь ее, я выдумал способ получить посредством оной деньги и уговорить своего егеря, чтобы он старался иметь с нею здесь свидание. Благосклонная тетюшка, согласясь на его предложение, свела здесь с мужем своим свою приятельницу, одетую в одинаковое с ней платье, сама между тем ускользнула с своим Адонисом; тогда не медля подослал я своего друга, который в сих местах надзирателем благопристойности, а он, схватя наших любовников, отвел их под арест.

— Ах! — вскричал я, — и вы имели удовольствие так бесчеловечно шутить с вашею тетюшкою! —

— Какой вздор! — отвечала мне маска, — я хочу только иметь деньги: тетка моя хотя очень скупа, но верно за выкуп свой и любезного егеря заплатит хорошие деньги, которые я, разделя с Надзором, смотрителем здешней благопристойности, получу верной способ блеснуть хорошими нарядами или видеть в новом экипаже мою любезную Антилу-кредию. —

После сего он скрылся, и оставил меня удивляться пронырству своего ума и слабости его тетюшки.

Позадумавшись несколько, пошел я вперед, как вдруг ударился лоб об лоб с отчаянным человеком, который, сорвав с себя маску, бегал по комнатам, как бешеной.

— Государь мой! — сказал я, — мне думается, что в таких пространных залах можно ходить, не стучась лбами: в противном случае это собрание может только быть выгодно одним рогатым лбам. —

— Ах! сударь, — отвечал мне сей господин, — извините мой проступок; отчаяние мое причиною сей неосторожности: я обманут самым гнусным образом. —

— Как, — сказал я, — в здешнем благородном обществе могут быть обманщики... —

— Ах! я вижу, — вскричал он, — что и вы человек новоприезжий. Признаюсь, что я сам был лучшего мнения о сих собраниях, докуда несчастным опытом не узнал своей ошибки. Отец мой был

богатой дворянин, он недавно умер, а я со всеми его деньгами приехал сюда из отдаленного города, чтоб вступить в службу. Игра, погубная страсть молодых людей, не умедлила овладеть мною; я вошел в число бродяг, которые, гоняясь за щастием, лишаются пропитания. Несколько раз испытал несчастие проигрыша, наконец, собрав последние свои деньги и приехавши в сей проклятой дом, сделал банк в макао; незнакомая маска села подле меня и просила принять ее в десятую долю; видя деньги, 1000 рублей, я согласился сделать это удовольствие и начал метать карты; множество незнакомых людей зачали понтировать, но я приметил, что многие брали у меня деньги, не ставя карт, а другие сдергивали свои карты, когда они проигрывали, и скрывались в толпе людей. Раздраженный таким гнусным обманом, бросил я карты и хотел рассчитаться с моим товарищем, который записывал мой проигрыш и выигрыш, как вдруг увидел, что ни денег, ни его со мною нет. Вообразите мое удивление и горесть, быв не только что обокраден, но и лишен надежды узнать и наказать этого бездельника. —

— Я сердечно сожалею о вашем несчастии, — отвечал я, — и дивлюсь, что в подобные общества пускаются такие плуты; я до сих пор думал, что ворами опасны только большие дороги. —

— Ах! государь мой, — вскричал сей несчастный игрок, — благодаря правительству сии бездельники все согнаны с больших дорог, но, по несчастию, они умножились в городах, и города ныне гораздо опаснее, нежели большие дороги. —

После чего пошел он от меня, продолжая свои восклицания.

Вот сколь прекрасны сии собрания, — думал я сам в себе, — которые столь торжественно выхвалял мне Припрыжкин, и кои способствуют только обманывать мужей, грабить ближнего и делать дурачества! Скажи мне на сие, любезный Маликульмульк, не справедливы ли давнишние мои замечания, по коим можно видеть, что люди для того единственно выдумали сии собрания, чтоб, ходя под гнусными личинами, удобнее могли производить без зазрения

совести безумное свое своеволие, и что сии маскарады есть картина Света, представленная в малом виде? Но естли ты захочешь сравнить оную с ее подлинником, то она не иначе почестся может, как слабым сколком... Но закроем сие завесою. — Я скажу тебе однакож, что сколь веселие, радость и свобода ни кажутся душею таковых собраний, но я твердое положил намерение никогда вперед не заглядывать в такие места.

Вскоре потом встретился мне Припрыжкин, и мы с ним выехали из маскарада.

— Сии то собрания, — сказал я ему тогда, — так тебе нравятся!... —

— Ах, нет! — вскричал он, — я севодни очень худо награжден. —

— Как, и ты недоволен? — перехватил я речь его: — но что ж этому причиною?

— Представь мое несчастье, — сказал он, — посредством давшего парикмахера назначено мне было от одной прекрасной девушки здесь свидание, чему я охотно поверил, зная, что ничего нет легче в здешних маскарадах, как дочке отвязаться от матушки, которая часто сама только того и метит, чтоб вернуться от дочки; приехавши сюда, увидел я мою красавицу, ходящую уже однею в белом капюшине; я с нежностью схватил и пожал ее руку, она мне отве-

чала тем же: это был наш условной знак. При таком взаимном согласии, нам скучными показались все залы, и мы шли в уединение; наконец, вошли в отдаленную комнату, но, опасаясь, чтоб кто не подслушал наших речей, я делал ей любовные изъяснения пантомимами, и мы по тех пор оные продолжали, как, наконец, вынуждена она была сбросить маску. — Но в какое пришел я удивление, когда, вместо воображаемой красавицы, увидел старую мумию лет во сто; с досадою и страхом бросился я от нее, как от мертвеца, и, тысячу раз проклиная ее, жалел, что потерял с старою хрычовкою то время, которое назначено было для прелестной молодой особы. — Вот чем только не нравятся мне сии проклятые маскарады! —

— Но неужели женщинам они приятны! — сказал я.

— О! это совсем другое, — ответил-вал Припрыжкин: — женщина может весьма великодушно снести несколько таких ошибок, но молодой шеголь не всегда с успехом может загладить такую погрешность. —

Вот тебе, любезный Маликульмульк, краткое начертание предметов, попавшихся мне на глаза, и я надеюсь вскоре еще уведомить тебя о новых людских дурачествах.

ПИСЬМО ПЕРВОЕНАДЕСЯТЬ, ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

На сих днях, любезный Маликульмульк, я был с моим сотоварищем у одного богатого купца, который праздновал свои именины. Ты, может быть, удивишься, что столь знатный, в своем роде, человек, каков мой приятель, удостоил своим посещением торговца, но это удивление уменьшится, когда ты узнаешь, что он должен имениннику по векселям шестьдесят тысяч рублей, и для того часто пляшет по его дудке. Здешние заимодатели, имеющие знатных должников, имеют по большей части то одно утешение, что пользуются вольностию напиваться иногда с ними допьяна, и вместо платежа денег получают от них учтивые поклоны и уверения о непремennom их покровительстве.

Именинник, как видно, был великой

хлебосол; он имел у себя за столом не мало гостей, между коими занимали первое место один вельможа, человека три позолоченных придворных и несколько начальников сего города, да из числа известных мне по своим именам, о которых я нарочно наведася, чтоб мог тебе обстоятельнее пересказать о любопытном их разговоре, были Г.: Припрыжкин, Рубакин, драгунской капитан, Тихокрадов, судья, и художник Трудолобов. Я, как ты можешь себе представить, был также не из последних и сидел подле хозяйского сына, мальчика прелюбезного, лет четырнадцати, который был доброю надеждою и утешением в старости своего отца.

Стол был великолепен, и Плуторез (так назывался именинник) кормил всех

очень обильно. Веселие в обществе нашем умножилось с приумножением вина; разговоры были о разных предметах, и попеременно говорили о политике, о коммерции, о разных родах плутовства и о прочем. — Вельможа, одетый с ног до головы во французской глаzet и убранный по последней парижской моде, защищал пользы отечества и выхвалял любовь к оному; судья ставил честь выше всего на свете; купец хвалил некорыстолюбие, но все вообще согласны были в том, что законы очень строго наказывают плутов, и что надобно уменьшить их жестокость. Вельможа обещал подать голос, чтобы уничтожить вечные и смертные наказания, исполняемые за грабительства и за плутовства для их искоренения, за что многие из гостей, а более всего судья Тихокрадов и наш хозяин Плуторез, очень его благодарили, и хотя сей вельможа, как я слышал, ежедневно делает новые обещания, однакож старых никогда не исполняет, но гости не менее были и тем довольны, что остались в надежде, для которой нередко просители посещают прихожия знатных особ.

Но как в столь большом собрании разговоры не могли быть одного содержания, то, наконец, речь зашла о хозяйском сыне. — У тебя прелюбезное дитя, — сказал Рубакин Плуторезу, — и он может со-временем быть тебе утешением, но записан ли он где и который ему год? — Тринадцатой, Ваше Высокоблагородие, — отвечал хозяин.

— Неправда, — сказал Рубакин, — ему точно четырнадцатой, и я очень помню, что он родился тогда, когда ты был еще у нас маркизантом, в чем и сама покойница твоя жена была бы со мной согласна.

— Сомневаюсь, — отвечал хозяин, — моя жена, не тем будь помянута, была превеликая спорщица. —

— Разве с тобою, — сказал Рубакин, но что касается до меня, то я уверяю тебя, что ни один наш офицер не скажет, чтоб она с кем-нибудь из них споривала, и мы во всем столько были ею довольны, что когда ты от нас поехал, то вообще все более жалели об ней, нежели о тебе; итак спорщицей назвать ее ты не мо-

жешь. Я думаю, что ты и сам помнишь, как любили ее в полку, и что она не одною ротою ворочала. Правду сказать, еслиб ты не сделал дурачества и не уехал тогда от нас, то бы я голову свою дал тебе порукою, что твой Вася (имя хозяйского сына) о сию пору был бы уже адъютантом. Ведь ты помнишь, как полковник наш жаловал покойницу твою Борисовну, и как ты по милости ее был им покровительствован, так что ты, без всякого опасения, месяца по два сряду довольствовал весь полк протухлою и негодною пищею, а все с рук сходило; и можно сказать, что это не житье тебе было, а масленица: ты сам, думаю, признаешься, что тогда ты густо понабил свой карман. —

— То правда, Ваше Высокоблагородие, однакож вы уже весьма много возвеличили мою покойницу, приписывая ей такую власть; иной из этого и невесть что подумает: ведь злых людей в свете много, — мало ли что и в полку тогда об ней говорили, а от того и полковница и наши офицерши ее терпеть не могли, но все по истине понапрасну; виновата ли она была, что всегда, когда ни случилось ей хаживать к ним на поклон, заставала дома одних только их мужей, а они случались или у обедни, или где и в другом месте, но как, бывало, к кому ни взойдешь, то хотя жены и дома нет, так муж без того уже не выпустит, чтоб чем-нибудь не поподчивать, потому что она, покойница, и сама была гостеприимна... —

— Мудрено ли, братец, — сказал толстой судья, — что твоя жена была в такой силе: я сам человек женатой, и могу не менее похвалиться своею женою, которая, несмотря на то, что я был еще кошестом, но и тогда имела уже множество челобитчиков и давала часто решения на важные дела, которые едва вверяли мне набело переписывать; а вся сила состояла в том, что она хорошо стряпала кушанья для нашего судьи и по наслышке знала несколько законов, почему казалась весьма знающею; и в ней столько наш судья был уверен, что по ее словам, как по Уложению, вершились челобитчиковы дела, в чем, право, не всякой и знатной женщины послушают. —

— Morbleu! ¹ сказала сидевшая подле меня кукла, в золотом кафтане, — и эта мешочь хочет ровнять своих жен с знатными господами. — J'enrage! ² — Клянись, что естлиб захотел я в отмщение употребить силу моей тетушки, то бы завтра же улетели к чорту этот маркизанти, судья с своею женою и со всею своею челядью. — Можно ль только иметь терпение слушать такие импертинансы! ³ И как сметь сравнивать силу подлых своих жен с силами почтенных дам, которых могущество доказаться может тысячею щастливцев, которые по их милости делают фигуру в большом свете, и которые прежде того ничего в оном не значили. — Я, сударь! я сам, — сказал он, оборотясь ко мне, — есть неоспоримое доказательство силы своей тетушки. Представьте, нет еще года, как я сюда приехал из деревни. Быв благородным и молодым человеком, вы можете угадать, что я за нужное почел, чтоб пользоваться порядочным экипажем, достать себе чин, не вступая в службу, которая сопряжена со многими трудностями, предоставленными для бедных токмо дворян. Но как вам покажется? Не прошло и десяти месяцев по моем приезде, а я начал уже повелевать четверкою лошадей, не имея никакого понятия о службе, кроме того, что она не может быть для меня приятна, потому что моему дяде, служившему кашитаном, на прошедшем сражении прострелена голова, и он лишился жизни, с которою я нималого не имею желанья так скоро расстаться. —

— Но скажи мне, — спрашивал один из придворных хозяина, — для чего оставляешь ты сына твоего в праздности? Он уже в таких летах, что может вступить в службу или по крайней мере считаться в оной? —

— Милостивый государь! — отвечал Плуторез: — это правда, что Вася уже на возрасте, и я не намерен, всеконечно, оставлять его без дела, но я еще не избрал род службы, в которую бы его определить. —

— Друг мой, — сказал придворный: оставь это на мое попечение, ты мо-

жешь быть уверен о моей к тебе благосклонности, имев явное доказательство, что из дружбы к тебе я не совещусь занимать у тебя деньги и быть должным оными, а потому не можешь сомневаться о моем участии, какое приемлю я в пасти твоего сына. Дело состоит только в том, чтоб ты дал двадцать тысяч в мои руки, которые употреблю я в его пользу: помещу имя его в список отборного военного корпуса; сделаю его дворянином, и потом пристрою его ко двору; словом, я поставлю его на такой ноге, чтоб он современем мог поравняться с лучшими, делающими фигуру в большом свете. Сколь же такое состояние блистательно, ты сам это знаешь, и надобно только иметь глаза, чтоб видеть нас во всем нашем великолепии, на усовершенне которого портные, бриллиантчики, галантерейщики и многие другие художники истощают все знание и искусство, чтобы тем показать цену наших достоинств и дарований... Богатые одежды, сшитые по последнему вкусу, прическа волос, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмерные времени, месту и случаю; возвышение и понижение голоса в произношении говоримых слов; выступка, ужимки, телодвижения и обороты отличают нас в наших заслугах и составляют нашу службу. Грамоты предков наших явно всем доказывают, что кровь, протекающая в наших жилах, издавна преисполнена была усердием к пользе своего отечества, а наши ливреи и экипажи неложно доказывают о важности наших чинов в государстве. Какое же состояние может быть завиднее и спокойнее нашего? Правда, что философы почитают нас мучениками, однакож то несправедливо, а зато и мы считаем их безумцами, пустошенью услаждающими горестную и бедную свою жизнь. Итак, друг любезный, что тебе стоит двадцать тысяч? Не сущая ли это безделка в сравнении с тем щастием твоего сына, которое я сильнейшим своим предстательством обещаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстер, актер, портной и парикмахер, через короткое время пособят мне сделать из твоего сына блистательную особу в большом свете. —

¹ Тьфу!

² Я прихожу в бешенство!

³ Дерзости.

— Как, сударь, — вскричал Рубакин, — вы называете блистательным то состояние в большом свете, в котором люди за свои достоинства обязаны некоторым искусникам? Но из вашего мнения можно действительно доказать, что те самые искусники несравненно должны быть знатнее тех своих кукол, которых они украшая дают цену их достоинствам и... но что об этом много говорить! — Нет, любезный Плуторез, если ты хочешь, чтоб сын твой был полезнее своему отечеству, то я советую тебе записать его в военную службу. Вообрази себе, какое это прекрасное состояние, которое, можно по справедливости сказать, есть первейшее в свете, потому что неподвержено никаким строгостям, ниже каким опасностям, сопряженным с придворною жизнью. Военному человеку нет ничего позволенного: он пьет для того, чтоб быть храбрым; переменяет любовниц, чтобы не быть ничьим пленником; играет для того, чтобы привыкнуть к непостоянству счастья, толь сродному на войне; обманывает, чтобы приучить свой дух к военным хитростям, а притом и участь его ему совершенно известна, ибо состоит только в двух словах: чтоб убивать своего неприятеля или быть самому от одного убиту; где он бьет, то там нет для него ничего священного, потому что он должен заставлять себя бояться; если же его бьют, то ему стоит оборотить спину и иметь хорошую лошадь; словом, военному человеку нужен больше лоб, нежели мозг, а иногда больше нужны ноги, нежели руки, и я состарелся уже в службе, но всегда был того мнения, что солдату не годится умничать. Итак, ты ничего умнее не делаешь, как если запишешь своего сына в наш полк; ты же человек богатой, почему можешь сделать ему хорошее счастье; деньги только нужны, а прочее я беру на себя, и уверяю тебя, что твой сын сам будет тем доволен. —

— Государь мой, — сказал улыбаясь Тихокрадов: — вы с таким жаром говорите о своем звании, что слушатели могут подумать, будто статское состояние и в подметки вашему не годится, хотя, не распложая пустых слов, я могу

коротко сказать, что, служа в сем состоянии, обязан я оному знатным доходом, состоящим из десяти тысяч; вступая же в оное, не имел я ни полупушки. Итак, сие одно довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнее, нежели шпага, но я не люблю жарких, а держусь лучше основательных доказательств. Я не отрицаю выгод военного человека, но знаете ли, что статское состояние есть соборище лучших выгод из всех других состояний? —

— Как! — вскричал Рубакин, — вы подъячих сравниваете с воинами? Но можете ли вы в этом успеть. Одно это, когда мы возьмем какую крепость, сколько приносит нам славы, и сколько потом чувствуем удовольствия, обогащая себя всем, что только на глаза наши тогда ни попадетя. Кто другой может иметь такую волю, чтоб без малейшего нарушения права присвоивать себе вещи, никогда ему не принадлежавшие? —

— Пойдите, пойдите, — перервал с скоростью Тихокрадов, — дайте мне докончить: вы тогда сами увидите, правду ли я сказал. Статской человек столько же казаться может блистательным, сколько и придворный; он так же может приобретать себе дарования пособиями тех самых искусников, которые своим искусством составляют достоинства большей части придворных, чем многие из наших судей могут быть явным доказательством, а иные столько же в том себя отличили, что лучше знают, как одеться по последней моде и сообразно годовому времени, нежели отправлять по надлежащему свою должность и вершить судебные дела. Статской человек столько же может иметь тогда славы, сколько и военной, когда он, сообразив все последствия и проникнув в сущность дела, разрушит все хитросплетения гнусных лжей, покрывавших мраком целый век или и более истину, которой определением своим доставит принадлежащую ей справедливость. Что ж принадлежит до обогащения его, то он имеет еще то преимущество, что, не отлучаясь за несколько сот или тысяч верст и не подвергая себя столь видимой опасности, какой подвергается воин, может ежедневно обогащать себя и присвои-

вать вещи с собственного согласия их хозяев, которые за немалое еще удовольствие себе поставляют служить оными, и почитают за отменную к ним благоклонность, если от них оные принимаешь. Сверх того, статской человек может производить торг своими решениями точно так же, как и купец, с тою токмо разницею, что один продает свои товары по известным ценам на аршины или на фунты, а другой измеряет продажное правосудие собственным своим размером, и продает его, сообразуясь со стечением обстоятельств и случая, смотря притом на количество приращения своего богатства. Ежели вы против сего скажете, что все это не позволено законами, то по крайней мере должны в том признаться, что в свете введенные обыкновения столь же сильны, как и самые законы; сказанные же мною выгоды статского человека издавна между людьми вошли в обычай, и ныне они столько же употребительны и извинительны, сколько простительно придворному не платить своих долгов, а купцу иметь окороченный аршин и неверные весы, или сколько сему последнему позволительно, обогатив себя чужими деньгами и надавав в приятельские руки пустых на себя векселей, избавиться тем от платежа истинных своих доходов.

Итак, видишь ли, друг мой, — продолжал он, оборотясь к хозяину, — что я не солгал, и ты весьма несправедливо сделаешь, елики предпочтешь какое-нибудь состояние статскому, в котором он может быть столько же знатен и блистателен, сколько и придворный; столько же обогащать себя всем, что ни увидит, сколько и воин, и с такою же способностью торговать, как и купец; не отлагай же долее, отдай его в мой приказ, и будь уверен, что я выведу его в люди. Не думай, чтоб я это обещал из одной только учтивости: нет, мне ничего не стоит доставить ему чин, чему явным доказательством мой дворецкой, которого за усердную его ко мне службу сделал я секретарем. Итак, когда я дворецкому доставил такое счастье, то будь уверен, что тебе, как моему другу, могу более услужить; нужно только потерять тебе

несколько тысяч при его производстве, так и дело с концом; но поверь мне, что сын твой современем, когда будет на судейском стуле, издержки сии возвратит тебе в соторо. —

— Что до меня касается, — сказал Трудолобов, — то я вместо того, чтобы защищать выгоды своего звания в моем отечестве, при первом же случае постараюсь из оного удалиться и возвратиться в Англию, где знают лучше цену моего художества, и где за оное получал я во сто раз больше, нежели здесь, хотя я никакой не замечаю разности в моем искусстве, а сие меня столько опечалило, что, не размышляя нимало, предался я пьянству; знаю, что разумному человеку сие непростительно, но что уже делать, когда, о том я скоро думав, сделался теперь совершенным пьяницею: известно, что скорость не одному мне, но многим причинила пагубу. Итак, любезный Плуторез, елики ты хочешь сына своего сделать счастливым каким-нибудь художеством, то или пошли его для работы в чужие края, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здешние жители своих художников и их работу ни за что почитают, а уважают одно привозимое из-за моря. Я могу сказать, что мое искусство всегда почиталось из первых, и в Англии от оного многие обогащаются; я сам современем, может быть, был бы из первых там богачей, еликиб не принужден был сюда выехать. —

— Нет! милостивые государи, — сказал хозяин, — я свое состояние всем прочим предпочитаю, и оставляю навсегда в нем своего сына. Правда, хотя я и не дворянин, но деньги все мне замедляют. —

Я увидел, любезный Маликульмульк, что он говорит правду, ибо, процветая в избытке, живет он, как маленькой царек. Придворные, ученые и художники ищут в нем благоприятства: первые просят у него в прозе в долг денег, вторые ищут награждения за подносимые стихи, а третьи ожидают, чтоб он употребил их к своим услугам; итак, придворным дает он по тщеславию, ученым по великодушию, хотя, впрочем, никогда не читает их стихов, а третьим, льстя пустою надеждою, отказывает, сохраняя тем домашнюю свою экономию.

ПИСЬМО ВТОРОЕНАДЕСЯТЬ,
ОТ ГНОМА БУРИСТОНА К ВОЛШЕВНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

И надежды нет, любезный Маликульмульк, чтобы я мог скоро возвратиться в Ад. Сколько здесь ни обширны фабрики правосудия, но почти на всех обрабатывается оное довольно дурно. Одно только несколько меня утешает, что мне есть из чего выбрать, ибо на всякие 30000 жителей наверное находится 20 тысяч судей, но если ты меня спросишь, найдется ли в сих 20 тысячах хотя 2 десятка мудрецов или, лучше сказать, хотя 1 добродетельный и знающий судья, то я для решения сего вопроса покорно попрошу у тебя дать мне 500 лет сроку. Впрочем, ты из маленького случая, о коем я тебя здесь уведомлю, и которому я сам был очевидным свидетелем, увидишь, правду ли я думаю.

Последуя предписанию Диогену, вылетев на землю, вошел я в одну из славнейших лавок Фемисы; ¹ увенчанные перьями головы судей, с которых уже давно сошли волосы, делали рост их величественным, и хотя толстые их туловища не предвещали судейской заботливости, но впалые глаза, казались были у всех притуплены на чтении законов. Судейская зала, правда, хотя не соломою, а шелком и золотом была украшена, однакож со всем тем пол, забрызганный чернилами, доказывал их трудолюбие; над дверьми, на восковой, но сделанной под мрамор доске — Фемиса держала следующую надпись:

Хралящий истины уставы,
Законы. ты, мой вземли:
Не продавай своей расправы,
Не будь здесь пьян, и не дремли.

Я едва мог разобрать сию надпись, для того, что судьи очень жарко топят залу, и восковая доска сделалась так гладка, что почти ни одного слова не было порядочно видно; со всем тем мне это подавало очень хорошую надежду, как вдруг вошел в залу толстой купец, который тянул за собой бедного человека.

— Рассудите меня с этим негодяем, — кричал сей брюхан: — он украл у меня из кармана платок, но ваше правосудие, конечно, не допустит, чтоб было в самом городе такое нам утеснение от сих наглецов; и я требую, — продолжал он, — чтоб его осудили вы по всей строгости законов. —

Судьи, нимало не медля, приговорили бедняка сего повесить, и толпа народа нетерпеливо дожидала уже сего позорища.

— Почтенное собрание, — сказал тогда судьям бедняк, — ваша воля ничем не может быть оспорима, но неужели правосудие сначала наказывает преступника, а потом уже рассматривает существо его дела? Нет! Ваше звание обнадёживает меня, что вы, конечно, благоволите, чтоб я оправдался... —

— Чтоб ты оправдался, — сказал один из них, смотря на солнце, — да знаешь ли ты, что уже теперь полдень, и что тебя скорее можно повесить, нежели выслушать твои оправдания, которые у всех преступников бесчисленны. —

— Пойдите, — сказал бедняк, — одна минута терпения не нанесет вреда вашему желудку и спасет несчастного от строгого наказания. Признаюсь, я украл платок, но скажите, когда вы, не желая вытерпеть двух минут голоду, хотите похитить у отечества, может быть, полезного ему гражданина, то мог ли я, три дни быв без пищи, не украсть, наконец, сего платка, потеря которого ничего не стоит сему богачу. Знайте, что я никогда не имел сей склонности, родясь с способностями к живописи, которые подкрепля наукою и усовершенствовав в чужих краях, возвратился я назад с успехом, надеясь иметь безбедное пропитание в своем отечестве. Мои картины, хотя всеми? были здесь одобряемы, но порочили их тем, что они не были Апеллесовы, Рубенсовы и Рафаеловы или, по меньшей мере, не были иностранной работы, и для того никто не хотел их иметь в своих галлереях. Это меня лишило

¹ Фемиса — богиня правосудия.

бодрости, предало унынию и повергло в отчаяние и нищету, так что я, не имея никакой надежды поправить свое состояние, имея престарелых родителей и малолетних сестер на своем содержании, на которое при нынешних обстоятельствах и дороговизне стоив все, что имел, и сам, наконец, умирая с голоду, принужден был сделать сие преступление. Итак, рассмотрите теперь, я ли виновен, что по необходимости прибегнул к пороку, или вы, гнушающиеся художествами ваших соотечественников? я ли, который старался в своем отечестве поравнять вкус живописи со вкусом других народов, или вы, платящие мне за то неблагодарностью? наконец, я ли, который собою подкреплял надежду своих художников иметь современем в нашем отечестве Мишель Анжелев, или вы, которые своим нерадением и презрением погашаете в них весь жар к трудам и усовершению их дарований? —

Судьи признавались, что он изрядно говорил, и мог бы по красноречию быть хорошим стряпчим, но как они не знали ни Мишель Анжелев, ни Рафаелев и не понимали о живописи, то из всех его слов заметили только то, что он признался в краже, за которую закон наказывает виселицею, вследствие чего и не хотели отменить своего приговора; некоторые только из сожаления хотели, чтобы вместо виселицы отрубить ему голову, а другие, боясь пеглы и топора, приговаривали засечь его до смерти розгами. Я между тем удивлялся строгости судей и признавал сам в себе, что, хотя они не совсем были правы, однакож порок всегда наказываться должен, и ничем не может быть извиняем.

Вот, — думал я, — наконец, те судьи, из которых, может быть, я выберу надобное число Плутопу. —

В сие время, когда они еще спорили, какую помягше положить ему казнь, отворилися двери залы, и вошел богато убранный господин; все судьи перед ним встали, приветствовали его своими поклонами и просили его сесть. Бедняк, думая, конечно, что это был их начальник, бросился перед

ним на колени и просил о своем избавлении.

— Что стоит прощение сего бедняка? — спросил с гордостью богач.

— Милостивый государь, — сказал один из них, — еслибы этот живописец был в состоянии заплатить 200 небольших листов здешнего золота, то бы не был наказан, но он очень беден, и для того мы приговорили было его к виселице, однакож некоторые из нас, по мягкосердечию своему, присуждают отрубить ему голову, а другие засечь розгами; и вот уже полчаса, как о том у нас происходит спор, какую смертью его наказать, но еще ни на чем не решились.

— Вот двести листов, — сказал богач, подавая оные, — отпустите его, и примитесь лучше за мое дело. А ты, друг мой, — сказал он живописцу, — подожди меня: мне нужен человек твоего искусства размалевать паркет в моей прихожей. —

Живописца выпустили, и сей редкой искусник, который бы мог сделать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтоб итти за ним рисовать холст для обтирания ног пьяных служителей; а судьи, чтобы скорее принятьсь за дело сего господина, не медля нимало, приговорили к виселице еще десять бедняков, которых некогда им было тогда выслушать. Определение о том заключили они в следующих словах: «хотя сущность их дел нам неизвестна, но в предосторожность, чтобы другие не надеялись на оправдание, повелеваем всех их перевешать, а рассмотрение сих дел отлагаем до предбудущего заседания.»

— Кто это такой, — спросил я у одного из стоящих близ меня, — который столь щедро выкупил живописца, и перед которым судьи так благоговейют? —

— Это один преступник, — отвечал он мне на ухо, — который судится в некотором похищении и грабительстве, и вот уже лет двадцать, как это дело тянется. —

— Как, — спросил я, — и его по сих пор не повесили! Разве он похитил меньше, нежели золотник меди? —

— Нет! — отвечал он, — на него донесено, что он покрад из государственной казны несколько миллионов в зо-

лоте и серебре, и разграбил целую врученную ему область. —

— Пропавший же он человек, — сказал я, — его, конечно, уже замучают жесточайшими казнями. —

— Напротив того, — отвечал он, — он уже оправдался перед правосудием, и это ему стоит одного миллиона, а чтоб оправдаться в глазах народа, то он делает такие выкупы, каким освобожден живописец, и вносит на содержание сирот немалые суммы денег, и чрез то, в мыслях некоторых людей, почитается честным, сострадательным и правым человеком; из донощиков его большая половина перемерли в тюрьме, а оставшие завтра утоплены будут в море, естли только не успеют они подкупить своих надзирателей и скрыться побегом. Но я вижу, — продолжал он, — что вы недавно приехали на наш остров; поживите-тко у нас подоле, так и увидите всего поболее. —

— Но и сего для меня довольно, — сказал я. — Мне удивительно, как можете вы жить в такой земле, где чуть было не засекали розгами бедняка, не евшаго трое суток, за то, что вытащил он у богатого купца платок; где прежде вешают подобных ему, нежели рассматривают их дела, и где преступникам, обворовавшим государственную казну на несколько миллионов и разграбившим целую область, судьи кланяются чуть не в землю. —

— Друг мой, — сказал мне мой новый знакомец; — это не так удивительно, как ты думаешь; в том только вся сила состоит, что прежде, нежели хвататься за какое ремесло, надобно оное рассмотреть со всех сторон. Сей живописец хватился за воровство, но с самой бесчестной и низкой стороны. Естлибы он, например, вступил с каким-нибудь купцом в товарищество, хотя бы то было со мною, то бы ты увидел, что, под моим богатым предводительством, мы могли бы обманывать тех, кого нельзя грабить, и грабить тех, кого нет нужды обманывать, а со всем тем остались бы у всех островских жителей в почтении. Но чтоб было для тебя сие понятнее, то расскажу тебе повесть сих жителей, которую слышал я от своего деда, а ему рассказывала об ней покойница его бабушка.

Пристрастие к плутовству есть природное свойство здешних жителей, и мои земляки уже давно им промышляют. В старину оно было во всей своей силе; но как просвещение начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разные имена, первостатейные сделались старшинами и законниками, другие купцами, а третьи ремесленниками и поселянами; но, перемена звания, жители не переменяли своих склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало над ними, как по сей перемене, так что, наконец, претворилось оное в совершенный грабеж, которому однакож даны самые честные виды, одно только старое воровство запрещено, а, впрочем, кто чем более крадет, тем он почтеннее; опасно лишь тому, кто в сем хранит умеренность: украденное яблоко может стоить головы, а миллионы золота приносят уважение. —

— Так поэтому, — сказал я, — никто не может иметь никаких собственных своих выгод, потому что вы друг у друга только что перекрадываете? —

— Нет, — отвечал он, — мастеровые имеют некоторые только способы к плутовству, купцы в десятеро того больше, а законники и старшины употребляют все средства и способы к своему обогащению, и для того все купцы и мастеровые стараются у нас, разбогатевав, купить себе между судьями скамейку: от чего произошло, что ныне у нас с лишком во сто раз больше судей, нежели было прежде. —

Представь, любезный Маликульмулк, каково было мое удивление, услышав о столь развращенных нравах сих островитян. Я было не медля хотел уже отправиться на Север, по совету Диогену; но любопытство, а паче некоторый луч надежды, что между таковым множеством судей, может быть, сыщутся трех знающих и добросовестных, удержали меня несколько на сем острове. Расставшись с моим знакомцем, лишь только успел я выйти на улицу, как встретившийся со мной рассерженной человек,¹

¹ Здесь выведен Я. Б. Кляжнин, враждовавший с Крыловым из-за его комедии «Проклязники», — в которой в лице Рифмокрада Крылов изобразил «переимчивого» Кляжнина.

державший в руках своих бумагу, просил меня посмотреть, какова его челобитная, которую подавал он на нововышедшую в свет сатиру.

— Государь мой, — отвечал я ему, — я не знаю ни сатиры, ни вашего дела. —

— О сударь! — сказал он, — это дело требует непременно отмщения. Сатира эта написана на роконосца, а жена моя точно доказывает, что это на меня. —

После чего подал он мне свою челобитную, с которой копию, как любопытную вещь, к тебе посылаю.

Судей собрание почтенно,
Вземли пиита жалкий глас,
И рассуди ты непременно
С сатиром негодным нас;
Он смел настроить дерзку лиру
И выпустить во свет сатиру.

Где он, рогатого браня,
Назвал глупцом его безбожно,
Жена ж моя твердит вельжбно,
Что это пасквиль на меня.
Второе, он сказал нахально,
Что в сем рогатом чести нет.
Хотя, признаться, непохвально,
Но это точно мой портрет.
А третье, тот его рогатой,
Лишь красть чужое тороватой,
Не может сам писать стихов,
А вам весь город это скажет,
И всякой стих мой то докажет,
Что я и был и есть таков.
Прошу ж покорно, накажите
За пасквиль моего врага,
И впредь указом запретите
Писать сатиры на рога.

— Может быть, любезный Маликульмульк, после уведомяю я тебя, чем эта странная тяжба кончится.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ,

ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Получив вновь повеление от Прозерпины, что при искании модных искусников постарался я как можно скорее доставить ей разных модных уборов, сколько ни было мне досадно сие подтвердительное повеление, напоминающее мне о невозможности возвратиться скоро в Ад, однакож должен непременно выполнить волю своей Богини. Для сего выбору вошел я в лавку к одной французенке, торгующей модными уборами, сделавшись невидимым, нарочно для того, чтоб без всякого обману узнать, которые уборы были больше в моде. В то время в лавке случилось множество щеголих, выбирающих для себя разные уборы. Сначала я очень обрадовался такому случаю, надеясь от них узнать цену и достоинства сих уборов, и которые из оных были больше в моде и один перед другим предпочтительней; однакож никак не мог удовлетворить своего любопытства, потому что все они были разных мнений: одна из них больше хвалила токи,¹ другая чепчики, иная шляпки, иная тюрбаны, а иная каски, так что на выборы их я никак не мог положиться, и криком своим чуть было они меня не оглушили. Наконец, купив

каждая, что ей было надобно, вышли они все из лавки; модная торговка также ушла в другую комнату, и я, оставшись один, размышляя, какой бы найти способ, чтоб, не обманувшись, узнать, которые уборы предпочтительнее других, и в какое время с лучшим успехом могут быть употребляемы, как вдруг услышал, что в шкапу самые сии модные уборы начали между собою разговаривать; а тебе известно, почтенный Маликульмульк, что мы имеем способность слышать и разумеать разговоры всех, даже неодушевленных вещей. Они спорили между собою о их друг пред другом преимуществе. Разговоры сии показались мне очень забавными; я слушал их с великим удовольствием и почитаю за долг сообщить тебе оные.

А г л и н с к а я ш л я п к а.

Может ли какой убор быть лучше меня! и есть ли что-нибудь на свете прекраснее аглинских мод?

Ф р а н ц у з с к о й т о к.

Куда как ты забавна с твоею Англиею! Поверь мне, моя голубушка, что хотя агличане и берут в некоторых случаях преимущество перед французами, однакож то, конечно, не с стороны уборов и хитрых выдумок щегольских мод.

¹ Дамские головные уборы.

Покоевой чепчик.

О чем вы, друзья мои, спорите! Поверьте мне, что между нами нет никакого различия, и мы друг перед другом не можем иметь нималого преимуществ, потому что ежели какой головной убор к лицу одной женщины, то к другой он совсем не бывает приличен; все зависит от расположения лица, каким образом убор бывает надет, и от глаз любовников, ибо женщины желают только нравиться своим любовникам и во всем полагаются на их вкус.

Аглинская шляпка.

В этом-то ты больше всего обманываешься; любовникам не нужны излишние уборы, а им нужна горячность сердца; о уборах судит только публика, нежность же модной щеголихи не имеет в оных нималого участия, а действует одно только самолюбие; да, одно только самолюбие и тщеславие: они-то больше всего ею обладают и располагают ее вкусом. Для нее лестнее привлекать на себя внимание многочисленного собрания, нежели нравиться одному воздыхателю, и главная цель ее нарядов состоит в том, что она желает нравиться многим, а не одному. Это только одно всех женщин побуждает к нарядам, и они очень мало заботятся о том, что скажет им любовник о их уборах; им нет никакой нужды в излишних украшениях для препровождения приятнейших минут с любимым человеком, а, напротив того, в любовном свидании лучшим украшением почитаются природные прелести, без всякого искусства в уборах; тут наряды делают только излишнее беспокойство и помешательство.

Покоевой чепчик.

Однакож то всем тем, госпожа Шляпа, ты должна признаться, что некоторые женщины, надев на себя или шляпу, или другой какой головной убор, кажутся другим чрезвычайно смешными, и очень часто тот самой их убор делает их дурными, и для того-то лучше бы было, когда бы всякая женщина старалась избирать такие уборы, которые были бы ей к лицу, а не такие, которые больше в моде, в чем просила бы совета у искренней своей

приятельницы, или бы следовала вкусу модных торговок, доставляющих им сии уборы.

Аглинская шляпка.

Можно ли положиться на вкус модной торговки! Она всегда больше выхваливает те уборы, которые хочет скорее сбыть с рук! Она без всякого сомнения каждой женщине будет говорить, что этот убор к ней ужасте как пристал, хотя бы в нем казалась она совершенным страшилищем.

Покоевой чепчик.

Ну, так пусть она полагается на вкус своего хорошего друга, то есть обладателя ее сердца.

Аглинская шляпка.

Вот то-то хорошо! Обладатель сердца способен ли в уборах подавать советы, когда всегда судит он о сем пристрастно, наблюдая собственную свою пользу. Ежели он к любовнице своей ревнует, то, конечно, не посоветует ей надеть такой убор, от которого бы она казалась прелестнее, боясь, чтоб она не понравилась многим мужчинам и не привлекала бы на себя их взоры.

Покоевой чепчик.

А всего лучше, если она будет советоваться с своим зеркалом.

Аглинская шляпка.

Вот другая глупость: советоваться с своим зеркалом! Как это забавно! советоваться с зеркалом! то-то изрядной советник! Есть ли хотя одна и самая гадкая женщина, которую бы зеркало не уверяло, что она довольно хороша?

Покоевой чепчик.

О постой! чтож бы ты сказала, когда бы она потребовала советов у своих горнишных девок, непрестанно ее окружающих, так, как то делают многие здешние щеголихи?

Аглинская шляпка.

Да! это прекрасная выдумка: следуя таким советам, может она надеяться хороших успехов в своих нарядах, чтоб сделаться или совсем гадкою, или не

столь пригожею. Сколько раз случилось мне слышать, что женщина говорила другой женщине: «ах как это к тебе пристало! ужась, ужась! жизнь моя! Где ты купила этот чепчик? Ах как он прекрасен» и проч., а в самое то время внутренно радовалась, что тот убор, в противность ее похвалам, был совсем не к лицу.

П о к о е в о й ч е п ч и к .

Ну так пусть делает она то, что хочет.

Ф р а н ц у з с к о й т о к .

Ты очень хорошо судишь, будучи по справедливости назван покоевым Чепчиком! Ну, можно ли тебе вмешиваться в наши разговоры? Как тебе с нами равняться? Мы, по крайней мере, бываем на позорищах; являемся при Дворе и торжествуем на балах. Мы можем себя почитать лучшим украшением для всех щегольских нарядов; но ты, бедняк, ни к какому платью не годишься, кроме как к утреннему д е з а б и л ь е! С тобою только можно показаться при уединенном завтраке. Тебя надевают без всякой осторожности, так, как накладывают на шею платок, нимало не примечая, каким образом ты надет бываешь. Ты всегда прикрываешь волосы, совсем не причесанные, почему никак не можешь равняться с щегольскими уборами и не иначе можешь почитаться, как злальным Чепчиком. Итак, пожалуй, сказки, имеешь ли ты право вмешиваться в наши разговоры?

П о к о е в о й ч е п ч и к .

Я тебе прощаю, почтенный Ток, в твоих грубых и язвительных против меня словах; но ежели, по-твоему, я ни в чем не могу равняться с вашим достоинством, то для чего же меня положили в один с вами шкаф?

Ф р а н ц у з с к о й т о к .

Ведь надобно же тебя куда-нибудь положить, но, находясь в нашем почтенном сообществе, ты должен себя помнить и перед нами молчать.

П о к о е в о й ч е п ч и к (с лукавою усмешкою).

Итак, я замолчу, ибо ежели бы я захотел сделаться нескромным, то мог бы

насказать множество любопытных случаев, которым очень часто бывал я очевидным свидетелем, и которыми вы никак похвалиться не можете; вы, конечно, бы позавидовали моему счастью. Разумеешь ли ты меня, гордой Ток? дерзкой Ток? грубой Ток? неловкой Ток?... Да знаешь ли ты, что покоевой Чепчик бывает свидетелем многих приятнейших приключений, которых тебе никогда видеть не удастся. В любовных уединенных свиданиях не почитают за нужное иметь на голове своей такой щегольской убор, каков ты, господин Ток! Тогда почитают тебя самым неловким и скучным украшением, и из уважения к тебе не дерзуют предаваться приятным и нежным любовным восторгам, чтоб не измять твоих пышных кружев и лент, а потому ты присутствуешь только при скучных и безмолвных свиданиях, в которых соблюдается превеликая благопристойность. Такие тягостные церемонии охлаждают чувства и удаляют сладостное восхищение любви. Но покоевой Чепчик, — ха, ха, ха! — покоевой Чепчик, любезной мой Ток, нарочно сделан для любовных утех, и нимало не препятствует свободнейшему между любовниками обращению. Ежели когда он беспокоит, то снимают его безопасно и кладут на уборной столик, а после опять надевают на себя без всякой осторожности.

Б л о н д о в а я к о с ы н к а .

(Во время сих разговоров спит и храпит)

Хрр, хрр, хрр.

А г л и н с к а я ш л я п к а .

Вот как спокойно почивает наша любезная соседка; желала бы я ее вмешать в наши разговоры... (Будит ее).

К о с ы н к а .

Ох!... Кто это?... Кто это мешает мне спа... а... а (зевает) ... а...ать? Я так спокойно спала, а эти глупцы мне мешали; правду говорят, что...

А г л и н с к а я ш л я п к а .

Ты очень неучлива, что спишь в такое время, когда мы разговариваем о таких важных предметах!

К о с ы н к а.

Ну, что такое, о чем вы говорите? посмотрим!

А г л и н с к а я ш л я п к а.

Мы спорим о нашем друг пред другом преимуществе... и каждой из нас докazuje свои права...

К о с ы н к а (сонным голосом).

Да, это очень хорошо, например, говорить о правах, и преимуществах тогда, когда я здесь.... Это было еще ваше счастье, что я спала!

А г л и н с к а я ш л я п к а, Т о к,
и П о к о е в о й ч е п ч и к
(все вдруг вскричали с сердцем).

Как! что такое она хочет сказать?

К о с ы н к а (с насмешкою).

Да, это не трудно угадать.... Кто из вас может иметь право при мне превозноситься своим достоинством? Вы прикрываете только головы и волосы; но я! какие прелести собою охраняю! Разве я не бываю покровом тем прелестным грудям, которые почитаются гораздо превосходнее тех мест, которые вы собою украшаете?

П о к о е в о й ч е п ч и к.

О! пожалуй, столько не говори, любезная моя приятельница, и не наговори уже слишком много. — Что такое прелести, о которых ты нам с таким восхищением выражаешь!... Тебя покупают только на то, чтоб ты пышностью своею делала пустой обман, а не для прикрытия прелестных грудей.... Поверь, что мне все это довольно известно...

К о с ы н к а (захохотав).

Я! Сударь! О! я вам боюсь, что никакого обмана не делаю, а груди, прикрываемые мною, в самом деле таковы, каковыми я их представляю...

Ш л я п к а, П о к о е в о й ч е п ч и к и Т о к (все в один голос).

О, ты совершенная обманщица, госпожа Косынка! Тебя по справедливости так назвать должно.

Сочинения И. А. Крылова,

К о с ы н к а

(взяв на себя важный вид).

Ну, ну, перестанем горячиться; не ко всякому слову, друзья мои, надобно привязываться... Вы чувствуете сами, что... когда я говорю,... что я не делаю никакого обмана,... то это только так говорится;... а в самом деле, я хотела сказать,... что не делаю почти никакого обмана.... Однакож, по крайней мере, вы можете признаться, что я более вас приношу пользы. Вы все, головные уборы, ни к чему больше не служите, как только для одного украшения, и не охраняете ни от дождя... ни от ветра... ни от холодного воздуха... Но я охраняю прекрасную грудь от простуды, а что еще и того лучше, от дерзких взоров нескромного мужчины.... Итак, я бываю защитницею стыда и целомудрия, и орудием благопристойности.

П о к о е в о й ч е п ч и к.

Не верьте ей, не верьте: она лжет. Вот какую делается она набожною! Вот какая притворщица!... А я со сто раз видал совсем тому противное, что она изволит рассказывать.

К о с ы н к а (с досадою).

Как! ты смеешь сказать!... Ах, какое поношение!... Как! я не бываю покровом благопристойности?

П о к о е в о й ч е п ч и к (с насмешкою).

Так, моя голубушка, так; тебе, конечно, надлежало бы это делать, но сколько раз видал я, что ты совсем не исполняешь сей должности! Ведь кто имеет глаза, тот ясно видит, что ты....

К о с ы н к а.

Ну, посмотрим же, господин прозорливец, что такое ты видел!

П о к о е в о й ч е п ч и к (улизив голос).

Не видывал ли я множества раз, что ты открывала свободной путь дерзновенной руке... которая тихо проходила промежду твоими складками, и ты то ей позволяла... Ты, как казалось, без всякой упорности допускала откалывать

булавку, которою ты была приколотата... и утешалась смущением и стыдливостию той красавицы, на которой ты надета, и которую при тебе так нагло оскорбляли.. По сему малому твоему сопротивлению можно видеть, что ты сама соучаствовала в том малом почтении, которое тсгда было ей оказываемо. Итак, скажи теперь, хитрая обманщица, когда пригожая женщина надевает тебя на свою грудь, не говорит ли она тебе: «Я надеваю тебя для того, чтоб ты охраняла меня от стужи и от дерзких покушений воздыхателя».

К о с ы н к а.

Право, ни одна женщина никогда мне этого не говаривала.

П о к о е в о й ч е п ч и к.

Однакож, без всякого сомнения, каждая красавица с таким намерением тебя на себя надевает.

К о с ы н к а.

Пусть так, но я за то не берусь, чтоб я одна могла воспротивиться против двух рук, из которых каждая во сто раз сильнее меня. Ежели сама красавица не захочет сделать мне ни малой помощи, то как можно требовать от меня, чтоб я одна устояла против сильного приступа? При таком случае сердятся, ворчат, краснеют, усмеваются, притворяются, будто досадуют, будто хотят кричать, и думают, что тем подают мне великую помощь!

П И С Ъ М О Ш Е С Т О Е Н А Д Е С Я Т Ь,

ОТ ГНОМА БУРИСТОНА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Недавно, прогуливаясь по городу, увидел я дом, у которого теснилась толпа народа. Я вошел в сени, чтоб спросить, что это значит, как взял меня за руку молодой человек.

— Государь мой! — сказал он, — еще очень рано, не угодно ли вместе со мною прогуляться, и вам после в сем доме покажу вещи, подлинно достойные удивления. Радуясь товариществу, вышел я с ним из сеней и пошел по вымощенной красным мрамором улице. Как был я в самом простом платье, и не столько должен был отвечать на поклоны, то потому без всякого помешательства мог

А я, как вы сами можете посудить, лучше соглашаюсь тогда совсем оставить мое упорство, нежели довести себя до того, чтобы меня разодрали, чтоб сорвали меня с груди и изорвали бы в клочки. Вам легко говорить, друзья мои, но если бы вы были на моем месте, то поверили бы, что такое упорство могло бы стоить моей жизни, а вам известно, что всякому своя жизнь всего дороже на свете. —

Сей разговор прервался, наконец, приездом многих щеголих, которые закупили всех спорщиков и спорщиц вместе... Графиня купила Ток, княгиня Аглинскую шляпку; безымянная и вертопрашная кокетка подцепила покоевой чепчик, а актриса взяла Косынку, которая, по видимому, пойдет вместе с нею на театр играть ролю. Бедные уборы, видя столь близкую разлуку и не имея надежды когда-нибудь увидеться, простились с такою нежностью и ласкою, каких никогда не оказывают между собою те, кому они достались. По выходе из лавки приезжих щеголих с их покупкою, вышел и я, надеясь впредь найти какой-нибудь способ, узнав совершенно достоинство и преимущество уборов, сделать доставлением их угодность Прозерпине.

Желал бы я, любезный Маликульмульк, как можно скорее исполнить препорученные мне дела и, не занимаясь большими пустяками, возвратиться в Ад; однакож видно, что мне здесь довольно еще будет дела.

иметь с товарищем моим следующий разговор.

— Признаться, что в большом свете очень тесно жить без денег, — сказал я, — соблюдая имя бедняка, а еще несноснее видеть, что люди недостойные пользуются богатством, а мы, которые чувствуем, что могли бы принести пользу государству, совсем позабыты, что существуем на свете.

— Это правда, сударь, — отвечал он, — что хотя куча бедняков больше, нежели богатых, однакож совсем тем их не примечают. По крайней мере, нам служит одно то утешением, что мы не первые на

это жалуемся. Впрочем, видя по лицу вашему в вас честность и имея способы вам помочь, я за долг почитаю этим вам служить... Послушай, друг мой, — сказал он, вдруг переменя голос, — ты кажешься мне так беден, что с трудом можешь себя поправить; правда, хотя на нашем Острове можно надеяться на хитрость, но состояние твое так мало, что тебе нельзя сделать никакого плутовства, не быв за то повешену или высечену розгами. — Хочешь ли ты, чтоб я дал тебе хлеб? Вступи в нашу шайку, я в ней старшиною и обещаю тебе мое покровительство. —

Я. А какая это шайка? не одна ли из тех, которые, как сказывали мне, состоят из ярмоначных врачей, бродящих без всякого знания с своими пузырьками, порошками и пластырями, коими, как язвой, переводят они большую половину ваших добродушных земляков?

Он. Нет, они ныне не бродят шайками, а живут на нашем коште на одном месте и дожидаются в своих домах охотников отправиться на тот свет.

Я. Так не из тех ли она состоит Ефунопалов,¹ которые, ходя по селам и по городам, сказывают сказки, брав за то дорогую цену, которые одни имеют хитрость вдруг: и брать милостыню, и налагать подати, и продавать какие-то моральные лекарства от физических болезней, за которые им платят очень много, хотя никто от них не вылечивается.

Он. Нет, и они уже ныне не ходят шайками, а на наш счет построили школы, и всякой город ставит себе за честь содержать по несколько сот таких Ефунопалов. Правда, им скучно было привыкнуть к такой жизни, но зато приумножение их доходов их утешает. Они и ныне продают неизлечающие лекарства, налагают подати, берут милостыню, получают от нас жалованье, и торгуют очень прибыльно жизненными каплями, обнадеживая, что кто их принимает, будет жить 3 000 лет. Но оставим их; я предлагаю тебе вступить в нашу шай-

ку, которая сего дня будет играть в этом доме, — то-есть, чтоб ты сделался комедиантом. —

Мне очень хотелось посмотреть, до какой степени простирается самолюбие самых последних званий, а для того хотел я несколько упизить звание комедиантов и послушать, каково оно будет защищено своим членом.

— Как, сударь! — сказал я, — вы советуете, чтоб я вступил в столь презренный и подлый промысел?

Он. Потнше, государь мой! вы живете в обществе, а не знаете учтивости, которая употребляется на нашем Острове, и при мне называете подлым ремеслом, в котором я нахожусь, но я не сержусь никогда на выпыльчивость молодова человека и уверяю вас, что мое ремесло ничем не хуже других. Скажите, что вы в нем находите дурного?

Я. Во-первых, то, что это ремесло всеми почитается подлым.

Он. Это одно только предрассуждение. Приказной человек нимало не уважает военного состояния; воин бранит приказных; купец хвалит свое звание, а лекаря прavitся свое. Негодный промысел есть только тот, который приносит более вреда, нежели пользы, а наш приносит больше пользы, нежели вреда. И самая низость сего звания полезна для того, что поведение комедианта не берется в пример, и он своею худою жизнью не заражает целого народа, а добродетельною не делает лицемеров, старающихся ему подражать и под видом благочестия производящих тысячу разорений. Комедиант не имеет случая сделать несправедливого суда; угнетать каким-нибудь откупом целый город; проманывать по двадцати лет бедных просителей, не делая ничего и живя их именем. Вся власть его ограничивается только тем, что изображает на театре пороки. Он может поправить те части злоупотребления, до которых не достигают законы, и которые более вреда и разорения приносят государству, нежели самые хищные откупщики.

Я. Это правда, но надобно быть очень твердо, чтоб сносить презрение.

Он. Презрение! его достойны только низкие души, а не низкие звания. Я знаю

¹ Ефунопалы, на сем острове живущие под самым экватором народы; они так же черны, как арапы, с тою разностию, что у них от обжорства гнилые зубы и толстые брюха. *Прим. автора.*

человека и в моем промысле, с которым многие честные и разумные вельможи ищут знакомства;¹ знаю также некоторых знатных, которыми, несмотря на их великодушье, гнушаются и низкие люди; но естли ты охотник до знатности, то я позволю тебе на театре играть роли самых знатных людей.

Я. Вы очень унижаете истинную знатность, сравнивая ее с театральнойю.

Он. Это сравнение справедливо. Как скоро ты на театре играешь знатную ролью, тогда все другие лица стараются оказывать тебе почтение. Правда, что за театром оно исчезает, но не то ли же самое делается и с вельможею? Как скоро он входит в знатность, тогда всякой старается пред ним казаться униженным, всякой оказывает ему обожение, все его хвалят, все ему льстят, но лишь только сила его исчезает, тогда все его приближенные снимают перед ним свои маски; им кажется он обыкновенным человеком, и они оставяя его, идут к другому читать ту же самую ролью, которую читали перед ним.

Я. Это правда, что тут есть некоторое сходство, но быть народным шутом! это очень тягостно.

Он. Напротив того, это очень весело. Лучше заставляя народ смеяться, или принимать участие в мнимой своей печали, нежели заставляя его плакать худыми с ним поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоят народу, но мало его забавляют, а мы из числа тех, которым цена назначается от самих зрителей, по мере нашего дарования и прилежности, а не происками и не по знатности покровителей; сверх же того, мы из числа тех шутов, которые не подвержены пороку публичной лести: мы и перед самими царями говорим, хотя не нами выдуманную, однакож истину; между тем как их вельможи, не смея перед ними раскрывать философических книг, читают им только оды и надутые записки о их победах.

Я. Я отдаюсь, наконец, на вашу волю, но только с тем, чтоб играть мне иногда короля, иногда разнощика, иногда судью, а иногда ветешника:

меня очень будут забавлять такие перемены.

Он. Пойдем, я согласен, и это одна из наилучших выгод комедианта. В сем он подражает величайшим философам, ибо он после царя с таким же веселием бывает разнощиком, с каким равнодушнем после разнощика бывает царем, чего лишены актеры большого театра, называемого Светом.

Новой мой покровитель ввел меня в залу.

— Вот, друзья мои, вам новый товарищ, — сказал он нескольким стоящим в кругу царям, царицам, скороходам и крестьянам, которые вместе рассуждали о каком-то политическом предприятии их Острова. Его осанка, — продолжал он, — его рост и хороший стан подают нам немалую надежду, что он будет исправный царь. После сего короли и лакеи очень пристально зачали на меня смотреть и что-то шептали между собою, а королевсы говорили в слух, что они ни на каком театре лучше меня царя не видывали. Такая похвала заставляла иногда на меня коситься новых моих товарищей, но я, мало о том заботясь, пошел в амфитеатр, чтоб посмотреть новую трагедию, которую тогда давали. Множество зрителей ожидали с нетерпеливостью открытия занавесы, и, наконец, минута эта наступила. Трагедия была сочинена по вкусу островитян в 8 действиях 12 стопными стихами. Действующие лица были очень порядочно связаны, и как я еще несколько помню ее содержание, то расскажу тебе, почтенный Маликульмульк, подробнее.²

Главный герой сей трагедии был некоторой островской Дон-Квешот. (Это один роман гишпанской, стоящий любопытства; я тебе его пришло. Впрочем, ты, путешествуя по разным странам, может быть, видал многих и знатных Дон-Квешотов.) Он был вдруг: философ, гордец и плакса; актер по смыслу слов очень изрядно поддерживал свой характер; он храбрился в тюрьме, читал на театре рассуждения тогда, когда надобно ему было что-нибудь делать; будучи просто-

¹ Намек на Дмитревского.

² Далее следует сатирический пересказ трагедии Княжнина «Рослав».

людином, гордился пред государем и плакал пред своею любовницею, как дитя от лозы, когда она делала ему ласки, а чтоб ему чаще хлопали, то он, оборотясь к зрителям, почти при всяком стихе твердил им, что он их одиоземец. Островитяне иногда краснелись, что такой чудак родился между ими, однакож нередко хлопали ему в ладоши, чтоб не заснуть от праздности.

Другая, т. е. его любовница, была царская дочь; она была несколько его поумнее, но столько хвалила своего любовника, как будто бы желала вытти за него без приданова, хотя и не видно было, подлинно ли имела она это намерение, будучи богаче своего жениха. Тре-

тие лице изобразить хотело какого-то злодея. — Писатель характер его заключал в словах, а не в действии. Он ничего не делал, но иногда кричал, что он всех перережет и передавит, а между тем, когда он спал на театре, то самого его удавили в седьмом действии, и восьмое доигрывается уже без него.

Наконец, четвертый, как говорят, был прекрасный характер; на нем основывалась вся трагедия; сказывают, что это был предобродетельный человек, и им окончилось зрелище; но жаль только того, что автор не выводил его на театр. Может быть, добродетельный характер был для него слишком труден.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕНАДЕСЯТЬ, ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Извини меня, любезный Маликульмульк, что я давно к тебе не писал; это не от того, чтоб мне было нечего писать; но я столько занят делами и окружен столь многими предметами, что, не зная за что приняться, впал в нерешимость, и долго бы в ней пробыл, еслибы мой молодой Припрыжкин не подал мне причины к размышлению, которое выбило у меня на время из головы все другие предметы.

— Поздравь меня, любезный друг, — сказал мне Припрыжкин, — с исполнением трех главнейших моих желаний. — Как! — вскричал я, — неужели ты оставил свет! собрал хорошую библиотеку! и нажил себе искренних друзей! — Вот какой вздор! — отвечал он, — я никогда этого не желал, как только один раз в жизни, когда недавно проигрался и был без денег; о, тогда я был великой философ! Но, любезный друг! ты знаешь нынешний свет и нашу мягкую философию, которую и у лучшего нашего философа один рубль испортить в состоянии. Нет, у меня есть другие гораздо основательнейшие желания, которые Небу было угодно исполнить. Поздравь меня, любезный друг, — продолжал он, меня обнимая, — с тем, что я сыскал цуг лучших аглинских лошадей, прекрасную танцовщицу и невесту; а что еще более, так мне обещали прислать чрез

несколько дней маленького прекрасного мопса; вот желания, которые давно уже занимали мое сердце! Представь, не благополучный ли я человек, когда буду видеть вокруг себя столько любезных вещей! Я умру от восхищения! — Прекрасной мопсе!.. Невеста!.. Цуг лошадей!.. Танцовщица!.. О! я только между ими стану разделять свое сердце! Я принужу их, чтоб они все равно меня любили... и ели не за других, то, конечно, за собачку парирую ¹ тебя всем, что она будет меня любить, как родного своего брата.—

Такое прекрасное начало в первый раз заставило меня узнать, каким образом здесь женятся, и я захотел получше разведать, что значит здешняя женитьба.—Поздравляю тебя, любезный друг,—сказал я ему,—с исполнением твоего желания, а более всего с невестою. Я уверен, что ты не ошибся в твоём выборе.—Конечно,—сказал он,—лошади самые лучшие аглинские! — Я о твоей невесте говорю, — продолжал я, — не правда ли, что она разумна? — Уж, конечно; говорят, что лучше ее со вкусом никто не одевается. — Без сомнения, она добродетельна? — В том я верю ее матери, которая говорит, что дочка ни в чем от нее не отстала; а эта

¹ Т. е. ручаюсь.

барыня может служить примером в добродетели... Она вечно или перебирает свои чотки на молитве, или бьет ими своих девок; а достальное время проводит в набожных разговорах наедине с своим учителем богословии. — Я думаю, что она прекрасна? — О! что до этого, то я никому, кроме своих глаз, не поверю; но я еще не успел ее видеть. — Как! — сказал я, — ты женишься, и не знаешь своей невесты?... Да чем же она тебе так нравится? — Тридцатью тысячами дохода, отвечал он мне с восхищением: неужели ты думаешь, что это шутка? Если мне танцовщица будет стоить и двадцать тысяч, то все еще у жены останется десять, к которым приложу мой доход мы можем с нею жить, делая честь нашему роду. Что же ты смотришь на меня, вытараща глаза? О как можно в тебе узнать уездного дворянина! Я вижу, что тебе в диковинку такие свадьбы; а это от того, что ты еще не знаешь модного общежития; будь же свидетелем моей женитьбы и приучайся к правилам света. —

После сего подхватил он меня в свою карету, и мы поехали с ним в ряды для закупи к свадьбе ему уборов.

Купцы на-перекор просили нас в свои лавки и кричали, что у них есть самые дорогие товары; некоторые, правда, говорили, что у них есть лучшие, но у таких простяков, как я приметил, покупали очень мало. — Друг мой, — сказал я одному из сих купцов, — скажи мне, неужели здесь товары не потому выбирают, что они лучше, а потому, что дороже? То правда, что лучшие должны быть дороже; но я замечаю, что это у вас редко вместе встречается. — Государь мой! — отвечал мне купец, — будьте уверены, что я имею все должное почтение к таким господам, как вы и его сиятельство г. Припрыжкин, и я бы думал обидеть его милость, если бы показывал ему лучшие товары, а не те, которые дороже; да и он, конечно, сочтя меня за невежу, пошел бы искать товаров в другие лавки. Были, правда, здесь варварские времена, когда у нас спрашивали лучшего, но просвещение переменяло такие грубые нравы, и мы ныне нередко берем за серебро обычно-

венную цену, по 24 коп. и менее за золотник; а за такой же золотник стали платят нам по 120 р. За шелк берем мы самую умеренную цену, а за связку соломы недавно брали по 400 и по 500 р.; но, по несчастю, наши барыни не долго пользовались приятною вольностью платить за солому дорогую цену, и мы принуждены были поровнять ее ценою, не более, как с лучшей золотой парчею. Мы были бы в отчаянии, если бы дорогая цена стали не утешила нас в умеренной прибыли от соломы. Вот, сударь, — продолжал он, — показывая мне стальной аглинской ефес, которой стоит 110 р. — Я тебе сию минуту плачу за него деньги, — сказал я, — но скажи мне, чего он в самой вещи стоит? — Я боюсь, — говорил купец, — что он из самой лучшей аглинской стали; железа тут не более, как на 9 к. Работа агличанам, может быть, стоит не больше полфунта стерлингов, или два крона, что на здешние деньги сделает 2 р. 20 к., 52 р. 80 к. мы даем им прибыли; а достальные 55 р. я имею честь брать с своих просвещенных земляков. — Этого бесчеловечнее ничего быть не может! вскричал я. — Не угодно ли, сударь, — говорил купец, — посмотреть еще аглинских стальных цепочек, женских поясных и шляпных пряжек и шляпных петель: будьте уверены, что я уступлю вам за самую сходную цену. — Что стоит эта цепочка? — спрашивал я, указывая на одну подлинно изрядно сделанную. — Последнее слово 230 р., — отвечивал купец. — Я говорю о настоящей ее цене, — продолжал он, — она вам известна; но я уверен, что это не помешает вам купить так хорошо выработанную вещь. — Чтобы сдержать мое слово, я заплатил ему за три золотника стали 230 р. — Но скажи мне, — говорил я купцу, — неужели это не делает вреда государству, и какую может приносить ему пользу? — Польза очень не мала, сударь, отвечал купец: — во-первых, нас почитают богатыми потому, что мы за безделицы платим дорого; вкус наш в великой славе потому, что такие прекрасные вещи нигде так не расходятся, как здесь; наши знатные господа, бывши одеты с ног до головы в такие драгоценности, подают

великое мнение иностранным о своей знаменитости... Вот, сударь, пользы от дорогих товаров ... Правда, есть также и вред, но он почти неприметен, и об нем не для чего думать. Эта безделица, сударь, вся состоит только в том, что наши мужики иногда умирают с голоду, и в городах всему необходимому великая дороговизна. — Ты шутишь, — сказал я, — неужели такие безделицы, каковы аглинские пепочки, пряжки, пуговицы, петли, или такие мелочи, каковы французские соломенные шляпки, блаженной памяти соломенные накладки и прочие подобные сим вздоры могут принести такой вред государству? Пожалуй, мне это растолкуй. — А вот, сударь, — продолжал купец, — между тем, как ваш приятель покупает у моего сидельца нужные для него товары, я вам в коротких словах об этом расскажу. Например, его сиятельство г. Припрыжкин вздумал жениться; ему неотменно надобно к свадьбе множество таких мелочей; деньги на них он должен брать с своих 4.000 душ крестьян; в одну минуту посылает он приказ, собрать с них к будущему году 80.000 р. Мужички, получая такое строгое повеление и не надеясь одним хлебопашеством доставить своему господину такую сумму, оставляют свои селения и бредут в города, где обыкновенно более можно заработать денег; вместо сохи и бороны берут они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками или разнощиками; днем работают, а по ночам, чтоб лучше собрать свой оброк, взывают его с прохожих.¹ Город, вместо того, чтоб получать от них хлеб, должен бывает сам их кормить, и сверх того еще платить им деньги. От таких-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленниках, ремесленники на купцах, купцы на господах, а господа опять принимают за своих крестьян. К концу года крестьяне возвращаются в свои жилища с деньгами, отдают 80.000 р. господину, а на достальные 10.000 р. посылают в город кушать себе хлеба, которого им становится мало до будущего года. Итак, го-

рода терпят недостаток, деревни голод, граждане дороговизну, а его сиятельство остается при новомодных галантерейных вещах и празднует несколько дней великолепно свадьбу с своею почтенною невестою, которая, с своей стороны, щегольством такую же приносит пользу государству. —

Между тем г. Припрыжкин кончил торг с сидельцом моего красная и, отсчитав ему 6.000 р. за такие прекрасные товары, радовался, что заплатил дорожке всех за свою покупку. Надобно думать, что и невеста не менее делала приутовления.

На другой день после сего у невесты в доме был бал, где было такое же собрание, о котором я тебя раз уведомлял, с тою только разностию, что тут были без масок и не платили денег. Невеста и жених, в первый раз увидевшись, чрез десять минут сделались так коротки, как будто были уже десять лет обвенчаны. Ему позволяли некоторые вольности жениха, но я заметил, что не один он пользовался таким правом. Неотказа (так называлась молодая невеста) была так благосклонна ко всем муштинам, что казалось, будто она за всех из них выходит замуж. С своей стороны и Припрыжкин ей не уступал; он всякую женщину почитал своею невестою, и всякая женщина была так к нему снисходительна, что почитала его своим женихом или еще и более. Я заметил между прочим, что мать невестина, женщина набожная, очень долго разговаривала у окна с будущим своим зятем, с весьма важным видом. — Вот женщина умная, — сказал я сам в себе: — она, конечно, даст ему наставление в добродетели и в будущем хозяйстве; но ты узнаешь скоро, любезный Маликульмульк, что я имел причину пенять себе в безвременно сделанной похвале сей старушке.

Прохаживаясь по залу, вздумалось мне хорошенько расспросить про здешнюю женидбу, и для того зачал я разговор с одним, повидимому, постоянным и скромным гостем. Слова наши были наперед о мелочных вещах, как то о погоде (здесь очень часто начинаются преважные разговоры вопросом: какая на дворе погода? или, который бы, вы ду-

¹ Намек на грабежи.

мали, час?); наконец, я довел разговор до женитьбы. — Признаюсь, сударь, — говорил я ему, — что я очень радуюсь участию моего приятеля Припрыжкина: женитьба есть такое утешение в жизни, что она отъекает у человека половину горестей в оной. Как весело разделять время с прекрасною и добродетельною женою, которой нравы во всем согласны с мужниными! Хорошая женщина — любезной товарищ в уединении, и наставления разумной красавицы скорее исправить могут, нежели десять скучных поучений какого-нибудь грубого старика; а основательному, но не гибкому разуму мужчины не худо иметь себе в обществе советником проницательный женский разум, и самые упреки из уст любезной женщины кажутся приятны.

— Из Америки или из Сибири изволили вы сюда прибыть? — спросил меня незнакомой... — Я очень любопытно желал бы услышать от вас о тамошних диких народах. По вашему вопросу мне кажется, что они еще не лишились своей невинности. Видно, что письма о развращении их нравов, полученные мною, несправедливы.

— Государь мой, — отвечал я, — очень бы я рад удовольствовать ваше любопытство, но признаюсь, что я не был столь далеко отсюда, а приехал прямо из одной здешней провинции, для покупки модных уборов моим родственникам; однакож, чтобы впредь не быть мне смешным такими вопросами, прошу вас, пожалуйста, расскажите мне, каким образом здесь почитается женитьба?

— Очень просто, — отвечал он мне, — и это в коротких словах рассказать вам можно. У нас с женою так же поступают, как с платьем... Приходят в ветшной ряд, выбирают то, которое побогаче, платят за него деньги и относят домой. Тогда-то уже увидят, что платье или не в пору, или дурно сшито, и, усмотря свою ошибку, вешают его в гардероб, на место его выбирают другое, и на него никогда уже не взглядывают, а только пишут его в реестре своем, хотя нередко камердинеры и знакомые им пользуются... Вот история женитьбы, с малою однакож разницею. Тот, кто хочет жениться, провеживает о невестах; к нему

приходят и сказывают, что такая-то девица приносит за собою в приданое 10 000 р. доходу; часто, не любопыствуя далее, он посылает к ее отцу сказать, что он такого-то чина и столько-то душ владетель, хочет на ней жениться. С обеих сторон справляются с великим прилежанием в истине сих уведомлений, и потом начинают свадьбу. Ежели же после, как то часто случается, ни жена, ни муж друг другу не понравятся, то всякой утешает себя, как может, и делают добровольно уговоры, чтоб не вступаться в некоторые безделки, которые прежде сего мужей и жен краснеть заставляли. И таким образом муж, не сходясь с своею женою несколько лет, может надеяться быть не последним в своей фамилии, а жена имеет удовольствие приписывать своему мужу все домашние дела, которыми часто вертят: комнатной слушитель и человека четыре посторонних.

Дети, которые приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются с равною с обеих сторон прилежностью. Муж, не почитая это за свое дело, думает, что и того довольно с его стороны сделано, когда они носят его имя, а жена, видя, как мало думает о них тот, кто причиною их рождения, сама старается перещеголять его в нерадении; и такие-то прекрасные отрасли готовятся современем занимать какие-нибудь важные места в государстве!

Лишь только окончил он свою речь, как Припрыжкин подошедши отвел меня к стороне...

— Доволен ли ты, любезный друг, своею будущею тещею? — спросил я его.

— Можно ли спрашивать меня об этом! — сказал он: — когда ты видишь, в каком я смущении. Предстаю, что эта старая хрычовка в меня влюблена! И как видно, что старушка жалует скорые решения, то, по ее словам, я очень ясно заключаю, что мне не видать ее дочери за собою до того времени. куда... — О чем же ты думаешь? — вскричал я: — оставь эту старую фурию! Неужели ты хочешь быть до такой степени развращен!

— Вот какое дурачество! — сказал Припрыжкин, — чтоб я пожертвовал

тридцатью тысячами дохода для такой мелочи. Будь уверен, что я не столь своенравен, и если я теперь в досаде, то это не от того, чтоб я старался презирать мою дорогую тещу.

— Что ж! разве ты страшишься, чтоб не узнали люди о таком преступлении?

— Вздор! что кому за нужда до чужих дел!

— Или не хочешь, чтоб твоя невеста свела о сей измене?

— Совсем не то: хотя невесту свою вижу я и в первый раз, но как у многих моих приятелей видал я ее портреты, которые без всякого прекословия переходили из рук в руки и доставались многим, то из того заключаю, что и подлинник не упрямее своих списков. Итак, поэтому не думаю, чтоб она на меня слишком осердилась за непостоянство.

— Что же тебя так беспокоит? — То, —

отвечал с досадою молодой Припрыжкин, — что я сего вечера дал слово быть у моей прекрасной танцовщицы, а если эта старая хрычовка не отвяжется от меня с своими любовными изъяснениями, то я лишусь приятного удовольствия увидеться с театральною нпифою, а принужден буду проводить скучные часы с гадкою старухою. По частию господина Припрыжкина сей день кончился без дальних для него хлопот с будущею его тещею, потому что к вечеру нашел он отговорку, чтоб уехать для свидания с своею танцовщицею, и мы с ним вместе поехали. Меня завез он в тот дом, где я живу, а сам поскакал к своей сирене.

Прости, любезный Маликульмульк, я скоро тебя уведомя, чем кончится такая знатная свадьба, которую Припрыжкин торжествует на счет своих 4 000 душ.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ,

ОТ ГНОМА ВЕСТОДАВА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

У нас, любезный Маликульмульк, час от часу делается больше перемен. Прозерпинины поездки, думаю, со-временем во всем Аде не оставят ни одной голловни на своем месте.

Тебе уже известен несчастный случай с нашими судьями, что двое из них оглохли, а третий сошел с ума; Плутон, видя, что они неспособны более отиравлять прежнюю должность, вздумал на-время сам сесть на их место; но, не привыкши к судебным делам, он часто запутывался в своих резолюциях, и начинал белым, а окончивал черным, так что адские приставы, которые отводят души в назначенные места, могли переворачивать его слова, как хотели, от чего у нас завелись превеликие взятки, и тени очень на это жалуются; а адские крючкотворцы, когда захотят, то в силу начала резолюции отвести их в Рай, а в силу окончания бросить в вечную муку. Я уверен, что в нынешнее время Сократ и Диоген не так скоро попали бы в Елисейские поля, как Крез и Дарий.

Непорядки в делах еще умножает то, что Плутон сделался несколько ленив и вдаль в разные забавы. Между прочим он стал великим охотником до живописи.

Прозерпина, не знаю, с каким намерением, старается как можно больше отводить его от дел и возбудить в нем разные склонности, которые представляли бы его первым нерадивцем во всем Аде. Нередко, когда сказывают ему, что многие тени прибыли с того света и ждут его решений, и когда уже принимается он разбирать их дела, тогда Прозерпина приказывает принести дюжины две бутылок лучших вин, присланных к ней с того света. — Вот, душа моя! — говорит она ему, — напитки, которые в открытом свете употребляются всеми судьями; там часто многие блюстители правосудия того мнения, что лучшей способ решить премудро самое запутанное дело есть тот, чтоб прежде опорожнить с полдюжины таких бутылок; это не вино, а премудрость, заключенная в бутылках, и мне нередко случалось видать секретарей, идущих в приказы с таким тяжелым грузом сей премудрости, что они, не до-несли его до приказа, с ног сваливались; но ты, любезной Плутон, — бог: тебе не может быть вредна премудрость так, как человеку, а из них многие думают, что для человека разум вреден; итак, ты не откажешь для меня выпить хотя

несколько рюмок.—Наконец, она принуждает его пить за здоровье своих братьев, а потом за здоровье ее, и таким образом перебирает всю свою родню по очереди. Бедный Плутон сколько ни отговаривается, но она говорит ему, что в большом свете почитается неучтивостию, если кто за здоровье знакомых откажет напиться до-пьяна, вследствие сего очень часто наш бог, не успевая пересчитать рюмками все здоровья, спокойно засыпает, ничего не сделав, и весь двор ставит за честь в том ему подражать. Я думаю, любезный Маликульмулк, что ты этому не так станешь удивляться, потому что свойство придворных тебе, как жителю света, более известно; но что принадлежит до здешних философов, которые видят это в первый раз, то им показался наш двор бешеным домом.

Между тем множество приходящих теней толпятся у двора и ждут решений своей судьбы, но Плутон откладывает оные, не зная, как их делать. Марс, думая подслужиться дядюшке своей любовницы, ежечасно присылает к нам новых жителей, однакож он не знает, что тем только мешает бедному Плутону в его забавах, который то и дело посылает проводить о здоровье больных судей; но Гален, Эскулапий и Иппократ доносят, что никаких еще нет признаков к их выздоровлению. К Буристону также посланы были приказы, чтоб он старался поскорей отыскать трех честных и умных судей, но и тот покорнейше уведомляет, что все его поиски напрасны, и что он скорее возьмется сыскать трех фениксов, шесть василисков и десять единорогов, нежели одного такого судью, каковы были Мипос с его товарищами; а сверх того он доносит, что со времени их прибытия в Ад сделалась на земле великая перемена, и разум с честностию в превеликой ссоре, так что ныне в свете много можно сыскать добродушных дураков и умных бездельников, по добродетельные мудрецы очень редки, а особливо на судейских стульях. И самому Плутону не хочется, чтоб в Елисейские поля был впущен всякой без разбору, и чтоб награждения раздавались по пропискам.

Таким-то образом желая сего избе-

жать, сам Плутон занимался рассматриваньем дел, как вдруг вошла к нему Прозерпина. — Любезный супруг, — сказала она ему, — ты уже довольно потрудился и попотел: оставь, пожалуй, этот скучной стул и пойдем лучше на мою половину; я даю севодни стол, превеликолепной концерт, бал, и после театральной зрелище. — Душа моя, — отвечал, нахмурив брови, важный Плутон, — дай мне окончать хотя несколько дел; ты уже и так причину тому, что я остался без помощи, и должен сам рассматривать дела и самых последних негодяев. — Сказывай, — говорил он потом одному италиянцу, — что ты в свой век делал? — Я, ваше адское величество, — отвечал римлянин, — сорок восемь лет прыгал выше всех в Европе. Имя мое славно на всех театрах, но дарования нигде не остаются без гонения: из некоторых мест я был вытеснен знатными за то, что получал доходу более их; один полководец, охотник великой до скачков, чуть было не уморил меня за то, что я вспрыгнул выше его, а некоторой знатной господин, коего сын занимал важное место в государстве посредством проворства своих ног и был первым танцовщиком, не мог терпеть меня за то, что я, показавшись на придворном театре, уничтожил все внимание двора к ногам его молодого вельможи, после чего и голова его потеряла всю доверенность... — Но делал ли ты какие-нибудь добрые дела? — спросил у него Плутон. — Множество, — отвечал тонконогий Фурбиний: — я, выуча одного бедного дворянина танцевать, сделал тем его щастие, и он посредством танцевания дошел, наконец, до великих чинов. Некоторой молодой женщины муж был за взятки посажен в тюрьму и приговорен к наказанию, которое бы, конечно, над ним исполнилось, но я научил ее, каким образом должна она была притти пред вельможу; я расписал ей все шаги и все поклоны; научил, как ей надобно было плакать и какие приятности употреблять в движении рук, так как то часто делают балетные героини, от чего была она щастлива, половину моим, а половину, может быть, и своим искусством, и мужа ее оставили попрежнему на судейском стуле, где он под покровительством жениных

балетных ухваток пользовался, как мог, своим местом. Одна знатная дама выгнала из своего дома молодого любимца; он бросился ко мне, я показал ему все тонкости моего знания, и он, проведая, что бывшая его благодетельница будет на бале у одной госпожи, танцовал на оном с такою приятностию, что она его с балу отвезла опять к себе в своей карете. Я множество делал еще добрых дел; я распространил мое искусство и исполнял свое звание с величайшим рачением, в чем свидетельствовать может то, что ныне многие судьи знают лучше танцовать, нежели судить, и многие молодые воины более имеют духу пропрыгать контрданец, или сделать хороший антраша, нежели, оставя балы, итти в поле шагать под военную музыку, которая всегда дерет нежный слух хорошего танцовщика, привыкшего к приятной гармонии минуэтов, польских и кадрилией.

— Бросьте сего развратителя благопристойности и нравов, — вскричал Плутон, — танцовать под музыку Эвменид;¹ самые его благодеяния унижают как его самого, так и тех, кому они оказаны, а пользы свету его скачки очень мало сделали. — Помилуй, жизнь моя, — сказала Прозерпина Плутону, схватя за руку италианца: — помилуй, ты заставляешь меня краснеть за себя: ты бог, а, право, менее смыслишь, нежели последней деревенской мужик. Возможно ли так мало уважать редкие дарования этого любезного человека! Право, ты очень гадок с твоими глупыми сантансами.² Знай, сударь, — продолжала она, — что ныне весь большой свет танцует, и что никакое искусство не почитается столь почтенным, как танцевальное: оно приносит уважение и доставляет богатство и чины. Нередко о том, кто хорошо прыгает контрданцы, заключают, что он может быть искусной воин, и дают ему полк; а самой искусной полководец, которой не знает танцовать, почитается невежею. Какой ты сыщешь двор, где б не было уважено танцование? а ты, сударь, хочешь подвергнуть наказанию человека, редкого в своем роде, которого

одна нога стоит десяти таких голов, какова твоя! Итак, я сказываю тебе, что я беру его под свое покровительство, делаю его первым балетмейстером своего двора, и завтра же ты начнешь учиться у него танцовать. — Разве ты хочешь сделать из меня мальчика, богиня? — вскричал Плутон: — как! мне учиться танцовать! мне быть прыгуном! или ты хочешь меня выгнать отсюда своим прыгушкам? — Не выгнать, — отвечала Прозерпина, а заставить тебя почтествовать, что танцование всего почтеннее. Я сама, бывши на свете, повседневною была свидетельницею, что хорошего танцмейстера лучше принимают, нежели заслуженного офицера, и что в нынешнем просвещенном свете, вообще, хорошие ноги в большем уважении, нежели хорошие головы.

После такого изрядного объявления бедный Плутон не знал, что делать, и лишился удовольствия наказать тонконового тунеядца, которому препоручила богиня составить свой двор. Едва окончился их спор, как предстали пред Плутона доктор, и доносили его бессмертию, что адеские судьи совершенно здоровы: смеются, ходят, поют и едят, но что двое из них навсегда оглохли, а третий невозвратно лишился ума, итак, куда приказано будет их поместить? Плутона не мало беспокоил сей вопрос, и он не успел еще сделать решения, как предстал пред него один дух, который просил его именем судей, чтобы позволил он им судить попрежнему тени, что еще в большее привело замешательство бедного Плутона, и он совсем не знал, что делать.

Прозерпина советовала ему, чтоб из уважения к их службе, несмотря на то, что они повредились, оставить их на прежних местах, и что лучше иметь каких-нибудь помощников, нежели самому за все дела приниматься. Плутон, может быть, и сам бы на это покусился для своей живописи, но он боялся Юпитера, которому не преминул бы Меркурий наущничать по своей склонности. Танцмейстер, под покровительством Прозерпины, подал следующий голос: — Ваше адеское величество, — сказал он: — хотя я, живши на свете, более прыгал, нежели вмешивался в политические дела, но слух о

¹ Богини мести.

² Т. е. севтенциями — наставлениями.

многих из них доходил до моих ушей, и я несколько успел узнать политические поступки в таких случаях. Мне кажется, что хотя Минос, Родомант и Эак танцовать не умеют, однако я признаюсь, что долговременная их служба уважения достойна; а всего важнее, что между ими есть сын Юпитеров, то вам, не обидя батюшки, нельзя сынка отставить от места; также по слабости их нельзя им поручить и отправление важных дел, не подвергнув их тем замешательству, почему остается вам один способ, чтобы, оставя при них прежние их достоинства, не давать им власти, и все дело состоит в том, чтоб приставить к ним умного секретаря, которой бы вместо их рассматривал дела, а они бы подписывали то, что он им скажет.¹ Все присутствующие похвалили его предложение, за что отвесил он многим по пренежному поклону а л а м и н у е т, которые сделали его в глазах женщин совершенным умницею.

— Ах! какое это сокровище! — вскричала Прозерпина: — если бы он вечно рта не открывал, то всякой бы его шаг доказывал, что его умнее никого нет на свете. Сам Плутон должен был признаться, что Фурбиний превеликой политик, и обещал приказать списать с него утлём портрет для своей галлерей.

Но чтоб довести свое предложение до совершенства, Фурбиний обещался судьей выучить танцовать. — Это очень нужно — говорил он, — чтоб секретари знали бумаги, а судьи бы хорошо танцовали. — В нашем свете, — продолжал он, — таковой судья получает покровительство женщин, и делает из себя важную особу при дворе. Он виден на всех балах, во всех маскарадах, и во всех гуляньях, а между тем гремит скорыми решениями своих дел. Публика дивится его проворству и расторопности; все вычитают время его упражнения и находят, что он в сутки не более должен спать двух часов. При дворе делают о нем заключение, что это существо произведено целыми веками с тем, чтобы служить украшением двору, делать честь отечеству своими сочинениями и быть славнейшим министром. Все кричат: ах, как он хорошо танцует! какой

он умница! какой исправной судья! и какой редкой сочинитель! но отними у сего чуда природы его секретаря и человека три ученых, которых труды издает он под своим именем, то останется при нем одно танцование, коим приобрел он такую уверенность.

— Чувствуешь ли ты теперь драгоценность сего искусства, — сказала Прозерпина своему мужу: — и не согласишься ли сам, что непременно надобно из Елисейских полей вытолкать всех древних мудрецов и героев, не умеющих танцовать, а на место их поместить туда одних танцмейстеров... Она бы еще далее продолжала, если бы не вбежали к ним опрометью наши три судьи.

— Ваше адское величество, — сказал Эак, подошедши к Плутону, — древность моих лет и долговременность нашей службы не такою достойною награждения, чтоб отдать нас на мучение трем палачам, которые едва нас вновь не уморили своими дьявольскими лекарствами, тогда когда мы не чувствуем никакой болезни; разве смеются над нами, что в то время, когда более обыкновенного приходит сюда теней и кучами теснятся на нашей площади, а что всего достойнее уважения, когда сильнейшая охота напала на нас судить, тогда мы заперты в какой то негодной карантин и содержимся как бешеные. Или выпустите нас вон из Ада, или посадите попрежнему на наши стулья. — Я тысячу раз виноват пред вами, любезные друзья, — отвечал Плутон, но мне донесено, что двое из вас оглохли, а ты, Минос, сошел с ума. — Как! я сошел с ума! — вскричал Минос, который тогда пускал на воздух водяные пузырьки. — Какая ябеда!... О боги! сделайте, чтоб все мои пузырьки посели на нос тому, кто называет меня безумным. Если хотите знать, ваше адское величество, — продолжал он, — так я никогда так умен не был, как ныне, в чем свидетельствуюсь тем, что я выбрил бороду, ношу французские кафтаны и сделался любим многими женщинами, которые прежде терпеть меня не могли за мою угрюмость... Пустите, пустите меня на мой стул; вы увидите, какой новой вид я дам моему суду; все красавицы, которые прежде подвергались

¹ См. басню Крылова «Вельможа».

здесь штрафу за свои непорядки, и все славнейшие Лансы нынешнего света будут видеть здесь во мне покровителя, и всякая хорошая женщина впредь может откупаться у меня от наказания тем, чем в открытом свете у судей часто находят они себе покровительство; одни только упрямцы будут мною жестоко наказаны.

— Я хочу быть сама сумасшедшая, — сказала Прозерпина, — естли он сошел с ума. Ты сам согласишься, жизнь моя, что он никогда так умно не суживал; я до сих пор всегда взирала с оскорблением, что здесь хорошим женщинам пред дурными никакого не делается отличия, и что наши судьи имели жестокость равнодушию с ними обращаться; напротив того, в просвещенном открытом свете совсем не то. Там прекрасные женщины избавлены от всякой опасности и часто выигрывают самые трудные дела. Красота после золота для многих судей есть второй камень соблазна... — А особливо, — перехватил италианец, — те, которые знают хорошо танцевать, очень сильны в большом свете: они нередко судами ворочают для того, что их не только простолоудимы, но и чиновные боятся.

Плутон со всеми их доказательствами видел, что донос на судей справедлив; но, уважая жену и их службу, сказал, что чрез шесть часов сделает он решительное определение. Прозерпина и италианец не мало старались помочь ему своими советами, но приметя, что он не на шутку занят, ушли все на половину богини, чтобы там открыт бал, к которому и трое судьи приглашены были; и так оставили спокойно рассуждать одного бога теней.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ, ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Свадьба моего дорогого Припрыжжина кончилась; он отделился от своего отца, сделался самовластным господином шестидесяти тысяч р. дохода и носит имя мужа первой во всем городе красавицы. — Щастливое состояние! — скажет кто-нибудь, — иметь богатство и прекрасную жену! Я и сам признаюсь, что трудно удержаться, чтоб этого не подумать, видя

Он не долго ломал голову, каким образом поступить в сем обстоятельстве, и сделал такое дело, которое много произвело шуму в Аде. В шесть минут повелением его поставлены были преогромные полаты с надписью: Ч и н о в н а я б о г а д е л ь н я, в которых приказал он поставить стулья для судей, одеть их, как кукол, и накласть перед них мюжество игрушек. Многие тени уставлены по всем лестницам, чтобы судьям кланяться, когда они проходить будут к своим стульям, где попростому должны они будут судить теней; но с тою разницею, чтобы по их приговорам не делать ни одного решения, а чтоб не наделали они каких шалостей, то к сей богадельне приставлен надзиратель с предлинною палкою, у которой на конце навязан пучок крапивы: ею должен он их бить по рукам, если примутся они не за свое дело, а чтобы их более занять, то велено им наблюдать прибыль и убыль в Стиксе, Ахероне и Коците,¹ сочинять о том ежедневную записку, делать свои рассуждения и подавать голоса, чтоб удерживать в берегах их воды, которые и без того из берегов никогда не выходили. Им растолковано, что от них зависит спасение всего Ада, и наши бедные судьи беспрестанно ломают голову, чтоб уменьшать прибыль здешних рек, хотя они никогда не грозят наводнением. Сии то важные дела занимают ныне наших судей, и они наперерыв стараются подавать голоса и делать примечания. Надзиратель берет оные всегда с уважением и относит к Плутону, который отдает их Прозерпине на завивные бумажки.

сию молодую чету; но ты увидишь, любезный Маликульмульк, можно ли это сказать, зная их жизнь.

Свадьба сия продолжалась с таким же великолепием, с каким началась. Как пмя невесты и жениха всегда имеет нечто привлекательное, и они более

¹ Реки в мифическом Аду.

других обращают на себя взоры людей, то молодая Неотказа ничего не упустила в нарядах и ужимках, что б могло пленить свидетелей ее свадьбы; равным образом и Припрыжкин не менее ее старался о жемчужинах, и они оба столь были заняты наукою нравиться, что им едва оставалось время взглянуть друг на друга. Со всем тем казалось, что они чрезмерно восхищены своим счастьем, и ничего более не желают, как той минуты, которая кончит их свадьбу. Минута подлинно блаженная, естли невеста и жених в первый еще раз оную чувствуют, и ею начинается новый человеческий век; но в нынешнем свете и в здешней земле, любезный Маликульмульк, редким девушкам брак кажется новостью; они по большей части такие философки, что во всем находят скучное повторение; и естли бывает некоторым из них мило супружество, то, конечно, не новостью, а разве свободою, которую оно с собою приносит.

Между тем, как все гости утопали в веселостях, музыка гремела, вины составляли многих шататься около буфетов; а другие помогали своею непорядочною скачкою расстроивать веселые танцы молодых господ и господчиков; и между тем, когда казалось, что всякой принимал участие в благополучии новобрачных, хотя у многих карты и вино выбили из памяти и жениха и невесту, я приметил, что она ушла в свою комнату с одною из молодых своих знакомок.

Желая узнать невестино мнение о сем супружестве и заключая, что в таких уединенных разговорах не может быть ничего пустого, скрылся я из гостиной комнаты и, сделавшись невидимым, вошел в уборную молодой Неотказы. Я застал ее с тою же незнакомкою, с кою она ушла от гостей, и они обе хохотали, как безумные. — Признайся, любезная Бесстыда, — говорила своей подруге Неотказа, — что изо всех мужчин моего женишка трудно сыскать глупее! вообрази себе, какое счастье иметь мужем такого фаялю,¹ которого в день можно по сторуаз обманывать. — Признаюсь, — отвечала Бесстыда, — что я завидую твоему

счастью, а мне так сватают какого-то урода, которого я терпеть не могу; одно только то, что он умен, делает мне его несносным. Подумай, жизнь моя, сносен ли такой муж женщине нынешнего света: я умру с досады, естли батюшка и матушка не переменят своего слова. — Да, я советую тебе, как можно, отвязаться от такого женишка, — сказала Неотказа, — я не один раз слыхала мнение о замужестве моей матушки (ты ведь знаешь, что старушка моя не дура): она говорит, что естли муж и жена умны, то в доме никогда не бывает добродушному согласию, для того, что никто из них слепым быть не захочет; а когда оба они глупы, то должно ожидать скорого разорения их дому; но чтобы составлять счастливые семейства, надобно неотменно или дурака женить на умнице, или умному брать дуру: тогда-то одна половина может веселиться, а другая, разина рот, будет ожидать повелений или довольствоваться мнимою властью, между тем, как ее за нос водят... Итак, по сему правилу, любезная Бесстыда, без хвастовства сказать, ты видишь, что нам с тобою умные мужья не под пару. — Сему-то правилу и я бы желала следовать, — сказала Бесстыда, — но, к несчастию, мои старики совсем не такого мнения о супружестве, как твоя матушка, и я думаю, что они бы меня давно уморили своею строгостию, естлиб добрая моя мадам не помогала мне их обманывать столько, сколько мне угодно, и я признаюсь, — продолжала она, — что с тех пор, как французы взяли под свое покровительство наше юношество, оно чувствует не малое облегчение в скучной неволе, и всякая наша девушка под присмотром искусной французенки в пятнадцать лет становится хитрее своей матушки, с тою притом разницею, что, насмехаясь всем скучным предрасуждениям своих бабушек, не запинаясь она совестью на всяком шагу своих тайных приключений. Я сама, будучи поставлена на такой ноге моею надзирательницею, с терпеливостию сносила скучные годы моего девичества; но с того времени, как она от нас отошла, почувствовала я всю строгость родительского присмотра, и с великою нетерпеливостию жду какого бы то ни было

¹ Престака.

жениха, надеясь, что супружество, по крайней мере, облегчит мою неволю. — Не думаешь ли ты, — перехватила Неотказа, — что мне более твоего оказывают потворства? О, как же ты мало знаешь мою матушку! Я думаю, что во всем свете нет строже этой хрычовки; вообрази себе, что она в день пе отпускала меня от себя более, как на два часа, и то только тогда, когда уходила сама в особую комнату с молодым Лицемеровым читать молитвы. Признаться надобно, что я потеряла из сих двух часов ни одного без удовольствия; но со всем тем тайные веселия мне уже наскучили, и ты не поверишь, жизнь моя, какую надобно всегда иметь осторожность от матери: дочери гораздо легче обмануть самого строгого отца, нежели мать, которая сама проходила всю школу света, и помня старину, знает, какие хитрости употребляются для обманов. Естьли ж она не препятствует своей дочери в некоторых забавах, то это, конечно, не от того, чтоб не знала к тому способов, но или ленится, или не имеет времени, протверживая очень часто сама веселые зады любовной азбуки. — Ха, ха, ха! как ты злоречива, — говорила со смехом Бесстыда, — ты не щадишь и своей матушки! — Вот какое дурачество! щадить мать! — отвечала Неотказа, — эти старушки думают, что они только одни могут пользоваться всеми веселостями и выгодами нашего пола, а дочери их рождены сидеть в конурках, постыться вместо их и молить за их грехи. О! нет, я всегда вела себя на такой ноге, что мне не только за чужие, но и за свои согрешения умаливать очень мало оставалось времени; да и вперед с таким болванчиком, каков мой будущий муж, не надеюсь я много минут иметь для набожности. Глупой муж, любезная Бесстыда, в нынешнем свете для набожной женщины служит не малым поводом к соблазну. Надобно быть слепою, еслили не рассмотреть, что мой Припрыжкин глупее всех своих знакомых; что ж касается до его лица, то каков бы хорош жених невесте ни казался, но неделю спустя после свадьбы наверно всякой мужчина в глазах ее будет казаться приятнее мужа. Трудно не видеть, что все мужчины не для чего иного ищут дружества мужа, как

желая покорооче свести знакомство с женою; они делают ей тысячу услуг, которые принимает он за знак уважения к нему; они за нею машут, а он тем гордится; они почти при нем открывают ей свою страсть, а он, почитая ее второю Лукрециею, восхищается их неудачею и ее мнимою верностию. Надеясь на ее сердце, он спокойно ее оставляет и делает ей многие измены, почитая одних только женщин обязанными в постоянстве; одним словом: он во всем ей верит, почитает ее слепою в рассуждении своих поступков и допускает своих друзей стараться развращать ее в ее мнимой непоколебимости. Надобно, говорю я, жизнь моя, не иметь глаз, чтоб не видеть всего этого, и надобно иметь каменное сердце, чтобы сим не пользоваться. Да полно, я на себя не буду пенять в сем случае; я уже давно расположилась, каким образом жить в свете, и мне нужен был только такой простячок, которой бы назывался моим мужем и отнюдь не вмешивался бы в мои дела. Судьба услышала мою молитву, и любезной мой Припрыжкин, право, кажется, может быть мужем всякой умной женщине. Изю всех его поступков ни один не показывает в нем умного человека. Кажется, он более занят своими прыжками, нежели мною и нашею свадьбою; а это мне подает добрую надежду, что он чаще будет смотреть за своею каретою, нежели за своею женою. — После сего продолжали они с язвительнейшими ругательствами и насмешками описывать всякую черту бедного Припрыжкина. Молодая Неотказа выдумывала планы своему хозяйству; назначала из мужнина гусара, малого рослого и довольно пригожего, сделать главного правителя домашних своих дел, а из мужа дворецкого; и я имел причину думать, что бедному Припрыжкину не только не удастся с танцовщицею поделиться жениными доходами, но едва ль и своими собственными всеми пользоваться ему дозволят.

Они бы еще долее продолжали свои рассуждения, еслили бы не векочил в комнату молодой господчик, одного покроя с г. Припрыжкиным: тушей его наполнил новым благоуханием всю комнату, блестящие пуговицы умножили в ней

свет, и казалось, что сама Арахна¹ трудилась над его манжетами.

— Жестокая! сказал он Неотказе, как ты мне изменяешь, и мой р и в а л ь² предпочтен мне, в то время, когда я уже совсем разорился на щегольство, единственно для того, чтобы тебе нравиться!

— Перестань дурачиться, любезный Промет! — сказала Неотказа: — ты подымаешь в моей голове в а п о р ы³ своими восклицаниями... Ты право сам не знаешь своих выгод, когда жалеешь о том, что я выхожу за Припрыжкина.

— Нет, неверная, — отвечал с досадою ее любовник: — мне уже не жаль тебя; но жаль своих трех тысяч душ крестьян, которые продепансировал⁴ я на то, чтоб тебе угождать, надеясь загладить некогда сей убыток твоим приданым. Познай, бесчеловечная, — продолжал он с трагическим восклицанием, показывая ей правую руку, усеянную перстнями: — познай, что на этих пальцах сидит мое село Остатково; на ногах ношу я две деревни, Безжитову и Грабленную; в этих дорогих часах ты видишь любимое мое село Частодавано; карета моя и четверня лошадей напоминают мне прекрасную мою мызу Пустышку; словом, я не могу теперь взглянуть ни на один мой кафтан и ни на одну мою ливрею, которые бы не приводили мне на память заложенного села, или деревни, или нескольких душ, проданных в рекруты, дворовых. А всему этому ты причиною, и ты за всю мою любовь платишь мне неверностию; но какую еще неверностию, жестокая! Я бы тебе позволил тысячу раз мне изменять, но только бы не выходить за другого.

— Ах! как же ты скучен, — отвечала Неотказа, — ты пришел меня уморить своими выговорами. (Заметь, любезный Маликульмульк, что подруга ее давно уже вышла). Скажи, пожалуйста, какие находишь ты выгоды в нашем супружестве? Подумай, можно ли мне одним моим приданым содержать пышно и себя и мужа; не гораздо ли лучше, если я награжу твой убыток из Припрыжкинаго именина.

Ты дурачишься, жизнь моя, естли не хочешь пользоваться его доходами, имея столько разума, не можешь не с одним мужем делиться. Оставь, пожалуй, свой томной вид, и подумай лучше, как бы поскорей после нашей свадьбы познакомиться с моим мужем: он, право, человек неопасной, и мы можем с тобою так же быть счастливы, как были прежде; беда только вся в том, что я не буду твоею женою, но это не так-то жалко: ведь жена не всякая приносит с собою чины мужу, а мне мой муж принесит верную выгоду называться графинею.

— Итак, ты мне не изменяешь! — вскричал с радостью Промет: — ты меня любишь! Когда так, то, пожалуй, выходи за Припрыжкина; после этого объявления никакой муж мне не страшен... Любезная Неотказа! теперь я познаю, что ты редкая женщина в постоянстве.

— Конечно, — отвечала Неотказа, — будь уверен, жизнь моя, что мужа я всегда иметь намерена; но тот, кто мне мил, никогда не будет моим мужем. Естлиб я и овдовела, то ты не прежде можешь назвать меня неверною, как разве тогда, когда предложу я тебе мою руку: это будет ясный знак, что мне уже не ты, но одно твое имя нужно. После сего уверения она доказывала всеми способами к нему свою любовь, и старалась, как могла, его утешить.

Бедные мушине! думал я сам себе; вот та власть, которая, по вашему мнению, дана вам природою над женщинами, и вот верность, которую вы имеете право от них требовать! Продолжайте думать, что женщины не для чего иного выходят за вас замуж, как для того, что вам страстны и желают спокойствия под вашими законами. Продолжайте думать, что им необходимы подобные мужья, чтоб предводительствовать их слабым умом и утешать в них худые склонности; и что они в вас ищут приятных друзей, нежных отцов и верных любовников. Продолжайте наслаждаться столь легкой мечтою, а между тем работуйте им, нимало не примечая своих оков. Думайте, что вы их господа, и будьте их игрушкою. Говорите, что их жизнь и счастье от вас зависит, но в то же самое время просите от них робким взором сво-

¹ Мифическая пряжа.

² Соперник.

³ Туман.

⁴ Растратил.

его счастья, а иногда и самой жизни. Не показывает ли вам сей пример, что они не для чего иного ищут носить ваши имена, как желая употреблять оное во зло, чтоб избавиться от строгости родителей, которые сами часто думают, что исполнили со всею святостию свой долг, если дочь их до замужества была честною девушкою, и никогда не заботятся о том, чтоб была она честною женою; а молодые женщины, сделавшись свободными, последуют в верности примеру своих мужей, которые едва не первые ли бывают развратителями их добродетели, и я не знаю, почему мужчины не почитают себя столько же обязанными в верности, сколько требуют того от женщин. Кажется, всякой муж своими поступками говорит своей жене; «Ты не столь пылкого сложения, как я; твой разум основательнее моего: ты не так легковерна и скоро; сердце твое не так нежно, и чувства твои не столь склонны к утехам; а для того-то ты должна подавать мне пример в верности и извинять тысячу измен, которые я тебе делаю, слабостию и легкомыслием моего пола, и приписывать то свойственной всякому мужчине ветренности». Вот что думают и говорят мужчины; но едва ль не женщины имеют право это сказать.

Я еще продолжал мои рассуждения, как вдруг вошла в комнату мать Неотказы и очень была не довольна гостем, которого застала у своей дочери. Он не замедлил выйти и оставил бедную Неотказу с своею матерью. Я опасался, чтоб не последовало какого жалостного явления; но дело все прошло очень тихо. Горбура только побранила свою дочь и дала ей свои матерние советы в рассуждении ее поведения.

— Не стыдно ли тебе, — говорила она ей, что в твои лета ты так глупа, как ребенок, и накануне своей свадьбы делаешь такие дурачества, которые могут и тебя и мать твою ввести в великие хлопоты? Такое ли давала я тебе наставление? Не говаривала ли я тебе, что ты до замужества должна быть ангелом, а после того будь хоть дьяволом, если захочешь: тогда уже ничто тебе не грозит век засидеться в девках; к счастью, что твой жених теперь танцуя давно позабыл о

тебе, что ты ушла из комнаты: ну, если бы он, приметя это, вздумал подозревать, пошел бы сюда за тобою и нашел бы тебя с товарищем, которой и лучшему мужу может подать подозрение; посуди, что б из этого вышло? Ты была бы оставлена; свадьба бы ваша разорвалась, и нам всем нанесло бы это стыд и бесчестие. Любезная Неотказушка! я люблю тебя; но, воля твоя, до замужества не дам тебе шалить. Покуда ты в девках, то я за тебя отвечаю; вышедши замуж, делай себе, что хочешь, тогда уже никто меня не может упрекнуть в твоём поведении, и каково бы оно ни было, мужчины все тебя извинят, а из женщин одни только твои соперницы поносить тебя станут. Мы сами бывали молоды; но в старину всегда более расчёту держались: тогда девушку до ее замужества редкие видали, и всякая из них не выезжала из двора иначе, как разве показав свою набожность. Впрочем, мы по десяти месяцев сидели дома, в которые и бог знает что с нами дельвалось; однакож со всем тем ко всякой из нас сватывалось множество женихов: столько-то мы казались добродетельными; а в нынешнем свете так, право, и самая честная женщина кажется подозрительною. Я было тебя совсем по старине воспитывала и радовалась, что слышала о тебе многие похвалы, которые не давала тебе опровергать твою ветренность, и хотя ты, может быть, не всегда была их достойна, но самолюбие мое, извиняя слабость нашего пола, довольствовало и тем, что публика была о тебе хорошего мнения, которое чуть было ты ныне не истребила своею неосторожностью. Воздержись, любезная Неотказа! тебе еще восьмнадцать лет; подумай хорошенько, что ты завтра будешь самовластною госпожею, и можешь наградить те скучные семь лет, в которые, может быть, чувствительно тебе было мое надзиранье. тридцатью годами и более веселой жизни. — Неотказа, поблагодаря свою добренькую матушку за такие спасительные советы, обещала ей вечно быть добродетельною и обещала то с таким жаром, который и меня уверил, что она двадцати восьми часов не переменит своего слова. После сего они вышли из комнаты к

гостям, которые едва приметили ль их приход, равно как и выход.

Лишь только окончились свадебные обряды, как Неотказа, воспитанная в экономии, вздумала принять в свое правление дом. Припрыжкин, почитая в ней простую женщину, которая займет у него место ключницы, был ей рад, как кладу; но она так, как исправный казначей, умела пользоваться своим местом, и я увидел, что он очень ошибся в двадцати тысячах, которые обещал танцовщице. Из экономии, всякая истраченная им полущка исправно ставится на счет, и бедный Припрыжкин очень дурно получает свои доходы; Неотказа ласковыми своими с ним поступками и своим против его притворством довела его до того, что он ей не смеет и заикнуться о больших деньгах, и не редко очень негодует на ее экономию, между тем как она не только свои, но и его доходы делит по полам с Промотом, которой вкрался к Припрыжкину в совершенную дружбу.

— Ну любезный друг! — сказал я ему недавно, — доволен ли ты теперь своею женидбюю? — Нет, чорт меня возьми, — отвечал Припрыжкин; — я нимало ею не доволен; я думал получить в жене молодую женщину нынешнего света,

которая бы с удовольствием мне помогала проживать имение, но судьба наказала меня самую скучною половиною. Моя жена воспитана в предрасеуждении женщин; она за грех ставит издержать лишнюю копейку; по ее мнению, самое святое дело есть то, чтоб избегать роскоши, быть верною и усердною к своему мужу и беречь, чтобы и он ей был верен; а это заставляет ее часто удерживать меня дома, ибо с красотою моею, как она говорит, в нынешнее время очень опасно показываться в обществах, когда женщины ищут всех способов соблазнять мужчин: итак, в ее угодность я нередко просиживаю по целому дню дома, между тем как она объезжает богадельни и больных своих знакомых; часто усердие доводит ее до такого восторга, что она приезжает домой вся в поту и с помутившимися глазами; я, право, боюсь, чтоб подле ее и я не сделался набожным: впрочем, я ею доволен и по крайней мере надеюсь, что мой лоб избавлен от общей участи почти всех мужей нынешнего века.

Вот что говорит Припрыжкин о своей жене, любезный Маликульмульк, но ты можешь отгадать, верю ли я его словам и набожности его любезной супруги.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ, ОТ ГНОМА БУРИСТОНА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Третьего дня, любезный Маликульмульк, перелетел я ближний остров из старого, в котором был прежде. Нетерпеливость удовольствоваться странное желание Плутона принудила меня сделать немалый скачок; но я думаю, что и еще триста таких скачков не наведут меня на желаемую находку.

Со всем тем, не совершенно отчаяваясь, на сих днях утром прохаживался я по одной из знатнейших улиц здешнего города и вдруг увидел перед собою великолепный дом, у коего было многочисленное собрание народа, желающего туда войти. Множество изуродованных стариков старались перегиать здоровых, и хромые, припрыгивая на своих костылях, завидовали безруким, которые их выпереживали. Между тем подюжинны сильных лошадей привезли небольшой

ящик, в котором, как показалось мне, положена была человеческая фигура из разных цветов мрамора. Боже мой! сказал я моему хозяину (он делал мне честь прохаживаться со мною): или ваши лошади очень слабы, или жители здешнего острова безрасчетны, что впрягают шесть таких сильных тварей под одну каменную статую, в которой весу не более двадцати пяти пуд. — О какой статуе изволите вы говорить? — спросил у меня хозяин: — здесь не вижу я никакой статуи, — продолжал он, а этот табун лошадей привез сухощавого человека, в два аршина и два вершка ростом, в коем весу не более сорока шести или осьми фунтов. После сего еще другие табуны лошадей, подвозя таких же чудных творений, пылили своим топотом глаза нескольким бедным людям, кои тащили на себе пре-

величайший камень к строению какого-то публичного здания.

Государь мой!—сказал я моему хозяину:—пожалуйте, растолкуйте мне это странное обыкновение: для чего здесь множество лошадей возят на себе одного человека, который, как я вижу, сам очень изрядно ходит, а, напротив того, тяжелый камень тащат столько людей, сколько числом и лошадей поднять его едва в силах? и не лучше ли бы было, чтобы, отпрягнув от этих ящиков хотя по несколько бесполезно припряженных лошадей, употребить их на вспоможение этим беднякам везти камень? — Я не знаю, сударь, — отвечал хозяин, — почему здесь десять человек тянут часто ста по два пуда, и почему шесть лошадей тащат машину с руками и с ногами в шестьдесят фунтов; но то знаю, что всякой из сих надутых тварей почет себе величайшим оскорблением, если отпречь хотя одну лошадь от его ящика, и что многие из здешних жителей мучатся по пятидесяти лет и более, только для того, чтобы нажить шестерку лошадей, которая бы тащила их истощившуюся мумию. — Но какая выгода сих господ, — спрашивал я, — перед теми, коих возит одна пара? Та, — отвечал он, — что они нередко, пользуясь своею шестернею,¹ сминают их на дороге, а притом и все пешеходцы отдают всякой шестерне всевозможное уважение и уступают скорее дорогу для того, что она одна, проезжая мимо их, может вдруг десятерых забрызгать грязью с ног до головы. Посмотрите, как все прихожие у этого дома теснятся и мнут друг друга, чтобы не быть задавленным прискакивающими ежеминутно табунами? — Вижу, — отвечал я:—но скажите мне, какое здесь собрание, и что это за дом?... не храм ли? — Нет. — Не театр ли? — Нет. — Так не аукционная ли комната? — И то нет, — отвечал мне хозяин: — а все это вместе. Храмом можно назвать этот дом потому, что всякое утро бывает в нем поклонение живому, но глухому и слепому идолу; театром потому, что здесь нет ни одного лица, которое бы то гово-

рило, что думало, не выключая и самого сего божества; а аукционную комнату потому, что тут продаются с молотка публичные достоинства. Итак, некоторые из сего народа, бродящего в комнатах и на крыльце, приехали сюда для того, чтобы сделать поклонение сему идолу и потом надуться гордостью, естли он хотя нечаянно на них взглянет; другие затем, чтобы с улыбкою уверить его о своей дружбе тогда, когда стараются они ископать для него тысячу погубелей; а третьи прискакали с поспешностию, чтоб набивкою цены перехватывать друг у друга публичные места, которые его секретарь и старшая любовница продают с молотка во внутренних своих комнатах. — Теперь вы видите, продолжал он, — что это дом знатного барина, а правда ли то, что я вам говорил, то естли вы туда войдете, вся эта толпа будет вам служить очевидным свидетелем. — Но когда можно туда войти? — спросил я. — Вы еще и теперь успеете, — отвечал он, — на дворе очень рано, сюда только что начали съезжаться; вот еще восьмнадцать скотов притащили трех бесполезных человек. Ступайте скорее, естли вы любопытны: там сегодня прекрасное собрание. И я, не медля нисколько, продрался в покои.

Многочисленное общество здоровых и изуродованных бедняков наполняли переднюю комнату; бледные их лица и изодранные платья показывали, сколь нужна была им помощь; вольность и веселые были изгнаны из сих печальных стен; многие женщины плакали, рассказывая о своих несчастиях близ стоящим, но редкие им сострадали, а всякой занимался более своими собственными злополучиями. Отягченные усталостию и летами старики облокачивались своими седыми головами о холодные стены, и в дремоте забывали о и вельможе и о своих бедствиях, доколе большие несчастливцы не разрушали слабого их забвения своим оханьем. Некоторые женщины приводили туда своих младенцев, конечно, для того, чтобы более возбудить о себе сожаление в вельможе. Бедные матери, чтобы утешить своих детей, которые просились домой, давали им куски черствого и засохлого хлеба, и множество го-

¹ Пользоваться шестерней имели право только высшие чины.

лодных просителей с печальною завистию смотрели на ребенка, который, может быть, доел последний кусок в своем доме. Словом, прихожая сего барина походила более на больницу убогого дома, нежели на комнату знатного господина; и в самых темницах, любезный Маликульмульк, едва ли можно найти более бедности и уныния.

— Не ошибкою ли я сюда вошел? — спрашивал я близ меня стоящего старика: — мне сказали, что это комнаты его превосходительства. *** — Точно, сударь, — отвечал старик: — это его прихожая или лучше сказать проходная: ибо он только через нее проходит к своей великолепной карете, не успевая и взглянуть на множество бедных просителей, которых обманчивая надежда не замедливает приводить в его дом. — Как! — вскричал я, — и его окаменелое сердце не трогается воплем сих несчастных женщин, сих стариков и изуродованных просителей! Он имеет жестокость не внимать их стонам! — Внимать, сударь! — говорил печально старик: — они ими утешаются: множество просителей составляет великолепие вельмож, и они непрерыв стараясь накапливать их большее число, поманивая иногда пустыми обещаниями. Я сам, государь мой, я сам поседел на этой скамейке; целых 20 лет я был зрителем и действующим лицом сего плачевного театра, однакож еще и ныне ни чуть не надеюсь скорого решения моего дела, которого со всем тем оставить мне никак не можно. Я вижу, — продолжал он, что вы еще новы в здешнем месте. — Это правда, — отвечал я, — и я бы просил вас удовольствоваться в некоторых вопросах мое любопытство... Скажите мне, что это за бумаги, которые друг другу показывают многие находящиеся в сей комнате. — Это бумаги, — говорил старик, называемые просительными письмами; просители стараются как можно чище и красноречивее их написать: они самими живыми красками доказывают в них свою бедность, или несчастия, которые иногда столь ясно описаны, что могли бы иметь успех и у самого жестокосердого вельможи. — Они, конечно, смягчают, — спросил я, — сих бояр? Нимало, — отвечал старик, — знатные имеют предосто-

рожность не заглядывать в сии письма, и потому-то красноречие самого лучшего писателя остается без действия. В сие время услышал я позади себя оханье одного безногого, который сидел в углу комнаты, и я осмелился спросить у него о причине столь великой его горести. — Я вздыхаю, сударь, о том, — отвечал он мне, что у меня оторвали ногу, а не голову: я бы вечно не знал, что такое есть прихожая знатных. Года с четыре назад, — продолжал он, — некоторый знатный господин предложил мне вступить в военную службу. Он описал мне самыми разительными словами, какую могу я сделать пользу своим землякам, сделавшись хорошим воином; сердце мое наполнилось тогда жаркою любовью к отечеству, и я, оставя торговлю, посвятил себя войне. Имея отважный дух, всячески стараясь я оказывать себя во всех сражениях, покуда пушечное ядро не наказало моего безумного бешенства: оно унесло мою ногу, а с нею вместе и покровительство моего начальника, которому нужны были любимцы с обеими ногами. Мне однакож сказано, что я могу иметь пропитание от отечества, которому жертвовал собою. Наконец, я уволен от службы, нажив в оной 30 ран и деревянную ногу. С таким то прекрасным доказательством моей храбрости явился я к сему вельможе. Он очень учтиво меня принял и обещал мне выходить порядочное пропитание; с такою радостною надеждою таскаюсь я к нему уже четыре года на моей деревяшке; но он иногда изволит меня увещевать, чтоб я пообождал до случая, выхвалая передо мною самыми отборными словами терпение... Я верю, что его похвала прекрасна и красноречива, но верю также и тому, что я современем, к его славе и к чести моего отечества, умру в этой прихожей с голоду... — Едва окончил он свою повесть, как голосов шесть закричали: — вот он! вот он! — и все зачали обступать какого-то толстого человека, который с довольною гордостью отвечал на низкие поклоны заслуженных стариков, которые гнулись перед ним до пояса... Я продирался, как мог, сквозь просителей, и не успел еще: протраться, как они опять закричали он ушел! — Кто это был, — спрашивал я

у них: — не сам ли его превосходительство? — Нет, — отвечал мне какой-то ослиный голос: «это его комнатный служитель, которого мы просили, чтобы он доложил об нас его превосходительству; но нам сказали, что он сам скоро выдет, и что велено уже подавать карету».

Тогда многие зачали вновь перечитывать и готовить свои письма, а я между тем пошел далее, и, прошед комнаты через две, увидел совсем другое зрелище.

Я вошел в комнату, которая вся наполнена была чиновными и богатыми, которые с гордостью смотрели друг на друга. Там богатый откупщик стоял нерадиво у окошка и выслушивал повесть у чиновного; надутой гордостью судья зевал в креслах, между тем как перед ним молодой офицер рассказывал о своих двадцати победах: как он переколотил своею рукою 700 человек неприятелей и выломил городские ворота, не получив ни одной раны, за что, будучи одобрен евидетельством своего дядюшки, и под покровительством своей бабушки, приехал просить богатого награждения. В другом месте стихотворец, надув щоки, читал с важностию ничего не значащие свои бредни, которые украсил он именем его превосходительства, прописывая, что он, не имея в виду никакой корысти, подносит ему свои труды, как покровителю наук, который никогда не оставляет дарования без награждения; или, лучше сказать, он начинал свое письмо хвалою своему некорыстолюбию, а оканчивал тем, что просил за свою книгу хорошей платы.

Сей последний сделал мне честь своими учтивостями и, подошед ко мне, показывал свое приношение. Это была книга о златом веке; я прочел в ней несколько строк, в которых автор, браня изо всей силы нынешние времена, выхвалял те годы, которые были за 30 000 лет до нашего времени.

— Я сомневаюсь, — сказал я ему, — понравится ли ваша книга его превосходительству: вы в ней хвалите такой век, в котором не было ни бедных, ни богатых, ни знатных, ни просителей, — и подносите ее знатному вельможе.

— О! это ничего, сударь! — отвечал

мне автор: — наши вельможи держат у себя в библиотеках самые прекрасные нравоучения и самые острые критики; но со всем тем никогда не жалуются на авторов, для того, что их не читают. Здешнему вельможе можно, не опасаясь нimalo, поднести на него самого три тома сатир, за которые иногда из тщеславия заплатит он деньги и отдаст своему библиотекарю.

— Как! — спросил я, — кто ж у вас читает Платоновы сочинения о должностях, Наставление Политикам, О состоянии земледельцов и О звании вельмож?

— Купцы и мещане, — отвечал автор, — а вельможи читают веселые сказки, детские выдумки и шуточные басни.

— Так поэтому, — сказал я, — вы бы лучше сделали, еслиб поднесли ему какую-нибудь книгу такого содержания.

— О как вы мало знаете свет! — вскричал автор: — поверьте мне, сколько бы ни веселила его такая детская книга, но он заплатил бы за нее одним презрением, и сколько бы, напротив того, ни скучна была книга под нравоучительным названием, но я, конечно, бы был изрядно за нее заплачен: наши вельможи совсем не таковы в свете, каковы в своих кабинетах; в публике часто они бранят то, что у себя жалуют, и часто наружно хвалят то, что внутренно ненавидят. Спросите у всякого вельможи, каковы для него кажутся Юстиевы рассуждения и Примечания Ришелье. Он вам побожится всем, чем хотите, что он ничего вечно не читывал основательнее и умнее сих сочинений, но если вы вздумаете вы спросить о содержании этих книг, то редкого вельможу не приведет таким вопросом в смущение. — Вот, — продолжал он, — каковы у нас многие вельможи. Со всем тем все почитают их щастливыми, и мелкочиновные всячески ищут быть на их месте, которое получа не один раз в сутки проклинают; что до меня, то я лучше хочу доставать от них за подносимые мною книжки деньги, нежели, быв на их месте, платить за то, на что никогда взглянуть мне не удастся.

— Но скажите мне, знаете ли вы сего вельможу коротко? — спрашивал я моего оратора: — признаюсь вам, что

я нахожу великую разницу в вашем письме с тем, что видел собственными моими глазами: вы выхваляете его добродетель, а я в его прихожей приметил несколько человек, которые в двадцать лет не испросили еще от него ни одной милости; вы превозносите его снисхождение, а он ничьих просьб не слушает, почитая уже и то важным, когда мимо своих просителей пробежит к своей карете, да и сего часто не делает, а выезжает со двора совсем с другого подъезда.

— О! сударь, — вскричал сочинитель, — конечно, вы очень мало обращались между людьми, когда не знаете, что это правило подносительных писем: в них почти всегда одними словами выхваляется тот, кому подносится книга, хотя подноситель не только его подробно, но и имя его мало знает: от того-то вельможи с самого начала своей знатности, читая в письмах, сколь они добродетельны, думают о себе, что и в самом деле публика о них так заключает, и не стараются подтверждать своими делами то, что мы пишем в письмах.

— Но естьли каким-нибудь случаем не удастся вам получить от них награждение, — спрашивал я, — что вы тогда делаете?

— Мы пишем на них сатиры, — отвечал он, — и хотя они их не читают, но мы делаем так, как маленькие ребятки, которые по привычке плюют на тот столб, о который ушиблись, и думают, что тем ему довольно отместили; мы...

Вдруг отворилась дверь, и все раступились на две стороны, чтоб дать дорогу.

Вельможа, убранный великолепно, вышел из своего кабинета с веселым видом. Он очень учтиво кланялся на все стороны; со многими улыбался, а иным шептал на ухо, и они почитали себя счастливыми. После того принимал он письма со увереннем, что через два дня все их рассмотрят; но я уже имел причину тому не верить.

Я приметил, что многие просительные письма были довольно толсто свернуты, и такие принимались с большею благосклонностью, а наполненные одним красноречием отдавались секретарям. Между тем продрался мой сочинитель и с низжай-

шими поклонами поднес ему свою книгу.

— Будьте уверены, — сказал ему вельможа, — что дарования ваши не останутся забыты; я не премину награждать вас при первом случае; я уже знаю, что книга ваша прекрасна. Возьмите, — сказал он одному из своих приближенных, — и отнесите ее ко мне в кабинет; я надеюсь заняться ею несколько дней.

Приближенный взял ее у него из рук и отдал ее секретарю, который, как я приметил, вошел в кабинет, бросил ее под стол, наполненный старыми бумагами. Между тем вельможа продолжал степенно шествовать к прихожей, кланяясь на обе стороны всем и ни на кого не смотря; он делал внимательное лице ко многим словесным просьбам, из которых однакож ни одного слова не выслушивал, а был занят, как я приметил, совсем другими рассуждениями. При приближении ж к дверям пустился он, как молния, чрез прихожую, закутавшись в свой плащ и не внимая тысяче голосов, относящих к нему просьбы несчастных, и едва успел сказать им всем, чтобы побывали они з а в т р а, как, севши в карету, пропал из вида и оставил в отчаянии бедных просителей.

— Что до меня, — сказал толстой судья, — то я всего вернее надеюсь получить обещанное место: красноречие золота никогда не обманет. Пусть бедные стонут, что их не выслушивают; но мы, у которых кошельки пестры, — мы, право, не имеем причины жаловаться на вельмож: правда, что мы дорого им платим, но наши челобитчики после заплатят нам то с выгодою, что мы отдаем вельможе за то, чтобы высасывать из кошельков у просителей.

— И я, — сказал молодой повеса, который хвалился, что побил 700 человек, — не меньше вашего надеюсь получить награждение: бабушка моя родня комнатной девушке его любовницы, а предстательство сей нимфы дороже всяких свидетельств: естьли бы я, и совсем не показываясь к сражению, всклепал на себя, что перебил три тысячи человек, то и тогда бы мне поверили и наградили бы мою храбрость. Пускай трудятся бедняки, не имеющие предстательств: нашу

братью нередко более награждают за храбрый язык, нежели за их храбрые дела.

Вот, любезный Маликульмульк, какого я нашел вельможу! говорят, что

здесь есть много из них добродетельных, но и один порочный делает пятно правительству, лишая счастья многих достойнейших себя людей.

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ,

ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Недавно прогуливаясь по городу, любезный Маликульмульк, вздумалось мне осмотреть здешние книжные лавки. Увидя, что они завалены книгами, я удивлялся просвещению нынешнего века; радовался тому, что и в здешней земле есть книги, и сравнивал нынешний век с старыми. Какая разница, думал я сам в себе, между тем временем, в которое книг почти было не видно, и между нынешним, когда всю поверхность обитаемой земли можно укласть книгами. Но и то правда, любезный Маликульмульк, что тогда не приносили стыда ученому свету Бабушкины выдумки, Бродящий мещанин¹ и изданные в четвертку без правил краденные сочинения Рифмокрада,² которыми завалены ныне все книжные лавки, и которые продаются нередко на вес для равносчиков на обертку овощей.

Когда я рассуждал таким образом над увесистыми сочинениями сего прилежного автора, тогда подошел ко мне малорослый и сухощавый человек: Что вы думаете, — сказал он мне, — о сем великом авторе? — А я думал, — отвечал я ему, — что я держу в руках не хорошие сочинения, а худые переводы. — О государь мой! так вы, конечно, не слышали, как его хвалят за его столом, чему я сам бывал очевидным свидетелем; я слышал, что он недавно очень хорошо написал трагедию, в которой разругал прекрасно не помню какого-то святого³. — Эту трагедию больше делал Расин, нежели он, — ска-

зал, подошедши к нам один из покупателей старых книг: — возьмите, — продолжал он, — Расинову Андромаху: вы увидите, что здешняя не иное что, как слабый перевод, с тою при том разницею, что почтенный Расин не бранил святых, так, как то делает наш неугомонный автор, и я удивляюсь, как такая безбожная брань пропущена тогда, когда, кажется, можно печатать одни только сказки и небывальщины в лицах. — Вы очень злы, государь мой! — возразил запитник бранчивого автора, — когда поносите сочинителя, привлекающего дарованиями своими к себе в дом множество обожателей своего пера. — О, этому я охотно верю, — говорил противник Рифмокрада, — что у него бывает много гостей; но кто захочет, тот может видеть, что сему не дарования его, а его повар и гостеприимная жена причиною. Приметьте, что обожатели его всегда собираются в его дом к обеду и похвалы сему Аполлону обыкновенно начинаются со второго или с третьего блюда и раздаются не далее, как в четырех углах комнаты; но за два шага от его дому слава его исчезает, и те самые, которые за обед платили ему похвалою, позабывают, что он есть на свете. Итак, по моему мнению, не можно ставить себя в числе первых писателей тому, о ком это говорят такие люди, которые, не имея чем заплатить трактирщику за обед, ищут одного у вельможи или у стихотворца и расплачиваются обыкновенно за него пустыми восклицаниями и похвалами хозяину. С другой стороны, и жена его расплачивается, как может, с гостями, которые, имея гибкой язык, ищут на счет его всем на свете пользоваться, но, отними у сего парнасского идола его жену, то треть обожателей его исчезнет; отними повара, тогда и достальные две трети пропадут. — Но вы не можете не при-

¹ Повидимому, «Сказки Бабушки» С. Друковцова (М. 1778, 2-е изд. 1781 г.) и журнал 1789 г. — «Беседующий гражданин», который в письме 40-м назван «бродящим мещанином».

² Княжнин (1742—1791); — собрание сочинений его вышло в 1787 г.

³ Имеется в виду трагедия Княжнина «Владимир и Ярополк»

знать, — сказал защитник, что в театре ему всегда бьют в ладоши. — Я в половине этого признаюсь, — отвечал другой, — т. е. что в театре хлопают, однакож не ему, а актерам, которые подлинно достойны великой похвалы за то, что имеют терпение обременять свою память такими вздорными сочинениями, которые более наносят труда живописцам и машинисту, нежели сколько делают театру прибыли; впрочем, нередко сих хлопальщиков привозит он в своей карете, чему свидетельством может вам служить, — сказал он, оборотясь ко мне, сочинение одного моего приятеля, — и при сем начал мне читать следующие стихи:

С К А З К А.

Ко славе множество имеем мы путей.
Гомер хвалить себя умел весь свет заставить;
А Рифмокрад, чтобы верней себя прославить,
Нажил себе жену, а женушка детей,
Которы в зрелищах, и к сате и не к сате,
В ладони хлопая, кричат согласно: тятя!
Но сколь немного жеп есть верных, знает свет;
Но не Лукрецию и пап нашел Поэт.
Он видит это сам. Поступки Тараторы
Между приятелей ее заводят ссоры.
Чтоб отомстить за то, чего не мог сберечь,
Хоть одного из них он хочет подстеречь.
Желанны дни пришли! он видит очень ясно,
Что он себя считал в рогатых не напрасно.
Изменица! кричит, того ль достоин я!
Увы! где делаеь честь! где слава вся моя!
Жена в ответ ему: для этой самой славы
Немного рушу я супружески уставы;
С партером перервать я твой хотела спор,
Где вечно на тебя всемирной заговор;
Завистников тебе, ты знаешь, там не мало:
Но пыле тщанием моим их мене стало.
Я многие тебе достала голоса. —
«Любезная жена! ты строишь чудеса!
Вскричал поэт: так будь моим ты Аполлоном,
И лавры мне плети; в рогах я не с уропом;
В них выгоды себе я вижу лишь одни;
Тем боле голосов, чем боле мне родни...

— Государь мой! — вскричал защитник Рифмокрада: — естли вы не перестанете читать свои пакостные стихи, то я вам дядюшкиными сочинениями проломлю голову, — и в то же самде время вооружился он всеми пятью томами сочинений Рифмокрада, которые искусный книгопродавец переплел в одну крышу, чтобы придать им более величественного вида. Такой заряд не мог не ужаснуть его противника, который спрятался за три кипы сих сочинений, назначенных к про-

даже на вес, и уверткую своею сделал сей четверной заряд бесполезным: с него шибло одну только шляпу, а голова его получила спасение от тех же самых сочинений, на которые так сильно он восставал. Племянник Аполлонов, ободренный его побегом, ругал его веячески и ожидал храбро вылазки, а между тем, несмотря на просьбы лавошника, бомбардировал его крепость связками новых комедий и трагедий. Гаринзон не трусил с своей стороны, и уже, перебросав все огромные переводы, принимался за 16 том сочинений здешней Академии,¹ как лавошник остановил их, обещая привести полицейских; тогда руки наших рыцарей остановились, но языки их были неутомимы, и они наговорили друг другу столько колкого, сколько могли выдумать. Защитник Рифмокрада подошел под самые кипы дядюшкиных сочинений, чтобы сделать себя тем слышнее своему противнику, который наблюдал из-за стены набросанной им прозы и стихов все его движения, и, когда сей меньше всего ожидал, он, собрав все свои силы, повалил на него все те кипы одним разом. Бедный защитник думал, что на него весь мир обрушился, хотя не более на нем было, как 1192 экземпляра 5 томного издания. Он визжал, как собака, у которой пришибло лапу, и самым жалким голосом просил себе помощи; хозяин же сказки между тем скрылся, оставя ее у меня в руках. После сего вытащили кое-как бедного племянника, проклинаящего сатирика, себя и дядюшкины сочинения, которые едва не задавили его до смерти, и он насилу ползлея из лавки, закаиваясь во весь свой век заглядывать к книгопродавцам. Бедный лавошник укладывал опять разбросанные книги, которые в первый раз увидели было свет, и божился мне, что многим из них никогда такого разбору не было, как во время сего сражения. — Для чего же здесь мало хороших книг? — спросил я у него. — Для того, сударь, — отвечал он мне, — что здесь множество авторов, как кажется, более занимаются не тем, чтобы что-нибудь написать, но чтобы что-нибудь

¹ Т. е. Российской Академии.

напечатать и поспешить всенародно объявить, что они невежи. Страсть к стихотворству здесь сильнее, нежели в других местах, но страсти к истине и к

красотам очень мало в сочинителях; от того-то здесь нет хороших книг, но множество лавок завалены бреднями худых стихотворцев.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ,
ОТ ГНОМА ВЕСТОДАВА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Наконец, любезный Мадиккульмульк, и наш двор не уступает многим европейским дворам, а всему этому причиною Фурбиний, который управляет Прозерпиною, а Прозерпина Плутоном, дозволившим, по просьбе жены, сему италянцу составить свой штат. Он истощил весь свой разум, чтобы Прозерпина не имела никакой причины завидовать Европе. Угадывая, что ты любопытен слышать, каким образом происходил сей странный набор, опишу я тебе все это происшествие.

Прозерпина, желая скорее видеть Ад в новом виде, докучала Плутону ежеминутно о пользе, какую в сей перемене может сделать Фурбиний. — Он, — говорила богиня, — плясывал при многих европейских дворах и был вхож ко всем придворным женщинам, которые с ним короткие имели знакомства, а женщины играют в политике не малое лицо: они движут всеми пружинами правления, и чрез них делаются самые большие и малые дела. Хотя ты с первого взгляду и подумаешь, что мужчины всею правят, а женщины ничего не значат, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мужчины не иное что, как ходатаи и правители их дел и исполнители их предприятий. Посему ты видишь, что Фурбиний, быв знаком с придворными женщинами, должен нанзусть знать политику, что такое есть двор, и уметь его составить; но для исполнения сего он должен иметь полную власть. Итак, душа моя, когда ты хочешь видеть Ад в лучшем состоянии, то уюлюмочь его и объяви по себе и по мне первым начальником Ада... — Перестань, Богиня, — вскричал Плутон, — разве ты забыла, что у нас в Аде множество воинов и философов, которые сочтут меня дураком за такое объявление и не захотят признать над собою начальником Фурбиния. — Ах, какой

ты трус! — сказала Богиня, — можно ли тебе бояться кого-нибудь, быв здесь самовластным? спроси у тех же самых воинов, каковы были Александр, Юлий Кесарь и Дионисий во время их царствования на земле: разве не было в их владениях мудрецов; однако, несмотря на то, делали они по-своему все, что хотели. — Какая разница! — отвечал Плутон, — там своевременный государь имеет тысячу способов усмирять неугомонных мудрецов и в случае нужды сбывать их с рук, отправляя сюда, как то сделано с Цицероном, с Сенекою и со многими другими,¹ но мне куда их отсюда девать? Бывши всегда с ними, я должен буду терпеть вечные их роптания... Роптания против своего повелителя! — вскричала с негодованием Прозерпина: — перестань, Плутон, ты ужесть, как низко мыслишь! Естьли ты не знаешь, как от сего отвязаться, то заведи только хороший присмотр в Аде, и первого, кто хоть одно слово скажет против твоих заведений, отдай на исправление Алектоне:² ты увидишь после, как весь Ад будет доволен, и все тени будут превозносить тебя похвалами. Что нужды, будут ли согласны их мысли с лицом: это такая мелочь, в которую непристойно входить Величеству. Отними только свободу и смелость у теней: после того, хотя переодень весь Ад в шутовские платья, заставь философов писать негодные песенки, весталок их петь, а героев плясать: и ты увидишь, что они все с таким усердием то будут исполнять, как будто бы родились для сего. Нужно ли, чтобы владетель угождал желанию, хотя бы и очень разумному, нескольких миллионов тварей и был бы их слугою: не гораздо ли пристойнее, чтобы все его подданные последовали

¹ Т. е. умерщвленных.

² Одна из трех адских фурий.

его дурачествам? Тот один, по моему мнению, истинный владетель, кто может по своей воле целой народ философов заставить дурачиться. Будь уверен, что Фурбиний нам в этом поможет. — Прозерпина! — сказал Плутон, — положим, что я сделаю Фурбиния по себе здесь первым, но будет ли он столько умен, чтобы поддерживать свое достоинство: впрочем, ты знаешь, что глупой вельможа в глазах народа во сто раз смешнее глупого простолюдима, и если ты увидят в числе твоих приближенных десять дураков, то большая половина Ада сочтет и меня полоумным. — О! так ты не знаешь всей обширности твоей власти, — отвечала Прозерпина, — что же может льстить более владетеля, как не то, чтоб заставить весь народ почитать умною такую тварь, в которой нет и золотника мозгу, а плутом человека, посветившего себя добродетели? Хотя многие потихоньку тому смеются, но те же самые в обществе последуют усердно мнению своего владетеля и уважают, или презирают ту особу, смотря по его объявлению. Калигула сделал свою лошадь сенатором, и все римляне оказывали ей невозможнейшее уважение. Ныне сему смеются, не примечая того, что потомки Калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свету. Может быть, будущие веки будут так же смеяться нынешнему веку, как сей прошедшему: обыкновенно, таким образом, новые веки хохочут над дурачествами старых, получая оные от них себе в наследство: последний век только один может похвалиться, что не будет осмеян. Но какая разница, любезный Плутон, между тобою и Калигулою: тот хотя, пользуясь своим правом, мог заставить свой народ молчать и уважать свои дурачества; но он, конечно, знал, что потомки положат истинную цену его делам, а мы с тобою, любезный супруг, не можем опасаться потомков: мы бессмертны и, исполняя маленькие свои прихоти, всегда будем в силах принудить теней почитать шалости. Если бы нам вздумалось кого-нибудь взять из бешенова дома и сделать нашим первым министром, то и тогда имели бы мы способ весь Ад заставить почитать его

первым мудрецом во всей подсолнечной. — После таких убедительных доказательств Плутон не мог более противиться своей жене. Они удалились в кабинет и с помощью Фурбиния сочинили объявление о его достоинстве, которое немедленно отдано было Харону, чтобы он объявлял его всем новопривезжающим теням: прибили подле Цербера,¹ который подкусывал голени всем, кто осмеливался хотя улыбнуться при чтении столь премудрого сочинения, и потом разослали по всему Аду. Трем фуриям дали также по одному экземпляру, и вид сих сестриц, вооруженных бичами, не малую придавал силу красноречию Плутона. Ты, я думаю, любопытен узнать, любезный Маликульмульк, сию грамоту: прочти, вот ее список.

«По изволению судеб, Мы, повелители непобедимого Ада, обладатели всех померших и имеющих помереть племен земных, нашему Аду спокойствие».

«Известно во всем мире, с каким благоволением принимаем и принимали мы в наше покровительство оставляющих оный свет людей, по разным обстоятельствам. Миллионы храбрых героев, перерезавших друг друга, здесь нашли себе общее и мирное пристанище; погубившие себя от невоздержания болезнями обрели здравие и не опасаются более врачей; гонимые пастием не ждут более здесь перемен непостоянной фортуны; лишённые жизни несправедливо своими государями имеют удовольствие жить с ними здесь в братском согласии, и сами государи не боятся здесь ежечасно возмущений, бунтов и народных роптаний, и живут спокойно от нападения зависти; полуученые и безумцы не терзаются досадою видеть свет, почитающий их глупее их сверстников. Смерть сравнивает все умы и познания: здесь нет ни богатых, ни бедных, ни знатных, ни подлых: нет ни зависти, ни презрения».

«Радуясь сему и желая еще тверже оградить спокойство наших подданных, благоизволяем Мы учредить некоторые перемены в Аде, кои произвестъ препоучаем римлянину Фурбинию. А как

¹ Огромный пес, стерегущий вход в Ад.

для произведения сих перемен нужен добросовестный и умный человек, того для во всех обширных пределах нашего пространного владения повелеваем почитать его, Фурбиния, честным и разумным человеком, потребным для адекого благосостояния, и признавать его главным надзирателем всех теней».

«Повелеваем всему Аду верить, что он, Фурбиний, совершеннее других теней, и потому имеет неоспоримое право называть безумным всякого, кого будет ему угодно, выключая Нашего Величества. Ассирийские, египетские и греческие мудрецы должны уступать ему в премудрости. Сверх того, хотя он, Фурбиний, в своей жизни не сделал никакого храброго дела и предпочитал пляску военному искусству, но Мы чрез сие объявляемое наше соизволение признаем его, Фурбиния, первым героем из смертных. Александр, Кир, Ганнибал, Сципион, и победители света, и искусные полководцы, да не дерзают с ним спорить в преимуществе военного звания, под опасением за всякий спор по семидесяти ударов бичом Алектонь».

«Естьли же кто из философов дерзнет сказать, что тени все равны, и что Фурбиний не умнее Сократа или других мудрецов, таковых возмутителей общей тишины подвергать жесточайшему штрафу, ибо благоугодно Нам, дабы всякий, не входя в дальнейшее рассмотрение Фурбиниева ума и храбрости, признавал его храбрее и умнее себя, и чтобы все другие тени повиновались его пове-

лениям, и хотя бы оные возбуждали народный плач, но со всем тем повелеваем признавать их справедливыми; естьли же они касаться будут до опасности собственной Нашей особы, тогда докладывать нам, однакож под опасением вечной муки донощику, естьли Фурбиниево красноречие победит его доказательства».

«В заключение ж сего, повелеваем трем фуриям принять в начальство семьдесят тысяч адских духов и стараться соблюдать народное спокойство. Естьли же кто дерзнет сим объявлением быть недоволен, такого возмутителя, для общего благосостояния, бросать в Тартар на сто тысяч лет».

После сего убедительного объявления ни одна тень не осмелилась признать в Фурбинии бесполезного плясуна, но весь Ад принял твердое мнение о его достоинствах, и Фурбиний так был сим доволен, как будто бы получил Плутоновым указом геройство, ум и добродетель.

Пожалованный в мудрецы таким новым для Ада образом, не умедлил он пользоваться своею властью, дал почувствовать ее всему Аду, и потом начал набирать двор.

Он пошел... Но я слышу шум во всем Аде, все бегают и суетятся: конечно, случилась еще какая новая перемена.— Прости, любезный Маликульмульк, я скоро уведомяю тебя и о причине сего смятения, и о конце Фурбиниева набора.

П И С Ъ М О Т Р И Д Ц А Т Ь Ш Е С Т О Е,

ОТ ГНОМА БУРИСТОНА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Очень опасно, по моему мнению, любезный Маликульмульк, иметь худого советника, но ничего нет опаснее, как иметь его в своем отце. Есть однакож изверги, недостойные почтенного имени родителя, которые вместо наставления возвращают своих детей. Ты узнаешь из письма, которое я при сем к тебе прилагаю, справедливы ли мои слова, но надобно прежде уведомить тебя, каким образом досталось мне это письмо.

На сих днях, бегая из суда в суд, наконец, отчаявался я сыскать преем-

ников трем нашим судьям: в иных местах видел я, что судьи были больны одною болезнью с Эаком, то есть, были глухи и не слушали слов челобитчиков, а другие, у которых мозг был не в лучшем состоянии, как у Миноса, не понимали, что им читали подъячие, и подписывали все то, что угодно было их секретарям, которые употребляли их, как некоторое орудие, к своему обогащению. Хотя и были между ими разумные, но они более занимались происками, чтоб высить себя и унижить своих противников

нежели челобитчиковыми делами, и таким образом бедным челобитчикам не было иного утешения, кроме добрых судей, которым не дают никакой воли, и которые толь робки, что, боясь истинною прогневать знатных господ, цотакают несправедливости их любимцев.

Прожаживаясь таким образом, остановился я в прихожей одного суда, чтобы несколько отдохнуть, и лишь только присел, как вдруг вошла в комнату некоторая бедная женщина, которая, дожидаясь случая увидеть судей, села подле меня. Как я представлял челобитчика, а она действительно в суде имела иск, то и ничего не было легче нам, как разговориться о наших делах: я рассказал ей мнимую повесть о своих, а она открыла мне свои.

— Три рода женщин знаю только я несчастливых, сударь, — сказала она мне: первые из них — немые спорщики, которые лишены удовольствия обыкновенным своим орудием отгонять от себя досадчиков; вторые — молодые щеголихи, которые принуждены жить в деревне; а третьи — те женщины, которые, перешед за сорок лет своей жизни, имеют тяжёбые дела. — Ах! продолжала она со слезами, — я претерпела все сии злощастия. Желая отвязаться от строгих моих родителей, я вышла замуж в молодых летах за одного бедняка: я была красавица, сударь, и могла сделать его щастливым, но этот негодяй увез меня в свою деревню, где я должна была проводить лучшие мои лета, не видя никого, кроме рогатого скота и нескольких мужиков, которые еще отвратительнее были моего мужа. В такой горести одно утешение оставалось мне, чтоб всякой день перебранить всех, начиная с него и до последнего скотника. Да и подлинно, не проходило ни одной минуты, чтобы кто из них к моему утешению не сделал какого дурачества. Таким-то образом всегда для меня было некоторое упражнение, и мой язык умолкал только тогда, когда я засыпала. Но — о несчастие! — кричавши шесть недель сряду, я охрипла, и мой язычек упал (при сих словах бедная женщина еще больше заплакала). Вообразите, сударь, мое состояние! всякой день откры-

тыми глазами я видела все дурачества моего мужа, моих девок и наших дворовых, и принуждена была все это сносить, не выговоря ни одного слова! Всякой день брюзгливой мой муж делал мне свои вздорные поучения: а я не могла заглушить его своими словами, и, вытараща глаза, принуждена была слушать его вранье. Таким мучением наказывал меня бог семь лет. Жестокой муж мой старался как можно отдалять от меня всех лекарей, чтобы продолжить навсегда приятную для него мою болезнь; но, наконец, небо сжалилось на мое мучение: я занемогла зубами: призвали лекаря, и он ошибкою вместо зубов вылечил мой язычек, которой поднялся попрежнему. Я была вне себя от радости, и сколь ни велика была моя боль в зубах, но я в ту ж минуту пошла браниться с моим мужем, и, думаю, точно этим криком прогнала я от себя зубную болезнь; но как бы то ни было, только я твердо вознамерилась наградить несносные для меня семь лет моей немоты. Уже я чувствовала приятнейшее удовольствие слышать, что мой голос раздавался по комнатам; уже ничьих речей в доме, кроме моих, не было слышно, как дьявол позавидовал моему щастью. Спустя три недели после моего выздоровления, после обеда вошла я в комнату, где муж мой имел привычку в это время спать. Я нашла его закутанного в одеяле, хотя уже на дворе было семь часов по полудни. Скажите, приличен ли был этот час чтоб спать? Вы можете догадаться, что я в ту ж минуту начала браниться: по крайней мере на сей раз я была справедлива. Я села против его у окошка и кричала ему, что хозяйство требовало, чтоб не быть так сонливым. Разве позабыл ты, — говорила я ему, — что мы еще сегодня не были в прядильной и не бранили баб? разве ты не вспомнишь, что уже скоро будет время идти ко всенощной, а тебе прежде еще этого надобно мужиков пересечь за то, что они сегодня не успели до ненастья в огород съездить и убраться с поля? и разве вышло у тебя из головы, негодяй, — продолжала я, — что у тебя есть жена, от которой ты и так всегда бегаешь и делаешь ее пустыницею? Ведь здесь не город, где бы я могла найти тысячу человек, кем и без тебя заняться! — Словом, кричала я ему,

сколько могла, и, наконец, суча его терпением, сдернула с него одеяло, — но, о Небо! он уже был холоден, — мой муж умер. Представьте, каково было мое мучение! Он не слышал ни одного слова, что я ему говорила, (бедная женщина опять заплакала). Уже этого-то перенести не было у меня сил: я зарыдала, как могла, громче, но уже ничто не помогло. Одним словом сказать, я его похоронила, проживши с ним только три недели после моей немoty.

Как покойник меня любил и был, впрочем, доброй человек — царство ему небесное! — то он еще за-живо укрестил мне свою деревнишку. Я нашла его крепость и, вступая во владение сего поместья, думала спокойно провести остаток своей жизни; но проклятой ябедник, мой сосед, узнавши, что мой муж умер, сыскивает какое-то право на мою деревню и зачинает со мною тяжбу, когда я еще не успела оглядеться. Как он богатой человек, то с самого начала выгоняет меня из деревни, и после того подает прошение, чтобы судьи подписали приговор, которой он прежде уже рассмотрел и исполнил.

Это принудило меня приехать сюда в город, но уже судьи подписали то, что он сделал. Я их просила и доказывала мою справедливость. Они обо мне сожалели, но не переделали моего дела: может быть, для того, что уже издержали деньги, которые им заплачены за сей приговор, а мне нечем было надбавить цену моего соперника. Итак, я осталась в проигрыше. После сего перенесла я мое дело в другой суд и услышала, что тут судья не любил брать взятки. Это несколько меня обнадежило, но, к нещастью, узнала, что он любит пить с своими челобитчиками. Мой соперник напивался с ним всякой день до пьяна, и я опять потеряла свой иск. Наконец, я перенесла дело в сей суд, и везде с радостью слышала, что здесь главной судья не пьет и не берет взятков; но нещаствие не перестает меня гнать. Вчерась уведомила я, что хотя он действительно правосуден, но что один взгляд молодой женщины в состоянии испортить его весы; а у моего соперника жена жеманница двадцати двух лет. Не нещастливая ли я женщина! еслиб за двадцать лет назад была эта проклятая тяжба, то я, ни-

мало не заботясь, надеялась бы на свою справедливость; но, быв обременена сорока двумя годами, могу ли я надеяться победить соперника, женатого на двадцатилетней красавице? Ах, сударь, пригожал женщина всякую ложь может сделать истиной! У нашего судьи, конечно, есть глаза и сердце. — Но, сударыня, — отвечал я, — если бы не было у него глаз, то он не рассмотрел бы истины; а ежели бы не было сердца, то бы он не трогался ею. — Ах, сударь! — вскричала огорченная вдова, — я не на то жалуясь, что у него есть сердце и глаза, но на то, для чего эта проклятая тяжба не за двадцать лет пред сим случилась.

Едва окончила она свою речь, как вдруг вышел судья, человек весьма набожного вида. — Кто здесь госпожа Безумолкова, урожденная Златошкова? — спросил он. — Я, сударь! отвечала вдова. — А! сударыня, я читал ваше дело, и, несмотря на решение двух судов, вижу вашу справедливость: итак, будьте уверены, что оно кончится в вашу пользу в самом скором времени, а между тем, чтоб узнать решительный приговор, вы можете пожаловать ко мне сегодня в четвертом часу по полудни. После сего он поговорил еще с несколькими челобитчиками и пошел в судейскую, оставя и вдову и меня в величайшем удивлении о столь редком его добродушии.

— Видите ли, сударыня, — сказал я вдове, как вы прежде времени несправедливо жаловались на сего судью; он, не брав с вас денег, не напиваясь с вами ньян и не из уважения к вашим прелестям, конх, конечно, рассмотреть ему было некогда, хочет решить дело в вашу пользу. — Это меня восхищает, отвечала она, и я ныне же отпущу о сем старшей моей сестре Златошковой. — Как, сударыня, — просил я, — у вас есть старшая сестрица, которая еще не замужем? — Чему же вы дивитесь, — ответила ветренная вдова, — ей еще не более двадцати семи лет: она может еще иметь в свое время женихов! — После сего ветренная Безумолкова пошла от меня в восхищении, позабыв о том, что она за две минуты перед тем проболталась мне, в своей печали, что ей сорок два года, а я отпирался домой.

— Вот, наконец, нашел я хотя одного честного судью!—думал я сам в себе: теперь мне есть чем обрадовать Плутона, которой уже, я думаю, на меня сердится, что я до сих пор не сыщу для него доброго блюстителя законов, и приписывает, может быть, моему нерадению, то, что должно приписывать нерадению больших господ: докажем же адским жителям, что и здесь есть судьи, которых перо свободно и не управляется ни деньгами, ни вином, ни женщинами, и поспешим похитить у света человека, которой, конечно, или развратится, или будет гоним.

Узнавши дом сего судьи, в три часа по полудни, торопился я к нему, чтоб уговорить его заступить место Эака. Дом его не показывал в себе ничего великолепного и тем более уверял меня в некорыстости хозяина. Я не видел ни одной бутылки во всем доме, почему имел причину думать, что он очень воздержен, также не сыскал я там ни одной женщины, кроме семидесятилетней старухи, которая перемывала посуду и ворчала, что она достальные зубы переломала о черствые корки хлеба, не находя ничего другого к столу — и это подтвердило мои мысли, что у него женщины не много выиграют своею несправедливою просьбою. Я позабыл тебе сказать, что, желая его посмотреть, я сделался невидимым.

Таким образом прошел я до самой той комнаты, в которой он писал письма. Между прочими изготовленными лежало одно к его сыну. Я его тихонько взял, и читал с великим удивлением. Думаю, что и ты не меньше моего удивисься, когда его рассмотришь. Вот оно.

Любезной сын!

Приятное твое мне письмо я в сем месяце получил, и радуюсь, что ты в приказе набил руку так твердо, что своим чотким письмом и самому слепому судье можешь понравиться. Только заметил я, что ты я ть пишешь очень часто и ставишь двоеточия, запятые и точки. Пожалуй, повоздержись, Лентулушка, а то еще скажут, что ты не кстате умничаешь. Заметь, мой друг, что судья, которой не употребляет я т е й и запятых, никогда не бывает дружен с секретарем, которой пишет по фо-

родрафин.¹ Да мне и еще есть нуждица кое о чем с тобою поизъясниться.

Ты пишешь, что тебе несносна приказная служба, и просишь дозволения ее оставить. — С чего ты это забрал себе в голову, друг мой! Да знаешь ли ты, что твой дед нажил в этой службе больше сорока тысяч рублей, твой отец приобрел большой каменной дом в четыре этажа, да и ты, мой свет, доколе не наживешь хотя посредственной деревнишки, доколе я тебя из этой службы не выпущу, или не будь над тобою мое благословение: а ты знаешь, что этим шутить дурно.

— Низко ходить на поклон к своему судье! — Вот какой вздор! да я, брат, и вырос в прихожей у своих командиров, зато ныне и у себя в прихожей людей выращиваю. Учтивость, друг мой, шеи не вывихнет, а гордым и бог противится. Будто велика беда в праздник сходить к судье на поклон! Ведь нечего же делать. — К обедни, — скажешь ты мне. — К обедни, друг мой, успеешь и от начальника, а естли и некогда будет, то бог не взыщет: Он до нас милостив и не прогневается, естли иногда прогуляешь обедню, а советник станет сердиться, естли не придешь к нему в праздник по утру, и может за это отомстить. Бог по великой своей благодсти, конечно, простит, когда покаешься, а бояре ведь и покаяння не принимают.

Я здесь знаю одного молодого упрянца, которой так же, как и ты, определясь в штатскую службу, думал, что совсем не нужно ходить на поклон, и хотел лучше угодить своему начальнику прилежностию к своей должности но он тем сделался нещастлив. Лучше бы было, естли бы он прогулял, не бывши в приказе сто дней, нежели пропустить шесть воскресеньев, не постояв в передней своего покровителя, которой за то лишил его места и принял к себе в прихожую на жалованье другого, которой и донныне за триста рублей в год и за два чина в три года ходит к нему в прихожую исправно по всем табельным праздникам. Берегись, чтоб и с тобою не случилось такого же изгнания: ведь и пенять не на кого будет; ты тем не мало себя в людях обесчестишь, для того что

¹ Т. е. по орфографии.

с стороны не всякой догадается, голова ли, или ноги твои были причиною, что тебя оставили.

Еще ты пишешь, что он тебе иногда несправедливые делает выговоры, и что ты при первом случае сам скажешь ему, что он неправильно тебе выговаривает: берегись этого делать, сынок! Командир долго помнит, если ему подчиненной скажет, что он соврал, а это может иметь очень худые следствия. Впрочем, ты хотя человек благородной, но еще очень молод: для чего бы не вытерпеть тебе от начальника грубого словца? я слышал, как вашу братью благородных дураками и скотами называют, а иногда и палкою по лбу заедут: да кто больше сносит, того больше и жалуют, и для того-то многие благородные терпеливо сносят от своих командиров название глупца, разини и проч., помня пословицу: где гнев, тут и милость.

А если ты вздумашь ему идти вопреки, то тебе же будет хуже: я тебе пророчествую, что он хотя и перестанет тебя бранить, но зато подкопает под тобою такую вину, что ты и места не сыщешь. Ты опять мне скажешь, что ты постарайся быть исправным в должности, следственно, и будешь безопасен от всех подысков. — Пустое, друг мой! да знаешь ли ты пословицу: господин сыщет вину, если захочет ударить палкою свою собаку. — При том ты должен знать и то, что всякой начальник представляет в себе особу государя, и мы так же его слуги, как и государевы; а слугу-то, ты ведь знаешь, что можно бить, как собаку. Итак, все мы собаки, Лентулушка, и всех нас можно бить палками. Хотя ныне и запрещено это делать, но всякой ли подчиненной имеет случай и предстательство, чтоб получить удовольствие на своего начальника? Довольно нам и того утешения, что и у наших-то командиров есть свои командиры, у которых они такими же бывают слугами, как мы у них.

Итак, оставь, пожалуй, твой строптивый нрав, и покорись лучше необходимости. Как ты в твои лета и с твоим умом не можешь сыскать счастья в начальнике! Сколько раз учил я тебя, как надобно поступать в таком случае; а ты все позабы-

ваш мои наставления, и одно утятил себе в голову, что ты благородной! благородной! В службе, друг мой, надобно только это помнить перед своими подчиненными, а перед командирами должно совсем это из головы выкинуть. Как бы глуп командир ни был, но кто захочет к нему подбиться, тот позабывает свое благородство, старается подражать всем его дурачествам, хвалить его поступки, потакает его словам, и чрез то хочет сделаться первым его любимцем, а часто и случается в том успех, хотя, впрочем, совсем не смыслит своей должности. Приметь, любезный сын, что это не в одном вашем суде наблюдается: неужели ты хочешь быть выродком из приказных?

Но если ты так ленив, то ищи хотя другую дорожку своего счастья. Ты знаешь у твоего судьи ключницу Златоискову. Постарайся к ней подбиться, избегая однако всяких греховных помышлений. Впрочем, любезный Лентул, если бы ты так счастлив был, чтобы сыскал в ней благополучие, то бы чинка два верных схватил, для того, что у этих ключниц и от чинов часто бывают ключи, а ежели бы хотя и греховное что случилось, то бы ты еще в свой век умел покаяться, а чинов-то бы с тебя не сняли. Я сам грешный человек, Лентулушка! У моего советника была кухарка, то правда, хотя я от нее чинов и не получал, но раза два от солдатчины избавлялся. Да, полно, я и не ленив был, не так, как ты, Лентулушка!... Только слушай, Лентул! я тебе шутя это пишу, а в самом деле, что ты ни сделаешь, я греха на себя не принимаю, по пословице: ты в грехе, ты и в ответе; но ежели ты не боишься эпитимии, то, пожалуй, себе залезь этой дорогой в чинов, другой, я же, с своей стороны, любезной друг, никогда не оставлю тебя своими отцовскими молитвами.

Итак о тебе более думаю, нежели ты сам: мне недавно попался случай, которой может послужить к твоему благополучию, и я за него ухватился обеими руками.

У меня недавно случилось дело какого-то богача по прозванию Кривопросова со вдовою Безумолковою, которая по отце Златоисковых. Я тотчас представил, что она сестра ключницы твоего судьи, и, несмотря на богатые подарки Криво-

просова, решил дело в ее пользу. Я хочу с нею свести знакомство, чтобы посредством ее упротить клюшницу о ее за тебя предстательстве. Видишь ли, друг мой, чем я тебе пожертвовал! По крайней мере тремя тысячами рублями! Да если бы только ты был порачительнее, то бы я был в состоянии сделать и еще более: я бы женился на этой вдове, чтобы тем породниться с клюшницею твоего начальника, и привести тебя у него в милость; но сердце мое слышит, что ты не поддержишь моего намерения, и для того на старости я намерен только за нею примахнуть.

Что же ты пишешь об отставке, то еще повторяю, что это совсем пустое, мой друг! Чем ты жить станешь, разве с своим секретарским чином по миру пойдешь. Что принадлежит до меня, то ты сам знаешь, что я человек не слишком достаточной, и прежде смерти ничего дать тебе не в состоянии; если же ты, как говоришь, надеешься на своих приятелей, то, любезной

сын, не надейся ни на князи, ни на сыны человеческие, а лучше наживи сам тысячу пятьдесят, да тогда с божьей помощью и ступай в отставку. Тогда, если тебе приказная служба не будет нравиться, то с такими большими деньгами можешь и в военной службе сыскать себе щастие. Хотя ты не будешь греметь храбростию, и не напечатать тебя во всех европейских ведомостях, но что до этого нужды? И без того наживешь хороших покровителей и будешь получать чины: ведь ведомости не животная книга,¹ в них не одни праведные вписываются.

Я заглянул еще в твое письмо; ты пишешь, чтобы прислать к тебе хотя несколько денег: только, право, мой друг Лентулушка, у меня нет ни копейки, а посылаю к тебе мое родительское благословение, и остаюсь навсегда

Отец твой
Авдей Частобрагов.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ, ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Если бы случилось тебе, любезный Маликульмульк, быть в здешней земле, ты очень бы удивился, услыша всенародное роптание на бедность. Здесь все жалуются, что нет денег, от нищего до миллионщика, и от сторожей у старых архивов даже до вельможей, приставленных у смотрения откупов и управления тяжкими делами. Все тоскуют, что жить нечем; у всех недостаток в необходимости, и все говорят, будто приближается последний век, а я так думаю, что свету преставление давно уже было, и что люди все померли, а остались одни только машины, которые думают, будто они действуют, как между тем самая малейшая неодушевленная вещь приводит их в движение; но всего страннее, что они жалуются на судьбу в том, в чем сами виноваты: они ропщут на богатство прежних времен и негодуют на бедность настоящего. Каково бы тебе показалось, что есть здесь люди, которые почитают необходимою прожить в год двести тысяч рублей, хотя знатные люди древних веков, каков был Публикола и прочие, проживали во сто раз меньше и не жаловались на свою бедность.

Говорят, будто здешние жители за 200 лет назад не жаловались на свою бедность и почитали себя богатыми, доколе французы не растолковали им, что у них нет ничего нужного, что они непохожи на людей, потому что ходят пешком, потому что у них волосы не засыпаны пылью,² и потому что они не платят по две тысячи рублей за вещь, стоящую не больше ста пятидесяти рублей, как то делают многие просвещенные народы. Жители здешние, услыша это, устыдились, что они не просвещены, стали отдавать французам множество денег за безделицы, заставили себя возить в ящиках так, как возят на продажу деревенские мужики кур, засыпали головы свои мукой и теперь думают о себе, что они в просвещении перещеголяли всех европейцев.

Итак, здешний житель, которой почитает себя важным в большом свете, желая сохранить сию важность, несет свой годовой доход, состоящий из трех тысяч р., в лавки, платя шесть сот р.

¹ Т. е. «книга живота» (жизни человеческой).

² Т. е. пудрой.

за кузов, в котором протаскают его не более одного года: тысячу десяти р. отдает за хорошие аглицкие и французские материи на платье; на девять сот р. покупает пряжек, цепочек и других подобных сим необходимостей, а последние триста р. отдает парикмахеру французскому и, не оставя денег на стол, жалуется, что хлеб дорог, и ищет обедов у своих приятелей. Таким то образом богатый помещик пресбращает свой хлеб и своих крестьян в модные товары, а французы имеют искусство делать эти товары такими, чтоб преобращались они через месяц в ничто. Итак, мудро ли, что здесь недостаток в хлебе, ибо надобно, по крайней мере, четыре куля муки, чтоб пресбратъ их в посредственную аглицкую шляпу, и надобно десять кулей, чтоб иметь простые серебряные на ногах пряжки. Сначала хстя это и делало вред щеголям, однакож тогда хлеб разделялся по народу, и господа недовольны были только тем, что надобно было много иметь труда и терпения, чтоб дождаться нескольких тысяч кулей, дабы превратить их в пуговицы и кружева: французы наставили их, наконец, на ум, и научили не один только хлеб, но и людей превращать в модные товары. Последую сему премудрому наставлению, молодой помещик мало-по-малу убавляет у себя хлебопашцев, променивает их на модные товары, или превращает в волсочесов и портных, от которых надеется доставать более денег: итак, лучшие люди отнимаются с полей, на коих оставляются только старые и малолетние, меняются на разные безделки, а достальные, вместо того, чтоб доставать хлеб из земли своими руками, за каретами и в передних у своих господ ждуть спокойно, пока их накормят. Просвещенные люди нынешнего века дивятся невежеству своих предков: к чему старались они наполнить свои житницы хлебом и содержать хорошо своих крестьян? Напротив того, сами, стараяся загладить их погрешности, пекутся только о том, чтоб иметь у себя более кафтанов, и не иным чем думают лучше доказать свое просвещение, как промотав в шесть лет то, что предки их в несколько десятков лет скопили. Французы удивляются их просвещенному вкусу, смеются им в гла-

за и собирают с них деньги. Сии французы очень хитры и довели, наконец, до того, что почти всякой из здешних жителей мучится совестно и почитает за стыд, естли не отнесет ежегодно к французам три четверти своего дохода и пятую часть всего своего имения.

Тебе странно, может быть, покажется, каким образом принудили они здешних жителей, не объявляя им войны и не имея никаких к тому прав, платить себе толь тяжкую подать, какой ни когда не собирал Рим с своих подвластных народов, во время корыстолюбивейших своих правителей! Но это политическое покорение здешних жителей французами толь хитро произведено в действо, что и я, бывши здесь, не могу сего разбратъ подробно: некоторые однакож случаи и обхождение с французами подают мне о том слабые мнения, и мне хочется только тебе, любезный Маликульмульк, представить их на рассмотрение.

Желая закупить Прозерпине модных уборов, зашел я недавно во французскую лавку к славнейшей здешней обманщице. По обыкновению своему она хвалила мой вкус в выборе вещей, в которых, признаюсь, не находил я никакого толку, а я играл перед нею лицо деревенского дворянина, ксторым по большей части показываю я себя для того, чтоб люди, видя меня под таким покровом, менее остерегались, и я бы имел более случая их узнавать.—Каков этот тюрбан?—спросил я у французенки.—Государь мой!—сказала она с восхищением:—вы ни на что дурное не покажете: вам все то нравится, что прекрасно; вы, конечно, недавно возвратились из Парижа, что имеете вкус, столь сходный со вкусом тамошних жителей.—Нет,—сказал я, я недавно приехал из деревни и к родственникам моим хочу послать несколько уборов: мне хочется в этом случае попросить твоего совета.—Французенка сделала мне горделивой поклон и зачала передо мною вновь перебирать разные уборы.—Я, сударь, не знаю,—говорила она, каких лет ваш родственники, однакож вы увидите, что моя лавка может наградить недостатки каждого возраста; начнем по старшинству: вот, например, прекрасный покоевой чепец: он может быть подпорою

вашей бабушке, естли она у вас есть; пусть только наденет она его на себя, то ей чепец, закрыши половину ее лица и глаз, закроет половину ее лет, прибавьте еще к сему несколько румян, хорошее шнурованье и пышную косынку, то она может легко найти себе обожателей, а естли еще прибавить, — сказала она, поклонясь — пятьдесят тысяч р. наличными деньгами, то и женихи к ней сыщутся... Вот, сударь, еще соломенная шляпка. Красавицы, у которых дурны глаза, а особливо те, которые под ними носят знаки своего усердия к Цитерской богине,¹ разбирают у меня сотнями такие шляпки и, прикрывая ими глаза и нос, оставляют любопытным видеть один только подбородок, красотою коего, также и улыбкою прелестных своих уст, могут привлекать они к себе толпу обожателей.

За несколько лет пред сим было здесь варварское обыкновение, что женщины, вступая в собрание, не имели способов себя сокрыть: лица их были открыты, и они так плотно были оберчены в платье, что недостатки и погрешности в красавицах с первого на них взгляда усматривались, но, благодаря просвещению нынешнего века, они выдумали теперь способ, быв в собраниях, видеть там всех, а самим не быть никем видимыми, или показывать публике только то, что они у себя почитают совершеннее, и чем более к себе стараются привлечь обожателей; однакож со всем тем здешние женщины так неблагоприятны, что не редко бранят нас, французенок, будто мы им такие способы продаем очень дорого: но посудите, сударь, справедливы ли их на нас роптания, и сколь много они нам обязаны!

Девушки, которые имеют справедливые свои расчеты скрывать свой стан, с коим иногда могут подозрительны показаться в собраниях, приходят к нам и берут у нас себе долгой салопо, которой, скрывая все их недостатки, оставляет видеть одно только прекрасное их лице. Сами родители их не знают их состояния, и нередко та, которая прогуливается в таком салопе, потупя свои прекрасные глаза, почитается целомудренною и неприступною вес-

талкою, хотя она во всех собраниях ходит сам-друг или сам-третей. Итак, сударь, с нашсю помощью старушки чепцами закрывают у себя половину лет, молодые женщины закрывают недостатки своих глаз и носов, а молодые девушки делаются невидимыми и сокрывают, что они столько же знающы, сколько их матушки. Вот, сударь, сколько мы пужны в самых необходимых случаях! Но чтож! естли говорить о щегольстве, то я должна бы была вас задержать у себя три дни, когда бы захотела рассказывать обо всех вспомоществованиях, каких ищут у меня женщины, чтоб умножить красоту свою и придать молодым более пышности, а пожилым приятств. Мы поправляем несовершенства всех родов: волосы, зубы, хороший стан, прекрасную ножку, прелестную грудь; одним словом, все можно достать моею помощию, и, без честолюбия сказать, я естли мать модных женщин, потому что перерождаю изуродованных природою и своим поведением красавиц. Признаюсь, что, бывая на гуляньях, всегда с восхищением смотрю я на множество прелестных дочерей, которые мною живут в большом свете, и каких никогда не удастся произвести природе: итак, не должны ли сии дочери мне, как матери своей, жертвовать своими деньгами и своею благодарностию? Я, сударь, говорила это для того, чтоб вы, познав свойства разного рода уборов, выбирали потому сходные для ваших родственниц.

Она хотела еще долее продолжать свои прекрасные описания, как вдруг вошел в лавку француз в изодранном платье и кинулся к ней на шею. А! любезная сестрица, — вскричал он, — я еще тебя вижу! — А! любезной брат, — вскричала французенка, — ты еще жив, Небо обрадовало меня твоим присутствием, но ты весьма в худом состоянии! — Надобно мне с тобою о многом переговорить, — отвечал он. После сего французенка отложила мне с поспешностию свои уборы, и я, отдав ей деньги, обещал через час за ними зайти; но, вышедши за дверь, сделался невидимым и воротился в лавку, любопытствуя узнать о тех важностях, которые хотел рассказывать французенке ее брат.

Любезная сестра! — говорил ей фран

¹ Венере.

дуз, — каким образом выплелась ты из (мирительного дома? — Я удволюсь твою любопытство, — сказала ему сестра, — но скажи мне наперед как ты выскочил из Бастилии ¹ и увернулся от виселицы, которую уже давно французская полиция приготовляла в паграждение за твои добрые дела? — Наконец, по некотором споре, кому из них первому зачинать свое повествование, француз начал сими словами:

Тебе известно, любезная сестра, что я за разные обманы и плутовства получил уже орден на плече ² и был очень худо отпотчиван полицією; однакож, чувствуя в себе отважный дух, ибо по необходимости не мог я сделаться таким плутом, коего бы плутовство уважала полиция, решил я продолжать свое карманное ремесло, и, наконец, как тебе известно, попался в Бастилию, в то самое время, как тебя отвели в (мирительной дом: Правительство приговорило, чтобы я украсил собою парижские виселицы, но я, притворяясь больным, умел уговорить своего надзирателя, чтоб он дозволил мне с собою прогуляться на верхних площадках, где, проломав ему голову ключами, спустился вниз по тоненькой веревочке, и хотя оборвавшись лежал с полчаса мертвым, однако успелся поскорее оттолкнуть опасного для меня места. После сего мне уже не было более никакого способа остаться в Париже, ибо я столь коротко познакомился с полицією, что многие в лицо меня знали. Я прибегнул в сем случае к моим товарищам, и они присоветовали мне бежать в сие государство, где многие честные люди нашего ремесла сыскивают себе хлеб и бывают в великом уважении. Следуя сему совету, я успелся кое-как, не имея ни полушки денег, и для того, чтобы поддержать мое путешествие, на дороге бывал я в иных трактирах маркером, инде убирал волосы, а в иных местах делался искусным в физике и представлял опыты моего в ней познания; женщины мне покровительствовали, но поляки чуть меня не зарубили за сие искусство саблями, а германцы едва не застрелили из пист-

толета; однакож, со всем тем, накопец, доплелся я сюда и, увидя первую французскую лавку, вошел, ожидая себе, как земляку, некоторой помощи, и небо дало мне тут увидеть тебя, любезную сестру! тебя, которую давно уже почитал я посланную правительством в Америку, чтобы стараться там о размножении человеческого рода. Я с радостью вижу, что ты здесь находишься в таком состоянии, которому бы и в новом свете теперь позавидовали. Ах! есть ли бы и я не умер здесь с голоду... — но что мне делать! я не знаю никакого ремесла, чем бы мог себя пропитать — Не печалься об этом, любезной брат! — перехватила речь его добродушная сестра, — я прищу тебе выгодное место: вступи в учителя. — это такое звание, которым многие из твоей братьи вечной хлеб себе нажили. — Как! — сказал француз, — мне в учителя!... сестра! ты знаешь, что я не только морали и науки преподавать, но даже и французские книги читать неспособен. — Безделица, любезный друг, — вскричала француженка, — безделица, довольно, что ты француз, чтобы заставить здесь тебя почитать знающим. После завтра представляю я тебя к одной вдове, и ты, верно, будешь хорошо принят: помни только мои наставления: будь важен, показывай отвращение ко всему, что увидишь в доме сделанное не по французскому вкусу и чаще наказывай детей за то, если они не почувствуют склонности к щегольству и к нашим уборам, что должен ты называть опрятством. Главное твое правило будет состоять в том, чтобы учить их лепетать и кланяться по-французски, и как скоро достигнешь ты до этого совершенства, то родители почтут себя счастливыми, тебя назовут мудрецом, а детей своих станут возить напоказ по городу. Но пойдем ко мне в комнаты, переоденься и готовься вступить в такую прекрасную должность, от которой я, приехавши сюда, получила свое состояние, а достальные наставления дам тебе при вступлении твоём в сие звание. — Вот в чем замыкались поучения француженки, и мы скоро увидим, любезный Маликульмузык, каким образом поступит наш учитель и какой чести будет удостоен бежавший из Бастилии француз.

¹ Тюрьма в Париже.

² Т. е. клеймо.

ПИСЬМО СОРОК ПЕРВОЕ,
ОТ ОПДИНА¹ БОРЕИДА К ВОЛШЕВНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Уже давно, любезный Маликульмульк, не имел я удовольствия беседовать с тобою письменно, и с того времени, как ты оставил свой кабинет редкостей, находящийся под Харибдою,² и захотел несколько времени провести между жителями зсмными, непостоянными более, нежели морская вода, с того времени, как тебя, любезный мой сосед, не стало в нашей стихии, я также оставил свой дом, который мне одним только с тобою соседством нравился, и ныне путешествую по разным странам, покрытым морскими водами, занимаясь собиранием редкостей, коиими умножаю твою Кунсткамеру; иногда любопытно видеть различные наши селения и морских людей, из коих с некоторыми хочется мне и тебя в свое время познакомить: право, они очень добрые люди и от жителей земной поверхности тем только разнятся, что не умеют обманывать и убивать друг друга.

Путешествуя таким образом, иногда встречаюсь я с двором Нептуна,³ а ты знаешь, что все дворы очень любопытно видеть, особливо двор такого бога, которого владения обширнее всех земных владений, и в котором по его многолюдству никогда без новостей не бывает.

Наш водяной двор ныне в немалом беспокойстве и не знает, где сыскать себе для утверждения место: недавно Нептун выбрал было очень выгодное близ берегов древней Тавриды⁴, и Фетида⁵ приготовила для навоселья превеликолепный пир. Все наши водяные жители были на оной приглашены и расположились на нескольких столах праздновать сие навоселье. Кораллы и жемчужные раковины украшали сосуды и умножали великолепие; гости пировали спокойно, и морской бог накатила уже изрядно лоб

¹ Водный дух.

² В древнегреческом Эпосе Харибда—оллицетворение морской пучины.

³ Бог морей.

⁴ Крым.

⁵ Морская богиня.

нектаром,⁶ который ему отпускается по-сучточно с Юпитерова двора.

— Вот наконец, я выбрал себе очень спокойное жилище,—сказал он с восхищением,—теперь уже ничто меня более не потревожит, и неугомонные смертные перестанут, плаывая над моею головою, сбрасывать ко мне всякой сор, как то они донныне дельвали. Вообразите,—продолжал он,—что некогда я должен был от них перенести свой двор к берегам Америки! Что ж вы думаете, оставили ли они меня там спокойно? совсем нет: в день празднования моего брака с Фетидою, когда я меньше всего ожидал, вдруг ударили меня по голове якорем: это был Колумб, которому вздумалось искать нового света, богатства и славы. Представьте мое удивление, когда получил я шишку на лбу от якоря в таких местах, где меньше всего ожидать приезда корыстолюбивых смертных. Перевазав свою разбитую голову морскою травою, пустился я кочевать далее к северу, не оставляя однакож берегов Америки, и после того был несколько времени спокоен, как вдруг упало на меня пушек с восемь, и ес-ли б я не был бог, то переломало бы мне все кости. Проклятые смертные! вскричал я, вы нигде мне не дадите покою! С превеликим трудом вытащили меня всего изуродованного из-под пушек, и я узнал, что эти пушки, которыми меня чуть было не задавило, упали с корабля, потонувш го со многими другими кораблями серебряного флота, отправлявшегоса в Гишпанию из Америки. Опасаясь, чтоб не быть опять таким образом когда-нибудь задавлену мореплавателями, решил я перенести свой двор под которой-нибудь полюс, и в тот же час бросился к северному, ко едва было не замерз со всем своим двором, и уже сбирался в скором времени оттуда выбраться, как вдруг побудила меня поспешить тем самая важная причина.

Одним днем, очень спокойно сидя, гыпивал я для обогрениа себя двадцать ше-

⁶ Напиток богов.

бутылку нектара, как в ту самую минуту о ужасное зрелище! увидел, что мою любезную Фетиду волокли мимо меня, зацепив за шею веревкой с привязанною на оной гирею. Бедная моя жена кричала и барахталась руками и ногами, но не могла никак освободиться от проклятой петли, в которую судьба ее ввернула. Кто такой дерзновенной, вскричал я, который осмеливается так бесчестно поступать с моею женою?—Мне довели, что это были агличане, которые искали прохода к полюсу на своих кораблях, из коих с одного опущенный лот опутался около шеи моей дорогой Фетиды, чем давно бы ее удавило, если бы она не была бессмертна. Мы кое-как ее отпутали, и я побежал опрометью из этих проклятых мест, в которых думал было совсем избавиться от людей, и где они чуть не давили мою любезную супругу.

Шествуя оттуда со всем двором по морским стенам, озлился я на всех мореплавателей, и вздумал одним разом отправить их к Плутону.¹ Утвердясь в сем намерении, возволновал я море столь сильно, что надеялся потопить все корабли без изъятия, но вместо желанного успеха наделал только тем более себе беспокойства: волны, пронося мимо меня корабли, нередко задевали меня за голову и перегидали вверх ногами; с иных кораблей бросали наполненные золотом ящики и подбивали ими глаза моим придворным; две любимые мои кобылицы окривели от срубленных мачт, которых концами повыкололо им по одному глазу; четверым из моих любимых Тритонов переломало руки сброшенными с тех же кораблей пушками. Видя это, я опасался, чтобы, желая нанести беды мореплавателям, не претерпеть более их мне самому и не превратить бы свой двор в больницу, ибо большая уже половина нежных моих придворных была перепятнана носящимися по морю обломками кораблей. Итак, в предосторожность, для себя и для оставшейся половины моего двора, утишил я погоду и оставил людей на призыв самим себе, проклиная их жадность к богатству и к пустой славе.

Но не думаете ли вы, что эта буря их

устрашила и заставила убежать моря? Совсем нет: тотчас по утишении ее увидел я проезжающие полуобломанные корабли, на которых пьяные матросы были так же спокойны, как будто бы они были на твердой земле, и бранили друг друга для препровождения времени; а те, которые во время прошедшей бури принуждены были сбросить с корабля часть своих сокровищ, не столько радовались тому, что утихлась буря, сколько сожалели о пстерянии оных, и желали сердечно удвоить свои опасности на сей жидкой стихии, надеясь возвратить потерянное.

После сего не мог уже я нигде найти себе спокойное жилище: куда я ни уходил, везде, кажется, нарочно за мною гонялись земные жители и старались меня беспокоить; украшения дворца моего, уборы мои и моих придворных — ничего от них не оставалось в целости. Хотя многих из них буря наказывает за их дерзость, и хотя многие низвергаются с водяной поверхности на дно морское, со всем тем оставшиеся думают, что морские ветры вредить их не могут и продолжают спокойно свое плавание, ожидая, что природа из уважения к ним переменит свои законы и удержит в неподвижности моря. Итак, я, видя во всех странах непрестанно проходящие над моею головою корабли, перестал уже стараться искать мест, неизвестных смертным, и решился здесь основать свой двор как для ясности погоды, так и для теплоты, которую я по своей старости очень жалую. Сверх чаяния, нашел я здесь себе спокойствие, которого столь давно желал: правда, хотя и здесь вижу я много кораблей, но это мне придает более осторожности, и я учредил часовых, чтобы они отводили от моего лба якоря, которые сверху иногда бросают. Здесь во время непогоды корабли не задевают за мою голову, для того, что отсюда очень близки берега, в которых они себе паходят убежище, не кидая на мой двор своих пушек и сундуков.

В самое то время, как он таким образом любовался своим спокойствием, вдруг осветило все собрание, и раздался гром над нашими головами; Фетиды, как нежная богиня, упала в обморок, а у Плутона выпала из рук бутылка с нектаром.

¹ Т. е. в Ад.

которая была уже пуста, а иначе он, конечно, держал бы ее крепче в своих божеских руках. Все собрание устремило вверх глаза и увидело над собою целый плавающий город, который перестреливался с другим таким же городом.¹

— Хорошее место выбрали они для драки! вскричал Нептун. — Ваше величество, — сказал один из придворных, — конечно, они не знали, что вашему божескому произволению угодно было сделать пир на сем месте, ибо если бы смертные о сем знали, то никак не осмелились бы над вашею головою драться, и тем беспокоить вас и все почтенное собрание... — Ах! — вскричала Фетида, которая лишь только что опомнилась: я занемогу, если эта ужасная драка еще будет продолжаться. Любозный Нептун! — говорила сна, обратясь к своему мужу, — отведи отсюда скорее сии корабли. — Ах, Фетида! — вскричал Нептун, — ныне уже не старые времена, когда я, как хотел, так ворочал всеми морями и всеми плавателями: ныне ни одна живая душа из обоих флотов меня не послушает, и если бы мне вздумалось самому вытти их унимать, то, конечно, с обеих сторон ничего бы я не получил, кроме нескольких ударов веслами или, еще и того хуже, расквасили бы мне нос пушечным ядром, а вместе с носом я был бы в опасности потерять и твою любовь, ибо, не в огорчение сказать вам, женщинам, всякой мужчина, потеряв нос, всегда бывает в великой опасности лишиться обожания самой страстной своей любовницы. Итак, пускай они дерутся, мы здесь так глубоко, что нас мало должна трогать их ссора. Желал бы я только знать, какая причина принуждает их драться на воде, а не на земле? Со всем тем выпьем однакож за здоровье будущих победителей, ибо политика требует, чтобы всегда представлять к сильной стороне, чему всегда последовали мои товарищи Олимпа, как под Троею, так и в других сражениях.

В самую ту минуту, когда владетель океана подносил ко рту рюмку, и лишь только растворил было рот, вдруг расшибло ее вдребезги упавшим пушечным

ядром, за коим последовал град других ядер, которые стучали в самые маковки всем присутствующим на сем почтенном собрании, и перебило всю на столе посуду.

Такие гостинцы могли бы отправить к Плутону большую половину нашего собрания, есть ли бы все мы были не бессмертны, однакож со всем нашим бессмертием такие щелчки ни одному из пирующих не понравились. Сам Нептун вышел из терпения, хотел взволновать все море и разнять воюющих так, как разнимают в некоторых местах кулачных бойцов заливыми трубами.

— Провал их поberi, — вскричал Нептун, — отобедаем поскорее и оставим здешние места. Господа! — кричал он, — прошу отведать из этого блюда, пригостовленного из плеска самого жирного кита. — Мы прстянули было руки, как вдруг изуродованный чалмоносец упал в сие блюдо. Гости, видя такую дурную приправу, оставили охоту отведать китова плеску и проклинали всех чалмоносцев на свете, которые мешают пировать на новоселье и прыгают так не кстате в божеские соусы.

Не успели мы очистить блюдо от магометанца, как целые груды сверху попадали его одноносцев и на нас и на наш стол. Фетида вновь упала в обморок со страху от покойников, хстя Нептун доказывал ей, как возможно красноречиво, что от мертвого тела так же непристойно лишаться чувств, как от каменной статуи. Ах! — кричала она Нептуну, — ты никогда меня не перестанешь мучить, и я вечно принуждена буду видеть здесь мертвецов и пискарей, которые всегда наводят мне обмороки.

Ты видишь, любозный Маликульмульк, что не одни ваши женщины от мышей и от пауков лишаются чувств, и наша богиня так же пискарей боится.

Когда все находились в таком замешательстве, вдруг упало к нам несколько опаленных и половина еще живых рыцарей луны, и один из них попал прямо на колени к Нептуну. — О Магомед! — вскричал он, — теперь я верю, что янычару очень трудна дорога к твоим гуриям: пошли же ко мне из них поскорее хстя одну, чтоб я мог видеть, не попустому ли я лишился своих ног и своей головы.

¹ Далее имеется в виду вторая Турецкая война 1787—1791 гг.

— Дерзновенной! — вскричал Нептун, — ты не у Магомеда в раю, но в недрах моря у обладателя жидкой стихии, и я скоро накажу тебя за твою дерзость, что ты осмелился беспокоить мое величество. — Как! — вскричал музульманн, — так я напрасно дрался и проливал кровь свою за Магомеда, которой не печется теперь избавить меня из воды и вместо послания ко мне прекрасных гурий оставляет, может быть, на съедение морским чудовищам! Увы! если бы я это знал, не оставил бы мою любезную Зюлиму и не променял бы ее на гурий, которых, как видно, и на свете не бывало; я не стал бы драться с людьми, которые мне никакого зла не сделали, и не дал бы себя изуродовать и опалить, во ожидании за то себе награждения в третьем небе. — Но скажи мне, — сказал Нептун, — какую причину имели вы драться, и что понудило тебя, оставя спокойную жизнь, идти искать своей гибели на море. — Увы! — отвечал обожатель Магомеда, — мне сказано было от муфтия и от имана,¹ что люди, живущие от меня за несколько тысяч верст, которых я от роду в глаза не видывал, ужасно обидели и меня и пророка Магомеда, которой уже несколько сот лет лежит спокойно в Мекке, и что я непременно должен идти драться с этими людьми, если не захочу быть лишен на бесчисленное множество веков райских гурий. Услыша это, оставил я жену и поехал посмотреть тех людей, которые обидели меня и давно уже умершего Магомеда, будучи в твердой надежде всех их перебить, ибо в Алкоране нашем именно сказано, что нас никто не победит до последнего века, но наши неприятели, несмотря на такие сильные обе-

щания Алкорана, в другой уже раз сожигают наш флот, и меня сего дня со всем моим усердием отмщать Магомедову обиду, с доброю надеждою будущего рая и с моею галерою взорвало на воздух и бросило не на небеса, как бы должно было мне того ожидать, но на морское дно, где я вижу ясно, что наши муфтии и иманы обещают нам селения в таких местах, куда они сами никогда прибыть не надеются, и для того, не полагаясь на будущую жизнь, собирают с нас деньги, чтобы было им чем райски жить на земле. — Но скоро ли, по крайней мере — спросил Нептун, — кончится ваша драка? — Может быть, тогда, когда всех нас перебьют, ибо некоторые товарищи мои обнадежены, что всех, кого подымет на воздух, прямо порохом взбрасывает на небеса, и думают тем угодить пророку, своему защитнику, которого и самого так же бы взорвало, как и других, если бы он между нами случился. Однакож большая часть из моих земляков мало верят сим пустым уверениям и, видя, как повсюду бывают они поражаемы своими храбрыми неприятелями, имени их страшатся, и как на море, так и на земле не долго выдерживают с ними сражение, но всегда принуждены бывают или от них бежать без памяти, или, положа оружие, отдаваться в их волю. —

Нептун, видя между тем умножающиеся кучи музульманов, поспешил со всем своим двором и с любезною своею супругою возвратиться из столь беспокойного места, а я продолжал мой путь оставя глупых музульманов делать скачки по воздуху, в честь своего Магомеда, который у Плутона вместе с ними посмеется, может быть, над их дурачеством.

ПИСЬМО СОРОК ВТОРОЕ,

ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Теперь хочу я уведомить тебя, любезный Маликульмульк, о том, чем кончилось предприятие французенки, желающей пристроить брата своего к месту.

Мне очень хотелось знать, кто будет тот несчастной, кому французской беглец с виселицы достанется в учителя,

и найдутся ли столь глупые родители, которые бы поверили воспитание своих детей почти безграмотному плуту, который скорее может научить, как вытаскивать из карманов платки, нежели наставить в добродетели: и для того на другой день не умедлил я невидимкою прити к французенке, которую застал покупающую у здешних купцов гнилые

¹ Магометанские служители культа.

товары и обертывающую их в бумаги, украшенные французскими надписями, чтобы после продавать за иностранные.

Едва отпустила она купцов, как вошла в лавку молодая девушка с своею учительницею и начала рассматривать некоторые товары. Минуту спустя вскочил в лавку молодой щоголь, который, между тем, как девушка перебирала разные уборы, успел переговорить тихо с ее учительницею. — Говорила ли ты с нею обо мне? — спросил он ее. — Надейтесь на успех, — отвечала сия плутовка, — она вас любит, и остается нам преодолеть один только ее страх. Но, господин Скотонрав, — продолжала она, — право, услуживая вам, я опасюсь лишиться места. — Не бойся, — отвечал он, всунув ей в руку кошелек с деньгами, — если ты потеряешь свое место, то я представлю тебя моей матери в надзирательницы к моей сестре. — Мадам отскочила от него, а он подошел к девице. — Божь мой! — сказала красавица: — ни одного убору не могу выбрать по своему вкусу. — Сударыня! — вскричал подлипало: — вам только стоит выбрать какой-нибудь: всякой на вас будет казаться прекрасным. — Девушка присела перед ним и покраснела; в сем состоял весь ее ответ. — Ваша стыдливость доказывает, будто вы мне не верите, — говорил щоголь: — ах! сударыня, неужли почитаете вы меня лицемером? Ваша надзирательница, конечно, повторит вам мои мысли и я клянусь вам сею прекрасною ручкою (при сем схватил он ее руку и поцеловал), клянусь всяким из сих нежных пальчиков, что я говорю правду. — Государь мой, — отвечала ему девушка в смущении и почти заикаясь, я не заслужила таких приветствий... — И, сударыня! — перехватила речь ее надзирательница, — учитесь лучше жить в свете: можно ли принимать так ласки молодого мужчины, который всеми способами столь уже давно старается сыскать случай доказать вам свою любовь и преданность? Можно, право, с первого на вас взгляда узнать, что вы недавно выехали из деревни. Нет! воля ваша, я не допущу вас так сурово обходиться с мужчинами. Вы ведь видели, как здешние девушки с ними ласковы: старайтесь по-

дражать им и оставьте эту деревенскую застенчивость, которая делает вас смешною. Я, как учительница, вам это говорю, и, как друг ваш, вам это советую — Ах! божь мой! вскричал щоголь надзирательнице, — ради бога оставьте свои выговоры; я в отчаянии, что сделался причиною оных. Но, сударыня, — продолжал он, оборотясь к девушке, — если ваша застенчивость происходит от того, что я вам противен, то прикажите мне отсюда выйти. — Я не говсрю вам этого, сударь, — отвечала робкая красавица: будьте спокойны здесь и дозвоьте только выбрать мне для себя несколько уборов, после чего должна я тотчас ехать: матушка уже, я думаю, давно меня дожидается. — Выбирайте, сударыня, — сказал подлипало, и после того продолжал хвалить ее красету и целовать ее руки, а она, боясь, чтоб опять не назвали ее деревенскою, допускала его это делать, и только иногда ему кланялась. — Что стоит эта шляпка и косынка? — спросила она у торговки. — Шестьдесят рублей, — отвечала французенка: да они уже куплены сим господином, говорила она, указывая на Скотонрава, но если он позволит, то я их продам вам, а ему сделаю другие. — Позволю ли я! — вскричал сей негодяй: ах! я за счастье сочту, если она выберет то, что мне понравилось. Девушка ему поклонилась и хотела заплатить торговке деньги, но он вдруг остановил ее руку, сказав ей, что деньги уже заплачены. — Удостоите, сударыня, — говорил он с восхищением, — это взять, я счастливым себя почту, еслили могу вам услужить такою малостью. — Ах! кстате ли, сударь, отвечала красавица, принимать мне от вас подарки: матушка будет на меня гневаться, когда об этом узнает. — Вы еще не оставили своих деревенских пребил, — сказала честная ее надзирательница: ну, все ли должно знать матушке, что делает дочка? Довольно и того, еслили я это знаю, и неужели вы захотите сделать неучтиство, отказав сему господину в просьбе, не находя в том ничего дурного. Поживите, сударыня, поболее в большом свете, вы узнаете, что нет никакого худя принимать девице от мужчин подарки: разве вы не помните, как в бытность нашу в

доме у графини Беспутовой при вас подарил молодой человек дочь ее прекрасным склаважем, неужли вы позабыли, что тут же другой молодой человек проигрывал ей нарочно свои деньги, а это ведь те же подарки? Возьмите, сударыня, возьмите эту шляпку и косынку, а деньги свои поберегите для других веселостей: вы знаете, что вам очень не легко выпросить у своей матушки и пятнадцать рублей. Если же вы скажете об этом вашей матушке, то она, верпо, не зная правил большого света, вас забранит и заставит жить и думать так, как ей угодно, то есть: почти не говорить смущинами, сидеть, потупя глаза в землю, и бояться сказать лишнего слова, чем вы сделаетесь смешны во всем здешнем городе, и на вас все благородные девицы будут указывать пальцами. — После такого прекрасного нравочения девица приняла подарки и накупила еще других уборов, за которые щоголь заплатил свои деньги, и за все это, прощаясь, поцеловал у красавицы ручку. — Прощайте, сударыня, — сказал он, — я желаю вам скорее узнать большой свет. — О! сударь, — перехватила речь его ее надзирательница, — девица имеет все дарования, чтоб его украшать собою: она поет, как ангел, и прелестно танцует. — Ах! этому я верю, вскричал Скотонрав: голос, выходящий из ее прекрасной груди и прелестных уст, может ли не трогать сердце, а с такою прелестною талиєю и с такими бесподобными ножками можно ли худо танцовать? О! сударыня, да мы сразимся с вами в этом искусстве. Меня ничему столь прилежно не учили, как танцовать: один танцмейстер за учение мое столько же брал от моей матушки денег, сколько все учителя вместе; после того я ездил в Париж, где и довершил сие искусство, хотя и в других полезных молодому человеку знаниях я не был ленив, ибо я могу похвалиться, что матушка моя не жалела ничего, чтобы сделать меня совершенным... Певец Брелляр (Braillard¹) обработал мою грудь; фехтмейстер и стрелец Фанфарон (Fanfaron²) обработал мои руки, а славной французской танц-

мейстер любезной мой Бук (Bouc³) обработал мои ноги и сделал меня совершенным человеком. Я постараюсь доказать вам это при первом случае, когда вас увижу, если только удостоите сказать мне те счастливые места, которые украсите вы своим присутствием. — Я, сударь, в будущем маскараде надеюсь быть с моею матушкою, отвечала скромница, из вида которой примечал уже я, что она ухватками сего господчика и наставлением своей французской надзирательницы начала спотыкаться на пути добродетели. — Мы нередко будем и сюда ездить для покупки уборов, сказала ее учительница. После сего они уехали, и я сожалел о неосторожности сей девушки, бранил ее мать, что поверила воспитанне своей дочери такой плутовке и проклинал сию бродяжку французенку, которая, недовольна тем, что нашла себе хлеб в честном доме, в благодарность вздумала развращать невинную девушку, в чем способствовала им и содержательница лавки, обещав Скотонраву, что она в своей лавке дозволит производить все старания для погубления добродетели сей девушки, которая, как кажется, очень скоро развратится, навидевшись примеров в большом свете.

Едва вышли все из лавки, как вошел к торговке ее брат. Они сели в карету, а я поместился тут же напротив их: ты знаешь, любезный Маликульмульк, что духу не много надобно места.

— Надобно тебя предувдомить о здешних жителях, — говорила французенка своему брату, — и сказать тебе, до какой степени можем мы их обманывать и пользоваться их легковерием. Американцы, в первые времена прибытия к ним европейцев, не столько их уважали, сколько здесь уважают французов: те победили американцев оружием, а мы побеждаем здешних жителей хитростию; те выманивали у них множество золота за колокольчики, погремушки и бисер, а мы не менее здесь достаем золота за такие вещи, которые нимало не важнее и не дороже погремушек и медных колокольчиков, с тою еще выгодою, что колокольчики можно употреблять несколько десятков

¹ Горлан.

² Хвастун.

³ Козел.

лет, а наша и самая прочная безделка не станет на три месяца. Однакож со всем тем здешние жители почитают должностно разоряться, чтоб только иметь честь отдавать нам свои деньги. Правда, что от того здесь час от часу становятся дороже деньги и все необходимые для содержания вещи: одна наша лавка может разорить в год до ста тысяч крестьян, но эти сто тысяч хлебопашцев здесь меньше уважаются, нежели один француз, торгующий шляпами, помадою и стальными дуговицами: почему наши одноземцы, узнав такое щастливое к ним уважение, не замедлили толпами приезжать сюда (хотя многим из них так же, как и тебе, любезной брат, выехать было нечем), чтобы здесь наградить свою бедность и жить пышно на счет здешних добродушных жителей.

Считается три рода главных упражнений, которыми мы здесь разоряем и приготавлием к разорению ежегодно по несколько тысяч человек, а именно: торговля модными товарами, рукоделья и учительство.

Что касается до торговли, то ты мог уже понять из моих повествований, сколь она для нас выгодна. Наши лавки могут назваться храмами вкуса и любви, ибо в них покупают у нас модные товары и делаются тайные свидания волокит и молодых девушек, из коих иные очень строго содержатся дома, и для того под видом закуски уборов приезжают они к нам, и мы часто вводим их к себе в комнаты, где они находят своих любовников, кои им более всех уборов нравятся: с обеих сторон платят нам щедро, и, сверх того, покупают у нас дорогою ценою товары, потому что почитают за стыд торговаться в тех лавках, в которых они своими средствами не одно канале¹ изломали.

Из всех рукоделл в важнейшем почитается искусство честных волосочесов. С сим знанием не редко бывает соединена должность Меркурия и ростовщика. Они, отправляя таким образом все сии звания вдруг, получают множество доходу, не тратя ни копейки своих денег. Нередко волосочесы, нажившись от гребенки, от волокит и от мотов, ста-

новятся богатыми купцами, потом вступают в гражданские звания и достают себе чины, и тот, кто у нас был в опасности умножить галерную беседу и повелевать одним деревянным веслом, управляет здесь несколькими числом людей, которых одна только бедность удерживает в уничижительном состоянии.

Теперь надобно растолковать тебе об учительском звании, которое для тебя всех важнее, потому что ты скоро будешь его на себе носить.

Еще не прошло одного века, как жители здешние сами воспитывали своих детей и толковали им только о том, чтоб были они честными людьми, храбрыми на войне и твердыми в переменах счастья; к таким наставлениям не редко способствовали примеры самих отцов, которые всегда старались содержать при себе детей своих. Тогда жители здешние хотя не были красноречивы, но говорили также истины, которые не было нужно поддерживать красноречием. Ныне же, по простовитию варварских времен, вздумали, что тот не может быть хорошим гражданином, кто не умеет танцовать, прыгать, вертеться, говорить по-французски и болтать целый день, не затворяя рта, в беседах. К такому воспитанию необходимо понадобились французы. Ныне не жалеют ничего, чтобы сделать детей своих приятными в большом свете, и для того учат их хорошо кланяться, держать себя всегда в лучшем положении и не говорить здешним языком, но иностранным. Им не говорят ни слова о том, что есть добродетель и полезна ли она. Отцы советуют всегда иметь в наличности деньги, которые могут заменить достоинства и поправлять недостатки; а учителя научают променивать сии деньги на кафтаны и на щегольство, которое здесь заменяет иногда богатство. Итак, братец! когда вступишь ты в учителя, то берегись перед детьми раскрывать умных книг, ибо они за то станут тебя ненавидеть и наговаривать своим родителям, которые назовут тебя педантом и сгонят со двора. Тверди своим ученикам только то, как должно жить в большом свете, и поставь их на такой ноге, чтобы они могли быть из числа усерднейших французских данников; а когда они вырастут,

¹ Дваца.

старайся потакать их порокам: они тебя тем более полюбят и удвоят твою жалованье. Не забывай им твердить, что одни только французы могут назваться совершенными людьми, и что они до тех пор будут невежами, пока не сделаются совершенными им подражателями. Читай перед ними чаще философию французских Эпикуров и Спиноз:¹ ученики твои начнут сперва по-маленьку бранить веру и добродетель будут называть пред-рассуждением, а батюшки и матушки станут тем забавляться и рассказывать всем, что дети их превеликие забавники, и чем больше дети будут насмехаться над тем, что в старину называлось свято, чем более будут они делать шалостей над старыми людьми, тем более ты в доме будешь нравиться, и тем больше тебя станут выхвалять во многих домах, и ты будешь, наконец, отпущен с награждением и с деньгами, которые помогут тебе завести лавку, куда после будут ездить по знакомству твои ученики и платить тебе вдвое дороже против других. В коротких словах, вот вся твоя должность: маленьких приучай к разным шалостям, а когда вырастут, помогай им мотать и делать разные денежные переводы; набери с них векселей через третьи руки, и естли только будет можно, разори их. Поверь, что француз никакими поступками не потеряет здесь уважения, и самое то, чем у нас мог бы ты заслужить галеры, здесь доставит только тебе имя остряка. Старайся более всего, для сокрытия проворных твоих выдумок, всегда ссорить детей с родителями, чтобы они никогда не могли с ними быть откровенны; сделай их неприятелями друг другу, и будь обеих сторон псевверным; разорай одну сторону другую и с обеих

сбирай деньги: вот правило, по которому поступают многие честные наши одноземцы, которые, оставя свое ремесло, выезжают сюда; чтоб быть здесь учителями. Правда, от такого воспитания родители своими детьми веселятся только в их младенчестве и стыдятся их, когда они войдут в совершенные лета; правда также и то, что от сего нового воспитания мало-по-малу искореняются здесь честные люди старого века, которых называют ныне невеждами, а на место их вступают люди большого света, которые делаются столь же худыми воинами, сколь дурными гражданами, которых все совершенство состоит только в том, что на них кафтаны хоршего покроя. Со всем тем родители об этом очень мало заботятся и продолжают воспитывать детей по новому образу, которой нашим землякам доставляет много пользы, ибо они молодых людей здешней земли наперед приготавливают к роскошам и к мотовству, а потом сами пользуются их пороками и наживаются от их слабостей. Итак, можно утвердительно сказать, что они сих детей воспитывают не для отечества, но собственно для себя. Вот, любезный брат, все правила, которые нужно было тебе узнать: умей ими пользоваться; опыты окажут тебе достальное. — При сих словах карета остановилась, они вышли у ворот довольно богатого дома, и я также последовал за ними. Француз был принят очень ласково и с довольным уважением: ему поручены были на воспитание двое молодых людей, не испорченных еще новым воспитанием, но должно надеяться, что со-временем успеет он сделать их подражателями и данниками французов.

ПИСЬМО СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ,²

ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

На сих днях, любезный Маликульмульк, услышал я от пролетевшего мимо меня Сильфа, что в одном обширном государстве, привлечшем на себя, в нынешнем веке, внимание всего света, будет

представлена новая драма. Любопытство мое в ту ж минуту принудило меня туда перелететь и радоваться, что и в сих холодных местах науки зачинают обогревать своими лучами замерзлые сердца жителей.

Вот, скажешь ты, смешное желание, играть из государства в государство и

¹ Т. е. Вольтера и энциклопедистов.

² Сатира на Соймонова — директора театров.

из театра в театр, только для того, чтобы видеть новое театральное зрелище, которое, может быть, не стоит того, чтобы заняться им два часа, и переноситься несколько тысяч верст за тем, чтобы после бранить автора, дерзнувшего навести ужасную зевоту вдруг тысячам двум народу, за наличные их деньги! Все это может стать, а особливо в такие времена, когда театр сделался не училищем прав, но их развращением. Однако, выслушай мое оправдание: оно не в ином чем состоит, как в дошедшем до меня описании сего государства: прочти его и после рассуждай, основательно ли было мое любопытство.

Что в древни времена был Рим,
 Чем славились Египет, Греки,
 То возр жденным в наши веки
 Мы в сей одной державе зрим:
 Граждан уставы не жестоки,
 У них лишь связаны пороки,
 Невольи нет, хотя есть трои:
 У них есть Царь, по есть закон.
 Минерва,¹ права в сих местах,
 Рабов не щет малодушных;
 Но хочет лишь детей послушных,
 Вперя к себе любовь, не страх.
 Во гневе гром ее ужасен,
 Но он врагам одним опасен,
 Им мышцы льва ослаблены,
 И ломятся рога луны;²
 Она не гонит и паука,
 Не дремлет, видя их, от скуки:
 И можно ль гнать тому науки,
 Кто девушкам Парнаским³ друг?
 Кто с резвой Талиею стрелы
 В привычки мечет зарубелы;⁴
 Чтобы из нравов то извлечь,
 Что слаб один закон пресечь.
 В пастливой этой стороне
 Суды воюют с преступленьем,
 Но со страстьми и заблуденьем
 Одни Писатели в войне.
 Невинности для обороны,
 И, злобе в страх, цветут законы;
 Расправа есть и шалунам,
 Театры глухих учат там.
 В такой цвета пастливой доле,
 В лучах Фемиды и наук
 Не знают там, что быть в неволе,
 Есть способы отбыть от скук:
 И льзя ль страдать в том обитанье,
 Где есть порокам наказанье,
 Где осмеянья ждет глумец,
 А лавра вои и мудрец?

¹ Екатерина II.

² Намек на войну со Швецией и Турцией.

³ Музам.

⁴ Комедии Екатерины II.

В сем-то государстве, как сказали мне, представлена будет новая драма. Можно ли мне было заключить о ней что-нибудь, кроме хорошего, и, сделав сие заключение, не лететь в ту ж минуту, чтоб насладиться новым произведением просвещенного вкуса и ума. Я туда летел с обыкновенною нам скоростью и видел с удовольствием под собою великолесные города, пространные поля, способные для хлебопашества, зеленеющиеся и обещающие богатую пажить луга; видел также леса, моря и озера, которые все являли изобилие сей пространной части земного шара. Пролетев все это, влетел я, наконец, в самый театр, где, принявши вид человека посредственного состояния, успел еще занять выгодное для себя место. Я бы мог и не платя денег, в моем собственном в де, занять самое лучшее место, но мне хотелось послушать рассуждения знатоков о сем новом зрелище и узнать лучше вкусы зрителей и успех автора.

Все места были в минуту заняты, и в амфитеатре сделалась такая теснота, от которой модные чоски и пуговицы, я думаю, очень много пострадали.

— Конечно, спросил я у одного, — сидевшего подле меня, — господин автор очень любим здешним обществом, что такое множество собралось зрителей смотреть его сочинения? — Нет, — отвечал мне мой сосед, — мы еще совсем не знаем автора, но публика здешняя очень жалует новости, и часто в зрелище, которое дают в первый раз, бывает столько много зрителей, что еслиб после заставили его играть круглый год сряду, то не собрали бы столько денег, сколько соберется во время первого представления. Многие зрелища бывают здесь такие, которые могут похвалиться только первым сбором, а для сей-то причины авторы всегда скрывают свое имя для первого раза, чтобы обрадовать оным публику тогда, когда они увидят, что их сочинения торжествуют и в последующие представления, что однакож не всегда случается, и они часто принуждены бывают скромничать навсегда своими именами.

Лишь только успел он сие договорить, как вдруг началась музыка, потом вскоре

подняли занавес, и мы увидели то, чего не ожидали.¹

Человек с сорок пели в саду. Потом два садовника поссорились и чуть не подрались за какую то причину, которую, видно, автор почел важною, но она не стоит того, чтоб об ней упомянуть. Между прочим возвестили они, что их барин чрезвычайный охотник до музыки, и что ждет к себе какого-то музыканта, за которого хочет выдать свою дочь. Немного погодя выходит одна из дочерей сего славного охотника музыки (он имел двух дочерей), и лишь только она показывается, то мужики, которые подчищали в саду деревья, просят ее, чтобы она потешила их и спела бы им песенку. Барышня, желая перед ними пощеголять своим голосом, поет на иностранном языке. Мужики восхищаются ее пением, а она, радуясь, что нашла людей, которым потрафила на вкус, зачинает перед своими холопами еще другую песню, и опять на другом иностранном языке. Мужики, которые, как кажется, и в своем языке не очень сильны, продолжают восхищаться ее песнями, и просят ее еще перед ними попеть, а она, не жалея для таких важных слушателей своего горла, затягивает песню на своем природном языке, будучи вне себя от радости, что ее все огородники хвалят, и потом уходит зачем-то к своему батюшке.

Между обожателями ее голоса находилась тут молодой дворянин, который в нее влюбился, и хотя он благородный человек и равен в богатстве с своею любовницею, но, не зная, как за нее посвататься и как войти в дом к ее отцу, ничего не вздумал лучше, как в своем господском платье и в шегольской причске пристать к толпе деревенских растрепанных мужиков и басыть, чтобы охрипнуть, подтягивая им песни, которыми их господин изволил забавляться, а в награду за это хотел увидеть хотя свою любовницу, которая, не зная его состояния, сама в него влюбилась, лишь только он перед нею показался. Вот довольно пылкая любовь и скорая решимость для мо-

лодой деревенской девушки, которая (как после будет видно) выходит за сего любовника прежде, нежели успеет узнать, как его зовут, не говоря уже о нраве. И таким образом всякое лицо, поговоря на свою долю несколько глупостей и попев ни кстате, ни к ладу, оканчивают первое действие.

Во втором действии показывается сам сей славный любитель музыки, и как он ни смешон, ни жалок, говорит о музыке, не зная ее. Автор, как кажется, хотел, чтоб зрители смеялись над музыкой, но они ошибкою хохотали над автором. Будем, однако ж, продолжать наши примечания. Несколько спустя приезжает к нему из Италии певец, который до такой степени глуп, что позабыл свой природный язык и коверькает в нем слова, как немецкой сапожник: такое редкое в нем дарование очень нравится старику, и он спрашивает у сего полу-итальянца по разговорам, и полу-человека по уму: не хочет ли он жениться на которой-нибудь из его дочерей? Тот получает время, чтобы подумать о сем выборе, и встречается с тем дворянином, который из любви к своей Дульцинее подпевал крестьянским бабам. Они делят между собою двух сестер, хотя последний не знает, понравится ли он своему нареченному тестю. Наконец, в третьем действии заключается свадьба полу-итальянца с старшею дочерью любителя музыки, как вдруг сказывают старику, чтоб он выдал и другую дочь за подпевалу у крестьянских баб, а дочка сама одобряет перед батюшкою своего жениха, которого она столько знает, что естли бы он через три дня ей попался, то бы она совсем его не узнала. Жених выхваляет перед старичком себя и свое знание в музыке, а тот, не простирая далее своих вопросов, обещает завтра их обвенчать. Сия пара столь была тому обрадована, что целомудренная невеста кричит во все горло, что когда она наживет себе с своим мужем пару детей (подлинно, девушкино желание!), то приготовит им гудок и балалайку, или что-то такое, во что я уже не вдулся. Сие желание так понравилось старику и другой его дочери с полу-итальянцем, что и они тоже закричали, а напоследок сколько ни было тут крестьян и крестьянок,

¹ Далее передается содержание комической оперы «Две невесты», которая ставилась в Петербурге в 1789—1790 гг.

всякой из них захотел по паре детей и по гудку с балалайкою, и тем окончили оперу, оставшись все при таком прекрасном желании, которого никакая честная и скромная девушка не может, не краснеть, произнестъ ниже перед своим любовником, а не только перед шестьюдесятью человеками народу. После сего закрыли занавес, и это было самое лучшее место из всей оперы.

Вот, любезный Маликульмульк, содержание сей оперы. Я рассказал тебе его, не прибавя от себя ни одного слова. Скажи, пожалуй, каково оно, или, лучше, есть ли какое содержание в сей опере?

Я уже не говорю, какой имел предмет автор, не знающий театральных правил, вывести человек шестьдесят на театр, чтобы здушить болташием их и криком честных зрителей, и что такое он хотел осмелеть, ибо пороки у него торжествуют: старик остается при своей слабости и, может быть, будет крестьян своих отрывать от работ для песен, до тех пор, пока сам с ними и с любезными своими дочками и зятьями не околеет с голоду, что бы еще так лучше было видеть на театре, хстя для отвращения, чтобы этого не сделалось и в самом деле, но, сверх сей погрешности, тут нет ни характеров, ни завязки, ни развязки, ни правильных действий, ни умного, ни смешного, а это все, кажется, не лишнее в шутовой опере. Но я и позабыл тебе писать продолжение моей повести.

Лишь только закрыли занавес, как я, оборотясь к моему соседу, спрашивал у него, неужели позволено обременять публику всем, что какойнибудь парнасской невежа набредит изволит. — Театр, — говорил я ему, — есть училище нравов, зеркало страстей, суд заблуждений и игра разума, но здесь ничего этого не видно. Всякой из зрителей ничего не узнает нового кроме того, что он заплатил деньги за то, чтобы зевать до слез три часа и против воли слушать бредни какого-то несчастного подлипапы Муз. Это зеркало не страстей, но дарования авторского, который на Парнассе, кажется, не из самых пылких, ибо он не приметил и того, что к его сочинению не приделано ни конца, ни начала. Что касается до игры ума, то не в противность

здесь учены, право, автору, кажется, нечем было поиграть, а сестры на театре здесь представляются одни только разговоры и поют одни песни, то лучше бы для слушателей было выслушать одним присестом все разговоры Лукьяновы и Аристиппа¹ с своим сыном, и два или три тома песен нашего автора, который некогда по справедливости мог ими пощеголять. —

— Ах! сударь — сказал мне мой сосед, — все ваши слова справедливы; добрый вкус у всех просвещенных народов один, а глупое никакому рассудительному человеку не понравится, но театр здешний столь беден, что он должен представлять или переводные, или подобные сему сочинения. Правда, мы могли бы видеть более новостей, но здесь выбор в сочинениях очень строг. Я знаю двух моих знакомых, которых сочинения года с три уже в театре, но нет надежды, чтобы они и еще три года спустя были представлены, хотя можно побожиться, что они лучше этой. — Верю, — сказал я, — ибо это сочинение ни с каким уже нейдет в сравнение, и мне кажется, что человек, который выучился писать только склады и прочел сочинения два театральные, не написал бы такой вздорной драммы. Но для чего же здесь доступ так труден на театре? — Для того, — отвечал он, — что почитают благодеянием сыграть чье сочинение; впрочем, это расчет театра и расчет такой, которого польза, может быть, приметна ему только одному. — Чудный расчет, — говорил я, — когда наблюдают такую редкую осторожность в выборе, а дают глупости, которые и на святочных игрищах едва ли могут быть терпимы. — Но скажите мне, — спросил у меня мой сосед, — какую причину имеете вы нападать на здешний театр? Не из числа ли вы тех авторов, которые добиваются видеть сыгранными свои сочинения и, отдав их, питаются несколько лет одною надеждою, что их когданибудь прочтут. — Нет, — отвечал я, — но я еще хочу сочинять, и желал бы знать, какие здесь нужны к тому правила. — Самые простые, — сказал он: — во-первых, смысла и

¹ «Разговоры в царстве мертвых» Лукьяна и «Разговоры» Аристиппа.

остроты не надобно; правила театральные совсем не нужны; берегитесь пуше всего нападать на пороки, для того что комедия, написанная на какой-нибудь порок, почитается здесь лично;¹ берегитесь также вмешать острых шуток в ваше сочинение, ибо здесь говорить умно на театре почитается противным благопристойности, а надобно, чтоб ваши действующие лица говорили так просто и не остро, как говорят пьяные или сумасшедшие. Словом, возьмите в пример

нынешнюю оперу и напишите ей подражание, — тогда можете надеяться, что екогда-нибудь представят, и вас театр включит в число своих авторов, а публика в число мучителей, наводящих ей зевоту. — После сего он от меня стшел и оставил меня удивляться таким чудным правилам театра и желанию некоторых беспокойных голов, которые, ненавидя жить в спокойной неизвестности, собирают тысячи две народу, чтобы заставить их смеяться над своим дурачеством.

ПИСЬМО СОРОК ШЕСТОЕ, ОТ ГНОМА ЗОРА К ВОЛШЕВНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Чем более живу я между людьми, тем более истребляется в моих мыслях то понятие, которое я имел о них, видя тебя, любезный Маликульмульк, и некоторых подобных тебе мудрецов, и тем больше кажется мне, будто я окружен бесчисленным множеством кукол, которых самая малая причина заставляет прыгать, кричать, плакать и смеяться. Знатная барыня заплачет, и в ту ж минуту все лица вокруг ее сморщатся; большой барин улыбнется, и вдруг собранные вокруг его машинки на красных каблучках зачинают хохотать во все горло. Никто не делает ничего по своей воле, но все как будто на пружинах, коими движут такие же машины, называемые: Светская благопристойность, Щекотливая честь, Обряды и Моды. Тебя, может быть, удивляет слово честь, против которой я вооружаюсь; но знай, что это не та честь, которую разумели древние, и я не знаю, почему сию пружину называют ныне честью. Древняя повелевала быть обходительну, а нынешняя подымает у всех своих машин вверх носы. Первая заставляла прощать сбыды, а вторая за нечаянно выговоренное слово повелевает у своего мнимого неприятеля обрезать уши или убить его до смерти. Ты увидишь сам, справедливо ли мое на нее вооружение, когда я расскажу тебе поступок, к коему принудила сия пружина некоторых кукол, которые не делают ни

одного движения без посторонних действующих ими причин, но со всем тем называют себя свободными.

Недавно зашел я к одному из моих знакомых, с коим можно проводить многие часы, не теряя времени. Я застал его зевающего над нововышедшею в свет книгою,² и потому он не досадовал, что я прервал скучное для него чтение. — Конечно, эта книга достойна хулы, любезный друг! — сказал я ему, — когда ты над нею зеваешь. — Нет, — отвечал он. — это одна из таких книг, которые и ценить стыдно: десять модных повес расхвалили мне ее, как творение отличнейшего автора, и я, зная цену их похвал, взял себе эти трагедии только для того, чтобы их читать от бессонницы, и тепері, желая поскорее заснуть, за них принялся. — Да почему ж эта книга столько нравится, — говорил я, — тем повесам, которые тебе ее расхвалили? — Потому, — отвечал мне мой знакомец, — что в ней есть новости, небывалые на нашем театре: например, в ней отпевают государя при его глазах тогда, когда он прогуливается спокойно между своими отсвельщиками, и потом, чего также нигде не видано, он, желая скрыться от своих неприятелей, не выбрал в городе ни одного дома, в котором мог бы жить тайно, и поселился на кладбище, где всегда множество бывает набожных прихожих, посещающих гробницы своих средников: это также умно сделано, как, естлибы кто, не-

¹ Эти намеки имеют автобиографический смысл.

² Сатирический выпад против Княжнина и особенно против его трагедии: «Владасан».

лая спрятать поскртысе деньги, не выбрал ничего безопаснее, как положить их на большой улице. Тут есть и еще новость, что пронырливый и хитрый злодей, ксторый во всех своих делах старается себя скрывать и казаться справедливым, схватывается браниться с восьмилетним ребенком, ксторый вместо того, чтоб орбсть ст его крика, деласт перед ним скоропостижные правоучительные вишши, а злодей ствечает ему также скоропостижными эпиграммами, выбранными из лучших французских писателей.

— Да скажи мне, — спрашивал я его, — разве нет у вас правил, ксторым следуя можно бы было избежать всех таких погрешностей? — У нас, — ствечал мне неугомонный критик, — авторы следуют общему правилу, и тст, кто желает сделать какое творение, должен только дать ему имя; достальное же все, как несносное рабство, выкинуто из упретвления. — Я ничего не пойму из этсго. — О! Я вам растолкую яснее: например, автор, ксторый имел терпение набрать из разных мест большую тстрадь стихов, думает, что он уже исполнил все правила, естли поставил над сим собранием стихов в красной строкке: Трагедия, и потом разделил па пять разных доль, которые назвал действиями. Таким образом, нередко поступает и сей автор, не заботясь о том, кстате ли он назвал кучу стихов, разговоров и определений трагедиею, и подлинно ли она кончится там, где он конец выставить изволил. От того то и другие наши авторы на удачу разрезают свои стихи между действиями, и нередко ошибкок ставят конец страницами тридцатью позже, нскели ему быть надобно. Случается иногда и то, что там, где должно поставить конец, ставят начало, и таким образом часто публика имеет удовольствие видеть, что драмы выставляють перед нею задом наперед; но я вам все это растолкую в моих примечаниях на здешний театр, где между прочим поместил я и то, что перерезать себе глотку за товарищество, без всякой нужды, не есть трагическое действие, и что никто не станет плакать о том, естли муж, запрятавшись в гробницу, станет стращать свою жену, как маленких ре-

бят стращают букою, и она, испугавшись мнимого мертвеца, упадет в обморок, между тем, как напереница ее, слышаст же голос, с драгунскою твердостью перенесет нечаянную вылазку покойника из гробницы,¹ и где также мне хочется доказать, что переводчик и сочинитель не есть одно; и что очень дурно переведенное сочинение назвать своим:² — в таком случае на всяком европейском языке могли бы быть сочинителями Илиады, Энеиды и Телемака, ко вреду истинных их авторов.³ Рассерженный мой замечатель продолжал бы долее свои рассуждения, естлиб нечаянный шум, сделавшийся в ближней комнате, не прывлек к себе нашего внимания.

Едва поразил он наш слух, как вбежала к нам в комнату молодая растрепанная женщина. — Государи мои! кричала сия красавица, — сжальтесь над моим состоянием и воспрепятствуйте, чтоб не произошло в комнатах моих кровопролития: двое бешеных господ дошли до такой крайности, что в состоянии перерезать друг другу горло; выведите их хстя на улицу, чтобс избавить только меня из такой негодной истории. Боже мой! — продолжала она, — слышите ли вы этст шум! Конечно, они уже дерутся! Дай небо, чтобы они хстя волосной схваткой были довольны, и чтобы расчет их на одних только зубах кончился. — При сих словах мы немедленно туда бросились, а миролюбивая красавица, бегучи за нами, упрашивала нас, чтобы мы вывели их только из ее комнаты и оставили бы на волю их бешенст: у. Кого бы ты думал, увидел я в ее комнате? Г. Прищьякина и старинного моего знакомца по кофейному дому Ветродума, который, ежели ты вспомнишь, обещал меня сводить к своей любезной тетушке, для познания различных парижских модных дурачеств, которых ее туалет может назваться истинным барометром.

• — Знаешь ли ты, — кричал Припрыжкин, не примечая нас, так же как и его товарищ, — знаешь ли ты, мой мелкой господчик, что она принадлежит одному

¹ Намек на «Владисава» Княжнина.

² Намек на Княжнина.

³ «Илиада» Гомера, «Энеида» — Виргилия, «Телемак» — Фелелоа.

мне по всем денежным правам волокитного рыцарства? Знаешь ли ты, что я имею честь разоряться для этой богини, и что целый город разумеет ее мою фавориткою, а ты смел войти в ее комнаты, в которых всякая доска, всякой стул и всякое зеркало стоят мне наличных денег или хороших векселей, и в которые каждой мой приход опустошает в моих деревнях, по крайней мере, два или три крестьянских дома?... — Тьфу, к чорту! — вскричал Ветродум, — ты насаждал мне такие права, которые и всякого юриспрудента приведут в тупик, однако ж знай, мой господин, что у нас, военных людей, совсем другие законы: у нас позволительно с соперниками воевать и брать крепости приступом, деньгами и хитростию; и тот только остается правым, кто в силах чем завладеть, а как у меня теперь денег нет, для того, что я еще под опекою, и цетупем же брать мне не хотелось тебя беспокоить, а при том боялся я, чтоб нашим сражением не сделать вреда здешней крепости, которая, я не хочу, чтоб что-нибудь претерпела, то для того и решился я засесть в ней закрытым образом и пользоваться ею до тех пор, пока мне вздумается, ожидая спокойно твоего отступления, или когда я получу деньги, тогда сткрыть свою батарею, которая не думаю, чтоб уступила твоей в изобилии зарядов. Вот, приятель мой, какое мое право! Я опять напоминаю тебе, что в войне право хитрого и право сильного равно уважаются, но когда уже дьявольским видно к тебе благоволением сделалась открыта засадная моя батарея, то знай, что я до последнего своего или твоего зуба не уступлю места сражения. — Перестаньте, государи мои! — вскричал мой хозяин, вы заводите здесь такой шум и крик, что перетревожили всех честных людей в доме. — Это точная правда, — сказал я, — постыдитесь сделать из себя историю. Воля ваша, мы не дадим вам шуметь, и если вы не перестанете из уважения к вашей красавице, то перестаньте хотя из уважения к полиции, которая, конечно, не преминет вмешаться в ваше дело и наделает вам много стыда, хлопот и убытков. —

— Bravo! — вскричал Припрыжкин, — bravo, приятель! ты уже ныне просвеще-

дуешь! Тьфу, к чорту! только надобно тебе быть Архи-Цицероном, чтоб утишить мой гнев на этого повесу. — Как! я повеса? — вскричал Ветродум: — ах, ты, закулисной бродяга! Можешь ли ты сказать благородному человеку, который за оскорбление своей чести может с тобою очень исправно разделаться шпагою, палкою и кулаками? — О! мой любезной, — сказал Припрыжкин, — когда дело дойдет до драки, то я докажу тебе, что и я никакому негодюю спины не подставляю. Увидим, кто из нас трус! Жаль только, что я теперь во фраке, а то в сию же минуту отсметил бы тебе за сбесчещение моей особы и моего достоинства твоим к моему Клаудине посещением, но завтра! завтра в шесть часов поутру, если ты честной человек, то приезжай в улицу Мстожилову и спроси собственной дом Припрыжкина, где найдешь меня и мою шпагу к твоим услугам, а после сражения можешь ты выбрать, где тебе угодно. Увидим, голый мой господчик, как хорошо расплачиваешься ты за постоялое, без ведома хозяина... Ба! чорт меня возьми, — вскричал он, схватя его за руку, — вот мой перстень, которой подарил я этой негодяйке, да вот и пряжки, которые выпросила она у меня своему брату! прекрасно, господин голяк! прекрасно! продолжай жить на счет честных людей, если тебе удастся, а ты моя красавица!... Ба! вот хорошо! эта плутовка, для соблюдения доброго порядка, изволит лежать в обмороке... Ей! ей! не худо выдуманно! обманщица театральная! она знает мою слабость: вот то самое положение, которым в первой раз она меня пленила! Она была моим божеством! да и теперь посмотрите, посмотрите, как она прекрасна! право, надобно ей помочь. Ну, господин подликала! прощай, завтра мы с тобою увидимся! — Прощай, — сказал Ветродум, — завтра расквитаясь я с тобою за перстень и за все, если мне удастся. После этого ты, может быть, будешь учтивее с людьми, которые, не нарушая правил благопристойности, живут на твой счет. На твои же деньги, — продолжал он с насмешкою, — запасаюсь я сегодня добрым булатом, и завтра буду иметь честь поподчивать тебя твоим собственным

добром... Но что я вижу! — вскричал он, проходя мимо меня: — старинной мой приятель! каким образом ты здесь? Не вкладчиком ли ты в здешнюю обитель? — Нет, — отвечал я, — я пришел вас разнять и укротить, ежели можно, вашу ссору. — Bravo! вот прямо духовное намерение! очень хорошо! прекрасно! завтра мы с ним пощекочем немного друг друга шпагами, а после завтра можешь ты быть у нас посредником в нашем перемирии. — После сего он, как стрела, вылетел из комнаты и оставил меня удивляться введенному между людьми дурачеству не иначе заглаживать свое оскорбление, как резать другого или дать себя резать. — Но возвратимся к нашей повести.

— Господа мирители! — сказал Припрыжкин: я прошу вас со мною здесь отужинать. Это последней стол, которой даю я в этих комнатах моим приятелям: с нынешнего дня не будет здесь нога моя... Но посмотрите, как прелестна эта плутовка в обмороке! однако ж я ее более не люблю: желал бы я только знать, сыщется ли хотя один смертной, которой бы усерднее меня захотел для нее разорваться... Негодяйка! за все это она не щадит моего доброго имени в городе и хочет, чтоб меня называли содержателем, может быть, целой толпы ее обожателей, из коих я ни одного с роду в глаза не видывал. Посмотрим, как она без меня будет жить! Но мне хочется сделать ей последнюю нечаянность. — После сего снял он с руки своей бриллиантовой перстень и надел на ее руку, а часы свои вынул заткнул ей за пояс. — Я добродушен, — сказал он, — и в самой размолвке хочу с ней расстаться, как щедрой человек. — Потом постарались мы подать ей помощь, и она не имела трудности ожить, не быв ни минуты мертвою.

— Ах! любезной Припрыжкин! — сказала она томным голосом, открывая глаза, — так я никогда уже более с тобою не увижусь! Ты ушел, о небо! нас могли с тобою поссорить, когда я перед тобою так невинна, как трехлетний младенец! — и, выговоря сие, закрыла платком свои глаза. — Вот, — подумал я сам в себе, — искусная актриса! — Как! ты невинна, — сказал Припрыжкин, — или думаешь

ты, моя голубка, что доказательства твоей измены несправедливы? — Верю, что ты мог ими ослепиться, но со всем тем совесть моя меня не укоряет: сердце мое укоряет меня только в том, что я не умела сохранить твоей к себе доверенности. — Посмотрим, посмотрим, плутовка! — сказал он, взяв ее за руку, — чем ты можешь оправдаться! Ну, например: этот повеса Ветродум к какой стати запрятался за занавес твоей постели? какая невинная причина заставила тебя отдать ему мой перстень и пряжки? и которая из семи добродетелей побудила тебя держать его у себя тайно три дни, о чем я недавно проведал? — Неблагодарной! — сказала театральная Лукреция, — самое то, что ты почитаешь знаком моей неверности, есть опыт жаркой моей к тебе любви: знай, что этот Ветродум хотел с тобою драться за то, что ты отбиваешь от него всех женщин, за коими он машет. Я, приметя, что он в меня влюблен, захотела польстить ему надеждою, пока не пройдет в нем охота драться, и для того старалась продержат его у себя три дни, после коих он так много потерял своей бодрости, что и куренка бы не тронул; но я уверяю тебя, что он был здесь в таком же воздержании, как в монастыре; что же до пряжек и перстня касается, то, имея нужду в деньгах и не желая тебя беспокоить (ибо клянусь тебе, что люблю тебя не из корысти), продала я ему эти мелочи; наконец, не долго мне оправдаться и в последнем поступке: он зашел ко мне сего дня, желая убедить мою суровость, и лишь только сел, как ты пришел. Признаюсь, что, зная твой ревнивый нрав, я не хотела, чтобы вы встретились, и для того спрятала его за занавес. Вот все мои преступления: будь теперь сам моим судьбою. — Божусь, — вскричал Припрыжкин, — что эта плутовка в самом деле невинна! Помиримся же, моя милая! признаюсь, что я сам перед тобою виноват, как собака. То правда, что я ревнив, но это от того, что люблю тебя очень много: однакож уверяю тебя, что если ты меня простишь, то с сего времени моя ревность не нанесет тебе никакого беспокойства. — После сего они помирились, и мы расстались с великим веселием. Припрыжкин просил меня на другой день к

себе, чтоб я был посредником в их поединке; я дал ему слово, надеясь, что, может быть, удержу его от этого дурачества, и распрощался с ним, удивляясь потачливости его к своей театральной Лансе, ко-

торая, как кажется, наблюдает твердо правила театра и ко всякому бывает равно чувствительна, кто с нею играет любовные роли.

ПИСЬМО СОРОК СЕДЬМОЕ,
ОТ ОНДИНА БОРЕИДА К ВОЛШЕВНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Ничего не может быть для меня страннее, любезный Маликульмульк, как жадность людей к собиранию бесчисленных богатств. Алчный к богатству человек столь много его желает, как будто бы никогда не должен он был умирать, и, глядя на сундуки свои, наполненные золотом, он столь боязлив и беспокоен, что всякую минуту опасается умереть и кажется приговоренным к смерти.

Не смешон ли покажется тебе человек, который для одной своей особы хочет заготовить семь сот тысяч кулей хлеба, зная, что он и тремя стами может очень изобильно весь свой век пропитаться? Искатели богатств, зная хорошо арифметику, только сей одной задачи не умеют выложить, а эта ошибка часто заставляет их трудиться и вдаваться в опасности для тех лет, до которых они, конечно, не доживут. Очень забавно видеть, как такой человек ломает себе голову, чем ему чрез десять тысяч лет жить будет, и опасается, чтоб не умереть тогда с голоду; а такая странная и смешная забота столько его сокрушает, что он не доживает и восьмидесяти лет, полного человеческого века. Недавно видел я сам пример такой попечительности и думаю, что ты не наскучишь его выслушать.

На сих днях Нептун остановился с своим двором у подошвы прекраснейшей морской мели и расположился прожить на ней несколько дней. Можно сказать, что мы жили очень весело! Не проходило ни одного дня без новой забавы: ловля китов и собирание кораллов и лучших раковин были украшением Нептунова двора. Фетида также вздумала с своими женщинами вмешаться в ловлю рыб, и хотя Нептун уговаривал их, что это может быть для них очень опасно, со всем тем они, не слушая его, захотели непременно начать с ними животными открытую войну и сделаться новыми ама-

зонками, но чтоб не вдаваться в излишнюю опасность, то просили они Нептуна, чтобы он для утомления больших китов возмутил моря и произвел бурю, после чего удобнее надеялись овладеть своими неприятелями. Итак, Нептун, в угождение своей жене, всколебал все моря и подверг опасности несколько, может быть, миллионов бедных плователей, только для того, чтобы его жена приобрела имя искусного ловчего рыб, которых пленять ни ей, ни ему никакой не было надобности. Таким образом, любезный Маликульмульк, часто забава одной особы стоит жизни многим несчастным, и таким-то образом один из ваших героев прошел множество земель, разорил тысячу селений и истребил несколько миллионов как своих сограждан, так и мнимых неприятелей, только для того, чтобы, проложив такую кровавую дорогу за несколько тысяч верст от своего отечества, поставить надпись: пришел, видел и победил.¹

Между тем, как взволновавшееся море, ворочая со дна песок и тину, тревожило немых своих обитателей, и они, бегая по разным странам, чтобы сыскать спокойствие, лишались сил и зрелия от песку, которой, смешавшись с нашею стихиею, попадал им в глаза, Фетида с женщинами, в покрытой со всех сторон раковине, выехала прогуливаться на охоту и сидела в ней так же спокойно, как будто бы была самая глубокая тишина во всем море, хотя бедные Тритоны, правившие лошадьми, насилу могли держать вожжи в руках и проклинали потихоньку охоту, бурю и богинины причуды, подвергающие опасности их зрение и здоровье. Множество придворных окружали богинину раковину, и очень весело было смотреть, как они члыбались,

¹ Юлий Цезарь.

желая показаться веселыми, и шурились от песку, повсеминутно в глаза им попадающего, а богиня между тем подшучивала над их нежностью и уверяла, что ей очень спокойно сидеть, и что она до тех пор не возвратится домой, пока не поймает хотя шести китов; но думаю, что придворные не слишком радовались такой ее храбрости.

Нептун и я не чувствовали сей жестокой непогоды потому, что его морскому величеству угодно было остаться дома и приказал мне быть с собою. С ужасом ожидал я следствий богининой забавы, ибо признаться, хотя я и морской житель, но люблю людей, несмотря на их дурачества, и мне очень было жаль, если бы два или три кита, побежденные Фетидою, будут стоять жизни, может быть, нескольких тысяч добродетельных человек, по необходимости вдавнившихся морским водам, которые, конечно, того не ожидали, чтоб пустое желание Нептуновой супруги ввергло их в такие опасности. И подлинно, я не без причины боялся.

Едва прошло четверть часа, как на вершину горы, под которою мы были, налетел один корабль и разбился на части. Бедные плаватели в полминуты разнесены были волнами. Один из их поспешнее всех потонул и упал к самой подошве горы. Я удивился, что он так тяжел; но удивление мое миновалось, как я увидел маленький сундучок, наполненный золотом, привязанной у этого корыстолюбца на поясу. — Конечно, — сказал Нептун, — этот человек ожидал, что золото поддержит его на поверхности воды, и для того привязал он к себе этот ларчик вместо пробочной рубашки. Однако надобно подать ему помощь: он еще жив. Поможем ему: я желаю, чтоб он, возвратясь в отечество, уговорил своих земляков не менять свою жизнь на блестящий этот металл и не надеяться на уважение мое к их богатству, которым могут они иногда откупаться от бед на сухом пути; но в море богачу может оно служить вместо камня, привязанного на шею, и скорее дотянуть его на морское дно. — После сих слов не умедлил он, нашим старанием, возвратит жизнь и продолжить ее на несколько времени сему полезному члену света, который, как потом мы

узнали, ездил по всем его концам для того, чтоб обманывать своих собратьев.

— О, небо! — вскричал он, прстирая свои глаза, — где я! где мои любезные денешки? (заметь, что мы отвязали от него ларчик) где душа моя?... Ах! все погибло!... Конечно, наказал меня господь за несметные грехи мои и лишил меня того, что после его, моего создателя, почитал я вторым божеством, и для чего всякой день многогрешная душа моя преступала Десятословие. — Мне кажется, что ты очень честного нрава, — сказал ему Нептун, — и без обиняков сказать, ты по справедливости претерпел кораблекрушение. — В священном писании написано, — ствечал наш законник, — что без воли божией не погибнет и влас со главы члвчеческой, а как золото дороже наших окаймных волосов, то, конечно, ему угодно было лишить меня семи сот тысяч различными золотыми деньгами. Признаюсь, что я грешен перед ним; но такое наказание превосходит меру и самых тягчайших грехов. — Не печалься о твоём сокровище, — сказал Нептун: — я могу тебе его возвратить; но скажи мне, неужели оно тебе и всем подобным тебе дороже жизни, что вы ею жертвуете для нескольких ящичков этого металла, который, может быть, по одному только предрасуждению предпочтен железу? — Ах! милостивый государь, — вскричал обрадованный сребролюбец, — надобно только заглянуть в большой свет, чтоб увидеть, сколь много обожаемо в нем золото: ум, дарование и доброе сердце — все оно собою заменяет: человек, одаренный сим металлом, от всех уважается в свете: его боятся бедные, и ему поклоняются знатные... Но, милостивый государь! не морите меня долее, возвратите мне мое сокровище и скажите, в которую сторону должен я отправиться к моему отечеству... Ах! сколь обрадую я мою бедную жену и детей, которые, конечно, умрут с печали, когда узнают, что я претерпел кораблекрушение... Сколь обрадуюсь и я сам, когда, возвратясь домой, обლობызаю мои любезные, мои милые сундуки, в которых осталась замкнута и запечатана лучшая часть души моей: тогда-то прямо почувствую я райское удоволь-

ствие и обещаюсь, на радостях, отслужить молебн всем святым, накормить человек пять нищих и угостить великопедным столом человек десять знатных! — Но неужели, — спрашивал у него Нептун, — считаешь ты более в том добродетели, чтоб избыльнее накормить знатных, нежели нищих? — Хотя это усердие, — отвечал он, — и не совсем спасительно для вечности, но для временного блаженства ничего нет сего полезнее: нищих молитвы ходатайствуют у царя небесного за грешных, подпадающих муке вечной, а молитвы знатных ходатайствуют у царей земных за грешных, подпадающих своими грехами истязаниям временным. Итак, милостивый государь, обое равно полезно, ибо и богатство есть дар божий, писано бо есть, что в деснице его спасение небесное, в шуйце же его богатство и честь: так осмелится ли кто из бранных человекоз пренебрегать и шуйцею создательной, изливающей щедроты свои на грешных человеков чрез вельмож, кои некоторым образом могут назваться шуйцею его, ибо они на земле управляют богатством и честью; почему, угощая их, отдаю я почтение шуйце, о которой, как я грешный, так и многие мои собратия более пекутся о деснице, и которой нередко мы, в лице вельмож, десятиною наших грешных приобретений воздаем жертву. — Прекрасно! господин жертвоприноситель, — сказал ему Нептун, — ты думаешь, что, принеся такую жертву, ты уже совсем очистился в своей совести? Но видно, что судьба справедливее ваших вельмож: она наказала тебя за твои неправедные приобретения и загладила потворство к тебе твоих покровителей: видишь ли ты, что она не уважает богатых плутов! — Ах, милостивый государь! — вскричал он: — я твердо помню, что богатый не ввидет в царство небесное; но всякой человек есть червь перед господом, и никто кроме его не может назваться богатым; так я ли, имеющий не более двух миллионов рублей, могу себя таковым почесть? Хоть и неправдою приобрел я свое имя, каюсь в том перед богом, но неужели сравниваю я в грехах с теми, которые неправдами и

грабежами приобретали по тридцати миллионов! угу! я еще сущей перед ними младенец: согрешил, может быть, и я, окаянный, разорил на свою долю души с шесть сот, но может ли это идти в сравнение с тем, что иногда один искатель земных сокровищ разоряет многие тысячи людей, для приобретения новых доходов, кои, о! нестерпимый грех! он же еще и расточает и предается тем бескорыстному греху, который, по изустным сказаниям наших предков, есть самый тяжкий грех на свете: я же могу похвалиться, что сему греху непричастен и могу найти в том себе много товарищей, как за счетами, так и за красным сукном, которые ни грехов, ни добродетелей без корысти не делают. — Но какую корысть, — спросил у него Нептун, — получаешь ты от своих грехов, когда, по твоим же словам, ты не пользуешься своим золотом, держа его в заключении, и быв при всем своем богатстве так же беден, как последний нищий? — Ах, милостивый государь! — вскричал скупяга, — хотя для себя, для моей жены и для детей не трачу я излишних денег, но это делаю я не из скупости, а для их же пользы, желая, чтоб имяние мое хотя несколько утешило их после моей смерти: они, бедняжки, так много, так много меня любят, как я золото, которое почитаю, как второго самого себя, и хочу его вместо себя им оставить после смерти. Я уверен, что бедная моя жена и дети, конечно, мне будут благодарны, когда я умру, за все труды, понесенные мною не для себя, но для них, ибо я сам (сказал он, заплакав) конечно, должен буду современем расстаться с моими денежками и оставить родных своих по себе наследниками. — Посмотрим, — сказал Нептун, — так ли они благодарны, как ты думаешь? После сего ударил он своею острогою в стену и превратил ее в зеркало. Смотри, — говорил он скупцу, — и утешайся, видя, для кого собрал ты свое сокровище и для кого подвергал столько раз жизнь свою опасности. —

Едва скупец взглянул на зеркало, как увидел свою любезную супругу, сидящую очень дружески с молодым офицером, которому отдавала она мешок с золотыми деньгами. — О, боже мой! — вскричал купец, — что я вижу! так! это

злодейка моя жена! не бояся ни бога, ни меня, отдает она постом и грехами нажитые мои деньги какому-то проклятому подлинале за то, что он осквернил мою честь... Неблагодарная! незаконница! ты не щадишь своей непорочности и, что всего законопреступнее, не щадишь и моих денег!... Посмотрим, когда я приеду, посмотрим, чем-то ты можешь оправдаться? Ах! еслили б я слышал теперь твои проклятые разговоры! — Нептун ударил острогою по зеркалу, и в ту минуту услышали мы речи действующих лиц. — Возьми, любезной Ветродум, — говорила благочестивая половина нашего гостя, — возьми сие в знак моей к тебе любви, и будь уверен, что я все способы употреблю содержать тебя в лучшем состоянии, доколе не выдешь ты из-под опеки. — Ах, сударыня! вскричал подлинале, — вся моя горячность мала в заплату за такую щедрость... Обожания достойная женщина! сколько я сожалею, что не могу вечно обладать тобою: но твой муж!... увы!... меня страшит подчувствие, что он скоро возвратится. — Не опасайся, мой любезной! — говорила она, — муж мой такой жадной к богатству человек, что, конечно, доколе будет гоняться за ним по морям, доколе не потонет, и я уже надеюсь, что небо, давно услыша мои теплые молитвы, сослало его на дно морское за то мучение, которое терпела я от его ревности и скупости... Ты не поверишь, душа моя, какой это скряга! он всякую полущку ценит дороже своей жены: сколько ни притворялась я, что его люблю, но за все мои ласки получала от него одно только увещание, что роскошь противна богу... Чтоб лукавой его взял и с его нравоучением! но, благодаря бога, вот уже три года, как он, наскуча обманывать в торговле одних своих земляков, вздумал обманывать весь свет и поехал на корабле, в намерении плутовством своим перецеголять самых безбожных купцов в свете. Он оставил здесь два миллиона наличных денег, и хотя они залечатаны, но желание женщины трудно удержать печатью, и я смело сорвала ее на другой же день его отъезда. — Прекрасно! — вскричал Ветродум, — я радуюсь, что и в вашем состоянии начинает искоренять-

ся природный страх к мужьям, и что женщины всего света, наконец, утверждают приговор, чтоб жена была главою мужу, а не муж жене. — Ах! — сказала добросовестная хозяйка, — дорого нам достается за это желанье; что до моего чудака, то он твердо придерживается писания¹ и ни на волос не хочет уступить мне власти, а особливо над сундуками, и еслили он узнает, что я без его ведома вздумала вступить в управление расходов, то, конечно, самым подлым образом со мною разделается; однакож, благодаря моей хитрости, я уже давно выдумала способ его обмануть, которой состоит в том, чтоб взвести на воров свои поступки... Так, душа моя! и я немного перед ним солгу: ты этот вор! ты похититель моего сердца!... но я не могу иначе тебя наказать, как моими пламенными поцелуями! — О, безбожница! — вскричал скупец, смотря в бешенстве на их ласки, которые зеркало показывало без всякой утайки, и которыми можно бы было раздражить и самого хладнокровнейшего мужа... — О варварка! вот какая благодарность за все мое попечение, чтобы оставить тебя по себе богатою вдвоею!... Веселись, веселись умножением моих наследников! Скоро приберуся я к тебе, и всякой сучок моих рогов на тебе вымещу. ... Почтенный ворожея! — сказал он, оборотясь к Нептуну: — пожалуй, покажи мне поскорее мою кладовую: я хочу видеть, сколько эта незаконница грешна передо мною; пусть за прикованные мне рога отвечает она перед богом, но за мое любезное золото я сам с нею управляюсь. — В ту ж минуту, по его желанию, зеркало представило его кладовую, наполненную сундуками и мешками. Он оцепенел, взглянув на нее, а мы увидели новое зрелище.

Два молодые повесы с растрепанными волосами разламывали сундуки и кидали в окно к третьему деньгу. — О, небо! — вскричал старик: — это мои псчадия! это мои дети! Вот как они мучат родителя своего! вот для кого собирал я свое богатство! — В минуту услышали мы их разговоры. — Поспешим, дорогой Разврат, опорожнить этот сундук, — говорили

¹ Т. е. «Священного писания».

меньшой большому, — пока наша матушка занимается своим гостем: иначе очень будет худо, если нас здесь застанут: она не преминет и свои и наши похищения — все батюшке взвести на нас. — Тыфу, к чорту! — вскричал другой брат, — неужели ты думаешь, что батюшка наш проживет Аредовы веки; я так, право, думаю, что уже он давно отправился на тот свет, и матушка только для того нам говорит, что он еще жив, чтобы пользоваться его деньгами, которые она начинает делить пополам с нами, и есть ли рассудить, то мы все правы, не выключая и нашей любезной матушки. Скажи, пожалуй, можно ли кому-нибудь поступать суровее с своими домашними, как поступает наш батюшка? Видал ли кто, чтоб жене своей не давать ни полупушки: не стало ли это подвергать честь ее опасности? Но что и еще страннее, видал ли кто, чтоб детей записав в службу, не давать им денег на порядочное содержание и для приобретения покровителей и друзей: не дивно, что до его отъезда не получали мы ни малейшего повышения в чинах, а без него вся наша служба приняла иной вид: наши столы и подарки поставили нас в список ревностнейших сынов отечества, и я ручаюсь, что если он еще помедлит несколько лет своим возвращением, то застанет нас в таких чинах, которые принесут честь всему нашему поколению, и он сам будет иметь удовольствие найти в своих сынках покровителей всем своим тяжбам, откупам и подрядам, которых у него всегда великое множество: а между тем, может быть, он и подлинно, волею или неволею, расстался с здешним светом. Итак, поспешим выпередить матушку в очищении сундуков, чтоб после при разделе не остаться нам в накладе. — О! я не думаю этого, — отвечал старший брат, — чтоб кто-нибудь из нас был в накладе, выключая только нашу сестру, которая одна не вмешивается в наши издержки и живет скромнее всех в нашей семье, а все это от того, что воспитана вместе с старухами в невежестве. Бедная девушка! она страшится вечных мук за всякое излишнее выговренное слово и живет в своей комнате, как монахиня. Пусть ее скромничает! она когда-нибудь раскается в своем воздержании. — О! ока-

янные, — вскричал чадолюбивый отец, — они же еще и смеются над моею бедною дочерью, которая, как видно, одна только достойна назваться моим отродьем... Покажите, господин ворожея, покажи те мне ее, чтоб я мог хотя на минуту ею полюбоваться, и потом в награждение за ее невинность, возвратясь домой, вырвать из рук беззаконников божий дар, и ее одну сделать владельницею всего моего имени. — В ту самую минуту увидели мы комнату, в которой сидела его дочь. — Так, — вскричал старик, — вот истинное отродье ее бабки, а моей покойницы матери! ... Я познаю ее добродетель по сей лампаде, горящей в углу перед образами! — И подлинно, дочь его с скромным видом сидела за толстою книгою, которую почитав несколько, выслала она всех женщин из комнаты, под видом, что хочет спать, и лишь только женщины от нее вышли, и она заперлась, как влез к ней в окошко тот же самый Ветродум, который недавно был у ее матери. — Что это! — вскричал купец, — зачем этот повеса пришел к моему любезному дитяти? Не ограбить ли он ее хочет? — Но Ветродум скоро доказал, что он из числа тех воров, которые грабят девушек с их позволения. — Ах! любезной Ветродум! — сказала скромная девушка, к чему ты меня принуждаешь? Я не в силах покуситься на твои соблазнительные убеждения: бабушка моя всякой день мне говаривала, указывая на эти образа, что они увидят, если я хотя мало что сделаю дурное, а ты хочешь так меня остыдить. — Ах, жестокая! — вскричал Ветродум: — так я вижу, что ты не веришь никаким уверениям о моей любви! ... Постой же! я в минуту тебе докажу, сколь я тобою страстен! — Сказав сие, выхватил он ножик и хотел зарезаться. — Ах! — вскричала невинница: — ах, Ветродум! ты хочешь меня и себя погубить!.. Постой! ... Дай хотя мне загасить лампаду, чтоб не сбылись бабушкины слова. — После сего она встала, и, подошед со скромным видом, загасила лампаду, и в комнате вдруг так стало темно, что мы ни зги рассматреть не могли. — Ну, мой друг! — сказал Нептун, — еще ли ты думаешь, что твое богатство приносит тебе хорошие плоды? — Ах! милости-

вый государь! — вскричал скупец: — пу-
стите, пусть меня вырвать его из недо-
стойных их рук... Поставьте меня по-
скорее туда: я в минуту отберу от них

все мои денежки и убегу с ними в пу-
стыню: там выкопаю две ямы, и в одной
закопаю мое сокровище, а в другой подле
закопаюсь сам.

ИЗ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ

НОЧИ

Час било за полночь... природа усну-
ла... городской шум утих... и люди, ка-
жется, перестали дурачиться, или, по
крайней мере, решились до утренней
зари дурачиться тихомолком. А я,
казалось мне, что я один не спал, и окру-
жающее меня глубокое молчание пода-
вало мне случай к размышлениям.

Сия темнота, — так начал я свое раз-
мышление, — кажется, нарочно для того
есть в природе, чтобы унижать гор-
дость человеческую и смрачать мнимые
дары в ния и прелести, которые блистали
во время прошедшего дня. Человек!.. хо-
чешь ли ты видеть себя, свою ничтож-
ность? дай зайти солнцу, и человеку
снять с себя посторонние украшения, ко-
торые не принадлежат ему, и которые
одно его детское честолюбие себе при-
своило.

Где теперь тот пышной вельможа, ко-
торый за несколько перед сим часов за-
ставлял мир думать, что в руках его на-
ходится спасение всех восьми планет, и
с их спутниками: которой сам делал вид,
что ст е о только мановения зависит пе-
реставить созвездие Скорпиона на место
созвездия Тельца, и с которым встре-
чаясь подлые его льстецы с набожностью
глетали пыль, воздымаемую пслащен-
ными колесами его кареты... где он?...
Его превсходительство, валяясь в пыш-
ных пуховках, изволит заниматься хо-
рошими сновидениями, между тем как
секретарь его гстовит ему к завтраму
политические рассуждения, которые, ко-
нечно, выдст он за свои; ибо сей госпо-
дин уже привык думать секретарекою
гсловою, которая есть его душа, а вель-
можа сей — ее тело; итак он основатель-
но может сказать во извинение беспере-
рывного своего сна: дух бодр, но пасть

немощна, то есть: секретарь рожден об-
думывать, а я подписывать с просонья
его мысли.

Где та обольщающая красавица, за
которую гонялись стада волокит, ко-
торой розовые уста приманивали к себе
тысячи поцелуев, а нежная грудь вли-
вала томные желанья в юные сердца, и
даже самых грубых философов заставля-
ла желать рождения нового Прасетеля
и Фидия¹ которой томные глаза вели-
ким взором означали, что сердце тает в
ней ст удовольствия; коей тонкой,
легкой стан и прекрасная ножка застав-
ляли стихотворцев думать, что или Ве-
нера будет иметь скоро четыре Грации,
или одна из них лишится своего места,
дабы уступить его сей красавице...
где она?... Она спит, и все ее прелести
раскладены на уборном столике: прекрас-
ные зубы ее лежат в порядке близь зер-
кала; голова ее так чиста, как репа, а
волосы, которым удивлялись, висят, ос-
торожно накинутые на зеркало; нежной
румянец ее и пленяющая белизна стоят
приготовленные к утру в баночках, меж-
ду тем как она походит на бршенную
в постель мумию. Грудь ее присохла к
костям, а подставная покоится в сохран-
ности вместе с корсетом. Где же все пре-
лести, которые заставляли о ней кричать?
Где те приятности, те достоинства? Маг-
ниты, привлекающие к ней сердца мо-
лодых воздыхателей?.. О! они и те-
перь налицо раскладены в кошельках
и в записных книгах, на ее уборном сто-
лике.

Не подумай однакож, любезной чита-
тель, что госпожа эта скудна разумом.
Если бы и случилось кому покр сть ее

¹ Знаменитые греческие скульпторы.

прелести, то осталось у ней еще одно очарование, прстив ксторого никакое нынешнего света сердце не устоит: красноречие — вот ее сильнейшее оружие; она превосходит им сочинителя Новой Элоизы.¹ Письма к ее любовникам очень убедительны, хотя, правда, все они на один образец, ибо начинаются так: объявителю сего платит Государственный Заемный Банк и пр. Воскресни, Руссо, подобно Магомстову стцу,² на один только час, и увидь свою победительницу! А есь ли ты столь стважен, что вздумаешь спорить с нею в преимуществе красноречия, то выставим па одну доску письма твоей Элоизы и моей, — и я ручаюсь, что последние станут торжествовать, и что за них ухватятся все, не выключая Академиков и самого тебя.

Где тот щеголеватый господчик, обещанный золотыми цепочками, униженный бриллиантовыми перетнями, которой, целой день катаясь по городу в щегольской карете, кажется, имел усердное желание всех пешеходцев душить пылью и старался поспеть вдруг в тридцать мест, не быв нигде надобен? Еще не прошло пяти часов, как в кружку щеголих божился он, что изрубил вею Турецию, с великим жром уверял, что он с такою же проворностию перерубливает людей, как тростник, и сожалел, для чего не завсдут у нас войны со слонами, где бы мог он пощеголять своєю саблею; без устали исчислял он свои победы и тысячами поминал своих убитых. Надобно отдать справедливость сему молодому храбрецу, что он самую отважную лсжь зашохивал иногда табаком, но не краснел никогда. Где же он?.... Где резвой язык его, ксторым мог он переговорить, есь ли дозволит устребить такое смелое и сумнительное сравнение, самую проворную говорунью, и где блистающая его пышность? Он спит в мягких пуховиках; подле его лежит аттестат, данной ему его дядюшкой о храбрости его, оказанной такого то числа, а подле аттестата развернута записная его книжка, в которой

видно ясно, как день, что тсго числа за сто верст от сражения находился он для любовного приключения, ибо молодой этот человек любит порядок и едет своим делам верную записку. Читатель, вспомни, что он был днем, сравни язык его с его постелью, — и ты увидишь, что он лжит, как храброй человек, а нежится, как женщина. Где же его богатство, ксторое, как сказывает, нажил он на счет побежденных им неприятелей? О, что до этого, то к утру же портной, сапожник и другие ремесленники сбираются засвидетельствовать в магистрате, с какою неустрашимостью подписывал он векселя, которых ни в двети лет оплатить не будет в состоянии, а наемной кучер его с щегольской каретою и лошадыми, конми пускал он городу пыль в глаза, этот удалой кучер, говорю я, дожидаясь с нетерпением утра, хочет оказать ему последнюю услугу и отвезти его в магистратскую тюрьму.

О благотворная ночь! продолжал я свои восклицания, чем не обязан тебе человек, ксторой умеет тобою пользоваться? Ты, прохладая его природу, успокоиваешь и возраждаешь ее; ты, обнажая смертного, ксторого гордость принуждает почитать себя превыше человека, напоминаешь ему, что и он такое же слабое творение, каковых миллионы, им презираемы, и что он стличен ст других людей единою своєю гордостью. Ты каждым своим пришествием к нам напоминаешь нам вечность, быв сама изображение о ой, подобно как сон, приносимый тобою, есть изображение смерти. Так, всякое возвращение твое к смертным есть наставление им, и от них только зависит оным пользоваться.

Гордой городской житель! есь ли тебе случится быть ночью на великолепнейшей площади, окинь взором вокруг себя. сравни, есь ли ты можешь, между собою пышные здания твоих сограждан, и покажи мне, когда смеешь, различие между убогим шалашом и огромными чертогами гордости.

Где пышные те здания, за несколько перед сим часов удивлявшие мимохожих. и наружностью коих гордилося целое государство?... Наступила ночь — и сравняла их с шалашами убогих. Смертный!

¹ Руссо.

² Капонические магометанские книги такого предания не знают.

вот изображение твоих дел; вот изображение того, каким образом вечность сравнивает честолюбивые твои подвиги с ничтожеством. — Обратимся к прошедшим векам и мы увидим, что вечная ночь сравнила гордые и пышные монархии с убогими их соседствами, так, как ночь сравнивает великолепные здания с низкими хижинами. Едва помнят места, где стояли великолепные города, подобно как, проходя ночью городом, с трудом можно означить место, где есть богатое здание.

Что же есть достойного человека? Что может он произвести неподверженное разрушению веков? Его слово, его мысли, — вот одно творение, дающее цену человеку и избавляющее его от совершенного разрушения. Вот одно произведение, которое борется с веками, преоборает их ядовитость, торжествует над ними и всегда пребывает столь же ново и сильно, как и в ту минуту, когда рождено оно человеком. Сильнейшие монархии пали, с ними исчезли полки мнимых героев, идолов народа; все разрушается: владения и племена исчезают; на что ни обратим взоры, все скорыми шагами течет к своему ничтожеству; но Орфей и Гомер цветут, и глас их столь же пленяющ и чувствителен, как и в ту минуту, когда он ими произносился. Сколь превосходна и отменна живая слава их от мертвой славы мнимых героев: последний умирает для всего света; и двух веков довольно, дабы изгладить следы его пребывания и смешать их с баснею; но первый по смерти живет, и слово его, подобно бессмертному духу, имеет дар, не разделяясь, во многих местах пребывать в одно время. Единый мудрец, торжествуя над смертию, похищает право говорить с позднейшим своим потомством.

Тебе, о ночь, бывает часто должен он произведением своих мыслей; и когда одеешь ты небеса мрачным покровом и усыпишь природу, он тогда вверяет тебе размышления свои. Не видя вокруг себя ничего, кроме рассеянного мрака, приводящего слабоумному сон, а мудрецу размышления, делает он суд над человечеством: кажется, что он один остался тогда во вселенной, и что гордость и насиль-

ствие не дерзают палатать оковы на его мысли, которые только тогда нравоучительны без подозрения, когда следуют они своему собственному стремлению, не управляемые ни страхом, ни пресмыкающею лестию; иначе нравоучитель есть скопец, проповедующий девство, коего скованные насильством чувства не подражание, но посмеяние себе производят.

Но когда ты, мрачная спутница размышлений, ночь, бываешь свидетельницею, что не корыстолюбие и лесть заставляют его рождать славу героев, но добродетель и премудрость их, тогда нравоучение его, извлекаемое из великих дел их, чисто и свободно; тогда возбуждает он сердца удивляться себе и подражать добродетели воспетых им героев; тогда...

Вдруг отворилось окно в мою комнату, и женщина, лет под сотню, сидевшая на серебряной рогатой луне, спустилась по воздуху ко мне в комнату. Я тотчас узнал, что это ночь, для того что раза три видел ее на театре в «Амфитрионе», комедии Мольера, где она точно так же спускается, с тою при том разницею, что там ее с небес спускают на веревках, которые часто видны и заставляют нередко меня трепетать, чтоб госпожа богиня не раскроила себе череп и не убила бы до смерти. Что до той ночи, которая посетила меня, то машинист ее, кажется, был исправнее театрального.

Я лежал в постеле, и как я не привык принимать столь знатных гостей в таком беспорядочном положении, то посещение сей госпожи очень меня встревожило.

— Конечно, милостивая государыня, — сказал я ей в страхе, — какой-нибудь новой Юпитер просил вас, чтобы продолжить здесь ваше присутствие для его забав, и вы, может быть, ищите Меркурия, чтобы через него отрапортовать богу громов, что время ему убираться на Олимп, если не хочет он, чтобы какой-нибудь Амфитрион¹ переломал ему руки и ноги и подвергнул бы его опасно-

¹ Зевс Юпитер, влюбившись в жену Амфитриона Алкмену, принял его вид: от них родился Геркулес.

сти пролежать месяца три в публичной больнице. — Нет, — отвечала она мне, — для нынешних Алькмен не нужны такие чудеса; надобно отдать справедливость, что Амфитрионы ныне гораздо стоворчивее против старых веков, ибо Юпитер для них прибегает чаще к помощи Плутона,¹ нежели ко мне.

Итак, ты видишь, что я к тебе совсем не для того пришла, но мне есть надобность другого рода, которую хочу я на тебя возложить. Выслушай меня.

— Недавно Момус² давал богам вечеринку, и хотя я редко бываю в больших собраниях, но случилось так, что на этой пирушке сошлась я с Фебом.³ Мы разговаривали с ним очень долго о нашем жребии и должностях. Разговор зашел и о людях, около которых мы столь давно с ним вертимся. Между тем приметь, что полные чаши с вином без устатку обносились около гостей. — Признаться надобно, любезная Ночь, — сказал он, допивая двенадцатую бутылку нектару, — твоя должность мне жалка, и я дивлюсь, для чего не просишься ты у богов в отставку; а особливо в твои почтенные лета совсем не прилично таскаться по свету только для того, чтобы видеть сонные или зевающие народы. — Милостивой государь, — отвечала я ему очень учтиво, — я нимало не думаю пенять на свою судьбу и очень довольна своим состоянием, а потому то и ваше сожаление очень не у места. Правда, мои лета не детские, но я немного старше Венеры,⁴ и все это не доказывает, чтобы я была бесполезна; да еслибы и в самом деле во мне пользы никакой не было, то моя порода одна даст мне право иметь олтари и собирать жертвы. Мало ли у нас есть богов тунеядцов, которые не заслуживают ни фунта телятины, а пользуются такими жертвами, что могут жить богаче всякого, между тем как они делают народу более зла, нежели добра. Наш хозяин сам, хотя не иное что, как шут на Олимпе, но он за свое ремесло получает более дохода, нежели все Академии вместе. Скажи мне: какую пользу

приносит Бахус?⁵ Весь Олимп думает, что он не тратит время, которое проходит только в том, что он или пьет, или сочиняет негодные песенки, бывши столь же дурной писатель, как и политик, хотя то и другое ремесло почитает он рожденным для его головы: он один выдумал способ с зевоты собирать дсход; и я думаю, что ему даром не пройдет, когда Морфей⁶ узнает, что пьяной Бахус своими песенками перебивает у него должность и усыпляет слушателей без его ведома.

— Посмотрим теперь на Меркурия,⁷ достоин ли он таких больших доходов и такого прекрасного дома, которой выстроил он за счет своих плутней. Ему поручены купцы, а он сам зачал входить в подряды: вспомни, давно ли Юпитер изломал об него всю кадуцею⁸ за то, что он зачал с подрядчиков собирать взятки. — Из всех его завшии наблюдает он с лучшею исправностию звание бога воров; и можно отдать справедливость, что он у них первой по своему достоинству. Итак, видишь ли ты, господин Феб, что немного найдется богов, которые бы получали жертвы по справедливости

— Музы твои очень умные девушки, но и они померли бы с голоду, еслибы не Каллиопа⁹ не поддерживала их, взяв на подряд лучшие города, куда ставит она оды на именины и на похороны; да и этот торг начинает у нее плохо клеиться, для того, что примечают в ее творениях все старое; а человеческое самолюбие ни к чему так не жадно, как к новым похвалам. Мельпомена¹⁰ твоя как ни жалко плачет, но во всю нынешнюю зиму она и на башмаки себе не выплакала, и от ее трагедий плачут одни типографщики. Твоя Талия,¹¹ правда, смеяет народ и за это собирает изрядной доходишко, но желание добывать деньги заставляет ее доходить до подлости, и она час-от-часу более отваживается от себя честных людей, и вместо того, чтобы быть полезным и

⁵ Бог веселья и вина.

⁶ Бог сна.

⁷ Бог торговли.

⁸ Жезл с крылышками.

⁹ Муза лирики.

¹⁰ Муза трагедии.

¹¹ Муза комедии.

¹ Бог богатства.

² Бог насмешки и дурачества.

³ Бог солнца (Аполлон).

⁴ Богиня любви и красоты.

веселым учителем нравов, старается своими шутками понравиться пьяному народу, с которого, не думаю, однакож, чтоб собрала она себе на порядочное пропитание. Что до других твоих Муз, то есть надежда, что они скоро превратят Парнас в богадельню, а слух уже носит, что Клио¹ твоя без памяти и без языка.

— Итак, ты видишь, сколько найдется богов, которые пользуются доходами по своему достоинству. Что до моей должности, господин Феб, то я не знаю, почему бы она казалась достойною сожаления...

— О, о! — сказал Марс,² вслушавшись в наш разговор и вынимая табакерку, — твоя должность не столько не унижительна, как говорит Феб, напротив, она презавидна: сколько раз доставляла ты мужьям украшение, которого нет способов прицепить им в присутствии этого светлого подзорника; сколько раз, очень кстати, наносила ты сон строгим матерям, тогда как прелестные их дочери употребляли в пользу света свою бессонницу; сколько раз унижала ты гордость несправедливых судей, пособляя обкрадывать их меркуриевым чадам, тогда как первые думали, что они одни красть имеют преимущество...

— Какие мелочи, — вскричал Феб, — против моих подвигов! Я освещаю значнейшие дела природы и человеков и даю им настоящую цену; в моем присутствии освещаются славнейшие сражения; с моею помощью создаются пышные здания; я бываю свидетелем великолепнейших обрядов: словом, для меня всякой день целый свет играет комедию, пад которою ты, Ночь, только что опускаешь занавес...

— Пустое! — сказал, подошед, Бахус и дотягивая двадцать четвертую бутылку шампанского, — пустое, господин Феб! Правда, что при тебе свет играет комедию, но развязка ее бывает ночно. Самых лучших явлений редко случалось мне при тебе видать: ты освещаешь пышность, гордость; твои лучи питают самолюбие красавицы, щеголя и надменного вель-

можки, но сердце более чувствует и голова более рассуждает ночью. Спроси у самих людей, и тебе признаются, что они более ищут счастливых ночей, нежели счастливых дней.

— Надобно отдать справедливость Ночи, — сказала с презрительною улыбкою Юнона,³ — что она очень полезная богиня для неверных мужей и для непостоянных жен... — Тут Юпитер засвистал песенку из новой оперы, а Венера, улыбаясь, поглядывала на Марса.⁴

— Что до меня, — вскричал Геркулес,⁵ — то я бы желал, чтобы Ночи лучше на свете не было: она только служит помехою славнейшим делам и помогает трусам укрываться от своих неприятелей. Сколько раз бывал я свидетелем, что эта богиня разводила величайшие брани в самом их жару, и когда толпы великих душ сходились из-за нескольких тысяч стадий,⁶ чтобы имать сладкое удовольствие или зарезать, или быть зарезанными; когда неустрашмы, увы, обожая славу, не имели предрассуждения быть неприятелей своего отечества, но, почитая целой свет своим отечеством, дрались везде, где только есть случай перевести род человеческой, и со славою им шивались во все ссоры, где их не спрашивают; когда целые народы...

— Короче говоря, что вы хотите сказать? — спрашивал я у моей разговорившейся без устатку старушки: — и, сверх того, — продолжал я, — чем касается до меня спор ваших богов? Неужли вы думаете, что я земской вашего Олимпа и должен решить все ваши раздоры, которые никогда не кончатся? А если бы вы из одного пристрастия говорить пересказываете мне все ваши приключения, то признаюсь, что мне теперь не время вас слушать. Мы с приятелем подрядились поставить к завтраму оду, и на мою часть досталось сделать пятьдесят две строфы похвал; и хотя надежда, что мне заплатят наличными, придает крылья

¹ Жена Юпитера-Зевса, многократно ей изменявшего.

² У ним она изменила мужу — Вулкану, богу кузнецов.

³ Сын Зевса, причтенный после смерти к сонму олимпийцев.

⁶ Стадия = 600 футам.

¹ Муза история.

² Бог войны.

моему воображению и я списал из разных од три строфы, но все еще остается выписать сорок девять, а я еще и писателей не выбрал, с которых бы можно было собрать такой большой сброк. — Ты видишь, любезный читатель, что я хотел только отделаться от этой гостыи, которая мешала моему уединению, и потому ничего не выдумал вероятнее этой лики.

— Безумный смертный! — вскричала богиня: — ес ли бы ты не был мне нужен, то бы научила я тебя знать, каково помещать женщине. Но помни мои наставления: женский язык останавливать и строить плотину во время разлива реки — это две вещи, которые более опасны, нежели возможны. Не думай, однако-ж, чтоб повесть моя о Момусовой вечеринке не касалась до тебя: она есть первая причина, которой одолжен ты могм посеппи и м. — Но я хочу е тебе досказать.

— Едва Юнона и Геркулес пристали к Фобовой стороне и поддерживали его первенство передо мною, то передались на его сторону множество и других богов. Первая была Церера,¹ которая зла на меня за то, что многие поселяны, оставляя ее нивы, стали, под покровом тельством моим, собирать с проезжих сброк, а потом переселялись совсем в города, и там, воюя сперва в присутствии моем, наконец, под названием откупщиков и подрядчиков, стали безопасно уже воровать и днем, не помышляя ни о серпе, ни о жниве. Потом передалась Минерва,² которая подозревает, будто я служу немалую подпорою сутолпиц игроков, которые, гоняясь за щастием без кафтанов, умеют столь блестящим сделать свое состояние, что множество молодых фабрикантов и художников, оставя ее фабрики, взялись за легкой способ перекрашивать друг у друга деньги посредством карт, и этим упражнением подрывают ее лучшие рукоделия и, разоряя себя, становятся своею праздностию в тягость целому обществу. Потом следовали и другие боги: так что, наконец, не знали, кому из нас с Фобом дать преимущество!

Тогда хозяин наш, Момус, встал и,

поклонясь очень учтиво собранию богов, подал свое мнение.

— Милостивые государи, — зачал он, — я имею щастие быть богом дурачества, и мне шар всякому принадлежит более, нежели всякому другому богу. Венера имеет свое время, Марс свое, но человек родится и умирает моим рабом; и надобно отдать справедливость, что я люблю заниматься этими размышляющими куколками, которые в том только почти и упражняются, чтоб ставить трофеи моему величию. Но, несмотря на то, что я не отступаю от людей ни на минуту, и доныне еще не знаю, когда люди усерднее мне с ужат, днем или ночью, и потому то не решаюсь, кого мне из вас предпочесть. Но все гушайте моего мнения, как решить ваш спор. Согласитесь, ты, Фоб, и ты, госпожа Ночь, вести записку людских дел всякой по своей части, хстя один год; и когда окажется, что при ком-нибудь из вас люди менее дурачатся, тут пусть останется виноватым; а победителю я обещаю венки из ослиных ушей, вылитых из чистого золота. Не подумайте, чтоб этот подарок был маловажен: с обладанием золотых ослиных ушей совокуплено удачное волокитство, щастие в искании милости и способ казаться разумным, не имея ни на полушку разума.

Все боги одобрили мнение Момуса, а как я не хотела прекословить хозяину, то и согласилась на его предложение; имся в самой мысли намерение таким подарком поградеть Фобу, решила я вести записку ночных приключений. Признаюсь, хочется мне его видеть с таким же прекрасным убором, какой некогда подрадел он Мидасу, и намерение мое только все в том, чтобы он выиграл в этой тяжбе.

Несколько раз проходя мимо здешних мест, видела я часто, что у тебя горит свеча, и заключила, что или ты мучим сочинителями, или сам собираешься мучить публику; и действительно заметила я, что ты пишешь, а мне такой то человек и нужен, которой бы имел великой дух одним присеем исчерчивать дести по две бумаги, не имея малодушия страшиться ругательств и зевоты неугомонных читателей.

— С сей ночи должен ты выходить в десятом часу, возвращаться домой в

¹ Богиня жатвы.

² Богиня мудрости.

5-м по полуночи, и записывать все то, что во время твоего выхода увидишь и услышишь, или бойся моего мщения: я женщина, и ты можешь быть уверен, что искусство отмщать мне не безызвестно. Слушай же: выбирай любое: естли согласишься исполнить мое приказание, то я отдаю тебе во владение звезду Сириуса, и хотя будешь ты от нее удален на миллионы земных поперечников, но я уверяю тебя, что жители ее, а твои подданные, будут почитать и признавать тебя своим владетелем... — Как! — вскричал я с восхищением, — так я сам там буду?... — Нет, — отвечала моя гостья, — тебя там не будет, но я пошлю туда твою перчатку, которая будет так же свято почитаться, как ты сам, и все важные дела знатнейшие вельможи будут подписывать, надев ее на руку. Словом, ни одного дела не сделается, которое не было бы от твоего имени.

— Я вижу, милостивая государыня, — сказал я, — что вы хорошего мнения о нашем писательском ремесле и думаете, что произведения нашего воображения можно также и отплачивать наградою по воображению. Но, признаюсь, я не столько прельщен мечтательным миром, чтоб пленяться обладанием Сириуса, и чтоб, между тем, как моя перчатка будет делать там великие дела, самому бы мне нравилось умирать здесь в голоду. И естли всем моим товарищам-писателям раздадут такие знатные королевства на воздухе, то, для содержания наших величеств, должно будет со временем выстроить пространную богадельню.

— Дерзкой человек! — вскричала богиня: — не смей смеяться над дарами богов, и моли лучше их, чтоб жители Сириуса обожали твое имя (при сем взяла она мою перчатку), и чтоб вельможи как можно реже надевали эту перчатку для своей корысти и ко злоупотреблению. Естли же ты заупрямишься вести записку ночных приключений нынешнего года, то, вместо звезды Сириуса, дам я тебе злую жену, которая у тебя в доме так же будет сильна, как твоя перчатка в Сириусе, и которая... — Не продолжайте! — вскричал я, — исполню вашу волю и всеми силами постараюсь заслужить награждение, которое приятно мне только тем, что избавит

меня от такого страшного наказания.

Но как великому обладателю Сириуса надобно что-нибудь есть, и как он от своих подданных, смотря по качеству вельмож, которые будут пользоваться его перчаткою, кроме усердных похвал, ничего не получит, а моральная пища очень худо варится в физическом желудке, то позвольте мне хотя открыть обществу ночные мои приключения, и возвратить ему за наличные деньги то, что от него займу я украдкою.

— Печатай все, что увидишь, — отвечала она, — но берегись личности. Естли, например, увидишь ты парнасского писца, которой, схватя, вместо ножа, свою оду, нападает с нею на первого денежного мимохожего и пересчитывает наугад достоинства того, кто едва по имени только ему известен; естли увидишь ты, что он потеет пад продажными похвалами и хочет переупрямить целой свет, навязываясь ему на шею со своими одами, в которых, наперекор здравому рассудку и истине, отводит он непременно кварталы добродетелям там, куда они заглянуть боятся, и ставит престол разуму в такой голове, в которой свищет сквозной ветер, то запиши это и скажи свое мнение; но не называй имени продажного писца, а оставь для него на несколько букв порожнего места, и когда твой герой усовестится лгать, то пусть, при первом покаянии, подпишет под твоим описанием свое имя, с обещанием встать вперед в дугу природы, рассудок и истину.

— Когда увидишь ты, что нежная красавица делает щастие милого себе человека и вступаст с ним в супружество, не осмеливаясь подозревать, чтоб любовь его к ней исчезла, и когда узнаешь, что новобрачный этот философ, за прежнее свое щегольское поведение, осужден судьбою играть у молодой и прекрасной жены своей мучительское для него лицо Тап-тала,¹ тогда воздохни о нем, пожалей о подобных ему молодых людях, которые женятся только для того, чтобы вводить

¹ Таптал мучился в Аду жаждою и голодом, постоянно видя пред собой недоступные ему воду и плоды.

во искушение непостоянства самых скромных красавиц. Но не называй его по имени, и пусть, позабывшись, первой он улыбнется, читая описание себя, между тем как прекрасная жена его вздохнет украдкой о том, что ее замужество построило ей замки на воздухе, и что она от своих подруг почитается обладательницей такого блаженства, которого сладость известна ей по одному воображению.

Вот мои правила: пиши так, чтоб всякой улыбался, читая твои описания, иные бы краснели, но чтобы на тебя не сердился ни кто.

— Милостивая государыня, — отвечал я, — сатира есть камень, которым бросаю в кучу безумных; а вы знаете, что, бросаю камень в многолюдную толпу дураков, не лезя остеречься, чтоб в кого не попасть. Итак, если кто осердится... — Если кто осердится, то ты виноват. Должно, чтобы ни кто не сердился, и сие то есть искусство сатиры. Взгляни, например, на Антирихардсона: ¹ он в своем романе сердится на весь свет, а на него ни кто; он, вместо досады, возбуждает приятную вежливость... и самой щекотливой читатель заснет прежде, нежели успеет на него рассердиться. Посмотри на мнимого нашего Детуша: ² он с театра сильною рукою нападает на зрителей; но как в его комедиях нет ни одного человеческого подобия, то ни один слушатель не принимает его сатиры на свой счет; и когда автор бранит Петербург, то часто думают, что он ссорится с Пекином. Природа дала ему ключ, как ладить с публикой. Дело все в том, что его ни кто не понимает; а ково не понимаешь, на тово грех и сердиться.

— Возми в пример Баснобрёдова: он пишет целой век, бранит всех, но его никто не читает, сколько ни делал он объявлений о своих новостях, сколько ни печатал он своих сочинений; но никто не скорбился его сатирою, ибо он успел первым своим сочинением столь обеспе-

чить публику, что она никогда уже не любопытствует видеть и читать его новостей. И так, он может смело разругать весь свет, прежде нежели какая-нибудь живая душа об этом догадается. Я помню, что он написал некогда презабавную и пренасмешливую комедию; признаюсь, я ожидала, что он не минует с кем-нибудь ссоры, но дело кончилось самым лучшим образом. Книгопродавец продал его комедию в овощной ряд с весу; все издание в короткое время расхватили по листам. Автор удовольствовал свой сатирический дух и при всем том в мыслях общества остался скромным писателем, хотя стоит только заглянуть в корзинку у первого разнощика, чтоб видеть, как ядовита его сатира. ³

— Пользуйся такими хорошими примерами, брани, если уже то необходимо для твоей желчи, но брани так, чтобы тебя ни кто не читал, и ты будешь в великом согласии с публикою. Прости, помни слова мои и в сию минуту начни твою должность... Два часа за полночь: будь только прилежен, и ты не потеряешь время... — И в ту минуту она исчезла, а я, зевнувши раза два, три, встал с постели, ворча сквозь зубы, оделся на скорую руку, накинул на себя епанчу и пошел слоняться по улицам, дабы записывать истину, которая всегда доставляет главной доход ругательствами.

Вот, любезной читатель, в чем хочу я сделать тебе доверенность. Днем ты можешь спокойно сам замечать, что тебе встретится, а что сделается ночью, о том я тебе буду тихомолком сказывать, и после мы посмотрим: Ночи или Фебу принадлежит завидной на Олимпе венок из золотых ослиных ушей.

НОЧЬ I

Едва прошел я несколько шагов, как приметил карету и близ нее двух молодых человек, которые вынимали из нее веревочную лестницу. С великою осторожностью подошли они к одному богатому дому, кашлянули раза три, и с верхнего жилья спустилась к ним тоненькая ве-

¹ Т. е., Анти-Ричардсон. Намек на бездарного подражателя Ричардсона — П. Ю. Львова (1770—1825).

² Намек на В. И. Лукина (1737—1794) — писателя и переводчика Детуша и других французских драматургов.

³ Намек псаев.

ревочка, к которой прикрепили они свою лестницу... и ону в минуту зачали вставлять наверх. Как я начался довольно таких любовных новостей в романах, то и не почел это происшествие достойным примечания, а, пожелав приятно сна мужьям и матерям, продолжал путь свой далее и, миновав карсту, пресбирался подле стенки, как вдруг услышал у ворот тово дома двух женщин, очень тихо разговаривающих.— Ах, мадам Плутанвиль,—говорила одна другой,—они уже привязывают лестницу... мы едва не опоздали, хорошо мы вздумали, что оставили вверху Плутану, а то бы некому и лестницы было принять.. Но признаюсь вам, что я робею от этого приключения когда воображаю, что мне надобно будет слезать в теперешнюю темноту к мосму любовному Ветрогону с такой вышины, то сердце у меня замирает...— Вот странная прихоть!— сказал я сам себе:— входить в третье жилие и лезть оттоль по веревочной лестнице к своему любовнику, тогда как она сама стоит от ево карсты в десяти шагах. Надобно думать, что эта девушка жалуется околичности... Но удовольствую свое любопытство и рассмотрю, что значит это странное происшествие.

В сих мыслях возвратился я к карете, надеясь выведать что-нибудь от кучера, которой один там остался. Едва услышал он близ себя шорох, происходящей от меня, как вступил со мною в разговор:— Иван! не ко мне ли ты?—спрашивал он меня.— К тебе,— отвечал я.— Что делает барин?— Барин еще должен дрогнуть с час на морозе: лестница коротка, и он приказал тебе бежать домой, принести другую веревочную лестницу и несколько веревок, чем бы можно было привязать ее к первой, а мне велел посмотреть за каретой.— Чорт возьми все любовные приключения!— ворчал кучер, слезая с козел:— Етова мало, что я с час дрог для негодной Французенки, которую бы променял я теперь за полный стакан вина; надобно еще, чтобы я околесил версты три!..— Ты прав,— отвечал я,— но как же быть: надобно делать, что велят. А чтобы тебе не так скучно было, то вот, возьми этот рубль: ты можешь за него на дороге отогреться; мы еще успеем.— О!

когда так,— сказал с радостью кучер,— то с таким хорошим товарищем готов я обегать весь Истербург, лишь бы было мне чем во всяком кабаке учредить станцию.— После тово бросился он от меня, и в пяти шагах не было уже ево видно за темнотою.

— Начало прекрасно!— рассуждал я сам в себе:— одново уже нет; и если успею я так же проворно отправить и последних, то не мудрено мне будет датслучай сбыться пословице: орлы дерутся, а молодцам перья. Может быть, еще удастся мне сделать доброе дело и спасти честь стой девушки, зашедшей, что легко станется, невинно в сети, расставленные ей плутовством Французенки и богатством господчика, которой, с помощью набитова кошелька, как Язон с помощью Медеи, похищает это новое руно.¹— Опомнись, вешал мне рассудок:— с каким намерением вышел ты из дому? Ты хочешь упадать на порок; а едва отошел пять шагов, как сам делаешь шалости.— Кричи, что хочешь, господин рассудок,— отвечало сердце:— а у меня есть своя маленькая философия, которая, право, не уступит твоей. Твой баромстр измеряет сухая математика, но мой баромстр не менее справедлив в своих переменях...— Прекрасно, любовное сердце, прекрасно! И еслили твоя философия не столь глубока, то, по крайней мере, она заманчива и приятна; и я отныне с пользою буду наблюдать, когда опускается и поднимается твой баромстр...

— Что это за чудной баромстр?— спросишь ты, любезная читательница.— Это, сударыня... но ты краснеешь... нежная грудь твоя трепещет и напрасно старается удержать томной вздох... Ах! еслилиб не было тут твоей бабушки или тетушки, то бы, потупя глаза и со скромною стыдливостию, давно бы сказала ты, что это... любовь...— Любовь!.. к незнакомой женщине, которую ни когда не видывал ты в глаза?..— О! еслили вы не верите, сударыня, то загляните только в романы: вы найдете там тьму страстных любовников, которые не видывали в глаза друг друга; загляните в Элегии: вы найдете,

¹ По мифу, аргонавт Язон с помощью царевны Медеи похитил к Колхиде золотое руно.

что поэты прежалко воспевают любовь свою к красавицам, которых случалось им видать разве во сне, и пишут престрастные письма к несравненным прелестям, которые роятся в их чернильницах и умирают в книжной лавке на полках. И так, вы видите, что ничево пет легче, как влюбиться в совершенство такой особы, которой на свете не было. Что до меня, то один голос моей незнакомки разлил по моим жилам электрической огонь, а воображение приятности ночнова приключения довершило дурачество мое сделаться героем такова романа, в котором должен бы я был играть эпизодическое лицо мужа. Правда, совесть меня упрекнула, что я срываю с вилки у ближнева кусок, совсем мне непринадлежащей; но кто в сем свете работает на себя? Крестьянин потеет и трудится целые годы, чтобы выплатить колесо богатой кареты или пуговицу с кафтана своего господина Промотова, которых он никогда не увидит. Судья высасывает у челобитчика набитой кошелек для того, что бы жена ево нарядила в обовку капитана Хватова, молодова ево соседа. Неустрашимой офицер Храброн дерется для того, чтобы щеголеватова его товарища Юлу, племянника ево сиятельства Дурындина, назвали храбрецом. Толстой Безмозгов платит богато прекрасной своей Неоткаве, не воображая, что ево щедростию пользуются человека четыре молодых подлипал, не включая в то число Неотказина волосочоса, кучера и егеря. — Вот сколько примеров собралось у меня тогда на оправдание моего поступка! — И так, для чево же мне не пользоваться тем блюдом, которое не для меня готовится?... На свете сем все, как повара, суечатся и готовят кушанье для других, между тем как сами хватают с таких блюд, которые нечаянно попадают к ним под нос. — В таких то размышлениях подкрадывался я к ночному похитителю. Ударило час, и я услышал у нево со слугою следующей разговор:

— Еще час бьет, сударь, и нам, по условию, остается ждать битых полчаса...

Б. Ах, естлиб ты знал, Иван, как мне время длинно кажется!...

Иван. Верно, не так, как мне, сударь!..

Признаюсь, я очень неохотно вдаюсь в такое приключение, от которова, кроме худа, ни чево нам ждать нельзя...

Б. Естли избегать худа, то ни в одно приключение нельзя вдаваться. Что до меня, то я всегда на мои предприятия смотрю с одной доброй стороны. Теперь, на пример, я одним тем занят, как моя милая Жанета пылка, влюблена, прелестна, невинна...

Иван. О красоте я ни слова, сударь! В любви, как в кушанье: иной любит кислое, иной соленое, и трудно уверить, что лучше. Но что до невинности, то я соглашусь скорее искать смысла в Антирихардсоновых романах и остроты в комедиях мнимова Дегуша, нежели искать невинности во французской лавке, — где...

Б. О, да ты еще и в учености вмешиваешься!.. Но послушай, у меня страшная охота бить разумных людей; и так, не советую тебе никогда при мне влетаться в рассуждении, для того, что это совсем не ваше дело.

Иван. Почему ж, сударь?

Б. Почему?... почему? У меня есть на это хотя тонкие, но гибкие доказательства...

Иван. А! а! понимаю: вы говорите про палки... и признаюсь, что вы убедительнее Руссо доказываете мне вредность наук... Оставим-те же этот разговор; я не охотник до ученых споров, и станем лучше говорить о том, что к нам ближе. Скажите, например, к чему вам вздумалось вести любовь свою такими околичностями и обижать честную мадам Плутанвиль, похищая у ней украдкой такой товар, которым эти честные мадамы расторгиваются более, нежели модными шляпками?

Б. Какое дурацкое сравнение! Неужли ты думаешь, что и моя прелестная Жанета так же, как и ее подруги, Француженки, не отличает своих прелестей от продажных лент и булавок?... Грубо ошибаешься, друг мой! Естли бы ты знал, как за нею прилежно волочились Промот и Голосум...

Иван. Станетя... Я п всегда был уверен, что против безденежных волочит нет добродетельнее женщины, как ваша Жанета и ее подруги. Естли бы не почла

ола вас богатым, то, поверьте, что никогда не поколебали бы вы ее целомудрия...

Б. Не должно, мой друг, так грубо рассуждать о женской добродетели...

Иван. О! добродетель женщины по моде так же тверда, как стекло, которое никакою острою бритвою, кроме алмаза, не разрежешь... Да скажите мне: куда вы намерены девать вашу Елену,¹ не имея ни полушки денег? Разве хотите вы уморить ее с голоду и дать случай писателям к новому Роману?

Б. Лишь бы удалось мне увести любезную Жанету, и мы с нею докажем, наперекор всему свету, что и во французских модных лавках есть предобродетельные женщины....

Иван. Сомневаюсь, сударь: ныне не такой век, чтоб чудесам верили. Но скажите, не совестно ли вам изменять прелестной вашей Вертушкиной, которая теперь одна поддерживает ваш блеск на счет любезного своего супруга...

Б. Куда как худо толкуешь ты любовь! По твоему мнению, она должна быть так же тверда и постоянна, как старинное супружество, чтобы наскучить в две недели. Пустое, мой друг! Любовь, как смородина, которую как бы ты ни жаловал, но она в шесть минут набьет тебе такую оскомину, что ввек на нее не взглянешь, если не возьмешь предосторожности употреблять ее реже. Измена и неверность, мой друг, есть ключ к сохранению модной любви, и для того то я знаю много супружеств, которые продолжаются в добром согласии только для того, что супруги не скучают друг другу безотвязною верностию... Но я слышу, что вверху кашлянули... Приготовимся принять Жанету.

Услыша это, отошел я от них и ожидал, чем кончится приключение. Сперва мне пришло в мысль самому сесть на козлы и отвести к себе Анжелику; но как я не надеялся управиться с лошадьми, то едва было не отказался от моего предприятия, еслиб нечаянная встреча не подала мне помощь. Я увидел, что шагах в пяти от меня бродит человек, которой

не отходил от того места и, кажется, хотел быть свидетелем происходящего приключения.— Друг мой,— сказал я ему,— не занят ли ты чем, и можешь ли оказать мне услугу; за которую тебе дано будет на водку? — Охотно, сударь,— отвечал он:— я сторож этого дома и хожу по очереди около него; но это такая должность, за которую еще десять могу я отправить. Что вам угодно? — Мой барин сговорился уйти с одною девушкою.— Не из этой ли французской лавки? — Точно так.— Не Жанетою ли ее зовут? — Ты угадал.— А барина твоего Вертушкиным? — Правда. Да ты почему все это знаешь? — О! я часто видал, как они перебрасывали друг другу письма, и уже ожидал, что из этого выльется что-нибудь доброе.— Эта мысль требует еще подтверждения,— отвечал я.— Но выслушай же мою просьбу. Жанета скоро спустится к нам, а кучер наш ушел и, верно, в кабак; барин про это узнал и грозит уже наградить его палочным увещанием. Так не хочешь ли ты, когда я тебя через минуту позову, сесть на его место, не говоря ни слова, и отвезти нас к * * * мосту в дом * * *? — Охотно, боярин. Я очень люблю править лошадьми и рад случаю вам подслужиться.— В ту минуту подошел к нему один человек.— Ну, Сидорыч,— сказал он моему новому знакомцу,— долго ли нам дрогнуть? Мои товарищи, восемь человек, все от морозу зубы повыколотили, и нам бы теперь не худо руки погреть... — Подите домой, братцы,— отвечал дворник:— вы мне более не надобны...— Как не надобны? Разве не станут в нынешнюю ночь... — Ну, слышите ль, вы мне не нужны,— перервал дворник с досадою:— дело без вас обойдется... — А кто же заплатит нам за то, что мы всю ночь стерегли? — Приходите завтра ко мне: я заплачу вам так точно, как будто б вы все сделали. Поди же и скажи товарищам, чтоб они разошлись, а Семену скажи, чтоб он с лошадьми поехал домой... понимаешь ли?... — Понимаю,— отвечал другой, и скрылся от нас...

— Что это значит? — спрашивал я со смятением дворника: — к чему собрались были у тебя все эти люди? — Это ничего, боярин,— отвечал он: — Мы узнали, что

¹ Елена, супруга царя Менелая, была похищена Парисом.

в нынешнюю ночь соседские лакеи собрались ограбить моево хозяина, и для того запаслись мы маленькою засадою, чтоб сделать доброй отпор и переломать им руки и ноги; но как теперь уже время, назначенное для этого посещения, прошло, и они, видно, узнали, что здесь взяты предосторожности, и для того отменили свой поход, то я распустил своих товарищей. — Но к чему же этот человек с лошадьми? — спрашивал я его. — О! он был приготовлен, чтоб, в случае нужды, гнаться верхом за этими буянами; но дело все кончилось благополучно и опасаться нечего. Да и правду сказать, лучше мне трястись за деньги на козлах, нежели даром дронуть у ворот на улице и стеречь, чтоб не обокрали моево барина, к которому к самому надобно бы было приставить караул и смотреть за ним, чтоб он не грабил бедных челобитчиков, на счет которых выстроены эти полаты. — Стой же, мой друг, и дожидайся меня! — сказал я ему: — а я пойду, и когда время придет, то тебя позову. — Потом от него возвратился я к моим похитителям, расположившись в мыслях, как должно случиться делу.

Я подходил, когда уже невинная Агнеса¹ спускалась. К ступе бы здесь было поместить все восхищения любовников, но они и в комедиях мне наскучили, и я чрезвычайно обрадовался, когда в некоторой новой комедии увидел, что автор двух любовников обвенчал, не дав им ни слова сказать друг другу о любви. Что до меня, то и расслушать мне у моих любовников ни чего было не можно, ибо все дела происходили тихомолком.

Уже наша чета приближалась к карете, когда приметили, что нет кучера. — Бездельник этот, верно, где-нибудь пьянствует, — говорил сквозь зубы волокита. — Бога ради, говорите тише, сударь, — шептала красавица: — если услышат сверху этот шум, и мадам Плутанвиль догадается о моем побеге, то я погибла: у нас честь очень строго хранится... Подите лучше с вашим человеком и постарайтесь поскорее его отыскать, а я останусь у кареты и поджду

вас здесь. — Вот неробкая героиня! — подумал я сам в себе: — кажется, эта девушка уже давно привыкла к ночным приключениям.

Едва отошел он от своей Анжелики, как я бросился к подговоренному дворнику. — Ступай, мой друг, — сказал я, — не надобно терять времени; садись на козлы, притворись пьяным и скажи только, что ты отогревался в ближнем трактире, а между тем вези нас, куда я уже тебе сказал. — Поверь, барин, что я дело кончу так проворно, как ты не думаешь, — отвечал он и после того бросился на козлы, а я подкрадывался за ним, притворяясь, как будто потерял дорогу. — Любезная Жанета, здесь ли ты? — спрашивал я. — Здесь, — отвечали мне тихонько. — Кучер твой пришел; но, кажется, он пьян. Я не расслушала, что он пробормотал... С тобой ли твой человек? — Ево нет, любезная Жанета, для того, что я строго запретил ему возвращаться без кучера, а он долго его проищет. Так лучше поедем одни; он и без нас умест домой воротиться, — и я тотчас отворил дверцы, посадил красавицу, вскочил за нею в карету, затворил за собою дверцы и велел кучеру скакать домой, не заботясь о том, охотно ли к себе возвратится мой несчастливой совместник пешком, и без любовницы, которую уже почитал он верно в своих руках.

Едва ударили по лошадям, как моя скромница зачала хохотать во все горло; голос ее показался мне знакомым. — Чему ты так хохочешь, душа моя? — спрашивал я ее. — О! это ужесть смешно, — кричала она, — когда я воображаю, как рассердится старая моя мадам Плутанвиль, не нашед меня в моей комнате. Скажи мне, мой ангел, не шегольски ли мы ее провели?... — Боже мой! это ты, Маша? — вскричал я. — Ах! Мироброд,² негодной!.. каким странным случаем?... Я не знаю, радоваться ли я должна или сердиться за нашу нечаянную встречу?...

¹ В ироническом смысле — олицетворенная невинность.

² Г. читатель может здесь видеть, что герой сей повести — Мироброд и издатель ее — Крылов суть два разные лица; но последний будет всегда доволен, если публике понравится первой. Примечание типографшика (т. е. Крылова).

Какой дьявол занес тебя в эту карету, когда, не видясь с тобою года три, я менее всею тебя тут ожидала... — Каким образом встретила ты мне, когда и в ум не приходило, чтоб моя милая Маша составляла свиту французской уборщицы? — Каким образом превратился ты в похитителя? — Как переродилась ты из русской горничной девушки во Француженку, не имея понятия о французском языке? — О! мои приключения не чудны... Вскоре после того, как мы с вами расстались, барышня моя ушла с одним молодым офицером, чему много помогла Француженка, ее учительница, которая подговорила так же ее увести из дому много бриллиантов и денег. Я, как проворная девушка, тотчас смекнула намерение Француженки, и ни денег, ни алмазов не выпускала из своих рук, так что французская плутовка, наконец, открылась мне, русской, в своих намерениях, для которых она и барышню мою подговорила к побегу, и мы оставили влюбленную эту чету без денег и без вещей, на попечение судьбы, питаются одною взаимною страстью, и уехали в здешней город, где моя учительница завела французскую модную лавку на счет моей барышни; а как ей нельзя от меня отвязаться, не опасаясь от меня мщения, то я по необходимости сделалась первою ее подругою, и мы с ней торговали пополам очень удачно, пока не влюбилась я в молодова Вертушкина и хотела пожертвовать ему моим счастьем и... — Плутовка! вскричал я, захохотав: — я был свидетелем всею вашею ночью приключения; и когда еще, возвращаясь домой с твоей Француженкой, говорила ты с ней у ворот, то я все слышал и заключил справедливо, что ты влюблена, да только не в Вертушкина, а в его деньги. — Ты демон, а не человек, — отвечала моя красавица: — от тебя ни в чом утаиться нельзя, и я вижу, что тебе во всем признаться надобно... Повеса! — продолжала она: — выслушай все, и ты увидишь, что я доныне от тебя ни какой тайны не имею.

— Еслибы модные торговки жили одними уборами, то бы не вывозили так много денег в чужие края; но главной торг их состоит в том, чтоб украшать не

одних женщин, но часто и мужей иных, которые иногда, не подозревая, отпускают своих жон в модные лавки себе за головным убором. Притом же эти честные Француженки нередко доставляют случай молодым девушкам видаться с своими любовниками, и за это берут порядочную пошлину. Етова недовольно: они держат у себя в лавке много молодых учениц, с тем, чтоб приманивать волокит, и мнимою строгостию и препятствиями своим девушкам увеличивают желания воздыхателей; а когда увидят, что надобная минута наступила, и кошелек любовника туг, тогда из-под руки дают своим девушкам согласие на побег, и таким образом вдруг получают и деньги и остаются с добрым именем, ибо таких похищений не смеют приписывать на их счет, видя, что они сами более всею за то шумят и жалуются. — Прекрасная выдумка! — сказал я: — И так, моя любезная Маша... — Твоя любезная Маша, — вскричала она, захохотав, — под покровительством модной уборщицы теперь имеет честь в восьмой раз представлять невинность... — Я любопытен видеть, искусная ль ты актриса, Маша... Но карета остановилась, войдем ко мне, и будь уверена, что твоя невинность здесь в такой же безопасности, как и во французской лавке.

Дверцы каретные открылись, и едва успел я выскочить, как ударили по лошадам, закричали: «к Обухову мосту!» и кареты стало неслышно. Любезная моя Маша, с ее невинностию, и уже конченное почти приключение — все исчезло, как приятной сон, и я очутился в руках почного повесы, которой, сказав мне, что от моего молчания зависит моя жизнь, толкнул меня на двор и запер за собою ворота.

Тут мягкая и нежная рука схватила мою руку, и женской голос сказал мне, чтоб я более всею стерегся сделать шуму. — Барыня уже вас ожидает, сударь, — говорила мне моя предводительница: — Ах! еслибы вы знали, в каком она смущении... — Я и сам в неменьшем беспокойстве, — отвечал я тихонько и дрожа от страха. — Бога ради, — продолжала она, — постарайтесь ее утешить... Но не правда ли, что мы ще-

гольски вас увезли и умели в пору разорвать вашу любовь с этою негодною беглянкою, про которую я уже все разведала? Но оставим этот разговор. Вы, конечно, простите моей барыне то, чему одна любовь ее к вам причиною... или она умрет с печали, бедная! Но теперь более всево опасайтесь кашлянуть и говорить громко: если барин проснется, то мы все попадемся в такие хлопоты, из которых трудно будет нам выдраться, и вы можете легко потерять ребра четыре. — После такова утешительнова предудеждения вела она меня через долгие сени, не говоря ни слова, и мы прошли тихомолком большой ряд комнат, а, наконец, остановились в осьмой или девятой. — Оставайтесь в этой уборной, — сказала она мне: — барыня тотчас к вам выдет; впрочем, бояться вам нечего: уборная эта вам, верно, знакома. — При сих словах пожалала она мне руку, дала горячей поцелуй и оставила одново размышлять о странности моих приключений.

Где я?.. каким образом сюда попался?.. Зачем с такою скоростию умчали мою невинную Машу?.. Кто все это спутил?.. и как выду я из дому, не смея сделать ни шага и не зная расположения комнат, конх прошел такое множество?.. Вот сколько вопросов задавал я сам себе, и смущенной мой рассудок ни на один из них не был в силах сделать ответа.

Правда, я ждал к себе женщины, и приключение могло кончиться для меня не слишком бедственно; но страх, что всякую минуту я могу быть узан и побит, делал меня почти неспособным ощущать предстоящее благополучие... Тогда то вспомнил я не кстате нанятова мною кучера и ево товарищей, которых распустил он, как ухватился за случай взмоститься на козлы, — словом, у меня родились тысячи догадок, из которых одна другой была хуже... — Если все это приключение, — прошептал я, вздохнувши, — кончится на моих боках, то надобно отдать мне справедливость, что я самым искусным образом придрался к случаю быть побитым.

Когда, таким образом, оставленный один в темной комнате размышлял я, которой бок выгоднее подставить непри-

телю, если появится каменной град, то услышал, что дверь тихонько отворилась, и женщина, легкая, как самой Зефир, приближалась ко мне осторожными шагами. — Милой и неверной Вертушкин, — говорила она тихонько, схвати меня за руку: — изменник! ты, которой и самую своей ветреностию умеешь к себе привязать, смотри, какой опасности я для тебя подвергаюсь, и когда ж! — в самую ту минуту, когда ты мне изменяешь, я тебе жертвую своим спокойствием... и именем. Хочу говорить с тобою с тем, чтобы, разбрания тебя, расстаться с тобою навсегда и, чтобы обезоружить опасные твои глаза, нарочно приготавливаю явление сто в темноте; уже я думала, что ты обезоружен, но — ах! — лишь я только коснулась до тебя, как чувствую, что приятное мление объемлет все мои члены. Ноги мои подгибаются... я дрожу... безной повеса! ах! я чувствую, что в твоей воле, не говоря ни слова, получить от меня прощение... — При сих словах она своими мягкими и нежными руками сжимала крепко мои руки; я чувствовал, что слабое трепетание отнимало все ее силы; она оперлась на меня и, конечно, не сдержала бы себя на ногах, если бы я не поддерживал ее, обхвати тонкой и стройной стан ее моими руками; сердце ее билось изо всей силы, и мое отвечало ему подобным трепетанием; пламенная грудь ее, то опускаясь, то воздымаясь до моих уст, изображала смущенное состояние ее души; мое воображение довершало начертывать совершенства сей женщины, коея прелестями восхищался я по одному осязанию. Я не знаю, каким образом то сделалось, горячие уста наши сплелись и, кажется, друг у друга занимали дыхание; оно перерывалось беспорядочными вздохами. Мы уже дышали друг другом, но все еще, казалось, нечто нас разделяло; сердца наши, отвечая друг другу согласным трепетанием, составляли одно сердце, которое разливало по нашим жилам один огонь и одинакие чувствования. — Пстой, что хочешь ты начать? — сказала мне смущенная моя незнакомка. Никогда любопытство женщины не было более не кстате, как в сей раз. — Ах, сударыня! — шептал я ей тихонько: — разве не знаете вы мою стра-

стную любовь?.. — Повеса! — отвечала она мне: — ты все так же запрямечив и ветрен: или позабыл ты, что в соседней комнате спит мой муж, которому может легко показаться подозрительным наше свидание, и хотя, при всей своей молодости и пригожестве, он менее пятидесятилетнева старика в праве жаловаться на неверность жены, со всем тем с удовольствием выбросит за окно того, кто вздумает быть ево Сознею.¹ Яснее тебе сказать: муж мой из числа тех причудливых занк, которые, на муку своим слушателям, хотя по три часа занкаются над всяким словом, но со всем тем сердятся, естли кто вздумает за них изъясниться. И так, ты должен меня оставить, и пусть будет сто служить наказанием за твою ко мне измену. — Сударыня! неужели вы так мстительны? — О, конечно! Или ты думаешь, что твое дурачество должно остаться без наказания? Поверь, что нет: я решила до завтрашней ночи на тебя сердиться. Итак, естли ты хочешь сделать со мною мир, то будь завтра в маскарале в белом домине, в полной черной маске и в перчатках того же цвету; и когда увидишь там в таком же приборе мушину, то подходи смело к нему: сто буду я; а чтоб избавиться от всякой опасности, то мы поедем к тебе ужинать и заключим там торжественной мир. — Но ваш муж? — О, мой муж так много занят в свете, что он и за тем не смотрит, что сам делает; так ты можешь поверить, что ему некогда заниматься трудною должною — присматривать за верностью жены. Прости, милой ветреник, мне некогда с тобою более говорить: я боюсь, чтоб муж мой не проснулся. Я уже сказала, что он не будет столь умен, чтоб жаловаться на себя, но всю вину взложит на нас и подвергнет меня опасности видеть тебя изувеченного. Прости! — С сим словом оставила она на устах моих горячий поцелуй, и я уже не слыхал ее боле. В ту минуту подошла ко мне моя прежняя проводница. — Довольны ли вы, сударь, вечером? — сказала она мне. — Не совсем, — отвечал я: — прелестная твоя госпожа все еще на меня сердится. — О, так, конечно, вы перед нею винована-

ты!... — Как! после такова долга свидания! — Ах! я по всему вижу, что и мне еще рано перестать на вас сердиться. Подите же и будьте готовы хотя завтра исполнить, что вам приказано. Желаю только вам лучших успехов для будущего вечера, нежели какмп севодни можете вы похвалиться. — Я слышал, что плутовка смеялась тихонько при сих словах и после того проводила меня преженю дорогою за ворота, пожелав мне сонливого дня и потом веселой ночи.

Сколько мыслей, сколько рассуждений и догадок зачало тесниться в моей голове! На всяком шагу встречалось чтонибудь новое моему воображению. — Кто ста женщина? — спрашивал я сам себя: — кто ста несчастливая, которая, как кажется, вышла за одну живошь, и кто етот презренной муж, которой вместо того, чтобы принести своей жене новое пылкое сердце и хорошие нравы, растерял свои чувства на приманчивые прелести, прибыточные своею нежностью одним аптекам, и которой вступил в супружество тогда, когда уже он умер для супружества?

В таких то важных рассуждениях пробирался я домой и подслащивал их распоряжениями, как бы лучше завтра кончить свое намерение, или, лучше сказать, я бранил дурачества других и сбирался, естли можно, умножить их глупости целым ноликом. Таков человек, любезной читатель: нередко у того бутылка с вином в кармане, кто проповедует трезвость.

Наконец, дошел я домой. Заря уже начинала заниматься, и я, едва доплелся до постели, то, утомленный моими размышлениями и приключениями, предался спу, занимаясь воображаемыми прелестями милой моей незнакомки.

Любезные мои собратия, подольные жители Парнаса! вы, которые в своих сочинениях прицепляетесь ко всякому случаю видеть сон — сонливые подлипали муз — уже вы ожидаете от меня какованибудь сповидения, и, признаюсь, что случай для етова не худ: заря, любовь, страх, надежда, женщина — все сто вместе могло бы составить нечто изрядное. Но подивитесь моей скромности: в етот раз ничево не видал я во сне.

¹ См. «Амфитрион» Мольера.

НОЧЬ II

Одиннадцать часов пополудни ударило, и я уже был в маскарade. Какое это поле для сатирика, которой прицепляется ко всякому случаю побранить людей! Гораций, Ювенал,¹ и ты, Боало,² я бы желал воскресить вас на два часа и дать вам билет в наш маскарad: какое бы это было прекрасное блюдо для вашего острого пера! Там бы увидели вы верченую щеголиху, привлекающую за собою толпу волокит; вы бы увидели, как выставляет она всю тоненькую ножку, подбеленные ручки; как возбуждает во всех любопытство узнать ее, и не смеет снять свою маску, для того, что она лучше ее лица. В другом месте попался бы вам искусной шут, которой под приятною личиною, надеясь не быть узнан, несет карты, — сей ножик разбойников высокого света, — и хочет погубить беднова простачка, виноватова перед ним только тем, что он, по легковерию своему, почитает его честным человеком. Тут бы попался вам, в ямском кафтане, счастливой шут, и вы бы увидели, как он своими кривляньями старается веселить целой маскарad, чтобы только заслужить улыбку какой-нибудь важной домини. Вы бы, может быть, подумали, что сто обезьяна в ямском кафтане: совсем нет, сто — повелевающий четверкою почтенной Низкосерд, счастливый только тем, что он часто надевает кафтан ниже своего состояния, а сердце имеет ниже кафтана. Вы бы увидели, как Антидетуш,³ нарядясь ребенком, с гордою скромностию носит под пазухою азбуку, и, может быть, посоветовали бы ему с нею познакомиться поболее, прежде нежели он опять примется за любимую свою работу раздирать зевотою рты у своих благосклонных слушателей. Одним словом, вы бы множество нашли там придирок побранить прекрасно шалости людей и, не прибавя им ума, прибавили бы, конечно, себе славы. Что до меня, то мне некогда было ценить посторонние дурачества: я бегал по всему маскарadu, чтобы сыскать мою прелестную незнакомку в белой домине с чер-

ными перчатками, и лишился уже надежды, не находя ее нигде, как вдруг маска, одетая дьяволом, взяла меня за руку. — Bravo! любезной Мироброд, bravo! — вскричала она: — уже ты ныне записался в большой свет, уже шатаешься по маскарadam — прекрасно! О! я, несмотря на твои нравоучения, всегда думал, что в тебе прок будет... — Тише, государь мой, — отвечал я с сердцем: — вы позабыли правило благопристойности маскарадной и называете громко меня по имени... — Тыфу, к чорту, да сто уже и любовным приключением пахнет! Ну, ну, в доброй час, успехов вам желаю. Правда, что ты меня принял холодно; это, право, бессовестно не узнавать старых своих знакомых; признаюсь, что я вам виноват: я немножко курнул⁴ и совсем не так начал с тобою разговор. Ведь ты, верно, не узнал меня? — Вы сто точно так же угадали, как мое имя. — О! что до твоего имени, то я не угадал его, а видел, как ты у буфета выпил украдкою стакан лимонаду, и тотчас узнал тебя, старинного моего приятеля. — Очень рад свиданию, прошу только не мучить долее мое любопытство и сказать... — Кто я, — неправда ли? Признайся, что в дьяволах ты никогда бы не узнал твоего Тратосила... — Тратосил! — вскричал я: — сто ты?... Давно ль ты здесь, в городе? Признаюсь, что я желал бы многое с тобою переговорить, по теперь, как ты угадал, я занят любовным приключением, и ты сделаешь крайнее одолжение, когда приедешь ко мне. — И я тогда же рассказал ему, куда ко мне приехать. — Будь уверен, — говорил он, — что ты скорее меня у себя увидишь, нежели думаешь. Но теперь я тебе не мешаю: ночь всю проплю за здоровье твоей красавицы. Согласись, любезной друг, что ничево нет приятнее... — Я на все соглашаюсь, — отвечал я, увидя вдали надобную мне маску: — только с тем условием, чтобы ты меня теперь извинил и оставил бы одново. — Боже мой! неужли ты думаешь, что я тебя не понимаю?... оставайся с покоем (маска давала мне знак рукою), не лъзя ли только слова два, три... — Ни как не лъзя, прощай! —

¹ Римские сатирики.² Французский сатирик (1636—1711).³ В. И. Лукин (см. выше).⁴ Запил.

Прощай, любезной Мироброд!... Э, стой! я позабыл тебе сказать новость: ведь у меня ныне есть прекрасная аглинская карета... — О, что мне нужды, безотвязчивой человек... — Да знаешь ли, как я ее достал? — За деньги. — Это правда, да деньги то почему? — Потому, что ты сделан судьбою. — А судьбою то я отчево? — От того, что ты — женился... Негодной человек! да отвяжешься ли ты? — Ха, ха, ха! так ты все знаешь; так прости ж... — И я, уже ни слова не отвечая, бросился от нево к своей домине, предавая проклятию всех досадчиков в свете. — Ах, сударыня! — Говорите как можно тише, — перервала моя незнакомка, крича мне странным голосом: — я боюсь, чтоб нас не узнали. Мне сказали, — продолжала она, наклонясь, мне на ухо, — что муж мой будет здесь, переодетый так странно, что его нельзя узнать. Я не понимаю, что это за намерение, только оно для нас не совсем безопасно; но мы хорошо сделаем, еслии скорей отсель выедем. — Да чево ж вам бояться? — отвечал я: — разве муж ваш знает, в каком вы платье? — О, конечно, нет; сто бы было дурачество с моей стороны; но со всем тем у наших мужей, в таких обстоятельствах, нос бывает иногда очень не кстате чуток... — Продолжай, любезной друг, продолжай, — говорил мне кто то на ухо: — желаю тебе веселых дел. — Я оборотился посмотреть, кто сто, и увидел моего докучливого дьявола вполпьяна, и которой не отставал от меня. Вообразите мое бешенство! Я хотел уже с ним браниться, как он перервал речь мою в самом начале: — Не беспокойся, — говорил он, — я тебе не чочу мешать. Ах! уже лет пять, как я стал так скромн, что никому не мешаю в любовных делах, и мое сердце... — Если оно у тебя хорошо, так ты должен меня оставить... — Признайся, что сто грубо, — отвечал он, — но влюбленному я все спускаю. Прости ж! мы скоро увидимся. Мне очень хочется узнать, щастливо ль ты кончишь свое приключение? — После сего он скрылся от меня в толпу мазок,¹ и я его не видал бо-

лее. — Естли все дьяволы так умеют мучить, — сказал я с досадою, — то надобно признаться, что ад ужасен! — По-едем отселе, любезной Вертушкин! — говорила незнакомка: — за нами, мсжет быть, присматривают, и мы очень хорошо сделаем, естли убежим от глаз любовных дозорщиков. — Я вашева мнения. — Мы тотчас, оставили маскарад, и я, посадя ее в свою карету, велел скакать ко мне домой. — Теперь то уже ничто не помещает мне владеть моею Еленою, — думал я сам в себе. Увы! любезной читатель, ты увидишь, захотела ли судьба оправдать это радостное восклицание!

В нетерпеливости подъезжаю я к дому.

— Разве ты уже переменял свою квартиру? — спрашивала меня моя любезная незнакомка. — Вы это все тотчас узнаете, — отвечал я — и в ту минуту вхожу с нею в комнату. Мы скидаем наши маски; нам подают свечи, и... небо! ково бы, думаете вы, увидел я в моей комнате?... Того самаво дьявола, которой не давал мне отдыху во весь маскарад; он спал без маски, сидя в комнате у меня на канапе. Я оборотился к моей незнакомке и еще более смутился, увидя ее положение: она взирала с ужасом то на меня, то на злова нашева духа; глаза ее помутились; она начала бледнеть; я уже хотел кричать помощи, как она сказала, тихонько трепеща: — Ах, сударь! я вижу, что я обманута и прощаю вам все; только, ради бога, не кричите: это мой муж!.. О, небо! как я обманута! — И бедная красавица, конечно, упала бы в обморок, естлибы случился близко ее стул; в самую ту минуту проснулся наш злой дух, которой, кажется, заклят был адом не давать нам покою.

— Ба, да ты уже дома, любезной Мироброд! Признайся, что я сдержал свое слово и не замедлил обрадовать тебя своим посещением. Только етот маскарад и вино дьявольски вскружили мне голову. Ну, скажи же мне, как кончил ты свое приключение? Ба! да что я вижу! — продолжал он, протирая глаза: — это кто с тсбою?

О б м а н а (весело). Капитан Хватов, в вашим услугам, которой, в армии получа письмо, что сестра его вышла за-муж эз г. Тратосила, приехал сюда ее видеть.

¹ Масок

Т р а т о с и л. Чорт меня возьми, естли севоднишней вечер для меня не самой щастливой! — Да знаете ли вы ево в лицо?

О в м а н а. Совсем нет; и для тово то (*указывая на меня*) я просил наперед моево приятеля, чтоб он со мною к нему поехал.

Т р а т о с и л. Ето я, любезной Хватов, ето я, твой зять! Только, чорт меня возьми, ты так похож на твою сестру, что я бы в состоянии был наделать великих дурачеств, естлибы, к чести вашева и шапева дома, не знал, что ето вторая Лукреция.

После тово они зачали крепко обниматься и строить друг другу тысячи приветствий. — О женщины! — говорил я тихонько, — чье перо в состоянии хотя слабо списывать все те обманы, которые пыльное воображение вам изобретает в минуту? — Но станем продолжать наш разговор.

Т р а т о с и л. Итак, скажи ж, мой любезной Хватов, надолго ль ты здесь?

О в м а н а. Я отпушен на двадцать на девять дней, и уже срок моему отпуску так близок, что мне должно через день неотменно выехать. Я хотел только увидеть вас и мою сестру, ибо мне из деревни писали, что вы поехали сюда в город, и для тово я прямо из армии пустился сюда.

Т р а т о с и л. О! мы еще с тобою успеем в ето время опорожнить бутылку дюжины две, три шампанскова. И, чорт меня возьми, нам надобно крепко познакомиться: я думаю, что мы рождены друг для друга!

О в м а н а. О! я тово же мнения, и для тово то вы позволите мне обходиться с собою без чинов.

Т р а т о с и л. Да, да, без чинов! Поедем же к тебе на квартиру, и естли у вас есть хоть бутылка чево выпить, то мы так плотно познакомимся, что вечно останемся друзьями.

Я. Перестань, любезной Тратосил, ты видишь, что он ослабел: ему нужен покой.

О в м а н а. Ето правда, я очень много ходил. (*Мне, тихо*). Ради неба скажите своей карете, чтоб она со мною ехала. (*И я в ту же минуту исполнил ее волю*).

Т р а т о с и л. (*Мне, взяв Обману за*

руку). Ну, так поедем же к нему, любезной друг, уложим ево в постелю, спросим пушшу и просидим у него всю ночь: нам не меньше от тово будет весело...

Я. Разве не можешь ты в другое время?...

Т р а т о с и л. Нет, я так рад, что не хочу ни минуты тратить, а притом же я таков, что меня иногда в год не заманишь. Итак, надобно ловить меня в ту минуту, когда расположен я где быть, естли не хочешь упустить меня года на два.

О в м а н а. Но теперь, любезной друг, я так плотно утомлен маскарадом, что не в силах вас угостить. Ето проклятой маскарад!...

Т р а т о с и л. О! ето маскарад — бич на молодых людей, и потому то жена моя никогда их не любит. Посмотрел бы я, как бы ее кто вздумал заманить в маскарад? Она прочтет столько правоучений, наскажет столько от печатнова... О! твоя сестрица — настоящей проповедник!... Только знаешь ли ты, как она на тебя похожа... Естлиб мы не ждали тебя сюда, и естлиб не рассказывала она мне часто, что ты на нее похож, то бы, ей-ей, наделал я таких шалостей... Но что же, мы едем?

О в м а н а. (*Улыбаясь*). Ко мне, право, нельзя.

Т р а т о с и л. Понимаю, ты, верно, здесь зажил семьянином, но я, право, не строг; а, впрочем, когда нельзя к тебе, так пойдем ко мне.

О в м а н а. (*Особо*) Новое нещастие! Как, в ету пору! Нет, я не хочу встревожить безмерною радостию печально мою сестру.

Т р а т о с и л. Ничево, ничево! Ето предобродетельная женщина: ее десять таких шалунов, как мы, не беспокоят, и она их целую беседу, право, философски вытерпит.

О в м а н а. О, я никогда не соглашусь!

Я. Оставь ево; разве нельзя ето отложить до завтра?

Т р а т о с и л. Ни под каким видом: или он ко мне, или я к нему ехать непременно должен.

О в м а н а. Ну так пойдем же к тебе, только с тем условием, чтоб до завтра не говорить обо мне ни слова сестрице.

ТРАТОСИЛ. О, охотно! только ты ночуй у меня.

ОБМАНА. Да, ты точно меня обманешь? ¹

ТРАТОСИЛ. Божусь, что нет; и, для уверения, лягу я с тобою перед спальною в одной комнате; мы и будить ее не станем.

ОБМАНА. Это прекрасно вздумано!

ТРАТОСИЛ. О, когда дело пошло на хитрости, то я подлинно дьявол! А поутру, когда она будет меня бранить, что я вздумал ее оставить, то, чтоб утишить ее гнев, я ей тебя представлю.

ОБМАНА. Это божественно! Поедем же! А я так устал, что, думаю, камнем упаду в постелю, и желал бы уже теперь быть у тебя. Да как далеко отсель до вашева дому?

ТРАТОСИЛ. На самой П... площади... Что ты вздыхаешь?... в доме... Д...

ОБМАНА. Ах! любезной друг, подле самова стова дому у меня заведена любовная интрига...

ТРАТОСИЛ. Очень к стате теперь о

любви. Поедем скорее ко мне... — И в минуту они сели в карету Тратосилу и, пожелав мне доброй ночи, уехали домой.

Вообрази, любезной читатель, мое бешенство: кажется, судьба нарочно для тово подсунула мне под нос любовное приключение, чтобы после надо мной подшутить! При всей своей досаде, я очень желал знать, как выпутается из стих хлопот моя прелестная незнакомка. Тысячи беспокойных мыслей мучили меня; в первой раз постеля моя показалась мне пустынею. — Таковы то все мои предбуждения! — вскричал я с досадою: — нет ни одново дела, которое бы кончилось так, как я им располагаю. На что ж мне жить более? — При сих отчаянных словах вознамерился я умереть, а чтобы сделать это спокойнее, то я разделся, надел колпак, лег в постелю, взял, вместо ножа, Одохвату ² оду и, только что наставил ее на глаза, как зрение мое померкло, руки опустились, ноги прстянулись, — и я захрапел в одну минуту.

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПОВЕСОЮ В СОБРАНИИ ДУРАКОВ

Милостивые Государи!

Когда, простой памяти, предки наши оставили нам в наследство приятную способность делить время с лошадьми и собаками, воображали ли они, что сие дарование, которое одно мешало им зевать во всю их жизнь, не зажимая рта, будет осмеяно некоторыми беспоконными головами, и что их прилипчивая система жить, поджав руки, или, естли позволят мне употребить такое смелое изображение, система их жить, поджав умы, найдет дерзких сатириков, которые осмелятся доказывать, на перебор модному рассудку, что человеку большева света нужно иметь разум не для злословия, вкус не для кафтана, и сердце не для волокитства. Но, государи мои! к стыду нашева века это делается, и когда ж?

Тогда как просвещение возшло у нас на вышнюю степень; когда почувствовали мы, что природа, сотворяя человека, не

могла избежать некоторых погрешностей; когда, желая заменить ее недостатки, обрезали мы стан ево целою четвертью, привязали к нему под шею жабот, ³ причесали голову его анкрошет, ⁴ словом, показали, каков бы он должен быть создан, ес ъли бы из рук природы вышел по совету премудрых французов. Но приступим подробнее к истории нашего модного просвещения, дабы тем яснее доказать грубость сатиры и возбудить в сердцах ваших благородную ревность переломать сатирикам руки и ноги.

Мода уже давно со справедливою завистию видела, что науки обращали к себе внимание наших одноземцов и угрожали изо всего государства сделать одну академию. Сожалея о погибающем человечестве и более всево сожалея о бедных женщинах, которые бы должны были зазеваться до смерти подле своих мужей

² Намек, быть может, на Карабанова.

³ Жабо.

⁴ En crochet — с накладной булкой.

¹ Нужно: не обманешь.

или любовников, слушая учоныя их рас-суждения, — она принуждена была вой-ти к нам украдкою и ввести сюда своих перыя рачителей Французов, которые, делая нам честь, для нас оставляли в своем отечестве достоинство французских водоносов и разносчиков, чтобы образо-вать наши нравы и обычаи. Они то из медведей сделали нас людьми; они то показали нам необходимость переменять в год по пятидесяти кафтанов, открыли нам ключь, что удачнее можно искать счастья с помощью портнова, парикмахера и карстника, нежели с помощью про-фессора философии; они то, наконец, науча нас танцовать, открыли нам нуж-ную для светскова человека тайну, что учоныя ноги в большом свете полезнее учоной головы.

Не подумайте, милостивые государи, что пристрастие управляет моим языком: нет, без самолюбия скажу, что я в сем случае философ и все нации люблю, вы-ключая моево Стечества. И так, говоря о проевещении, нельзя умолчать мне об Агличанах. Им то обязаны мы искусством изьясняться с аглинскими лошадьми и превращать грубых наших крестьян в стальные пуговицы и пряхки; их то скоромной кафтан и французская ветреность составляют нечто неподражаемое из наших модных господчиков, которые одни имеют великое дарование соединять в себе благородную ветреность французских парикмахеров и философскую важность аглинских конюхов.

С каким ужасом, государи мои, вос-поминаю я то время, когда у нас молодой человек при первом слове был виден, как далек он в невежестве: должно было или учиться, или опа-саться посмеяния и самого презрения. Должно было проводить время в кабинете, вместо того, чтобы с удовольствием убивать его в кофейных домах; должно было читать книги полезные... Но, любезные слушатели! я примечаю, что от одново напоминения о таком варвар-ском времени вы зеваете, и многие чув-ствительнейшие из вас патриоты зазе-вались бы до слез, еслибы продолжал я такое жалкое описание. Но оставим его. Сие время уже прошло; ныне молдой человек, желающий слыть учоным, не

имеет большой нужды в грамоте; за не-достатком своего ума, можно иметь у себя на полках тысячи чужих умов, перепле-тенных в сафьян и в золотом обресе, а слова уже и довольно, чтобы перещего-лять своею славою лучшего Академика.

Но чем не близаны мы щастливому наше-му просвещению! Еслиб вздумал я опи-сывать все в нем выгоды, то бы речь моя была длиннее всех предисловий Т...¹ вместе; она бы показаласть пространнее комедии мнимова Дегуша,² которая в своем пространстве столько неизмерима, что в ней учоной свет не находит ни на-чала, ни конца; она бы показаласть про-тяжнее романа Антирихардсона,³ ко-торого долготерпеливейшие читатели не дочитывались до половины.

Но мне ли, государи мои, с слабыми моими силами прилично говорить о поль-зах моднова просвещения? Сия материя так неисчерпаема, как древние авторы, которые под рукою молодых наших пи-сателей перерождаются, как Протей, в тысячи разных видов, один одново хуже. Довольно и того, когда доказал я, что модное просвещение взшло у нас на пышную степенъ, и в подтверждение этого стоит только вам взглянуть друг на друга, чтоб видеть истинну моих до-казательств и почувствовать выгоду ва-шева состояния, приманчивого для че-ловека, которое одно только можно под-держатъ, не имея ни ума, ни сердца.

Были дерзкие писатели, которые ут-верждали, что петиметры⁴ ниже чело-века и полагали их в число животных. Безумные! они не приметили, что таким заключением делали нашу славу.

Так, государи мои! согласеня, что петиметр не человек; но естли он скот, то, конечно, умнее всякой скотины, не выключая и самой обезьяны. И так, не лучше ли быть первым между скотами, нежели последним между людьми? А сие то лестное первенство получили мы в ны-нешний век, и оно то посеяло яд зависти в беспокойных сердцах и вооружило на нас сатиру или, лучше сказать, пасквиль, покушающейя сделать жалким щоголя

¹ Может быть, Ф. Туманский.

² В. И. Лукин (см. выше).

³ П. Ю. Львов (см. выше).

⁴ Petit maître — господчик, щеголь.

в большом свете, где играет он первое забавное лицо. Сей пасквиль желает разрушить наши труды, тогда как мы в разборчивости платья и в щегольстве превозносим самых женщин; дерзкой сей пасквиль, кажется, осмеливается отнимать наше первенство и доказывает, что будто из человеческой головы можно сделать лучшее употребление, нежели то, чтобы давать ее Французу всчесывать анкрошет, и будто голова не для того нам дана, чтобы носить на ней аглинскую шляпку.

Вот, государи мои, причина, для которой собралось теперь наше почтенное общество. Надобно подавить в самом начале дерзость; надобно доказать нашим противникам, что без хорошева парикмахера и портнова нельзя ни заслужить уважения публики, ни подружиться со счастьем, что истинное достоинство состоит только в том, чтобы уметь одеваться по погоде и подделывать свой тупей под крымские овчинки так же искусно, как Французы подделывают медь под золото.

Почему ж, возразят мне, может быть, некоторые, вооружаетесь вы на сатиру за то, что она нападает на порок, не указывая ни на чье лицо?... Будто рассказывать дурачества разных особ не есть то же, что выставлять их лица на осмеяние. Так, государи мои, не выставлены наши имена, но дела наши обнаружены.

Когда описываю я сочинителя, которой своими романами перебивает у аптекарей торг сонными порошками, и которой отважно передразнивает славного сочинителя «Клариссы» или «Новой Елопы»,¹ нужно ли тогда долго задумываться, чтобы в неутомимом этом дразнильщике угадать неустранимого Антирихардсона,² Члена, которой делает собою украшение нашему обществу, стремится подражать авторам, не читая их, и которой всегда выигрывает у своего подлинника большинство томами? Нужно ли долго отыскивать ево имя? Конечно, нет; и он имеет неоспоримое право назвать на себя личностью всякую сатиру, где осмеивается усыпляющий автор, хотя бы та-

кое описание было сделано и за сто лет до ево рождения. Не имеет ли право вступить за себя сиятельной Юла, как скоро описывает щоголя, которой, как составившаяся в невестах девушка, проводит перед туалетом две трети своего века, старается всем понравиться и думает, что о красоте его твердит весь город, между тем, как едва примечают, что он двигается в большом свете? И много ли надобно трудов Одохвату³ на то, чтоб доказать оскорбление стихотворной своей особы там, где ругаются оды без стихотворства, стихи без остроты и без смысла, и когда упоминается стихотворец, которой похвалами своими мучит героев более, нежели Боало мучил своими сатирами Прадона и Котина;⁴ где говорится про оды, в которых не только красот, но и смысла все Академии вместе в триста лет не отыщут, — трудно ли, говорю я, Одохвату доказать, что тут разругана ево особа? Нет, государи мои! стоит только ему вынуть первую свою оду, и самой скромной читатель согласится, что сатира метила на него!

Взгляните на описание Тарантула,⁵ которой разжился женою, поставя себе прекрасным правилом, что нет вреднее двух случаев: естли у купца деньги, а у него жена назапери и которой хочет переломать руки и ноги сочинителю за то, что тот издал описание ево по-русски, которое покойник Ле-Саж⁶ еще до рождения ево написал прекрасно по-французски. Кто не узнает в нем нашего милова Тарантула? Кто, имеющий сердце и палку, не вооружится за ево особу, как скоро увидит сочинителя, осмеивающего золотые рога? Естли вам надобно подтверждение, что еста сатира на него, то сам Тарантул выставит до двадцати доказательств, что, не обижая ево, нельзя бранить рогатых, хотя и он еще не все доказательства знает; что ж, естли вступить в его дело ево жена? Какой бездны доказательств тогда ожидать мы должны! О! тогда то, естли только приговорят в наказание

³ Карабанов?

⁴ Литературные враги Буало.

⁵ Кляжнин?

⁶ Французский романист, автор «Жизн-блаза».

¹ Ричардсона и Руссо.

² П. Ю. Львова.

пасквиле эту рвать у него по волоску за всякое доказательство Тарантуловой жены, то в два месяца останется у него менее волосов, нежели у усерднейшева мюзильманина.

И так, не ясно ли видны ваши имена, когда дела ваши выставлены? И не достойно ли такое ругательство явного мщеница? Вооружимся же, государи мои, и поинцем способов унижить дерзких сатириков! Отметим и докажем, что естьли мы не в силах отбраниваться пером, то кулаки, палки и брани словесные суть такие в наших руках орудия, которыми можем мы прогнать армию Цицеронов. При слове мщеница, нельзя не обратить мне моею речи к любезному нашему Тарантулу и не отдать справедливости, что он под французским кафтаном носит италийское сердце и ни на чем не остановится, лишь бы отметить тому, кто ему не мил. Он в состоянии сатирика своего вызвать на агглинской бой головами и не задумается прибавить сучка четыре к своим рогам, только для того, чтобы раскроить ему череп на двое.

Вот пример, которому естьли мы будем рачительно последовать, то, или наши неприятели смирятся, или нас принудят смиряться... Станем подражать Тарантулу, и пусть похвала, которою я к нему обращу, послужит нам поощрением, а ему наградою. Он не подражал некоторым слабым душам, которые, увидя в сатире свое лицо, или стараются исправить свои слабости, или возвышают пирамиды печатной бумаги и пишут сатиру на сатиру. Нет, едва сщупью по рогам увнал он свой портрет, как дал клятву сломить голову сатирику, ево типографщику и даже мастеровому, у которова покупает он чернило; и естьлиб страх кончить свою историю в смирительном доме не удержал ево, то бы доказал он, что и маленькое тело может сделать великое зло. Со всем тем ето не привело ево в отчаяние: он стал рассевать, как Бомаршев Базиль¹ зловредные на сатиру толки, и там, где говорят о пуговицах, он доказывает, что обижается чье-нибудь лицо; там, где бранят пьянство, он силится доказать, что оскорбляют честь; а там,

где осмеивают податливого мужа, торгующего рогами, он силится уверить, что оскорбляют добродетель и человечество. Словом, сидя в своей конуре, выдумывает он всевозможные кривые толки и ищет поссорить сатиру со всеми честными людьми, когда она ссорится с одними пороками. Он не смеет явно выдавать таких толков, но, как скромной автор, не ставит имя у своих творений, и читатель, задремав над ево стихами, уже проснувшись угадывает, что (то должен быть мнимой Детуш; подобно и Тарантул наш по делам своим заставляет угадывать свою особу. Так точно рассерженной клоп, едва приметный в океане веществ, забивается в маленькую скважину, пускает вонь на своего неприятеля, которого телом он питается, и имеет дарование беспокоить нос, не опасаясь быть увидим. Он знает, что ево не иначе лезть отыскать, как носом; и хотя всякой нос может до него довести, но что и самой терпеливой нос в две минуты отступится от таких мучительных поисков и оставит ему поле сражения.

Вот, государи мои, пример, которому должны мы последовать, естьли хотим избавиться от ига сатиры. Дадим же себе слово переломать сильною рукою перья наших неприятелей, и естьли воображение наше слабо сравниться в выдумках с воображением маленького Тарантула, то будем хотя пользоваться ево советами, которыми он в своем роде перешеголяет Генлея.

И так вы, почтенные собратья, которые ощущаете себя в сатире, не будьте так слабы, чтобы признавать свои погрешности и стараться их поправить, но, подражая Тарантулу, старайтесь мстить сатирикам. Нет, ничево, хотя бы автор и не думал о вас: уже он ваш стрытой неприятель, когда бранит дурачества, и вы получаете право злословить ево особу, намерения, и побить самово ево, естьли вам удастся. Одним словом, я признаю, что тот не член нашева общества, кто не палкою станет оправдываться и не кулаками доказывать истину; а тот будет нашим украшением, кто ко всему етому прибавит злословие и вредные толки на сатирика. Может быть, не станут нас слушать, но зато какая слава и удовольствие для нас, естьли выиграсм мы поле

¹ В «Севильском Цирюльнике».

сражения! Тогда то мы будем дурачиться, как хотим, и если уже станут хотеть над нами наши современники, то, по крайней мере, не будем мы воздержаны страхом, чтоб над нами смеялись позднейшие наши потомки... Тогда то... но восторг меня объемлет и понуждает хотя кратко изобразить то золотое время! Последую движению мессо духа и сим изображением, как самым приятным для нас местом, кончу мою речь.

Тогда то, говорю я, кокетка будет спокойно щеголять белыми своими зубами и длинными волосами, не опасаясь, чтоб напечатано было, что зубы ее искусно сделаны из слоновой кости, а волосы проданы ей молодым щеголем, которова тетка, растрача все свое имение, оставила ему в наследство одни только свои прекрасные волосы.

Тогда то щеголь, не находя о себе ни строки, будет иметь удовольствие мотать до тех пор, пока не заставят его в магистратской тюрьме сличить приход с расходом; тогда то расчётливой Таран-

тул, которой любит свою жену как рыбака свою удочку, не будет опасаться, чтоб беспокойной сатирик печитывал сучки ево рогов и предостерегал бы молодых людей от западни, которая старается ловить сердца, чтобы очистить имение. Тогда то романы прилежного Антирихардсона будут спокойно лежать на полке, не опасаясь, чтобы кто-нибудь их бранил, выключая малого числа неблагодарных читателей, которые, несморя на то, что автору своему бывают часто обязаны хорошим сном, имеют безбожную привычку, проснувшись, бранить ево перлова. Тогда то, наконец, всякой из нас будет смело дурачиться, не опасаясь, чтоб дурачеству, которое сделал он в Петербурге, стали смеяться даже в Московских книжных лавках. Одним словом, мы тогда, читая древних асторов, будем иметь удовольствие смеяться их дуракам и иметь перед ними то преимущество, что нам наши потомки смеяться не станут и не будут нашими именами бранить своих дураков.

КАИБ

Восточная Повесть

I

Каиб был один из восточных государей; имя ево наполняло вселенную. «Слава твоя», говорил ему некто из ево стихотворцев, «слава твоя была бы подобна солнцу, если бы оно не заходило». Каибу нравились хорошие сравнения, и за это, пожаловав ево в внухи, сделал смотрителем над своею сералью. Богатства Каибовы были неисчерпаемы; дворец ево, говорит историк, был обнесен тысячною яшмовых столбов, коих капители были изумрудные, Коринфского ордена, а тумбы из чистова литова золота; дворец сей был сделан из чернова мрамора, и стены ево были столь гладко выложены, что лучшие щеголихи смотрелись в них, как в зеркало. Окны были пропорции новейшей италийской архитектуры, немного более тово, как делаются городские ворота, и во всяком окне было только по одному стеклу, но которые были так тверды, что потачливейшие мужья

нынешнего времени не в состоянии были бы прошибить их своим лбом. Крышка была из листового серебра, но столь чисто отработанного, что часто в ясные дни целой город сбегался ко дворцу, думая, что он горит, когда всю сию тревогу производило одно ее спяние. Заметь, любезной читатель, что все это говорит Каибов историк. Внутреннее величие дворца поражало всякого, кто туда ни входил: простолюдинов ослепляло золото, жемчуг и каменья, коих было более, нежели орфографических ошибок в наших новых писателях. Знатоков привлекало искусство, блистающее во всех украшениях дворца: там развевали завесы из непроницаемого штофу, которой был толще всех четырех частей «Беседующего Гражданина»,¹ переплетенных вместе; там блистала резьба, отделанная с такою чистотою, что ни какой бы автор не пожелал видеть лучшей чистоты на

¹ Журнал 1789 г.

переплете своих сочинений; многие комнаты украшены были живописью, обманывающею зрение, и надобно отдать справедливость Каибу, что хотя не пушал он ученых людей во дворец, но изображения их делали не последнее украшение его стенам. Правда, стихотворцы его были бедны, но безмерная щедрость его награждала великой их недостаток: Каиб велел рисовать их в богатом платье и ставить в лучших комнатах своего дворца их изображения, ибо он искал всячески поощрять науки. И подлинно, не было в Каибовом владении ни одно стихотворца, которой бы не завидовал своему портрету. В другом месте, продолжает историк, видны были из драгоценных перьев чучелки, сделанные с таким вкусом, что сколько ни старались придворные дамы подражать им в пестроте своих одежд, но часто с досадою видели, что на прекрасных чучелок любовались более, нежели на них. В иных местах резвились на золотых цепочках забавные обезьяны, которые кривлялись с такою приятностию, что искуснейшие придворные ставили за честь у них переимать, а нередко, по слабости человеческой, выдумки обезьян выдавали за свои, от чего между тогдашних обезьян и придворных была великая вражда, о коей историю в тридцати шести томах в лист издала тамошняя Академия. Там, на великолепных пьедесталах, блистали Каибовых предков бюсты, которые высокою работою не уступали своим высоким подлинникам. Внутренние комнаты его убраны коврами столь редкой красоты и цены, что величайшие цари, современники Каибовы, приезжали играть на них шемелой и приказывали историографам записывать его в число величайших своих подвигов. Зеркала его, хотя были по двенадцати аршин длиною, из чистой стали, но не столько почитались редкими по своей величине, как по свойству, данному им некоторою волшебницею: зеркала сии имели дар показывать вещи в тысячу раз прекраснее, нежели они есть: старик видел себя в них молодым красавцем, изветшавая кокетка—пятнадцатилетнею девушкою, урод—пригожим, а разгильдяй — ловким. Со всем тем Каиб никогда в них не смотрелся,

а держал для одних своих придворных, и то для того, чтоб забавляться, видя, как отвратительнейшие лица перед сими зеркалами спорят о своей красоте и заводят ссоры, которыми Каиб любовался. Тысячи попугаев говорили в его клетках скоропостижные врши; многие из сих попугаев были красноречивее тогдашних академиков, хотя Академия Каибова почиталась первою в свете потому, что ни в какой Академии не было такова богатога набора плешивых голов, как у него, и все они бегло читали по толкам,¹ а иногда очень чотко писали к приятелям письма. Со всем тем многие уступали в красноречии попугаям, из коих многих Каиб, любя ученость, сделал членами Академии только за то, что они умели выговаривать чистенько то, что выдумал другой. Что ж до избобилия, то Каибов двор превосходил оным все восточные дворы, и последний ложкою Каибов ел вкуснее, нежели у Гомера цари. Календарь Каибова двора был составлен из одних праздников, и будни были там реже, нежели именины Касьянов.

Сераль его был наполнен первыми красавицами в свете, из коих не было ни одной старее семнадцати лет. Сколь фабрики ни стараются ныне доходить до совершенства в составлении румян, но лучшие румяны показались бы дикими в сравнении с природным румянцем последней из его султанш. Девушки его не портили своих прелестей излишними жеманствами: они не падали в обморок от пауков и тараканов, для того, чтобы разметаться приятным для глаз образом. Когда находила на них задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилетнему женскому возрасту, то не принимали они чистительнова, чтобы иметь лучший цвет лица. Великолепные его конюшни наполнены были редкими лошадьми, которые были статнее наших щегольков и послушнее первых его визирей. Ледники его трещали под тяжестью вкуснейших вин. Сами боги, говорят, с удовольствием напивались в его погребах допьяна и предпочитали вины его нектару, которой опостылел им с тех пор, как стихотворцы начали разливать его своим

¹ По складам.

героям так же небрежно, как бабы лютуют коровам помой.

Весь свет, взирая на Каиба, почитал его счастливым; типографщики наживались, издавая претолстые книги о его блаженстве. Когда стихотворцы тогдашнего времени хотели описать торжества богов и райские веселья, то не иначе к тому приступали, как доставши через какова-нибудь евнуха случай втереться между музыкантов, чтобы посмотреть придворного великолепия и серальских правдников; однакож, и на то не смотря, описания их божеских пиров часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены. Весь свет кричал, что Каиб счастлив, и один только Каиб знал, что это не правда; но он никому этого не говорил, боясь, чтобы не сочли его неблагодарным противу благоденствия судьбы, чего он всегда остерегался. Он часто в своих стихотворцах читал описания своего счастья, и смеялся пустому их воображению; или иногда завидывал, для чего не был он так же слеп, как они, чтоб видеть себя только со счастливой стороны. Как бы то ни было, а Каиб не столько был счастлив, сколько о нем кричали: в сердце его оставалась какая то пустота, которую не могли дополнить окружающие его предметы. Придворные господчики, женщины, обезьяны, попугаи — ничто его не увеселяло: на все его с высокого своего престола смотрел он пожевывая; иногда улыбался на скачки обезьян или на кривлянья придворных, но в сих улыбках видно было более сожаления, нежели удовольствия.

Весь двор примечал, что он был задумчив, но никто не мог выдумать, чем бы его позабавить; и обер-шуг его двора, которой был шутоватее всех италийских опер вместе, с отчаянием видел, что высочайший его владетель уже два месяца не давал ему щелчков по носу; все это заметили и заключили, что он уже не в такой большой силе у двора, как был за два месяца, когда, к досаде своих завистников, всякой день получал он пинков по двадцати в зад, по столько же щелчков по носу, и показывал всем на боках своих знаки Каибовой к себе милости.

Но что была за причина Каибовой скуки? Вот чего никто не знал, а что всево

чуднее, то это и самому ему было неизвестно. Он чувствовал, что ему чего то недостает, но не мог познать, в чем этот недостаток. Ему казалось, что он один во всей вселенной, или, что еще ближе, как будто был иностранец между миллионами людей, им одолженных, которые не могли его разуместь, ни помочь его скуке.

Сперва подумал он, что сему причиною любовные желанья, и бросился искать счастья в серале; но самые скромные девушки показались ему кокетками, которые, желая ему угодить, искали только своей пользы. Правда, всякая из них хотела, чтоб на нее брошен был султанской платок; но часто более для того, чтобы тем досадить своей совместнице, нежели сделать его счастливым. Желание ему нравиться было смешано во всех сердцах с желанием корысти или с честолюбием. Он заметил по повторению, что все приветствия, все ласки выучены были наизусть, и в месяц сераль так ему наскучил, что он перестал в него заглядывать, и заключил, что не с этой стороны должен искать счастья.

Каиб вздумал потом, что скорее всего разгонит грусть свою новыми победами; повелел — и вдруг армия, многочисленнее древней Ксерксовой, и не уступающая в храбрости грекам, умершим при Термопилах, была готова и двинулась собирать лавры. Война загорелась; открылось поле славы для героев и для стихотворцев; сочинители мелкова разбору зачали заготовлять пирамиды од, надеясь, при первом случае, сбыть их за хорошую цену. Многие жоны поседелых героев заранее любовались перед зеркалами, сколько пристанет к ним траур, и твердили науку упадать в обморок, чтобы пользоваться ею, когда принесут к ним весть о кончине их мужей; купцы возвысили цену на черные материи; сочинители епитафий сделались неприступны.

Первые две победы, одержанные Каибовыми войсками, привели его в восхищение; третью новость о победе слушал он равнодушнее; наконец, зачал уже зевать, слушая такие новости, и решился дать свету отдых. Войски возвратились, обремененные славою и корыстями, а Каибова зевота не уменьшилась, и он не без

зависти взпрал, что полунагие стихотворцы ево более ощущали удовольствия, описывая ево изобилие, нежели он, ево вкушая.

В одну ночь, удивляясь неодолимой своей скуке, ворочался Каиб на своих пышных пуховиках, и сон, как будто не смея войти в царскую спальню, заставлял храпеть в ближней комнате ево служителей. Вдруг увидел он, что ево спобимец кот гонялся за мышью. Она всячески старалась от него увернуться. Так точно часто челобитчик желает увернуться от подарка своему судье; но напрасно заговаривает он с ним о дурной погоде и о хорошей, о старых временах и о нынешних; хотя бы заговорил он с ним о Емпедокловых туфлях, взятокбратель и от них искусно склонит речь на то, что ему надобны деньги. То же происходило и у мыши с котом: стараясь ево обманывать, металась она в разные стороны, искала спасения по всем углам... и вдруг вскочила к султану на кровать. Какая бы красавица утерпела при сем прекрасном случае, чтобы не броситься с постели стремглав, не поднять содому, не скликать весь свет, ежели можно, и, наконец, чтобы потом не упасть раза два, три в обморок? Но Каиб был неустрашим: он не боялся мышей, пауков, тараканов и с радостью бедную мышку принял под свое покровительство; притом же начитался, ибо он любит учености, и «Тысячу одну Ночь» всю знал наизусть; он начитался, что в таких случаях делаются великие чудеса, как прекрасная Шехеразада, сей неподражаемой историк его предков, свидетельствует; а Каиб верил сказкам более, нежели Алкорану, для того, что они обманывали несравненно приятнее.

Дело и подлинно кончилось чудом: менее нежели в минуту гонимая мышь превратилась в прекрасную женщину. Какой вздор! скажет любезной мой читатель; но прошу не дивиться: в Каибовек была такая мода на чудеса, как ныне на аглиньские шляпки, и тот дом, в котором не случалось в неделю по крайней мере два чуда, был так же смешон, как ныне дом, где не играют в карты.

— Каиб, — сказала ему превращенная женщина; — ты спас мне жизнь;

должно, чтоб я усладила твою: благодеяние рождает благодарность. Проси от меня, чего ты хочешь, и я в минуту исполню твое желание, хотя бы оно цесило на богатства всево света.

— Великодушная Фея! — вскричал удивленный Каиб: — не имею я нужды в сокровищах: они столь велики, что сколь визиря меня ни обворовывают, но ущерб в них так же мало приметен, как ущерб в Езоповой реке, которую хотели выпить жадные собаки;¹ и я надеюсь, что мои собаки так же перелопачуются прежде, нежели вылакают море моих сокровищ. Из ево можешь ты заключить, нужно ль мне желать их более? Сколь ни бесценною великою наш Муфтий почитает свою бороду, но естли бы захотел я соблазнить честнова етова старца, то бы всю ее мог скупить по волоску, нимало не расстроив своих богатств. У меня нет также недостатка в красавицах: природа меня не обидела, и мой взгляд еще не находил ни одной спорщицы в любви, — столько-то одарен я способностью нравиться! Впрочем, состояние мое столь блестяще, что спустя еще семьдесят лет не будет при моем дворе ни одной Венеры, которая бы не захотела меня иметь своим Адонисом, и хотя природа станет им противоречить, но воображение, конечно, ее победит. Может быть, пожелал бы я славы; но стихотворцы мои, хотя и спят сами на открытом воздухе, а мне настроили столько храмов славы, что естли бы можно было их составить вместе на земле, то бы вышел из них город пространнее Пекина и великопепнее древнего Рима. И так, ты видишь, что мне ни в чем нет недостатка. Со всем тем я зеваю, и по етому одному догадываюсь, что мне чего-нибудь не достает; но что сто такое, тово учнейшие из моих подданных отгадать не могут.

— Каиб, — сказала ему волшебница, — желание твое исполнится: я знаю, что нужно к твоему блаженству. Исполни, что написано на егом перстне — (при сем подала она ему перстень). Завтра поутру начни свой труд; но берегись его оставить. Как же скоро успех увенчает ево, то не будет человека на земле, которой бы мог с тобою срав-

¹ Басня Эзопа.

няться блаженством. Прости и помни, что я всегда готова к тебе на помощь. Как же скоро буду я тебе нужна для какова-нибудь совету, то вот тебе целой том од одново из бесприютных строителей храмов славы: едва прочтешь ты одну строфу, как на тебя найдет беспомощность; в сие-то время буду я тебе являться и давать нужные наставления. Прости, государь! — повторила волшебница и в миг исчезла.

Каиб, отвернувшись к стене, захрапел, оставя до утра исследование дела; он даже — подивившись прекрасной и любопытной пол! — он даже не посмотрел, что написано на перстне.

На другой день нашел он на нем вырезанные сии слова: «Ступай не медля и ищи человека, которой бы назывался твоим врагом, не зная, что тебя любит, и которой бы тогда же назывался твоим другом, не зная, что тебя ненавидит; тот, в котором увидишь ты сие противоречие, один может излечить тебя от твоей зевоты». — Вот довольно огромная для перстня надпись! скажет критик; может ли она уместиться на перстне? Это невероятность! — Очень сожалею, когда свет ныне так испортился, что не верит сказкам. Впрочем, вообрази, милостивой государь мой, такой перстень, на котором бы вся эта надпись поместилась, и критика исчезнет. — Но где же взять такую руку, которой бы в пору был этот перстень? спросят меня опять. — О! кто знает Голиафа и Атланта, тот поверит, что на их перстнях можно было уписать более, нежели на надгробных досках людей нынешних веков.

— Милостивейший государь! — сказал Каибу шут, увидя сию надпись: — перстень этот есть явное на меня гонение моих неприятелей. — Почему ты это думаешь? — спрашивал его Каиб. — Повелитель правоверных! — продолжал шут: — тебе советуют лечиться от скуки и не прописывают меня лекарством: не явное ли это желание унижить мой сан и силу? Как будто бы моя священная должность — смешить Ваше Величество — ничево не значила! — Не опасайся, — отвечал Калиф: — изо всех моих визирей никто так хорошо, как ты, сорокою не скачет; и так, мон

милости к тебе непоколебимы. — Еще слово, государь, — вскричал шут, целуя его полу: — время, пожирающее все, может и меня лишит моих способностей служить вашему величеству, и я потеряю свою легкость; опасаясь, чтоб враги мои тогда не восторжествовали, предпринял я заранее оставить двор. — Пустое, пустое! — кричал Каиб: — разве не можешь ты при моем дворе сыскать дела? Выучись к тому времени ползать черепахою. — Шут еще раз поцеловал полу его одежды, а Каиб, не сказав истинного происшествия своего перстня, зачал в самом деле заниматься своим предприятием.

II

На другой день Каиб созвал свой Диван,¹ чтобы подумать обстоятельнее о своем важном предприятии. Надобно заметить, что Каиб ничево не начинал без согласия своего Дивана; но как он был миролюбив, то, для избежания споров, начинал так свои речи: — Господа! я хочу тово-то; кто имеет на сие возражения, тот может свободно его объявить: в сию ж минуту получит он пять сот ударов воловьею жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос. — Таким удачным предисловием поддерживал он совершенное согласие между собою и советом и придавал своим мнениям такую вероятность, что разумнейшие из Дивана удивлялись их премудрости. И для тово то, хотя иногда терпел он визирей с крепкою головою, но не мог терпеть тех, у коих крепки были подошвы. — Такие люди, — говаривал он, — всегда думают, что они умнее других, и они для меня не годятся. Мне надобны визири, у которых бы разум, без согласия их пяток, ничево не начинал. — Теперь, любезной читатель, можем мы продолжать нашу повесть.

Каиб представил, что ему нужно выехать из города тайно месяцев на восемь или более; что от етова зависит его спокойствие, а, следовательно, благополучие целова государства; что в сие время не может он управлять ни какими делами; что более всево нужно скрыть его путешествия от народа и, следовательно, не останавливать ни каких дел; что, наконец,

¹ Совет.

во всем етом полагается он на их рассуждение.

Диван разделился на две стороны: одни говорили, из учтивости, что калиф нужен государству, и что оно не может обойтись без ево высокой особы так долгое время; другие говорили, из учтивости же, что он может исполнить свое предприятие, и что государство ничево не потеряет, естли он отлучится на несколько месяцев. Каиб дал им волю спорить и между тем занимался будущим своим путешествием. Наконец, наскуча шумом, сказал:—Господа, я так хочу!—Визири первого мнения, вспомя, что у них есть пятки, согласились с визириями последнего мнения. Путешествие было определено.

—Друзья мои, —сказал Калиф, —я признателен к вашей сговорчивости; и хотя ни у какова Калифа люди за слово *так* не получают столь большева жалованья, как у меня; хотя никакой султан не содержит такова числа полезных государству людей, при важной должности выговаривать чисто так; новы столь усердно исполняете свое почтенное звание, что я охотнее издерживаю деньги на вас, нежели на лучших арапских лошадей и китайских кукол. Из сево вы можете заключить, как приятно мне всегда видеть у двора своего разумных людей, коих премудрые советы полезны государству столько же, сколько скотные дворы полезны хлебопашеству.

Чувствительные визири были тронуты до слез такою похвалою, а Каиб, улыбаясь, продолжал:—И так, когда вы согласны, то ни что уже не остановит моего путешествия. Но мне еще нужен благодарный ваш совет. Я уже сказал, что отъезд мой должно скрыть от народа и что нужно не оставлять государственных дел, а к сему-то я еще ни каких способов не выдумал; и естли б не надеялся на ваше остроумие, то бы отчаялся согласить ети две вещи. И так, любезные визири, присоветуйте мне, кто из вас как думает? Тому же, кто лучшее подаст мнение в сих важных обстоятельствах, обещаю я подарить полное собрание арапских сказок в богатом сафьянном переплете и перевод Конфуция,¹ писанной в лист, на

такой твердой бумаге, из которой можно сделать прекрасные летучие змеи. Визири все видали перевод Конфуция, были охотники спускать змеи и не менее любили арапские сказки. Богатое обещание щедрого Каиба воспламенило их воображение, и они все пошли на голоса.

Первый был Дурсан, человек больших достоинств; главное из них было то, что борода ево доставала до колен и важностию походила на бунчук. Калиф сам хотя не имел большой бороды, но он знал, что такие осанистые бороды придают важность Дивану, и потому-то возвышал Дурсана по мере, как вырастала ево борода; а когда, наконец, достала она до пояса, тогда допустил он ево в свой Диван. Дурсан, с своей стороны, не был беспечен: видя, что судьба назначила ево служить отечеству бороною, ходил он за нею более, нежели садовник за огурцами, и до последнего волоска держал на щету. Впрочем, делал он много важных услуг отечеству: когда бывал при дворе праздника, тогда наряжался он пышнее всех женщин; и когда у Калифа случалась бессонница, тогда сказывал он ему сказки. Сей-то знаменитой муж начал таким образом:

—Великой обладатель Океана, самовластной повелитель известных и неизвестных земель, и законной наследник всех монархий, какие только будут открыты! Для такой мелкой словесной твари, как я, велико уже и то снисхождение, что ты попускаешь ей думать; но с чем могу сравнить мое блаженство, когда ты, великой монарх, позволяешь мне объяснить пред тобою мысли мои и, что еще более, требуешь моего совета? Но солнце может ли от земли заимствовать свет? Нет, великой обладатель правоверных! Подобно я не рожден ни думать, ни говорить пред тобою, ниже знать, что ты думаешь! Голова твоя так же непостижима, как священной наш Коран; а голова моя пред тобою то же, что подушка, на которой я сижу: оба мы счастливы твоею щедростию, и лизать прах ног твоих — есть священнойшая и важнейшая моя должность, коею наградил ты слабые мои способности. Велико уже и то мое счастье, когда употребляешь ты меня вместо морской трубы, чтобы объявлять мною

¹ Величайший китайский философ.

рабам свои повеления. — Это все правда, любезной Дурсан, — отвечал Калиф: — я радуюсь, видя, что ты помнишь свои права... Но иногда философ видит перед собою пылинку, которую пренебрегает; потом вematриваясь, познает, что пылинка эта двигается; наконец, разбирая далее, узнает в ней тварь чувствующую и находит, что сколь ни мало сие насекомое, но оно может принести ему пользу. Мы, калифы, обязаны вам, людям, такою же справедливостию. Часто, смотря на вас, пресмыкающихся, сомневаемся мы, можете ли вы думать; но, рассматривая далее, находим, что и вы иногда удобны рассуждать; и хотя неоспоримо, что мозг ваш не может быть такой же доброты, как мозг потомков великого Магомета, избираемых управлять вселенною, со всем тем и ваши рассуждения можно иногда употреблять с пользою, и они бывают довольно изрядны, а особливо в сравнении с рассуждениями черни; так что, под нашим смотрением, действительно можно дозволять вам мыслить. И так, любезные визири, скажите мне ваши мнения. Не опасайтесь, естьли и глупо вздумаете: я знаю, что вы люди, природа не создала вас калифами. — После такой скромной речи Каиб обратился к Дурсану, чтобы его дослушать.

— Когда обладатель земли повелевает мне объявить мои мнения, — говорил Дурсан, — то, волю его ставя своим законом, скажу устами, что чувствую сердцем. И так, государь, нет больших препятств ни скрыть путешествия твоего от народа, ни продолжать государственных дел. Для первого нужно немедленно выдать повеление, что бы подданные твои падали ниц на землю, когда мимо их будешь проезжать, и, под опасением смертной казни, страшились бы на тебя взирать. Естьли поведитель правоверных дозволит, то я беру на себя сочинить сие повеление, в котором докажу ясно, как непростительно дерзновение знать в лицо обладателя подлунного света, и сколь велико оскорбление священной его особы, естьли черты ее впечатлеваются на грязном мозгу простолюдима; сколь, напротив того, спасительно валяться на земле, уткнувшись носом в грязь, когда проезжает мимо великой освелитель морей

и суши. Потом, государь, дабы приучить к сему твоих подданных, можешь ты сделать несколько выездов по городу, и стоит только повесить первую дюжину любопытных, что бы достальному числу верных рабов твоих отбить охоту подымать взоры до священного чела твоего. После сего можешь ты спокойно ехать; мы же, одевши пышно куклу, будем привязывать ее к твоей верховой лошади и возить всякой день по городу, возвещая народу, что сто ты сам... Все упадут ниц; и тот будет великой чародей, кто затылком узнает разницу между куклою и твоею священою особою. Сие можем мы продолжать до твоего возвращения. Естьли же к кукле сей приделать такие величественные усы, какими ты удивляешь вселенную и превосходишь всех монархов, то тайна будет еще непостижимее. Что ж до правления дел, то можешь ты, до возвращения своего, поручить их тому, кому более всево доверяешь; и неизлишнее бы было, естьли б выбор твой, в таком важном случае, пал на человека достойного, с почтенною бородою, коея длина была бы мерою его глубокомыслия и опытности. Ибо, великой государь, непокорнейшие сердца смотрят на длинную бороду, как на хорошей аттестат, данной природою. Такой человек пусть именем твоим производит дела и дает повеления, коих вся добрая слава упадет на тебя, и ни кто из народа не приметит твоего отсутствия. — После сего Дурсан замолчал и начал разглаживать длинную свою бороду.

— У тебя довольно пылкое воображение, — сказал калиф: — и естьли бы был более горд, то бы употребил твои советы; но, любезной Дурсан, мне не нравится, что бы мои народы валялись по грязи во время моих выездов. Мне приятнее, когда подданные мои продираются друг сквозь друга меня смотреть и после спорят, из какова вещества я создан: мне очень мило слышать, как один говорят, что я весь вылит из серебра, другие, — что я скован из золота; что я за тысячу миль вижу блоху так же свободно, как будто бы сидела она у меня на носу, и что я один в день столько же могу съесть, сколько целая армия в неделю, не опасаясь ни малова отягощения в желудке. Такие

прекрасные рассуждения и заключения меня забавляют, и мне жаль отнять у народа свободу меня смотреть, когда он с таким успехом в меня вглядывается и смешит меня иногда до слез своими догадками. Нет, нет, выдумайте другое средство, а это столь сурово, что я по любви своей к моим музульманам никогда его не употреблю.

Тогда Ослашид, первой по Дурсане, разгладил на обе стороны свои усы, растворил рот и начал... Но, любезной читатель! позволь мне познакомить тебя и с этим визирем. Речь сильнее действует, естьли оратор нам известен.

Ослашид еще за три ста лет до своего рождения предназначен был играть не последнее лицо в Диване, ибо он был из потомков Магомета, и белая чалма, которую надели на него при рождении, давала ему право на большие степени и почести. Правда, что голова его не знает, как она попала в белую чалму, дающую право на такие выгоды, а душа его не знает, как она попала в голову, имеющую право на белую чалму; но Ослашид был верной музульманин: он, не исследывая своих прав, старался только ими пользоваться, и сохранял теплую веру, что судьба имела свои расчеты надеть на него белую чалму и произвести на свет обладателем великих сокровищ. Не вмешиваясь в виды ее, он ставил правилом прожить сии сокровища, как истинной музульманин. Ослашид имел у себя прекрасной сераль, множество евнухов, еще более невольников - христиан, которых прилежно секал за то, что они не принимают его закона и не могут понять того, чего он сам никогда не понимал. Он дивился, как люди могут не верить, что в обыкновенной рукав можно запрятать луну, которая в диаметре имеет не более 473 немецких миль, и говорил, что для вернова музульманина очень легко вообразить, как в одну ночь лезя проехать более, нежели сколько пушечное ядро может, со всею своею скоростью, пролететь в 500 000 лет и иметь еще довольно досугу понадедать на все исторические замечания. Словом, Ослашид верил всему с удивительною способностью, и это было первое его достоинство у двора, которое заставляло в нем терпеть множество

других недостатков. Сей-то достойной визирь начал так свою речь:

— Истинной потомок великого пророка, блистательной калиф, снисходящий по прямой линии от просветителя вселенной, Магомета, — ибо я несомненно верю, что, начиная от его жен, жены всех предков твоих были столь же верны, каковыми обещаются нам райские гурни, и что твое родословное дерево не покривлено ни одною женою твоих предшественников; и потому-то право твое повелевать нами столь же священо, как право самого Магомета, для рабства коему создан весь мир, — повелитель правоверных, имеющий власть связывать и разрешать руки и мысли, власть неоспоримую, которая, с помощью благословения Пророка, поддерживается 500 000 вооруженных музульман, считающих счастьем перерезать горло тому, кто вздумает отымать у тебя право их перевешать; обладатель самовластной великого быка, на рогах которого взоткнуты твои пространные владения, — великой Калиф! удостои выслушать мнения последнего из твоих рабов!

— Сколь ни премудр совет Дурсана, но, мне кажется, нет нужды заводить таких больших обрядов с народом, а особливо, когда человеколюбие твое признает их суровыми. Всево лучше, великой Калиф, выехать тебе в путь сколь можно великолепно; но при самом выезде за ворота объявить своим подданным, что ты, любя свою столицу, ни куда не намерен от нее отлучаться. И тогда, хотя весь город будет видеть, что ты удаляешься, но рабы твои, конечно, поверят тебе более, нежели своим глазам, и будут твердо уверены, что ты здесь, тогда как будешь ты ошастливливать своим присутствием другую половину земного шара. При том же, отъезжая, можешь им сказать, что ты всякую неделю один раз будешь проезжаться по городу, и назначить день, в которой после мы можем водить по улицам под уздцы верховую твою лошадь. Хотя тебя на ней не будет, но рабы твои согласятся скорее поверить, что они все вдруг ослепли, нежели подумать, что ты не сам, высочайшею своею чеобою, сидишь на лошади, которую почтут они счастливейшею из всех чувству-

ющих тварей, для того, что она носит на себе величайшего в свете калифа. Что же до дел, то так же можешь ты сказать, что все дела, которые решаются в такое-то время, будут непосредственно рассматриваемы и решены тобою. Словом, можешь ты заключить, что всякой тот преступник, кто в сие время осмелится, поверяя пяти своим чувствам, усумниться в твоих словах. Такая речь, величайший калиф, произведет чудеса, и выезд твой для всево государства останется тайною.

— Способ, изрядно выдуманной,— отвечал Калиф,— но он хорош для моих только музульман, а над иностранцами, не думаю, чтоб произвел подобное действие, и, что еще досаднее, могут разгласить, что я калиф над слепыми народами; а это мало принесет мне чести. Нет, друзья мои, я хочу, чтобы подданные мои верили иногда своим глазам, или мне должно со временем терпеть величайший труд сказывать всякому, что он видит и что чувствует. Выдумайте какое-нибудь другое средство. Я столько люблю моих подданных, что мне жаль сделать вдруг бесполезными несколько миллионов глаз. И так, любезной Дурсан и почтенной Ослашид, вы не получите от меня арапских сказок в сафьянном переплете и не будете иметь удовольствия спускать змеев из Конфуциева перевода. Посмотрим, любезной Грабилей, будет ли счастливее твоя выдумка.

Грабилей не имел ни долгой бороды, ни счастья родиться в белой чалме; он был сын чеботаря, которой в свое время обувал со вкусом целой город. Грабилей, прпскауча видеть с младенчества трудную работу отца, задумал блистать в свете совсем другою славою, и искал способов, как бы со временем разувать тот народ, которой отец его обувал с таким успехом. Для сего-то вступил он в приказную службу. Грабилей был умен; он тотчас понял систему своего звания и начал драть с одних, дабы передавать другим. С таким прекрасным правилом не долго засиделся в нижних званиях и тотчас сделан кадием. ¹ На сем то месте почел он нужным развернуть все свои способности и пользоваться всею уловчивостию, кою

природа его одарила. Он тотчас понял трудную науку обнимать ласково того, ково хотел удавить, плакать о тех несчастных, коим сам был причиною; умел к state злословить тех, коих никогда не видал, приписывать тому добродетели, в ком видел одни пороки. Знал, когда нужно кланяться в землю и когда в пояс; умел к state зажмуриваться на своей судейской подушке; но, что всево важнее, знал к state обирать и к state одаривать. С такими-то блестящими дарованиями пролагал он себе путь к Дивану, и не долго медлил на сем пути. Калиф уважал способности... Грабилей стал одним из числа знаменитейших людей, снабженных способами утеснять бедных и освященных важным преимуществом получать удавку из рук самого султана. Грабилей так начал речь свою:

— Законной наследник всех имений, неоспоримой владетель сердец и помыслов, повелитель стихий и причина всех бывших и впредь будущих благ человеческого рода. Прости, что я осмеливаюсь шевелить языком моим в присутствии священной твоей особы. Я бы никогда не дерзал при тебе и мыслить, естлиб не было сие во исполнение верховной твоей воли, которая управляет всеми моими чувствами и делами, подобно как солнечное движение управляет движением тени.

— Мне кажется, самой лучшей способ для удержания в тайне путешествия есть тот, чтоб сделать запрещенные говорить, каким бы то образом ни было, о твоей высокой особе, и даже выговаривать священное твое имя, под опасением лишения живота и имений. Издав такое повеление, можешь ты спокойно отправиться в свой путь; и хотя некоторое число рабов твоих будет догадываться, что тебя здесь нет, но, в силу запрещения говорить о тебе, они не возмогут никому сообщить своих догадок, ниже простираť вопросами свое любопытство далее. Известно, что молчание есть единственной способ хранения тайностей; так не самое ли лучшее средство — наложить его на языки болтливых рассказчиков и выпрашивателей, которых двумя или тремя примерными наказаниями можно уверить, что язык

¹ Судей.

им дан только для того, что бы с помощью ево было легче глотать пищу.

Калиф не был доволен и сим мнением: он сам, любя говорить, знал, как тяжело честному человеку хотя на два часа лишиться етова прекраснова упражнения; при том же, хотя и мог он надеяться унять мужчин, но где, думал он, взять столько силы, что бы унять говорить женщин? Калиф был премудр: он знал, что выдать закон на удержание говорливости женщин есть то же, что выдать закон для удержания прилива и отлива морекого. Он требовал также совета у достальных визирей, наполняющих Диван, но их не слушал, не ожидая от них ничего добра. Калиф был ращотист; обыкновенно, одново мудреца сажал между десяти дураков; умных людей сравнивал он со свечами, которых умеренное число производит приятной свет, а слишком большое может причинить пожар; и часто говаривал, что ему, для сохранения доброго порядка, дураки по крайней мере столько ж нужны, как и умные люди. Вот причина, что и Диван калифов был ими изобилен.

Все они пошли на голоса. Приметить должно, что они охотнее всево расточали свои советы, хотя часто могли видеть, что оные ни на что не надобны; но чем глупее голова, тем щедрее на советы. Наконец, калиф вышел из Дивана, распустя своих визирей, не быв доволен ни одним голосом, удалился во внутренние свои чертоги и надеялся в уединении найти то, чеве не мог сыскать в многолюдстве.

Первой предмет, встретившийся ево глазам у нево в комнате, была книга, данная ему волшебницею. Хотя Каиб никогда не советовал с книгами, потому что они по большей части писаны не калифами, но, вспомя, что етой книге приписано важное свойство усыплять,—взял он ее в руки, в надежде увидеть во сне добрую свою покровительницу. Калиф развернул — видит оду визирю, недавно повешенному им за взятки.. Добродетели ево были воспеты с таким восторгом, что калиф зачал уже опасаться, не святова ли он повесил. Ето привлекло ево к важному рассуждению: сколь должно великому калифу быть осторожну в награждениях и в наказаниях...—Фея,—

ворчал он тихонько,—фея, конечно, ошибкою дала мне ету книгу: она обещала мне с нею: приятной сон, а книга ета, на против того, подает мне причину к важным рассуждениям, приличным моему сану и полезным моему народу. — Но калиф не примечал, что он уже дремал, выговаривая последние слова... И действительно, в одну минуту погрузился он в глубокой сон и позабыл награждения, наказания, повешенного визиря, стихотворца и свою книгу, которую из рук выпустил к себе на колени.

Едва заснул калиф, едва увесистое собрание тяжелых стихов, обременявших за минуту руки ево, сползло с коленей на богатой ковер, как покровительствующая фея явилась ему во сне. Она была прелестна, как... как то, что тебе всево милее, любезной читатель... Скупой, ты можешь ее сравнить с твоим рублем; естли ты автор, то вообрази, что она была так прекрасна, как твои стихи; или вообрази, что она прекрасна, как твоя любовница,—естли ты читаешь ето на кануне своей свадьбы; естли же на другой день, то признаюсь, что сравнение мое никуда не годится.

— Каиб, сказала она Калифу,—я выдумала способ сокрыть путешествие твое от народа и от самых визирей твоих. Проснувшись, ступай из дворца твоего, не говоря ни кому ни слова. Я приготовила куклу и дала ей такие способности, что она, до возвращения твоего, заменит с успехом твое место. Так некогда Аполлон на Троянской брани подменил Энея подделанною под ево вид статуею; и между тем, как Эней отдыхал дома, то статуя храбро сражалась с греками. Хотя Гомер ничего не говорит, но я знаю точно, что тогда многие славные ее дела приписаны самому Энею, чему он, по сговорчивости своей, никогда не противоречил. То же точно намерена я с тобою сделать. Иди и старайся только исполнить волю оракула; достальное я беру на себя. Поверь, ни одна душа не узнает, как изрядно подменю я тебя статуею из слоновой кости, которая в твое отсутствие наделает много славных дел; все они умножат в народе к тебе благодарность. Прости, калиф; ступай не медля, сложи с себя на время всю пышность, прилич-

ную твоему сану, и ты увидишь то, чего бы никогда не видал ни в какую зрительную трубку с высокого твоего престола; а, наконец, найдешь награждение, обещанное тебе оракулом.—Фея исчезла.

Как бедной стихотворец, увидя во сне, что сочинении его вдруг разошлись четырьмя тиснениями,¹ и что он осыпан золотом, просыпается, и хотя не видит вокруг себя ничего, кроме огромных своих рукописей и разломанных стульев и стола, но, полагаясь на сновидение, наполняется надеждою, засвечает свечу и, не сходя с постели, гоняется за Пегасом по белой бумаге, которую покрывает следами своей скорости; так Каиб, просыпаясь, утешается, что во сне он выдумал более, нежели на яву, и, надеясь на обещания волшебницы, скидает пышные свои одежды, одевается так скромно, как сторож академической библиотеки, берет несколько мелких денег... Сколь ни верил он волшебствам, но знал очень, что есть много таких случаев, где и самое сильное чародейство наличных денег заменить не может; потом оставляет великопешной свой дворец и начинает поиск, предписанной ему оракулом.

Это было ночью. Погода была довольно худа; дождь лил столь сильно, что, казалось, грозил смыть до основания все дома; молния, как будто на-смех, блистая изредка, показывала только великому калифу, что он был по колено в грязи и отвсюду окружен лужами, как Англия океаном; гром оглушал его своими порывистыми ударами. Тогда-то калиф в первый раз усумнился, столь ли самовластной он повелитель стихий, как то говаривали ему визири. Желая укрыться от негодной погоды, искал он, при свете молнии, какой-нибудь хижинки. Скоро, проходя далее, увидел в стороне огонь и пошел прямо на него, надеясь у хозяина выпросить позволения осушить платье.

Калиф подходит к хижине, отворяет дверь, видит большую комнату. В одном углу стоит кровать, в другом стул, которой, опираясь о стену щитом, стоял довольно гордо на остальных двух ножках; на полу набросано несколько старых

книг и порядочной запас белой бумаги. Не мудрено калифу догадаться, что тут живет автор. Он всегда любопытствовал побеседовать с людьми стова роду. Хотя прежде сияние его сана не позволяло унижать ему себя до-такой степени, но теперь не мог он не радоваться, нашед к тому удобной случай. Я было позабыл, описывая комнату, упомянуть о самом важном приборе: на кровати лежала сухощавая особа; с великою важностию рассматривала она старые рукописи и, казалось, с обгрызенным половиною пером в руке, определяла судьбу целова света.

— Милостивой государь,—начал Каиб,—я лишь пришел в сей город и никою в нем не знаю; позволите ли вы страннику пользоваться гостеприимством?

— Очень рад дорогому гостю! и естли, не обижая вас, можно сделать заключение по скромному вашему платью, то позволите спросить, не ученой ли вы?

— Да, это правда, что я читаю книги.

— Читаете?... По вашему разодранному кафтану я подумал, что вы их пишете. Но тем лучше. Я написал теперь оду Ослашиду и хотел бы знать ваше мнение.

— А! вы пишете оды?

— Да, это самое безопасное ремесло, но не всегда прибыльно. Недавно написал я оду одному вельможе; он восхищался ею и обещал мне щедро заплатить; но, как знатной человек, забыв данное слово, умер на другой день. После этого я написал оду другому визирию; тот был не менее доволен, обещал меня наградить и верно бы не обманул, но его на третий день повесили за взятки.

— Как! вы писали оду недавно повешенному визирию? Я ее читал...

— Признайтесь, что она не дурна. Теперь я пишу оду Ослашиду, неприятно повешенноа визирия. Можно сказать, что она мне труда стоит: в этом добром человеке нет ни ума, ни добродетели; такие люди ужасно трудные содержания для лирической поэзии. Я же, не хвастаясь, скажу, что я более пишу для славы, нежели для денег; доказательство — мне хуже платят за оды, нежели за битые стекла, которые иногда покупают у меня разнощники. Со всем тем я не оставлю лирического стихотворства,

¹ Изданиями.

— Мне удивительна способность ваша хвалить тех, в коих, по вашему ж признанию, весьма мало находите вы причин к похвалам.

— О! сто ничево, поверьте, что это безделица! Мы даем нашему воображению волю в похвалах с тем только условием, чтоб после всякое имя вставить можно было. Ода — как шелковой чулок, которой всякой старается растягивать на свою ногу. Она имеет здесь совсем другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на ково из визирей писать сатиру, то должен обыкновенно трафить на порок, коему он более подвержен; но и тут принужден часто входить в самые мелкости, чтобы он себя узнал. Что до оды, то там совсем другой порядок: можно набрать сколько угодно похвал, поднести кому угодно; и нет визиря, которой бы описания всех возможных достоинств не принял сколком с своей высокой особы.

— Но если свет знает, что ваше описание ложно? что герои ваши — пустые пузыри, надутые вами?

— Что же до тово нужды? Аристотель негде¹ очень премудро говорит, что действия и героев должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны, и мы подражаем сему благоразумному правилу в наших одах, иначе бы здесь оды превратились в пасквили. Итак, вы видите, сколь нужно питать правила древних.

— Я всегда думал, что стихотворцы ристуют к одам, воспаленные добротелами и совершенствами своих герев.

— Как вы ошибались! Они воспаляют с одним воображением и выбирают перва, кто попадетя, как художник выбает кусок мрамору: чем грубее и невершеннее отломок, тем более славы и искусства дать ему нежной вид.

— Ах! — сказал, вздохнувши, Калиф: — как же мало люди должны гордиться теми похвалами, которые не редко их ослепляют!

— Вольно им дурачиться, — отвечал стихворец. — Если бы они приписывали пвалы не своим достоинствам, но слу-

чаю и нашей необходимости ково-нибудь ими украшать, то бы не столь были горды. Не хотите ли, я вам скажу на етот случай короткую баснь, которую скоро намерен переложить в стихи?

— Славной живописец, пленясь новою мыслью, вздумал написать Венеру, натянул кусок полотна и с великим успехом исполнил свое намерение. Картина была драгоценна и современем стала украшением чертогов славнейшего императора. Множество зрителей стекалось ее смотреть. Полотно, на коем была написана Венера, вздумало, что оно причиною всех восторгов, примечаемых в зрителях. Паук, раскидывая на нем сети для мух, вывел ево из заблуждения. — Ты напрасно гордишься, полотно, — сказал он: — если либ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то бы ты давно истлело, быв употреблено на отирку посуды.

— Стихотворцы то же делают с людьми, и последние такую ж имеют причину гордиться, как рисованная холстина, которая думала, что живописец старался прославить ее, когда заботился он только о своем имени. Когда я читаю Гомера, то признаюсь, вместо тово, чтобы удивляться ево героям, я удивляюсь ему, а на них смотрю, как на людей, которых великой етот муж сделал вьючными ослами своей славы. И так, не ясно ли видно... Но вы дремлете, вам нужен покой! Не хотите ли чево поужинать?

— Охотно бы; признаюсь, что я очень проголодался.

— Жаль же очень, что вы не пришли ко мне ранее только пятью минутами: мы бы прекрасно отужинали. По крайней мере, на чем вы охотнее спите: на тюфяках или на пуховике?

— На пуховиках, — сказал, вздохнувши, Калиф.

— Ложитесь же на эти кипы печатных бумаг, — отвечал стихворец, указывая в угол: — ложитесь на них; если они и не так мягки, как пуховики, по крайней мере, толще всякого пуховика на свете. Мои друзья ночуют у меня на них спокойнее, нежели Калиф наш на лучших своих пуховиках.

Калиб лег, положил в голову стопу бумаги и в минуту захрапел так крено,

¹ «Шиптикс».

что соблазнил стихотворца себе последовать.

На другой день рано Каиб собрался в путь.

— Вы, конечно, хотите странствовать?—спрашивал его стихотворец.

Это правда; и хотя нет двух дней, как я начал свое путешествие, но мне столь это понравилось, что, может быть, несколько лет употреблю я на то, что бы видеть вещи, которые, сидя дома, видел я через десятки глаза.

— Вы ничево нового не увидите: где есть люди, там всегда найдете добродетели и пороки; где есть деньги, там найдете роскошь и скупость, богатство и нищету; в городах увидите равнодушные к несчастию ближнего, в деревнях сострадание и гостеприимство, ибо сельской житель, подражая природе, учится у ней быть податливым, а городской житель, гоняся за счастьем, учится у него быть слепым и несправедливым. — После сего они расстались, и Каиб продолжал свой путь.

Он пустился по большой дороге, желая с нетерпеливостью посмотреть сельских жителей. Давно уже, читая идиллии и еклоги, желал он полюбоваться золотым веком, царствующим в деревнях; давно желал быть свидетелем нежности пастушков и пастушек. Любя своих поселян, всегда с восхищением читал в идиллиях, какую блаженную ведут они жизнь, и часто говаривал: еслиб я не был калифом, то бы хотел быть пастушком.

Уже далеко был он от своей столицы, как в один день увидел рассеянное по полю стадо.— Великой Магомет!—вскричал он,— я нашел то, чево давно искал!—и сошел с дороги в поле искать счастливого смертного, который наслаждается при своем стаде золотым веком. Калиф искал ручейка, зная, что пастушку так же мнѣ чистой источник, как волоките счастья передняя знатныс. И действительно, прошед несколько далее, увидел он на берегу речки запачканное творение, загорелое от солнца, заматанное грязью. Калиф было усомнился, человек ли это; но, по босым ногам и по бороде, скоро в том уверился. Вид его был столько же глуп, сколь прибор его беден.

— Скажи, мой друг, — спрашивал его калиф:—где здесь счастливой пастух егова стада?

— Это я, — отвечало творение, и в то же время размачивал в ручейке чорствую корку хлеба, что бы легче было ее разжевать.

— Ты пастух!—вскричал с удивлением Каиб:—О, ты должен прекрасно играть на свирели!

— Может быть; но, голодной, не охотник я до песен.

— По крайней мере, у тебя есть пастушка! любовь утешаст вас в вашем бедном состоянии. Но я дивлюсь, для чево пастушка твоя не с тобою?

— Она поехала в город с возом дров и с последнею курицею, что бы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимою от холодных утренников.

— Но по етому жизнь ваша очень не завидна?

— О! кто охотник умирать с голоду и мерзнуть от стужи, тот может лопнуть от зависти, глядя на нас.

— Признаюсь, что я много верил еклогам и идиллиям, — сказал калиф:— Фея! слова твои сбываются: я вижу то, чево бы никогда не подозревал. Стихотворец сказал правду, что поэты обходятся с людьми, как живописцы с холстиною. Но такую гадкую холстину!—продолжал он, смотря на пастуха, — такую негодную холстину разрисовать так пышно!.. Это, право, безбожно! О, теперь-то даю я сам себе слово, что никогда по описанию моих стихотворцев не стану судить о счастье моих любезных музулман. — И калиф пошел далее.

Некогда под-вечер шел он по большой дороге, и хотя уже начинало смеркаться, но никакова города не видно было в дал. Это его смущало. — Волшебница шут надо мною, — говорил он сам себе: — а, кажется, хочет, чтоб я, подобно калехеру,¹ состарелся на больших дорогах. Вот уже более трех месяцев странствую я, но и тени нет счастья, обещаюго мне феєю; а что еще досаднее, то севдня едва ль не в поле должен я ночевать. Я верю, конечно, что пророк любит сего потомка; но, сказать правду: медвею из

¹ Нищенствующий дервиг.

лесу до меня ближе, нежели Магомету с седьмого неба. — Такие мысли возмущали Каиба: владетель морей и суши не на шутку боялся быть заеден голодным волком.

В самое то время, когда занимался он такими заманчивыми размышлениями, встретился ему крестьянин. — Друг мой, далеко ли до города? — спросил у него калиф. — Часов восемь; к утру можешь ты там быть. — Но нет ли где переночевать? Не попадетсЯ ли мне на пути деревня? — Ни двора; а естли хочешь, то, прошед не много, можешь свернуть по тропинке в право, и лесом, через старое кладбище, пройти до деревеньки, где можешь найти ночлег.

Прошед не много, и действительно Каиб увидел в праве тропинку, проложенную в лес. Он пошел по ней и в четверть часа выбрался на маленькую площадку, украшенную развалившимися гробницами. Каибу некогда было любопытствовать: страх и приближающаяся ночь понуждали его идти далее, как вдруг, прошед площадку, увидел он, что тропинка разделилась на-двое. — Боже мой! — вскричал Каиб, — по которой должен я идти? Ну, естли я выберу самую трудную и долгую! тогда всево вернее, что мне должно будет спать на земле, без всякого защипения от зверей; но естли я ворочусь — а до города еще восемь часов!... ето ужасно!... Нет, — продолжал он, окидывая глазами кладбище; — нет, я лучше соглашусь как-нибудь провести ночь здесь! — и тогда ж, увидя высокой надгробной камень, решился он выбрать его своим ночлегом. Каиб подошел ближе к камню и увидел на нем высеченные сии слова:

«Кто бы ты ни был, не приближайся; взирай с благоговением на камень, под коим покоится прах мой, и познай, что я... (имя так изгладилось временем, что Каиб никак не мог разобрать)... победитель вселенной, коего имя гремит и вечно будет греметь во всех концах земли: оружием моим покорил я множество народов, одержал 729 побед и не имел сражения, на коем бы побито было менее 15.000 неприятелей. Свет сей оставляю в законное наследство сыну моему и его потомкам. Умираю доволен, что основал племени моему твердое и не-

колебимое наследие, сокровища неисчерпаемые, славу бессмертную, и страх имени моего столь великой, что не будет смертного, которой бы осмелился коснуться до моего надгробного камня».

— Какая прекрасная надпись! — сказал Каиб и вскарапкался с великим трудом на камень. — Здесь точно безопасно, — ворчал он тихонько: — камень етот и высок и неприступен для зверей... Только желал бы я очень знать, чья ета гробница? Ето ужасно, что такие славные имена стираются с надгробных камней! Как же после етова можно полагаться на историю? ибо я твердо верю, что тысячи славных людей, понадевавших столько же знаменитых дел, как и нынешний мой хозяин, не внесены в историю только для того, что надгробные их камни были рыхлы и удобно размывались дождем. Какой ето для меня прекрасной урок! О! я, конечно, выберу для моего надгробия камень потверже, и ручаюсь, что слава моя будет продолжительнее славы моего хозяина. — Потом вынул Каиб из кармана хлеб и кусок сыру; в минуту отправил он по-походному ужин. — Как мало нужно для человека! — сказал Калиф: — на день два фунта хлеба и три аршина земли на постелю при жизни и по смерти! Я бы желал знать, от чего, за четыре месяца перед сим, вся вселенная казалась для меня тесна, а теперь и камень етот очень для меня просторен? И слово «мое», на которое право стоило мне, может быть, 300,000 добрых музульман, — слово ето теперь меня не восхищает. О гордость! сколько ужасно тебе воздаяние! при жизни тебя ненавидят, по смерти — презирают или забывают. Ах! может быть и я со временем буду служить постелею какому-нибудь страннику, которой, не посмотря на гордую мою надгробную надпись, спокойно выпитсЯ на том, на ково предки его не смели взглянуть без ужаса.

Каиб заснул. Вдруг видит он, что камень отодвигается, и из-под него выходит величественная тень некоего древнего героя.

Рост его возвышался до-толе, доколь в тихое летнее время может возвышаться тонкой дым. Каков цвет облак, окружающих луну, таково было бледно лицо его;

глаза ево были подобны солнцу, когда, при закате своем, опускается оно в густые туманы и, изменяясь, покрывается кровавым цветом; главу ево покрывал огромный шлем, который, казалось, мог противостоять громовым ударам; руку ево обременял щит, испускающий тусклый свет, подобный тому, какой издает ночью збылющаяся вода, отражая мертвые лучи бледных звезд. Калиф тотчас догадался, что герой ево из числа тех знаменитых особ, которые называются победителями народов и на земном шаре с великим успехом заменяют собою всемирной потоп. Он молчал и ожидал, что будет далее.

— Каиб! — сказало ему видение, — ты зришь пред собою тень тово, коево прах покоится под сим камнем. Надпись о делах моих, высеченная на камне, справедлива: я победил весь свет; ничто не смело вооружаться против меня, кроме моей совести, которая одна могла мучить тово, кто мучил вселенную. По смерти моей небо истребило память мою в людях, а меня осудило мучиться до толь, до коль не буду я причиною хотя одного доброго дела. 20.000 лет уже гробница моя стоит здесь, и во все ето время не был я причиною ни одного доброго дела. Доколе память моя еще не затмилась, дотоле возбуждал я себе последователей, столько же вредных свету, как был вреден ему я сам. Память моя погибла; но мои последователи имели также своих подражателей, и всем бедствиям, угнетавшим после тово землю, был причиною я, дав первой пример любочестия. Наконец, небо избрало тебя быть моим избавителем: ты, делая последнее унижение моей гордости, надгробие мое сделал своим ночлегом. Высокой камень мой спас тебя от хищных зверей, коим бы ты был непременно добычею в сем диком лесу, — и вот первая польза, которая в 20.000 лет от меня произошла.

— Гробница моя и надпись на ней внушили тебе благоразумные размышления; сердце твое удобно ими пользоваться, а сии размышления в толь великом Калифе, каков ты, будут причиною счастья миллионов людей, — вот благо, происшедшее так же от меня. Судьба исполнила мѣру своєю правосудия: в сей день

кончились мои мучения. Небо, разрешая меня, позволило, чтоб я принес тебе благодарность; позволило оно, чтобы я тебе подтвердил истину надписи, запрета только сказывать свое имя, осужденное к вечному забвению на лице земли; позволило оно так же сказать тебе, что ты близок от вещи, для которой путешествуешь: счастье тебя окидает. Но, Калиф, да не развратит нега ево твое сердце, — не забывай ни когда тово, что ты видел теперь. Помни, что любочестие наказывается чрезмерным унижением; помни, что право твоей власти состоит только в том, чтобы делать людей счастливыми; сие право дают тебе небеса; право же удручать несчастиями похищаешь ты у Ада. — Изрекши сие, изменяться стала тень и исчезать; подобно тускнеет серебристое облако, когда луна от него удаляется, и, развеваемое по лазуревому небу, становится невидимо взорам смертных.

На утро Калиф проснулся рано, и, дивясь странному сновидению своему, продолжал свой путь по одной из двух тропинок. Три часа шел он дремучим лесом и, наконец, вышел на прекрасной луг, через которой лежала дорога к маленькой хижине. Каиб любовался местоположением и, осматривая окрестности, удивлялся природе, как вдруг, оборотясь на право, увидел прекрасную четырнадцатилетнюю девушку. Она с великою прилежностью искала чево-то в траве; прекрасные глаза ее орошены были слезами — знак, сколь дорого она ценила потерянную вещь. Каиб подошел к ней; она ево не примечала; он не спускал с нее глаз: всякая черта, всякое движение, всякой шаг ее воспламеняли в нем кровь. Каиб обладал многими женщинами, он чувствовал иногда сильные желанья, но теперь в первой раз узнал, что такое любовь.

— Иностранец, — сказала ему красавица, увидя ево: — не находил ли ты здесь портрета? Ах! естли он у тебя, так возврати Роксане то, что ей дороже жизни. — Нет, прекрасная Роксана, — отвечал Калиф, — судьба не хотела наградить меня счастьем быть тебе полезным... — Калиф бы далее продолжал свои учтивости, но прекрасная ево незнакомка, не выслушав и сих, отошла от него искать портрета. Калиф, не

говоря ни слова более, сам стал шарить в траве. Надобно было посмотреть тогда величайшего Калифа, которой, почти ползая, искал в траве, может быть, какой-нибудь игрушки, чтобы угодить четырнадцатилетнему ребенку. Он был так счастлив, что в минуту нашел потерю. — Роксана! Роксана! портрет! — кричал он, показывая ей из дали портрет. Она уже была от него далеко, как, услыша сей голос, бросилась к нему из всей силы. Радость, торопливость и нетерпение сделали то, что она запуталась в траве и упала бы, если бы не поддержал ее Каиб. Какое приятное бремя чувствовал он, когда грудь Роксаны коснулась его груди! Какой жар разлился по всем его жилам, когда невинная Роксана, удерживаясь от падения, обхватила его своими руками, а он, своими поддерживая легкой и тонкой стан ее, чувствовал сильной трепет ее сердца. — Возьми, прелестная Роксана, сей портрет, — говорил ей Каиб, — и вспоминая иногда сей день, которой возвратил тебе драгоценную потерю, а меня навсегда лишил вольности. — Роксана ничево не говорила, но прелестной румянец, украсивший ее лицо, изъяснял более, нежели бы она могла сказать. — Незнакомец, — сказала она Каибу, — посети нашу хижину и дозвожь, чтоб я отцу моему показала того, кто возвратил мне потерянный мною портрет моей матери.

Они вошли в дом, и Каиб увидел почтенного старца, читающего книгу. Роксана рассказала ему приключение, и старик не знал, как отблагодарить Каиба. Его просили остаться у них на день, — можно догадаться, что он не отказал; это мало: что бы пробыть долее, он притворился больным и имел удовольствие видеть, сколь Роксана о нем сожалела и как старалась оказывать ему угождения... Может ли любовь долго скрываться? Оба они узнали, что они любимы взаимно. Старик усмотрел их страсть; множество на стот случай наставлял он прекрасных правоучений, но чувствовал, сколь они бесплодны; и сам Каиб, которой с восхищением видал, как прекрасная Роксана чувствительна была ко правоучениям, и как нежное сердце ее уважало добродетели, — сам Каиб не

хотел бы, что бы теперь слушала она правоучение противу любви. Старик, любя дочь свою и пленясь добросердечием, скромностию и благоразумием Каиба, решился отговорить его от охоты к странствию и умножить его семейство. Роксана просила его нежно, что бы предпочел он спокойную жизнь и любовь ее — желанию скитаться. — Ах! Гасан, — сказала она ему некогда: — если бы знал ты, как ты мне мил, то бы никогда не оставил нашей хижины ни для великолепнейших чертогов в свете... Я люблю тебя столько, сколько ненавижу Каиба нашего. — Что я слышу? — вскричал калиф: — ты ненавидишь Каиба? — Да, да, я его ненавижу столько же, сколько тебя люблю, Гасан! Он причиною наших несчастий! Отец мой был кадием в одном богатом городе; он исполнял со всею честностию свое звание. Некогда, судя родню одново царедворца с бедным ремесленником, решил он дело, как требовала справедливость, в пользу последнего. Обвиненный искал мщения; он имел при дворе знатную родню. Отец мой был оклеветан; повелено отнять у него имение, разорить до основания дом и лишить жизни; он успел убежать, подхватя меня на руки. Мать моя, не перенеся сего несчастия, умерла в третий месяц после нашего сюда переселения, а мы остались, что бы докончат здесь жизнь в бедности и в забвении от всево света.

— Оракул, ты исполнился! — вскричал Калиф: — Роксана, ты меня ненавидишь!... — Что с тобою сделалось, Гасан? — перервала смущенная Роксана: — не тысячу ли раз говорила я тебе, что ты мне дороже моей жизни! Ах! во всем свете я ненавижу одново только Каиба. — Каиба! Каиба! ты его любишь, Роксана, и возводишь своею любовью на вышний степенъ блаженства! — Дорогой мой Гасан сошел с ума! — говорила тихонько Роксана; — надобно уведомить батюшку. — Она бросилась к своему отцу. — Батюшка! Батюшка! — кричала она, — помогите! бедной наш Гасан помешался в уме, — и слезы навертывались на ее глазах. Она бросилась к нему на помыль, но уже было поздно: Гасан их скрылся, оставя их хижину.

Старик сожалел о нем, а Роксана была

неутешна. — Небо! — говорил старик, — доколе не престанешь ты гнать меня?! Прoisками клеветы лишился я достоинств, имения, потерял жену и затворился в пустыне. Уже начинал я привыкать к моему несчастью, уже городскую пышность вспоминал равнодушно, сельское состояние начинало пленять меня, — как вдруг судьба посылает ко мне странника; он возмущает уединенную нашу жизнь, становится любезен мне, становится душою моей дочери, делается для нас необходимым и потом убегает, оставя по себе слезы и сокрушение.

Роксана и отец ее проводили таким образом плачевные дни, как вдруг увидели огромную свиту, въезжающую в их пустынь. — Мы погибли! — вскричал отец: — убежище наше узвано! Спасемся, любезная дочь!... — Роксана упала в обморок. Старик лучше хотел погибнуть, нежели ее оставить. Между тем начальник свиты к нему подходит и подает ему бумагу. — О, небо! не сон ли это? — вопиет старик: верить ли глазам моим? мне возвращается честь моя, дается достоинство визиря; меня требуют ко двору! — Между тем Роксана опомнилась и слушала с удивлением речи своего отца. Она радовалась, видя его счастливым, но воспоминание о Гасане отравляло ее радость: без него и в самом блаженстве видела она одно несчастье.

Они собрались в путь; приехали в столицу. Повеление дано представить отца и дочь Калифу во внутренних комнатах. Их вводят — они падают на колени. Рок-

сана не смеет возвести глаз на монарха, и он с удовольствием видит ее печаль, зная причину оной и зная, как легко может он ее прекратить.

— Почтенной старец! — сказал он важным голосом: — прость, что, ослепленный моими визирями, погрешил я противу тебя: погрешил против самой добродетели. Но благодеяниями моими надеюсь загладить мою несправедливость; надеюсь, что ты простишь меня. Но ты, Роксана, — продолжал он нежным голосом, — ты простишь ли меня, и будет ли ненавидимой Каиб столь счастлив, как был счастлив любимой Гасан?

Тут только Роксана и отец ее в величайшем Калифе узнали странника Гасана. Роксана не могла ни слова выговорить: страх, восхищение, радость, любовь делили ее сердце. Вдруг явилась в великоленном уборе Фея.

— Каиб! — сказала она, взяв за руку Роксану и подводя к нему: — вот то, чего не доставало к твоему счастью; вот предмет путешествия твоего, и дар, посылаемый тебе небом за твои добродетели! Умей уважать его драгоценность, умей пользоваться тем, что видел ты в своем путешествии — и тебе более никакой нужды в волшебствах не будет. Прости! — при сем слове взяла она у него очарованное собрание од и исчезла.

Калиф возвел Роксану на свой трон, и супруги сии были столь верны и столь много любили друг друга, что в нынешнем веке почли бы их с ума сшедшими и стали бы на них указывать пальцами.

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ НАУКЕ УБИВАТЬ ВРЕМЯ, ГОВОРЕННАЯ В НОВОЙ ГОД.

Любезные слушатели!

Наконец, сбыви мы с рук еще один год, убили триста шестьдесят шесть дней, и можем сказать торжественно: не видали, как прошло время!

Строгие философы! вы, которые жалете утратить минуту, как скупой полупушку, и плачете о потере дня, проведенного без пользы! придите и позавидуйте нашей способности радоваться о том, что мы целой год провели, не сделав ни одного такого дела, коим, по ва-

шему мнению, человек отличается. Зарывшись в книгах, вы почитаете невероятностью, что тот может радоваться, прощаясь с старым годом, кто три четверти его проспал, а достальную прозевал; вам покажется баснею, чтобы человек, которой целой год одевался и раздевался, причесывался и растрепывался, чтобы сей человек не плакал, утратив таким образом время; вы никогда не поверите, чтобы тот, кто пропрыгал и прошаркал триста шестьдесят шесть дней,

хотя бы в конце года заметил, что он целые двенадцать месяцев таскал по пустому свою голову. Но, Сократы, Платоны, Пифагоры прошедших веков! воскресните на одну минуту, выберите себе бороды, причешитесь анкрошед, чтобы вас не стыдно было принять в большом свете; войдите в него, и вы увидите, сколь сирраведливо мое описание; увидите, как философия ваша наделала успехов. Воскресните и проповедуйте, если хотите, сколь нужно соблюдать время. Вы увидите, что люди большого света лучше вас знают, к чему оно дается; и что наука убивать время есть одна наука, прямо достойная благородного человека, которой умеет чувствовать, что небо дало ему голову только для того, чтобы она пересказывала, когда желудку его нужна пища.

Вот, Милостивые Государыни, что бы я сказал философам, употребившим все силы свои на то, чтобы научить нас скучному упражнению размышлять. Они бы взглянули на вас и признались бы, что человек может обойтись без размышления, если только имеет проворной язык, и что мы, имея дарование не думать, по крайней мере, столько ж счастливы, как люди золотого века.

Недоверчивой, глядя на нас, на образ нашей жизни, конечно, усомнится: ему покажемся мы игрушками мод, мучениками суетных желаний; или, что еще более, сочтет он нас безумными, а потому то и нещастливыми, как будто бы дурак, любезные слушатели, должен быть непременно нещастливее мудрецов, коих самолюбие заставляет признавать щастливыми только себя, и коих дикой ум не понимает, какое щастие заключено в том, чтоб делить по-братски время свое с обезьянами, с попугаями, посвятить себя блестящей службе четырех мастей, — словом: они не чувствуют прелестей науки убивать время, науки, впрочем, столь неисчерпаемой, что свет наш несколько тысяч лет в ней трудится и всегда открывает новые поля, столь же обширные, какие приписывают математике.

О сей то прелестной науке, Милостивые Государыни, хочу я ныне распространить свою речь: не для того, чтобы желал я вас в ней осовершенствовать: нет, вам уже не нужны учителя: природных спо-

собностей ваших к тому довольно, и вы, подражая предкам вашим, понимаете сие искусство самоучкою; при том же, когда праотцы наши убили семь тысяч лет, то стыдно бы нам было, имея величайшие примеры в истории и в глазах, вербовать наставников, как убить несколько десятков лет, которые на нашу часть достались. Итак, я намерен соплеести только достойную похвалу сей завидной науке, в которой обращается целой свет, и которой имя столь же редко слышно, сколь часто ее употребление; ибо к стыду нашему, любезные слушатели, мы обладаем сим сокровищем, почти не чувствуя, что им наслаждаемся.

Но да не смущает вас сия укоризна: недостаток ваш требует только исправления. Мы найдем в свете довольно примеров, что человек часто обладает сокровищем, пренебрегая его по незнанию. Так некогда американцы ходили по золоту и, не умея его обделывать, с радостью отдавали за европейские игрушки.

Может быть, критики скажут мне в возражение, что слово мое бесполезно; что доселе убивали мы время без всякого поощрения ораторов, что молодые люди наши, воспитанные в глазах французских гувернеров и в виду гончих и борзых собак, наполняются с младенчества благородною страстию расточать время; что по простествии юношества учителя отдают их с рук на руки французским ростовщикам, иностранным магазейнам и театральным сборщикам сердец; что в сем новом свете получают они новые способы убивать время и иногда в одной переписке векселей не видят, как проходят целые годы, или, не имея наследственного достатка, трутся около глухих Мидасов, побужденные благородною ревностию истреблять монополию в деньгах, и таким образом, в приятной надежде обмануть удачно, сбывают неприметно с рук последнюю половину своего века; что все это делается без помощи убеждений; что, наконец, нужно только человеку броситься один раз в большие общества, и он будет иметь удовольствие умереть, прежде нежели приметить, что он жил на свете.

Не противоречу многому. — В самом здешнем собрании вижу я примеры при

родных способностей: вижу с восхищением прелестниц наших праотцев, которые, пережив три поколения, и доньше не могут догадаться, что они не ровесницы шестнадцатилетним девушкам. С набожностью взираю я на сих долговечных Венер, на коих глядя кажется, что они одноклассницы Римской Капитолии, или по крайней мере Августовым медалям, и которые при всем том не досчитываются у себя пяти шестых доль своего века. Какой резкой знак, что это время мастерски убито! в другом месте вижу я почтенных старичков, которые с таким же просвещением входят в могилу, с каким вошли в колыбель, и еще кажутся младенцами. Они примечают глубокую свою старость только потому, что им нельзя грызть орехов. — Какая скромность! пропустить семьдесят лет голову и не сделать из нее никакого употребления! прожить век на скотном дворе и ограничить отличие свое от животных только тем, чтоб ходить на двух ногах! иметь душу и не дать никому заметить, что ее имеешь, или, что еще более, самому этого не заметить! вот чрезвычайная умеренность, которой не понимают тщеславные философы, хотя умеренность они и проповедают. Мы одни, Милостивые Государи, мы одни способны к сей блистательной добродетели, украшающей общества большого света, и между тем, как малая кучка самолюбивых мудрецов старается только о том, чтоб целой мир перед нею стыдился, между тем вы, Милостивые Государи, такою скромностию обуздываете свои умы, что и лошади бы ваши не краснели, на вас глядя, хотя бы они и имели способность краснеться, способность вредную, которой остатки и в нашем просвещенном веке наносят иногда тягость прелестному полу.

Признаюсь, что все завидные сии подлинники образовались без всякой помощи ораторов. Но следует ли из того, чтобы словесные возбуждения были излишни? Нет, лобезные слушатели, красноречие всегда умножало рвение умов, и естьли иногда не было поощрением, то служило награждением отличных дарований, которые уже поздно было поощрять, ибо, Милостивые Государи, премудрого человека весьма трудно заметить, прежде

нежели пройдет триста лет после его смерти; и потому то многие благоразумные народы сперва убивали своих мудрецов, а после делали им статуи; когда же вывелось это из употребления, тогда сыскали лучшей способ: допускали их умирать в нуждах, в гонении и в презрении, а спустя после их смерти лет сто говорили им похвальные речи. Такой поступок умножил полки ученых, которые добровольно терпели первое и не получали последнего. Но благородная жадность к похвале не есть ли общая всему человеческому роду? Не она ли причиною, что многие великие души, подобные душе Сестоприса и Александра Великого, ожидая величания от будущих веков, сносят терпеливо проклятие настоящего? — Когда же похвала столь лестна, то для чего же не возблагодарить ея божественную нашу науку убивать время? — Все науки имели своих защитников, своих хвалителей; ужли она одна останется в молчании? Как будто бы наше веселое общество, блистая ее выгодами, стыдилось признаться, до какого довело оно ее совершенства.

Другая причина, еще важнейшая, понуждает подать о ней полнейшее понятие: все науки, выключая математики, подвержены расколам: наша также избежать их не может. Я сам бывал свидетель, что многие молодые люди садились за книги только для того, чтобы убить время и, пристрастясь к постыдной для благородного человека жадности обогащаться познаниями, зачали скушиться временем, вздумали быть нас умнее; вздумали узнать свою голову короче, нежели сколько знали ее их волосочсы; и потом — жестокая неблагодарность! — сверх того, что сделались отступниками от нашего общества, первые стали на нас вооружаться и соблазнительным своим примером увлекли за собою последователей, которые, вместо того, чтобы блистать на балах и в больших собраниях, свели скучное знакомство с мудрецами. — Такие то развратительные примеры, происшедшие, может быть, от одного любопытства заглянуть в книгу, не должно ли прекратить и предостеречь наших молодых людей, чтобы они опасались всякой книги, выключая

только полезных книг,¹ заклеянных печатью Воспитательного дома.

Дадим же, сколько можно, ясное понятие о сей науке. А вы, любезные юноши, которые под покровительством проторной гребенки и верных ножниц назначены, может быть, играть великие лица на театре света; вы, прелестные Грации, которые будете некогда требовать от наших правнуков такой же нежности, какой ныне мы ищем от вас, выслушайте меня и умножьте свои силы победить наступающий год, и если уже необходимо должно, чтоб в физике вашей произвел он перемены, то оградитесь роскошью и ленью, и пусть хотя на морали вашей время не оставит никаких следов.

Время убивается двояким образом: или проводится оно в бездействии, или в таких упражнениях, которые на душе нашей никакого по себе следа не оставляют; и от того то в старых телах видим мы часто молодые души. Хотя казалось, что люди, в которых примечается это явление, были во весь их век чрезвычайно заняты. — Какой великой предмет для благородного человека! убивать то, что все убивает! преодолевать то, чему ничто противустоять не может! Герои, упражняющиеся в таких великих подвигах, не должны ли заслужить хвалу величайших в свете мудрецов; основанную даже на нашем признании, что мы перед ними нищи духом?.. Так, Государи мои! согласимся, что они умнее нас; поверим, что они лучше знают ценить вещи, и послушаем их учения.

Тот истинной философ, говорят они, кто умеет презирать мирские сокровища. Потом сказывают, что время драгоценнее золота и лучше всех земных благ. Но когда мудрецы сии тщеславятся достоинством, что они презирают золото, то сколько ж почтеннее мы их, пренебрегая самое время, сие сокровище, коего тратить нет даже и у них довольно твердости духа! Итак, мы то истинные мудрецы, Милостивые Государи! они презирают вещь, которая всегда в их руках быть может; но мы тратим равнодушно время, зная, что воротить его не в силах. Удивляйтесь Сципиону Африканскому, что он

сжег свой флот, дабы воспрепятствовать возвращению своему в Рим: редкая вещь! Имя храбрых воинов, он надеялся сожечь Карфаген и возвратиться домой на новых судах; но мы, сожигая, так сказать, наше время, не имеем никакой надежды возвратиться к нашему младенчеству, и, следовательно, всякую минуту превосходим Сципиона мужеством. Великий Тит плакал, говорят, о том дне, которой проводил, не сделав доброго дела; но мы — о пример истинного великодушия! — мы проживаем лет по пятидесяти по пустому, и ни разу о том не поплачем.

Я уже сказал, что первой способ убивать время есть тот, чтобы ничего не делать, или спать; но, к несчастю, человек не может быть столь совершен, чтобы проспать шестьдесят лет, не растворяя глаз и не сходя с постели, ни так же просидеть все это время, поджав руки. Хотя и старались испанцы осовершенствовать сию часть; хотя не редко встретить можно там героев, которые, поддерживая древнее свое благородство, почитают за честь умереть с голоду, поджав руки, но великим подвигам легче удивляться, нежели последовать. Нам нужны другие способы. — Притом же, мало ли есть таких прекрасных упражнений в большом свете, которые почти столь же знамениты, как и дарование ничего не делать, а такие то упражнения и нужны для нашего общества. Делать, ничего не делая, говорить, ничего не сказывая — вот два сильнейшие способа убить время: с сими двумя правилами человека уважаю я столько же, как и того, кто имеет испанскую твердость духа скорей согласиться дать себе отрубить руки и голову, нежели ими действовать. Рассмотрите хорошенько около себя, и вы найдете тысячу великих душ, которые располагаются проспать будущий год, половину зажмурясь и лежа, а другую половину ходя и с открытыми глазами, и подают вам пример сбывать с рук время. — Нужно ли вам знать имена их? — Исполню ваше желание. — А вы, почтенные образцы, простите, если, уступая моим восторгам, потревежу я несколько вашу скромность, дабы поощрить юношество подражать вам. И пусть слабая похвала моя

¹ Т. е. игральных карт.

послужит вам малым воздаянием, доколь небо не увенчает вас завидною наградою лежать, не переворачиваясь с боку на бок. — Повторим, любезные юноши, с благоговением их имена.

Первой встречается мне Подлон; с математическою точностию делит он утренние часы будущего года по числу прихожих, в которых проходят важную науку помрачать достоинства гибкости спины. Уже назначает он там себе самые выгодные места, где бы надежнее было ловить улыбки и благосклонные взгляды вельмож; уже, кажется, слышу я, как гибкой его язык, с беспристрастием историка, перед одним баринном пересказывает дурачества другого, а этого едет бранить к третьему. Платя богатую подать новостями, мчится он по всему городу их собирать, чтобы на завтра позабавить своего покровителя на счет чести ближнего; он держит верной список рогам, выключая только своих; чувствуя, сколь становится он необходим, жалуется, что великих его трудов не может вынести четверня, и покровитель его, умея различать дарования, обещает ему шестерню. Но когда с четырьмя только товарищами любезной наш Подлон надеялся столько подвигов, то согласитесь, почтенные слушатели, что несравненно полезнее отечеству будет он сам-семь, и более получит способов оказать свои достоинства, когда резвое щастие, награждая поворотливость его языка, прибавит ему еще двух товарищей.

Замотов подает вам другого рода образец, как убивать время. Вооружась против него, рассекает он уже мысленно будущий год на тысячу частей, чтобы разбросать их по кофейным домам, по маскарадам и по вечеринкам; собирается глядеть на все и ничего не видеть, говорить все и ничего не думать. Везде старается он поспеть. Всегда занят и никогда ничего не делает. Беспреданно хлопочет, чтобы нажить новые долги. Одним словом, вот примерной молодой человек, которой добывается мастерски триумфального въезду в полицию. Уже мысленно вижу я великолепной сей въезд; вижу, как торжественно препровождается он толпою портных, сапожников, каретников и волосочосов, которые все, подобно унылым

пленникам, следуют за ним, повесая головы и держа в руках огромные реестры знаменитых его дел. Дела сии привлекают внимание правительства, и герой наш, подобно древним атлетам, принимается на казенное содержание.

Но какой новой предмет представляется моему взору! Подборов, вооружаясь бесчисленными дюжинами карт, выступает против нового года и назначает себя к продолжению благородного ремесла метать неусыпно направо и налево. Наполняясь приятною надеждою обмануть ближнего, преодолевает он сон и голод; пренебрегая все науки, погружается он только в одну важную науку, — выметать направо все то, чего ждет налево его соперник. Сему то одному искусству посвящает он все свои дарования, и, подобно Александру, не полагая границ своим победам, в героическом восторге грозится целой свет пустить по миру.

Но до сих пор, любезные слушатели, предлагал я вам в пример особ, которые с возможною ревностию убивают время, достоящееся на их часть; теперь хочу заключить, выставя в пример неподражаемого героя, который силится убить время даже своих потемков. Таков несравненной Скукобред; он, наводняя своими сочинениями публику, хочет и несколько веков спустя быть орудием убивать время. Какой похвалы не заслуживает он, когда, просиживая насквозь ночи, занимается важным предметом усыплять даже десятое наше поколение по нисходящей линии; не покоряется усталости, и хотя часто голову его раскачивает приятная дремота, но мочная рука его никогда не перестает писать — и что всего удивительнее, Милостивые Государи, то никакая Академия не в силах различить, что он написал сквозь сон и что на яву.

Но сей пример, любезные слушатели, не с тем выставял я, чтоб возбудить в вас охоту ему подражать; довольно уже и того, если возбудит он в вас удивление. Мы уже видели, сколь вредно и опасно благородному человеку заниматься книгами. Но со всем тем, если кто из вас, Милостивые Государи, чувствует в себе геройскую смелость, никогда не

читаю, начать писать, тому не советую оставлять такой прекрасной склонности, которая производит пирамиды печатных бумаг в честь парнасским каникулам нынешнего времени.

Но сим ли одним примером можно пользоваться? Другие не менее блистательны, и более свойственны для благородного человека, которой, и не принимаясь за перо, имеет право не называться безграмотным для того, что предед его знал читать и писать. Для чего не подражать другим подлинникам, коих число столь велико, что предел речи моей не позволяет обо всех упомянуть: ибо я не намерен ни искусить терпения вашего, ни перещеголять бесконечностию те отборные предисловия, которым книги, кажется, печатают в приданое.

Теперь, Милостивые Государи, надеюсь я, что вы можете чувствовать, что есть наука убивать время; можете видеть ее необходимость и силу в большом свете. Главная уловка состоит в том, чтобы никогда не думать. Педанты скажут, что это невозможно, но вы, не вдаваясь в словесные споры, можете им доказать истину на самом деле. Правда, молодым девушкам очень пристало иногда задумываться, но думать — никогда: это ремесло прилично

только тем, низкорожденным людям которые не могут обойтись без своей головы. и которые имеют бесстыдство не различать нас с обезьянами. Но, не занимаясь трудными спорами и розысками по натуральной истории, что совсем не наше дело, встретим лучше, Милостивые Государи, как можно веселее наступивший год, подобно как храбрая армия встречает весело своего неприятеля. До сих пор часто видал я, что люди встречают новой год в таком восхищении, как молодой супруг свою новобрачную, или, как малой ребенок новую куклу, а на третий день все они скучают своими новостями, зевают и не знают, куда деваться от скуки, то есть: не знают, как убить время; но мы, любезные слушатели, получа теперь несколько подробнее идею, как сживать его с рук, мы, конечно, не будем подвергнуты опасности мучиться зевотою.

Соединим же нашу ревность, Милостивые Государи! Год уже наступил; уже это время наваливается на наши руки — но ободритесь, — остерегайтесь мыслить, остерегайтесь делать, и год сей будет служить нам оселком, над которым наука убивать время покажет новые опыты, достойные нашего преследования.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КРЫЛОВЕ

В жизни И. А. Крылова можно отметить четыре основных периода: первый период охватывает детство и отрочество, годы до переезда в Петербург. С 1782 до 1793 года продолжаются первые годы литературной деятельности. В этот период написаны первые пьесы Крылова, его сатирические журнальные статьи, почти все известные нам его прозаические произведения, некоторые ранние басни. После разгрома литературной и политической общественности, произведенного Екатериной II, с середины девяностых годов начинается третий период: на целое десятилетие Крылов отходит от литературы и то занимается карточной игрой, то состоит приживальщиком у знати. 1805 год можно считать началом последнего периода его литературной деятельности. В это время появилось большинство Крыловских басен, упрочивших его литературную славу.

Крылов не принадлежит к людям, личность которых, раз сложившись в молодые годы, в основном остается такой же и в дальнейшем. Наоборот, именно биография Крылова показывает нам, что в каждый из этих периодов личность его радикально ломается, что его общественное положение непрерывно меняется, что, наконец, изменение его общественно-политических взглядов идет по самым неожиданным прихотливым путям. Большую ошибку допустит тот читатель, в представлении которого личность Крылова будет единой на протяжении всей многолетней жизни поэта. Именно поэтому неверны обобщения образа Крылова типа высказываний Ю. П. Айхенвальда: «Живая пословица русской литературы, Крылов не имеет никакого а priori. Не свои требования, идеалы и запросы

противопоставил он жизни, а себя приладил к ней, пошел не мудрствуя по ее стопам и в результате явился перед нами как ее внимательный и послушный внучек. Он говорит исключительно о том, что бесспорно, по крайней мере — в житейском смысле, но бесспорна и пошлость, бесспорно все слишком общее, не индивидуализованное, все чуждое оттенков» (Силуэты русских писателей, М. 1906, т. I, стр. 7).

Именно это утверждение Айхенвальда характерно для многочисленных работ о Крылове, пытающихся свести «к одному знаменателю» всю многообразную литературную деятельность писателя. В каждый из указанных выше периодов своей жизни Крылов является нам с новой, подчас совершенно неожиданной стороны. В самом деле, кем только не был Крылов? Чиновником, литератором, журналистом, владельцем типографии, карточным игроком, библиотекарем, — пожалуй, всего и не перечислить. Однако за кажущимся многообразием можно найти некоторые типические черты: в каждый из указанных выше периодов одна основная черта определяла место Крылова в современной ему действительности. Во второй период своей жизни Крылов близок к передовой общественной мысли эпохи, в третий период — он деклассируется и отказывается от взглядов своей молодости, в четвертый — он один из верных приверженцев реакции и самодержавия.

Во вступительной статье обрисовано общественное и литературное значение деятельности Крылова. Здесь же мы ограничимся беглым перечислением наиболее значительных фактов его биографии, так как подробно осветить все события

жизни Крылова в этой статье, за недостатком места, не представляется возможным.

Полной биографии Крылова нет до нашего времени. Следует надеяться, что этот пробел будет восполнен в ближайшие годы.

Крылов родился 2 февраля 1768 года в Москве. Отец его, бедный армейский офицер, начавший военную службу рядовым драгунского пехотного полка, находился в войсках, действовавших против Пугачева и в чине капитана принимал участие в защите Яицкого городка. По свидетельству Пушкина (История Пугачевского бунта) Пугачев «клялся повесить не только Крылова, но и все семейство последнего, находящееся в то время в Оренбурге. Так же образом обречен был смерти и 4-х летний ребенок, впоследствии славный Крылов».

Вскоре после окончания Пугачевской кампании семья Крылова переехала в Тверь. Отец баснописца служил в Твери председателем Тверского губернского магистрата.

Крылов в детстве не получил систематического образования. Первые его занятия происходили не в учебном заведении и не под систематическим руководством специально для него нанятого учителя, а в семействе Н. П. Львова, дяди П. А. Львова, одного из участников Державинского кружка, где, по утверждению Л. банова, Крылов получил «первое начало некоторых наук и языков». В 1781 году, после смерти отца, Крылов был принужден поступить на службу. Он служил сначала подканцеляристом в Калязинском уездном суде, а потом, до отъезда в Петербург в 1782 г., в Тверском губернском магистрате.

После смерти отца, семья жила в тяжелой нужде, и сохранилось предание о том, что мать Крылова добывала себе пропитание, читая каноны по богатым купеческим и дворянским семействам. Возможно, что эти занятия дали возможность матери Крылова завести некоторые знакомства, впоследствии полезные ее сыну.

1782 год можно считать началом второго периода жизни Крылова. В этом году он переехал в Петербург, вместе со

своей семьей, и, примерно, к этому же времени относятся его первые шаги на литературном поприще. Первое время Крылов находился в отпуску из Тверского магистрата, потом, когда срок отпуска истек, магистрат стал разыскивать Крылова. Ему угрожали большие неприятности, но в результате многочисленных хлопот Крылову удалось остаться в Петербурге и поступить на службу в Казенную Палату. В. В. Каллаш полагает, что быстрое произведение Крылова на новой службе в чин провинциального секретаря было верным знаком чьего-то сильного покровительства. В 1786 году Крылову было положено жалование по тому времени немалое — в сумме 90 руб. К этому же времени относятся и первые литературные труды Крылова. Он знакомится с известным актером того времени Дмитриевским, делается известен Соимонову, заведывавшему театрами и Горной Экспедицией, и в 1787 году переходит к нему на службу в Горную Экспедицию. Однако, вскоре происходит недоразумение с начальством, и ему приходится уйти со службы.

После отставки Крылова начинает привлекать журнальная деятельность. Он принимает довольно близкое участие в журнале Ф. Туманского «Лекарство от скуки и забот», в 1787 г., и в журнале И. Рахманинова «Утренние часы». В 1787 году Крылов издает свой первый собственный журнал «Почта Духов» — один из примечательнейших сатирических журналов эпохи.

«Почта духов», однако, не имела большого успеха среди читателей, она не достигла до конца года. Журнал был пущен в продажу по пониженной цене, причем подписчиков на него было не больше 60 человек.

Для исследователя до сих пор еще является необъяснимым и даже загадочным то обстоятельство, что двадцатилетний писатель, лишенный систематического образования и не получивший достаточного политического воспитания, так быстро смог примкнуть к обличительному движению в литературе своего времени и занять в нем одно из наиболее видных и исторически значительных мест.

Один из ранних биографов Крылова,

М. Е. Лобанов, в своих воспоминаниях, рисуя Крылова таким, каким он был уже в дни старости, с большой любовью рассказывает о тех фактах, которые рисуют баснописца верно поданным самодержавного императора, человеком, лишенным собственного мнения в серьезных вещах, боящегося элементарных разговоров на общественные темы.

«На одном литературном обеде, на который был зван Иван Андреевич и который начался залпом эпиграмм некоторых людей против некоторых лиц, Иван Андреевич, не кончивши супу, исчез. Я взглянул — место пусто. Обращаюсь глазами к хозяину дома — и его место пусто. Спрашиваю хозяйку, она отвечает: ему сделалось дурно, он вышел вон. Пришедший между тем хозяин повторил то же самое, прибавив, что Иван Андреевич, посидевши на крыльце, сказал: — «Нет, что-то нездоровится: Я уж лучше побреду домой». И ушел. После его ухода, резвые выходки прекратились, обед продолжался мирно, и вечер прошел приятно. Я тотчас понял моего соседа и на другой день зашел к нему. «Вчера Вам сделалось дурно, Иван Андреевич?» «Да, так, что-то стошнилось». «И — полноте, Иван Андреевич, я разгадал Вашу тошноту. Вам опротивели неприличные разговоры за столом, но ведь кто же Вас не знает? К чистому не пристанет нечистое». «Нет», — сказал Иван Андреевич, — «все-таки лучше быть подальше от зла. Ведь могут подумать: он там был, стало быть, делит их образ мыслей».¹

Если этот поступок был характерен для Крылова в старости, то он ни в коем случае не был характерен для молодого Крылова, Крылова — издателя «Почты Духов», участника обличительного движения, одного из сотрудников Радищева, друга вольтеррианца Рахманинова.

В самом деле, опубликованные письма Крылова к Соимонову, к Княжину, показывают в высшей степени смелый и независимый характер писателя в дни его молодости.

После неуспеха «Почты Духов», Крылов принял участие в издании журнала

«Зритель» (1792). Журнал этот издавался в типографии «Крылова с товарищи». Однако, над предприятием Крылова, над его издательской и журнальной деятельностью сгустились тучи. Крылов пострадал от общей перемены в политике Екатерины II, характерной для того времени, когда не только первые раскаты революционной грозы, но и декреты Конвента уже дошли до столицы Российской империи.

История, вызвавшая закрытие типографии Крылова и прекращение на долгое время его литературной деятельности, до сих пор еще не выяснена. Сам Крылов когда-то говорил Быстрову: «Ах мой милый, со мной был случай, о котором теперь смшно говорить, но тогда я скорбел и не раз плакал, как дитя. Журналу не повезло — полиция и еще одно обстоятельство. Да кто не был молод и не делал на своем веку проказ?» Судя по ряду материалов, можно, однако, установить, что Крылову грозили неприятности в связи с тем переполохом, который вызвало в придворных сферах появление книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Во всяком случае, ряд деятелей обличительной литературы сурово был наказан в эти годы.

Третий период жизни Крылова — наиболее мрачный и наименее исследованный биографами. Изменение общественных условий влияет решающим образом на судьбу молодого писателя. Он отказался от занятий театром и литературой, и пошел по другому, совершенно неожиданному пути. Вот, что рассказывает об этом Греч (Сев. Пчела, 1857, № 147):

«После 1794 года и театр и литература, не удовлетворяя ожиданий и не награждая трудов Крылова, ему наскучили». «Душа его, скучая бездействием, требовала ощущений — он сделался игроком! Человек, имя которого произносится всей Россией с уважением и любовью, которому благодарное отечество, по справедливости, воздвигло монумент, был несколько лет записным картежником. Игроком можно разделить на три категории. Первая: шулеры, отъявленные мошенники. Вторая — игроки коммерческие, т. е. люди с характером твердым, с необходимым хладнокровием и терпеливостью,

М. Лобанов, Жизнь и сочинения Крылова, Пб. 1847, стр. 62.

с быстрым соображением и верным расчетом на основании теории и вероятностей. В числе их есть люди с большим умом, с честными правилами, но, разумеется, не с самым нежным сердцем — люди коммерческие! Третий разряд составляют поэты игры, предающиеся ей безотчетно и страстно, помышляющие о выигрыше не для приобретения денег. Крылов принадлежал ко второму разряду. Он вошел в связь с банкометами, игравшими в больших городах и разъезжавшими по ярмаркам. Впоследствии рассказывал он очень хладнокровно и откровенно, какое бывало мучение метать банк на ярмарке, сидеть неподвижно на одном месте, с колодой карт в руках, несколько часов сряду, иногда далеко за полночь, в ожидании, что подойдет какой-нибудь понтер: сон клонит, глаза смыкаются, а мечи без усталости. Крылов нажил себе этим ремеслом значительный капитал, о потом, как-то ошибкою, зашел в третий разряд карточных дел и спустил все до копейки.

Увлечение игрою в карты не оставляло Крылова и впоследствии, даже в те годы, когда он снова вернулся к литературной деятельности. По некоторым источникам можно судить, что, будучи игроком, Крылов одно время сохранял еще некоторые черты независимого характера своей молодости, но под влиянием приживальства, прихлебательства у знати, моральных унижений, связанных с его новой профессией, личности Крылова и в этом отношении не суждено было по настоящему сформироваться.

Об образе жизни, который вел Крылов, как приживальщик, в семействе своего покровителя, князя Голицына, сохранилось любопытное свидетельство Ф. Ф. Вигеля.

«Неимуший, беспечный юноша Крылов даже не имел собственного угла и всегда гостил у кого-нибудь. Таким образом, попал он к князю С. Б. Голицыну и жил у него уже 2 года до нашей встречи. Он сопутствовал ему в Англию в звании частного секретаря, надеясь за границей получить новые впечатления, приобрести новые познания, но неблагоприятный оборот, который взяли дела его патрона, заставили его с ним вместе укрыться в деревне.

В тучном теле его обращалась кровь не столь медленно, как ныне; в нем было больше живости, даже больше воображения, но уже тогда был он замечателен неопрятностью, леностью и обжорством. (В этом необыкновенном человеке были положены зародыши всех талантов, всех искусств. Природа сказала ему: выбирай любое, — и он начал пользоваться ее богатыми дарами, сделался поэт, хороший музыкант, математик. Скоро тяжестью тела как бы прикованный к земле и самым низменным ее удовольствиям, его ум стал ниже и ниже парить.

Однако, ему дано не было: душевного жара, священного огня, коим согрелась бы, растопилась бы сия масса, поглотившая у нас столь много наслаждений. Мы дивимся, мы восхищаемся тем, что ускользнуло от могущества плоти, что бы мы увидели, если бы она могла быть побеждена».

В характеристике Крылова, сделанной Вигелем и относящейся к тому периоду жизни будущего баснописца, когда он, после неудач в литературе и журналистике, низко опустился общественно, есть верное указание на то, что многое в Крылове не развернулось до конца, что многие задатки этого исключительно гениального человека так и остались незавершенными. Но почему не «расстроилась», не «согрелась сия масса», нам теперь очевидно: решающую роль сыграли здесь не те анекдотические черты характера баснописца, которые известны по хрестоматиям, а причины более глубокого характера.

Теперь нам ясно, какие причины содействовали этому. Теперь очевидны те общественные настроения, которые определили постепенный отход Крылова с тех путей, по которым он шел в годы своей молодости.

Начало XIX столетия Крылов встретил уже немолодым тридцати двух летним человеком, много пережившим, много пережившим и перечувствовавшим и, несомненно, недовольным жизнью, но тем не менее пытающимся с ней примириться, так как духа того смелого и резкого протеста, который был вложен в сердца других людей его поколения, у Крылова не было.

В 1805 году в Москве возобновляется литературная деятельность Крылова.

Комедии и басни его пользуются большим успехом и быстро доставляют ему известность среди широких читательских кругов. В 1812 году Крылов поступает на службу в Публичную библиотеку, где и служит до отставки в 1841 году. Личность Крылова еще раз радикально ломается. Это уже не страстный юноша — обличитель восьмидесятих годов; это уже не карточный игрок московских притонов девяностых годов. Это — средний питерский чиновник — толстый, ленивый, прожорливый, постоянный посетитель английского клуба, реакционно настроенный и больше всего стыдящийся своего общественного прошлого. Недаром современники отмечали, что он не любил вспоминать годы своей молодости. Может быть, великий старик чувствовал все непоправимые ошибки своей жизни, и понимал, что его личная судьба должна была сложиться иначе? Но даже в том случае, если он стыдился передовых стремлений своей молодости, он все же не мог не чувствовать, что Крылов — издатель «Почты Духов», сотрудник Радищева и «Дедушка Крылов», реакционными воззрениями которого возмущался даже Гнедич, — по существу разные люди.

Крылов пережил почти всех людей своего поколения, его литературная слава началась уже не в молодые годы, может быть, поэтому, о нем сохранилось так мало биографических сведений, по сравнению с другими русскими писателями. Недаром В. В. Коляш, начиная статью о Крылове, писал: ¹ «Мы очень мало знаем о жизни и личности Крылова, немного больше, чем Батюшков, который в 1809 году восклицал: «Этот человек — загадка и великая!», и Пушкин, который в 1825 году писал: «мы не знаем, что такое Крылов, — Крылов, который столь же выше Лафонтена, сколь Державин выше Ж. Ж. Руссо».

Последние годы своей жизни Крылов жил среди людей гораздо более молодого поколения, далеких от него и по кругу своих интересов и по своим социально-политическим устремлениям.

«Не я один, а, конечно, многие заплакали», — писал Лобанов, получив приглашение на похороны Крылова. Между тем, в воспоминаниях Григоровича есть прекрасный эпизод, показывающий, что представители более молодого поколения иначе относились к смерти Крылова: для этих людей имя Крылова становилось историей уже при жизни баснописца.

«Однажды утром», — пишет Григорович, — «зимой раздался сильный стук в мою дверь. Открыв ее, я увидел Некрасова с толстой книжкой в руках. «Григорович», сказал он сразу же, входя в комнату, «вчера умер наш знаменитый баснописец Крылов. Я принес Вам сочинения Бантыш-Каменского, — это материалы для биографии Крылова. Садитесь и пишите его биографию, не теряя ни минуты. Я уже раньше, чем быть у Вас, заехал в литографию и заказал его портрет».

Брошюра, написанная Григоровичем с такой успешностью, по свидетельству столь знающего человека, как Быстров, была написана недобросовестно. «Это — не что иное», — утверждает Быстров, — «как переработка статей Шлетнева и Бантыш-Каменского, с незначительными дополнениями, которые вовсе не идут к делу и состоят в некотором обращении к деталям с некоторыми преувеличенными выводами и сентенциями. Господин издатель этой брошюры знает, вероятно, «Триумф» только по извлечению, сделанному из этой пьесы Бантыш-Каменским».

Память Крылова долго жила в английском клубе, где, по свидетельству М. Е. Лобанова, долго оставалось незакрашенным пятно на стене, сделанное головой Крылова, покоившейся после сытного обеда, но постепенно и там начали забывать о нем.

Теперь, когда жизненный путь Крылова был завершен, анекдотические черты его характера все более и более делались известными читающей публике, отбрасывая все те свойства его ранних лет, о которых некоторое представление дается в настоящей заметке. С одной стороны о нем жило воспоминание восторженное, патетическое, воспоминание, подобное тому, которое открывает книгу Лобанова:

¹ Крылов, П. С. С. Т. 1, стр. XIX.

«Недавно еще жил посреди нас муж высоких достоинств, осанистой наружности, которого белые волосы хотя и напоминали о многих годах, им прожитых, но которого сила, крепость и дородство, казалось, предвещали ему исключительное долголетие. Для смерти нет сильных: мы видим уже его могилу. — Мир праху твоему, знаменитый Россиянин! Тебя нет, но память твоя сделалась славным наследием твоего отечества. С Ломоносовым, Державиным, Карамзиным ты перейдешь в позднейшее потомство, и имя твое вседневно будет твердиться тысячами юных, едва лепечущих уст, до тех пор, пока будет в вселенной существовать язык русский»¹.

С другой стороны — вокруг личности Крылова собирались анекдоты, характеризующие его рассеянность, обжорство, неопрятность. Вот один из них, приводимый тем же Лобановым:

«Лет за 25 пред сим приглашенный графом В. В. Пушкиным на макароны, т. е. на роскошный обед с блюдом макарон, отлично изготовленных каким-то знатным итальянцем, Иван Андреевич опоздал. — Семеро одного не ждут, — сказал граф, и сел за стол. Когда уже оканчивали третье блюдо — это были знаменитые макароны — наш Иван Андреевич шасть в двери. — А! Виноват! — сказал весело граф: так вот вам и наказание. Он наклал горюю глубокую тарелку макарон, так, что они уже ползли с вершины, и отдал виновному. Он с честью вынес это наказание. Ну, сказал граф,

это не в счет, теперь начшайте обед с супу, по порядку; и третьим блюдом Ивана Андреевича опять была такая же гора макарон, потом обед продолжался своим порядком. При конце ширования, сидя подле Ивана Андреевича, я сказал ему несколько слов о его желудке. — Да что ему делается, отвечал он смеясь: я, пожалуй, хоть теперь же готов еще провиниться (ib. стр. 62).

Так постепенно развивался канонический образ Крылова. Анекдотическое представление о «дедушке» Крылове заставляло другие черты его характера, смазывало лучшие страницы его биографии. Теперь настало время для более углубленного изучения личности Крылова. Если мы поймем, как влияло на личность Крылова изменение социально-политической обстановки, если мы установим, какими путями шло развитие людей его поколения, мы, несомненно, многое поймем и в истории русской литературы. Во вводной статье дается некоторая пометка нового взгляда на значение Крылова в развитии русской литературы, но следует надеяться, что вопросы, связанные с именем Крылова, — только намеченные во вводной статье, — будут более основательно исследованы марксистами литературоведами. Следует надеяться также, что повышение интереса к литературной судьбе Крылова повысит также интерес и к его биографии, в которой пока еще так много пробелов, неясностей и досадных пропусков.

¹ Жизнь и сочинения И. Крылова, Спб. 1847. стр. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПРИМЕЧАНИЯ К ДЕВЯТИ КНИГАМ БАСЕН

Окончательно установленным текстом басен Крылова следует считать однотоминое издание «Басен И. А. Крылова в девяти книгах. СПб. 1843», подготовленное самим автором, но вышедшее в свет фактически после его смерти, с особым добавленным титулом: «Приношение на память об Иване Андреевиче. По его желанию. Басни П. А. Крылова. Санктпетербург. 1844. 9-го Ноября 3/4 8-го, утром» (дата смерти).¹ Это последнее приближенное издание и взято за образец для настоящего переиздания, в котором, при новой орфографии, сохранены, согласно с изд. 1843 г., особенности произношения и образования форм, сохранены разметки ударений на словах в необходимых случаях, графический рисунок басен, сохранена и пунктуация издания 1843 г., в которой должно заметить большую интонационную роль, необычайно важную для данной поэтической формы. Издание басен Крылова, выполненное В. В. Каллашем в IV-м томе Полного собрания сочинений Крылова, 1904—1906 г. (повторенного Наркомпросом по старым матрицам, в 1918 г.), также являлось переизданием текстов басен 1843 г., но редактор допустил значительные перемены в пунктуации. Заведомые опечатки и типографские пропуски необходимых стихов, исправленные В. В. Каллашем, поправлены и в настоящем издании, для которого приняты во внимание: обстоятельная рецензия Л. К. Ильинского на издание В. В. Каллаша (в «Иzv. Отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наук», т. XII, 1907, кн. I, с. 421—453), три статьи В. В. Каллаша, появившиеся после издания Полн. собр. соч. Крылова 1904—1906 г.: «Заметки об И. А. Крылове» (в «Иzv. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук», т. X, 1905, кн. 4, с. 294—302); «О хронологии басен Крылова» (там же, т. XII, 1907, кн. I, с. 205—218); «К литературной истории басен П. А. Крылова»

(там же, т. XIII, 1908, кн. 3, с. 303—313), а также статья Л. К. Ильинского: «Автографы басен Крылова в Пушкинском Доме» (в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.» П. 1923, с. 97—112). Большой знаток текстов сочинений Крылова, Л. К. Ильинский, насколько нам известно, подготовил в свое время к печати для «Академической Библиотеки Русских писателей», временно прекратившейся изданием, IV-й том (Басни) сочинений Крылова. В названном академическом издании, если ему суждено будет осуществиться, будет дан, без сомнения, полный свод вариантов к текстам басен, по печатным и рукописным источникам. Редактор издания 1904—1906 г. в большой, но не полной, степени использовал эти источники в своих комментариях.

В настоящих же кратких примечаниях, основанных по преимуществу на комментариях В. В. Каллаша, даны лишь по возможности исчерпывающие библиографические указания на те и другие источники для историко-литературного комментария и истории текста и допущены лишь указания на варианты (автором не зачеркнутые), вовсе опущенные в примечаниях В. В. Каллаша, а также особо важные ссылки на автографы Крылова, объясняющие и подкрепляющие текст последнего приближенного издания басен, 1843 г.

КНИГА I.

1. *Ворона и Лисица*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 16). Образцом послужила басня Лафонтена «Le Corbeau et le Renard», в свою очередь заимствованная из басен Эзопа и Федра. В обработке этого сюжета Крылов имел предшественников: Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова и анонимного. См. П. С. С.,² IV, с. 358; Каллаш. К лит. ист., с. 304.³

2. *Дуб и Трость*. 1805 г. Впервые напеч. в «Московском Зрителе» (1806 г., I, с. 73—75).

¹ Обозначает: «Полное собрание сочинений И. А. Крылова, под ред. и с примеч. В. В. Каллаша, в 4 томах, 1904—1906 гг. (либо повторение этого же издания в 1918 г.).

² Обозначает статью В. В. Каллаша: «К литературной истории басен П. А. Крылова» (в «Иzv. отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наук», т. XIII, 1908 г., кн. 3).

¹ Б. В. Томашевский в своих очерках текстологии — «Писатель и книга» («Прибой», 1928), в главе «Проблема издания» (стр. 163) останавливается на «универсально применяемом принципе выбора редакции — принципе последнего авторского текста». «Последние переделки автора», пишет Б. В. Томашевский: «наиболее точно передают художественное задание проповедения». Находя указанный принцип механистичным, Томашевский все же свидетельствует, что он «вообще дает правильный результат».

Подзажанье басни Лафонтена «Le chène et le roseau». До Крылова эту басню переводили: Сумароков, Княжнин, Николов и Дмитриев. Рукописи — в Ак. Наук (III).¹ См. П. С. С., IV, с. 358—359; Каллаш. К лит. ист., с. 304—305;

3. *Музыканты*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 128). См. П. С. С., IV, с. 360; Каллаш. К лит. ист., с. 305; Каллаш. О хронологии, с. 216.²

4. *Ворона и Курица*. Впервые напеч., под заглавием «Ворона», в «Сыне Отечества» (1812 г., II, № 8, с. 87); написана по поводу там же помещенных — карикатуры Терещенева — «Французский вороний суп» и на эту же тему написанной статьи. См. П. С. С., IV, с. 360.

5. *Ларчик*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., VI, с. 56). См. П. С. С., IV, с. 360; Каллаш. К лит. ист., с. 305.

6. *Лягушка и Вол*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 24). Перевод басни Лафонтена «La grenouille qui veut se faire aussi grosse que le bœuf». До Крылова ее перевели: Сумароков и два анонимных писателя. См. П. С. С., IV, с. 360—361.

7. *Разборчивая невеста*. 1805 г. Впервые напеч. в «Московском Зрителе» (1806 г., I, с. 75—78). Перевод басни Лафонтена «La fille». До Крылова ее перевели: гр. Д. И. Хвостов и анонимный писатель. См. П. С. С., IV, с. 361; Каллаш. К лит. ист., с. 306.

8. *Парнас*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 135—136). Автор осмивает в этой басне Российскую Академию, имевшую в своем составе нескольких бездарных метроманов, в роде гр. Д. И. Хвостова. См. П. С. С., IV, с. 361—362; Каллаш. О хронологии, с. 216; Каллаш. К лит. ист., с. 307.

9. *Оракул*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 183—184). См. П. С. С., IV, с. 362—363.

10. *Василек*. 1823 г. («Павловск. Июля 15 дня»). Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1823 г., ч. 86, с. 2 6—223) и перепеч. в «Полярной Звезде» (1824 г., с. 30—31). Сочинена под влиянием чувства благодарности к имп. Марии Федоровне, приютившей больного в Павловске во время его болезни в 1823 г. Рукописи: 1) в б. Румянцовском Музее (Ленинская Публ. Библ.) — в собр. автогр. И. Е. Беккого; 2) в Пушкинском Доме (9668. LVIII б. 8). См. П. С. С., IV, с. 363; Каллаш. К лит. ист., с. 312—313.

11. *Роца и Огонь*. 1809 г. Впервые напеч. в изд. басен 1809 г. (с. 34—35). См. П. С. С., IV, с. 363—364; Каллаш. К лит. ист., с. 307.

12. *Чиж и Еж*. До 1814 г.³ Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1815 г., XVII, с. 100). Рукописи: 1) в

Публ. Библ. в Ленинграде — три автографы (№ 16; вместе с басней «Коль и Всадники» и в тетради 12. V. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, л. 66). См. П. С. С., IV, с. 364—365; Каллаш. О хронологии, с. 217; Ильинский. Ред.,⁴ с. 44.

13. *Волк и Ягненок*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 199—200). Подражание басни Лафонтена «Le Loup et l'agneau». До Крылова ее перевели: Треднаковский и Сумароков. См. П. С. С., IV, с. 365; Каллаш. О хронологии, с. 216; Каллаш. К лит. ист., с. 306.

14. *Обезьяны*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 103—104). Сюжет мог быть заимствован у Эзопа, или из рассказов, напечатанных Н. И. Новиковым в «Детском чтении». См. П. С. С., IV, с. 365—366; Каллаш. О хронологии, с. 216.

15. *Синица*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1811 г., IV, с. 102—103). Ср. народную посылку: «Синица за море залетела и море зажигать хотела; синица много на шумела, да не было из шума дела» (в сборнике Снегирева), или: «Ходила синица море зажигать, море не зажгла, а славы много наделала» (в «Копельке» Новикова). Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 9—10). См. П. С. С., IV, с. 366.

16. *Осел*. 1815 г. Впервые напеч. в изд. 1815 г. (ч. III, с. 5). Мораль в первоначальной редакции читалась так:

Смысл этой басни мы найдем,
Когда подумаем немножко,
Не лучше ль маленькой прожить на свете
мошкой
Чем добиваться быть большим ослом.

См. П. С. С., IV, с. 366—367; Ильинский. Ред., с. 446.

17. *Мартышка и Очки*. 1815 г. Впервые напеч. там же (с. 11); перепечатывалась без перемен.⁵ Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 10—11). В первый стих мы внесли поправку: «Мартышка к старости...» (вместо: «в старости», как в изд. Каллаша), по изд. 1843 г. и по автографу. Последний стих: «Так он ее» (в изд. Каллаша — «То он ее...») исправлен согласно с изд. 1843 г. См. П. С. С., IV, с. 367.

18. *Два Голубя*. 1809 г. Впервые напеч. в изд. 1809 г. (с. 6—10). Перевод басни Лафонтена «Les deux pigeons». Эту же басню до Крылова перевели: Сумароков, гр. Хвостов и Дмитриев. См. П. С. С., IV, с. 367; Каллаш. К лит. ист., с. 305.

19. *Червонец*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1812 г., V, с. 55—56). Черновая рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 39—40). См. П. С. С., IV, с. 367—368.

⁴ Обозначает рецензию Л. К. Ильинского на изд. (т-ва «Просвещение»). Полн. собр. соч. Крылова, под ред. В. В. Каллаша. Т. I—IV. Спб. 1904—1905 г. (в «Изв. ОРЯС», т. XII 1907, г. с. 421—453).

⁵ В тех случаях, где такого примечания нет, значит, что варианты печатные имеют я и приведены в примечаниях В. В. Каллаша.

¹ Обозначает: Рукописное Отделение Библиотеки Академии Наук СССР. Палка с автографами басен Крылова, обложка III.

² Обозначает статью В. В. Каллаша: «О хронологии басен Крылова» (в «Изв. отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наук» т. XII, 1907 г., кн. I).

³ Не ранее 1807 г.

20. *Троюженец*. 1814 г. Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1814 г., XV, с. 23—24). По свидетельству Н. И. Греча, реальной основой для басни послужило бракоразводное дело Е. Б. Фукса (писателя-историка, р. 1762 г., ум. 1829 г.). См. П. С. С., IV, с. 368.

21. *Безбожники*. 1813 или 1814 г. Впервые напеч. в изд. 1815 г. (ч. III, с. 9—10) и перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — четыре автографа (№ 3, № 13, № 22 и в тетради 11. I. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 1—2, под заглавием: «Безбожники»); 3) по неизвестной рукописи варианты приведены в «Библиографических Записках» (1859 г., с. 86—87). В рукописи Публ. Библ. (№ 13) первоначальная редакция (зачеркнутое) нравоучения была такова:

О вы,
Которым бог вручил о царствах попеченье:
Любите мудрости ученье,
Оно людей к добру ведет,
Но бойтесь, если в них неверие гнездится;
— Иль придет час, оно, как туча,
разродится,
Присягу, и родство, и дружбу разорвет,
И камешным дождем на царство упадет.

Замыслу басни послужил, повидимому, аптичный миф о битве Титанов — сынов земли — с олимпийскими богами. В. В. Каллаш высказал предположение, что под «безбожниками» Крылов подразумевал французов 1812 г. См. П. С. С., IV, с. 368—369; Каллаш. О хронологии, с. 217; Ильинский. Рец., с. 440.

22. *Орел и Куры*. 1808 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., II, с. 150—151). См. П. С. С., IV, с. 369; Каллаш. К лит. ист., с. 308.

КНИГА II.

1. *Лягушки, просящие Царя*. 1809 г. Впервые напеч. в изд. 1809 г. (с. 36—39). Образцом послужила басня Лафонтена «Les grenouilles qui demandent un roi». До Крылова ее перевел В. И. Майков. См. П. С. С., IV, с. 369—370; Каллаш. К лит. ист., с. 308.

2. *Лев и Барс*. 1815 г. Впервые напеч. в изд. 1815 г. (с. 13—14). См. П. С. С., IV, с. 370.

3. *Вельможа и Философ*. 1814 или 1815 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1815 г., XVI, с. 56). Рукопись — в Ак. Наук (I, л. 3). По предположению Я. К. Грота, Крылов отвечал эту басню на пасквиль гр. Хвостова. См. П. С. С., IV, с. 370; Каллаш. О хронологии, с. 217.

4. *Мор зверей*. 1809 г. Впервые напеч. в изд. 1809 г. (с. 13—14). Переделка басни Лафонтена «Les animaux malades de la peste», которую перевели также: Леонтьев (1766 г.) Кляжниц, кн. Д. П. Горчаков (1806 г.) и гр. Хвостов. См. П. С. С., IV, с. 370—371; Ильинский. Рец., с. 444; Каллаш. К лит. ист., с. 305.

5. *Собачья дружба*. 1815 г. Впервые напеч. в изд. 1815 г. (ч. III, с. 17—18) и перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (автограф № 4, под заглавием «Дружество»; в этой рукописи, между прочим,

вместо Полкана — Кудлан); 2) в Ак. Наук (I, лл. 6—8). По предположению В. Ф. Кеневича, поводом к сочинению басни могло послужить известие о союзе с Англией и Францией против России прежде дружественной ей Австрии, в январе 1815 г. См. П. С. С., IV, с. 371—372; Ильинский. Рец., с. 447.

6. *Раздел*. 1812 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1813 г., VIII, с. 69). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (с водяным знаком 1806 г., что позволяет предположить более ранний замысел басни, чем в 1812 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 15—16). В. Ф. Кеневич предполагает, что басня направлена против разногласий во время войны с Наполеоном. См. П. С. С., IV, с. 372; Ильинский. Рец., с. 447.

7. *Бочка*. 1814 или 1815 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1815 г., XVI, с. 55). См. П. С. С., IV, с. 372—373.

8. *Волк на царне*. 1812 г. Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1812 г., I, № 2, с. 81—82). Рукописи — в Публ. Библ. в Ленингр. — два автографа (№ 5 и № 11). В басне выведены Наполеон и Кутузов. См. П. С. С., IV, с. 373—374; Ильинский. Рец., с. 441.

9. *Ручей*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1812 г., V, с. 59—60). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (автограф № 18); в Ак. Наук (I, лл. 19—21). По свидетельству М. Е. Лобанова, Крылов «по какой-то особенной причине преимущественно любил» эту басню. См. П. С. С., IV, с. 374—375; Ильинский. Рец., с. 447.

10. *Лисица и Сурок*. 1813 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1813 г., XI, с. 97—98). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 11. I. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 25—26). См. П. С. С., IV, с. 375; Ильинский. Рец., с. 444.

11. *Прохожие и Собаки*. 1813 г. (?) Впервые напеч. в изд. 1815 г. (ч. III, с. 20). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — два автографа (в тетради 11. I. 1814 г. и в тетради 12. V. 1814 г. под заглавием: «Собаки и Прохожие»); 2) в Ак. Наук (I, л. 8, под заглавием: «Прохожие»). См. П. С. С., IV, с. 375; Каллаш. О хронологии, с. 217.

12. *Стрекоза и Муравей*. 1808 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., II, с. 61); перепечатывалась без перемен. Черновая рукопись — в Пушкинском Доме. Перевод басни Лафонтена «La Cigale et la Fourmi». До Крылова ее перевели: Сумароков и Хемницер. См. П. С. С., IV, с. 375—376.

13. *Лжец*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова». (1812 г., V, с. 61—63). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 11. I. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 16—19). Тему Лжеца находим в баснях: Геллерта, Эмбера, Сумарокова, Хемницера и Левшина. См. П. С. С., IV, с. 376; Ильинский. Рец., с. 444.

14. *Орел и Пчела*. 1813 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1813 г., XIII, с. 91—92); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр.

(в тетради 11. I. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 23—24). Ср. с басней Неведомского «Орел и ичела» («Басни и сказки» СПб. 1812, с. 33—34). См. П. С. С., IV, с. 376; Ильинский. Рец., с. 446.

15. *Заяц на ловле*. 1813 г. Впервые напеч. там же (с. 54—55); перепечатывалась без перемен. Рукопись — в Ак. Наук (I, л. 22) См. П. С. С., IV, с. 377.

16. *Щука и Кот*. 1813 г. Впервые напеч. там же (с. 92—93). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. («Fable le Chat et le Brochet de Крылов écrite par lui même l'an 1813», под заглавием «Кот и Щука»). Направлена на адмирала Чичагова, не сумевшего захватить Наполеона при бегстве его через Березину. См. П. С. С., IV, с. 377; Ильинский. Рец., с. 448.

17. *Волк и Кукушка*. 1813 г. Впервые напеч. там же (с. 153—154). Рукопись — в Ак. Наук. (I, лл. 30—32). См. П. С. С., IV, с. 377.

18. *Петух и Жемчужное зерно*. 1809 г. Впервые напеч. в изд. 1809 г. (с. 18). Перевод басни Лафонтена: «Le coq et la perle». До Крылова ее перевели: Тредиаковский, Сумароков, Бенитский, гр. Хвостов и анонимный писатель. См. П. С. С., IV, с. 377—378.

19. *Крестьянин и Работник*. 1815 г. Впервые напеч. в изд. 1815 г. (ч. III с. 37). Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 26—28, под заглавием: «Старик и Работник»). См. П. С. С., IV, с. 378.

20. *Обоз*. 1812 г. Впервые напеч. в «Сине Отечества» (1812 г., II, № 7, с. 46—47). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (из бумаг А. Н. Оленина, копия с авторскими поправками); 2) в Ак. Наук (I, лл. 28—30). Басня написана в защиту Кутузова, медлившего с решительным боем с Наполеоном. См. П. С. С., IV, с. 378; Ильинский. Рец., с. 445.

21. *Вороненок*. 1811 г. Впервые напеч. в изд. «Новых басен» 1811 г. (с. 5—6). Перевод басни Лафонтена «Le Corbeau voulant imiter l'Aigle», которую перевели также: Сумароков, анонимный писатель (1755 г.), гр. Хвостов, А. Соболев (1815 г.). См. П. С. С., IV, с. 379; Каллаш. К лит. ист., с. 310.

22. *Слон на воеводстве*. 1808 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., IV, с. 7—8). См. П. С. С., IV, с. 379; Каллаш. К лит. ист., с. 311.

23. *Осел и Соловей*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1811 г., I, с. 55—56). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.; неразобранное В. В. Каллашом слово в стихе 21-м следует читать: потом.) См. П. С. С., IV, с. 379—380; Ильинский. Рец., с. 446; Каллаш. К лит. ист., с. 312.

КНИГА III.

1. *Откупщик и Сапожник*. 1811 г. Впервые напеч. в изд. «Новых басен» 1811 г. (с. 1—4). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.). Перевод басни Лафонтена «Le Savetier et le Financier». До Крылова ее перевели Сумароков, анонимный писатель (1788 г.) и гр. Хвостов. См. П. С. С., IV, с. 380; Каллаш. К лит. ист., с. 310.

2. *Крестьянин в беде*. 1811 г. Впервые напеч. там же (с. 15—16). См. П. С. С., IV, с. 380—381; Каллаш. К лит. ист., с. 311.

3. *Хозяин и Мышь*. 1809 г. Впервые напеч. в «Цветнике» (1809 г., II, с. 332—333). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.); 2) Берлинская (см. «Русская Старина», 1893 г., IV, с. 57; заглавие — «Хозяин и кошка»). См. П. С. С., IV, с. 381.

4. *Слон и Мышь*. 1808 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., IV, с. 55). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.); 2) в Пушкинском Доме (10102. ЛХб. 24. Альбом Кеппепа). См. П. С. С., IV, с. 381.

5. *Волк и Волченоч*. 1811 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1811 г. (с. 20—21). См. П. С. С., IV, с. 381; Каллаш. К лит. ист., с. 311.

6. *Обезьяна*. 1811 г. Впервые напеч. там же (с. 22); перепечатывалась без перемен. Ср. притчу Сумарокова «Пахарь и Обезьяна». См. П. С. С., IV, с. 381; Ильинский. Рец., с. 445.

7. *Мешок*. 1809 г. Впервые напеч. в «Цветнике» (1809 г., VII, с. 33—37). См. П. С. С., IV, с. 381—382; Каллаш. К лит. ист., с. 311—312.

8. *Кот и Повар*. 1812 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1813 г., VIII, с. 67.) Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 13—14). Басня намекает на перенятельную деятельность против Наполеона русской армии, до приезда в нее Кутузова. См. П. С. С., IV, с. 382.

9. *Лев и Комар*. 1809 г. Впервые напеч. в изд. 1809 г. (с. 26—27). Перевод басни Лафонтена «Le lion et le moucheron». Известны другие переводы этой басни: Дмитриева и двух анонимных писателей (1755 г. и 1806 г.). См. П. С. С., IV, с. 382; Каллаш. К лит. ист., с. 307.

10. *Огородник и Философ*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1811 г., с. 51—53). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.). Введение плуга в русское хозяйство вызвало полемическую литературу. Крылов в данной басне осмеивает излишнее увлечение теорией. См. П. С. С., IV, с. 383; Ильинский. Рец., с. 445; Каллаш. К лит. ист., с. 312.

11. *Крестьянин и Лисица*. 1811 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1811 г. (с. 29—30). Недоконченная рукопись (19 начальных стихов) — в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.). См. П. С. С., IV, с. 383.

12. *Воспитание Льва*. 1811 г. Впервые напеч. там же (с. 31—34). Рукописи: 1) в Пушкинском Доме — (26 167. IV. П. 50; конец басни, со слов: «И Лев старик поздноню спохватился...»); 2) в Публ. Библ. в Ленингр. (на экземпляре басен 1819 г. — авторские поправки к 7-му и 8-му стихам данной басни). См. П. С. С., IV, с. 383—384; Ильинский. Рец., с. 441; Каллаш. К лит. ист., с. 312.

13. *Старик и трое молодых*. 1805 г. Впервые напеч. в «Московском Зрителе» (1806 г., II, с. 72). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (авторские поправки на вклеенных между страницами листах, в экземпляре басен 1819 г.) 2) в Ак. Наук — три автографа (III, лл. 3—6; IV, л. 10; V, л. 6). Перевод басни Лафонтена

«Le vieillard et les trois jeunes hommes». Кроме Крылова ее перевел Неведомский. Переложение в прозе — в «Детском Чтении» (1785 г., IV, с. 127—128). См. П. С. С., IV, с. 385—386; Каллаш. К лит. ист., с. 308.

14. *Дерево*. 1814 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 8—9). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (авторские поправки в экз. басен 1819 г. и в тетради 12. V. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 50—51). См. П. С. С., IV, с. 386; Ильинский. Рец., с. 441.

15. *Гуси*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1811 г., с. 53—54). А. Волков посвятил этой басне стихотворение в «Северном Наблюдателе» (1817 г., I, с. 130). См. П. С. С., IV, с. 386—387.

16. *Свинья*. 1811 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1811 г. (с. 41); перепечатывалась без перемен. См. П. С. С., IV, с. 387.

17. *Муха и Дорожные*. 1808 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., III, с. 85—87). Образцом послужила басня Лафонтена «Le coche et la mouche». Ее перевели: Сумароков, Неведомский и гр. Хвостов. См. П. С. С., IV, с. 387; Каллаш. К лит. ист., с. 308.

18. *Орел и Цаук*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1812 г., V, с. 57—58). Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 11—13). Ср. басню Бенитского: «Орел и Муравей» («Талия». Спб. 1807 г., I, с. 174—176). См. П. С. С., IV, с. 387—388.

19. *Лань и Дервиш*. 1813 г. (?) Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1815 г., XVII, с. 99). Рукописи: 1) в Публ. Библ. — два автографа (в тетради F. XIV. № 13 и в тетради 11. I. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, л. 36). См. П. С. С., IV, с. 388; Каллаш. О хронологии, с. 217.

20. *Собака*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 11). Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 70—71). Перестановка слов: «вперед ее», вместо: «ее вперед» (как в изд. В. В. Каллаша) сделана согласно с изд. 1843 г. См. П. С. С., IV, с. 388—389.

21. *Орел и Крот*. 1814 г. Впервые напеч. там же (с. 3—4). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (два автографа: в тетрадях F. XIV, № 13 и 12. V. 1814 г. и авторские поправки в экз. изд. басен 1819 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 60—62). См. П. С. С., IV, с. 389; Ильинский. Рец., с. 446.

КНИГА IV.

1. *Квартет*. 1811 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1811 г. (с. 12—13); перепечатывалась без перемен. Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.). Из «Воспоминаний» Ф. Ф. Вигеля (М. 1893 г., III, с. 152) можно узнать, что в этой басне Крылов осмеял местные счеты в «Беседе Любителей Русского Слова», в которых ему против воли приходилось принимать участие. См. П. С. С., IV, с. 389—390; Ильинский. Рец., с. 442.

2. *Листы и Корни*. 1811 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1811 г., IV, с. 100—101). Корни — низшие классы населения. См. П. С. С., IV, с. 390.

3. *Волк и Лисица*. 1816 г. Впервые напеч.

в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 5—6). Рукопись — в Ак. Наук (I, л. 44). См. П. С. С., IV, с. 390.

4. *Бумажный Змей*. 1813 г. (?) Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1814 г., XI, с. 73, под заглавием: «Бумажный Змей и Мотылек»). Рукопись — в Ак. Наук (I, л. 59, с тем же заглавием, что в «Сыне Отечества»). См. П. С. С., IV, с. 390; Каллаш. О хронологии, с. 217.

5. *Лебедь, Щука и Рак*. 1814 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 10). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 12. V. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, л. 55); 3) в альбоме А. А. Бахрушина (в Москве). См. П. С. С., IV, с. 390—391.

6. *Скворец*. 1816 г. Впервые напеч. там же (с. 25—26). Ср. басню Н. П. Николаева: «Соловей и скворец». См. П. С. С., IV, с. 391.

7. *Пруд и Река*. 1814 г. Впервые напеч. там же (с. 14—16). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 12. V. 1814 г. Стихи 8—9, до слова: «когда», в этой рукописи поставлены в скобки); 2) в Ак. Наук (I, лл. 47—49). См. П. С. С., IV, с. 391; Ильинский. Рец., с. 447.

8. *Тришкин Кафтан*. 1815 г. Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1815 г. XXIII, с. 24). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — три автографа (в тетради F. XIV, № 13, с водяп. знаком 1812 г.; «автографы» № 10 в № 20); 2) в Ак. Наук (I, лл. 71—72). Факсимиле Академич. рукописи — в «Сборнике Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук» (т. VI, 1869 г.) и в «Сборнике снимков с автографов русских деятелей». (Спб. 1873, № 25, с. 33). Басня направлена против системы перезалогов именей в Опекунском Совете. Можно сравнить с тем, что Гоголь писал к матери 22. II. 1836 г.: «... душевно желаю, чтобы не случилось так, как в первый раз, когда вы должны были всякий раз заниматься, чтобы уплатить проценты, что было несколько похоже на человека, отрезывающего себе фалды, с тем, чтобы заплатит локти». («Письма Гоголя», I, с. 366). См. П. С. С., IV, с. 392.

9. *Механик*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 12—13). См. П. С. С., IV, с. 392.

10. *Пожар и Алмаз*. 1813 г. (?) Впервые напеч. там же (с. 28—29). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетрадях 11. I. 1814 г. и F. XIV, № 13); 2) в Ак. Наук (I, лл. 42—43). См. П. С. С., IV, с. 393; Каллаш. О хронологии, с. 217; Ильинский. Рец. с. 446.

11. *Пустынник и Медведь*. 1807 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 142—144). Перевод басни Лафонтена «L'oung et l'amateur des jardins». Ее переводили также: Сумароков (1784 г.), Решетников (1788 г.), Н. Смирнов (1790 г.), гр. Хвостов, анонимный писатель (1793 г.) и Додстлей (1839 г.). Об этой басне Крылова см. в «Воспоминаниях» Жихарева (с. 409, под З. V. 1807 г.). См. П. С. С., IV, с. 393—394.

12. *Цветы*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 19—20); перепечатывалась без перемен.

13. *Грестьянин и Змея*. 1813 г. Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1813 г., IX, с. 43).

Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 46—47). См. П. С. С., IV, с. 394.

14. *Крестьянин и Разбойник*. 1814 г. Впервые напечат. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 18). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 12. V. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 34—36). См. П. С. С., IV, с. 394.

15. *Любопытный*. 1814 г. Впервые напечат. в «Сыне Отечества» (1814 г., XVIII, с. 69). Рукописи: 1) в Публ. Библ. («автограф № 22»); 2) в Ак. Наук (I, л. 18). См. П. С. С., IV, с. 394—395.

16. *Лев на охоте*. 1807 г. Впервые напечат. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., I, с. 196, под заглавием: «Лев, Собака, Лисица и Волк»). Образцом послужила басня Лафонтена «La Genisse, la Chèvre et la Brebis en société avec le Lion» (ср. басню Эзопа: «Лев, Лисица и Осел»); эту басню переводили до Крылова: Третьяковский, Сумароков, Хемницер, В. П. Майков и Державин. См. П. С. С., IV, с. 395; Каллаш. О хронологии, с. 216.

17. *Конь и Всадник*. 1814 г. Впервые напечат. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 10—11). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — три автографа (в тетрадях F. XIV. № 13 и 12. V. 1814 г. и отдельный листок, вместе с басней «Чиж и Еж»); 2) в Ак. Наук (I, с. 53—55). Ср. стихотворения: Державина — «Колесница», Пшнна — «Верховая Лошадь». По мысли В. В. Каллаша: «вероятнее всего, что Крылов первоначально имел в виду Францию и последствия Великой революции». См. П. С. С., IV, с. 395—396; Ильинский. Рец., с. 442—443.

18. *Крестьяне и Река*. 1813 г. (?) Впервые напечат. там же (ч. IV, с. 30—31); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — три автографа (в тетради F. XIV. № 13 — две редакции; и в тетради 11. I. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 52—53). См. П. С. С., IV, с. 396; Каллаш. О хронологии, с. 217; Ильинский. Рец., с. 443.

19. *Добрая Лисица*. 1814 г. Впервые напечат. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1816 г., XVII, с. 43—44, под заглавием: «Лисица»). Рукописи: 1) в Публ. Библ. — два автографа (в тетради F. XIV. № 13 и в тетради 12. V. 1814 г., под заглавием: «Лисица»); 2) в Ак. Наук (I, лл. 62—64, под заглавием: «Лисица»). Ср. басню Флориана: «Le Renard qui pêche» и «La jeune Poule et le vieux Renard». См. П. С. С., IV, с. 396—397; Ильинский. Рец., с. 442.

20. *Мирская сладка*. 1816 г. Впервые напечат. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. IV, с. 22); перепечатывалась без перемен. Рукопись — в Ак. Наук (I, л. 45). См. П. С. С., IV, с. 397.

КНИГА V.

1. *Демьянова уха*. 1813 г. Впервые напечат. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1813 г., XI, с. 95—96); перепечатывалась без перемен. Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 4—5). По свидетельству М. Е. Лобанова, басня направлена против товарищей Крылова по «Беседе», которые «душили» всех во время заседаний своими слишком длинными чтениями. См. П. С. С., IV, с. 397.

2. *Мышь и Крыса*. 1816 г. Впервые напечат. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 4). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (автограф № 21); 2) в Ак. Наук (I, лл. 49—50). См. П. С. С., IV, с. 398; Ильинский. Рец., с. 445.

3. *Чиж и Голубь*. 1814 г. Впервые напечат. там же (с. 1). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 12. V. 1814 г., под заглавием: «Голубь и Чиж»); 2) в Ак. Наук (I, л. 60, под таким же заглавием); 3) в Пушкинском Доме (в альбоме Даргомыжского, л. 1: 10046. LXII 6. I. Вписана в альбом 20 февраля 1841 г.). Ср. басню Федра: «Воробей и Заяц». См. П. С. С., IV, с. 398; Ильинский. Рец., с. 448: «Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.», с. 110 (статья Л. К. Ильинского).

4. *Водолазы*. 1813 г. Впервые напечат. в «Описании торжественного открытия императорской Публичной Библиотеки 2 января 1814 года» (СПб. 1814, с. 99—103). Басня вызвала предложенной Крылову А. Н. Олениным темой: «О пользе истинного просвещения и о пагубных следствиях суеумудрия». О различном истолковании этой басни см. в примечаниях В. В. Каллаша. См. П. С. С., IV, с. 398—400.

5. *Гостозел и две Служанки*. 1816 г. Впервые напечат. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 5—6); перепечатывалась без перемен. Переделка басни Лафонтена «La vieille et les deux servantes».

6. *Камень и Червяк*. 1814 г. Впервые напечат. там же (с. 7). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 12. V. 1814 г.); 2) в Ак. Наук (I, лл. 58—59). Первоначальная редакция заключения была:

Вы спросите: ково ж нам к камню применить?
Про тех не стоит говорить.

См. П. С. С., IV, с. 400—401; Ильинский. Рец., с. 442.

7. *Медведь у Пчел*. 1816 г. Впервые напечат. там же (с. 8—9); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. («автограф № 22»); 2) в Ак. Наук (I, с. 69). См. П. С. С., IV, с. 401; Ильинский. Рец.; с. 444.

8. *Зеркало и Обезьяна*. 1815 г. Впервые напечат. в «Сыне Отечества» (1816 г., XXVII, с. 32, под заглавием: «Мартышка и Зеркало»). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — два автографа («автограф № 10»; в нем 18-й стих поставлен в скобки; «автограф № 17», под заглавием: «Мартышка и Медведь»); 2) в Ак. Наук (I, л. 67). См. П. С. С., IV, с. 401—402; Ильинский. Рец., с. 442.

9. *Комар и Пастух*. 1814 г. Впервые напечат. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 13). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради F. XIV. № 13); 2) в Ак. Наук (I, л. 65). См. П. С. С., IV, с. 402; Ильинский. Рец., с. 442.

10. *Крестьянин и Смерть*. 1807 г. Впервые напечат. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., IV, с. 24). Рукопись (до стиха 22-го) — в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради 1813 г.) Образцом послужила басня Лафонтена «La mort et le bûcheron». Ее переводили: Третьяковский, А. Сумароков, П. Сумароков (1791 г.), Державин, гр. Хвостов, Неведомский, Агафи (1814 г.) и анонимный писатель (1817 г.). См. П. С. С., IV, с. 402.

11. *Рыцарь*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 14—15). См. П. С. С., IV, с. 403.

12. *Тень и Человек*. 1813 г. (?) Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1814 г., XII, с. 206). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — два автографа (в тетради 11. I. 1814 г. и автограф № 9); 2) в Ак. Наук (I, л. 38). Ср. басню Хемницера: «Дурак и Тень». См. П. С. С., IV, с. 403; Каллаш. О хронологии, с. 217.

13. *Крестьянин и Топор*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 17). Рукопись — в Ак. Наук (I, л. 41). См. П. С. С., IV, с. 403.

14. *Лев и Волк*. 1816 г. Впервые напеч. там же (с. 19); перепечатывалась без перемен.

15. *Собака, Человек, Кошка и Сокол*. 1816 г. Впервые напеч. там же (с. 20—21); перепечатывалась без перемен. Ср. басню Эзопа: «Пешеходы и Медведь».

16. *Надагра и Паук*. 1811 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1811 г. (с. 8—10). Переделка басни Лафонтена «La Goutte et l'Araignée». До Крылова ее перевел Тредиаковский. См. П. С. С., IV, с. 404; Каллаш. К лит. ист., с. 310—311.

17. *Лев и Лисица*. 1818 г. Впервые напеч. в изд. 1819 г. (ч. VI, с. 73). Перевод басни Эзопа: «Лев и Лисица». См. П. С. С., IV, с. 404; Каллаш. О хронологии, с. 217.

18. *Хмель*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 2—3); перепечатывалась без перемен.

19. *Слон в случае*. 1816 г. Впервые напеч. там же (с. 23). Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 33—34). См. П. С. С., IV, с. 404—405.

20. *Туца*. 1815 г. Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1815 г., XXIII, с. 100). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленинграде (в тетради F. XIV. № 13, под заглавием: «Гора и Туца», редакция, значительно отличающаяся от печатной. Нач.: «В жары, когда пожгло и рощи и поля...»). По преданию, басня написана по поводу пожалования аренды псковскому губернатору во время голода. См. П. С. С., IV, с. 405; Ильинский. Рец., с. 448.

21. *Клеветник и Змея*. 1814 г. Впервые напеч. в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова» (1815 г., XVII, с. 45—46). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. — три автографа (в тетрадах: F. XIV. № 13 и 12. V. 1814 г.; автограф № 19); 2) в Ак. Наук (I, лл. 56—57). См. П. С. С., IV, с. 405—406; Ильинский. Рец., с. 442.

22. *Фортуна и Нищий*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 26—28). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради F. XIV, № 13); 2) в Пушкинском Доме (Из арх. кн. Голицыных). См. П. С. С., IV, с. 406; Ильинский. Рец., с. 448; «Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.», с. 102 (статья Л. К. Ильинского).

23. *Лягушка и Юпитер*. 1813 г. (?) Впервые напеч. там же (с. 29—30). Рукописи: 1) в Публ. Библ. — два автографа (в тетрадах: 11. I. 1814 г. и F. XIV. № 13); 2) в Ак. Наук (I, л. 35). См. П. С. С., IV, с. 406; Каллаш. О хронологии, с. 217.

24. *Лиса-строитель*. 1815 г. Впервые напеч. там же (с. 31—32). Рукопись — в Ак. Наук (IV, л. 36). См. П. С. С., IV, с. 406—407. В рукописи зачеркнуто заключение:

Как этот курятный построен двор,
Так в свете не один написан договор —
И даже приговор.

25. *Напраслина*. 1816 г. Впервые напеч. там же (с. 33—34). Источником для басни мог послужить сборник рассказов: «Смеющийся Демокрит» (М. 1769, с. 112—113). См. П. С. С., IV, с. 407.

26. *Фортуна в гостях*. 1816 г. Впервые напеч. там же (с. 35—37). См. П. С. С., IV, с. 407.

КНИГА VI.

1. *Волк и Пастухи*. 1816 г. Впервые напеч. в «Новых баснях» 1816 г. (ч. V, с. 22). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (Отдельный белый автограф, в витрине.) Образцом послужила басня Лафонтена «Le Loup et le Berger». См. П. С. С., IV, с. 407.

2. *Кукушка и Горлянка*. 1816 г. Впервые напеч. в брошюре: «Три новые басни Крылова, читанные в торжественном собрании Публичной Библиотеки Января 2 дня 1817 года» (Спб., 1817 г., с. 5—7). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради F. XIV. № 13, с водяным знаком 1816 г.); 2) в Ак. Наук (IV, лл. 27—38; белой автограф). См. П. С. С., IV, с. 407—408.

3. *Гребень*. 1818 г. Впервые напеч. в «Чтении в торжественном собрании императорской Российской Академии в 5-й день декабря 1818 года» (Спб. 1818 г., с. 55—56). П. А. Плетнев (в письме к Я. К. Гроту) находил, что эта басня «самая грациозная» и что она «удивительно глубока по идее и истинна в приложении к жизни». («Черепица Грота и Плетневым», III, с. 13). См. П. С. С., IV, с. 408.

4. *Скутой и Курица*. 1818 г. Впервые напеч. в изд. 1819 г. (ч. VI, с. 65); перепечатывалась без перемен. Образцом послужили басни Эзопа — «Вдова и курица» и Лафонтена — «La poule aux oeufs d'or». До Крылова ее перевели: Тредиаковский и Ломоносов. Ср. басню Хемницера: «Невежество и Скупость». См. Каллаш. О хронологии, с. 218.

5. *Две бочки*. 1818 г. Впервые напеч. там же (с. 66); перепечатывалась без перемен. См. П. С. С., IV, с. 408; Каллаш. О хронологии, с. 218.

6. *Алкид*. Впервые напеч. там же, где «Гребень» (с. 54—55). Переделка басни Эзопа: «Геркулес и Афина». См. П. С. С., IV, с. 409.

7. *Апеллес и Осленок*. 1816 г. Впервые напеч. в «Сыне Отечества». (1816 г., XXXII, с. 97). По свидетельству Н. И. Греча, Крылов изобразил в образе Осленка — П. А. Катенина, который, питая к баснописцу враждебные чувства, однажды в Публ. Библиотеке сказал, что ему Крылов «надоел своими вечными приглашениями». На самом же деле Крылов приглашал его раза два. См. П. С. С., IV, с. 409.

8. *Охотник*. 1818 г. Впервые напеч. в изд. 1819 г. (ч. VI, с. 69—70); перепечатывалась без перемен. См. Каллаш. О хронологии, с. 218.

9. *Мальчик и Змея*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 87); перепечатывалась без перемен. Ср. басню Эзопа: «Мальчик, ловящий саранчу, и Скорпион». См. Каллаш. О хронологии, с. 218.

10. *Пловец и Море*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 71); перепечатывалась без перемен. Ср. басню Эзопа: «Претерпевший кораблекрушение и море». См. Каллаш. О хронологии, с. 218.

11. *Осел и Музык*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 77—78); перепечатывалась без перемен. См. Каллаш. О хронологии, с. 218.

12. *Волк и Журавль*. 1816 г. Впервые напечатана в изд. 1816 г. (ч. IV, с. 27). Рукопись — в Ак. Наук (I, лл. 32—33. Отличия в примеч. В. В. Каллаша ошущены. Стих. 1: Что волк жажденок, всякий знает. Ст. 2: Он, евши... Ст. 4: случилась беда. Ст. 7: И уж пришло было хоть... Ст. 11: свой долгой нос... Ст. 17: Из горла цел унес). Переделка басни Лафонтена «Le Loup et la Cigogne», которую Лафонтен заимствовал у Эзопа или Феда. Ее переводили: Третьяковский, Сумароков, М. Х. (Херасков) (1756 г.), два анонимных писателя (1793 г.), А. Е. Измайлов (1812 г.) и гр. Хвостов. См. П. С. С., IV, с. 410.

13. *Пчела и Мука*. 1817 г. Впервые напечатана в «Северном Наблюдателе» (1817 г., № 4, с. 129—130). См. П. С. С., IV, с. 410.

14. *Муравей*. 1818 г. Впервые напечатана в изд. 1819 г. (ч. VI, с. 73—75). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный автограф). Нравов учение здесь иное, чем в печати, и могло быть не пропущено цензурой:

Так дворянин или чиновник так иной
В уезде у себя и важен и завиден.
И всех он там знатней,
И всех славней,
И всех умней,
В столицу ж приезжай — как этот муравей,
Чуть-чуть он будет виден.

См. П. С. С., IV, с. 410—411; Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 445.

15. *Пастух и Море*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 84—85). Перевод басни Лафонтена «Le Berger et la mer». До Крылова ее перевел Сумароков. См. П. С. С., IV, с. 411; Каллаш. О хронологии, с. 218.

16. *Крестьянин и Змея*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 72); перепечатывалась без перемен. См. Каллаш. О хронологии, с. 218.

17. *Лисица и Виноград*. 1808 г. Впервые напечатана в «Драматическом Вестнике» (1808 г., IV, с. 16). Перевод басни Лафонтена «Le Renard et les raisins». До Крылова ее переводили: Третьяковский, Сумароков и Бенитский (1807 г.). См. П. С. С., IV, с. 411; Каллаш. К лит. ист., с. 311.

18. *Овцы и Собаки*. 1818 г. Впервые напечатана в изд. 1819 г. (ч. VI, с. 75); перепечатывалась без перемен. См. Каллаш. О хронологии, с. 217.

19. *Медведь в сетях*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 78—79). Ср. басню Эзопа: «Медведь и Лисица». См. П. С. С., IV, с. 411; Каллаш. О хронологии, с. 218.

20. *Колос*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 80—81). См. П. С. С., IV, с. 411; Каллаш. О хронологии, с. 218.

21. *Мальчик и Червяк*. 1818 г. Впервые напечатана там же (с. 82—83); перепечатывалась без перемен. Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. («автограф № 6»). См. П. С. С., IV, с. 411—412; Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 444.

22. *Похороны*. 1816 г. Впервые напечатана в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности» (1817 г., VII, с. 63—64) и в брошюре: «Три новые басни Крылова...» (2 января 1817 г.). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради Ф. XIV, № 13, с водяным знаком 1816 г. Отличия в примечаниях В. В. Каллаша не указаны. Стих. 2: схоронить, ст. 4: На пыльном погребень. Ст. 11: не радиль бы вы были. Ст. 17: Лишь одного притом мы просим. Ст. 19: Скопчался оп опять); 2) в Ак. Наук (I, лл. 16—17). См. П. С. С., IV, с. 412; Ильинский. Рец., с. 446.

23. *Трудолюбивый Медведь*. 1818 г. Впервые напечатана в изд. 1819 г. (ч. VI, с. 89). См. П. С. С., IV, с. 412; Каллаш. О хронологии, с. 217.

24. *Сочинитель и Разбойник*. 1816 г. Впервые напечатана в брошюре: «Три новые басни Крылова...» (2 января 1817 г., с. 8—11). Рукопись в Публ. Библ. в Ленингр. (в тетради Ф. XIV, № 13, с водяным знаком 1816 г.). Современники (кроме Я. П. Толстого и Гоголя) относили эту басню к Вольтеру и Франции эпохи Великой Революции. См. П. С. С., IV, с. 413; Ильинский. Рец., с. 447—448.

25. *Ягненок*. Впервые напечатана в изд. 1819 г. (ч. VI, с. 91—92). Рукопись — в Ак. Наук (III, л. 24). Анноточка — дочь друга Крылова А. П. Оленина, Анна Алексеевна, в замужестве Андрю. См. П. С. С., IV, с. 413; Каллаш. О хронологии, с. 218.

КНИГА VII.

1. *Совет Мышей*. 1811 г. Впервые напечатана в «Новых баснях» 1811 г. (с. 23—24). См. П. С. С., IV, с. 413—414.

2. *Мельник*. 1821—1823 г. Впервые напечатана в «Полярной Звезде» (1826 г., с. 374—375); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 45—48; семь редакций. Отличия в примечаниях В. В. Каллаша не указаны. В чистой редакции: Ст. 13. Глядишь, вода бежит... Ст. 25: пошел в свое подворье). Пушкин об этой басне написал: «Его «Мельник» хорош, как Демьян и Фока» (в письме к бар. А. А. Дельвигу от 8. VI. 1825 г.). См. П. С. С., IV, с. 414—415; Каллаш. О хронологии, с. 218.

3. *Бульженик и Алмаз*. 1821—1823 г. Впервые напечатана в «Северной Пчеле» (1825 г., № 1); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. («автограф № 8», без вариантов); 2) в Ак. Наук (III, л. 21; в конце рукописи зачеркнутые наброски нравов учения:

Как часто я слышал такое рассужденье:
За что он в почести, в чинах и в уваженьях.
Мы вместе с ним росли...)

См. П. С. С., IV, с. 415—416; Каллаш. О хронологии, с. 218.

4. *Мот и Ласточка*. 1818 г. Впервые напечатана в «Чтеции в торжественном собрании

Российской Академии 5 декабря 1818 г.» (с. 53—54). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. («автограф № 8»). Образцом послужила басня Эзопа: «Молодой Человек и Ласточка». Ср.: «Пропойца» в «Модном издании», 1779 г. (III, с. 141—142). См. П. С. С., IV, с. 416; Ильинский. Рец., с. 444—445.

5. *Плотишка*. 1821 г. Впервые напеч. в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 258—261). Рукописи: 1) в Ак. Наук (II, лл. 3—4. Отличия в примеч. В. В. Каллаша не указаны. Ст. 5: Вот, юной друг... Ст. 24: За что братьить тут. Ст. 27: II, вовлекая нас.); 2) у А. К. Пожарского в Москве (в письме Крылова к А. А. Оленину, полученном им 3. VIII. 1821 г.). См. П. С. С., IV, с. 416—417.

6. *Крестьянин и Змея*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (с. 263). Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 51—53; беловая и черновая). См. П. С. С., IV, с. 417; Каллаш. О хронологии, с. 218.

7. *Свинья под дубом*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в «Северной Пчеле» (1825 г., № 5) и в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 268—269). Рукописи: 1) в Ак. Наук (II, л. 41); 2) в Пушкинском Доме (10092. LXб. 23). Ср. басни: Эзопа «Пешеходцы и Явер», Лесенга «Дуб и Свинья» и «Овца и Свинья». См. П. С. С., IV, с. 417; Каллаш. О хронологии, с. 218; «Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.», с. 98 (статья Л. К. Ильинского).

8. *Паук и Пчела*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 261—262). Рукописи — в Ак. Наук (два автографа: II, л. 7 и III, л. 46, под заглавием: «Паук». Отличия в примеч. В. В. Каллаша опущены. Ст. 9—10: Увидя то завистливый Паук. Ст. 15: Проткал насквозь всю ночь. Ст. 28: Ответствует Пчела...). Ср. басни: Гольберга «Пчела и паук» и Геллерта «Паук». См. П. С. С., IV, с. 417—418; Каллаш. О хронологии, с. 218.

9. *Лисица и Осел*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах» (1825 г., с. 321—322) и в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 266—267). Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 22—25, 31: одна чистовая и три черновых). Ср. басню Крылова «Лев состаревшийся». См. П. С. С., IV, с. 418—419; Каллаш. О хронологии, с. 218.

10. *Муха и Пчела*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (с. 261—262) и в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 269—270); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. («Автограф № 14»). Отличия в примеч. В. В. Каллаша не указаны. Ст. 4: И в близости пчелу увидя. Ст. 7: я в грусти захирела. Ст. 28: И на шрахах); 2) в Ак. Наук (III, л. 40; черновая). Переделка басни Лафонтена «La Mouche et la Fourmi». До Крылова ее перевел Тредиаковский. См. Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 445.

11. *Змея и Овца*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 273); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Ак. Наук (II, л. 40; факсимиле начала рукописи издано в VI т. «Сборника Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук»); 2) в Пушкинском Доме (16 033. ХСIXб. 17, собрание Я. К. Грога: беловая и черновая). См. П. С. С. IV, с. 419; Каллаш. О хронологии, с. 218.

12. *Котел и Горшок*. 1821—1823 г. Впервые

напеч. там же (с. 264—265); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 14—17: одна беловая и две черновых). Перевод басни Лафонтена «Le pot de terre et le pot de fer», которую, кроме Крылова, перевели Сумароков и А. П. Бунина. См. П. С. С., с. 419—420; Каллаш. О хронологии, с. 218.

13. *Дикие Козы*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (с. 274—275) Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 54—55: две черновых; вторая — под заглавием: «Пастух». Отличия в прим. В. В. Каллаша не указаны. Ст. 6: А этих козочек. Ст. 14: он к гостям корм. Ст. 20: легче ладит. Ст. 26: им казалась жизнь грустна. Ст. 33: Чем в Диких тратить корм напрасно. Ст. 34: Не лучше ли-б своих поболе побережь). Образцом послужила басня Эзопа: «Пастух и Козы». См. П. С. С., IV, с. 420; Каллаш. О хронологии, с. 218.

14. *Соловьи*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (с. 278—279). Рукописи — в Ак. Наук (II, л. 5). См. П. С. С., IV, с. 420—421; Каллаш. О хронологии, с. 218.

15. *Голлик*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (с. 276); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (три автографа: II, лл. 9, 11, 49. В примеч. В. В. Каллаша не приведен зачеркнутый вариант правоучения:

Видал я иногда
Что у людей — беды выходят те же,
Коль поправлять дадут ученова невеже.).

См. П. С. С., IV, с. 421; Каллаш. О хронологии, с. 218.

16. *Крестьянин и Овца*. 1821 г. Впервые напеч. в «Полярной Звезде» (1823 г., с. 112). Рукописи: 1) в Ак. Наук (III, л. 15); 2) у А. К. Пожарского в Москве (в письме Крылова к А. А. Оленину, полученном им 3. VIII. 1821 г.); 3) в Пушкинском Доме (26 167. IV. П. 50; заключение басни со слов: «И приговор Лисы вот от слова до слова...»). См. П. С. С., IV, с. 421.

17. *Скутой*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 281—283). Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 70—73; беловая и черновая; V, л. 9. Отличия в примеч. В. В. Каллаша опущены. Ст. 12: Оставить просто клад: так может он пропасть. Ст. 24: ешь теперь и веселись. Ст. 42: Не домовому ли он деньги бережет.). Ср. притчу: «Скупой» («Тира»... 1773 г., с. 67). См. П. С. С., IV, с. 421—422; Каллаш. О хронологии, с. 218.

18. *Богач и Поэт*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах» (1825 г. с. 233—281) и в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 277—278); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (три автографа: II лл. 10, 46; III, лл. 26—28. В примеч. В. В. Каллаша не приведен зачеркнутый вариант начала: Ст. 1—3:

Поет с Вельможею затеял суд
И на него просил у Зевса он управы.
Обоих велено предстать для расправы.

Заглавие басни сначала предполагалось: «Вельможа и Поэт». Цензура могла не пропустить басню в такой редакции). См. П. С. С., IV, с. 422; Каллаш. О хронологии, с. 218.

19. *Волк и Мышонок*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в изд. 1825 г. (кн. VII, с. 283—284);

перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. («автограф № 2»). В примеч. В. В. Каллаша отличия опущены. Ст. 4: прожора. Ст. 7: а всей доесть не мог. Ст. 9: Понежась, отдохнуть.); 2) в Ак. Наук (III, л. 39, под заглавием: «Волк»; л. 41, под заглавием «Волк и Мышь»). См. Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 441.

20. *Два Музика*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (с. 284); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. («Автограф № 12»). В примеч. В. В. Каллаша отличия опущены. Ст. 4: Господь прогневается: я сжог. Ст. 6: Плохая брат игрушка. Ст. 25: сказать вам правду, я. Ст. 29: не хуже ли в потмах.); 2) в Ак. Наук (II, лл. 74—76: 3 черновых). См. Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 441.

21. *Котенок и Скворец*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (с. 288—289). Рукописи — в Ак. Наук (два автографа: II, л. 34; V, л. 3, под заглавием: «Скворец и Котенок»). В примеч. В. В. Каллаша отличия опущены. Ст. 2—3: Философ — говорю презнатной. Ст. 14: Что терпишь пост. Ст. 17: Но честь и совесть. Ст. 24: Тут на свои манеры. Ст. 29: Хоть голоду совсем он утолить не мог. Ст. 31: С большим вниманьем весь прослушал.). Ср. басню Лафонтена «Les deux moineaux». См. П. С. С., IV, с. 422; Каллаш. О хронологии, с. 218.

22. *Две Собаки*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» (1824 г., IV, с. 64—65). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (автограф № 15). В примеч. В. В. Каллаша отличия опущены. Ст. 7: Обрадуясь ей как родне. Ст. 16: грех пенять. Ст. 24: живу по старому.); 2) в Ак. Наук (II, лл. 66—69). Ср. басни: Геллерта «Две Собаки», кн. П. А. Вяземского «Две собаки» и А. Е. Измайлова «Два кота». См. П. С. С., IV, с. 422—423; Каллаш. О хронологии, с. 218.

23. *Кошка и Соловей*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (II, с. 128—129). Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 8—13: 2 беловых и 1 черновая). В примеч. В. В. Каллаша варианты опущены. Ст. 6: И с первыми пещами. Ст. 7: Лиса моя кума. Ст. 14: Поверь, что не хочу. Ст. 23: а только лишь пишал. Ст. 29: Нет видно, что). Ср. стихотворение Державина: «На птичку». Басня метит в отношении тогдашней цензуры к литературе. См. П. С. С., IV, с. 423—424; Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 437.

24. *Рыбл пляски*. 1821—1823 г. Впервые напеч. там же (в № 7 п вторично в ч. 95, с. 33—35). Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 57—65: 6 редакций). Предание, объясняющее происхождение этой басни, сообщено Я. К. Гротом («Труды», III, с. 245). Пересказываем его вкратце: Александр I, путешествуя, остановился в одном городе в губернаторском доме. Из окна он увидел, что к дому приближается толпа людей. Губернатор объяснил, что это депутация от жителей с благодарностью за благосостояние губернии; государь отклонил прием. После же распространилась молва, что люди шли с жалобой на губернатора. См. П. С. С., IV, с. 424—425; Каллаш. О хронологии, с. 218. В. К. Кю-

хельбекер даст такой отзыв об этой басне: «Странно было бы говорить, что Крылова басни прекрасны: это все равно, что рассказывать за новость о белизне снега или о свете дневному. Но и в прекрасном есть степени: Рыбля пляска в своем роде совершенство». (Дневник Кюхельбекера, 25. XI. 1833 г. «Русск. Стар.», 1883 г., июль, с. 126.)

25. *Прихожанин*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах», (1825 г., с. 284—285). Рукописи: 1) в Ак. Наук (II, л. 21, под заглавием: «Проповедник», и л. 78. В примеч. В. В. Каллаша отличия опущены: Ст. 1: их приятель. Ст. 8: вам скажу. Ст. 13: правда светлая. Ст. 22: прелестный дар.); 2) в архиве Булгарина (автограф двух первых строчек басни, с датой 8. VII. 1837 г.) Басня написана в ответ на эпиграмму кн. Вяземского. О литературной полемике вокруг Крылова см. в примеч. В. В. Каллаша. Анекдот о крестьянине из другого прихода Крылов мог заимствовать из сборников: «Отрада в скуке...» (М. 1788, II, с. 131), или: «Спутник и Собеседник веселых людей» (М. 1776 г., III, с. 5). См. П. С. С., IV, с. 427—428; Каллаш. О хронологии, с. 218.

26. *Ворона*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в «Полярной Звезде» (1825 г., с. 375—376). Рукописи — в Ак. Наук (два автографа: II, лл. 18—20; III, л. 22). Образцом послужила басня Лафонтена «Le geai raté des plumes du rabe». Известны еще переделки этой басни — Тредиаковского и Сумарокова. См. П. С. С., IV, с. 428—429; Каллаш. О хронологии, с. 218.

КНИГА VIII.

1. *Лев состарившийся*. 1821—1823 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах» (1825 г., с. 290—291); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (II, лл. 26—33: 3 беловых и 1 черновая). Образцом послужила басня Лафонтена «Le lion devenu vieux». Ее переводили до Крылова: Тредиаковский, Сумароков, Ключарев (1795 г.), Державин и А. Е. Измайлов (1815 г.). См. П. С. С. IV, с. 429; Каллаш. О хронологии, с. 218.

2. *Лев, Серна и Лиса*. 1830 г. Впервые напеч. в изд. 1830 г. (ч. VIII, с. 369—371); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф. В примеч. В. В. Каллашем отличия опущены. Ст. 14: «Как!» говорит: — «с твоим...» Ст. 17: пропасть глубока. Ст. 21: Когда б нав рло я не знала. Ст. 26: слетел в нее и... Ст. 32: Я друга пировать на похоронах стал.); 2) в Ак. Наук. (III, л. 52: беловая и черновая, с вариантом заглавия: «Лыстец»). См. П. С. С., IV, с. 429—430; Ильинский. Рец., с. 443.

3. *Крестьянин и Лошадь*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 363—364); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф. В примеч. В. В. Каллаша отличия опущены. Ст. 12: Все б было более похоже то на статью. Ст. 19: Но с древности начав — в наш даже самый век.); 2) в Ак. Наук (два автографа: III, л. 63; V, лл. 4—5). См. Ильинский. Рец., с. 443.

4. *Белка*. 1830 г. Впервые напеч. в «Мо-

«ковском Телеграфе» (1830 г., XXXIII, с. 74) и в изд. 1839 г. (ч. VIII, с. 365—366); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф); 2) в Ак. Наук (III, л. 53, с заглавием, которого нет в печатном тексте:

На что ж орехи ей? Пустое только бремя:
Награда дорога, когда она во время.)

См. Ильинский. Рец., с. 440.

5. *Шука*. 1830 г. Впервые напеч. в «Литературной Газете» (1830 г. 1, с. 143, 27 марта). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф); 2) в Ак. Наук (III, лл. 54—55). См. П. С. С., IV, с. 430; Ильинский. Рец., с. 448.

6. *Кукунка и Орел*. 1830 г. (?) Впервые напеч. в изд. 1830 г. (ч. VIII, с. 368—369); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (в альбоме С. П. Ватюшковой, рожд. Кривцовой); 2) в Ак. Наук (III, л. 55). См. П. С. С., IV, с. 430—431; Ильинский. Рец., с. 443.

7. *Бритвы*. 1828 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах» (1829 г., с. 67—68); черенка, по желанию автора, в исправленном виде, в «Подснежнике» (СПб. 1829 г., с. 29—30); после перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (Из Олешинских бумаг. Отличия в примеч. В. В. Каллаша опущены: Ст. 5—6 нет; Ст. 29: при себе лишь только дураков. В Публ. Библ. хранится еще чистый лист с автографом варианта заглавия этой басни: «Тупые бритвы». Сама басня не написана.) 2) в Ак. Наук (III, лл. 58—59 два автографа). См. П. С. С., IV, с. 431; Ильинский. Рец., с. 440.

8. *Сокол и Червяк*. 1830 г. Впервые напеч. в изд. 1830 г. (ч. VIII, с. 377—378); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Публ. Библ. в Ленингр. (два отдельных автографа). См. Ильинский. Рец., с. 447.

9. *Бедный Богач*. 1828 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах» (1829 г., с. 127—130); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (а) отдельный автограф, под заглавием: «Скупой Богач». Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Ст. 4: Да и к чему. Ст. 23: Богатым быть — теперь. Ст. 25: Поколе будешь. Ст. 41: говорит: довольно я богат. б) из Оленинских бумаг — список с собственноручной подписью автора); 2) в Ак. Наук (III, лл. 34, 36: два автографа). См. Ильинский. Рец., с. 440.

10. *Булат*. 1830 г. Впервые напеч. в изд. 1830 г. (ч. VIII, с. 381—383); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф. Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Ст. 15: Копьком. Ст. 25: я был опасен); 2) в Ак. Наук (III, л. 42: 3 черновых рукописи). Ср. стихотворение кн. П. А. Вяземского: «Статуя Геркулеса и Прохожий» (1823 г.). См. П. С. С., IV, с. 431—432; Ильинский. Рец., с. 440.

11. *Кунец*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 383—384); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф, без вариантов); 2) в Ак. Наук (III, л. 59).

12. *Публики и Паруса*. 1827 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах» (1829 г., с. 149—150). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (а) отдельный беловой автограф. Отличия, опущенные в прим. В. В. Каллаша: Ст. 3: выставил из люков. Ст. 11: как будто графского или княжеского сапу. Ст. 28—29: По воле ветров и палов Стал по волнам носиться как колода. Ст. 30: II в первой...; б) из Оленинских бумаг — список с собственноручною подписью Крылова и его поправками); 2) в Центральном архиве в Ленингр. (из б. Библиотеки Зимнего Дворца, собрание кн. А. Б. Лобанова-Ростовского). Басня направлена против «зазнавшейся воеппиши» (Каллаш). См. П. С. С., IV, с. 432—433; Ильинский. Рец., с. 447; Каллаш. К лит. ист., с. 308—309. (Рапция редакция басни «Пушки и Паруса».)

13. *Осел*. 1830 г. Впервые напеч. в изд. 1830 г. (ч. VIII, с. 388—389); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф. Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Ст. 3: Что им не мог крестьянин похвалиться. Ст. 6: стал важнее и гордится. Ст. 17: Куда ни суетесь великой господи. Ст. 20: то из ржи. Ст. 28: То паут не так приметей.); 2) в Ак. Наук (III, л. 47). Ср. басню Эзопа «Собака». См. Ильинский. Рец., с. 446.

14. *Мирон*. 1829 г. Впервые напеч. там же (с. 385—386); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф. Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Ст. 21: что собак он держит столь лихих. Ст. 25: Как доступ в знатные мудрен падагы); 2) в Ак. Наук (III, лл. 33 и 37: два автографа). См. П. С. С., IV, с. 433; Ильинский. Рец., с. 444.

15. *Крестьянин и Лисица*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 387); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф); 2) в Ак. Наук (III, л. 38). См. П. С. С., IV, с. 433; Ильинский. Рец., с. 443.

16. *Собака и Лошадь*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 392); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф, без вариантов); 2) в Ак. Наук (III, л. 54).

17. *Филин и Осел*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 390—391); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный автограф, с добавлением правоучения, опущенного в печатном тексте:

Иному также и ученье
Не пользу, но одно наводит ослепление.
До книг он все еще бредет прямым путем,
А с книгами чем более знаком,
Тем более голоза его и идет кругом.
Не дай бог в путь идти с таким проводником!)

2) в Ак. Наук (III, л. 50, под заглавием: «Осел и Филин»). См. П. С. С., IV, с. 433—434; Ильинский. Рец., с. 448.

18. *Змея*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 395—396); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный беловой автограф. Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша, указали в рецензии Л. К. Ильинского, кроме варианта в ст. 27: На де-

реве одном опасно быть с тобой); 2) в Ак. Наук (III, лл. 30—32). См. П. С. С., IV, с. 434; Ильинский. Рец., с. 442.

19. *Волк и Кот*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 397—399); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный белой автограф); 2) в Ак. Наук (III, л. 48: две черновые рукописи; одна — под заглавием: «Волк и Охотники»). См. Ильинский. Рец., с. 441.

20. *Леци*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 399—400); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (отдельный белой автограф. Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Ст. 7: Напускать. Ст. 12: Или прожорливость ты шук...); 2) в Ак. Наук (III, лл. 51 и 56: два автографа; в одном — заглавие: «Леци и Шук»).).

21. *Водопад и Ручей*. 1816 г. Впервые напеч. в «Трудах Любителей Российской Словесности» (1817 г., VII, с. 65, под заглавием: «Ручей и Водопад»). Рукопись (в примеч. В. В. Каллаша и рецензии Л. К. Ильинского не указана) — в Публ. Библ. в Ленингр. (в альбоме, купленном в 1859 г. у Андреева, л. 67. Вписана в альбом 8 марта 1844 г., с примечанием кн. П. А. Вяземского: «Писано собственноручно И. А. Крыловым». Отличия: Ст. 2: Целебному ручью. Ст. 9: смиренно отвечал.). См. П. С. С., IV, с. 434.

22. *Лев*. 1830 г. Впервые напеч. в изд. 1830 г. (ч. VIII, с. 393—394); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. (отдельный белой автограф. Вариант, опущенный в примеч. В. В. Каллаша и в ред. Л. К. Ильинского, в ст. 12: «Кто для тебя жалеть подумает своей...» Рукопись оканчивается стихами, опущенными в печатном тексте:

А кажется, когда б усердые говорило

Их языком,

Не худо бы пример подать собою было);

2) в Ак. Наук (III, л. 18: черновая). См. Ильинский. Рец., с. 443.

23. *Три Мушкетера*. 1830 г. Впервые напеч. там же (с. 400—402); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (III, лл. 56—57: два автографа, с вариантами правоучения). См. П. С. С., IV, с. 435.

КНИГА IX.

1. *Пастих*. 1833 г. I, Спб. 1833 г. Впервые напеч. в «Новоселье» (с. 401—402); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (IV, лл. 10—11. Отличие, опущенное в примеч. В. В. Каллаша, в ст. 17: бранит его весь свет.).

2. *Велка*. 1833 г. Впервые напеч. там же (с. 402—403); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (III, л. 23; IV лл. 11—12: два автографа. Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Ст. 15: Тут улетая, дрозд... Ст. 16: да все на том же... Ст. 19: Ну кажется, из кожи...).

3. *Мыши*. 1833 г. Впервые напеч. там же (с. 404—405). Рукописи: 1) в Ак. Наук (III, л. 29, под заглавием: «Две мыши». Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Стиха 6-го нет.

Ст. 7: И что диковинки? Как слышно, капитан. Ст. 14: я распустила веши. Ст. 15: А видно — только... Ст. 17: неужель. Ст. 22: Меж тем корабль... Ст. 28: А достальное все одна лишь клевета); 2) в б. Румянц. Музее (Ленинская Публ. Библ.) — отдельный автограф. См. П. С. С., IV, с. 436; Каллаш. К лит. пет., с. 312.)

4. *Лиса*. 1833 г., Впервые напеч. там же (с. 405—406). Рукопись — в Ак. Наук (III, л. 20: черновая). Сюжет взят из русской сказки о лисе. См. П. С. С., IV, с. 436.

5. *Волк и Овцы*. 1833 г. Впервые напеч. там же (с. 407—408); перепечатывалась без перемен. Рукопись — в Ак. Наук (IV, лл. 11—12: черновая).

6. *Крестьянин и Собака*. 1833 г. Впервые напеч. там же Спб. 1834, (II, с. 473—474); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (IV, лл. 27, 28: два автографа; один — под заглавием: «Собака и Мужик». Отличия, опущенные в примеч. В. В. Каллаша: Ст. 3: паница в деревне — двор стеречь. Ст. 6: Какой же вздор. Ст. 7: Читатель станет говорить... Ст. 19: Хозяин жизни стал не рад. Ст. 30: Что хлеб тогда печи сбрасался). См. Каллаш. О хронологии, с. 218.

7. *Два Мальчика*. 1833 г. Впервые напеч. в «Библиотеке для Чтения» (1836 г., XIV, с. 65—66); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (список, с авторскими поправками. В рецензии Л. К. Ильинского не отмечен зачеркнутый вариант в стихе 16-м: Утром и жабой извивался); 2) в Ак. Наук (IV, лл. 29—30, 32). Ср. басню Лафонтена «Le singe et le chat». См. П. С. С., IV, с. 436; Каллаш. О хронологии, с. 218.

8. *Разбойник и Извозчик*. 1833 г. Впервые напеч. там же (1834 г., III, с. 235); перепечатывалась без перемен. Рукописи — в Ак. Наук (IV, лл. 13, 24—26, 30, 35: пять автографов; III, л. 23: одно только заглавие: «Разбойник и воз пузурей»). См. П. С. С., IV, с. 436—437; Каллаш. О хронологии, с. 218.

9. *Лев и Мышь*. 1833 г. Впервые напеч. там же (с. 236); перепечатывалась без перемен. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (из собрания Саввантова, под заглавием: «Лев и Мышонок»); 2) в Ак. Наук (IV, лл. 26, 30: два автографа). «Образцом послужила басня Лафонтена «Le Lion et le Rat», которую перевел Сумароков. См. П. С. С., IV, с. 437; Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 443.

10. *Куржика и Петух*. 1833 г. Впервые напеч. в сборнике: «Сто русских литераторов» (Спб. 1841 г., II, с. 15—16). Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (список, с авторскими поправками); 2) в Ак. Наук (IV, лл. I, 3, 28—29, 31—32: 7 редакций). Басня высмеивает Булгарина и Греча, писавших друг другу неумеренные похвалы. См. П. С. С., IV, с. 438—439; Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 443.

11. *Вельможа*. 1833 г. Впервые напеч. в «Сыне Отечества» (1836 г., ч. 175, с. 64); перепечатывалась без перемен. М. Е. Лобанов называет ее последней и относит к 1835 г. Рукописи: 1) в Публ. Библ. в Ленингр. (список, с автор-

скими поправками); 2) в Ак. Наук (IV, лл. 1. 33—34: два автографа). По словам В. А. Олениной («Литературный Архив», с. 75), «цензура два

года не разрешала печатать» эту басню. См. П. С. С. IV, с. 439—440; Каллаш. О хронологии, с. 218; Ильинский. Рец., с. 441.

II. ПРИМЕЧАНИЯ К БАСНЯМ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫМ АВТОРОМ В «IX КНИГУ», И К ИЗБРАННЫМ СТИХОТВОРЕНИЯМ ДРУГИХ ЖАНРОВ

1. *Павлин и Соловей*. 1788 г. Впервые напеч. в «Утренних Часах» (1788 г., ч. II, 28 сентября, с. 80); перепечатана в статье Ф. А. Витберга: «Первые басни П. А. Крылова» (в «Изв. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук.» т. V, 1900 г., кн. I, и отд. «исправленный оттиск», Спб. 1900 г., с. 47—48). См. П. С. С. IV, с. 336.

2. *Лев и Человек*. 1809 г. Впервые напеч. в изд. басен 1809 г.; затем в изд. 1811 г. и более при жизни автора не перепечатывалась. Здесь печатается по изд. 1811 г., с поправкой в стихе 25-м: «Вот посмотри», вместо: «Взгляни», на основании авторской поправки в экз. басен 1811 г. (в Историч. Музее в Москве). См. П. С. С., IV, с. 343; Каллаш. К лит. ист., с. 308.

3. *Пестрые Овцы*. 1821—1823 г. Впервые напеч. В. В. Каллашом в Полном собрании сочинений (IV, с. 64—65). Вероятно, предназначалась автором для издания басен 1825 г., но, в силу цензурных затруднений, в издание не попала (Каллаш). Рукопись — в Ак. Наук (в Савельевских бумагах: 6 редакций). Здесь печатается по белой рукописи. В. В. Каллаш в примеч. высказывает мнение, что «эта очень смелая в общем басня затрагивала университетский вопрос». См. П. С. С., IV, с. 347—349.

4. *Пир*. Не ранее 1811 г. Впервые напеч. в Крыловском Академическом Сборнике 1869 г. (с. 272—273). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (из Оленинских бумаг, с пометкой В. А. Олениной: «Эта басня в то время, как была написана Крыловым, цензура запретила ее печатать. В. Ал. явля. Равно как и два года басню Вельможа не позволяли печатать»). (См. П. С. С., IV, с. 356).

5. *Стыдливый игрок*. 1788 г. Впервые напеч. в «Утренних Часах» (1788 г., ч. I, 18 мая, с. 79—80); перепечатана Ф. А. Витбергом в названной статье (с. 45—46). См. П. С. С., IV, с. 335—336.

6. *Судьба игроков*. 1788 г. Впервые напеч. в «Утренних Часах» (1788 г., ч. II, 17 августа, с. 80); перепеч. в названной статье Ф. А. Витберга (с. 46—47).

7. *Не во время го-ти*. 1788 г. Впервые напеч. анонимно в «Утренних Часах» (1788 г., III, с. 32, под заглавием «Недовольный гость-стихотворец»); с измененным заглавием перепечатано анонимно же в «Зрителе» (1792 г., I, с. 111), текст которого и воспроизводится в настоящем издании. См. П. С. С., ч. IV, с. 336.

8. *Шуточные басни в Приложении* (1825 г.). Впервые напеч. В. В. Каллашом в «Известиях Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук» (IX, 1904, кв. 2, с. 289—291: «Из неизданных сочинений П. А. Крылова»). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр. (из Оленинских бумаг: список, сделанный рукой В. А. Олениной, с авторскими поправками). Эти басни — пародия на басня гр. Д. И. Хвостова (см. их издание

1804 г.). Писал на них пародии и кн. П. А. Вяземский. См. П. С. С., IV, с. 357.

9. *Эпиграмма к N...* 1786 г. Впервые напеч. в журнале: «Лекарство от скуки и забот» (1786 г., I, с. 268—269). См. П. С. С., IV, с. 335.

10. *Эпиграмма II Часто вопрошающему*. 1786 г. Впервые напеч. анонимно там же (с. 278). См. П. С. С., IV, с. 335.

11. *А. П. Клушину*. 1792 г. Впервые напеч. Н. П. Лихачевым в «Волжском Вестнике» (1886 г., № 169). Написана на франц. экземпляре басен Лафонтена (1772 г.), подаренном Крыловым Александру Ивановичу Клушину, другому соиздателю. Клушин на книге сделал примечание: «подарена любезным другом П. А. Крыловым, июля 29-го дня 1792 г. в бытность в типографии; по причине нашей разлуки на время». Указанная книга — у акад. Н. П. Лихачева в Ленинграде.

12. *Эпиграммы*. 1812 г. Впервые напеч. В. В. Каллашом там же, где «Шуточные басни» (с. 292—293). Рукопись в Публ. Библ. в Ленингр. (Из Оленинских бумаг — автографы). 2-я эпиграмма метит в Наполеона, Барклай-де-Толли, замененного Кутузовым, и адмирала Чичагова, пропустившего Наполеона при Березине. См. П. С. С., IV, с. 343—344.

13. *Е. П. Полторацкий*. 1817 г. Впервые напеч. в «Северной Пчеле» (1856 г., № 106). Надпись на книге: «Три новые басни Крылова (Спб. 1817 г.), подаренной сочинителем Елизавете Павловне Полторацкой. См. П. С. С., IV, с. 344.

14. *П. Н. Львовой*. 1817 г. Факсимиле этой надписи (при поднесении издания басен 1817 г.), местонахождение оригинала которой неизвестно, прилагалось к Плетнерским изданиям 1847 и 1859 г. Прасковья Николаевна Львова, в замужестве Бороздина, — дочь Н. А. Львова, у дяди которого в Твери учился в детстве Крылов. См. П. С. С., IV, с. 344.

15. *Эпиграмма 1819—1820 г.* Впервые напеч. М. Е. Лобановым в статье: «Жизнь и сочинения И. А. Крылова», в «Сыне Отечества» (1817 г., I с. 64), с объяснением: «па одной брошюре: «Некоторые мысли о сущности басни», изданной одним из плохих наших баснописцев и ему в дар присланной...» Автор брошюры (оттиск из «Трудов Вольного Общества Любителей Русской Слоvesности» 1819 г., VI, с. 26—48) — гр. Д. И. Хвостов. См. П. С. С., IV, с. 344—345.

16. *Эпиграмма рецензенту поэмы «Руслан и Людмила»*. 1820 г. Впервые напеч. анонимно в «Сыне Отечества» (1820 г., 64, с. 233, 17 сент.) См. П. С. С., IV, с. 345—346.

17. *Эпитафия*. 1829 г. Впервые напеч. в «Северных Цветах» (1829 г., с. 11). См. П. С. С., IV, с. 350.

18. *Эпиграмма*. 1825 г. Впервые напеч. В. В. Каллашом там же, где «Шуточные басни» (с. 292). Рукопись — в Публ. Библ. в Ленингр.

(из Оленинских бумаг: вырезанный из альбома список, сделанный рукой В. А. Олениной, с датой: «Приютину 16-го августа 1825 года» и припиской А. Н. Оленина: «Составлено и написано для шутки И. А. Крыловым.») См. П. С. С., IV, с. 350.

19. *Эпиграмма*. 1834 г. Впервые напеч. в «Русском Архиве» (1869 г. стлб. 074). Написана на перевод М. Деларю стихотворения В. Гюго: «Enfant, si j'étais roi, je donnerais l'empire»... — в «Библиотеке для Чтения» (1834 г., кн. 12, с. 131—132: «Красавице»). Деларю и цензор А. В. Никитенко подверглись за этот перевод административному преследованию. См. Дневник Пушкина, под 22-м декабря 1834 г. См. П. С. С., IV, с. 352—353.

20. *На перевод «Альпы»*. 1786 г. (?) Впервые напеч. в «Русском Архиве» (1863 г., с. 895). Карабановский перевод сочинения Вольтера: «Альзира или американцы» издавался в 1786, 1798 и 1811 гг. См. П. С. С., IV, с. 355.

21. *Эпиграмма*. 1804 г. Впервые напеч. Н. И. Гречем в «Учебной книге Российской словесности» (см. изд. 1844 г., III, с. 212). Перевод «Науки о стихотворстве» Буало был сделан гр. Д. И. Хвостовым (Спб. 1804). См. П. С. С., IV, с. 355—356.

22. *Эпиграмма*. Напеч. П. А. Плетневым в обоих его изданиях Соч. Крылова. См. П. С. С., IV, с. 357.

23. *Шуточные эпиграфы*. 1825 г. (?) Впервые напеч. В. В. Каллашом там же, где «Шуточные басни» (с. 291—292). Рукописи — в Публ. Библ. в Ленингр. (из Оленинских бумаг: вырезанные из альбома списки, сделанные рукой В. А. Олениной, с авторскими поправками). Визу 1-й эпиграфы — рисунок (А. Н. Оленина?), изображающий могильный холм (из пудры) с воткнутым

в него гребешком. — См. П. С. С., IV, с. 357.

24. *Послание о пользе страстей*. 1808 г. Впервые напеч. в «Драматическом Вестнике» (1808 г., V, 138—144). См. П. С. С., IV, с. 343.

25. *Письмо о пользе желаний*. (1780-х гг.?) Впервые напеч. по смерти в изд. Плетнева, в отделе стихотворений. См. П. С. С., IV, с. 357.

В настоящем издании не напечатаны следующие стихотворения, помещенные В. В. Каллашом в IV томе П. С. С.: 1) Стихотворения и басни, приписываемые Крылову (15 пьес. См. П. С. С., IV, с. 443—455 и прим., с. 456—465); 2) несбывшиеся творческие замыслы Крылова (см. там же, с. 468—472); 3) из отдела стихотворений Крылова (35 пьес, стр. 3—112): Ода «Утро», «Ода на заключение мира России с Швециею», «Утешение Аниоте», «Мое оправдание к Аниоте», «К другу моему, А. И. К.» (Клушину), «Ода на случай ф-йерверка...», «К счастью», «Мой отъезд. Песня», «Стихи, назначенные послать к ... при портрете Екатерины II...», «Подражание псалму XVII...», «Ода. Вольное подражание псалму...», «Вечер», «А. А. Ржевскому», «Послание В. П. Ушаковой», «Три поцелуя», «А. Н. Оленину», «Маскаральное стихотворение. Талия», «Маскаральное стихотворение. Кравчий», «Эпитафия Е. М. Олениной», «Отрывок из Одиссеи», «Экспромпт», «Подражание псалмам» (6 пьес), «На случай грозы в деревне», «К спящему дитяти», «Уединение», «Выбор из Песни Песней Соломона», «На новый год», «Блаженство», «Сонет к Нине», «Ночь», «Отъезд из деревни».

В «Изв. по русск. яз. и слов. Акад. Наук СССР», 1930 г., т. III (стр. 1—27) К. Я. Гротом напечатано анонимное сатирическое стихотворение конца 1796 г. — «Письмо Тлостоменна к Растрепину» Грот доказывает, что автор этой сатиры — Крылов.

III. ПРИМЕЧАНИЯ К ИЗБРАННЫМ ДРАМАТИЧЕСКИМ СОЧИНЕНИЯМ

1. *Подщипа*. 1800 г. Эта «шутно-трагедия в двух действиях, в стихах», подлинная рукопись которой не сохранилась, — сочинение П. А. Крылова 1800 года в селе Казацком: — так обозначено на заглавном листе авторизованного списка пьесы, принадлежавшего М. Е. Лобанову.¹ В Казацком — киевском имении кн. С. Ф. Голицына, бывшего тогда под надзором Голицына — Крылов прожил с 1797 г. до весны 1801 г. Здесь впервые пьеса была сыграна на домашнем театре, причем сам автор исполнял роль Трумфа; роль цыганки играла его 13-летняя ученица М. П. Сумарокова, сообщившая впоследствии Я. К. Гроту свои воспоминания о «Подщипе». (См. «Труды» Грота, III, Спб. 1901, с. 241—242). Другое заглавие этой пьесы: — «Трумф», — судя по другим спискам (без поправок автора) и по посмертному берлинскому изданию «Трумфа», 1859 г., сделанному по нецелесообразному списку. Вторично эта пьеса была напечатана по указанному Лобановскому списку (с авторскими по-

правками) В. Ф. Кеневичем в «Русской Старине», 1871 г. (февраль, с. 163—200, 536, 643—646), с кратким его предисловием и при мечанием редакции (М. П. Семевского). В третий раз пьеса была издана в 1880 г. (Пб.) по нецелесообразному списку Веселии. В основу нового издания «Трумфа» в П. С. С. Крылова (т. I, П. 1904, или перепечатка 1918 г., с. 397—444) В. В. Каллаш положил три списка: 1) Лобановский (изд. в «Русской Старине»); 2) из библиотеки Сандуцова (в Историч. Музее в Москве) и 3) ему принадлежавший список.²

В настоящем издании «Подщипа» (или «Трумф») напечатана по Лобановскому авторизованному списку, как наиболее авторитетному; исправлены только несомненные опечатки и пропуски.

² При этом В. В. Каллаш воспользовался и рукописью Полторацкого (в б. Румянц. Музее) и рукописью Публ. Библ. в Ленингр. (Ф. XIV. № 61). Нам известны еще два списка, хранящиеся в Пушкинском Доме (в архиве П. Е. Великогопольского и в библиотеке Пушк. Дома).

¹ Это же заглавие и в 2-х списках, найденных Я. К. Гротом в бумагах Г. Р. Державина.

Близость Крылова к опальному кн. С. Ф. Голицыну создала опальную участь его «шутотрагедии», в которой увидели политическую сатиру на Павла I и его гатчинских немцев. Но «сатирический дух» (см. М. Е. Лобанов. «Жизнь и сочинения И. А. Крылова». Спб. 1847, с. 24—30) не был правильно понят ни в свое время, ни позднее первыми издателями (полного собрания сочинений Крылова (1847 и 1859 г.), не включившим в него из цензурных опасений веселую пьесу. Тишечские нравы Павловской эпохи, правда, пали в слабой степени сатирическое изображение в «Поддипе»,¹ но над этим сильно доминирует основная пародия — сатира на ту патетическую классическую трагедию, которая господствовала на русской сцене конца XVIII — начала XIX в.

Лобанов справедливо назвал «создания характеров Вакулы, Поддипы и Салюния» — «карикатурно-гениальными». Пушкин-липеист обесмертил «Поддипу» в своем «Городке» (1814 г.):

И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомену
Котурны и книжки,
Игривой Талье дал!
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я, с Чернявкой
Поддипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь Совет:
В трагическом смятении
Пленные цари,
Забыв войну, сражены,
Играют в кубари...

2. *Модная лавка*. 1806 г. По свидетельству Н. И. Греча («Северная Пчела», 1857 г., № 147), «Модная лавка» и «Урок дочкам» написаны Крыловым по внушению А. Н. Оленина. Военные события 1805—1806 гг. охладили галломанию русских и позволили писателям того времени, в числе их и Крылову, обрушиться сатирой на модное увлечение иностранцем. Тема «Модной лавки» уже была затронута в журнале «Утренние часы» (1788 г., IV, с. 37—48), в котором сотрудничал и Крылов.

Впервые на сцене «Модная лавка» была поставлена в Петербурге 27 июля 1806 г. Играли («отменно хорошо») Рыкалов (Сумбуров), Рахманова (Сумбурова), Жебелев (Трпше), Попомарев (Антропка), Каратыгин (Лестов), Ежова (Каре), Бельё (Маша) — лучшие актеры того времени. (См. Арапов. Летопись русского театра, с. 174—175; «Липей» 1806 г., III, с. 100—103.) В Москве комедию собирались ставить в марте 1807 г. (см. «Записки Жихарева». М. 1891 г., с. 348). Жихарев же дал описание одного из позднейших представлений комедии. (См. там же, с. 442—443). Многократные удачные постановки этой комедии, не сходящей с репертуара до 1840-х гг., создали ей большой успех. Впервые

напечатана она была в 1807 г. 2-е издание вышло в 1816 г. По этому изданию она была перепечатана В. В. Каллашом в П. С. С. Крылова (т. II, с. 10—92, вводная статья — с. 3—9), с несколькими опечатками и редакторскими поправками (см. Ильинский. Рец., с. 425—428). В настоящем издании текст комедии точно воспроизводится по изданию 1816 г.

Современная критика восторженно отзывалась о «Модной лавке», в которой Крылов в комическом плане сделал установку на современный быт (см. «Сын Отечества» 1817 г., ч. 39, с. 92), осмеял мотовство и «чужебные», «столичную провинциальную галломатию» (см. «Записки Вигеля, III—V, М. 1892, с. 125; «Драматической Вестник» 1808 г., I, с. 9—15; Сочинения С. Т. Аксакова. М. 1896, IV, с. 390—391; из «Московского Вестника» 1828 г.; «Записки Жихарева», с. 409—410; отзыв Булгарина в «Северной Пчеле» 1847 г., № 8). Посмертные похвалы воздали этой комедии Плаксин (в некрологе в «Журнале Министерства Народного Просвещения» 1845 г., с. 38—39) и Лобанов («Жизнь и сочинения И. А. Крылова», Спб. 1847 г., с. 32), назвавший ее «истинно оригинальной», «без великой примеси подражания», «доказывающей великий комический талант Крылова». Д. Н. Бантыш-Каменский в своем словаре (т. II, 1847, с. 204—205) отметил, что «Модная лавка» и «Урок дочкам» «доселе сохранили свое достоинство». Последующая критика, начиная с Плетнева, строго отнеслась к «Модной лавке» и, если не всегда отрицала художественные достоинства комедии, то все же отмечала утрировку в изображении пороков общества, «изысканность» в подробностях действий, утомляющую зрителя, но не проникающую в его сердце. (См. Соч. и переписка Плетнева, II, с. 67—68.)

3. *Урок дочкам*. 1806—1807 г. Первое издание этой комедии вышло в 1807 г.; второе — в 1816 г. С издания 1816 г. В. В. Каллаш перепечатал ее в П. С. С. Крылова (т. II, с. 180—228; вводная статья — с. 177—179). Впервые на сцене она была поставлена 18 июня 1807 г. (см. Арапов, с. 181), сочинена же не позднее 25 января 1807 г. (см. «Записки Жихарева», с. 284). Образцом послужила Крылову комедия Мольера: «Les précieuses ridicules» («Смешные жеманницы»). Ослеплению галломанией «дочек» противопоставлен патристический дух их отца. Современники Крылова восхищались этой комедией, как и «Модной лавкой» (см. Лобанов, с. 44; гр. Д. И. Хвостов. Полн. Собр. стих., III, Спб. 1829, с. 24—29; «Северная Пчела», 1855 г., № 259, 264). В «Драматическом Вестнике» 1808 г. (I с. 72) напечатано было анонимное стихотворение (кн. Д. П. Горчакова²), посвященное автору «Урока дочкам». Вот начало его: ²

Любя отечество, люблю я тех душой,
Которы обеще не страдают слепотой,
На моды не смотря, привычки тем гордиться,
Что привела судьба их русскими родиться.
В числе их ты, Крылов, и, дочкам дав урок,
Соотчий драгих являешь нам порок,
Осмеывая то постыдно состоянье,

² Полностью оно перепечатано в вводной статье В. В. Каллаша (см. П. С. С., II, с. 178).

¹ Гораздо значительнее памфлет на режим Павловского царствования в приписываемом К. Я. Гротом Крылову сатирическом «Послании от Толстошеина и к Растрепинну». См. вышеуказанную статью К. Я. Грота.

В которо привело нас модно воспитанье.
С каким искусством ты умел то описать,
Что всякий день должны, к несчастью, мы
встречать!..

В настоящем издании комедия напечатана по тексту 1816 г. (см. выше).

Кроме напечатанных в настоящем издании трех избранных комедий Крылова, известны еще его 9 драматических сочинений, опублико-

ванных в П. С. С., т. I (с. 3—528) и т. II (с. 3—294): «Кюфейница» — комическая опера (1782—1784 гг.), «Филомела» — трагедия, в стихах (1786 г.), «Бешеная семья» — опера (1786 г.), «Сочинитель в прихожей» — комедия (1786 г.), «Проказники» — комедия (1787—1788 г.), «Американцы» — комическая опера (1788 г.), «Пирог» — комедия (1799—1801 г.), «Лентяй» — комедия в стихах (1800—1805 г.) и «Пльа Богатырь» — «волшебная опера» (1806 г.).

IV. ПРИМЕЧАНИЯ К ИЗБРАННЫМ СОЧИНЕНИЯМ В ПРОЗЕ

1. Из «Почты духов».

«Почта духов» — сатирический журнал, издававшийся с конца января 1789 г. Крыловым и П. Г. Рахманиновым. Всего вышло четыре части, содержание которых составляет переписка «арабского волшебника Маликульмулька» с «водяными, воздушными и подземными духами». В «Предупреждении» говорится от лица секретаря Маликульмулька, что «сочинители сих писем — все духи очень знающие... но только иные не любят крючкотворцев, ростовщиков и лицемеров, а иные не жалуют щегольства, волокитства и мотовства, и оттого де они никак не могут и ужиться в нынешнем просвещенном свете видимыми, почему ходят в нем невидимыми и бываю иногда так дерзки, что в самые критические часы посещают комнаты щеголих, присутствуют в кабинетах вельмож, снимают очень безобидно маски с лицемеров и выкрадывают иногда очень нахально и против всех прав общезнания из записных книжек любовные письма, тайные записки, стихи и проч. — чем де многие делают беспокоества в интригах и плутовствах»... С вольтеррианцем Рахманиновым Крылов сблизился в 1788 г., став сотрудником его журнала «Утреннее Часы». С этого года Рахманинов имел свою типографию и, год спустя, он принял на себя материальную сторону издания еженедельного журнала «Почта духов», в котором Крылов был (анонимно выступая) редактором всего журнала, автором «предупреждения», «вступления» и 21¹ (из 48) писем, а сотрудниками Крылова, также участвовавшими в журнале анонимно, были: сам Рахманинов, Пельский, А. Н. Радищев и, может быть, Н. Ф. Эмип. (См. И. Быстров. «Отрывки из записок моих о Крылове. «Северная Пчела», 1845, № 203; А. Н. Пыпин. «Крылов и Радищев», «Вестник Европы», 1868, V с. 421; В. В. Каллаш. Вводная статья в П. С. С. Крылова, т. II, с. 312; З. И. Чучмарев. «Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени», «Научные записки научно-исследов. кафедры истории европ. культуры». П. Гиз Украины 1927 г., с. 116—122.) Сатирические журналы Новикова «Трутень» (1769—1770 г.) и «Живописец» (1772—1773 г.), «Адская Почта» (1769 г.) Ф. Эмина послужили

образцами для «Почты духов», замысленной Крыловым и его кружком, как социально-общественная сатира. Сатирический талант Крылова выковался в «Почте духов» для духов» для позднейших его комедий и басен.

«Почта духов» остановилась на 48-м письме. Издание прекратилось из-за недостатка подписчиков, оставшихся литературной собственностью соиздателя Крылова — Рахманинова, в виде компенсации последнему за его расходы (см. П. С. С., II, с. 310, 313—317). В 1802 г. в Петербурге вышло 2-е издание (Свешникова) «Почта духов», при вероятном участии Крылова (см. там же, с. 310—311). С этого издания В. В. Каллаш переиздал весь журнал в П. С. С. (т. II, с. 321—515 и т. III, с. 3—199). В настоящее издание, в отделе избранных прозаических сочинений Крылова мы считаем необходимым перепечатать (по 1-му изданию «Почты духов» 1789 г.) только 21 письмо: Зора, Вестодава, Буристона и Оидна Борейда, несомненный автор которых — Крылов (см. П. С. С., II, с. 306 и 311; т. III, с. 189, прим.) Авторство писем (17) Дальновиды и Световида, не вошедших в настоящее издание, можно закрепить за Радищевым (см. вышеупомянутое исследование З. И. Чучмарева, выяснившего стилистические особенности Радищева в философских письмах названных духов); письма (10) Асторота, Выспрепара, Эмпедокла и Маликульмулька остаются под вопросом: кто их автор? Но редакционная работа над ними Крылова не подлежит сомнению.

2. *Ночи.* (Из журнальных статей.) Напеч. в журнале «Зритель» 1792 г. (ч. I, с. 70—80, 140—160, 228—250; ч. II, с. 95—116), издававшимся «Крыловым с товарищи» в собственной типографии Крылова. Журнал выходил ежемесячно, начиная с февраля 1792 г. и прекратился в декабре этого же года. Ближайшими сотрудниками Крылова были: Илывильчиков, А. И. Клаушн и И. П. Дмитриевский; кроме них сотрудничали: Вухарский, кн. Д. П. Горчаков, И. Воракин, кн. Хованский, гр. Д. И. Хвостов, В. Л. Пушкин, А. С. Шишков. «Зритель» архаического направления пытался вести литературную борьбу с «Московским Журналом» Карамзина, проводившего новые линии в развитии русской поэзии. Статья «Ночи» осталась в печати (в «Зрителе») не законченной.

3. *Речь, говоренная повесою в собрании дураков* (до 1791 г.)² Напеч. в «Зрителе» (ч. II, с. 42—58).

¹ Это число писем (сатирических) можно приписать Крылову с определенной достоверностью. (См. Плетнев. Соч. и переп., II, с. 48—49; В. В. Каллаш. Вводная статья в П. С. С. Крылова, т. II, с. 311—313.)

² П. С. С., III, с. 261, прим. 4-е.

4. *Каиб*. Восточная повесть. Напеч. в «Зрителе» (ч. III, с. 90—108, 257—306). Это одна из более удавшихся Крылову журнальных сатирических статей, в которых будущий баснописец «проглядывает больше всего», по меткому выражению В. В. Каллаша (См. П. С. С. Крылова, II, с. 301).

Другие статьи Крылова, помещенные в его «Зрителе», перепечатаны (вряду с «Ночи» и «Каиб») в П. С. С., т. III, с. 204—233; вступительная заметка В. В. Каллаша — с. 204: «Введение», «Рассуждение о дружестве», «Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума» и — «Похвальная речь в память моему дедушке.»

5 *Похвальная речь науке убивать время*. Напеч. в журнале «Петербургский Меркурий» (ч. I, с. 22—52), который издавали Крылов и А. И. Клушин в 1793 г. Сатирический пыл Крылова, проявившийся в «Почте духов» (1789 г.) и в «Зрителе» (1792 г.), остыл к 1793 г. Обстоятельства (помещение в журнале рецензии Клушина на трагедию Княжнина «Вадим Новгородский», в этом же году сожженной по указанию Екатерины II) принудили Крылова и Клушина выехать из Петербурга и передать издание И. И. Мартынову (4-я книжка). Другие статьи Крылова, в этом журнале напечатанные (перепечатаны в П. С. С., III, с. 342—385; всту-

пительная заметка В. В. Каллаша — с. 340). «Предисловие», «Примечания на комедию: Смех и Горе», «Похвальная речь Ермалафиду», «Театр» и [«Прощание с читателем»].

Из прочих сочинений Крылова в прозе, в настоящее издание не включенных,¹ известны его статьи (вошли в П. С. С., III, с. 386—395): «Несчастный Менос или пример сыновней любви к матерям (перевод с итальянского)»; Рецензия на драматическую переделку (1807 г.) повести Карамзина «Марфа Посадница»; переводы из Плутарха (греческого историка) и Платона (греческого философа), найденные и опубликованные В. В. Каллашом (в «Известиях Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук т. X, 1905 г., кн. 3, с. 339—359); наконец, письма к разным лицам (В. В. Каллаш собрал и напечатал письма (20) Крылова: к П. А. Соймову, Я. Б. Княжнину, Е. И. Бенкендорф, С. И. Беккендорф, М. П. Сумароковой, П. И. Соколову, А. А. Прокоровичу-Аптонскому, А. А. Оленину (2), В. А. Олениной (3), Н. И. Гнедичу, кн. Н. С. Голицыной, М. Н. Загоскину, бар. Ф. А. Бюлеру, М. Е. Лобанову, И. П. Быстрову (2), неизвестному, докладная записка. См. П. С. С., т. III, с. 396—432; вступительная заметка и примечания Каллаша — с. 395 и 433—446).

¹ О полноте издания П. С. С. под ред. В. В. Каллаша — см. Ильинский. Рец., с. 450.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИИ КРЫЛОВА

	Стр.		Стр.
Алкид	78	Заяц на ловле	41
Апеллес и Осленок	78	Зеркало и Обезьяна	68
Бедный Богач	101	Змея	105
Безбожники	32	Змея и Овца	91
Белка («В деревне, в праздник под окном»)	107	Б N.N.	116
Белка («У льва служила белка»)	99	Каб	286
Богач и Поэт	94	Камень и Червяк	67
Бочка	37	Квартет	56
Бритвы	100	Клеветник и Змея	75
Будат	102	А. И. Клушину	116
Булыжник и Алмаз	87	Колос	83
Бумажный Змей	57	Комар и Волк	115
Василек	27	Комар и Пастух	68
Вельможа	111	Коль и Всадник	63
Вельможа и Философ	35	Кот и Повар	48
Водолазы	65	Котел и Горшок	91
Водопад и Ручей	106	Котенок и Скворец	95
Волк и Волчонок	47	Кошка и Соловей	96
Волк и Журавль	80	Крестьяне и Река	63
Волк и Кот	105	Крестьянин в беде	45
Волк и Кукушка	42	Крестьянин и Змея («Змея к Крестьянину пришла проситься в дом»)	61
Волк и Лисица	57	Крестьянин и Змея («Б Крестьянину вползла змея»).	82
Волк и Мышонок	94	Крестьянин и Змея («Когда почти быть хо- чешь у людей»)	89
Волк и Овечка	109	Крестьянин и Лисица («Лиса Крестьянину однажды говорила»)	104
Волк и Пастухи	76	Крестьянин и Лисица («Скажи мне, ку- мушка»)	50
Волк и Ягненок	28	Крестьянин и Лошадь	99
Волк на псарне	38	Крестьянин и Овца	93
Ворона	97	Крестьянин и Работник	42
Ворона и Курица	24	Крестьянин и Разбойник	62
Ворона и Лисица	23	Крестьянин и Смерть	68
Вороненок	43	Крестьянин и Собака	109
Воспитанце Льва	51	Крестьянин и Топор	69
Голки	92	Кукушка и Горлышка	76
Госпожа и две Служанки	67	Кукушка и Орел	100
Гребень	77	Кукушка и Петух	111
Гуси	53	Купец	102
Два Голубя	30	Лань и Дервиль	55
Два Мальчика	110	Ларчик	24
Два Мужика	94	Лебедь, Щука и Рак	58
Две Бочки	77	Лев	106
Две Собаки	95	Лев и Барс	34
Демьянова уха	64	Лев и Волк	70
Дерево	52	Лев и Комар	49
Дикие Козы	91	Лев и Лисица	71
Добрая Лисица	63	Леч и Мышь	110
Дуб и Трость	23		
Ест Федька	118		

	Стр.		Стр.
Лев и Человек	112	Паук и Гром	115
Лев на ловле	62	Паук и Пчела	89
Лев, Серна и Лиса	99	Пестрые Овцы	113
Лев состаревшийся	98	Петух и Жемчужное Зерно	42
Лещи	106	Пир	113
Лжец	49	Письмо о пользе желаний	121
Лиса	103	Пловец и Море	79
Лиса строптель	74	Плотичка	88
Лисица и Виноград	82	Подагра и Паук	71
Лисица и Осел	90	Подстрига	123
Лисица и Сурок	39	Пожар и Алмаз	60
Листы и Корни	57	Полезен ли	117
Н. Н. Львовой	117	Е. И. Полторацкой	117
Любовь Марбёфовой	117	Послание о пользе страстей	119
Любопытный	62	Похвальная речь науке убивать время	302
Лягушка и Вол	25	Похороны	81
Лягушка и Юпитер	74	Почта Духов (Отрывки)	187
Лягушки, просящие Царя	33	Прихожанин	97
Мальчик и Змея	79	Прохожие и Собаки	39
Мальчик и Червяк	83	Пруд и Река	58
Мартышка и Очки	30	Пустышник и Медведь	60
Медведь в сетях	82	Пушки и Паруса	103
Медведь у Пчел	67	Пчела и Мухи	80
Мельник	87	Разбойник и Извозчик	110
Мехашик	59	Разборчивая Невеста	25
Мешок	48	Раздел	37
Мирон	104	Рецензенту поэмы «Руслан и Людмила»	117
Мирская сходка	64	Речь, говоренная повеюю в собранни ду- раков	282
Модная лавка	137	Роща и Огонь	27
Мои друг	118	Ручей	38
Мор Зверей	35	Рыбы пляски	96
Мот и Ласточка	87	Рыцарь	69
Музыканты	24	Свинья	53
Муравей	80	Свинья под дубом	89
Муха и Дорожные	54	Синица	29
Муха и Пчела	90	Скворец	58
Мыши	108	Скупой	93
Мышь и Крыса	65	Скупой и Курица	77
На перевод «Альзиры»	118	Слон в случае	72
Напраслина	75	Слон и Моська	47
Не во время гости	114	Слон на воеводстве	44
Ночи	264	Собака	55
Обезьяна	47	Собака и Лошадь	104
Обезьяны	29	Собака, Человек, Белика и Сокол	70
Обоз	43	Собачья дружба	36
Овцы и Собаки	62	Совет Мышей	86
Огородник и Философ	49	Сокол и Червяк	101
Оракул	26	Соловыи	92
Орел и Крот	56	Сочинитель и Разбойник	85
Орел и Куры	33	Старик и трое Молодых	52
Орел и Паук	54	Стрекоза и Муравей	39
Орел и Пчела	40	Стыдливый игрок	114
Осел («Был у Крестьянина Осел»)	103	Судьба игроков	114
Осел («Когда вселенную Юпитер населял»)	21	Тень и Человек	69
Осел и Заяц	115	Три Мужика	107
Осел и Мужик	79	Тришкин кафтан	59
Осел и Соловей	44	Троеженец	32
Откупщик и Сапожник	45	Трудолюбивый Медведь	84
Охотник	78	Туча	72
Павлин и Соловей	112	Гы ль это, Буало?	118
Парнас	26	Убогой этот дом	116
Пастух	107	Урок дочкам	168
Пастух и Море	81		

	Стр.		Стр.
Федул твердит	118	Эпиграфии	117
Филин и Осел	104	Эпиграммы:	
Фортуна в гостях	75	I К N	116
Фортуна и Нищий	73	II Часто вопрошающему	116
Хмель	72	Ест Федька	118
Хозяин и Мышь	46	Любви Марбёфовой	117
Цветы	61	Мой друг	118
Часто вопрошающему	116	На перевод «Альзиры»	118
Червонец	31	Полезен ли	117
Чиж и Голубь	65	Рецензенту поэмы «Руслан и Людмила»	117
Чиж и Еж	28	Ты-ль это, Буало?	118
Шуточные басни в Приютине	115	Убогой этот дом	116
Шуточные эпиграфии	119	Федул твердит	118
Щука	99	Эпиграфии шуточные	119
Щука и Кот	41	Эпитафия	118
		Ягнепок	85

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.
От редактора	3	22. Слон на воеводстве	44
Крылов и русская литература. — В. Сянов	5	23. Осел и Соловей	—
БАСНИ В ДЕВЯТИ КНИГАХ			
Книга первая:			
1. Воропа и Лисица	23	1. Откупщик и Сапожник	45
2. Дуб и Трость	—	2. Крестьянин в беде	46
3. Музыканты	24	3. Хозяин и Мышь	—
4. Воропа и Курица	—	4. Слон и Моська	47
5. Ларчик	—	5. Волк и Волчонок	—
6. Лягушка и Вол	25	6. Обезьяна	—
7. Разборчивая певичка	—	7. Мешок	48
8. Парнас	26	8. Кот и Повар	—
9. Оракул	—	9. Лев и Комар	49
10. Василек	27	10. Огородник и Философ	—
11. Роца и Оголь	—	11. Крестьянин и Лисица	50
12. Чиж и Еж	28	12. Воспитание Льва	51
13. Волк и Ягненок	—	13. Старик и трое молодых	52
14. Обезьяны	29	14. Дерево	—
15. Соница	—	15. Гуси	53
16. Осел	—	16. Свинья	—
17. Мартышка и Очки	30	17. Муха и Дорожные	54
18. Два Голубя	—	18. Орел и Паук	—
19. Червовец	31	19. Лань и Дервиль	55
20. Троеженец	32	20. Собака	—
21. Безбожники	—	21. Орел и Крот	56
22. Орел и Куры	33	Книга четвертая:	
Книга вторая:			
1. Лягушки, просящие Царя	33	1. Квартет	56
2. Лев и Барс	34	2. Листы и Корни	57
3. Вельможа и Философ	35	3. Волк и Лисица	—
4. Мор зверей	—	4. Бумажный Змей	—
5. Собачья дружба	36	5. Лебедь, Щука и Рак	58
6. Раздел	37	6. Скворец	—
7. Бочка	—	7. Пруд и Река	—
8. Волк на псарне	38	8. Тришкин кафтан	59
9. Ручей	—	9. Мехашка	—
10. Лисица и Сурок	39	10. Пожар и Алмаз	60
11. Прохожие и Собаки	—	11. Пустышка и Медведь	—
12. Стрекоза и Муравей	—	12. Цветы	61
13. Лжец	40	13. Крестьянин и Змея	—
14. Орел и Пчела	—	14. Крестьянин и Разбойник	62
15. Заяц на ловле	41	15. Любопытный	—
16. Щука и Кот	—	16. Лев на ловле	—
17. Волк и Кукушка	42	17. Копь и Всадник	63
18. Петух и Жемчужное зерно	—	18. Крестьяне и Река	—
19. Крестьянин и Работник	—	19. Добрая Лисица	—
20. Обоз	43	20. Мирская сходка	64
21. Вороненок	—	Книга пятая:	
		1. Демьянова уха	64
		2. Мышь и Крыса	65
		3. Чиж и Голубь	—
		4. Водолазы	—

	Стр.		Стр.
5. Госпожа и две Служанки	67	17. Скупой	93
6. Камень и Червяк	—	18. Богач и Поэт	94
7. Медведь у Пчел	—	19. Волк и Мышепок	—
8. Зеркало и Обезьяна	68	20. Два Мужика	—
9. Комар и Пастух	—	21. Котенок и Скворец	95
10. Крестьянин и Смерть	—	22. Две Собаки	—
11. Рыцарь	69	23. Кошка и Соловей	96
12. Чень и Человек	—	24. Рыбьи пляски	—
13. Крестьянин и Топор	—	25. Прихожанин	97
14. Лев и Волк	70	26. Ворона	—
15. Собака, Человек, Кошка и Сокол	—	Книга восьмая:	
16. Подагра и Паук	71	1. Лев состарившийся	98
17. Лев и Лисица	—	2. Лев, Серна и Лиса	—
18. Хмель	72	3. Крестьянин и Лошадь	99
19. Слон в случае	—	4. Белка	—
20. Туча	—	5. Щука	—
21. Клеветник и Змея	73	6. Кукушка и Орел	100
22. Фортунa и Нищий	—	7. Бритвы	—
23. Лягушка и Юпитер	74	8. Сокол и Червяк	101
24. Лиса — строитель	—	9. Бедный Богач	—
25. Напраслина	75	10. Булат	102
26. Фортунa в гостях	—	11. Купец	—
Книга шестая:		12. Пушки и Паруса	103
1. Волк и Пастухи	76	13. Осел	—
2. Кукушка и Горлашка	—	14. Мирон	104
3. Гребень	77	15. Крестьянин и Лисица	—
4. Скупой и Курница	—	16. Собака и Лошадь	—
5. Две Лочки	—	17. Филин и Осел	—
6. Алкид	78	18. Змея	105
7. Апейлес и Оселенок	—	19. Волк и Кот	—
8. Охотник	—	20. Лещи	106
9. Мальчик и Змея	79	21. Водопад и Ручей	—
10. Пловец и Море	—	22. Лев	—
11. Осел и Мужик	—	23. Три Мужика	107
12. Волк и Журавль	80	Книга девятая:	
13. Пчела и Мухи	—	1. Пастух	107
14. Муравей	—	2. Белка	—
15. Пастух и Море	81	3. Мыши	108
16. Крестьянин и Змея	82	4. Лиса	—
17. Лисица и Виноград	—	5. Волк и Овцы	109
18. Овцы и Собаки	—	6. Крестьянин и Собака	—
19. Медведь в сетях	—	7. Два Мальчика	110
20. Колос	83	8. Разбойник и Извозчик	—
21. Мальчик и Червяк	—	9. Лев и Мышь	—
22. Похороны	84	10. Кукушка и Петух	111
23. Трудолюбивый Медведь	—	11. Вельможа	—
24. Сочинитель и Разбойники	85	ОСТАЛЬНЫЕ БАСНИ И ИЗБРАННЫЕ	
25. Ягненок	—	СТИХОТВОРЕНИЯ	
Книга седьмая:		Басни:	
1. Совет Мышей	86	1. Павли и Соловей	112
2. Мельник	87	2. Лев и Человек	—
3. Булыжник и Алмаз	—	3. Пестрые Овцы	113
4. Мот и Ласточка	—	4. Пир	—
5. Плотичка	88	5. Стыдливой игрок	114
6. Крестьянин и Змея	89	6. Судьба игроков	—
7. Свинья под дубом	—	7. Не во время гости	—
8. Паук и Пчела	—	8. Шуточные басни в Прюгине	115
9. Лисица и Осел	90	Избранные стихотворения:	
10. Муха и Пчела	—	1. Эпиграмма к N...	116
11. Змея и Овца	91	2. Эпиграмма II часто вопрошающему	—
12. Котел и Горшок	—	3. А. И. Клушину	—
13. Дикие Козы	—	4. Эпиграммы	—
14. Соловьи	92	5. Эпиграфия	117
15. Голик	—	6. Е. П. Полторацкой	—
16. Крестьянин и Овца	93		

	Стр.		Стр.
7. П. Н. Львовой	117	ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПРОЗЕ	
8. Эпиграмма	—	Из «Почты Духов»	187
9. Эпиграмма рецензенту поэмы «Рус- лан и Людмила»	—	Из журнальных статей.	
10. Эпитафия	118	Ночи	264
11. Эпиграмма	—	Речь, говоренная повесою в собрании дураков	282
12. Эпиграмма	—	Кайб	286
13. На перевод «Альзиры»	—	Похвальная речь науке убивать время, говоренная в новый год	302
14. Эпиграмма	—	Краткие биографическкые све- дения о Крылове	308
15. Эпиграмма	—	Примечания	314
16. Шуточные эпитафии	119	Алфавитный указатель произведений Кры- лова	331
17. Послание о пользе страстей	—		
18. Письмо о пользе желаний	121		
ИЗБРАННЫЕ ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ			
Подшипка	123		
Модная лавка	137		
Урок дочкам	168		

ОГИЗ № 36118/л

Тираж 15140 экз.

Технич. редактор *А. Н. Николаев*.

Сдано в набор 29/xi—29 г. Подписано к печати 3/x—31 г.

Бумага печ. 73×104—21 печ. лист.

Количество печати, знаков на листе 72.384.

Заказ № 7421.

Ленинградский Областлит № 21651

Пес 3 руб.

№ 189 35 1.